

Алексей
Ракитин

Алексей Ракитин

СОЦИАЛИЗМ
НЕ ПОРОЖДАЕТ
ПРЕСТУПНОСТИ

СОЦИАЛИЗМ НЕ ПОРОЖДАЕТ ПРЕСТУПНОСТИ

кабинетный ученый
[kʌbɪn'etnyɪ utʃ'ɔ:nyɪ]
armchair-scientist.ru

Aleksey Rakitin

**“SOCIALISM DOES NOT
GENERATE CRIMINALITY”**

**Serial Crime in the Soviet Union:
Historical and Forensic Analysis**

**Armchair Scientist
Moscow – Ekaterinburg
2016**

Алексей Ракитин

«СОЦИАЛИЗМ НЕ ПОРОЖДАЕТ ПРЕСТУПНОСТИ»

Серийная преступность в СССР:
историко-криминалистический анализ

Кабинетный ученый
Москва – Екатеринбург

2016

ББК 67.408.1

P19

Ракитин, А.

- P19 «Социализм не порождает преступности». Серийная преступность в СССР: историко-криминалистический анализ / А. Ракитин — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. — 528 с.

ISBN 978-5-7525-3028-9

В книге российского писателя Алексея Ракитина раскрываются истоки и специфические формы серийных и массовых убийств в Советском Союзе. На фоне исторических реалий растянувшейся на многие десятилетия «борьбы за светлое будущее» разворачивается пугающая картина криминального разгула, посягавшего как на половую неприкосновенность, так и саму жизнь рядовых советских граждан. Описывая забытые, а для кого-то и неизвестные детали советского образа жизни, по возможности избегая неуместных подробностей кровавых преступлений, автор последовательно и неуклонно разоблачает мифы о всеобщем благоденствии и безопасности минувшей эпохи и невинности ее современников.

Книга адресована специалистам, а также интересующимся политической и криминальной историей Советской России.

ББК 67.408.1

18 +

ISBN 978-5-7525-3028-9

© Ракитин А., 2016

© Кабинетный ученый, 2016

Оглавление

Вступление	7
Глава 1. Судебная психология как наука: история развития, основные направления исследований. Краткий обзор формирования отечественной судебной психологии и девиантной социологии	12
Глава 2. «Социализм не порождает преступности»: как в Советском Союзе боролись с объективной реальностью	33
Глава 3. Серийные и массовые убийства как криминальный феномен. Успехи американских криминальных психологов в изучении причин и форм этого явления	66
Глава 4. Современные представления о факторах, приводящих к формированию потребности совершать повторяющиеся убийства. Классификация серийных убийц. Методика расследований преступлений с неочевидным мотивом	92
Глава 5. Массовые убийства	112
5.1. Массовый убийца Василий Котов (период активности: 1917–1922 гг.)	112
5.2. Массовый убийца Александр Лабуткин (период активности: 1933–1935 гг.)	124
5.3. Массовый убийца Михаил Целоусов (бойня в поселке Лямино Пермской области 11 февраля 1958 г.)	135
5.4. Массовый убийца Юрий Илясов (расстрел в селе Малый Мелик Саратовской области в ночь на 7 сентября 1964 г.)	147
5.5. Массовое убийство в Челябинске (резня 13 апреля 1973 г.)	165
5.6. Массовый убийца Александр Жидков (декабрьская бойня 1975 г. в Пермской области)	169

Глава 6. Массовые убийства в Советской Армии	178
6.1. Массовый расстрел в Курске в 1968 г. (бойня на Вокзальной площади 27 сентября 1968 г.).....	193
6.2. Массовый убийца Юрий Гаев (расстрел 23 ноября 1970 г.)	217
6.3. Массовый убийца Артурас Сакалаускас (расстрел караула 23 февраля 1987 г.).....	229
Глава 7. Серийные убийства	248
7.1. «Торговец с московского Конного рынка» Василий Комаров (Петров) (период активности: февраль 1921 г. — май 1923 г.).....	252
7.2. Владимир Винничевский — самый молодой серийный убийца Советского Союза (период активности: 1938—1939 гг.)	267
7.3. Мирный торговец картошкой с ленинградского рынка Филипп Тюрин (период активности: апрель 1945 г. — январь 1947 г.)	286
7.4. «Душитель с Обводного канала» Василий Филиппенко (период активности: 1967—1968 гг.).....	306
7.5. «Ворошиловградский маньяк» Завен Алмазян (период активности: март — ноябрь 1970 г.).....	336
7.6. Харьковское убийство 26 мая 1971 г.....	354
7.7. «Внуковский маньяк» Юрий Раевский (период активности: август — октябрь 1971 г.)	360
7.8. «Таганский маньяк» Андрей Евсеев (период активности: август 1974 г. — декабрь 1977 г.).....	376
Глава 8. Чикатило. Нерассказанная история «Ростовского монстра».....	408
Послесловие	521

Вступление

История отечественной криминалистики и уголовного сыска, особенно в той ее части, что относится к советской эпохе, имеет множество мифов и «зон умолчания». Их существование объясняется как самой спецификой этих тем, не предполагающих широкого обсуждения методов и способов розыскной работы, их этичности и эффективности, так и банальным нежеланием выносить сор из избы, легко объяснимой корпоративной солидарностью работников правоохранительной системы. И хотя исчезло государство СССР, а вместе с ним бесславно канули в Лету и его силовые структуры, преемственность поколений дает о себе знать, поддерживая старые легенды и даже творя новые.

Одной из таких легенд, с некоторых пор активно внедряемой в массовое сознание жителей России, является представление об СССР как о стране необыкновенно высоких нравственных идеалов и духовности, чуждой такого криминального бича, как сексуальная преступность вообще и серийная в частности. Половые преступления объявляются эксклюзивным элементом «западного образа жизни», отягощенного «культом жестокости, порнографии и насилия». Кровавые серийные убийцы Михасевич и Чикатило, ярко воплотившие в себе наиболее отталкивающие качества сексуальных преступников, согласно этому мифу появились в СССР лишь потому, что «развитой социализм» к середине 1980-х гг. окончательно загнил и утратил все свои позитивные свойства. Не будет преувеличением сказать, что ссылкой на эти чисто криминальные истории, причем превратно пересказанные и истолкованные, зачастую решаются задачи политической пропаганды.

Миф этот очень удобен защитникам СССР всех мастей — от коммунистов до нацболов. С одной стороны, он рисует 1960–1970-е гг. этакой «золотой порой» социализма, когда вся страна была охвачена зудом «созидательного строительства»: в СССР тогда хлеба колосились, дома строились, ракеты летали, народ

с энтузиазмом бегал на демонстрации с воздушными шариками и кумачовыми транспарантами. С другой же стороны, эта легенда доходчиво объясняет, почему прекрасная во всех отношениях система могучих правоохранительных органов «родины социализма» оказалась совершенно импотентна в деле борьбы с такой серьезной криминальной угрозой, как серийная преступность: мол, явление это представлялось настолько новым, настолько невероятным для патриархальной страны, где не было секса, что никто в прокуратуре и уголовном розыске не знал, как же искать таких извергов.

Легенда эта красива, пафосна, на разные лады она перепета в многочисленных интервью, книгах, репортажах и телефильмах. К созданию этого мифа приложили руки десятки очевидцев и неочевидцев тех событий. Но соответствует этот миф реальной жизни, увы! — не более, чем анекдот про Чапаева — самому Чапаеву.

Для иллюстрации того, сколь далека от истины официальная история, вкратце разберем преступления Чикатило, вернее официальную интерпретацию этих преступлений. В этой «саге» присутствует полный набор «авторитетных» выдумок и недомолвок. Позорно низкая эффективность расследования объясняется совокупностью невероятных, прямо-таки уникальных качеств этого преступника, объявленного чуть ли не самым ужасным монстром 20 века.

Во всех рассказах о Чикатило неизменно подчеркивается его «феноменальная» способность казаться безобидным, умение пустить пыль в глаза. О нем говорят как о замечательном психологе, умеющем втереться в доверие к незнакомым детям и подросткам. Еще упоминают о том, что Чикатило был «невыведителем группового антигена», и потому судебные медики неверно определили его группу крови по сперме. И неизменно подчеркивается, что «невыведительство» — это столь уникальная аномалия, что никто из криминалистов в расчет ее не принимал; невыведителей, мол, чуть ли не один человек из миллиона. Или даже из десяти миллионов...

А что же на самом деле?

Способность казаться безобидным на языке криминальной психологии называется «социальной мимикрией»; она присуща, хоть и в разной степени, всем серийным преступникам. В отличие от профессиональных бандитов и представителей организованного криминалитета, «серийники» не нуждаются

в демонстрации своего уголовного статуса, а потому всегда, в любой обстановке стараются «быть как все». Чикатило в этом отношении является совершенно рядовым «серийником». Можно даже сказать, что его попытки мимикрировать под нормального человека далеко не всегда были успешны: однажды его поймали при попытке заняться оральным сексом с воспитанником интерната, в котором преподавал будущий «серийник»; в другой раз на его неподобающее поведение заявили жалобу девочки, с которыми он отправился на пляж; странности в поведении Чикатило отмечали многие его сослуживцы практически везде, где он работал, причем почти всегда мужчины оказывались настроены к Андрею Романовичу гораздо нетерпимее женщин. Другими словами, Чикатило при всем своем желании не удавалось скрыть от окружающих тот «вывих от нормального», что постепенно развивался в его душе. Поэтому его способность «мимикрировать», мягко говоря, необоснованно преувеличивается.

Тонкий психологизм и умение манипулировать окружающими, якобы присущие этому убийце, также сильно раздуты. Необходимо помнить, что в основном жертвы Чикатило являлись либо трудными подростками, либо лицами БОМЖ, либо имели задержку развития. Его общение с ними сводилось к предложению орального секса за деньги (3–5 руб.), либо совместному распитию спиртных напитков, либо к обещанию угостить жевательной резинкой и т. п. Почти всегда это были несколько незатейливых фраз, за которыми следовало предложение Чикатило встретиться через несколько минут в другом месте («на перроне», «за углом» и т. п.). После этого преступник уходил, а жертва самостоятельно отправлялась за ним следом. Говорить о какой-то сложной психологической игре или подготовке в данном случае не приходится.

Ссылки же на «невыделительство» Чикатило вообще не выдерживают критики ввиду своей смехотворности. Судебные медики хорошо знают, что «невыделителями» является очень большой процент людей (до 20%), эта аномалия распространена куда шире, нежели отрицательный резус крови или левшизм. Поэтому всерьез говорить о том, что «невыделительство» Чикатило на протяжении многих лет ставило в тупик идущих по его следу сыщиков, значит в иноказательной форме называть их болванами. Вряд ли они этого заслуживают.

На результативность следственной работы негативно повлияли совсем иные обстоятельства, о которых говорить считается неудобным. Например, шаблонность мышления и действий представителей правоохранительных органов. Отсутствие в СССР сколько-нибудь серьезных работ по криминальной психологии и девиантному поведению (о чем подробнее будет сказано ниже) наложило серьезный негативный отпечаток на всю деятельность правоохранителей. Во время охоты на Чикатило сотрудники уголовного розыска всерьез считали, что ловят сумасшедшего, человека явно ненормального, возможно инвалида по психиатрическому заболеванию, вампира. Факт, что убийца не насиловал жертвы, а занимался над трупом онанизмом, ставил в тупик и не находил объяснения. Психологический портрет, на который ориентировались сыскари, рисовал образ убогого, жалкого человека, физически неразвитого, невысокого роста, живущего в одиночку или на иждивении родственников и лишённого нормального общения с окружающими. Отец двоих детей Чикатило, говорливый мужчина с высшим образованием, имевший рост 182 см, совершенно не походил на того человека, которого на протяжении многих лет искала специальная бригада Генпрокуратуры. После его ареста недоумение розыскников только усилилось: в доме Чикатило не нашли ничего, связанного с преступлениями — ни вещей жертв, ни капельки человеческой крови на 22 ножах, обнаруженных на кухне. Могучая следственная машина СССР после 12 лет напряженных розысков ничего не смогла предъявить Чикатило фактически; речь могла идти только о нескольких подозрительных совпадениях, не более. Следователи даже приблизительно не представляли, сколько жертв числится за преступником (они считали, что имеет место «серия» из 34 эпизодов, когда же Чикатило признал за собою 55 убийств, удивлению их не было предела). Хорошо, что нашелся прекрасный психолог Бухановский, который на десятые сутки с момента ареста убийцы сумел разговорить его, и тот пошел «на сознанку».

А если бы Бухановского не было?

Нет, Чикатило бы, конечно, не освободили — в СССР сажали за меньшее, чем подозрения в совершении двух убийств. Скорее всего, Андрея Романовича поместили бы в пресс-камеру и он в конце концов принял бы на себя несколько убийств. Разумеется, о полном раскрытии «сериала» в этом случае не могло бы

быть и речи. Основную же массу преступлений Чикатило просто «раскидали» бы по другим подозреваемым и через несколько лет после окончания «сериала» о нем бы благополучно позабыли, так толком и не уяснив, кто же именно из обвиненных действительно был виноват.

Ловить «широким бреднем» у нас умели и делали это с особенным удовольствием. Как раз шириной бредня и компенсировали неумение работать хирургически точно.

Невинно осужденных можно встретить во многих уголовных делах советского времени. Во время ловли Михасевича (1971–1984) за его преступления пострадали 14 человек (из них 1 расстрелян); вместо «Верх-Исетского душителя» Бориса Фефилова («сериал» 1981–1988) в тюрьму были отправлены два невинных человека (один из них расстрелян по приговору суда, второй убит сокамерниками); в деле Чикатило тоже есть без вины расстрелянный.

Главная пагуба в ошибочных приговорах кроется не только и не столько в том, что страдает невинный (хотя это и само по себе ужасно). Основная беда в том, что якобы раскрытые эпизоды исключаются из последующей аналитической работы и розыск старого «серийника» после очередного преступления начинается как бы с чистого листа. Метафорически выражаясь, матерый убийца словно бы получает прощение грехов, за которые вместо него отвечает другой человек. При этом криминальный опыт, наработанный им прежде, никуда не исчезает, он остается с преступником навечно, делая его хитрее и изощреннее.

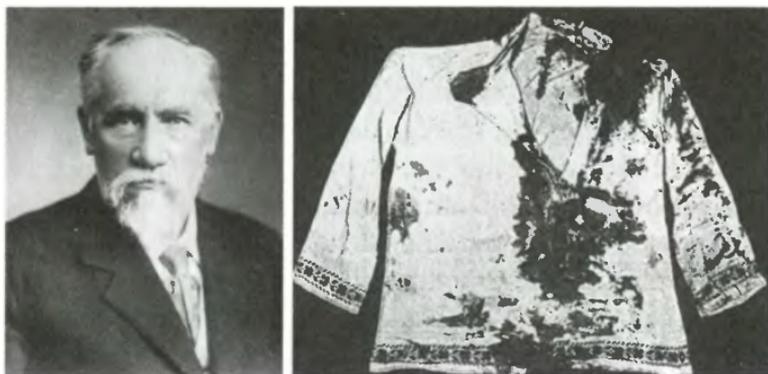
Так почему же эффективность работы наших правоохранителей именно на ниве борьбы с сексуальной преступностью оказалась весьма невысока? Почему?

Чтобы понять это, необходимо сделать отступление в историю криминальной психологии и посмотреть, на каком этапе и почему отечественная наука оказалась вне общемирового процесса развития и к каким последствиям это привело. Без попытки такого анализа все рассуждения о серийной преступности грозят скатиться в смакование кровавых подробностей и по большому счету оказываются лишены какого-то смысла.

Глава 1. Судебная психология как наука: история развития, основные направления исследований. Краткий обзор формирования отечественной судебной психологии и девиантной социологии

Мощным прикладным инструментом, вооружившим следственный процесс практическими методиками поиска преступников и доказательства их вины, явилась криминальная психология — наука, изучающая разнообразные формы криминальной активности человека и особенности криминальной личности. В самом начале научного поиска в этих направлениях невозможно было понять, есть ли смысл в подобного рода исследованиях и куда они вообще способны завести, но более чем двухвековая история этой науки с очевидностью продемонстрировала ее огромную практическую значимость в деле раскрытия преступлений.

Первые научные в современном понимании работы в области криминальной психологии появились в последнем десятилетии 18 в. В 1792 г. немецкий врач К. Экартсгаузен опубликовал книгу «О необходимости психологических познаний при обсуждении преступлений». В том же году другой немецкий врач И. Шауманн издал труд под названием «Мысли о криминальной психологии», в котором изложил свои в целом верные соображения о типах «преступной личности» и «преступного поведения», предвосхитив дальнейший научный поиск в этом направлении. Уже в 1835 г. еще один немецкий психиатр И. Фредрейх опубликовал развернутое и весьма детальное «Систематическое руководство по судебной психологии», которое с полным основанием можно считать полноценным учебным пособием. К тому времени в области криминальной психологии всюю работали десятки ученых во многих европейских странах, а в некоторых учебных

Иван Алексеевич Сикорский (26.05.1842 – 14.02.1919) — крупный русский ученый, психиатр, профессор Киевского университета Св. Владимира, публицист, отец известного авиаконструктора Игоря Сикорского. Работал в направлении антропологической психологии, разрабатывал вопросы физиогномики, дегенерации, массовых психозов, внушаемости. Его рекомендации в области лечения заикания сделали официальную лечебную практику на многие десятилетия. В 1873–1882 гг. жил и работал в Санкт-Петербурге, сначала занимая должность приват-доцента в клинике душевных болезней Военной медико-хирургической академии, а затем будучи чиновником по особым поручениям при начальнике Главного управления военно-учебных заведений. С 1885 г. — профессор Киевского университета Св. Владимира, с 1896 г. — действительный статский советник. Выступал экспертом в области психологии и психиатрии в ходе некоторых судебных процессов. Сикорский в 1891 г. освидетельствовал и признал душевнобольным Кондратия Малеванного, родоначальника одной из самых социально опасных ересей конца 19 в. Работа с «малеванцами» подтолкнула Сикорского к изучению внушаемости и демонстрационно-истерического поведения больших групп людей. В этом отношении Иван Алексеевич во многом предвосхитил выводы современной психологии тоталитарных сект и движений. Сикорский провел психолого-психиатрическую экспертизу в рамках расследования убийства Андриуши Юшинского (т. н. «дело Бейлиса»). Первоначальная редакция экспертного заключения, подготовленная весной 1912 г., делала упор на судебно-медицинском и психолого-психиатрическом аспектах преступления, не уделяя много места ритуальному. В дальнейшем профессор расширил рамки своего заключения, с которым и выступил на известном судебном процессе в Киеве. Заключение И. А. Сикорского вызвало резкое раздражение защитников М. Бейлиса. Быстро сложилась мощная группировка ученых разных направлений, заявившая о своем резко отрицательном к нему отношении: В. М. Бехтерев, В. П. Сербский, А. И. Карпинский, Цимке (Германия), Блейер (Швейцария), Лакассань (Франция) и пр. Между тем Сикорский в ходе своей экспертизы осуществил реконструкцию картины преступления, вычленил значимые особенности криминального поведения убийц и оценил их мотивацию, т. е. фактически попытался решить те задачи, которые спустя семь десятилетий окажутся в фокусе внимания американских «профилеров». Из-за участия в «деле Бейлиса» имя Сикорского после октября 1917 г. подверглось вымарыванию из истории отечественной науки, хотя заслуги Ивана Алексеевича в становлении психиатрии не могут быть оспорены.

заведениях читались курсы лекций по этому направлению. В Московском университете, кстати, студентам-правоведам курс лекций «Уголовная психология» стали читать аж в 1806 г.!

Во второй половине 19 в. огромный интерес к криминальной психологии как специалистов, так и читающей публики вообще привлекли работы итальянского психиатра Чезаре Ломброзо. Не в последнюю очередь это произошло благодаря незаурядности этого человека и оригинальности высказываемых им идей. О вещах скучных или малопривлекательных он умел рассказывать чрезвычайно занимательно, и его труды следует оценивать не только с точки зрения продвижения вперед научного поиска, но и популяризации науки. Не будет ошибкой сказать, что во второй половине 19 в. и в начале 20 в. во всем мире, пожалуй, не было ни одного читающего человека, который не знал бы фамилии Ломброзо и сути его научных воззрений. Нельзя не отметить и того, что даже сейчас, спустя более ста лет со времени смерти Чезаре Ломброзо, многие его суждения не утратили актуальности и книги этого ученого следует прочесть любому интересующемуся затронутой тематикой.

С выходом в 1898 г. фундаментального труда Ганса Гросса «Криминальная психология» произошло окончательное оформление этого направления как составной части «судебной психологии». Примечательно, что Гросс не был профессиональным психологом, да и врачом вообще — он окончил юридический факультет университета в городе Граце, в тогдашней Австро-Венгрии, и 28 лет проработал судебным следователем. Благодаря энциклопедической образованности Гросс сумел привнести в следственную практику массу всевозможных новшеств — от использования рентгеновских аппаратов для обнаружения скрытых переломов костей трупов, до ролевых игр при подготовке молодых следователей. Гросс создал криминалистическую лабораторию и, пожалуй, первый в мире криминалистический музей. Кстати, именно Ганс Гросс придумал термин «криминалистика», которым обозначил науку о расследовании преступлений.

Итак, в начале 20 в. в рамках судебной психологии оказались сформулированы основные направления исследований, остающиеся актуальными и поныне:

— *психология криминального поведения* (т. н. «криминальная психология»). Предметом ее изучения является «преступный

Врачи Сахалинской каторги (1895 г.), слева направо: Р. А. Погаевский, заведующий медицинской частью Л. С. Поддубский, психиатр Н. С. Лобас. Отечественная пенитенциарная система до Октябрьского переворота 1917 г. развивалась в ногу со временем и во многих отношениях стояла на самых передовых гуманистических позициях. Пожилые преступники (старше 65 лет) освобождались от работ, отделялись от основного контингента и помещались в богадельни. Выявлялись и изолировались сумасшедшие, отдельно содержались женщины, родившие детей после вынесения приговора, и пр. Тюремные и каторжные больницы имели психиатрические отделения. Продолжительность работ изменялась в зависимости от времени года и составляла 11 часов летом и 7 часов зимой. В советское время все разумные и здравые элементы прежней пенитенциарной системы оказались отброшены за ненадобностью и забыты, а сам сталинский ГУЛАГ превратился в полный аналог чудовищного древнеримского рабовладения.

тип личности» (и близкородственная ему «примитивная личность»), а также формы поведения человека, отклоняющиеся от социально приемлемых норм (такое поведение иногда называют девиантным). Девиантное поведение может быть весьма многообразно — это и бродяжничество, и тунеядство, и склонность к занятию проституцией, примитивным удовольствиям (вроде употребления алкоголя, наркотиков, азартных игр и пр.), многообразные сексуальные отклонения и пр. Девиантное поведение всегда является сигналом скрытого неблагополучия и потенциальной опасности человека. Именно поэтому криминальная психология и активно развивающаяся последние полвека криминальная сексология являются крайне важными, хотя и не единственными направлениями психологии судебной;

Аркадий Францевич Кошко (сидит третий слева) — один из основоположников современной отечественной системы уголовного сыска, крупный полицейский чиновник дореволюционной России, криминалист, автор детективных мемуаров. Родился в 1867 г. в Минской губернии в семье крупного землевладельца, окончил Казанское пехотное юнкерское училище, до 1894 г. состоял на воинской службе. Оставив ее по примеру старшего брата Ивана, выбравшего карьеру в Министерстве внутренних дел, перешел на службу в полицию. С самого начала работал по линии уголовного сыска, всей спецификой которого овладел в совершенстве. В 1900 г. возглавил сыскную полицию Ревеля, в 1906 г. получил назначение на должность заместителя начальника сыскной полиции Санкт-Петербурга. Через два года Кошко возглавил Московскую сыскную полицию, а в 1916 г. назначен заведующим Восьмым делопроизводством Департамента полиции МВД Российской империи (аналога современного уголовного розыска), статский советник. В организации уголовного розыска смело внедрял самые современные методы и приемы работы. На невиданную прежде высоту Кошко поставил дело регистрации подучетного элемента: наряду с фотографированием задержанных и подозреваемых осуществлялось их обязательное дактилоскопирование, а также антропометрические измерения (усовершенствованный «бертильонаж»). При московской полиции был создан собачий питомник и налажена работа кинологов. Обязательным стало фотографирование мест преступлений, следов, улик и пр. В этом отношении московская сыскная полиция по меньшей мере на два десятилетия опередила аналогичные подразделения других стран. После Октябрьского переворота 1917 г. Кошко бежал из Москвы на юг, организовал систему уголовного розыска в Крыму. После оставления Крыма войсками генерала Врангеля Аркадий Францевич создал частное сыскное агентство в Константинополе, в 1923 г. переехал во Францию, где получил политическое убежище. Последние годы жизни работал управляющим мехового магазина, написал воспоминания о работе в полиции. Скончался в 1928 г. в Париже.

Иван Дмитриевич Путилин (1830–1893) — начальник столичной Сыскной полиции (или сыскаго отделения) на протяжении более чем 22 лет (с перерывами, так как дважды за этот период увольнялся от должности по состоянию здоровья, но возвращался на службу). Новатор в области уголовного сыска, приемов и методов оперативной работы, талантливый литератор, автор популярных мемуаров, вызвавших среди дореволюционных журналистов целую волну подражаний. Поступил на службу в Министерство внутренних дел в 1850 г., в 1858 г. — кварталный надзиратель, с 31 декабря 1866 г. назначен временно исполняющим обязанности начальника Сыскной полиции, утвержден в этой должности в августе следующего года. Возглавлял Санкт-Петербургский уголовный сыск вплоть до мая 1889 г. с перерывами в 1875–1878 гг. и 1881–1883 гг. Лично участвовал в сложнейших уголовных расследованиях, мастерски использовал приемы оперативной маскировки и оперативного прикрытия, лично проникал в бандитские притоны с целью сбора информации, проводил задержания опасных преступников. Путилин организовал широкую систему внутрикамерного осведомления в арестантской среде, сбор информации с использованием агенты и наружного наблюдения. Методы работы уголовной полиции при Иване Дмитриевиче Путилине изменились радикально, все те формы негласной работы, что сейчас принято называть «оперативно-розыскной деятельностью», были привиты именно им. После окончательного выхода в отставку в звании действительного тайного советника Путилин переехал из столицы в имение в Новоладожском уезде, где жил очень уединенно, посвящая все время работе над мемуарами. Человек большой скромности, Путилин всегда избегал публичности, и представленный рисунок — это, пожалуй, единственный известный сегодня его портрет. Хотя Путилин не был прямо связан с политическим сыском, большевики постарались искоренить память о нем. Практически ни в одной книге, изданной в период 1917–1991 гг., нет упоминаний о заслугах и новаторских идеях этого незаурядного организатора полицейской работы.

— *психологическая диагностика свидетелей и подозреваемых* (иногда говорят о «психологии допроса», хотя это слишком узкая трактовка данного направления исследований). Это направление связано с разработкой различных методов установления причастности к преступлению различных лиц и форм их вовле-

К началу 20 в. отечественная медицина уже прошла большой путь в деле становления наук и отраслей знаний, связанных с изучением криминальной активности человека. Криминология, юридическая психология, социология и психология девиантного (т. е. отклоняющегося от нормы) поведения, судебная медицина и т. п. перестали быть областью интересов ученых-одиночек. В России быстро шел процесс формирования отечественных школ по всем перечисленным выше научным направлениям. Подготовка судебных медиков была поставлена на поток, все выпускники российских медицинских вузов в обязательном порядке изучали правила судебно-медицинской экспертизы мертвых и освидетельствования живых людей. На фотографии — занятия по судебной медицине в Санкт-Петербургском женском медицинском институте. Институт, открытый в сентябре 1897 г., являлся первым в Европе учебным заведением, в котором женщины могли получить высшее медицинское образование. Все выпускницы этого вуза в случае необходимости могли принять на себя обязанности судебно-медицинского эксперта и по требованию органов внутренних дел или суда дать квалифицированное заключение.

ченности в преступное деяние (недонесение, сокрытие улик или иная форма пособничества, непосредственное участие и т. п.). В рамках этого направления были выработаны многочисленные методики анализа утверждений, допросов с использованием гипноза, «сыворотки правды», «детектора лжи» и т. п.;

— *психолого-психиатрическая экспертиза*. Это направление судебной психологии, как явствует из названия, возникло на стыке с судебной психиатрией. Предметом изучения экспертизы является вопрос вменяемости подозреваемого в момент совершения преступления, т. е. его способности отдавать отчет в своих поступках и управлять ими. Многие жестокие преступления с обывательской точки зрения кажутся до того

Занятия по судебной медицине в Санкт-Петербургском женском медицинском институте

чудовищными и бессмысленными, что невольно заставляют задуматься об адекватности совершившего их. Выработка норм и критериев, которые могут быть использованы для юридически корректной оценки личности обвиняемого в суде и в досудебных процессуальных действиях, представляется и поныне исключительно важной задачей. Ее решение зачастую осложняется умышленным противодействием, которое во время проведения экспертизы оказывает подозреваемый (обвиняемый), стремящийся добиться выгодного для себя результата;

— *психология свидетельских показаний*. Это еще одно исключительно важное направление исследований судебной психологии, связанное с тем, что любые свидетельские показания являются субъективным продуктом запоминания и реконструкции и неизбежно несут в себе значительную долю искажений как умышленных, так и неосознаваемых. Важность правильной работы следователя со свидетелем была оценена психологами на самом раннем этапе становления судебной психологии как науки. Ученые пытались выработать прикладные методики, способные помочь работнику правоохранительных органов «вытащить» необходимые воспоминания, и при этом избежать их искажения или встречного внушения. Разрабатывались различные способы получения достоверной информации путем построения неосознаваемых ассоциаций, внезапных воспоминаний, допроса под гипнозом, с привлечением художника и пр. Отдельно разрабатывалась проблематика допроса несовершеннолетних свидетелей (дети и подростки склонны к мифотворчеству, поэтому традиционно считается, что получение

Слева: В дореволюционной России идеи Ломброзо о дегенерации как факторе, влияющем на преступное поведение, были хорошо известны. Отечественные криминология и криминальная психология прямо связывали преступные наклонности с девиантным поведением (алкоголизмом, бродяжничеством, тунеядством и пр.). На фотографии можно видеть одного из таких «ломброзианских типов» той эпохи: костромской мещанин Павел Помягшев, душевнобольной с манией преследования и сутяжничества. Лишившись дома в 1864 г. из-за невыкупленной своевременно закладной, пустился строчить во все инстанции жалобы и кляузы на должностных лиц. Неоднократно судим за бродяжничество, оговор и лжесвидетельство под присягой. В 1889 г. во время пребывания на каторге у Помягшева была диагностирована душевная болезнь. Будучи помещен в каторжанскую больницу, от имени выдуманного «журналиста Лаврентия Афанасьевича Горюнова» принялся «издавать» рукописный журнал «Gun deo» («разрывной снаряд»), в котором ругал больничное и каторжанское начальство. Сейчас бы этого человека без колебаний записали в шизофреники. *Справа:* Еще один «ломброзианский тип» из числа российских каторжан конца 19 в. Иван Толмачев, по кличке Регенов, 8 раз судим за бродяжничество и неподчинение представителю власти. Как и Помягшев, был одержим манией «писательства», с тем только отличием, что сочинял не «журнальные корреспонденции», а «письма к человечеству». Толмачев был одержим идеей улучшения мира и установления всеобщей справедливости, для чего носил с собою палочку с привязанной ниточкой и скрипку без смычка. Палочку с ниткой он называл «бичом грехов человеческих», скрипку же, на которой Толмачев играл, как на балалайке, больной использовал для «тревоги ленивых сердец». Наделенный огромной физической силой, Толмачев-Регенов иногда уходил из больницы, вызывая тем самым настоящую панику каторжанской администрации. Узнав, что сообщения о его побегах передаются по телеграфу, Толмачев во время одной из своих вылазок на природу вырвал из земли все телеграфные столбы, какие попались ему на глаза. Обычно смирный и дружелюбный, Толмачев, однако, иногда оказывал сильное сопротивление полиции и конвою. После одного из таких инцидентов заключенный был приговорен к порке розгами и получил 400 ударов.

от них юридически значимой информации более проблематично, нежели от совершеннолетних). В 1903—1906 гг. в Лейпциге немецкий психолог Вильям Штерн издавал узкоспециализированный журнал «Доклады по психологии показаний», в котором публиковали свои работы около полусотни практикующих психологов и психиатров из стран Западной Европы.

Здесь самое время сказать несколько слов о состоянии судебной (юридической) психологии в Российской империи. Традиционно считается — и нынешняя либеральная концепция отечественной истории всячески насаждает этот взгляд — будто Россия до 1917 г. являла собой эдакую «тюрьму народов», в которой священники-мракобесы пели осанну кровавому монархическому режиму, а народ, низведенный до положения быдла, тупо и смиренно сносил произвол Власти. Подобный взгляд на вещи грешит сильным упрощением и не имеет ничего общего с отечественными реалиями. Не углубляясь в анализ политической и экономической ситуации в стране в конце 19 — начале 20 вв., хочется все же заметить, что Россия той поры вовсе не выглядела отсталой в сравнении с передовыми странами Запада.

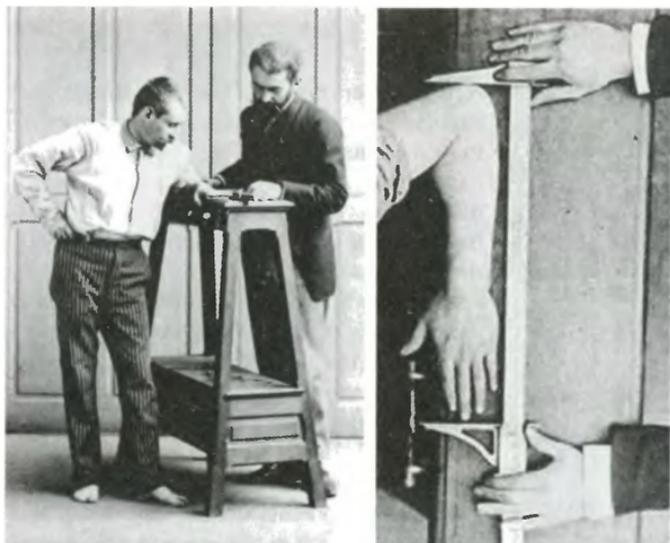
В области юридической психологии отечественная научная школа шла своим самобытным путем, успешно осваивая передовые наработки европейских коллег. О том, что в Московском университете курс уголовной психологии начали читать в 1806 г., было упомянуто выше. Признание важности познаний из области психологии нашло отражение в учебнике «Уголовное право», написанном в 1863 г. знаменитым отечественным юристом Б. Спасовичем. В 1874 г. видный отечественный психиатр Александр Фрезе подготовил первое учебное пособие для юристов «Очерки судебной психологии», выдержавшее в том же году второе издание (Фрезе был видным практикующим специалистом в своей области. В феврале 1884 г. в возрасте 57 лет он был убит душевнобольным пациентом). В последующие годы темы, относящиеся к судебной психологии вообще и криминальной в частности, активно разрабатывали крупнейшие российские специалисты в области психиатрии, такие как В. П. Сербский, П. И. Ковалевский, В. М. Бехтерев и др. В 1902 г. Бехтерев создал оригинальную систему классификации преступников.

В 1907 г. в Санкт-Петербурге по инициативе Владимира Михайловича Бехтерева был создан Научно-учебный психо-

Альфонс Бертильон (1853–1914) — французский криминалист, создатель научной системы идентификации человека по набору его антропометрических параметров. Родился в семье известного медика, вице-президента Антропологического общества, в 1879 г. устроился на работу писарем в полицейскую префектуру Парижа. Быстро убедившись в несовершенстве применяемой методики описания преступников, Бертильон задумался над возможностью ее улучшения. Он разработал метод т.н. «словесного портрета», применяемый и ныне, при котором внешность неизвестного лица описывается единообразным набором стандартизированных определений. Один и тот же человек при описании разными свидетелями должен характеризоваться одинаково. В дальнейшем Бертильон пришел к мысли о необходимости обмеров людей с целью фиксирования антропометрических параметров, которые никогда не совпадают в точности даже у лиц близких по росту и комплекции. Бертильон выделил 14 анатомических параметров, вероятность случайного совпадения которых не превышала одного случая на 286 миллионов человек. Ученый разработал необходимый для таких измерений инструментарий и в 1883 г. успешно идентифицировал 3 преступников, пытавшихся скрыть свои фамилии. Через год число успешных идентификаций превысило 300. Система идентификации посредством антропометрических измерений получила название «бертильонаж». Кроме того, Бертильон разработал правила т.н. полицейского фотографирования задержанного: в анфас и профиль в 1/7 натуральной величины, а также в полный рост в 1/20 натурального. Ученый занимался и иными прикладными аспектами криминалистики, в частности, изучал индивидуальные особенности почерков, их изменчивость с возрастом и т.п. Провел почерковедческую экспертизу при расследовании скандально известного «дела Дрейфуса».

неврологический институт, явившийся на тот момент крупнейшим мировым центром по комплексному изучению психологии, психиатрии и неврологии. Одним из главнейших направлений его работы являлась разработка унифицированного учебного курса «Судебная психология», который по замыслу Бехтерева должен был воплотить в себе лучшие наработки мировой науки (до революции 1917 г. работу эту завершить так и не удалось).

Антропометрические замеры. «Бертильонаж» отлично прижился в Российской империи. Задачи по идентификации личности лиц без документов, арестованных преступников и неопознанных трупов решали т. н. антропометрические бюро. Первое такое бюро было создано в мае 1890 г. в Санкт-Петербурге. Через 7 лет их насчитывалось уже 13, а в 1912 г. — 102 во всех частях империи. Отечественные криминалисты видоизменили методику Альфонса Бертильона, вместо измерений 14 параметров они ограничивались 7 (восьмым параметром считались особые приметы). Антропометрический метод дополнялся обязательным полицейским фотографированием и дактилоскопированием. Единые для всех антропометрических бюро правила работы были введены в действие циркулярным распоряжением Министра внутренних дел № 110 от 9 апреля 1907 г. Россия раньше всех в мире ввела поголовное дактилоскопирование преступников, осужденных за тяжкие преступления против личности. В картотеке одного только антропометрического бюро Московской сыскной полиции перед началом I Мировой войны хранились учетные карты на более чем 16 тыс. убийц, грабителей, насильников и неоднократно судимых лиц. Это огромное число для той поры! Весь этот бесценный архив был уничтожен в дни Февральского государственного переворота 1917 г.

Нельзя не отметить того, что государство с большим вниманием относилось к работе ученых в рассматриваемой области. Помимо публикаций в узкоспециализированных медицинских изданиях, вопросы судебной психологии обсуждались в газетах и журналах юридической направленности, таких как «Журнал гражданского и уголовного права», «Журнал министерства юстиции», «Право», «Вестник полиции», «Юридическая летопись», «Судебная газета» и т. п. Монархический строй, который

Альфонс Бертильон установил, что ушные раковины человека не подвержены возрастным изменениям и потому могут служить отличным индикатором правильности опознания. Ученый выделил существенные детали строения ушной раковины, подлежащие описанию и последующему сравнению в ходе опознания, и это стало важной составной частью методики «словесного портрета». Несмотря на появление в последующие десятилетия большого числа самых разных способов опознания людей, «словесный портрет» Бертильона не утратил своей актуальности и изучается ныне оперативным составом всех правоохранительных органов мира.

зачастую изображается как «удушающий», «тупой» и «косной», вовсе не препятствовал свободному обмену мнениями и поиску истины. Министерство внутренних дел Российской империи всячески поддерживало организацию и проведение исследований, имеющих большое прикладное значение.

Так, например, летом 1889 г. доктора Н. И. Грацианский, Э. Ф. Шперк и В. С. Федоров при содействии Центрального статистического комитета МВД и органов санитарно-полицейского надзора на местах провели уникальное исследование проституции в масштабах Империи, в ходе которого подверглись комплексному опросу 17 603 проститутки и владельцы 1164 домов терпимости во всех регионах страны, кроме княжества Финляндского. Это была беспрецедентная в истории мировой науки акция, осуществленная на стыке сразу нескольких научных направлений: социального контроля, психологии девиантного поведения, статистики и пр. Опрос 1889 г. не имел аналогов в мире вплоть до конца 1940-х гг., когда Альфред Кинси с целью изучения половой сферы жизнедеятельности человека стал проводить опросы с участием тысяч респондентов.

В период 1891–1893 гг. врач Петр Евграфович Обозенко при поддержке Врачебно-полицейского комитета полиции Санкт-Петербурга провел обработку статистических данных и личные опросы 5 179 столичных проституток. Обозенко решал прикладную

Чезаре Ломброзо (1835–1909) — знаменитый психиатр, основоположник и популяризатор уголовно-антропологической психиатрии. Родился в состоятельной еврейской семье в Вероне, в молодые годы изучал лингвистику и археологию, однако затем фокус его интересов переместился в область медицины. Став в 1859 г. военным хирургом, принял участие в правительственной кампании по борьбе с бандитизмом на юге Италии, во время которой обратил внимание на то, что многие из задержанных преступников имеют выраженные антропометрические отклонения. Ломброзо предположил, что криминальные наклонности обуславливаются не только и не столько социальными факторами, сколько врожденной предрасположенностью. Ломброзо перенес акцент криминологии с факта преступления на субъект преступления, т. е. лицо, предпринявшее противозаконное деяние. Выдвинутая Ломброзо концепция существования «преступного человека», т. е. личности, наделенной дегенеративными чертами и демонстрирующей криминальное поведение в силу внутренней потребности, пользовалась огромной популярностью во многих странах мира на протяжении многих десятилетий. Это направление в психиатрии и криминологии получило название «ломброзианства». Его успеху в значительной степени способствовали незаурядные литературные таланты Чезаре Ломброзо, сумевшего изложить свои идеи в чрезвычайно занимательной и доступной для понимания форме. К концу жизни ученый несколько смягчил категоричность первоначальных утверждений и признал, что лишь около 40% преступников становились таковыми в силу наследственных факторов, а подавляющее их число вставало на криминальный путь все же в силу приобретенной психопатологии и социальных предпосылок. Ломброзо, пожалуй первым из ученых, связал физиологические процессы — частоту дыхания и пульса — с психоэмоциональным напряжением подозреваемого и указал на возможность их использования для разоблачения лжи, предвосхитив появление полиграфа. В 1895 г. эти наблюдения Ломброзо использовал в реальном уголовном расследовании для проверки утверждений подозреваемого в убийстве ребенка. В 1871 г. Ломброзо возглавил психиатрическую клинику, с 1876 г. он — профессор судебной медицины и общественной гигиены Туринского университета. К этим званиям впоследствии добавились звания профессора психиатрии (в 1896 г.) и уголовной антропологии (1906 г.) того же университета.

«Преступный человек» по Ломброзо. Джон Додсон, 19-летний безработный из Бирмингема, неоднократно подвергавшийся аресту за мелкие воровство и мошенничество. Имел в своем облике выраженный признак дегенеративности — сросшиеся брови.

задачу: он пытался выяснить, как скоро с момента начала своего промысла молодая проститутка в первый раз станет жертвой венерического заболевания, но попутно затрагивал и многие иные аспекты индустрии секс-услуг (в частности, мотивации проституток, их приверженности социальным и религиозным ценностям и пр.). Это исследование также следует признать одним из самых масштабных и релевантных не только для того времени, но вплоть до середины следующего столетия.

В целом, наработки российской школы криминальной психологии хорошо согласовывались с достижениями мировой науки и во многих отношениях опережали ее. Так, например, отечественная криминология активно разрабатывала направление, связанное с изучением социальной мотивации преступности, т. е. ее обусловленности несовершенством общественных отношений. Основателем «социологического» направления явился профессор Московского университета М. В. Духовский, впервые высказавший свои предположения еще в 1872 г. Идеи Духовского и его последователей значительно опередили аналогичные изыскания западноевропейских и американских криминологов. Но господствующим все же был взгляд на преступника как на особенную личность, отличающуюся от нормально-социализированного человека набором некоторых качеств и признаков. В. М. Бехтерев считал, что предрасположенность к криминальному поведению каким-то образом связана с изъянами волевой сферы, проще говоря, неспособностью управлять

«Преступный человек» по Ломброзо. Джон Пирс, 39-летний строительный рабочий из Бирмингема, алкоголик. Неоднократно задерживался за буйное поведение в пьяном виде. Получил тюремный срок за драку в пабе. Имел в своем облике выраженный признак дегенеративности — косоглазие.

преступными побуждениями. Великий психиатр разделил преступников на четыре категории: 1) «преступники по страсти» (импульсивные и порывистые), 2) преступники с недостатком чувствительной, нравственной сферы, совершающие преступления хладнокровно и преднамеренно (к таким в дореволюционной России применялся термин «нравственные идиоты»), 3) преступники с недостатком интеллекта и 4) преступники с ослабленной волей (лентяи, алкоголики, наркоманы). Другой известный исследователь преступного поведения доктор юридических наук С. В. Познышев разработал более детальную классификацию, выделив пять основных видов и ряд подвидов преступников: а) эндогенные (имеющие природную предрасположенность к совершению определенного рода преступлений), б) экзогенные (с ослабленной волевой сферой, не позволяющей противостоять преступным побуждениям), в) импульсивные (они, в свою очередь, делились на пять подгрупп, все эти лица объединяла потребность в удовольствиях, поэтому в разряд «импульсивных» преступников Познышев включил насильников и педофилов), г) эмоциональные и д) расчетливые рассудочные.

Как видим, идеи Ломброзо, обнаружившего у многих профессиональных преступников анатомические признаки, характерные для низших приматов, оказали огромное влияние на отечественную криминологическую школу. Начиная с 1876 г., когда Ломброзо впервые опубликовал свою книгу «Преступный человек», его идеи победно шествовали по миру, находя

Российская дореволюционная пресса выполняла не только роль информационного рупора, но и проводила большую общеобразовательную работу. Издавалось большое число специализированных изданий по самым разным отраслям знаний, в т. ч. судебной медицины и психиатрии. В 1865 г. начал выходить «Архив судебной медицины и общественной гигиены», через 7 лет ему на смену пришел «Сборник сочинений по судебной медицине, медицинской полиции и общественной гигиене», в 1882 г. — «Вестник судебной медицины и общественной гигиены» и т. п. Издавалась газета «Медицинский вестник». Ход многих судебных процессов детальнейшим образом излагался в самых обычных, неспециализированных газетах и журналах. Некоторые сенсационные процессы воспроизводились чуть ли не стенографически. На иллюстрации представлен газетный рисунок, посвященный одному из судебных процессов по нашедшему «делу Ивана Мироновича», ростовщика, обвиненного в попытке изнасилования и последующем убийстве 13-летней Сары Беккер. Сенсационные судебные процессы, например, такие как по делу «червонных валетов», убийству фон Зона, Сары Беккер и т. п. проходили при огромном стечении публики, а выступавшие в судах прокуроры, адвокаты и эксперты становились известными на всю страну.

приверженцев во всех цивилизованных странах. И хотя в 1913 г. английский тюремный врач Чарльз Торинг, опираясь на исследование более чем 3 000 уголовников, поставил выводы Ломброзо под сомнение, еще долгое время доктрина «врожденного преступника-дегенерата» царствовала в умах криминологов.

Тем не менее к концу 1900-х гг. в российских университетах в преподавании уголовного права, криминологии и судебной психологии соблюдался баланс мнений различных школ. Признавалась зависимость преступного поведения от индивидуальных черт личности, экономических и социальных факторов.

Еще одна иллюстрация из газеты, связанная с первым судом по «делу Миرونвича». Художник запечатлел момент представления суду и присяжным вещественных улик — витрины с ценными вещами, из которой была совершена кража без разбивания стекла, кресла, в котором была убита Сара Беккер, и коробки с черепом убитой девочки, использованным судебно-медицинским экспертом при его выступлении. Профессор судебной медицины Сорокин из Военно-медицинской академии представил суду и присяжным заседателям сенсационную реконструкцию жестокого убийства, обсуждение деталей которого вызвало страшный ажиотаж как среди специалистов, так и обывателей. На судебные процессы 2-й пол. 19 в. публика ходила, как в театр, в судах можно было встретить чиновников высших разрядов, светских львиц, именитых писателей (например, Достоевского, Писарева, Гаршина и пр.), разночинных интеллигентов и торговцев. Со временем в Санкт-Петербурге появилась даже категория «судебных барышень», т. е. домохозяйек, проводивших свободное время в судах.

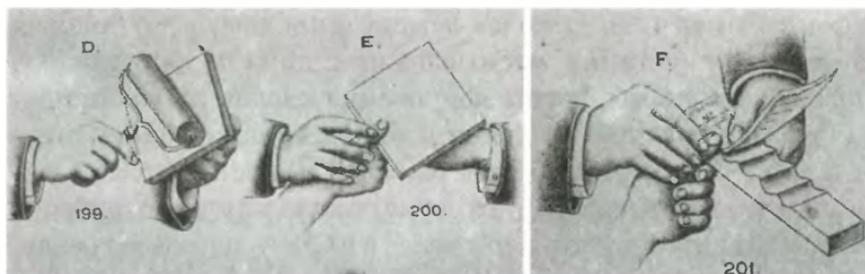
Не ставилась под сомнение огромная роль церкви, исполнявшей функцию своеобразного «этического камертона», способного создавать и поддерживать устойчивые рамки социально приемлемого поведения. При этом отечественная юридическая школа исходила из важности педагогической работы среди социальных низов, питавших преступность. Просветительские лекции, бесплатные концерты народных инструментов, доступное образование как средства профилактики преступности были придуманы вовсе не большевиками — те попросту приписали себе заслуги уничтоженной ими власти.

В этом месте следует сказать несколько слов и об общем уровне криминалистического обеспечения сыска к началу 1917 г.,

Хуан Вучетич и его книга “Dactiloscopia comparada, el nuevo sistema argentine”, изданная в 1904 г. Родившийся в 1858 г. в г. Хвар, на территории нынешней Хорватии, Вучетич в возрасте 26 лет эмигрировал в Аргентину, где поступил на работу в полицию. Хуан интересовался антропометрией, остеологией (раздел медицины о скелете и костях), одонтологией (раздел медицины о строении зубочелюстного аппарата), и его увлечение медициной было хорошо известно коллегам. В 1892 г. руководство полиции попросило Вучетича помочь в расследовании двойного убийства детей (т. н. «дело Рохаса»). Хотя имелся свидетель, видевший убийцу, и кровавый отпечаток пальца на наличнике двери, арестованный Франсиско Рохас отвергал все подозрения в свой адрес. Вучетич задумался над тем, как можно осуществить сличение отпечатка пальца с папиллярным узором рук подозреваемого. Хотя к тому времени английский естествоиспытатель Фрэнсис Гальтон уже доказал неизменность на протяжении человеческой жизни узора кожи на пальцах и ладонях, а также предпринял попытку классификации таких отпечатков, никаких практических методик сравнения дактилоскопических рисунков не существовало. Хуан Вучетич путем многочисленных опытов отработал технику обнаружения скрытых отпечатков пальцев, их фиксирования и последующего сравнения с отпечатками подозреваемых. Также Вучетич ввел детальную классификацию папиллярных узоров, сохранившуюся донныне. Благодаря его работе была доказана невиновность Франсиско Рохаса и найден настоящий убийца детей (преступницей оказалась их мать, оговорившая Рохаса). Хуан Вучетич возглавил дактилоскопическое бюро полиции провинции Ла-Плата и подготовил два учебных пособия с рекомендациями по технике дактилоскопирования. Умер Вучетич в январе 1925 г.

т. е. моменту свержения самодержавия. Отечественная криминалистическая наука в целом соответствовала высочайшему мировому уровню. Использовались самые передовые методики и приемы. Уже к 1910 г. в подразделениях сыскной полиции крупных городов были созданы дактилоскопические картотеки, содержавшие данные на многие десятки тысяч человек. Принимая во внимание, что дактилоскопирование стало

Иллюстрации из книги Вучетича, поясняющие методику снятия оттисков папиллярного узора пальцев. Идеи Вучетича об огромной прикладной ценности дактилоскопирования по достоинству были оценены правоохранительными органами Российской империи, которые в числе первых начали широко использовать их на практике. В этом отношении отечественные криминалисты опередили американских и английских коллег на полтора-два десятилетия.

внедряться после 1892 г. (когда с помощью идентификации кровавого отпечатка пальца было впервые раскрыто убийство), нельзя не признать, что Россия оказалась в числе пионеров этого новшества. В полицейских управлениях крупных городов использовались собаки, а при московской сысковой полиции был создан собачий питомник (идею создания кинологических подразделений большевики откроют для себя лишь в конце 1920-х гг.). В ходе следственных действий для фиксации обстановки на месте преступления и различных следов широко использовалось фотографирование. Отечественные специалисты — прежде всего Е. Ф. Буринский — явились настоящими пионерами в области создания и внедрения в практику методов криминалистического фотографирования. В Российской империи нашли практическое использование самые современные для того времени методы проведения различных экспертиз ценных бумаг. Мало кто знает, например, что Экспедиция заготовления государственных бумаг (ответственная за выпуски почтовых марок, гербовой бумаги, акций, облигаций, бланков векселей и т. п.) привлекала к разработке способов выявления скрытого вытравливания печатей и подписей с документов выдающегося химика Д. И. Менделеева.

В этом отношении показателен следующий пример. На международной фотовыставке 1909 г. в Дрездене в рамках «русского раздела» были представлены материалы работы четырех криминалистических лабораторий из Санкт-Петербурга, Москвы,

Уфы и Самары. На стендах демонстрировалась технология дактилоскопирования, идентификации лица по фотоснимку, правила и приемы фотографирования следов на месте преступления, различные экспертизы подлинности документов и т. п. «Русский раздел» был отмечен высшей наградой выставки в номинации «Судебно-полицейская фотография». Во многих странах мира, в том числе и в США, массовое внедрение дактилоскопирования и фиксирование обстановки на месте преступления путем фотографирования вошли в практику полицейской работы лишь к середине 1920-х гг. Не будет ошибкой сказать, что в этом отношении Россия опережала «общемировой тренд» примерно на 10–15 лет.

Так обстояло дело с общим уровнем развития отечественных криминальной психологии и криминалистики к 1917 г. Еще раз следует повторить: общее состояние теории и практики расследования преступлений в самодержавной России находилось на уровне требований времени и соответствовало лучшим мировым аналогам в этой области.

Но Октябрьский переворот 1917 г. изменил все.

Глава 2. Социализм не порождает преступности. Как в Советском Союзе боролись с объективной реальностью

Утром 7 ноября 1917 г., после свержения Временного правительства, Россия проснулась в совершенно особой реальности — государственный механизм, основанный на традиционных ценностях, оказался разрушен до основания, правоохранные органы прежнего государства — уничтожены, а их работники в самом скором времени подверглись систематическому преследованию и репрессиям. Созданная большевиками в кратчайшие сроки система карательного правосудия была ориентирована, прежде всего, на подавление инакомыслия и любой формы неподчинения новой власти, а правоприменение сразу же приобрело крайне идеологизированный характер. В этой обстановке борьба с уголовной преступностью очень быстро оказалась отодвинута на второй план, а главным приоритетом работы созданного большевиками «карающего меча революции» сделалось обеспечение политического доминирования чудовищного монстра под названием РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. Коммунисты, словно бы одержимые бесом разрушения, попытались в кратчайшие сроки уничтожить юридические и духовные скрепы, формировавшие русский мир на протяжении столетий.

Православная церковь, а также другие традиционные для прежней Российской империи религии: мусульманство, буддизм и иудаизм — стали объектами систематического преследования. Был осмеян и фактически уничтожен институт семьи, признано существование гомосексуальных отношений, реализован невиданный прежде в мировой истории отказ от товарно-денежных отношений в масштабах государства, нашедший свое крайнее выражение в политике «военного коммунизма». Примечателен и последующий отказ от последнего и переход

Петерис Янович (Петр Янович) Стучка — один из основоположников советского правосудия, нарком юстиции сначала Северной коммуны, а с марта 1918 г. — РСФСР. Латыш по национальности, Стучка родился в 1865 г. и в 23 года окончил юридический факультет Петербургского университета. Отработал 9 лет помощником присяжного поверенного (адвоката). В возрасте 32 лет был арестован за противоправительственную деятельность, в дальнейшем примкнул к социал-демократам. После революции подвизался на ниве советской дипломатии (заместитель наркома), на протяжении 13 месяцев возглавлял правительство Советской Латвии, занимался кодификацией советских законов, с 1923 г. — председатель Верховного Суда РСФСР, с 1931 г. — директор Института советского права. Несмотря на прекрасное классическое образование, Стучка вошел в историю как ярый правовой нигилист и апологет «красного террора». Понятие «преступности» он называл «всего лишь вредной отрыжкой буржуазной науки», ратовал за опору судей на «революционное сознание» и применение «революционной марксо-ленинской методологии» при правовой оценке деяний. Юриспруденцию Стучка именовал не иначе как мусором и всерьез доказывал бесполезность судебных процедур и специального юридического образования. Подобно многим «старым большевикам», Петерис Янович никогда не следовал провозглашаемым вслух догмам и демонстрировал бытовое разложение, не отказываясь от дореволюционных барских замашек даже в пору жесточайших бедствий и Гражданской войны (известна история об организации им в 1919 г. пышной свадьбы дочери в здании Рижского дворянского собрания и тому подобных выходках). Умер в 1932 г., и в знак признания огромных заслуг Стучки перед советской властью урна с его прахом с почестями помещена в кремлевской стене на Красной площади в Москве.

к прямой противоположности существовавшей при «военном коммунизме» системы тотального распределения материальных ценностей — речь идет о ленинском НЭПе, поразившем своей непоследовательностью даже самых закаленных партийных функционеров. Невероятные кульбиты в области политического строительства, экономики и идеологии совершались

на протяжении первых полутора десятилетий существования Советской республики постоянно. Фактически во всех сферах деятельности коммунисты в конечном счете пришли к полному отрицанию первоначально заявленных целей и ценностей. Провозгласив в начале революции демагогический лозунг «Землю — крестьянам, фабрики — рабочим», они в начале 1930-х гг. превратили крестьян в крепостных, прикрепленных к колхозной земле, а рабочих — в рабов, лишенных свободы перемещения и выбора места работы.

В этих политических условиях система правоохранительных органов превратилась в институт, призванный защищать коммунистическую власть от гнева униженного и обманутого народа. Разработанный в дореволюционной России аппарат обеспечения правоохранительной деятельности (в виде набора специфических наук, методов и приемов работы) оказался в этих условиях попросту не нужен. Источником права стала не воля законодателя, а революционное самосознание отдельно взятого судьи, трибунала или чекиста. Можно привести такой пример, отлично иллюстрирующий отношение новой власти к судебным наукам: в течение пяти лет (с 1917 по 1922 г.) Криминалистическое бюро, или отдел, как стали называть в дальнейшем, уголовного розыска Петрограда-Ленинграда переезжало с места на место пять раз (с ул. Гороховой на ул. Гоголя, затем на Английскую набережную, потом на Фонтанку, потом на Михайловскую площадь, переименованную в площадь Лассаля, и, наконец, на Дворцовую площадь, также переименованную на тот момент в площадь Урицкого). Во время переезда на площадь Лассаля руководство распорядилось не забирать с собою технику, необходимую для проведения антропометрических обмеров и фотографирования. А на удивленные вопросы специалистов, как же работать без фототехники, им объявили, что в новых условиях она попросту не понадобится. Так криминалисты северной столицы в одночасье лишились возможности проведения идентификации преступников и неизвестных трупов. Высококачественные фотоаппараты быстренько были проданы кем-то из находчивых комиссаров, сделавшим свой маленький «коммунистический гешефт», а криминалистам пришлось несколько месяцев «выбивать» для работы новую фототехнику.

Слева: Патриарх Тихон с Митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином. *Справа:* Митрополит Вениамин дает показания во время судебного процесса в июне 1922 г. В своем послании Совету Народных Комиссаров от 13(26) октября 1918 г. Патриарх Тихон в следующих словах охарактеризовал политику большевиков: «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство... Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела... Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем не повинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной „контрреволюционности“». Вопиющим по лицемерию и цинизму явился процесс 1922 г. над петроградскими священниками и верующими, которых обвинили в противодействии изъятию церковных ценностей для оказания помощи голодающим Поволжья. На самом деле Православная церковь еще в августе 1921 г. предлагала свою помощь в борьбе с надвигающимся голодом, но эта инициатива не вызвала интереса кремлевских небожителей. В марте 1922 г. во время переговоров в Смольном Митрополит Вениамин обещал содействие изъятию ценностей и даже заявил, что лично снимет драгоценный оклад с иконы Казанской Божией Матери; почтенный Владыка лишь просил уважать права верующих и не прибегать к насилию. Большевиков, однако, мирное разрешение конфликта не интересовало, процедура изъятия нарочито была организована так, чтобы спровоцировать гражданское противостояние для последующего наказания несогласных. Митрополит Вениамин и его ближайшие соратники были приговорены судом к смертной казни и расстреляны 13 августа 1922 г. Судебный процесс продемонстрировал всему миру готовность большевиков в борьбе с инакомыслием пойти на крайние меры даже в условиях мирного времени и прекращения политики «военного коммунизма». С этого момента любой научный, идеологический и мировоззренческий спор с коммунистическим руководством мог быть переведен в плоскость уголовного правосудия с запрограммированным наперед исходом. Пуля, тюремное заточение и каторга на долгие десятилетия сделались для большевистских догматиков главными аргументами убеждения несогласных.

Когда в начале 1920-х гг. коммунистическая власть попыталась ввести дикий разгул чекистского террора в некие разумные, хоть чем-то упорядоченные рамки и осуществить кодификацию «советских законов», это вызвало массовое возмущение в среде тех самых «правоприменителей», безумный произвол которых Власть попыталась ограничить. Например, в апреле 1920 г. в Москве прошел 2-й Всероссийский съезд председателей революционных трибуналов, принявший итоговую резолюцию, в которой заявлялось, что «создание особого Уголовного кодекса принципиально нежелательно». А на Съезде работников юстиции Петрограда и Петроградской губернии, проходившем в декабре того же года, докладчики прямо утверждали, что Уголовный кодекс в народном государстве невозможен, ибо «пролетарское право» сразу же утратит «творческую силу революционного самосознания». Как известно, в 1922 г. в РСФСР был все же принят Уголовный кодекс, но даже после этого нигилистическое отношение к праву не исчезло и напоминало о себе многие и многие годы. В этом отношении примечательна полемика, навязанная в конце 1920-х гг. «советскими юристами» П. В. Кузьминым, Н. В. Крыленко (министром юстиции РСФСР, кстати!) и С. Я. Булатовым, всерьез доказывавшими, что советское законодательство должно отказаться от «буржуазной практики» точного определения составов преступлений и фиксирования верхних и нижних границ допустимых наказаний. Мол, советское право в этих вопросах должно полагаться на «классовое самосознание» судьи, который сам решит, как классифицировать деяние обвиняемого и какую меру наказания на него наложить.

Абсурд? Конечно, абсурд. Советские с позволения сказать «юристы» требовали фактически отбросить страну в эру самого раннего рабовладения, в эпоху «до Хаммурапи и Солона». Но ведь подобные безумные новации и идеи стали нормой «социалистической законности» на многие годы!

В русском языке есть такая пословица: «Дуракам закон не писан». Ее с полным основанием можно отнести к творцам тех юридических новшеств, что сотрясали страну в первые десятилетия безбашенной большевистской власти. Сейчас апологеты советского строя, доказывающие, что «при коммунистах был порядок», стыдливо не вспоминают, как же на самом деле было

при коммунистах. Мало кто знает, например, что советское семейное законодательство вплоть до 1926 г. разрешало назначать алименты нескольким мужчинам, которых женщина официально объявляла «отцами» ребенка. А Александра Коллонтай, главный специалист «по половому вопросу», всерьез предлагала официально уничтожить институт семьи. Поскольку в этом случае неизбежно должен был встать вопрос о брошенных детях, Коллонтай не придумала ничего умнее, как предложить ввести для всех мужчин Советской республики специальный налог в размере 2 рублей в год. Вырученные деньги должны были пойти на содержание детей в сиротских домах. Хорошо известно, что в 1960-х гг. страны Запада пережили то, что сейчас принято называть «сексуальной революцией», но отечественные апологеты коммунистической партии стыдливо скрывают тот факт, что первая в мире «сексуальная революция» была осуществлена именно в Советской России и случилось это чудовищное преступление против традиционной морали и нравственности в первой половине 1920-х гг. В контексте интересующей нас темы — истории феномена серийной преступности — данное обстоятельство чрезвычайно важно. С точки зрения современных представлений, свобода нравов, царящих в обществе, напрямую влияет на формирование поведенческих стереотипов людей и определенным образом программирует появление лиц, склонных к многоэпизодным сексуальным преступлениям. Впрочем, об этом подробнее будет написано ниже.

Помимо упомянутого выше «классового самосознания», подменившего собою дух и букву прежнего законодательства, юридическая «наука» коммунистической диктатуры (в той степени, в какой вообще можно применить термин «наука» в данном контексте) отметилась всемерным внедрением и других идеологических догматов и клише. Одной из таких краеугольных и непререкаемых догм явилось утверждение о «воспитательной функции наказания». Большевики исходили из того, что уголовники — это «классово близкий пролетариату элемент» в отличие от интеллигенции, буржуазии и священства. Большевистские адепты, подвизавшиеся на ниве юридической «науки», затратили много сил и времени на дискредитацию Ломброзо и его учения. Оно и понятно — внешний облик многих руководящих коммунистических деятелей носил явную печать дегенерации,

Николай Александрович Семашко (1874—1949), народный комиссар здравоохранения РСФСР в 1918—1930 гг., большевик с дореволюционным стажем, участник захвата власти в Москве в ноябре 1917 г. С именем Семашко официальная историческая наука связывает успехи в области борьбы с детской беспризорностью, общественной гигиены и питания, пропаганду и широкое внедрение физкультуры и спорта. Гораздо менее известны куда более одиозные деяния Николая Александровича, например, гонения на медицинских работников по признаку идеологической преданности правящей партии или активная пропаганда движения «Долой стыд!». Последнее активно действовало в 1925—1926 гг. во многих крупных городах России, в т. ч. в Москве. Участники движения, выходя полностью обнаженными на улицы, устраивали массовые представления с призывом к уничтожению семьи, «раскрепощению женщины», беспорядочным половым связям и т. п. По замыслу инициаторов движения «Долой стыд!» подобные призывы должны были способствовать ускоренному разрушению «обывательского сознания» и «православного мировоззрения». Участники массовых акций вызывали гнев и раздражение обычных граждан и нередко становились жертвами побоев. В итоге большевистские идеологи приняли решение отказаться от малорезультативных и пугающих антиобщественных выходов и осенью 1926 г. «Долой стыд!» свернуло свою деятельность. Гораздо больше вреда принесла насаждаемая наркомом идеологическая цензура во всех направлениях научного поиска и практической работы. Семашко прямо обязывал подчиненных руководствоваться правилом: «Решение вопроса о взаимоотношении между биологическим и социальным фактором в современной медицине является лакмусовой бумажкой, определяющей марксистскую или буржуазную постановку основных медицинских проблем». Все специалисты, не разделявшие большевистской доктрины, последовательно изгонялись из профессии, и даже высокая компетентность и признание заслуг не могли смягчить их участи.

многие из них своим видом подтверждали справедливость выводов итальянского психиатра. Следует помнить, что многие высокопоставленные партийные функционеры имели богатый криминальный опыт и являлись людьми, мягко говоря, психически нездоровыми. Уголовник не был для советской власти «классово чуждым элементом» — это был просто «оступившийся»

человек, которого можно и нужно «исправить». Многие уголовники с приходом большевиков пошли во властные и силовые структуры. Прекрасный тому пример — бандит и убийца Александр Самышкин, известный в криминальном мире под кличкой Семинарист — успешно подвизавшийся на чекистской ниве и расстрелянный товарищами по «чрезвычайке» за присвоение конфискованных ценностей (это далеко не единственный случай такого рода, известно множество примеров перехода чекистов в бандиты и обратно!). Не менее анекдотичны и происхождения другого уголовника со стажем — четырежды судимого вора Михаила Авдеева, сумевшего стать при новой власти главой исполкома Вырицкой волости и продолжавшего попутно обворовывать музеи и частные коллекции Петрограда-Ленинграда...

Тезис об «исправлении трудом» был чрезвычайно популярным коммунистическим догматом, принципиальной идеологической установкой правящей партии. Соответственно все рассуждения криминальных психологов о врожденной предрасположенности некоторых людей к совершению преступлений, о дурном влиянии наследственных факторов и дегенерации вступали в прямое противоречие с идеологическими догматами коммунистического учения. Оно, это учение, внушало, что есть классы «передовые», а есть — «реакционные», роль личности в истории ничтожна и значение имеют лишь экономические условия существования общества. А посему преступность в СССР — это всего лишь «родимое пятно капитализма», ибо «социализм не порождает преступности». Последний перл, рожденный титаном мысли от «советской юридической науки» тов. Вышинским, сделался чрезвычайно популярным и одно время цитировался едва ли не в каждом обвинительном заключении, направляемом прокуратурой в суд (вообще, склонность ответственных совпартработников к цитированию руководящих директив имела какой-то иррациональный характер и рождает аналогию с шаманизмом, заклинательством демонов посредством вербальных форм, имеющих якобы особую мистическую силу).

Представители советской школы криминологии яростно доказывали, что жестокие наказания уголовников лишены смысла и бесцельны, а истинной целью приговора должно стать воспитание оступившегося гражданина. В этом смысле показательна полемика, развернувшаяся летом 1918 г. на страницах журнала

Узнадзе Дмитрий Николаевич (1887–1950) — советский психолог, создатель «теории установки». Окончил Харьковский университет, стажировался в Германии, в 1918 г. явился одним из создателей Тбилисского государственного университета, впоследствии создал при Академии наук Грузинской ССР институт психологии, который и возглавил. Узнадзе работал в направлении изучения «неосознаваемого выбора» и описал связанные с этим довольно интересные феномены. Обнаруженное им явление подсознательного предпочтения он назвал «установкой». К середине 1940-х гг. советская психология столкнулась с тем, что наложенные на нее идеологические ограничения привели к явному отставанию от западной науки, где бихевиористика и фрейдизм далеко продвинулись в области изучения «психологии подсознательного». Причем работы в этом направлении имели большое прикладное значение, поскольку помогали понять природу конфликтного и антисоциального поведения. Чтобы как-то компенсировать свою все более очевидную некомпетентность в этой тематике, представители советской психологической науки стали говорить об Узнадзе как о «советской альтернативе Фрейду». При этом профессиональное сообщество внутри страны критиковало Узнадзе и относилось к ученому как к «не до конца материалисту». Один из его критиков не без иронии заметил, что феномен «установки» вполне может быть объяснен рефлексологией как вполне тривиальная динамическая стереотипия. Сам Дмитрий Николаевич никогда не рассматривал свои труды как альтернативные фрейдизму. Отношение «капитанов советской науки» к Узнадзе выпукло демонстрирует стремление правящей верхушки к перманентному идеологическому противостоянию с Западом, что в условиях тоталитарного общества и отсутствия свободы мнений самым пагубным образом отражалось на возможностях ведения открытой дискуссии и научного поиска.

«Пролетарская революция и право», в ходе которой столкнулись мнения начальника Карательного отдела Наркомата юстиции Л. А. Саврасова и председателя Московского революционного трибунала Я. А. Бермана. «Столкновение взглядов» оказалось в этом споре довольно условным, оба «теоретика» априори признавали марксистский догмат о том, что «неисправимых преступников нет», но расходились в том, сколь долгим может оказаться «исправление» и уместен ли в этом деле «классовый

Филипченко Юрий Александрович (1882–1930) — крупный русский и советский биолог и генетик. В 1906 г. окончил Санкт-Петербургский университет и как особо одаренный молодой ученый был оставлен при нем для подготовки к профессорской деятельности. В 1911–1912 гг. выезжал для стажировки в Германию и Италию. В 1913 г. стал читать в Петербургском университете первый в России курс по генетике, стал профессором этого университета в 1918 г. Через три года стараниями Филипченко при Академии наук РСФСР было создано Бюро по евгенике, которое в 1925 г. было переименовано в Бюро по евгенике и генетике. Впоследствии, уже после смерти Филипченко, это учреждение стало Институтом генетики, многие из ученых которого подверглись репрессиям в конце 1930-х гг. В 1925 г. Юрию Александровичу было запрещено заниматься генетикой и евгеникой человека, и он переключился на исследование проблем селекции крупного рогатого скота. Давление на ученого было таким, что в своем последнем учебнике по генетике, написанном в 1928 г., Филипченко ни разу не употребил слово «евгеника». Скорострительно умер в 1930 г., заболев менингитом. В 1930-1940-х гг. работы Филипченко по генетике именовались в советском научном сообществе вредительскими и неоломброзианскими, а сам он нередко удостоивался эпитета «русский фашист».

подход» (Берман, правда, будучи юристом еще дореволюционной закваски, невнятно упоминал о «преступниках с дурными наклонностями», но в эту опасную тему он благоразумно предпочел не углубляться, ибо понимал, что обвинение в «ломброзианстве» способно уничтожить не только революционную карьеру, но и его самого физически).

Читать лицемерные рассуждения коммунистических «теоретиков» о «гуманизме» и «воспитании» особенно противно, когда вспоминаешь о том, что на протяжении многих лет и даже десятилетий классовое происхождение преступника признавалось существенным фактором при вынесении приговора. За одно и то же деяние сын проститутки и сын священника получали несопоставимые наказания. После принятия в 1922 г.

В первой половине 1920-х гг. исследования по генетике и евгенике еще не трактовались идеологами марксизма как противоречащие материалистической философии и учению Дарвина. В те годы по этим научным дисциплинам издавались периодические издания и научные труды. Отношение к евгенике у руководителей большевистской науки резко изменилось после того, как профессор Ю. А. Филипченко в 1922 г. предал огласке результаты своих исследований наследственности петроградских ученых. Изучив 676 подробных анкет, заполненных как самими учеными, так и членами их семей, Филипченко указал на явную связь одаренности с природными задатками. Соответственно, бионегативные черты ученый также связывал с наследственной предрасположенностью. А это расценивалось большевистскими идеологами как прямая поддержка «реакционного ломброзианства». Отношение к исследованиям наследственности еще более ухудшилось после того, как Филипченко обнародовал результаты изучения наследственности 80 ученых, которых он отнес к категории «особо одаренных» (все они демонстрировали успехи в двух или более научных дисциплинах или видах творчества). Исследователь указал на то, что политика большевиков ведет к стремительной деградации наиболее образованного слоя общества, количество особо одаренных ученых всего за один год уменьшилось на 1/8 (7 человек были репрессированы либо скончались, а 3 — эмигрировали). Понятно, что большевики не могли оставить подобное заявление без внимания. С 1925 г. все евгенические исследования были прекращены, а Филипченко получил запрет на всякую работу, связанную с генетикой человека.

Уголовного кодекса РСФСР особым декретом ВЦИК республики санкционировалось применение условно-досрочного освобождения осужденных только в отношении выходцев из рабочих и крестьян. И в последующие годы большевистская власть не раз демонстрировала приверженность «классовому подходу» в деле правоприменения. В качестве примера можно привести совместное директивное письмо Народного комиссариата юстиции и Верховного суда РСФСР от 28 августа 1928 г., в котором советские судьи ориентировались на то, что не следует применять

строгие меры наказания даже за тяжкие преступления, если подсудимые совершили их впервые. Длительные сроки лишения свободы считались допустимыми лишь «в отношении классовых врагов, рецидивистов и деклассированных элементов».

Нельзя не отметить того, что процесс развития отечественных школ криминологии и судебной психологии все же не остановился одномоментно. Существовала определенная инерция движения, оставались некоторое время живы носители знаний и учебные центры, воспитанные в представлениях «старой школы». Кроме того, и сами большевики до известной степени демонстрировали плюрализм мнений, поскольку нуждались в «научном подтверждении» собственных идеологических штампов. При советской власти в разных городах РСФСР стали появляться клиники по изучению преступности и преступника, которые в 1925 г. объединились в Московский государственный институт по изучению преступности и преступника (клиники в других городах стали его филиалами). Институт проводил анализ статистических данных, предоставляемых ОГПУ, НКЮ, НКВД, изучал клинические портреты преступников, разрабатывал методики их обследования и т. п. В 1922 г. в Москве открылся Кабинет криминальной антропологии и судебно-психиатрической экспертизы, на периферии появились его отделения.

К концу 1920-х гг. на основе изучения материалов реальных уголовных дел и обобщения накопленной статистики отечественные криминалисты и психиатры фактически создали психологические портреты некоторых типов преступников: детоубийц (М. Н. Гернет), поджигателей и пироманьяков (Т. Е. Сегалов), насильников (Н. П. Бруханский) и пр.

В то время отечественная криминология стояла на позициях более или менее адекватных окружающей действительности. Признавался, пусть и с оговорками, факт многоаспектного влияния на формирование девиантного поведения человека: 1) природных факторов; 2) индивидуальных особенностей личности, врожденных и привитых; 3) социальных факторов (последние считались самыми значимыми). В этом смысле развитие криминологии отчасти шло в русле углубления наработок дореволюционной школы.

Однако с начала 1930-х гг. идеологический пресс ВКП(б) стал все более явственно деформировать отечественную науку.

Богданов Александр Александрович (1873–1928) — экономист, врач, писатель, философ, политический деятель, один из основателей РСДРП, оппонент Ленина по вопросам экономической борьбы большевиков в дореволюционной России. На фотографии справа: Богданов играет в шахматы с Лениным в резиденции Горького на острове Капри. В 1911 г. Александр Александрович отошел от активной политической работы, что не помешало ему, однако, сохранить связи и влияние. С 1918 г. — один из организаторов и главных идеологов агитпропа. В 1926 г. Богданов выступил инициатором создания первого в мире Института переливания крови. Одна из важнейших задач, которая была поставлена перед институтом, заключалась в выработке методов укрепления здоровья видных большевиков и крупных руководящих кадров посредством переливания крови. Богданов считал, что таким путем можно добиться физического омоложения человеческого организма и повышения иммунитета. Идея вызвала огромный интерес Сталина, Луначарского, Семашко и других видных большевиков. Институт, который сам же Богданов и возглавил, занял роскошный особняк в центре Москвы и получил прекрасное финансирование. Александр Александрович лично принимал участие в экспериментах, выступив в качестве реципиента в 11 переливаниях крови, из которых 5 — большого объема (900 мл и более). Двенадцатое переливание, проведенное в марте 1928 г., привело к поражению печени и последующей смерти. Причины случившегося не до конца ясны, возможно, Богданов был отравлен.

В силу идеологических установок правящей партии все исследование девиантного поведения, проводимые отечественными криминальными психологами и психиатрами, были объявлены «неоломброзианством». Фамилия самого Ломброзо, как было отмечено выше, уже в первые месяцы существования советской власти сделалась нарицательной и использовалась как символ «выразителя реакционного буржуазного учения». Причем суть этого учения пропагандистами от ВКП(б) передавалась предельно вульгарно, этому замечательному ученому критики от «передовой советской науки» стали приписывать то, чего

он никогда даже и не утверждал. Труды же его в Советском Союзе не переиздавались за ненадобностью, а книги, изданные в дореволюционное время, были похоронены на многие десятилетия в «спецхранах». Последователей Ломброзо коммунистические доктринеры обвиняли в «попытках биологизации социальных процессов», а отечественных ученых, пытавшихся противиться подобным идеологическим догмам и штампам, объявляли «псевдомарксистами». Результат гонений на отечественную криминологию (и смежные науки) оказался плачевен — некоторые ученые были расстреляны (А. Я. Эстрин, Г. Волков), другие лишились возможности заниматься исследованиями (А. А. Пионтковский, А. С. Шляпочников и др.).

В этом смысле показательна судьба уже упоминавшегося выше доктора юридических наук Сергея Викторовича Познышева, еще в дореволюционную пору ставшего профессором Московского университета и академиком Тулузской академии наук. После Октябрьского переворота 1917 г. большевики запретили ему вести педагогическую и научно-исследовательскую работу, однако в силу того, что Познышев пользовался большой известностью за рубежом, советская власть была заинтересована в привлечении его к сотрудничеству. Несколько раз Сергею Викторовичу делались предложения о трудоустройстве, но взамен ему надлежало выступить с публичным антиправославным заявлением. Познышев категорически отверг такого рода заигрывания и заявил, что останется православным человеком до последнего вздоха. Тем не менее интриги вокруг него не прекратились. В 1921—1922 гг. он был привлечен в качестве консультанта к составлению Уголовного кодекса РСФСР. На следующий год большевики милостиво разрешили переиздать его дореволюционный труд по теории и практике тюремного содержания (в советском издании этот учебник получил название «Основы пенитенциарной науки»). Но на этом заигрывания с принципиальным юристом закончились — он лишился квартиры, средств к существованию и, распродав все более-менее ценное имущество, долгие годы перебивался частными уроками. В январе 1943 г. в возрасте 72 лет Познышев умер в глубокой нищете от воспаления легких. Хорошо хоть, умер своей смертью, многие юристы дореволюционной школы оказались лишены даже этого и сгинули в застенках ВЧК — ОГПУ — НКВД...

Слева: Иванов Илья Иванович (1870–1932) — русский и советский биолог, изучавший вопросы искусственного осеменения и межвидовой гибридизации. *Справа:* статья из журнала «Смена» с описанием его опытов по гибридизации человека и обезьяны. Илья Иванович окончил Харьковский университет в 1896 г., получил звание профессора в 1907 г. Через три года выдвинул предложение по созданию гибрида человека и обезьяны, который должен был оказаться работоспособным и хорошо управляемым. Такие «новые люди», по мнению ученого, явились бы идеальными солдатами и рабочими. Кроме того, успешное межвидовое скрещивание должно было подтвердить справедливость теории Дарвина и марксистскую концепцию формирования современного человека. На протяжении полутора десятилетий идеи Иванова по созданию подобного гибрида не вызывали интереса со стороны научного и политического сообщества, однако в середине 1920-х гг. Илья Иванович нашел-таки поддержку большевистских идеологов. Иванов получил солидное финансирование, выехал вместе с сыном в командировку сначала во Францию, а затем в Африку, где занялся отбором обезьян для экспериментов. Там же, в Африке, осуществил первые попытки осеменения самок шимпанзе спермой человека (все они оказались безрезультатны). Попутно Иванов пытался организовать осеменение женщин спермой человекообразных приматов, однако добровольцев для таких исследований в Африке он отыскать не смог. Зато такие женщины-добровольцы были найдены в Советской России. Обезьяны были вывезены в СССР, для их содержания был создан специальный питомник в Сухуми. Началу запланированных на 1929 г. экспериментов помешала смерть единственного самца орангутана, а к тому моменту, как из Африки были доставлены другие, Иванов и его покровители оказались под следствием по обвинению в разбазаривании денежных фондов. Кроме того, после пяти лет возни с гибридизацией человека была поставлена под сомнение научная целесообразность таких опытов. В декабре 1930 г. Иванов был арестован и сослан в ссылку в Казахстан, где и умер в марте 1932 г. Чудовищные эксперименты Иванова — яркий пример утраты советским научным сообществом не только здравого смысла, но и этических ориентиров и ограничений.

По мере того, как проходили годы «успешной борьбы за построение коммунистического общества», пороки дореволюционного прошлого не только не исчезали, но расцветали с новой силой. Реалии убогого советского быта и неспособность коммунистической партии решить самые насущные проблемы населения становились все более очевидны. Явная недостаточность продуктов питания, острый жилищный вопрос, очевидное несовершенство системы талонного распределения товаров повышенного спроса, возмутительная коррумпированность номенклатурных работников — все это усиливало апатию и раздражение широких слоев населения даже в относительно спокойные и бесконфликтные годы хрущевской оттепели и брежневского застоя. От том, что обществу не хватало свободы слова, доступа к информации, возможности для самовыражения, говорить вряд ли нужно — на фоне дефицита самых элементарных товаров, услуг и продовольствия невозможность купить собрание сочинений Есенина или Достоевского выглядела как сущая мелочь. Коммунистическая партия, разумеется прекрасно осведомленная о положении дел на местах, оказалась не способна эффективно реагировать на вызовы времени, поэтому единственным адекватным приемом борьбы с недостатками явилось их полное замалчивание. В каком-то смысле в Советском Союзе был реализован принцип управления, характерный для Арабского халифата, где гонцу, принесшему дурную весть, отрубали голову. В СССР головы, конечно, не рубили, но любой специалист, осмелившийся указать на изъяны социальной и экономической политики партии, всерьез рисковал как минимум своей карьерой.

Все сказанное в полной мере относилось к научному поиску в области криминальной психологии, изучения девиантного поведения, социального контроля, криминологии и пр. Так, например, долгое время не признавался факт существования в СССР наркомании и связанной с ней субкультуры. Хотя уже в середине 1950-х гг. было известно, что на территории Казахской ССР на площади более чем 6 млн га произрастает дикорастущая конопля, служившая сырьем для внутрисоветского наркотрафика, потребовались почти два десятилетия, прежде чем партийное руководство признало существование проблемы. Лишь в апреле 1974 г. появился Указ Президиума

Советские дети в момент построения в колонну на демонстрации 7 ноября. Дети в Советской республике являлись одновременно как объектом усиленной идеологической обработки, так и ее инструментом. Идеологический маразм не мог обойти своим вниманием проблему воспитания молодого поколения. Дети не только ходили в колоннах на митинги и демонстрации, но и участвовали в разного рода крупных официальных мероприятиях — пафосно «поздравляли» участников всевозможных съездов, пленумов и конференций, торжественно вручали цветы, читали со сцен и трибун стихи и поздравления. Из эпохи 1920—1930-х гг. почти не дошли фотографии обычных детских праздников или развлечений. Сейчас уже мало кто знает, что в 1921 г. большевики запретили празднование Нового года и Рождества. И сделали это, разумеется, со ссылкой на волю народа. В январские дни 1921 г. «передовая московская молодежь» организовала «комсомольское Рождество» и, пройдя по Большой Дмитровке и Тверской улице, сожгла огромную стопу книг религиозно-философского содержания перед часовней Иверской Богоматери. Запрет на празднование Нового года и Рождества продержался вплоть до 1937 г. Об этих постыдных фрагментах отечественной истории нынешние апологеты коммунистической доктрины стараются не вспоминать.

Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с наркоманией», на основании которого были сформулированы составы новых для советского Уголовного кодекса преступлений, связанных с наркотиками (хищение наркотических средств, незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотических средств без цели сбыта и т. п.). Примечательно, что принудительное лечение от наркотической зависимости стало практиковаться с августа 1972 г., когда появился соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР. И вот

какой интересный казус: преступлений, связанных с оборотом и употреблением наркотиков, вроде бы нет (и даже самих наркоманов как будто не существует), а вот принудительное лечение уже практикуется... Это очень по-советски: существование проблемы не признается, но при этом ее пытаются решать!

Интересно и другое. Первое серьезное исследование угрозы расширявшейся наркотизации советского общества появилось лишь в 1972 г. Это была книга А. А. Габани «Наркотизм», изданная крайне ограниченным тиражом и имевшая гриф «Для служебного пользования». Выводы, сделанные крупным грузинским ученым-социологом, специалистом по девиантному поведению, оказались до такой степени неприятны высшему руководству правоохранительных органов, что все исследования в этом направлении были остановлены более чем на полтора десятилетия и возобновились лишь в последние годы горбачевской перестройки.

Другой показательный пример, отлично иллюстрирующий лживость официальной пропаганды, связан с изучением суицидальных проявлений. Склонность людей к самоубийству и распространенность этого явления среди социальных групп является значимым индикатором неблагополучия в обществе. Кроме того, сам акт самоубийства расценивается, с точки зрения криминальной психологии, как крайняя форма агрессии, аналогичная посягательству на убийство, с той только разницей, что субъект и объект преступления совпадают (иногда криминальные психологи говорят, что самоубийство — это агрессия, направленная на самого себя). Поэтому изучение суицидальной активности во всем мире рассматривается как важное направление криминальной психологии и социологии. В первые годы существования советской власти коммунистическое руководство в силу своей малообразованности просто не понимало этих нюансов и не препятствовало развитию суицидологии. Известный российский юрист Михаил Николаевич Гернет вплоть до 1926 г. собирал и анализировал отечественную статистику самоубийств, основываясь на данных Отдела моральной статистики Центрального статистического управления СССР—РСФСР (Гернет возглавлял этот отдел вплоть до 1931 г.). Однако, когда советское руководство узнало, что удельный уровень самоубийств в Москве и Ленинграде за период 1917—1926 гг. увеличился

более чем в три с половиной раза, всякие работы по анализу суицидной активности были запрещены. Открытие это было слишком неприятным для новой власти — оно означало, что все социальные новации коммунистов оказались провальными. Суицидальная статистика звучала как приговор всем советским реформам — они привели к росту неуверенности населения в завтрашнем дне, падению жизненного уровня и полной утрате смысла жизни в глазах значительной части граждан молодой Советской республики.

В последующие 40 лет статистика по самоубийствам в СССР просто не собиралась — Сталина и Хрущева такие пустяки не интересовали. Лишь в 1965 г. Советский Союз начал собирать и предоставлять в распоряжение Всемирной организации здравоохранения информацию о самоубийствах. Может показаться удивительным, но сведения, сообщаемые международному сообществу, оставались секретными для собственного народа. Даже специалисты-криминологи не имели доступа к информации по суицидам. Оно и понятно — Советский Союз по этому показателю догонял самые неблагополучные страны мира. В 1984 г. по удельному количеству завершённых актов суицида (т. е. таких, которые закончились смертью самоубийцы) СССР вышел на второе место в мире после Венгрии (тоже, кстати, социалистической страны!). Даже неспециалисту было ясно, что рост из года в год подобных показателей явно указывает на глубокие социальные проблемы.

Аналогично обстояло дело с изучением корней проституции в СССР. Если следовать логике грубого «экономизма», который навязывала коммунистическая доктрина, то такого явления, как проституция в Стране Советов просто не должно было существовать. В самом деле, женщины давно уже были уравнены в политических и экономических правах с мужчинами, они получили возможность для самореализации в «обществе подлинной советской демократии» и — что, проституция исчезла? Нет! Напротив, даже в относительно благополучные послевоенные десятилетия некоторый процент женщин принципиально отказывался работать у станка и выбирал путь оказания сексуальных услуг за деньги. Существование стихийной проституции в «стране победившего социализма» до такой степени противоречило фундаментальным догматам «марксистско-ленинского учения»,

что идеологи КПСС так и не нашли этому явлению хоть какого-то внятного объяснения. За три десятилетия (с 1955 по 1985 г.) в Советском Союзе были проведены всего два (!) весьма ограниченных по масштабу эмпирических исследования проституции. Их результаты, крайне неприятные для власти, были опубликованы под грифом «Для служебного пользования» и оказались доступны лишь очень узкому кругу лиц. Практической ценности эти научные работы не имели, точнее говоря, они просто оказались невостребованы. Когда в 1990-е гг. Россию накрыл вал проституции и сопутствующих ей пороков (растление малолетних, создание борделей-притонов, торговля секс-рабами, распространение порнографии и пр.) противники курса реформ возопили о том, что в возникшей ситуации «виноваты демократы-либералы». Нельзя не удивиться этому лукавству, ведь лицемерия в нем даже больше, чем глупости. Подчеркнем, что на самом деле проституция (и притом весьма массовая) существовала в СССР всегда и имела она формы весьма разнообразные: были «жрицы любви» при вокзалах, ресторанах, на крупных автотрассах, на курортах (внимательный читатель в этом ряду назовет еще и валютную проституцию, но ее вряд ли следует здесь упоминать, поскольку эта сфера интим-услуг складывалась отнюдь не стихийно, а тщательно культивировалась курировавшими ее структурами КГБ и ОБХСС).

Политику Коммунистической партии Советского Союза во всех вопросах, выходящих за рамки идеологических догм, трудно назвать иначе, как страусиной. Если какое-то явление не соответствовало «марксистско-ленинской теории», тем хуже было для самого этого явления — оно попросту игнорировалось как несуществующее. Жизнь рядового советского человека развивалась словно в двух параллельных мирах, не имевших точек соприкосновения — в одном из этих миров хорошо выбритые начальники с экранов телевизоров рассказывали о том, как налаживается жизнь в Советском Союзе, а в другом — эта самая жизнь была простого человека по голове вечным дефицитом, убогим бытом и ощущением полнейшей неспособности изменить что-то к лучшему.

Подводя итог всему сказанному выше, следует выделить некоторые важные особенности как советского общества в целом, так и сложившейся системы правоприменения в частности:

— в СССР существовало серьезное ограничение фундаментальных гражданских прав и свобод практически всех жителей страны. В силу этого население СССР, в сравнении с другими цивилизованными странами, имело низкую мобильность (Совместным постановлением ЦИК и Совнаркома СССР от 27 декабря 1932 г. жители сельской местности были лишены права получения общегражданских паспортов. Их выезд из мест проживания был возможен только по временной справке сельсовета или председателя колхоза, которые всячески противодействовали отъездам жителей ввиду сокращения налогооблагаемой базы. Этим же постановлением все подростки, достигшие 16 лет, автоматически записывались в колхоз, даже если не хотели этого. Уклонение от вступления в колхоз грозило уголовным преследованием. В 1958 г. была введена практика выдачи временных паспортов, которая решила проблему беспаспортного крестьянства лишь отчасти. Тем не менее за период 1958–1964 гг., пользуясь послаблением режима, в города бежало более 8 млн жителей села. Паспортизация колхозного населения была окончательно проведена лишь в середине 1970-х гг., после принятия совместного Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР от 28 августа 1974 г. Однако надо иметь в виду, что даже наличие паспорта отнюдь не давало советскому гражданину право свободного выбора места проживания. Институт «прописки» по месту жительства имел разрешительный характер, т. е. органы внутренних дел должны были разрешить гражданину проживать по заявленному адресу.). Помимо паспортного учета, т. е. учета по месту жительства, существовала отлаженная система воинского учета призывного контингента, который осуществлялся по двум направлениям — по месту работы и по месту проживания (через систему районных военных комиссариатов). Все это существенно ограничивало возможности выбора рядовым советским человеком мест проживания и работы.

— существовали серьезные недостатки в вопросе правовой защищенности рядовых советских граждан, например, не допускалось участие адвоката в предварительном следствии, что фактически отдавало подозреваемого в руки следователя. Низкая правовая грамотность населения, невозможность получения квалифицированной юридической помощи, приглашения независимого эксперта, отсутствие практики освобождения

до суда под залог превращали задержанного (а тем более арестованного) в заложника ситуации. Ему фактически оставалось лишь уповать на честность и добросовестность следователя, который мог повернуть расследование в любую сторону, в зависимости от руководящих установок или личных предпочтений. Существовала масса уловок, посредством которых можно было «впутать в дело» совершенно постороннего человека. Причем уголовник со стажем, знакомый с такого рода хитростями, оказывался в несравнимо лучшей ситуации, нежели рядовой советский человек. В СССР отсутствовал суд присяжных, способный вынести вердикт о виновности обвиняемого на основании здравого смысла, жизненного опыта и личного чувства справедливости каждого из членов жюри. В Советском Союзе не существовало практики приглашения защитой независимых экспертов. Все это делало «сопоставимость сторон» — краеугольный принцип демократичной судебной процедуры — весьма и весьма условной. Особо следует подчеркнуть, что «освобожденные партийные работники» (т. е. номенклатура, получавшая зарплату за работу в парторганах) в целом оказывались вне досягаемости закона. Член КПСС, тем более руководящий работник, не мог быть отдан под суд — это была принципиальная установка, обязательная для исполнения всеми правоохранительными органами. Коммуниста-уголовника сначала требовалось исключить из партии, причем процедура исключения была отнюдь не пустой формальностью, и чем выше была занимаемая коммунистом должность, тем сложнее было этого добиться. Вот так выглядело на самом деле пресловутое равенство всех граждан перед законом!

— уголовное законодательство СССР имело несколько необычных, с точки зрения современных представлений, правовых норм. По закону преследовалось тунеядство, или другими словами, паразитический образ жизни (нельзя было оставаться безработным более 2 недель, если срок превышал указанную продолжительность, следовала постановка на учет в отделении милиции. Исключение делалось для демобилизованных из рядов Вооруженных сил, им разрешалось при выходе «на гражданку» заниматься поиском работы до 1 месяца. Если человек не работал 4 месяца, следовало привлечение к уголовной ответственности по ст. 209 УК РСФСР). Очень жестко, вплоть до расстрела, преследовалось совершение валютных операций

(покупка валюты разрешалась лишь выезжающим за границу СССР, по возвращении нерастраченный остаток надлежало продать государству. Уголовная ответственность за нарушение правил валютных операций возникала уже при наличии суммы в инвалюте, эквивалентной 30 долларам США — сумма эта совершенно ничтожна, принимая во внимание, что доллар в эпоху «развитого социализма» стоил 0,6–0,7 рубля). С 1934 г. в СССР был наказуем мужской гомосексуализм. При этом Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1960 г. содержал некоторые очень странные положения, в силу которых изнасилование мальчика считалось куда менее тяжким преступлением, чем изнасилование девочки, что разумного объяснения вообще не находит. Всем заинтересовавшимся можно рекомендовать лично ознакомиться с текстами статей 117, 120 и 121 УК РСФСР. В 1944 г. постановлением Правительства СССР было прекращено ведение алиментных дел и назначение алиментов на ребенка; почти на два десятилетия подобные дела исчезли из юридической практики Страны Советов. Этой странной, архаической и несправедливой мерой сталинское правосудие пыталось поднять рождаемость в стране. Другой нелепой мерой можно считать запрет на аборты, введенный в 1936 г., существовавший до 1955 г. и стоивший стране жизнью десятков тысяч женщин, вынужденных решаться на опасные операции по изгнанию плода в антисанитарных условиях и без необходимого медицинского сопровождения. Помимо этого, по закону преследовалось изготовление, незаконное хранение и продажа оружия (эта норма столь любопытна, что ее следует особо пояснить современному читателю. Ввиду тотального дефицита практически любых качественных товаров, царившего в СССР, непросто было купить даже приличный нож. Нож из хорошей инструментальной стали был в СССР большой ценностью. Именно этим объяснялась любовь советских людей к кустарно изготовленным ножам — народные умельцы переделывали в ножи пилы, напильники и пр. Знатоки творчества В. Высоцкого без труда припомнят упоминания о таких ножах в его песнях — это был неотъемлемый элемент советского быта. Так вот, наличие такого самодельного ножа уже гарантировало привлечение его владельца к уголовной ответственности. Старый сотрудник уголовного розыска, поработавший еще в советское время, рассказывал автору этих строк о практике той

эпохи в таких словах: «Если обыск не давал нужного результата, а человека надо было подтянуть под статью, тогда следовало найти «спасительный нож». Так на нашем жаргоне именовался самодельный нож, который считался оружием. Такие ножи были почти на каждой кухне. На крайняк их можно было просто подбросить». Вот так — цинично, грубо, но эффективно...).

— главенство КПСС и партийных органов, идеологическое доктринерство оказывало крайне негативное воздействие на все стороны общественной жизни и влияло на работу органов защиты правопорядка. Надо сразу оговориться, что «руководящая роль партии» несла с собою и некоторый позитив, выступая мобилизующей силой, но негатива от этого воздействия было все же больше. Коммунисты были сторонниками кампанейщины и показухи во всем: в году было несколько дат, к которым всем организациям страны следовало приурочить «подвиги и трудовые свершения» (День рождения Ленина, Первомай, 7 Ноября — годовщина Великой Октябрьской социалистической революции). Помимо общенародных праздников имелись и праздники помельче, но тоже требовавшие трескотни в средствах массовой информации и победных рапортов на торжественных заседаниях — дни рождения генсеков ЦК КПСС, даты очередных выборов в Верховный Совет СССР и т. п. Органы идеологического контроля на местах (т. е. территориальные структуры КПСС) внимательно следили за отчетностью и горе было тому руководителю, чье подразделение к торжественной дате не смогло «перевыполнить план». А ведь надо иметь в виду, что помимо обычного плана существовало и такое понятие, как «встречный план» (его выдвигало конкурирующее подразделение — «участник социалистического соревнования»), а также «повышенные социалистические обязательства» (т. е. добровольно повышенный производственный план). Их тоже надо было перевыполнять. Понятно, что перевыполнение плана всегда совершалось в ущерб качеству, поэтому жители СССР старались не покупать товары, изготовленные перед праздниками и в конце кварталов (потому что в конце каждого третьего месяца на советских предприятиях сдавались квартальные отчеты и в последние дни перед их сдачей на всех производствах начиналась гонка). Показуха, связанная с «борьбой за цифры», развращала всю систему правоохранительных органов страны —

отчитаться о раскрытии преступления было важнее, нежели действительно раскрыть его. Многие ошибки правоохранительной системы тех лет диктовались вовсе не злым умыслом рядовых исполнителей или их некомпетентностью, а именно царившей системой показухи и борьбой за «дутые» показатели отчетности.

— советское общество той поры находилось в плену нелепой пуританской морали и показной добродетели. Слова простой женщины, крикнувшей во время советско-американского телемоста, что «в СССР секса нет!», следует понимать буквально. Все связанное с половым влечением после 1945 г. было жестко табуировано и маскировалось массой эвфемизмов. Сейчас сторонники СССР утверждают, будто советское общество было «целомудренным», но на самом деле эпитет этот совершенно не подходит для описания тогдашнего восприятия сферы интимных отношений. Власть тупо и бестолково загоняла эти отношения в прокрустово ложе семьи, борясь со всяким появлением блуда (фактически борясь с самой человеческой природой). Во всех гостиницах и общежитиях существовал комендантский час — после 23:00 посторонние изгонялись безоговорочно. В гостиницах селили только иногородних, не существовало почасовой сдачи номеров. Не следует думать, что эти требования были формальны — администраторам гостиниц и комендантам общежитий за их нарушение грозила легендарная 226-я статья УК РСФСР в редакции 1961 г. («содержание притона») со сроком наказания до 5 лет (статья эта названа «легендарной» в силу ее замечательной универсальности; она именовала «притоном» и бордель, и казино, и место употребления наркотиков, кроме того, авторы умудрились втиснуть в эту статью еще и сводничество. В общем, под эту статью можно было «подтянуть» очень многое...). Уголовным законом преследовалось изготовление порнографии, причем под последней понимались порой вещи довольно невинные (за распространение видеофильмов «Греческая смоковница», «Калигула», «Эммануэль» и пр. в 1980-х гг. грозил вполне реальный срок). Преследовалась и проституция, даже неорганизованная. Любопытно, что высылка проститутток из городов, с конфискацией имущества и принудительным привлечением к труду на срок от 2 до 5 лет (на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда

и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» от 1961 г.) рассматривалась как административная мера воздействия, а не уголовное наказание. При крупных парторганизациях (более 300 членов КПСС) существовали особые парткомиссии, разбиравшие всевозможные прегрешения рядовых членов, кратко именовавшиеся советскими людьми «аморалкой». Жалобы жен на мужей, адресованные в парткомиссии, были нормой времени — люди не находили ничего удивительного в том, что представители правящей партии всерьез разбирают всевозможные внутрисемейные склоки и измены супругов. Пресловутая «аморалка», хотя и не образовывала состава преступления, тем не менее могла существенно повлиять на карьерный рост гражданина, ограничить его возможности по выезду за границу и пр.

— «призонизация» советского общества (от англ. prison — тюрьма) заметно отличала его от других европейских обществ, не знавших в 20 в. ни столь массовых репрессий, ни столь сурового уголовного законодательство, как в СССР. За первые 10 лет советской власти число осужденных по суду (т. е. без учета статистики трибуналов и внесудебных органов) оказалось лишь немногим меньше 10 млн человек (сравните: за десятилетие 1902—1912 гг. в каторжные работы и за решетку отправились 1 млн 372 тыс. человек, а в одном только 1925 г. большевики посадили 1 млн 272 тыс., т. е. почти столько же, сколько «бесчеловечный царизм» за десять лет!). С учетом «сталинского катка» и весьма относительной хрущевской оттепели получилось так, что примерно 15% населения страны к моменту краха СССР имели за плечами опыт лагерных и тюремных отсидок (всех заинтересовавшихся этим вопросом отсылаем к весьма информативным и вполне достоверным источникам: сборникам «Судебная статистика: преступность и судимость». М., 1995 и «Девиантность и социальный контроль в России (19—20 вв.): тенденции и социологическое осмысление». СПб., 1999). Столь высокий процент осужденных не мог не повлиять на общественное сознание: специфическая уголовная субкультура получила в СССР распространение, немыслимое в какой-нибудь иной европейской стране. «Призонизация» имела и обратную сторону, непосредственно связанную с темой настоящего повествования. Уголовная среда во все времена и во всех странах была пронизана полицейскими осведомителями, и в Советском

Союзе их число оказалось особенно велико. Оперативная работа как МВД, так и органов госбезопасности СССР всегда базировалась на мощном агентурном обеспечении. Для того, чтобы дать представление о том, сколь разветвленна была агентурная сеть органов внутренних дел, можно привести такие цифры: в 1946 г. на связи с оперативными работниками аппаратов уголовного розыска Москвы и Московской области находились 396 резидентур, состоявших из 1142 агентов и 7876 осведомителей. Особо подчеркнем, что речь идет только об агентурном аппарате МВД, поскольку Министерство государственной безопасности имело свою собственную агентурную сеть, функционировавшую совершенно автономно. Достоинно упоминания то обстоятельство, что в книгах и кинофильмах советской поры вопросы взаимодействия оперработников с агентурой всячески обходились стороной. Существование агентурного аппарата вообще не признавалось, его в Советском Союзе словно и не бывало. Советские авторы-детективщики для того, чтобы скрыть факт поступления информации от тайного осведомителя, обычно прибегали к довольно наивному приему — они вводили в сюжет бабушку-свидетеля, которая, сидя на лавочке, умудрялась увидеть или услышать нечто очень важное для расследования. Подобная примитивность сюжета придавала советским детективам вид немного дебильный и откровенно завиральный. К сожалению, традиционная для многих поколений чекистов и милиционеров опора на стукачей оказалась совершенно бесполезна в деле борьбы с серийной преступностью. Просто в силу того банального факта, что серийный преступник — это почти всегда одиночка, не связанный с уголовным миром профессиональными интересами (т. е. сколачиванием шайки, сбытом краденого и т. п.).

— в 1960-х и 1970-х гг. в советском обществе происходило постепенное нарастание антимилицейских и антисоветских настроений. С одной стороны, этот процесс явился следствием вышеназванной «призонизации», а с другой — объективным отражением роста неудовлетворенности населения условиями жизни. Расхождение между официальной доктриной «всеобщего равенства и справедливости» и реалиями жизни в СССР постоянно усиливалось. Люди видели, что в стране живут откровенно недостойные люди, прежде всего, связанные

с распределением потоков дефицитных товаров. Обычные же люди хотели жить здесь и сейчас, и эта жажда стяжания, за которую их даже нельзя упрекнуть, все более формировала шкалу общественных ценностей. Милицию не минули подобные настроения: обворовывание пьяных, мздоимство во всевозможных формах, поборы гаишников на дорогах — становятся в 1960-х гг. нормой милицейской работы. Коррупция разъедала высшие эшелоны МВД, Министр СССР Н. А. Щелоков фактически обложил оброком министров республиканских МВД и своих подчиненных. По самым скромным оценкам он причастен к прямым хищениям в системе МВД СССР на сумму более 500 тыс. рублей — это огромная сумма для того времени, особенно если принять во внимание, что 1 доллар стоил тогда менее 70 копеек. Уже после самоубийства Щелокова в декабре 1984 г. у его наследников для возмещения ущерба изъято ценностей на 296 тыс. рублей и наличными 126 тыс. рублей. Прокуратура и КГБ также не остались в стороне от подобных тлетворных влияний, но ввиду того, что работа этих структур всегда была намного более закрытой для глаз обывателя, их разложение не вызывало такого раздражения в массах. В 1960—1970-е гг. произошло несколько крупных антимилицейских выступлений, в частности, в городах Чимкенте, Фрунзе, Днепродзержинске. Последний являлся родиной генсека ЦК КПСС Л. И. Брежнева, и лишь благодаря прямому вмешательству Леонида Ильича, запретившего войскам применять оружие против городского населения, во время знаменитого погрома 26 июня 1972 г. удалось избежать больших человеческих жертв. Надо ясно понимать, что нынешнее недоверие к органам защиты правопорядка, в тех или иных формах существующее во всех странах СНГ, появилось отнюдь не с распадом СССР, а имеет куда более древние корни.

Подводя итог всему сказанному выше, следует признать, что как правоохранительная система в своей совокупности, так и законодательство СССР были выстроены таким образом, что обеспечивали следственное производство очень широкими возможностями по раскрытию преступлений (в том числе и серийных). Доказывать обратное — значит вводить читателя в заблуждение.

Изучение девиантного поведения в нашей стране с середины 1920-х гг. на многие десятилетия застыло на «точке замерзания».

Вся коммунистическая пропаганда была построена на замалчивании негатива. Ну в самом деле, как можно всерьез заниматься виктимологией, если значительная часть жертв преступлений (серийных в частности) — это социально неблагополучные лица (бродяжки, проститутки, низкоквалифицированные рабочие и прочие т. н. «люмпены» по терминологии «марксистско-ленинского учения о классах»)? Ведь придется признавать, что в Советском Союзе существуют деклассированные элементы! Как можно признавать существование психо- и социопатов, ведь появление людей с отклоняющимся поведением напрочь разбивает марксистский миф о том, что «Бытие определяет сознание»! Оказывается, что сознание определяет что-то еще, помимо похлебки и дешевых ботинок. Как можно признавать, что социализм генерирует страшных убийц, если классики на самой заре «нового строя» авторитетно признали преступность «родовым пятном капитализма»! И даже авторитетно доказывали, что по мере развития социализма преступность отомрет «неизбежно»... Несмотря на явную завиральность такого рода утверждений, никто в Советском Союзе не мог поставить под сомнение правоту «руководящей линии КПСС» в вопросе борьбы с преступностью.

В этом отношении весьма показательна ситуация, сложившаяся во время хрущевской оттепели. На XXI съезде КПСС в 1959 г. Никита Сергеевич Хрущев под бурные аплодисменты зала заявил, что в вопросе уголовной политики «главное — это профилактика и воспитательная работа». Через два с половиной года, на XXII съезде, все тот же Хрущев пообещал пожать руку последнему преступнику в Советском Союзе. Сделано это было во время представления делегатам съезда новой «Программы КПСС», в которой теоретики «строительства коммунизма» на голубом глазу предлагали следующим образом бороться с преступностью: «В борьбе с пережитками прошлого [а преступность — это, по мнению идеологов КПСС, и есть один из пережитков прошлого], с проявлениями индивидуализма и эгоизма большая роль принадлежит общественности, воздействию общественного мнения, развитию критики и самокритики. Товарищеское осуждение антиобщественных поступков постепенно станет главным средством искоренения проявлений буржуазных взглядов, нравов и обычаев. Огромное воспитательное значение

приобретает сила хорошего примера в общественной и личной жизни, в исполнении общественного долга». Вот так, оказывается, «хороший пример», «критика» и «самокритика» являются инструментами перевоспитания преступников! Интересно, а многие ли из них перековались, поддавшись силе хорошего примера? Вопрос, впрочем, риторический...

Зато намного интереснее другой вопрос: как думает читатель, что случилось с советской преступностью после того, как генеральный секретарь ЦК КПСС представил такой фееричный документ миру и пообещал пожать руку последнему уголовнику? Правильно, уголовная активность в Советском Союзе резко пошла на спад. Начиная с 1961 г. и вплоть до 1964 г. число преступлений, зафиксированных органами МВД, упало на 19%! Такое ощущение, что советские убийцы, насильники, грабители и хулиганы дружно прочитали «Программу КПСС» и устыдились своего антиобщественного образа жизни. Правда, удивительный феномен невиданного падения числа преступлений может быть объяснен и несколько иначе: на протяжении 1961–1964 гг. органы внутренних дел, выполняя «ответственное поручение Партии и Правительства», цинично искажали отчетность, а после того, как Хрущева осенью 1964 г. принудительно отправили на пенсию, необходимость в такого рода приписках отпала. Ведь новый генсек не обещал пожимать руку последнему уголовнику!

Примером того, насколько болезненно советская номенклатура относилась к любой негативной информации, служит история создания фильма «Человек, который сомневается». Фильм, снятый режиссером Леонидом Аграновичем и вышедший на экраны в 1963 г., довольно интересен даже по нынешним меркам, а на фоне тогдашнего «идеологического ширпотреба» вообще смотрится как неординарная работа. Сюжет сводится к тому, что одного из героев кинокартины — его, кстати, отлично играет Олег Даль, и это одна из первых ролей выдающегося артиста — ошибочно обвиняют в изнасиловании и убийстве девушки. Находчивый адвокат добивается кассации приговора в Верховном суде РСФСР, и дело направляют на новое расследование. Вдумчивый следователь республиканской прокуратуры находит настоящего убийцу, и справедливость, таким образом, торжествует!

Картина, разумеется, пересыпана совершенно идиотическими панегириками советскому строю, но избежать подобной демагогии не мог в то время ни один писатель или сценарист, решившийся написать хоть пару строчек о советской действительности. Поэтому мать убитой девушки с неуместным пафосом восклицает: «Так жить хорошо стали!», а оперативник уголовного розыска, рассуждая о чудовищном преступлении, глубокомысленно замечает: «Редкость в наших местах... Насилие! Убийство! Раз в пять лет...». Но если абстрагироваться от подобных идеологических штампов, то фильм, еще раз подчеркнем, получился гораздо выше поделок тогдашнего советского кинематографа.

Речь, впрочем, немного не о том. Узнав, что Агранович снимает фильм про «убийство и расследование», в монтажную на киностудию приехал Министр охраны общественного порядка РСФСР В. С. Тикунов (в январе 1960 г. в рамках реформы госуправления МВД СССР было упразднено. Многие службы и управления союзного уровня перешли в подчинение МВД РСФСР, переименованного в октябре 1962 г. в МООП РСФСР, так что Тикунов в каком-то смысле выполнял функции министра союзного уровня). Вадим Степанович был возмущен фильмом, ведь там герой Даля прямо жаловался следователю республиканской прокуратуры на фальсификацию расследования, а когда следователь уточняет, зачем же тот подписывал лживые протоколы, без экивоков говорил об избиениях. Тикунова этот момент крайне возмутил: «Это же советская милиция! Советская милиция не избивает невиновных!». Узнав от Министра охраны общественного порядка о том, что Агранович снял «пасквиль», посмотреть на авторскую версию кинофильма приехали Председатель Верховного суда СССР А. Ф. Горкин и Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко. Результат оказался довольно предсказуем — дабы спасти картину, режиссер был вынужден убрать из нее все слова невиновного о фальсификации расследования, из-за чего, кстати, в сюжете появились нестыковки, заметные при внимательном просмотре.

Важно отметить, что фильм Аграновича, вообще-то, ни в коей степени не являлся антисоветским. Напротив, он нес позитивный с точки зрения правящей верхушки идеологический

Кадр из кинофильма «Человек, который сомневается», снятого в 1963 г. Это вторая кинематографическая роль молодого Олега Даля, герой которого оказывается несправедливо обвиненным в изнасиловании с убийством. Адвокат осужденного подает апелляцию, и Верховный суд РСФСР возвращает дело на следствие, которое поручается следователю по особо важным делам республиканской прокуратуры. Именно этот следователь и является главным героем кинокартины, именно он — тот самый человек, который сомневается. Нельзя не признать, что на фоне уныло-кондовых киноподелок того времени фильм Леонида Аграновича выделялся и нестандартным сюжетом, и игрой актеров. Он и сейчас смотрится весьма достойно, его можно рекомендовать всем интересующимся историей отечественного кинематографа и творчеством Олега Даля. Представленный кадр взят из сцены главного для всей картины диалога, когда следователь пытается по душам поговорить с невинно осужденным и интересуется, почему тот оговорил себя? Герой Даля по сценарию отвечает: «А что бы вы сказали, когда вас по животу начнут бить ногами?». По требованию Министра охраны общественного порядка РСФСР В. С. Тикунова фразу пришлось вымарать. Вместо нее Даль произносит: «Что ни скажу — все против меня оборачивается!». Фраза эта никак не связана с предыдущими и последующими репликами и звучит бессмысленно. При внимательном просмотре хорошо видно, что артикуляция говорящего совершенно не соответствует произносимому тексту. Это всего лишь маленький штришок к тому, как старательно и въедливо советская пропаганда работала над формированием в массах «положительного образа работников правоохранительных органов». Вплоть до вымарывания отдельных фраз...

заряд: в нем демонстрируется торжество «социалистической законности», «непредвзятость советского правосудия», способность советских органов власти к «самоочищению» и т. п. И тем примечательнее прямо-таки панический страх высшего руководства правоохранительных органов перед любым негативом. Пусть читатель задумается на минуточку над гротескной ситуацией — номенклатурные работники высшего звена, загруженные текущей работой люди бросают все и занимаются цензурированием киноленты!

Понятно, что в таких условиях Власть не желала слышать о негативе. Агитпроп лепил благостную картину социалистического строительства, руководители отраслей и ведомств народного хозяйства рисовали фальсифицированную отчетность о всяческих успехах, а правда жизни, идущая вразрез с официальным враньем, была никому из руководителей не интересна. Выражаясь точнее, такая правда находилась под прямым запретом. Тематика всех исследований, связанных с девиантным поведением, попала под негласное табу и стала потенциально очень опасна для тех ученых, кто был готов это табу нарушить. Именно поэтому в тех случаях, когда отечественным сыскарям доводилось сталкиваться с запутанными многоэпизодными преступлениями с неочевидным мотивом, они вставали в тупик. В подобных ситуациях разоблаченного преступника нередко объявляли сумасшедшим (что устраивало всех, ибо поведение сумасшедшего не поддается объяснению и вообще в нем не нуждается). И почти всегда неочевидный мотив подменялся «очевидным», как правило, корыстным. Такое объяснение также было очень удобно, поскольку не выходило за рамки традиционных представлений.

Однако главная проблема заключалась в том, что подавляющее большинство преступлений с неочевидным мотивом вообще не могло быть толком расследовано — отдельные эпизоды одного «сериала» рассматривались как не связанные друг с другом преступные деяния. И если преступников все же иногда ловили, то происходило это не благодаря, а вопреки правилу.

И чтобы подтвердить справедливость этого утверждения, сделаем еще одно — последнее, но совершенно необходимое отступление. Проанализируем серийные и массовые убийства с точки зрения современных представлений об особенностях их совершения, мотивации преступника и специфике расследования такого рода преступлений.

Глава 3. Серийные и массовые убийства как криминальный феномен. Успехи американских криминальных психологов в изучении причин и форм этого явления

Современная криминология считает, что первым достоверно установленным серийным (многоэпизодным) преступлением с неочевидным мотивом явилась цепь нападений на лондонских проституток, совершенных осенью 1888 г. таинственным убийцей, получившим прозвище Джек Потрошитель. Считается, что его жертвами стали 5 женщин, хотя имеются косвенные доводы в пользу того, что это число выше. Джек Потрошитель так и не был пойман, в силу чего его нападения до сих пор остаются, пожалуй, одной из самых интригующих загадок в мировой истории уголовного сыска.

Примерно в то же самое время по другую сторону Атлантики вел кровавую охоту на людей Германн Маджет, более известный как Генри Холмс. Этот преступник официально считается первым известным серийным убийцей США. Маджет был изобличен частным детективом Патриком Гейером и повешен в мае 1896 г. Рассчитывая на помилование (или хотя бы отсрочку исполнения приговора) убийца в последние недели своей жизни сделал несколько признаний, рассказав о своих преступлениях и жертвах. К сожалению, его откровения не вызвали интереса властей, и приговор был приведен в исполнение без проволочек. Уже после казни Маджета, при разборке принадлежавшего ему огромного дома стало ясно, что он убил очень большое количество людей, возможно, более двух сотен, однако точное число жертв этого преступника так никогда и не было установлено.

С конца 19 в. число странных и даже необъяснимых убийств, совершаемых с определенной периодичностью одним и тем же преступником, стало нарастать лавинообразно. Отличительной

особенностью такого рода убийств стала их нелогичность и кажущаяся бессмысленность многих действий злоумышленника. С точки зрения как опытных детективов, так и простых обывателей, преступники этого сорта действовали как сумасшедшие, хотя таковыми, разумеется, не являлись (настоящих сумасшедших разоблачают, как правило, очень быстро в силу того, что они не управляют своими поступками и не заботятся о сокрытии следов и улики).

Изучение преступного поведения лиц этой категории показало, что их мотивацию довольно трудно понять. Некоторые из серийных убийц вроде бы демонстрировали сексуальную подоплеку своих действий — они совершали (либо пытались совершить) половые акты, выбирали для своих посягательств сексуально привлекательные жертвы, как правило, одного типа (пола, роста, возраста, телосложения). Однако по мере накопления статистики стало ясно, что заметный процент серийных убийц вообще не демонстрирует потребности в сексе с жертвой, т. е. убийство выглядит как самоцель нападения. Некоторые преступники забирали небольшие вещи, принадлежавшие жертвам (колечки, сережки, кошельки, нижнее белье и т. п.), но при этом игнорировали гораздо более дорогие предметы и аксессуары. То есть ограбление вовсе не являлось сколь-нибудь серьезным побудительным мотивом. Многие убийцы демонстрировали потребность в постмортальных (посмертных) манипуляциях с телом жертвы или предметами окружающей обстановки — они могли придавать телам различные позы, одевать их либо, напротив, снимать одежду и пр. Очень часто, особенно в тех случаях, когда преступник имел возможность закончить начатое, серийные убийцы наносили своим жертвам чрезмерные ранения. Вообще, преступления этой категории относятся к чрезвычайно жестоким, можно даже сказать, отталкивающе жестоким. Причем жестокость убийцы, по мере того как росло число успешных нападений, только возрастала (что противоречило классическим представлениям криминологов, которые давно подметили, что более опытные и уверенные в своих силах преступники обычно травмируют свои жертвы в меньшей степени, чем молодые и только начинающие преступную карьеру). Также было подмечено, что преступник, выработав определенную манеру своих действий во время

подготовки и совершения нападения, следует ей в дальнейшем лишь с небольшими отклонениями. Это наблюдение позволило довольно уверенно определять, кем именно из серийных убийц совершено преступление даже в тех случаях, когда физических следов его пребывания найти не удавалось.

Примерно в те же годы — т. е. во второй половине 19 в. — было отмечено и другое проявление криминальной активности, весьма нетипичное для образа мышления и поведения людей той формации. Речь идет о жестоких убийствах, во время которых в одном эпизоде убивалось сразу несколько человек. Причем преступник действовал в одиночку и действовал явно нерационально, другими словами, объективной необходимости совершать убийства он не имел. Первым детально описанным и изученным преступлением такого рода явилось убийство молодым французским гомосексуалистом Жаном Батистом Тропманом семьи Кинк, имевшее место в сентябре 1869 г. Тропман сначала отравил отца семейства Жана Кинка, затем зарезал его старшего сына Гюстава, а несколькими днями спустя расправился с беременной вдовой и оставшимися пятью детьми в возрасте от 2 до 16 лет. Младшего из детей Тропман буквально распотрошил, вытащив внутренности. Это преступление поразило современников не только своей изуверской жестокостью, но и очевидной бессмысленностью: Тропман еще до нападения на Гортензию Кинк узнал, что не сможет, как рассчитывал, забрать у нее 55 тысяч франков, что лишало убийство всякого смысла. Он планировал отплыть в Америку и уже оплатил место на корабле, тем самым обезопасив себя от возможного преследования за убийство Жана и Гюстава Кинков, поскольку при тогдашней постановке сыскного дела обнаружить преступника на другом континенте было практически невозможно.

Тропман поразил воображение современников, о нем написали даже И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский! Долгое время считалось, что преступление Тропмана останется уникальным в мировой летописи криминалистики, однако через два десятилетия английский мошенник Фредерик Диминг совершил нечто подобное. В 1891 г. он убил жену и четырех детей, спрятал тела под полом арендованного дома и отправился в Австралию. Благодаря стечению обстоятельств его довольно быстро разоблачили. При обследовании домов, арендованных Димингом

Жан-Батист Троппман (Jean-Baptiste Troppmann) (1849–1870) — один из первых серийных и массовых убийц, успешно разоблаченных в новейшей истории. *Слева:* Троппман после ареста в конце сентября 1869 г. *Справа:* Гортензия Кинк и ее пятеро детей, убитые преступником во время последнего из трех его нападений. Изначально Троппман планировал аферу с целью завладения сбережениями предпринимателя Жана Кинка под видом инвестиций в переоборудование фабрики. Последний знал, что Троппман является сыном известного изобретателя, и потому доверял злоумышленнику, но из осторожности все же не взял в поездку деньги. Преступник отравил Кинка синильной кислотой и завладел его наличными средствами и ценными вещами, однако до основной суммы не добрался. Тогда Троппман убил Гюстава Кинка, старшего сына предпринимателя, но и среди его вещей не смог отыскать нужной суммы. Троппман мог отплыть в Америку, однако решил убить оставшихся в живых членов семьи. Он заманил Гортензию Кинк и ее пятерых детей в малонаселенную местность и расправился с шестью жертвами сразу. Для совершения этого преступления Троппман заблаговременно выкопал могилу длиной три метра, само же убийство отличалось крайней жестокостью. Трупы Гортензии Кинк и ее детей были найдены на 16-й день с момента их исчезновения. Благодаря удачному стечению обстоятельств Троппман был вскоре схвачен и гильотинирован. Детали кровавых походов Троппмана потрясли современников, о нем и его преступлениях упомянули в своих произведениях многие европейские литераторы той поры: Дюкан, Флобер, Дюма-отец, Рембо, Тургенев, Бакунин, Достоевский и др.

в разное время в Австралии и Южной Африке, выяснилось, что он убил и спрятал под полом еще четырех женщин.

А еще через два десятилетия (в 1911–1912 гг.) в североамериканских штатах Колорадо, Айова, Канзас прокатилась волна чудовищных убийств, в каждом из которых преступник расправлялся со всеми членами семьи, находившимися в доме,

используя топор. В каждом случае погибало от 4 до 8 человек, нападения совершались ночью, когда люди спали, и ограбление явно не являлось мотивом, управлявшим убийцей. Несмотря на значительные усилия правоохранительных органов и большое число подозрительных лиц, выявленных в ходе длительного расследования, преступника отыскать так и не удалось. С той поры преступления, во время которых жертвами убийцы оказываются сразу несколько человек, стали совершаться все чаще и чаще.

При внимательном анализе такие преступления поражали своей нелогичностью и неоптимальностью действий убийцы. Криминологам и криминальным психологам было очевидно, что преступники, подобно Тропману и Димингу решившиеся на убийство группы людей, действуют, подчиняясь какому-то необъяснимому порыву гнева, который они не в силах контролировать. Специалисты затруднялись дать исчерпывающее объяснение поведению преступников и мотивам, управляющим ими. Поэтому с течением времени и убийства группы людей, и одиночных жертв в ходе многоэпизодных преступлений стали объединять в одну категорию «преступлений с неочевидным мотивом» (иногда говорят о «преступлениях, совершенных в условиях неочевидности мотива»). Тем самым этот класс убийств оказался отделен от других многоэпизодных преступлений, мотив которых определялся довольно просто (убийства с целью ограбления, завладения наследством, во время совершения теракта и т. п.).

В конце 1920-х гг. произошло, однако, довольно интересное событие, которое позволило взглянуть на серийную преступность под неожиданным углом. Американский убийца Карл Панцрам, осужденный на смертную казнь, решил написать историю своего преступного прошлого. Причина для столь неожиданного поступка оказалась действительно нетривиальной, и она заслуживает того, чтобы ее упомянуть.

Панцрам, пытавшийся совершить побег, прыгнул с тюремной галереи и сломал ногу. Валяясь в тюремном лазарете, он нуждался в самых обыденных принадлежностях: зубном порошке, мыле, чистом полотенце... Тюремный охранник дал Панцраму на мелкие расходы 1 доллар — это была достаточно большая сумма для того времени! — и разстроженный убийца пообещал сделать ответный подарок. Этим подарком оказалась

Карл Панцрам (Carl Panzram) (1891—1930) — американский серийный убийца, гомосексуалист, получивший известность благодаря автобиографии, написанной в тюрьме. Пользовался разными именами — Джефферсон Болдуин, Джеффри Рудес, Джон Кинг, Джон О’Лири и пр., — что до известной степени затруднило реконструкцию его преступного пути. Автобиография явилась благодарностью молодому охраннику Генри Лессеру, великодушно подарившему Панцраму 1 доллар, когда тот лежал в тюремном лазарете. Хотя рукопись была опубликована только в 1970 г., среди профессиональных психологов она стала известна гораздо ранее. Панцрам с исключительной прямолинейностью и беспристрастностью изложил картину мира глазами психопата. Это тяжелая рукопись, в которой нет ничего светлого и позитивного, можно сказать, бытописание бродяги, еще в юности ставшего жертвой беззакония и совершающего нескончаемую цепь преступлений на протяжении всей жизни. Начиная с 1920 г. Панцрам совершил более 20 убийств, в основном его жертвами становились мальчики и мужчины, которых он заманивал на яхту, принадлежавшую ему некоторое время. Кроме того, преступник совершил более 1 000 изнасилований мальчиков и мужчин. Примечательно, что власти ничего об этом не знали — хотя Панцрам являлся отпетым уголовником, судили его за грабежи, воровство, поджоги и бродяжничество. Тем не менее многие детали, сообщенные в рукописи, получили подтверждение при последующей проверке, и поэтому достоверность автобиографии ныне не подвергается сомнению. В 1928 г. Панцрам был осужден в очередной раз и совершил убийство другого заключенного, за что был приговорен к смертной казни и повешен.

собственноручно написанная исповедь о криминальном пути Карла Панцрама — совершенно потрясающий рассказ серийного убийцы-педераста о его преступном прошлом, растянувшимся почти на два десятилетия (важно отметить, что на момент вынесения смертного приговора Панцрам не считался серийным убийцей. Лишь последующая проверка подтвердила точность деталей, изложенных в его рукописи). Предельно откровенное произведение Карла Панцрама было предано широкой огласке лишь в 1970 г. (хотя ее автор был казнен в сентябре

1930 г.), однако узкий круг специалистов-криминологов получил возможность ознакомиться с нею еще в 1930-е гг. Несмотря на отсутствие системного образования, Панцрам оказался человеком, не лишенным литературного дара и определенной харизмы, — он сумел оставить в память о себе очень образное и яркое произведение. Если отбросить конкретные детали походов этого убийцы, которые не интересуют нас в формате данного повествования, то автобиография Панцрама имела большое значение для понимания механизма формирования того особого типа преступников, каковыми являлись «убийцы с неочевидным мотивом».

Благодаря рукописи Панцрама стало ясно, что причины тяги к чудовищным по своей жестокости убийствам коренятся в психологических травмах, полученных будущим изувером в детско-юношеском возрасте (сам Панцрам был жестоко изнасилован четырьмя гомосексуалистами-бродягами в 14-летнем возрасте). Серийный убийца действительно одержим совершенно ненормальной ненавистью к людям, можно сказать, что он — кристально чистый мизантроп. Панцрам признавался, что много размышлял над тем, как можно убить большое количество людей. Он вынашивал план раздобыть сильнодействующий яд и отравить городской водопровод либо заложить мощную бомбу в железнодорожном тоннеле и подорвать ее в момент прохождения поезда... В 1920 г. Панцрам обворовал богатый дом, который, как оказалось, принадлежал бывшему президенту США Тафту. Узнав об этом, преступник много сокрушался по поводу отсутствия в тот момент хозяина в доме, ведь так было бы здорово убить бывшего президента! При этом Панцрам личной неприязни к Тафту не испытывал — его просто забавляла мысль об убийстве известного человека.

Рассуждения Панцрама наводили на мысль о его эмоциональной холодности, характерной для некоторых душевных болезней, но Карл не страдал заболеваниями такого рода в клиническом понимании. Специалисты быстро поняли, что Панцрам и подобные ему «убийцы по неочевидному мотиву» имеют некий психоэмоциональный дефект, не позволяющий им в полной мере испытывать те чувства сопричастности, милосердия и сострадания, что объединяют абсолютное большинство людей и питают человеческую гуманность.

При попытке объяснить, почему со второй половины 19 в. стало возможным появление таких необычных преступников, криминальные психологи обратили внимание на два весьма важных момента. Во-первых, серийные убийцы — это люди, сформированные городской средой, или, говоря иначе, это продукт урбанистической культуры. А во-вторых, подавляющее большинство таких преступников жили и творили свои злодеяния в США. Вообще, вплоть до последней трети 20 в. считалось, что серийная преступность — это в основном американский феномен, который если и проявляется в европейских странах, то лишь как экзотическое исключение, не характерное для криминальной среды «старушки Европы». В принципе, это были верные наблюдения: в традиционной сельской общине действует множество норм, задающих жесткие рамки приемлемого поведения, поэтому преступные наклонности девиантной личности сильно ограничены в своем генезисе (развитии). Кроме того, сильным рычагом, «заталкивающим» потенциального преступника в ограничительные рамки даже помимо его воли, являются нормы господствующей религии.

Именно господство религии и малая степень урбанизации объясняют то, что преступности с неочевидным мотивом не существовало в эпоху Средневековья. Известны, конечно, отдельные исключения, вроде маршала Франции Жюль де Рэ, жившего в 15 в. и убивавшего детей, но случаев таких крайне мало, не более десятка. Сама их малочисленность позволяет уверенно утверждать, что это действительно исключения, лишь подтверждающие вывод о чрезвычайной редкости такого рода преступлений в те далекие времена.

Важным шагом в понимании природы преступлений с неочевидным мотивом явилось издание в 1941 г. книги американского психиатра Харви Клекли «Маска нормальности» (Hervey M. Cleckley "The Mask of Sanity"). В ней впервые было описано расстройство характера и поведения, которое Клекли назвал «психопатией». Его демонстрировали люди, вовсе не имевшие психозов и неврозов и не являвшиеся больными с точки зрения психиатрии. При этом их поведение явно отклонялось от нормального, поскольку психопаты никогда не демонстрировали раскаяния в своих аморальных поступках. Многие поведенческие черты психопатов до такой степени подходили уже

Харви Клекли — известный американский психиатр, впервые употребивший в 1941 г. термин «психопат» не для описания психических расстройств, а девиантного (отклоняющегося от нормы) поведения. По Клекли «психопат» — это абсолютно здоровый в медицинском понимании человек, осознанно допускающий нарушение принятых в обществе норм поведения без видимых к тому причин. Клекли считал, что подобное девиантное поведение не может быть обусловлено дефектами воспитания или социализации, поскольку его зачастую демонстрируют лица прекрасно образованные, воспитанные, живущие в условиях материального изобилия. Причину формирования личности психопата Клекли усматривал в неких отягощающих наследственных факторах, хотя и не мог определить, каких именно. Надо отметить, что и сейчас в этом вопросе у специалистов нет никакой ясности. Любопытно отметить, что известность Харви Клекли принесла не эта воистину революционная концепция, а довольно заурядное описание феномена «разделения личности» одной из его пациенток. В 1954 г. Харви Клекли и Корбен Тиглен опубликовали в специализированном журнале статью о женщине, в которой периодически проявлялись три совершенно разных личности. Это довольно редкий, хотя и не уникальный феномен. Статья была использована как исходный материал для художественного кинофильма, снятого в 1957 г. Фильм «Три лица Евы» оказался необыкновенно успешным в прокате, а актриса, исполнившая главную роль, даже удостоилась кинопремии «Оскар». Сейчас уже мало кто вспомнит и этот фильм, и историю, по мотивам которой он был снят, а вот без упоминания психопатов не обойдется, пожалуй, ни одна детективная кинокартина.

известным на тот момент убийцам с неочевидным мотивом, что криминальные психологи провели вполне обоснованную параллель. С тех пор ученые самых разных стран затратили много сил и времени на изучение этого феномена, и, с точки зрения современных представлений, не будет ошибкой сказать, что хотя не все психопаты являются серийными убийцами, но все серийные убийцы — психопаты.

В последующие годы психиатры выделили из довольно обширного класса «психопатов» особую подгруппу «социопатов» (с 1997 г. согласно международной классификации болезней (МКБ-10) тех и других уже не выделяют в особую категорию, а включают в довольно обширный список т. н. «личностных расстройств». Впрочем, все эти детали не имеют прямого отношения к рассматриваемой теме, поэтому углубляться в них сейчас вряд ли нужно). Имеет смысл перечислить основные эмоциональные черты психопатов, поскольку именно эти черты влияют на формирование довольно своеобразных межличностных отношений, присущих убийцам с неочевидным мотивом:

— *крайний эгоцентризм, самовлюбленность, завышенная самооценка, претенциозность суждений, претензия на знание истины в последней инстанции.* На фоне того, что подавляющее большинство психопатов не способны получить системное образование или не могут реализовать себя на профессиональной ниве, их непомерно раздутое самомнение производит отталкивающее впечатление на всех, кто способен к объективной оценке. Завышенная самооценка зачастую играет с преступниками-психопатами дурную шутку — они, будучи обвинены в совершении уголовных преступлений, отказываются от услуг профессионального адвоката и пытаются защищать себя в суде сами, в результате чего получают приговор более тяжелый, чем изначально планировался стороной обвинения;

— *мегаломания, потребность в признании их необычных качеств, знаний, заслуг и т. п.* Именно стремление добиться признания собственной неординарности толкает некоторых серийных убийц на довольно неожиданные и труднообъяснимые поступки, например, написание писем с изложением совершенных преступлений, телефонные звонки и т. п. Известно, что уже лондонский Джек Потрошитель, один из первых серийных убийц, написал письмо, в которое вложил часть почки, извлеченной из тела убитой им женщины. Именно мегаломания питает склонность к самоговору, которую демонстрируют некоторые психопаты. Классическим примером такого выдумщика-мифомана является американский серийный убийца Генри Ли Лукас, сообщивший об убийстве более 600 человек. Тщательная проверка, растянувшаяся на многие годы, показала, однако, что Лукас не совершал тех преступлений, которые приписал себе;

— *явный дефицит (либо полное отсутствие) сострадания.* Психопаты не сопереживают своим близким, они эмоционально холодны даже по отношению к тем, кому обязаны очень многим. Это эмоциональное бесчувствие («холодность») делает их похожими на шизофреников, но в отличие от последних психопаты могут симулировать сопереживание в тех случаях, когда рассчитывают на какие-то бонусы. Равнодушие к страданиям других объясняет широко распространенную среди лиц этой категории жестокость по отношению к животным. Более 2/3 психопатов признавались, что в детском и юношеском возрасте пытали и убивали животных. Среди серийных убийц этот показатель еще выше. Жестокость к животным — это весьма серьезная девиация, указывающая на глубокое неблагополучие психоэмоциональной сферы подростка;

— *безответственность.* Даже в случае очевидной виновности психопат никогда не признает свою ответственность за содеянное. Исключением может быть ситуация, в которой признание вины позволяет получить некие дивиденды (например, сочувствие или снисхождение). Психопат всегда и во всем оправдывает себя. Если его признают виновным в изнасиловании, он будет утверждать, будто жертва его «спровоцировала», если будет доказана его виновность в убийстве, он станет утверждать, что его «жестоко оскорбили». Примером такого рода тотального самооправдания может быть история американского убийцы проституток Артура Шоукросса, который заявил, что убивал тех женщин, которые смеялись над его маленьким пенисом (т. е., с его точки зрения, это было достаточным оправданием убийства);

— *поверхностность знаний и умозаключений,* неспособность и нежелание учиться, лень, потребность в свежих впечатлениях. Психопаты наделены быстрым умом и хорошей памятью, однако систематическое обучение их не прельщает. Они обычно плохо учатся в школе и лишь немногие из них способны получить высшее образование. В их понимании жизнь должна быть калейдоскопом приятных и занимательных впечатлений, и когда они не получают желаемого, то быстро разочаровываются. Упорная работа, сосредоточенность и напряжение сил лишь вызывают их раздражение. Показателен такой пример: в полицейской практике на Западе часто используется следующий прием,

призванный вызвать обвиняемого на контакт: ему дают блокнот и карандаш и предлагают написать о своей жизни. Психопаты деятельно начинают писать, но очень быстро охлаждаются к этому, поскольку написать большой объем логически связанного текста довольно непросто. Такой труд требует мысленного сосредоточения, анализа и определенных затрат сил и времени. Психопаты не способны на продолжительное напряжение сил, пусть даже и умственных. Карл Панцрам, написавший довольно подробную рукопись о самом себе, представляет собой одно из немногих исключений из этого правила. Чтобы перечислить всех серийных и массовых убийц, написавших более или менее цельные литературные произведения, хватит пальцев одной руки (и это из более чем 2 тысяч преступников данной категории, ставших известными за последние полтора столетия). Примечательно, что даже самые интеллектуальные из серийных убийц — Теодор Банди и Эдмунд Кемпер — хотя и давали охотно интервью, за многие годы пребывания под стражей так ничего и не смогли написать;

— *поверхностность эмоций*. Психопатов мало интересуют окружающие, в центре их мира находятся только собственные переживания и потребности, поэтому они обычно лишь имитируют те эмоции, что управляют нашим поведением (внимание, заинтересованность, симпатию, сострадание и т. п.);

— *крайняя лживость, непорядочность, склонность к предательству*. Эти качества являются следствием крайней эгоцентричности психопатов и социопатов, которые всегда стремятся поступать к достижению собственной выгоды. Зачастую они браврируют собственным эгоизмом, и тем, кто мало с ними знаком, может показаться, будто подобная прямолинейность придает этим людям особый шарм. Но это обманчивое заблуждение моментально исчезнет, едва только психопат окажется в состоянии морального выбора — тогда-то его цинизм обнажится с пугающей очевидностью. Психопат не уважает чужой интерес, не бережет чужие чувства и не жалеет другого человека. Неумение и нежелание уважать чужой интерес очень быстро создает психологическое напряжение в коммуникациях психопата с другими людьми и автоматически превращает его в «слабое звено» любой семьи, коллектива, любого сообщества, пусть даже и криминального;

Эдмунд Кемпер (Edmund Emil Kemper) (род. 1948 г.) — американский серийный убийца, снискавший известность своими необычными физическими и интеллектуальными качествами. Фотография из документального фильма 1984 г., подготовленного ФБР для демонстрации на семинарах по «профилированию личности». В возрасте 15 лет Эдмунд Кемпер застрелил из ружья дедушку и бабушку, попал в психиатрическую клинику, откуда вышел через 6 лет, как «продемонстрировавший позитивную динамику лечения». Впоследствии Кемпер объяснил, что наблюдая за работой психиатра, понял, как правильно надлежит себя вести, чтобы проходить необходимые тесты и производить на врачей нужное впечатление. Эдмунд много читал, особенно увлекаясь психологией, астрономией и научной фантастикой. При тестированиях перед освобождением его IQ стабильно превышал 150 — это самый высокий показатель интеллекта среди серийных убийц, порог гениальности. Рост Эдмунда к 20 годам достиг 206 см, он обладал большой физической силой. За 9 месяцев в 1972–1973 гг. Кемпер совершил 6 похищений и убийств девушек. В апреле того же года он убил и расчленил сначала собственную мать, а затем ее подругу. Сначала Кемпер намеревался скрыться, однако вскоре переменял решение и сдался полиции. Произошло это еще до того, как стало известно о его последних убийствах. Кемпер приговорен с тем пожизненным тюремным сроком. В конце 1970-х гг. с находившимся в заключении Эдмундом неоднократно встречались психологи из ФБР Роберт Ресслер и Джон Дуглас. Во время многочасовых интервью убийца обстоятельно рассказал сотрудникам спецслужбы о различных аспектах своего криминального поведения: мотивации, выборе жертвы, особенностях ее обмана и последующего умерщвления и т. п. Именно Кемпер подтолкнул американских криминальных психологов к выводу о существовании связи между поведением серийного убийцы во время совершения преступления и особенностями его личности. Работы в этом направлении привели к созданию в 1980 г. методики «построения поискового психологического портрета», имеющей ныне большое прикладное значение.

— *стремление манипулировать окружающими.* Можно сказать, что эта черта в каком-то смысле является продолжением предыдущего пункта. Как правило, уже в ранней юности психопаты овладевают навыком распознавать слабые стороны близких и отлично используют это в своих интересах. Склонность ко лжи

и притворству облегчает им достижение своих узкокорыстных целей. По мере взросления навыки манипулирования совершенствуются, психопаты активно используют в своих интересах сексуальную привлекательность и стремятся устроиться за счет своего полового партнера. Помимо неявного манипулирования, психопаты способны и к грубому давлению и шантажу, более того, многие психопаты за время своей жизни прибегают к шантажу неоднократно, добиваясь такого рода запугиванием серьезных предпочтений. Не будет преувеличением сказать, что психопаты — прирожденные манипуляторы окружающими.

У социопатов к указанному набору признаков добавляются еще кое-какие интересные качества. Так, например, они стремятся максимально использовать в своих интересах юридические, административные и социальные огрехи — получать пенсии, страховые бонусы, различные льготы, награды и т. п., не положенные им по закону. Можно сказать, что они стремятся максимально использовать в своих интересах несовершенство общественных отношений. Если можно где-то что-то получить «на халяву» либо путем обмана или подлога, социопаты попробуют это сделать. Другой поведенческой чертой, присущей социопатам, является потребность делать то, что осуждается обществом. В юношеском возрасте социопат станет курить в школе, даже не испытывая удовольствия, поскольку в курении будет видеть вызов окружающим. Усевшись за руль автомашины и увидев начинающего водителя, социопат постарается «подрезать» его или как-то иначе создать конфликтную ситуацию. Если в обществе осуждаются гомосексуализм и употребление наркотиков, то социопат непременно попробует и то, и другое. Можно сказать, что социопат постоянно проверяет границы дозволенного обществом и находит особое удовольствие в том, чтобы нарушать ограничения.

Все сказанное выше про психопатов и социопатов одинаково относится как к выходцам из социальных низов, так и к лицам, вполне успешным с обывательской точки зрения. Другими словами, материальный достаток и доступность жизненных благ отнюдь не превращают этих девиантных людей в добропорядочных членов общества.

Безусловно, появление в 1950-х гг. таких представлений существенно продвинуло криминальную психологию в понимании

Теодор Роберт Банди (Theodore Robert “Ted” Bundy), более известный по сокращенному имени Тед (1946–1989), один из самых опасных и ловких серийных убийц США. Убил не менее 30 молодых женщин, точное число жертв неизвестно. Считается, что свое первое убийство он совершил в 1974 г., хотя имеются серьезные основания полагать, что случилось это гораздо ранее. Как стало известно уже в 21 в., одно из преступлений, приписанных Теду Банди, на самом деле совершил другой серийный убийца. Всего же по разным оценкам Банди мог убить около сотни человек. Для него была характерна очень изощренная и разнообразная манера криминального поведения. Поимка Банди осложнялась тем, что он обладал незаурядным интеллектом и обаянием: убийца имел высшее образование, работал психологом, отлично владел навыками социальной мимики. Даже после разоблачения Тед умудрился дважды убежать из-под стражи — один раз из здания суда, другой — из тюрьмы. В 1984 г., уже приговоренный к смертной казни, Банди предложил правоохранительным органам свои услуги в изобличении так называемого «Убийцы с Грин-ривер», таинственного маньяка, наводившего в первой половине 1980-х гг. ужас на штат Вашингтон. На протяжении ряда лет с Банди работал один из следователей по этому делу — Роберт Кеппель (Robert D. Koppel), знакомивший его с материалами криминалистов. Банди сделал несколько важных предположений оличности «Убийцы с Грин-ривер», имевших большое значение для правильной организации розысков. В частности, Банди предположил, что «Убийца с Грин-ривер» является некрофилом и возвращается к трупам жертв после того, как прячет их. Это означало, что преступника можно поймать, организовав засаду возле обнаруженного тела. Кроме того, Банди многое рассказал о некоторых особенностях собственного криминального поведения, в известной степени расширив представления криминологов. Хотя Тед активно помогал правосудию, это не облегчило его участь, и в январе 1989 г. он был казнен на электрическом стуле. А таинственный «Убийца с Грин-ривер» был изобличен без его помощи лишь в ноябре 2001 г.

специфики преступлений с неочевидным мотивом, но подлинный прорыв в этой области произошел во второй половине 1970-х гг. Тогда на базе Научной бихевиористической группы (англ. Behavioral Science Unit — BSU) при центральном аппарате ФБР начались активные исследования в области психологии криминального поведения. Собственно, начались они еще в 1972 г., но первоначально касались только психологии конфликтных переговоров, связанных с освобождением заложников. Затем, однако, в поле зрения психологов ФБР попал феномен серийной преступности. Разрабатывать эту тему начал Говард Тетен (Howard Teten), преподававший криминальную психологию сотрудникам Бюро с 1969 г. Его ближайшими помощниками стали сотрудники Научной бихевиористической группы Роберт Ресслер и Патрик Муллани. В июне 1977 г. к этой работе подключился Джон Дуглас, специальный агент ФБР, с именем которого связывают последующие успехи научного поиска в этом направлении.

Именно Джон Дуглас первым предложил провести психологические опросы разоблаченных серийных убийц с целью разобраться, наконец, в вопросах мотивации их преступных действий и специфике поведения на месте преступления. В числе основных тем предстоящих обсуждений значились следующие: Что побуждает человека совершать сексуальное преступление? Каковы первые симптомы такого рода влечения? В чем скрытый смысл кажущихся немотивированными агрессивности преступника и его зачастую совершенно непонятных действий в отношении жертв? Можно ли прогнозировать поведение еще не пойманного серийного или массового убийцы? Можно ли его явно или косвенно контролировать? Возможно ли лечение такого человека?

В принципе, логично было спросить у самих убийц, почему они поступали так, а не иначе, и попробовать проанализировать полученные ответы. Однако, как это ни покажется сейчас удивительным, до Джона Дугласа никому из криминальных психологов не приходило в голову заняться накоплением и изучением такого рода статистики. В 1978 г. Дуглас вместе со своим коллегой Робертом Ресслером стал объезжать североамериканские тюрьмы и беседовать с находившимися в заключении серийными и массовыми убийцами.

Роберт Ресслер (1937–2013) — сотрудник ФБР, криминальный психолог, один из создателей методики разоблачения серийных преступников посредством построения их «поискового психологического портрета». Фотографии из документального фильма, снятого 1984 г. В 1959 г. в возрасте 20 лет Ресслер был призван на действительную военную службу. Через 3 года завербовался в военную полицию, а в 1970 г., уже будучи в звании майора, оказался переведен в ФБР. Специализировался на раскрытии преступлений в области распространения порнографии и посягательств на сексуальную неприкосновенность. В 1974 г. возглавил вспомогательный отдел поведенческих наук, состоявший на тот момент всего из 7 человек. Сотрудники этого подразделения читали лекции по криминальной психологии и конфликтологии слушателям Национальной Академии ФБР. Ресслер был неудовлетворен уровнем работы подчиненного ему подразделения и много раздумывал над возможностью использования специальных знаний из области психологии в оперативной работе ФБР и полиции. Вместе с Джоном Дугласом, своим подчиненным, Ресслер в конце 1970-х гг. стал посещать различные тюрьмы США и проводить собеседования с содержавшимися там серийными убийцами, для чего был разработан специальный формализованный опросник, на который каждому из заключенных предлагалось ответить. В этой работе им помогали другие штатные психологи ФБР — Говард Тетен и Патрик Муллани. Результатом исследований явилось создание методики «построения поискового психологического портрета». В 1980-х гг. Ресслер сосредоточился на преподавательской работе, а Дуглас возглавил созданный вспомогательный отдел следственной поддержки, ориентированный на консультирование оперативных подразделений. В 1991 г. Ресслер вышел на пенсию и создал компанию по психологическому и правовому консультированию жертв преступлений. Помимо этого читал лекции в различных учебных заведениях США и иных стран.

Уже первые результаты таких поездок оказались довольно интересны. Неожиданно для самих сотрудников Научной библиографической группы выяснилось, что серийная преступность вовсе не столь хаотична и бессмысленна, как это казалось на первый взгляд; этот феномен можно и нужно классифициро-

вать. Все серийные и массовые убийцы в детско-юношеском возрасте переживали психотравму, как правило, они воспитывались либо в неполных семьях, либо в семьях, в которых доминировала жесткая, волевая мать. У всех будущих серийных убийц наблюдалась так называемая «триада убийцы» — ночное недержание мочи вплоть до 14–15 лет, жестокость в отношении животных и пиромания (тяга к поджогам). Даже если кто-то из преступников отрицал наличие у него всех трех элементов «триады», два из них в любых комбинациях присутствовали точно.

Все преступники признавали, что перед тем, как начать убивать людей, они оказывались в состоянии сильного стресса. Как правило, формальной причиной становился материальный вопрос — будущие убийцы либо оставались по какой-то причине без работы, либо лишались источника дохода. Материальная стесненность остро ставила перед ними вопрос о смысле жизни, о невозможности прожить жизнь так, как хотелось бы, они остро ощущали себя неудачниками и не видели приемлемого выхода из сложившейся жизненной ситуации. Обычно такие переживания начинали терзать тех, кто старше 25 лет, именно поэтому серийные убийцы начинали свой кровавый путь в этом возрасте (известны и более молодые, но они являлись исключениями). Долгие недели и месяцы незаметный для окружающих стресс копился в душе будущего убийцы, понижая настроение, физический тонус, побуждая больше пить алкоголя и употреблять наркотики. Человек впадал в дисфорию — состояние мрачного, угнетенного раздражения, которое провоцировало в нем стремление к конфликтам и проявлению агрессии.

Однако первое убийство, зачастую даже не спланированное заранее, приносило облегчение — стресс отступал, восстанавливался сон и хорошее самочувствие. Таким образом, посредством совершения убийства преступник решал собственные психологические проблемы. Дальнейшие убийства совершались уже вполне осмысленно — преступник предвидел получение определенного психологического эффекта и желал его.

В течение 1978–1979 гг. Дуглас и Ресслер проанализировали результаты собеседований примерно с дюжиной серийных убийц, находившихся в заключении в разных тюрьмах страны (по признанию Джона Дугласа, в период 1978–1983 гг. он лично допросил и детально изучил судебные и медицинские

Джон Дуглас — один из создателей методики раскрытия многоэпизодных преступлений с неочевидным мотивом посредством построения «поискового психологического портрета». Фотография слева сделана в 1984 г.: Дуглас в своем кабинете проводит совещание группы «профилеров»; фотография справа сделана в 2001 г.: Дуглас рассказывает журналистам об обстоятельствах съемок культового кинофильма «Молчание ягнят» (видеозапись проводилась в съемочном павильоне, имитировавшем тюрьму Ганнибала Лектора). Закончивший в 1962 г. без особых успехов школу, молодой Джон работал некоторое время вышибалой в баре, в 1965 г. призван в Вооруженные силы. Принят на работу в ФБР в 1970 г., несколько лет специализировался на раскрытии банковских ограблений. В 1975 г. попал на курсы усовершенствования штатных сотрудников, хорошо зарекомендовал себя и получил предложение перейти в отдел поведенческих наук. Там, работая под руководством Ресслера, занялся опросом находившихся в заключении серийных убийц. В начале 1981 г. Дуглас впервые подготовил «психологический профиль» находившегося в розыске сексуального преступника, благодаря которому в мае того же года был арестован (а впоследствии и осужден) Дэвид Карпентер. В скором времени при центральном аппарате ФБР был создан вспомогательный отдел следственной поддержки, ориентированный на консультирование оперативных подразделений, занятых розыском сексуальных преступников. Дуглас стал первым начальником этого подразделения. Постепенно круг обязанностей криминальных психологов расширялся. Помимо помощи в поисках серийных убийц, сотрудники вспомогательного отдела стали консультировать оперативных сотрудников по тактике первого допроса задержанного преступника, а также оказывали помощь обвинению в суде, выступая в качестве экспертов. В декабре 1983 г. 38-летний Дуглас перенес кровоизлияние в мозг и временный паралич левой стороны тела. Реабилитация заняла 7 месяцев, после нее Дуглас смог вернуться к активной работе. Он вышел в отставку в 1995 г., но и будучи на пенсии, не прекратил активной работы. Дуглас — соавтор нескольких автобиографических книг, консультант многих теле- и кинофильмов, в т. ч. и широко известного в России триллера «Молчание ягнят». Кроме того, Дуглас оказывает правовую помощь в качестве независимого эксперта при проведении некоторых запутанных расследований преступлений с неочевидным мотивом.

материалы на 36 серийных убийц и их 118 жертв). Несмотря на то, что все эти преступники казались очень разными, многие элементы их повседневной жизни и поведения оказались на удивление схожи. Сотрудникам Научной бихевиористической группы стало ясно, что при правильном анализе картины преступления можно указать многие индивидуальные черты серийного убийцы, что будет иметь большое ориентирующее значение для установления его личности. Так появилась концепция построения «психологического профиля» преступника, которая с начала 1980-х гг. стала активно совершенствоваться и использоваться при раскрытии реальных преступлений. Считается, что первое успешное использование нового метода имело место в 1981 г., когда благодаря разработанному Дугласом «психологическому профилю» был разоблачен серийный убийца Дэвид Карпенгер.

В последующие годы метод «профилирования» получил значительное развитие. В рамках его совершенствования большое значение приобрело изучение личности жертвы (т. н. «виктимности», т. е. образа жизни и поведения, определяющих вероятность именно этого человека стать жертвой преступления. Понятно, что у проститутки или алкоголика риск подвергнуться преступному посягательству гораздо выше, чем у миллионера, передвигающегося в сопровождении личной охраны. Изучением поведения жертвы преступления занимается одно из направлений криминалистики, называемое виктимологией.). Выбор жертвы и специфические особенности обращения с нею в процессе реализации преступного замысла могли многое рассказать о преступнике — как о его физических данных, так и психотипе и степени социализации.

Самое пристальное внимание криминальных психологов ФБР было обращено на изучение особенностей постмортальных (т. е. после наступления смерти жертвы) действий преступника. Была выявлена и детально описана взаимосвязь между отдельными поведенческими стереотипами, присущими конкретному преступнику, и особенностями его личности. Выкалывание глаз жертве, ампутация или порезы половых органов, стремление обнажить труп либо, наоборот, одеть или прикрыть — каждое из этих и им подобных действий является значимым для «расшифровки» преступника, и «профилеры» ФБР научились

Дэвид Карпентер (David Joseph Carpenter) (род. в 1930 г.) — американский серийный убийца, первый из числа пойманных благодаря практическому использованию метода построения «психологического профиля» преступника. Родился в семье алкоголиков, с детства в его поведении присутствовали явные элементы девиантности. Карпентер убивал животных, убежал из дома, пытался устраивать поджоги, кроме того, он явно перенес тяжелый невроз, долго страдал недержанием мочи и тяжелым заиканием, сохранившимся на всю жизнь. Впервые осужден к лишению свободы в возрасте 17 лет за неоднократные попытки изнасилования сестер. Следующая тюремная отсидка последовала в 1960 г. за попытку убийства. После семилетнего заключения вышел на свободу, но в 1970 г. вновь на семь лет угодил за решетку за похищение человека. Проверялся на возможную причастность к убийствам непоиманного «Зодиака», но подозрения были сняты. В 1979–1980 гг. совершил не менее пяти убийств женщин и девушек, гулявших или занимавшихся бегом в парковых районах около Сан-Франциско. Полиция не могла отыскать преступника, и тогда Джон Дуглас, офицер ФБР из группы поведенческого анализа, предложил свою помощь в консультации оперативных сотрудников. В начале 1981 г. Дуглас разработал «поисковый психологический портрет», из которого следовало, что разыскиваемый убийца имеет неявный физический дефект, препятствующий общению с женщинами (либо плохое зрение, либо заикание, Дуглас был склонен считать, что второе). Кроме того, в «профиле» указывалось, что преступник имеет опыт совершения тяжких преступлений и, скорее всего, ранее судим. Подобная детализация вызвала насмешки и недоверие детективов, однако один из них припомнил, что некий заика попадал в их поле зрения. За Карпентером было установлено скрытое наблюдение, а при обыске его дома в мае 1981 г. оказались найдены улики, доказывающие виновность Карпентера. Преступник в 1988 г. был приговорен к смертной казни и ныне находится в тюрьме. В 2010 г. генетическая экспертиза подтвердила происхождение от Карпентера биологических следов, найденных на телах жертв, что исключило возможность юридической ошибки.

правильно связывать все многообразие постмортальных манипуляций с определенными дефектами личности убийцы.

Большое практическое значение имело понимание того, как видоизменяется манера действий серийного преступника во времени. Уже первое изучение этого вопроса показало, что хотя такого рода убийцы совершают схожие преступления, неверно

думать, будто они постоянно копируют сами себя. Модель преступного поведения постепенно усложняется, убийца экспериментирует с оружием, больше времени затрачивает на «игру» с жертвой или трупом, расширяются географические границы его активности. Первые убийства совершаются ближе всего к месту проживания преступника, поэтому при расследовании многоэпизодного преступления важно правильно понять, когда и где началась «серия». Кроме того, первые жертвы почти всегда имеют ту же расу, что и убийца — этот аспект очень важен для стран с пестрым этническим составом. Но с течением времени, набравшись опыта и осмелев, убийца может переключиться на лиц иной расово-этнической принадлежности.

В течение нескольких лет метод «построения поискового психологического портрета» активно развивался и совершенствовался, демонстрируя немалую прикладную ценность. В Научную бихевиористическую группу стали обращаться следственные и оперативные работники из правоохранительных структур разных штатов, прося проконсультировать по конкретным расследованиям и дать рекомендации по проверке подозреваемых. Слава о «чудо-методике», разработанной в ФБР, быстро распространилась в кругах профессионалов. Уже в апреле 1983 г. лейтенант полиции Д'Амико, получивший консультацию Дугласа при поиске жестокого убийцы Кармина Калабаро, написал в журнале «Современная психология» (*“Contemporary Psychology”*) статью, в которой похвалил удивительно точное описание преступника, сделанное «профилером». Дуглас назвал около 30 параметров внешности и поведения, по которым оперативники могли опознать убийцу, среди них, например, фигурировали цвет автомашины преступника, его неряшливость, связанная с поломкой стиральной машины, и склонность к суициду (Калабаро, узнав впоследствии, что Дуглас при построении «психологического профиля» использовал факт укуса жертвы убийцей, в ярости вырвал себе все зубы!). Лейтенант полиции был потрясен тем, насколько полученные сведения соответствовали действительности, и позволил себе пошутить в том смысле, что все лица, связанные с расследованием, впоследствии удивлялись, почему «профилер» просто не назвал им номер домашнего телефона убийцы.

Поскольку Научная бихевиористическая группа являлась подразделением, ориентированным на педагогическую деятельность (ее сотрудники читали лекции по криминальной психологии слушателям 11-недельных курсов усовершенствования оперативного состава ФБР и уголовной полиции), возможности группы в плане методической помощи оперативно-следственной работе оказались скоро исчерпаны. Для того чтобы удовлетворить растущие потребности правоохранительной системы США в «профилировании» преступников, при центральном аппарате ФБР был создан Отдел следственной поддержки (Investigative Support Unit), первым руководителем которого был назначен уже упоминавшийся Джон Дуглас.

К середине 1980-х гг. расследование практически всех случаев многоэпизодных преступлений с неочевидным мотивом происходило с привлечением специалистов этого отдела. Загрузка их была чрезвычайно высока. Дуглас вспоминал впоследствии, что участвовал в качестве консультанта в расследовании примерно 150 преступлений в течение календарного года и буквально каждые три дня вылетал в новую командировку. Среди сотрудников отдела постепенно сложилась определенная специализация: одни работали по делам, явно связанным с сексуальными посягательствами, другие — с преступлениями против детей, третьи — по взрывам, поджогам и отравлениям, в том числе и в лечебных учреждениях. Помимо консультаций по оптимальному ведению розыска серийных убийц сотрудники отдела оказывали помощь следствию при подготовке к судебным слушаниям, а также выступали в качестве экспертов в судах. Важным направлением деятельности отдела стала аналитическая работа по обобщению накопленного опыта. Отдел следственной поддержки быстро разрастался, но потребности в «профилировании» росли быстрее.

Поэтому в конце концов ФБР отказалось от централизации помощи по консультированию. При территориальных подразделениях Бюро появились группы «профилеров», призванные оказывать необходимую помощь в поиске серийных преступников на обслуживаемой территории (крупный город, округ). В особо сложных случаях к работе подключался Отдел следственной поддержки центрального аппарата ФБР и из его состава откомандировывался сотрудник для работы на месте. В то же самое

время ФБР стало обучать методике построения «поискового психологического портрета» сотрудников правоохранительных органов других стран.

В контексте изложенного выше необходимо сказать и о том, что американские криминологи (и западные специалисты этого профиля вообще) примерно с последней трети 20 в. много сил и времени уделяли изучению специфики преступлений против детей и подростков. Криминальные психологи, врачи-педиатры, судебные медики, юристы всесторонне анализировали конкретные задачи судебно-психиатрического освидетельствования несовершеннолетних жертв сексуальных посягательств, изучали специфические аспекты экспертиз, связанных с выявлением и доказательством беспомощного состояния потерпевших, их способности давать в процессе следствия и суда юридически значимые показания, вопросы уголовно-процессуальной дееспособности и т. п. Особо изучалась оценка степени тяжести повреждений, повлекших психические расстройства. Поскольку преступления против половой неприкосновенности детей и подростков почти всегда являются многоэпизодными и растягиваются порой на многие годы, специфика их раскрытия во многом соответствует той работе, что проводят правоохранительные органы в случае розыска серийного убийцы. В этом направлении американские правоохранители также оторвались далеко вперед от своих советских коллег, а признание цивилизованных норм и взглядов на преступления такого рода задержалось в СССР порой на десятилетия и стало возможным только после крушения режима.

В 1999 г. Ким Россмо, полицейский из Ванкувера (Канада), детально ознакомившийся к тому времени с методом «психологического профилирования», разработал довольно интересную методику определения мест, связанных с жизнедеятельностью серийных убийц. Россмо назвал свою методику «географическим профилированием», и она заслуживает того, чтобы сейчас сказать о ней несколько слов. Россмо, систематизируя материалы реальных расследований многоэпизодных убийств с неочевидным мотивом, обратил внимание на то, что перемещения преступника детерминированы (обусловлены) рядом ограничений. Преступник в поисках жертвы не может уехать слишком далеко от дома, т. е. теоретически, конечно, он может даже улететь

в другой конец страны, но реально этого почти никогда не происходит. Подавляющая часть злоумышленников исходит из того, что у них есть некий интервал времени, который может быть затрачен на нападение, но за пределы этого интервала лучше не выходить. Аналогичная картина имеет место при перемещении похищенной или убитой жертвы. Убийца постарается увезти тело как можно дальше от дома, но он не сможет провести в дороге непомерно много времени. Даже самоуверенные психопаты прекрасно понимают, что развезжать в плотно населенной местности 10 или 20 часов с трупом в машине слишком опасно. Россмо предположил, что расположение места нападения на жертву и места «сброса» трупа находится в жесткой связи с местом проживания убийцы.

Кроме того, серийные убийцы в силу очевидных причин предпочитают действовать в местах, хорошо им знакомых, свое присутствие в которых они могут логично объяснить (проездом к месту работы, к родственникам, в магазин и т. п.). Места, связанные с активностью преступника, окажутся расположены на кривой, огибающей район его проживания. Еще в начале 20 в. криминалисты обратили внимание на то, что если места совершения преступлений соединить линией, то место проживания серийного убийцы окажется внутри получившегося контура. Россмо придал этой закономерности математический вид, связав вероятность проживания преступника в том или ином районе с предполагаемым временем его проезда к местам похищения жертв и сокрытия трупов. Причем, чем больше эпизодов связываются следствием в одну «серию», тем больше исходных данных используется для расчета и точнее окажется результат.

Понятно, что методика Россмо не является панацеей при расследовании всех видов многоэпизодной криминальной активности и имеет ряд функциональных ограничений. Например, она не годится в случаях, когда серийный убийца совершает свои преступления во время длительных поездок вдаль от дома (скажем, если это шофер-дальнобойщик, совершающий убийства при проезде к месту следования или обратно). Тем не менее «географическое профилирование» за последнее десятилетие показало свою эффективность и право на существование как инструмент, способный значительно сэкономить затраты усилий и времени на розыск преступника.

Североамериканские правоохранительные органы добились впечатляющих успехов на ниве борьбы с серийной преступностью. Не в последнюю очередь это связано с тем, что США являются мировым лидером по распространенности этого криминального явления. По экспертным оценкам, в начале 21 в. во всем мире от рук серийных и массовых убийц погибало более 5 тыс. человек ежегодно, причем 70% из них гибнет в США. Однако американские правоохранители изрядно «набили руку» в ловле маньяков — более 90% серийных убийц в США разоблачаются в течение 24 месяцев с момента первого убийства. К моменту заключения в тюрьму среднестатистический американский «серийник» убивает менее 5 жертв, в других странах, насколько можно судить, это число значительно выше.

Здесь уместно спросить, насколько эффективной была работа отечественных правоохранителей на ниве борьбы с серийной преступностью в советские годы? Увы, эффективно бороться с явлением, сам факт существования которого никогда не признавался, невозможно. Гораздо проще сделать вид, будто его не существует. Преступность, в том числе и серийная, росла в Советском Союзе даже в относительно благополучные годы брежневского застоя, но сей факт вплоть до краха советского строя никогда и нигде не признавался. Более того, наличие массовых и серийных убийц в СССР отвергается даже сейчас. Уважаемые ветераны органов прокуратуры и внутренних дел советской эпохи, вздыхая и разводя руками, вещают нам с экранов телевизоров, про то, что «таких преступлений в Советском Союзе не бывало!» Можно сказать, что перед нами последняя химера коммунистической идеологии, которую мы и постараемся развенчать в этой книге.

Глава 4. Современные представления о факторах, приводящих к формированию потребности совершать повторяющиеся убийства. Классификация серийных убийц. Методика расследований преступлений с неочевидным мотивом

Упомянувшийся выше Джон Дуглас, руководитель Отдела следственной поддержки при штаб-квартире ФБР, в начале 1980-х гг. предложил оригинальную классификацию убийств с неочевидным мотивом, основанную на учете количества жертв и особенностях поведения преступника. Имеет смысл воспроизвести ее:

— одиночное убийство: одна жертва в одном криминальном эпизоде;

— двойное: две жертвы в одном месте в одно время;

— тройное: три жертвы в одном месте в одно время;

— массовое убийство: четыре и более жертвы в одном месте во время одного криминального эпизода;

— «цепное» убийство: убийство людей в двух и более местах за время одного криминального эпизода. Обобщенно можно сказать, что «цепное» убийство совершает движущийся преступник, чем более он мобилен, тем дальше друг от друга будут располагаться места его нападений;

— серийное убийство: три и более убийства в трех и более местах в трех и более эпизодах.

Важнейшим элементом классификации, предложенной Дугласом, явилось понятие «криминального эпизода», т. е. интервала времени, в течение которого преступник находится в состоянии эмоционального перевозбуждения и с целью реализации своих фантазий осуществляет нападение на жертву. Эпизод обязательно закончится для преступника «эмоциональным

остыванием», что выражается в упадке сил, вялости и сонливости. Как видно из классификации Дугласа, серийный убийца в ходе эпизода осуществляет нападение на одну (реже две) жертвы, после чего переживает эмоциональное остывание. А массовый убийца успевает осуществить нападение на четырех и более человек. В остальном между этими категориями преступников нет особой разницы, не случайно серийные убийцы оказываются порой и массовыми (как, например, упоминавшиеся выше Дининг и Панцрам, которые убивали в отдельных эпизодах более четырех человек).

Именно поэтому серийные и массовые убийства объединяются в единый класс криминальной активности, хотя на первый взгляд они чрезвычайно различаются. Действительно, серийный убийца зачастую старается действовать не привлекая к себе внимания. С этой целью он совершает нападения в темное время суток, тайно похищает жертву, принимает меры по сокрытию трупа и т. п. Массовый или цепной убийца на такие пустяки обычно не обращает внимания: большая часть нападений такого рода преступников происходит в светлое время суток и с использованием огнестрельного оружия. Кроме того, если в действиях убийцы-«серийника» все же можно усмотреть сексуальный подтекст, то массовый убийца почти никогда не совершает изнасилований или сексуальных манипуляций. Он просто режет, стреляет, бежит, словно сумасшедший или одержимый какой-то чудовищной идеей, побуждающей его убивать. Ну в самом деле, что же может объединять столь разных убийц?

И тем не менее, как показали исследования криминальных психологов, механизм формирования «преступного волевого импульса» у них одинаков.

Прежде всего, серийные и массовые убийцы являются психо- и социопатами. Как правило, задолго до начала своих кровавых походов они уже получили определенный криминальный опыт, совершая поджоги, угоны автомашин, осквернения кладбищ, убийства животных или какие-то иные незначительные с точки зрения уголовного законодательства антиобщественные выходки. С большой долей вероятности можно утверждать, что если органы защиты правопорядка не находят правонарушений в жизни подозреваемого в совершении серийных убийств, то их подозрения либо ошибочны

и подозреваемый невиновен, либо следствие просто-напросто плохо делает свою работу. Уже в юности будущие садисты прекрасно осознают свою «инаковость», отличие от нормальных людей. На каком-то этапе взросления они зачислили себя в категорию «избранных», которым, в отличие от прочего «быдла», дозволено больше просто в силу их особой неординарности и таланта. То, что их неординарность и талант не находят выражения в реальных достижениях, их не волнует совершенно — эти люди безразличны к мнению окружающих и не воспринимают себя критически.

С наступлением полового созревания у психо- и социопатов пробуждается либидо, в крови начинает бурлить тестостерон. Появляются разного рода сексуальные фантазии, сначала неясные и неоформленные, но потом все более конкретные. Возникает определенная заикленность на сексе и всем, что с ним связано. Определенным образом на это влияет свобода распространения порнографии, но важно понимать, что сама по себе порнография не является «абсолютным злом». Она отнюдь не превращает человека в преступника только потому, что он увидел ее. Миллиарды людей на протяжении многих десятилетий имели доступ к тому продукту, что мы называем сейчас «порнографией», но лишь одна или две тысячи из них стали серийными или массовыми убийцами. Не будет ошибкой сказать, что дело тут вовсе не в порнографии как таковой, а в ее субъективном восприятии. Для психо- или социопата порнография — это руководство к действию. Люди этой категории не понимают оттенков человеческого общения и сексуальную игру воспринимают буквально.

Таким образом, разбуженная сексуальная фантазия на определенном этапе начинает подчинять волю и поведение будущего преступника. До некоторых пор этот человек сам не осознает, что сделался рабом пагубной страсти, но уже на этом этапе формирования «криминальной личности» будущий преступник начинает обдумывать в деталях идеальное, по его мнению, «сексуальное развлечение». Другими словами, происходит незаметный переход от фантазии к планированию.

На этой стадии «созревания» будущий убийца может задержаться довольно долго, даже несколько лет. Сам по себе процесс планирования нападения еще не означает непосредственной

подготовки. Спусковым механизмом агрессии всегда оказывается состояние острой фрустрации (т. е. внутреннего конфликта, обусловленного неспособностью человека реализовать свои потребности, причем неспособность эта может быть как действительной, так и мнимой). Надо сказать, что сама по себе фрустрация не является чем-то необычным — каждый из нас попадает в ситуации, создающие фрустрацию, с завидной периодичностью. Призывника забирают в армию — и новый уклад жизни генерирует у него фрустрацию... Невинно обвиненный проигрывает судебную тяжбу, и несправедливость осуждения приводит к тяжелой фрустрации... Больному ставят онкологический диагноз, и эта новость, опять-таки, провоцирует фрустрацию... Примеры эти можно множить до бесконечности. Даже мысль о посещении стоматолога может у кого-то вызвать такого рода внутренний конфликт: к доктору идти не хочется, но надо, ведь зуб-то болит! Фрустрация проявляется в так называемой дисфории — мрачном, подавленном настроении, снижении физического тонуса, бессоннице, потере аппетита.

В том, как люди преодолевают фрустрацию, большую роль играет психологическая устойчивость человека. Абсолютное большинство здоровых людей обладают достаточной стрессоустойчивостью для того, чтобы противостоять снedaющему их чувству отчаяния и приспособиться даже к очень некомфортным переживаниям. Очень небольшой процент, не найдя из такой ситуации приемлемого выхода, совершает самоубийство. Но некоторая часть людей преодолевают фрустрацию посредством агрессии, направленной на других.

Может показаться странным, но это действительно помогает. Агрессия приводит к психоэмоциональной разрядке, внутреннее напряжение снимается, и неразрешимый вроде бы конфликт оказывается вполне разрешимым. А если агрессия дополняется реализацией неких сексуальных замыслов, то снятие стресса становится удовольствием и даже игрой. Все серийные и массовые убийцы на определенном этапе своей жизни оказывались в состоянии тяжелой фрустрации, выход из которой они нашли в нападении на другого человека. И это принесло облегчение, стресс неожиданно прошел, пришло долгожданное успокоение, прилив сил, восстановился сон, жизнь обрела смысл и заиграла утраченными было красками...

Но подобный выход не является подлинным решением психологической проблемы, это лишь паллиатив, фикция. Важнейшей особенностью психо- или социопата является нарциссизм, самовлюбленность. Он считает себя неординарным человеком, он умнее и талантливее окружающих просто по факту рождения, но жизнь постоянно доказывает ему обратное. Такой человек оглядывается вокруг и видит, что все бывшие одноклассники уже купили новые машины, а он продолжает ездить на папиной развалюхе, с удивлением замечает, как красивая соседка игнорирует его, а проститутка, с которой он встретился недавно, заразила его венерической болезнью. В общем, жизнь постоянно травмирует непомерно раздутое «эго» психо- или социопата, поэтому данная категория лиц просто обречена на постоянное генерирование фрустрации. В силу этого преступник, уже попробовавший крови, через некоторое время вновь оказывается перед той же самой внутренней проблемой. Только теперь он уже знает выход из сложившейся ситуации и подходит к планированию и подготовке нового нападения более целенаправленно.

Так формируется комплекс «серийного убийцы».

Следует уточнить, что сам акт первого убийства может быть спонтанным. Многие «серийники» признавались в том, что хотя и планировали когда-нибудь убить человека, все же действовали в первый раз без какого-то плана и подготовки, зачастую в состоянии сильного алкогольного или наркотического опьянения, из-за чего оставили много следов и сильно рисковали (Именно поэтому в ходе следствия важно правильно понять, с какого преступления начинался «сериял» и обратить особое внимание на его расследование. Как правило, первые эпизоды содержат больше всего значимой информации о преступнике, да и совершаются они ближе всего к месту его проживания.).

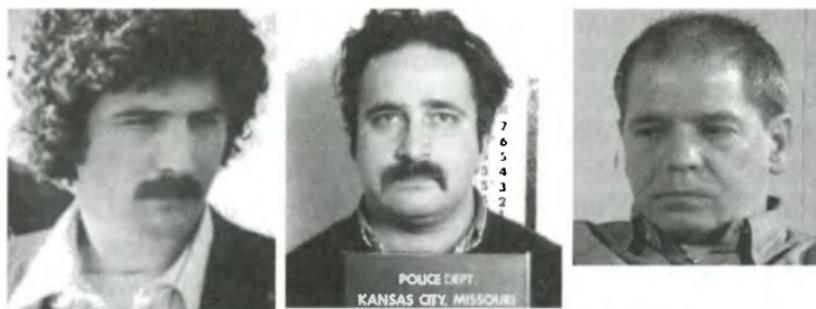
Сами по себе убийства на сексуальной почве очень часто не выглядят таковыми. Это обстоятельство, кстати, на протяжении многих десятилетий чрезвычайно осложняло расследование серийных убийств и придавало им пресловутую «неочевидность мотива». С точки зрения современных представлений, сексуальные по своей сути убийства могут быть обусловлены следующими непосредственными причинами:

— убийство с целью подавления противодействия активно сопротивляющейся жертвы. В этом случае убийство может оказаться непреднамеренным и после него преступник не совершит полового акта, тем самым не реализовав свой первоначальный замысел. В результате этого сексуальное по своей истинной природе преступление не будет выглядеть таковым. Обычно такие преступления серийные убийцы осуществляют в начале своего «сериала», пока они не набрались нужного опыта и не научились соразмерять свой гнев с силой ответного противодействия.

— убийство с целью получения сексуального удовлетворения от страданий и агонии жертвы. Очень часто во время совершения такого рода преступлений серийный убийца стремится продлить мучения жертвы, например, осуществляя неоднократное ее душение и последующую реанимацию. Кроме того, сексуальное удовлетворение отнюдь не всегда означает половой акт в традиционном понимании, таковым может быть мастурбирование, осуществляемое спустя заметный интервал времени с момента убийства. Наконец, некоторые преступники испытывают самопроизвольный оргазм в процессе совершения убийства из-за перевозбуждения нервной системы.

— убийство жертвы с целью максимального затруднения расследования и исключения возможности последующего опознания. В этом случае решение совершить убийство преступник принимает еще до начала посягательства, т. е. его действия преднамеренны и осмысленны. Такое преступление можно назвать наиболее «профессиональным» с точки зрения криминологии. Как правило, так действуют серийные убийцы, уже имевшие столкновения с законом и представляющие методику работы правоохранительных органов по раскрытию преступлений.

— убийство жертв изнасилования в отместку за их слова или поступки, воспринимаемые преступником как тяжкое (невыносимое) оскорбление. Как правило, под таким оскорблением подразумевается саркастическое замечание, указывающее на ущербность половой сферы преступника (недостаточную потенцию, малые размеры половых органов, необычные требования и фантазии в процессе осуществления коитуса и т. п.). Сексуальная несостоятельность является важной причиной, способствующей формированию «комплекса серийного убийцы», и то обстоятельство, что жертва обратила внимание на половые

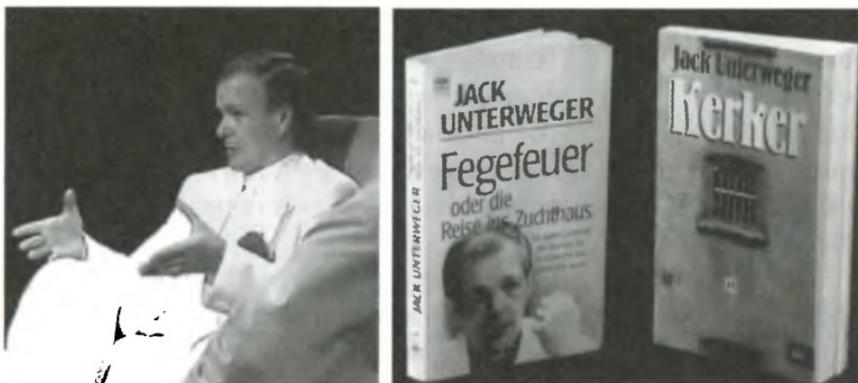
Известные американские серийные убийцы, демонстрировавшие особо изощренные способы пыток и казней. *Слева:* Кеннет Бьянки (Kenneth Alessio Bianchi), один из двух «хиллсайдских душителей», совершавших преступления в Лос-Анджелесе в конце 1970-х гг. Одной из своих жертв Бьянки несколько раз вводил внутривенно тормозную жидкость, рассчитывая посмотреть, как инъекция убьет женщину. Во время следствия сознался, что жертву около 40 минут мучила судорога, но смерть так и не наступила, поэтому женщину пришлось задушить. *В центре:* Роберт Берделла (Robert Berdella), серийный насильник-гомосексуалист, ставивший на своих жертвах эксперименты по «выживаемости» и фиксировавший результаты в особом журнале. Одного из мужчин Берделла убил разрядом тока под напряжением 7,7 кВ, двух других ослепил, сделав инъекции кислоты в глазные яблоки. Фантазии Берделлы не носили сексуального характера, все его жертвы добровольно и неоднократно вступали с ним в сексуальный контакт еще до нападения. Роберт — чистый садист, его интересовал именно процесс причинения страданий, а отнюдь не секс с жертвой. *Справа:* Робин Гечт (Robin Gecht), главарь группы из четырех насильников-убийц, похищавших и убивавших женщин в Чикаго в начале 1980-х гг. Своим жертвам насильники отрезали груди, и женщины умирали от острой кровопотери. Последней жертве Гечт предложил отрезать грудь самостоятельно и дал для этого струну от гитары. Женщина отрезала грудь этой примитивной «пилой», но благодаря редкостному стечению обстоятельств осталась жива и сообщила полиции прекрасное описание преступников и их автомашины. Это позволило арестовать Гечта и его дружков в считанные дни. Робин, безусловно, принадлежит к категории тех серийных убийц, для которых страдания жертвы являются самоцелью и более важны, чем собственно половой акт.

девиации насильника, оказывает на него чрезвычайно травмирующее воздействие. В этом случае акт убийства становится для насильника своего рода элементом психологической компенсации.

Тщательное изучение большого числа серийных убийц, в том числе и путем очных встреч в местах лишения свободы, позволило сотрудникам ФБР выделить два четко различающихся типа преступников этого рода. Один из них получил название «организованный несоциальный», а другой — «дезорганизованный асоциальный». Появление этой классификации позволило

резко упростить понимание как преступного замысла убийцы, так и его поведения до, во время и после нападения. Имеет смысл остановиться на характеристике этих двух типов серийных убийц подробнее, тем более что в дальнейшем в рамках этой книги нам придется еще не раз возвращаться к упомянутой классификации и оценивать с ее помощью типажи отечественных серийных преступников.

Организованный несоциальный убийца планирует свое преступное посягательство. Можно сказать, что в такого рода нападениях для него кроется весь смысл жизни, фантазии на эту тему переполняют его воображение. Организованный несоциальный «серийник» имеет интеллект средний или даже выше среднего, эрудирован, а это означает, что он зачастую неплохо представляет технологию работы правоохранительных органов и продумывает меры, необходимые для того, чтобы не быть пойманным. Такой преступник обычно выбирает жертву среди незнакомых ему людей, причем жертва должна соответствовать определенному типу (иногда криминальные психологи употребляют выражение «диапазон приемлемости», подчеркивая то, что внешние данные жертвы должны соответствовать некоему «идеалу», сложившемуся в воображении убийцы). Такой преступник контролирует свои действия во время нападения и перемещения на месте преступления, он принимает меры для того, чтобы не оставить отпечатки пальцев или обуви, скрывает лицо и т. п. Принципиально важным для серийных убийц этой категории является наличие заранее подготовленного оружия, которое преступник приносит и уносит с собою. Для того чтобы исключить сопротивление жертвы и обезопасить себя от возможности побега, организованный несоциальный убийца принимает заранее продуманные меры по обездвиживанию жертвы (связывает, усыпляет наркотиком или снотворным, помещает в ящик и т. п.). Именно такие убийцы похищают объекты своих посягательств, скрывают их в заранее подготовленных местах и подолгу — порой годами! — используют для реализации своих сексуальных фантазий. Организованные несоциальные убийцы добиваются полной покорности жертвы и с этой целью вступают в общение с нею, стремясь деморализовать и подавить эмоционально. Преступники этого типа склонны осуществлять фотографирование

Йоханн Унтервегер, более известен как Джек Унтервегер, (Johann "Jack" Unterweger) (1951—1994) — австрийский серийный убийца, названный журналистами «Венским душителем». Этот преступник является прекрасным примером организованного несоциального серийного убийцы, умело маскирующего свою хищническую сущность. В период 1967—1976 гг. Унтервегер 16 раз привлекался к уголовной ответственности за различные правонарушения, в т. ч. сексуальные нападения. В 1976 г. осужден пожизненно за убийство эмигрировавшей из ГДР девушки. В тюрьме Унтервегер написал автобиографическую книгу, вызвавшую немалый общественный резонанс. В ней он затрагивал фундаментальные вопросы гуманизма, воздаяния, искупления грехов, что ввиду неординарной личности автора придавало тексту немалый колорит. Благодаря общественно-политической обстановке Унтервегер был помилован Президентом в мае 1990 г. Получив работу на телевидении, он продолжил литературные и журналистские изыскания, подготовив в течение нескольких лет ряд остро публицистических материалов. В 1990—1991 гг. он совершил не менее 6 убийств женщин в Австрии и Чехословакии, кроме того, еще трех проституток Унтервегер задушил во время командировки в Лос-Анджелес, где готовил материал о социализации преступников в США. Арестован в феврале 1992 г. Виновность в совершении преступлений Унтервегер не признал, он покончил с собою после вынесения судом обвинительного приговора в июне 1994 г.

жертвы, вести видео- или аудиозапись собственных издевательств. Им доставляет удовольствие коллекционировать газетные сообщения о собственных злодеяниях.

Дезорганизованный асоциальный серийный убийца почти по всем позициям противоположен организованному несоциальному. Обычно это человек с пониженным интеллектом, выражаясь проще, он банально тупее среднестатистического горожанина. Впрочем, интеллектуальная ограниченность не делает его менее опасным, напротив, она придает его поведению определенную простоватость и непосредственность, что сказывается на оценке этого человека окружающими. Соседи

и друзья не считают его опасным именно в силу брутальности и незатейливости. Деорганизованный асоциальный серийный убийца действует спонтанно, без заранее выработанного плана. Другими словами, случайно увидев возможность реализовать свои сексуальные фантазии, он этой возможностью воспользуется не особенно раздумывая. «Диапазона приемлемости жертвы» для этого убийцы не существует — он может нападать и на подростков, и на пожилых, и на короткостриженных, и на длинноволосых, важнейший критерий выбора жертвы — ее заведомая слабость. С жертвой этот преступник ведет минимум разговоров, интеллектуальная игра и долгое запугивание — это не его конек. Более того, очень часто преступники такого сорта прямо запрещают жертве разговаривать. Нередко деорганизованные асоциальные серийные убийцы нападают на знакомых людей, соседей, родственников, что способствует их изобличению. Если организованный несоциальный преступник контролирует свои действия во время нападения, следит за тем, чтобы оставить минимум следов, и даже целенаправленно уничтожает оставленные следы, то для деорганизованного асоциального убийцы подобное поведение слишком сложно. Место преступления после него остается хаотичным. Такой преступник не утруждает себя связыванием жертв и не задумывается над тем, какое оружие использовать.

Несколько слов следует сказать и о терминологии, использованной для обозначения этих несхожих типов серийных убийц.

Словосочетание «организованный несоциальный» указывает на принципиально важные черты личности — упорядоченность мышления и поведения (т. е. «организованность»), а также чувство глубокого отчуждения от окружающего общества («несоциальность»). Такой человек не является изгоем, напротив, он сам уклоняется от тесного общения с людьми в силу своего эгоцентризма и завышенной самооценки. Преступник такого типа презирает людей, считая, что поставлен судьбой выше прочих, а потому имеет право выносить нравственные суждения и наказывать виноватых (т. е. приписывает себе «функцию Бога»). В западной криминальной психологии даже существует понятие «правый человек», которое используется для описания людей особого психотипа, которые всегда знают что «правильно», а что — «неправильно», как поступать «верно», а как — «неверно».

Джон Бантин (John Justin Bunting) — австралийский серийный убийца-садист, сколотивший банду из четырех человек, промышлявшую похищениями и последующими убийствами как мужчин, так и женщин. Фотография сделана в 2003 г. во время конвоирования в суд. Бантин и его группа являются собой классический пример дезорганизованных асоциальных убийц. Родившийся в сентябре 1966 г. Джон открыл свой трудовой стаж работой в морге, затем более полутора лет трудился забойщиком скота на бойне. Оставшись без работы в начале 1990-х гг., тунеядствовал вплоть до ареста в мае 1999 г. Признан виновным в убийствах 11 человек, приговорен к 11 пожизненным тюремным срокам. Жертвами Бантина становились представители социально неблагополучных категорий населения: лица с задержкой умственного развития, наркоманы, бывшие уголовники, безработные. Практически со всеми из них убийца поддерживал более-менее короткое знакомство, это были его соседи и даже лица, находившиеся в родственных отношениях. С точки зрения конспирации и здравого смысла, Бантин и его дружки действовали на редкость безрассудно — они не уничтожали даже самые опасные улики, возили с места на место трупы в бочках, от лица убитых людей требовали выплат пособий и пенсий. Бантин и его товарищи даже приходили в социальную службу, выдавая себя за убитых ими людей! Столь вызывающее, бессовестное и при этом неосторожное поведение характерно для серийных убийц этой категории — окружающим их людям даже в голову не приходит мысль, что преступники могут обманывать до такой степени незатейливо и нагло.

Типичный образчик «правого человека» — это домашний тиран, стремящийся контролировать каждый шаг членов семьи по поводу и без повода. Многие организованные несоциальные серийные убийцы являлись именно такими — они считали, что у них есть право судить и казнить «падших». В разряд последних они обычно зачисляли женщин, особенно проституток, бродяжек, алкоголичек и прочих люмпенов, которых считали

носителями всяческих грехов. Причем нельзя не упомянуть следующий нюанс: убийцы-педофилы после своего разоблачения всерьез утверждали, будто дети, ставшие жертвами их посягательств, пытались их соблазнить и тем самым выходили за «рамки приличия». Не будет ошибкой сказать, что для «организованного несоциального серийного убийцы» характерен довольно сложный и даже изощренный психологический механизм самооправдания.

Словосочетание «дезорганизованный асоциальный» описывает людей совершенно иного склада. Эпитет «дезорганизованный» указывает на разбросанность, несобранность, лень человека, его неспособность организовать свой быт, спланировать рабочее время и т. п. А под «асоциальностью» понимается неспособность соответствовать требованиям и ожиданиям окружающих, невозможность стать полноценным членом общества. Как правило, серийные убийцы именно этого сорта попадали на заметку правоохранительным органам за малозначительные и неопасные правонарушения, кроме того, они очень часто злоупотребляют наркотиками или алкоголем. Все это, вкупе с тяжелым и неуживчивым характером, создает немалые трудности по их социальной адаптации. Как правило, преступники этой категории оказываются в положении изгоев общества и живут на попечении близких. Испытывая трудности с поддержанием длительных отношений с противоположным полом, они либо вынуждены довольствоваться услугами дешевых притончиков, либо перебиваются редкими случайными связями. Неспособность достичь желаемого уровня материального благополучия и проблемы в сексуальной сфере способствуют формированию устойчивого комплекса неполноценности, который преступники этого сорта отказываются признавать вслух, но объективное существование которого не может быть поставлено под сомнение. Именно этот комплекс неполноценности (и, как его следствие, — осознание собственной ущербности) является тем скрытым от глаз посторонних приводом, что запускает в какой-то момент механизм принятия решения совершить убийство.

Необходимо сказать несколько слов и о серийных убийцах-педофилах. О них часто снимают художественные фильмы, поскольку для стран Запада растление малолетних является весьма

актуальной проблемой, но на самом деле педофилы составляют сравнительно небольшой процент серийных убийц. Значительная часть педофилов умудряется прожить жизнь вообще не совершая насильственных действий — их инструментарий воздействия на жертву много тоньше грубой силы. Они умеют уговорить, успокоить, расположить к себе жертву покупкой подарков, поощрением и т. п. Многие педофилы демонстрируют высокую степень социализации — это уважаемые члены общества, интеллектуально развитые, успешные в материальном отношении. Как показывает следственная практика, многие педофилы занимают должности, позволяющие им свободно общаться с детьми и подростками, не вызывая подозрений окружающих, делая это, так сказать, по долгу службы (социальные работники, педагоги, священники. В 2014 г. Ватикан признал, что за последнее десятилетие из-за «неподобающего поведения с детьми» от служения отстранено около 700 католических священников).

Кого вообще относят к категории педофилов? В разных странах этот термин трактуется несколько по-разному, но в самом общем виде — это лица, совершающие сексуальные посягательства на несовершеннолетних и имеющие с жертвой разницу в возрасте более 6 лет. Криминальные сексологи иногда подразделяют педофилов на несколько подгрупп в зависимости от того, из какого возрастного диапазона те выбирают жертву, но в формате данного произведения такого рода нюансы не представляются существенными.

Криминальные психологи в настоящее время разделяют педофилов на две основные категории: так называемых регрессивных и фиксированных.

Регрессивные, как правило, имеют семью и совершают сексуальные посягательства на детей или подростков будучи в состоянии фрустрации и под воздействием импульсивного порыва, усугубленного принятием наркотиков или алкоголя. Почти всегда после этого регрессивные педофилы испытывают раскаяние и чувство вины. Если они совершают убийство жертвы, то делают это в состоянии паники или испуга. Труп жертвы обычно не скрывают. Несмотря на то, что регрессивный педофил испытывает стыд от содеянного и раскаивается, спустя некоторое время он готов повторить нападение, поскольку получил опыт, доставивший ему много удовольствия.

Фиксированные педофилы зафиксированы на детях и подростках. Очень часто они не имеют семьи и не поддерживают интимных отношений с лицами своего возрастного диапазона (для описания этого отклонения психологи используют понятие «сексуальной неадекватности»). Если же у фиксированного педофила и есть жена, то она по требованию мужа манерой одеваться и поведением копирует ребенка. Иногда бывает так, что фиксированный педофил соглашается вступить в брак с женщиной, имеющей ребенка того возраста, который ему нравится, при этом мать поощряет нездоровый интерес отчима. Если фиксированный педофил убивает жертву своего посягательства, то делает это обдуманно, не испытывая раскаяния. В отличие от регрессивных педофилов, преступники этой категории продумывают и принимают меры по сокрытию трупа, в результате чего последний часто вообще не удается отыскать. В отличие от «обычных» серийных убийц, начинающих совершать убийства в 25–30 лет, фиксированный педофил обычно убивает первую жертву гораздо позже — в 45–50 лет. Данная особенность связана с тем, что в этом возрасте из-за ослабления половой функции в фантазиях педофила начинает превалировать садистская тематика и убийство жертвы становится в какой-то момент логичным (с точки зрения преступника) завершением «игры».

Как показывает статистика, абсолютное большинство серийных убийц на протяжении многих лет орудуют примерно в одном и том же районе, не особенно удаляясь от места проживания. Западные криминологи для обозначения этого участка даже пользуются особым термином «зона покрытия» (или «ареал убийцы»). Размеры этого района обычно не превышают 20 × 20 км. Разумеется, известны примеры серийных убийц, не отвечающие этому правилу (например, американец Гэри Риджуэй в первые годы своего «сериала» прятал тела убитых проституток на площади более 3 000 кв. км, а через несколько лет вывез не найденные полицией кости за 270 км от дома; канадский шофер-дальнобойщик Кейт Хантер Джесперсон убивал жертвы в разных концах США; отечественные убийцы-серийники Анатолий Нагиев и Андрей Чикатило нападали на женщин в разных регионах огромного Советского Союза и т. д.). Тем не менее это тот случай, когда можно сказать, что исключения только подтверждают правило — подавляющее большинство

Чарльз Нельсон Буш (Charles Nelson Busch) (1951–1978) — фиксированный педофил из США, подозревавшийся властями в причастности к похищениям и убийствам детей в 1977–1978 гг. в округе Окленд, штат Мичиган. Чарльз — младший из четырех сыновей Х. Ли Буша, финансового директора компании «Дженерал моторс», миллионера и влиятельного в деловых кругах предпринимателя. Окончил престижную школу-интернат для мальчиков, где и пристрастился к сексу с несовершеннолетними партнерами. Чарльз Буш отучился один год в университете, но учеба показалась ему сложной, и он в итоге освоил профессию повара. На деньги отца открыл бар-ресторан, которым управлял более двух лет, где собирались гомосексуалисты и педофилы. Вокруг Чарльза Буша сложилась настоящая «тусовка» таких же, как он, лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. В кругу друзей Чарльз не стеснялся признаваться в том, что никогда не занимался сексом с женщиной. В период 1975–1978 гг. Буш-младший не менее 14 раз задерживался полицией за приставания к подросткам, суды 4 раза (!) выносили ему условные приговоры по уголовным делам, связанным с растлением малолетних. Деньги и связи отца помогали ему избегать всех проблем с законом. Один из товарищей Чарльза, арестованный вместе с ним весной 1978 г., был приговорен к пожизненному заключению, а Чарльз Буш оказался выпущен на свободу под смехотворный залог в 1 тысячу долларов, и впоследствии все обвинения по этому делу с него были сняты. В ноябре 1978 г., узнав о том, что полиция подозревает его в причастности к похищениям и убийствам детей в округе Окленд, Чарльз Буш застрелился из ружья, а череда этих кровавых преступлений так и осталась нераскрыта. Уже в 2010 г. проведенная экспертиза «ДНК-идентификации» улик по этому делу показала, что по крайней мере две жертвы были связаны с 14-летним подростком, сексуальным партнером Чарльза Буша, а это косвенно подтверждает подозрения в причастности последнего к их похищениям и умерщвлениям.

серийных убийц орудуют на площади 400–500 кв. км и затрачивают на перевозку и сокрытие трупа жертвы примерно 40 минут.

С течением времени площадь «ареала» расширяется, а время, затрачиваемое на сокрытие трупа, возрастает. Также меняется поведение преступника с жертвой — он становится более жесток,

Кейт Хантер Джесперсон (Keith Hunter Jespersen) (род. в 1955 г.) — американский серийный убийца, шофер-«дальнобойщик» по роду занятий, совершавший преступления во время развозов по территории США. *Слева:* Джесперсон во время бракосочетания в возрасте 30 лет, *справа* — в тюрьме. Снимок дает представление о физических кондициях преступника. Джесперсон родился и вырос в Канаде в многодетной семье (три брата и две сестры), имел вполне благополучное детство, по воспоминаниям родственников был любимым ребенком своих родителей. Хотя близкие Кейта знали о том, что начиная с 6-летнего возраста он мучил и убивал животных, эта неприятная правда долгие годы оставалась семейной тайной. К окончанию школы Джесперсон при росте 196 см имел располагающую внешность и большую физическую силу. Прошел отбор в Королевскую канадскую конную полицию (RCMP), но оказался серьезно травмирован во время обучения и к службе не приступил. В дальнейшем переехал на постоянное жительство в США, женился, в браке стал отцом трех детей. Первое доказанное убийство Джесперсон совершил в 1990 г., всего же на его счету не менее 8 жертв в четырех штатах. Поскольку преступления не связывались в единый «сериал», обиженный этим Джесперсон в августе 1992 г. отправил в газету издевательское письмо, в котором пообещал убить как можно больше людей. Преступник оказался разоблачен совершенно неожиданно как для себя самого, так и для полиции: его последняя жертва рассказала подруге о колоритном шофере с внешностью кинозвезды, и Джесперсона без особых затруднений идентифицировали. Находясь в заключении, Кейт в разное время сделал заявления об убийстве почти 160 женщин, однако проверки доказали лживость этих самооговоров. Случай Джесперсона является отличным примером того, до какой степени высокая мобильность серийного убийцы способна осложнить его розыск.

больше времени уделяет пыткам и издевательствам. Во время первых нападений преступник отрабатывает модель своих действий, всячески ее совершенствуя. В это же время он может экспериментировать с оружием, выбирая то, какое в большей степени отвечает его требованиям. К третьему или четвертому

нападению серийный убийца обычно уже выбирает ту манеру действий, которая в наибольшей степени отвечает его предпочтениям и которой он придерживается в последующих эпизодах.

Каким образом расследуются преступления серийных убийц?

Прежде всего, тщательно исследуется место преступления (как вариант — место обнаружения трупа). Выясняется, являлось ли место обнаружения трупа местом нападения. Фиксируются все детали, способные пролить свет на манипуляции преступника с трупом. На этом этапе важно понять, куда и как убийца перемещал тело жертвы, каким маршрутом он прибыл в этот район и как уезжал. Огромное значение для понимания мотивации убийцы имеет правильное описание характера и последовательности травмирования жертвы, поэтому крайне важно судебно-медицинское исследование трупа.

Важным элементом расследования является идентификация жертвы и последующее изучение ее образа жизни, увлечений, наклонностей, повседневных занятий и круга общения. Исследование виктимности жертвы преступления, как уже было отмечено выше, способно многое сообщить о преступнике.

После того, как собираются воедино все данные об особенностях нападения, личности жертвы и специфических деталях поведения преступника, «профилер» осуществляет реконструкцию картины нападения: как оно начиналось, протекало, где и как завершилось. На основании произведенной реконструкции решается вопрос о том, является ли преступление самостоятельным событием, или это эпизод серии преступлений, начавшейся ранее. Если «профилер» (или группа «профилеров») приходит к заключению о том, что имеет место «сериал», то разрабатывается «поисковый психологический портрет» либо уточняется созданный ранее.

Типовой «поисковый психологический портрет» («психологический профиль») содержит ответы на более чем три десятка пунктов, которые можно разделить на три основные подгруппы:

а) описание личности преступника (возраст, пол, расовая принадлежность, уровень интеллектуального развития, образование, семья, место проживания, наличие криминального прошлого),

б) характеристика привычек (имеет ли автомобиль, если да — какого цвета, модели, года выпуска, в каком состоянии; коллек-

ционирует ли газетные материалы о собственных преступлениях; хранит ли вещи, взятые с мест совершения преступлений; сохраняет ли оружие и элементы экипировки, использованные при нападениях; ведет ли дневник или записи, аналогичные дневниковым, в которых условным шифром фиксирует значимые детали нападений и т. п.),

в) рекомендации по тактике допроса в случае задержания подозреваемого (агрессивный допрос, растянутый во времени в расчете на утомление; допустима ли проверка с использованием «детектора лжи», предлагать ли подозреваемому давать письменные ответы на вопросы с последующей их проверкой методиками анализа письменных утверждений и т. п.).

Разумеется, «психологический профиль» не является абсолютным оружием в борьбе с серийной преступностью, но, как свидетельствует полицейская практика, рекомендации опытного «профилера» обычно демонстрируют высокую схожесть «поискового психологического портрета» с индивидуальными особенностями разыскиваемого преступника, а потому имеют большое практическое значение.

Существуют ли ограничения в применении методики построения «психологического профиля»? Да, таковые имеются, и именно поэтому «профилерование» не претендует на роль панацеи в деле борьбы с преступностью. Прежде всего, «профилерование» плохо работает в тех случаях, когда преступник во время нападения действует в состоянии крайней неадекватности, другими словами, сильно превысил привычную для него норму потребления алкоголя или наркотиков. В этом случае он утрачивает присущие ему индивидуальные поведенческие черты и демонстрирует крайнюю хаотичность действий. В этом случае заключение криминального психолога-«профилера» окажется не только не релевантным, но и прямо ошибочным.

Не годится метод построения «поискового психологического портрета» и в тех случаях, когда убийства совершаются членами организованных преступных сообществ или террористами. Несмотря на несхожесть мотивации тех и других, обе эти категории ограничены в принятии решения о способе убийства и реализации замысла. Их действия зачастую формализованы прямыми приказами, которые нельзя поставить под сомнение или ослушаться, а образ жертвы обезличен.

Другими словами, личность убийцы в преступном акте себя не проявляет (либо проявляет в минимальной степени), гангстер или террорист в большинстве случаев лишь реализует замысел, разработанный руководителем.

В завершение темы о специфике и эффективности «психологического профилирования» нельзя избежать вопроса о том, известны ли случаи, когда использование этого метода приводило к ошибкам следствия, либо не приносило ожидаемого эффекта. Поскольку упомянутая методика имеет вероятностный характер, то, разумеется, в работе «профилеров» имеют место ошибочные предположения и суждения. Классическим примером одной из таких ошибок может служить история расследования убийств проституток в американском городе Рочестер в 1988–1989 гг. Консультировал следователей по вопросам построения «поискового психологического портрета» сотрудник Отдела следственной поддержки ФБР Грегор МакКрэри, который пришел к выводу, что убийцей является белый мужчина в возрасте 30–35 лет. На самом деле убийце в момент совершения этих преступлений уже исполнилось 43 года, т. е. МакКрэри в оценке возраста допустил весьма заметную ошибку.

Известно несколько примеров такого рода, но это не отменяет того факта, что с начала 1980-х гг. метод построения «поискового психологического портрета» превратился в мощный и эффективный инструмент расследования преступлений с неочевидным мотивом. Остается лишь сожалеть, что идеологическая зашоренность, доктринерство и скудоумие советского партийного и государственного руководства, взявшего курс на игнорирование вызревавших в советском обществе негативных тенденций, не позволили отечественным ученым своевременно создать аналог американской методики и вообще отнестись с должным вниманием к зарубежному опыту. Вместо этого, самодовольно поживая на лаврах, «цековские небожители» пафосно сокрушались со всех трибун и в газетных передовицах о «царящем на Западе культе секса и насилия». Автоматически подразумевалось, что уж в Советском-то Союзе ничего подобного нет и быть не может! Эта замшелая легенда надолго пережила своих создателей. Уже четверть века минуло с того момента, как «цековские небожители» потеряли свои трибуны, власть и право врать народу. Уже и Советский

Союз — эта inferнальная тюрьма русского народа! — ушел навеки в небытие... А легенды про мирную и безопасную жизнь в «солнечном вчера» все еще реанимируются в телевизионных репортажах и пафосных агитках идейных наследников коммунистической проказы.

И вот тут читатель вправе спросить: а были ли на самом деле в Советском Союзе серийные и массовые убийства, аналогичные американским? Существовала ли в СССР преступность с «неочевидным мотивом», и как обстояло дело с ее раскрываемостью?

А дело обстояло так...

Глава 5. Массовые убийства

Массовые убийства хотя и не являются серийными, все же имеют общую с ними природу. Единственное существенное отличие массовых (и цепных) убийств от серийных заключается в том, что между их криминальными эпизодами отсутствует фаза эмоционального остывания преступника. Другими словами, он все время находится в возбужденном состоянии; эта фаза активности может растягиваться порой на много часов.

Отечественные литераторы, пишущие на тему истории сыска и криминалистики, с удовольствием смакуют широко известные случаи массовых убийств в США. Что есть — то есть, американцы действительно дали миру множество классических образчиков такого рода преступлений. Только объяснять этот феномен одним лишь распространением в Штатах огнестрельного оружия да царящим там «культом насилия» — значит сильно упрощать его объяснение и подменять серьезный анализ примитивной пропагандой.

Советская криминальная история весьма богата преступлениями такого рода.

5.1. Массовый убийца Василий Котов (период активности: 1917–1922 гг.)

С точки зрения современных представлений, Котов является классическим массовым убийцей, хотя в начале 1920-х гг. он считался грабителем, убивавшим свои жертвы. Если его преступления и поразили современников, то лишь размахом и многочисленностью убитых людей, но не садизмом. Возможно, на восприятие содеянного Котовым повлияла специфика той эпохи — недавняя Гражданская война и «красный террор» заметно притупили восприятие жестокости.

Родившийся в 1885 г. Василий Родионович Котов стал профессиональным преступником еще в дореволюционное время. Впервые его лишили свободы в 1904 г. за хищение денег у хозяина трактира, предоставившего ему работу. Затем последовали еще три срока, так что к февралю 1917 г. Василий стал настоящим рецидивистом. В этом отношении, кстати, он повторил жизненный путь своего отца, также неоднократно судимого. Побывали за решеткой и три родных брата Василия. В общем, семейка была та еще...

После освобождения из заключения, последовавшего в дни Февральской революции 1917 г., Котов оказался предоставлен сам себе. Он занялся «мешочничеством», т. е. мелкой торговлей. Это был весьма популярный и доходный в те годы промысел, заключающийся в том, что торговец привозил в деревню незатейливые промышленные товары, вроде швейных игл, ножниц и т. п., а обратно в город вез продукты питания (от чеснока и лука до картошки и сала). Торговля пошла у Василия очень хорошо, он вполне мог бы забросить преступную стезю, но... Повинуясь какой-то необъяснимой внутренней потребности, Котов вновь стал на путь нарушения закона. Да притом как!

С осени 1917 г. он начинает проводить домашние грабежи с убийством всех членов семьи, которые в момент нападения оказывались в зоне досягаемости. В селе Островицы Гжатского уезда Смоленской губернии Котов убил семью сельского старосты, зажиточного по местным меркам человека. Тогда он расстрелял из револьвера троих. В течение первой половины следующего года он, как будто бы, преступлений не совершал, но, скорее всего, его преступления той поры остались правоохранительным органам молодой Советской республики банально не известны. Но в октябре 1918 г. в городке Гжатске при ограблении зажиточного дома в Акушерском переулке Котов расстрелял еще двух человек. Через пару месяцев, в декабре, Котов приехал в имение помещиков Шлегерс якобы с «мандатом на экспроприацию ценностей» и застрелил хозяйку и ее дочь.

На этом — начальном! — этапе своего смертоносного пути Василий Котов еще только определялся с оптимальной манерой своих действий. Он пользовался револьвером, не пытался связывать жертв, сам процесс умерщвления протекал быстро и без особых затей. При этом, однако, уже обозначились черты

Эта поврежденная и плохо сохранившаяся фотография — единственное известное изображение Василия Котова. Снимок сделан за год-полтора до ареста, убийце на нем около 36 лет. Даже по такому изображению можно составить некоторое представление об этом человеке: плотно сжатые губы, спокойный прямой взгляд, наглухо застегнутый ворот русской рубашки довольно красноречивы. Прочитируем психолога Познышева, уж его-то суждению доверять можно безоговорочно (стилистика оригинала сохранена): «В высшей степени ярким типом профессионала-бандита является Василий Котов. <...> Котов был энергичным и быстро действовавшим организатором, которому некогда было задумываться над своими планами и колебаться их осуществлять. Очевидно, действовал он строго рассчитано, внимательно взвешивал риск своей деятельности <...>, так сказать, с большой выдержкой. <...> От его кровавых преступлений веет таким бессердечием, такой спокойной и непоколебимой жестокостью, что с трудом верится, чтобы душевно здоровый человек мог совершать их с такой настойчивостью и организаторской ловкостью. <...> На вид это человек, ничем не отличающийся от обыкновенного прасола или мелкого лавочника. <...> Он среднего роста. Обыкновенное лицо. Тонкий нос с горбинкой. Холодные серо-зеленые глаза. Лицо спокойное, не склонное к улыбке, с выражением сдержанности и сосредоточенности. Это лицо не располагает к себе, но и не отталкивает».

«ритуализированного поведения», получившие в дальнейшем, как увидим, логическое развитие. Котов представлялся работником властных органов и в первые минуты нападения вел себя в соответствии с выбранным образом. Жертвы не сразу понимали, кто перед ними, и беспрекословно выполняли распоряжения «ответственного работника». Видимо, Котов получал немалое удовольствие от этой психологической игры, и осознание того, что жизни людей находятся в полной зависимости от его воли, превращало его в собственных глазах в некую ипостась Бога.

С декабря 1918 г. по ноябрь 1920 г. о жизни убийцы толком ничего не известно. Вряд ли он прекратил убивать, но ни одно

из преступлений той поры связать с его именем не удалось. Однако известно, что в ночь с 23 на 24 ноября 1920 г. в Курске Котов с подельником убил семью из 5 человек. На этот раз в качестве орудия убийства использовался топор — этому чудовищному инструменту он оставался верен и в дальнейшем. Жертвы были связаны, хозяин дома был подвергнут пытке, две женщины — изнасилованы. Через полтора месяца в том же Курске последовала массовая расправа над семьей рыночного торговца, китайца по национальности. На беду в гости к нему зашли родственники и двое знакомых — убиты были все. В общей сложности оказались зарублены топором 16 человек. Буквально через 11 дней в Курске последовало еще одно массовое убийство в узнаваемом стиле Василия Котова, на этот раз была убита семья из 6 человек. Для всех трех эпизодов была характерна расстановка жертв перед их убийством в определенном порядке — мужчины находились отдельно от женщин и детей. Если позволяло пространство помещения, то жертвы выстраивались шеренгами у противоположных стен. Руки всех жертв связывались за спиной, видимо, проделывалось это еще в самом начале нападения. В момент нанесения ударов топором все погибшие опускались на колени, люди убивались одним или двумя ударами, которые наносились лезвием топора по затылку. Некоторые из жертв — молодые девушки и женщины — подвергались перед смертью изнасилованиям.

На протяжении 1921 и 1922 гг. Котов с подельниками курсировал между Москвой и Курском, совершая нападения, напоминавшие многими деталями описанные выше. География кровавых вылазок оказалась довольно обширной — Гжатск, Можайск, Вязьма, Курск. В январе 1922 г. Котов вернулся было к расстрелу жертв из пистолета — так он убил семью из 5 человек в Курске, но это было лишь исключение из правил. После этого он вновь продолжил крушить головы топором. Однако эксперименты с орудием убийства Котов не прекратил. В феврале 1922 г. при убийстве семьи хуторянина Разговорова он пустил в дело молоток. Молоток Котову не понравился — чтобы гарантированно убить человека, требовалось наносить не менее десятка ударов, в этом отношении топор был много эффективнее. Были эксперименты и иного рода — так, при нападении 8 мая 1922 г. на семью Суздаевых неподалеку от города Воскресенска

Московской губернии Котов решил использовать в качестве орудия умерщвления гирию, замотанную в полотенце. Орудуя этим импровизированным кистенем, Котов разбил головы 8 человек, однако убедившись, что не все они погибли, убийца вытащил нож и перерезал пленникам горло...

15 мая 1922 г. группой во главе с Котовым совершено преступление чрезвычайно кровавое даже по меркам этого убийцы. В доме в двух километрах от железнодорожной станции Нара Наро-Фоминского уезда Московской губернии были зарублены топором 13 человек. А 20 июня 1922 г. в Боровском уезде Калужской губернии Котов с подельниками совершил еще одно изуверское массовое убийство. Он уничтожил семью «кулака» Лазарева и трех его батраков — всего 16 человек. Преступники оставили на месте расправы 2 окровавленных топора — это навело следователей на мысль, что непосредственно умерщвлением занимались не менее двух человек.

Нельзя сказать, будто уголовный розыск не искал таинственного изувера, совершавшего на протяжении ряда лет преступления, выходявшие за рамки человеческого понимания. Разумеется, искал! Точнее даже, разыскивался не конкретный человек, а целая банда. Вот только в разных губерниях искали разные банды, поскольку Котов брал с собою разных подельников, а зачастую вообще действовал в одиночку. Немалым потрясением для сыщиков явилось сообщение, о том что в ужасных убийствах принимает деятельное участие женщина!

Об этом сотрудникам губернского уголовного розыска сообщила Христина Поздняк, 11-летняя девочка, чудом выжившая при нападении Котова 2 мая 1922 г. на дом семьи Поздняк возле станции Шаликово Верейского уезда. В тот день Котов убил не только родственников Христины числом 8 человек, но и трех охотников, проходивших мимо дома. Девочка же избежала чудовищной гибели благодаря невероятному стечению обстоятельств — когда преступники принялись забивать пленников топором, она юркнула под кровать и провалилась под ветхий избяной пол. Несмотря на связанные руки, ей удалось заползти за выступ фундамента печи, благодаря чему убийцы, осветившие подпол фонарями, не сумели ее увидеть.

Христина рассказала, что вечером 2 мая из леса рядом с домом вышли три человека — двое мужчин и женщина, которые,

представившись «работниками исполкома», заявили о необходимости провести обыск. Далее они потребовали собраться в доме всем присутствующим и... тут-то в руке дамочки появился револьвер. Мужчины связали за спиной руки своим жертвам, тем, кто помоложе, связали и ноги (дабы не убежали!), кроме того, мужчинам завязали глаза. Далее кошмар только нарастал — вышедшие из леса «работники исполкома» принялись увязывать в тюки все более-менее ценное имущество, а женщина с револьвером в руках сторожила пленников. Через некоторое время из леса рядом с домом Поздняк вышли три охотника, которые намеревались пройти мимо, но один из «работников исполкома» строго потребовал, чтобы они зашли в дом и приняли участие в обыске в качестве понятых. Там мужчин обезоружили, также связали и усадили рядом с прочими пленниками. Перед тем, как приступить к убийству пленников, мужчины переоделись в тряпье, которое не жаль было забрызгать кровью жертв — и эта важная деталь, указывающая на предварительную подготовку убийства, в дальнейшем была подтверждена самим Котовым.

Благодаря показаниям Христины Поздняк следствие получило довольно детальные описания внешности нападавших, один из которых был высокого роста и рыжеволос, а другой — среднего роста и имел нос с горбинкой. Кроме того, девочка смогла описать и молодую женщину с револьвером, деятельно помогавшую убийцам. А в скором времени схожее описание нападавших дал потерпевший по другому эпизоду. Николай Иванов, тяжело раненный в ходе нападения 15 мая 1922 г. (тогда Котовым были зарублены 13 человек!), оставался жив несколько дней и несколько раз приходил в сознание. Умиравший юноша описал двух убийц и сопровождавшую их «красивую женщину», чьи приметы хорошо соответствовали полученным от Христины Поздняк. Таким образом Московский губернский уголовный розыск понял, что на территории Подмосковья действует одна и та же преступная группировка.

Впрочем, дальше этого открытия розыск не продвинулся. Попытки «прошерстить» воровские «малины», получить информацию от осведомителей в преступной среде или выйти на банду, отследив сбыт награбленных вещей, результатов не приносили.

Трудно сказать, каким бы оказался сюжет дальнейших поисков таинственных изуверов, если бы конец кровавым похождениям Василия Котова не положил его друг и поделщик Иван Крылов. Причем сделал это весьма прозаичным образом: он попросту донес на Котова. Советская юриспруденция не признавала сделок обвиняемых с правосудием, но «чистосердечное раскаяние» и «сотрудничество с правоохранительными органами во время следствия» признавались судом смягчающими вину обстоятельствами. Поэтому Крылов, попавшись в октябре 1922 г. на неудачном грабеже, решил купить расположение следствия, выдав ценную информацию.

Его рассказ позволил проследить криминальный путь Василия Родионовича Котова вплоть до 1917 г. Крылов не знал многих деталей биографии своего дружка, поэтому повествование его получилось фрагментарным, однако даже того, что он знал, оказалось достаточно для того, чтобы назвать Котова одним из самых опасных преступников своего времени. В общей сложности Василий Котов был обвинен в убийствах 116 (!) человек, абсолютное большинство которых было зарублено топором.

Советское правосудие не рассматривало Котова как убийцу-одиночку, поскольку нападения в 1921–1922 гг. совершались группой лиц. Между тем вряд ли подлежит сомнению тот факт, что именно Котов был «силовым приводом» созданной им преступной группы и безжалостность нападений обуславливалась именно его личными предпочтениями. Кстати, сам Котов во время следствия и суда стремился доказать обратное и всю вину за зверские расправы валил на своего поделщика Ивана Морозова. Иван Иванович Морозов-Саврасов, действительно, был личностью малосимпатичной и убийцей со стажем. Свое первое убийство этот рецидивист-каторжанин совершил еще до революции 1917 г. Однако Котов и Морозов стали нападать совместно лишь после июля 1921 г., а между тем, как известно совершенно достоверно, массовые расправы Котов начал творить много раньше.

Крайне интересен и другой момент: Котов 23 сентября 1922 г. застрелил своего друга и поделщика Морозова, но сделал это вовсе не потому, что намеревался прекратить череду убийств. В тот день оба убийцы в очередной раз вышли на «дело» и устроили

засаду возле железнодорожной станции Апрелевка на дороге к деревне Горки. Они рассчитывали подкараулить и убить какого-нибудь хорошо одетого дачника. Но... сложилось так, что подходящей мишени убийцы так и не дождались. Потратив на напрасное ожидание некоторое время, Котов двумя выстрелами из револьвера уложил своего друга и подельника. Во время следствия ему задали вопрос о мотиве этого явно незапланированного убийства, и Котов выразился в том духе, что Морозов, мол-де, начал сильно пить и много болтать, а потому сделался опасен. Это объяснение удовлетворило следователя, а между тем истинная причина вряд ли состояла в алкоголизме Ивана Морозова. Василий Котов на пятом году своего кровавого промысла перешел уже в ритм жизни, характерный именно для серийных убийц — он жил от убийства до убийства, и психоэмоциональная разрядка, которую он испытывал во время совершения своих злодеяний, стала ему нужна в той самой степени, что наркотик наркоману. Настроившись на то, что в этот день он совершит убийство и снимет довлеющий над ним стресс, Котов не захотел отказываться от своих планов. Убедившись в том, что подходящую цель они уже не дождутся, убийца принял единственно приемлемое для него в той ситуации решение — пустить пару пуль в затылок ничего не подозревавшему дружку и после этого с чувством глубокого удовлетворения отправиться домой.

Такого рода объяснение, хотя и не нашло отражения в следственных документах, все же очень близко к истине. Это можно утверждать на том основании, что подобная расправа была отнюдь не единственной в истории кровавых похождений Василия Котова. Он по крайней мере дважды убивал своих хороших знакомых-скупщиков краденого (вместе с их родственниками), причем во время следствия затруднился объяснить мотив этих расправ. Скупщики краденого являлись важным элементом криминальной цепочки и были совершенно необходимы Котову, который прекрасно понимал, что не может лично явиться на «барахолку» и заняться открытой торговлей имуществом своих жертв. Тем не менее потребность убивать достигала, по-видимому, такой силы, что Котов не мог ею управлять и решался даже на очевидно неблагоприятные поступки.

Василий Котов являлся, безусловно, серийным убийцей, хотя в отличие от классических «серийников» он стремился убивать в одном эпизоде несколько жертв, порой даже более десятка. Причем для Котова акт убийства оказывался важнее сопутствующего грабежа. Это особенно хорошо заметно в случае нападения на семью Поздняка. Тогда жертвами убийц стали не только хutorяне, но и проходившие мимо охотники, которые никак не могли помешать грабежу. Но вместо того, чтобы позволить посторонним спокойно уйти, Котов заманил их в дом и расправился наряду с другими. Очевидно, что возможность убить представлялась Котову более значимой, нежели пожива от грабежа.

В этом же убеждают и некоторые элементы поведения преступника во время совершения нападений. Речь идет о так называемой «ритуализации» действий, когда определенным манипуляциям или поступкам преступник придает некий особый только ему понятный смысл. Котов разделял плененных мужчин и женщин, размещал их в определенном порядке, производил их связывание в определенной последовательности, перед началом убийств переоблачался — надевал специально принесенный кожаный фартук либо кафтан. В этих действиях просматривается некая аналогия с судебным заседанием, в котором Котов играл роль судьи, выносящего приговор, и палача, тут же его исполняющего. Интересно и то, что расправа над пленниками осуществлялась в конце нападения, а, скажем, не в начале, как это часто бывает в процессе обычных ограблений. Котов не увлекался пытками пленников, не казнил одних членов семьи для запугивания других — он разом убивал всех и проделывал это в конце нападения. Трудно отделаться от ощущения, что такие расправы являлись для Котова своеобразным «десертом», лакомством, которое он оставлял напоследок, чтобы насладиться сполна.

В этой связи, конечно, встает закономерный вопрос о том, насколько здоровым умственно и психически был этот человек? Даже с позиции сегодняшнего дня (и нынешних знаний по этим вопросам) преступления Василия Котова нельзя охарактеризовать иначе, как чудовищные, а уж для начала 1920-х гг. они и по-прежнему находились за гранью здравого смысла. Котова после его ареста обследовал уже упоминавшийся в настоящем повествовании

известный криминальный психолог Познышев, так что по вопросу психологического и психиатрического состояния убийцы у нас есть вполне компетентное мнение. Познышев не обнаружил у Котова никаких выраженных отклонений, указывающих на существование временных расстройств или хронических заболеваний такого рода. Знаменитый криминальный психолог в своей книге «Криминальная психология. Преступные типы» в следующих словах описал Василия Родионовича: «Во время продолжительной моей беседы с Котовым, а также наблюдая его поведение на суде и внимательно вглядываясь в детали его поступков, я мог убедиться, что он прекрасно владеет собой, безусловно, не глуп, быстро ориентируется в обстановке, в которой находится, и в людях, с которыми ему приходится говорить, имеет недурную память, — что отчасти подтвердили и произведенные мною эксперименты, — вполне обладает способностью быстро сосредотачивать и переводить свое внимание, очень сдержан и скуп на слова, лишен той развязанности и неприкрытой, бьющей ключом чувственности, которая так часто встречается у профессиональных убийц».

Таким образом, никаких оснований объяснять изуверскую жестокость Василия Котова каким-то патологическим состоянием не имелось. Убийца прекрасно понимал, что он делает, управлял собою и от реализации своих преступных намерений желал наступления вполне определенного результата.

Преступления Котова представляют интерес с точки зрения криминальной психологии еще и потому, что некоторая часть из них совершалась при деятельном участии его любовницы Серафимы Винокуровой. Познакомился он с нею в декабре 1921 г., т. е. менее чем за год до своего разоблачения, однако женщина успела отметиться в чрезвычайно жестоких нападениях в мае 1922 г., когда Котов вместе с Морозовым в трех эпизодах убил более 30 человек. Надо отметить, что такого рода тандемы серийных убийц или их объединения в группы из нескольких участников (трех или даже четырех) довольно редки, хотя все же известны. Они создаются вокруг доминирующего убийцы, который принимает на себя роль лидера. Но при этом неверно думать, будто его авторитет поддерживается лишь только запугиванием или грубым принуждением. Низкодоминантные убийцы подчиняются лидеру с удовольствием и вовсе не тяготятся

своей ролью. Напротив, стремясь добиться расположения вожака, они предлагают более изощренные способы мучений и убийств жертв, дают советы при выработке плана очередного нападения и весьма деятельно участвуют в его реализации. Несмотря на большую разницу в возрасте (Винокурова родилась в 1901 г., т. е. была почти на 17 лет младше Котова), Серафима прекрасно дополняла своего сожителя, хотя честно признавалась во время следствия и суда, что не любила его.

Очевидно, что их связь зиждилась на любви к убийствам. Если бы Серафима Винокурова не разделяла потребность Котова убивать людей, то, скорее всего, она очень быстро пополнила бы его мартиролог и отправилась вслед за Иваном Морозовым. Этого, однако, не произошло, и более того, Серафима оказалась единственным человеком, в отношении которого Василий Котов выражал признаки внимания и заботы. Познышева, который общался с Серафимой до суда, удивило то обстоятельство, что сожитель был с нею строг, но не груб и не наказывал женщину физически. Такой безжалостный убийца-изувер и — на тебе! — просит передать в камеру бывшей любовнице нежную записку! На самом деле удивляться этому вряд ли следовало: Котов всю свою потребность убивать реализовывал в ходе нападений, а в перерывах между ними прекрасно управлял своим поведением и гневом.

Не подлежит сомнению, что в ритуализированности действий Котова раскрывались подспудные фантазии убийцы. Ему явно нравилось изображать из себя «представителя власти». Точно известно, что в нескольких эпизодах он представлялся жертвам то «ответработником исполкома», то «оперработником волостной чека», то «фининспектором с губернским мандатом», очевидно разыгрывая сценки, продуманные заранее. Он оставлял свои жертвы живыми на долгие часы и явно не спешил убивать, что на самом деле далеко не оптимальный для преступника способ действия. Очевидно, Котов, растягивая то удовольствие, что давало ему ощущение власти над чужими жизнями, потакал каким-то своим скрытым потребностям. Сам акт массового убийства, как уже отмечалось выше, также был ритуализирован и напоминал некую юридическую процедуру. Не подлежит сомнению, что Котов получал огромное внутреннее удовлетворение от неспешности и неумолимости своих расправ,

реализация которых именно в таком виде явно была обусловлена неким внутренним комплексом.

Как случилось, что мирный и достаточно уравновешенный торговец (напомним, что Котов после Февральской революции не без успеха «мешочничал»!) вдруг переключился на ремесло убийцы, и как этот странный перелом в его судьбе оказался связан с сексуальной стороной поведения, сказать сейчас невозможно. Ни прокурора, ни судью подобные детали не интересовали, да и криминальный психолог Познышев тоже не увидел связи между либидо преступника и его ужасными деяниями. Но связь такая явно существовала. Котов и его подельники насиловали девушек и женщин, оказавшихся в числе пленниц, и даже участие сожительницы в нападениях не прекратило эту практику. Более того, возможно, участие в нападениях Винокуровой и придавало, по мнению Котова, изнасилованиям особую «пикантность». Кровь и секс, несомненно, были прочно связаны в голове убийцы, и одно обуславливало другое.

Василий Котов, с точки зрения современных представлений, является серийным убийцей необычным и не до конца понятным. Многие существенные детали его жизни и совершенных преступлений остаются для нас терра инкогнита и вряд ли когда-то будут прояснены. Если бы после своего разоблачения Котов привлек к себе внимание сродни тому, что выпало семь десятилетий спустя на долю Чикатило, то вполне возможно, мы бы имели достаточно полное и развернутое жизнеописание этого преступника. Подобного, однако, не случилось. Котов и его супруга были расстреляны весной 1923 г. и исчезли из криминальной истории Советской России, словно бы и не существовали. В самом деле, что может быть необычного в человеке, убившем лично или при помощи подельников 116 человек?!

Самодовольные партийные доктринеры, возглавлявшие правоохранительные органы молодой Советской республики, считали, что марксистско-ленинское учение содержит в себе ответы на все вопросы, а разного рода психологические тонкости — не более чем порождение буржуазной идеологии. А потому Котов и ему подобные убийцы попросту исчезнут вместе с отмершим капитализмом. Время показало, как же они ошибались...

5.2. Массовый убийца Александр Лабуткин (период активности: 1933–1935 гг.)

Лабуткин совершал свои преступления в районе Ржевка-Пороховые, в обширном лесном массиве в северо-восточной части Ленинграда. Хвойный густой лес одной стороной при-мыкал к Ржевскому артиллерийскому полигону, а другой — упирался в охраняемый периметр Пороховых заводов, построенных в излучине Невы еще Петром Первым. Рядом с этим крупным оборонным заводом располагался рабочий поселок, ныне исчезнувший. Эти географические подробности имеют значение, поскольку они определенным образом повлияли на ход расследования преступлений Лабуткина.

«Сериал» этот, если верить официальной версии событий, начался 30 августа 1933 г. — в этот день в лесу за Пороховыми заводами были найдены четыре трупа (два мужских и два женских) и тяжелораненая женщина. Последняя через несколько дней скончалась в больнице, так и не дав следователям никаких показаний. Все пятеро погибших находились неподалеку от тропинки на сравнительно небольшом участке леса, протянувшемся на полкилометра. Внимательный осмотр местности привел следователей и криминалистов к твердому заключению, что убийца действовал в одиночку. Для умерщвления жертв он воспользовался пистолетом, видимо, револьвером, поскольку стреляных гильз обнаружить не удалось. Стрельба велась с близкого расстояния и в упор. Всего убийца произвел девять выстрелов.

Самое большое открытие заключалось в том, что все выпущенные пули оказались... самодельными. Это были шарики от шарикоподшипника, обтюрированные в размер канала ствола. Данное открытие означало, что и патроны убийца снаряжал сам (либо приобретал их у подпольного мастера-кустаря). В любом случае, эта особенность была легко узнаваема.

Все жертвы были ограблены, но ограбление выглядело каким-то ненатуральным (например, убийца обыскал трупы супругов Костроминых, но почему-то не забрал их паспорта). Пожива преступника была явно очень и очень скромной — мелочь на дорогу, лукошки с грибами, в общем, за такую мелочевку обычно не убивают.

Массовое убийство, совершенное 30 августа 1933 г. в лесу на Пороховых, свидетельствовало о необычной мотивации убийцы. Жертвы находились на расстоянии нескольких десятков метров друг от друга, казалось очевидным, что преступник сначала стрелял в мужчину, а затем преследовал женщину, которую убивал на некотором удалении спустя время. Очевидно, со стороны преступника имела место своеобразная игра. Тела убитых людей преступник не пытался перенести вглубь леса или как-то замаскировать. Хотя жертвы были ограблены, их одежда не была обыскана, что указывало на прижизненность ограбления и косвенно свидетельствовало о том, что материальный мотив для злоумышленника не был особенно важен. Примечательно, что если к телам убитых мужчин убийца, по-видимому, вообще не прикасался, то женщины вызвали его определенный интерес: он поднимал подолы их платьев и обнажал грудь. При этом попыток осуществить половой акт преступник не предпринял — это однозначно показали криминалистическое изучение улик и судебно-медицинская экспертиза трупов. Сейчас бы такие убийства классифицировали как «совершенные в условиях неочевидности мотива», но в первой половине 1930-х гг. советские криминалисты еще не знали про такую категорию преступлений.

Были приняты очень энергичные меры по розыску жестокого убийцы. Расследование велось по нескольким направлениям. Особенно перспективной казалась версия, что убийца на самом деле хотел расправиться лишь с одной из пяти жертв, все остальные исполнили роли «ложных целей» и были убиты лишь для того, чтобы замаскировать главный объект посягательства. Эту гипотезу косвенно вроде бы подтверждало то, что преступник более трех месяцев никак себя не проявлял. Можно было подумать, что он выполнил свою миссию и более не возьмется за оружие.

Однако 2 декабря 1933 г. таинственный убийца застрелил еще двух человек в том же самом лесу за Пороховыми заводами.

Первое отделение Отдела уголовного розыска Управления милиции г. Ленинграда, крайний справа — Федор Михайлович Черенков, начальник отделения. Фотография сделана осенью 1934 г., в то самое время, когда личный состав отделения активно работал над оперативным сопровождением расследования убийств в лесу на Пороховых. Сотрудники уголовного розыска дежурили в местах возможного появления разыскиваемого преступника (на конечных остановках трамваев 10 и 30 маршрутов), под видом гуляющих патрулировали лесной массив. Была налажена агентурная работа в китайском совхозе «Красный Восток», находившемся рядом со Ржевкой, в многочисленной на тот момент ассирийской общине, проживавшей на Пороховых, а также в цыганском таборе, постоянно развернутом неподалеку от конечной остановки трамвая маршрута № 10. Для участия в патрулях широко привлекались кинологи с обученными собаками; делалось это в надежде обнаружить «тропинку отхода» убийцы с места преступления. Федор Михайлович Черенков счастливо избежал лихолетья «Большого террора» в конце 1930-х гг. и дослужился в органах внутренних дел до звания полковника; в 1950-е гг. перешел на работу в прокуратуру.

Его пожива состояла из одной пары валенок, небольшой кошелки с продуктами (рыба, крупа, мука) и 85 рублей наличными. Чтобы дать представление о величине денежной суммы, можно сказать, что зарплата питерского рабочего 4-го разряда тогда колебалась в районе 120 рублей в месяц, а пара кожаных ботинок стоила 220–250 рублей. Преступник снова пустил в ход оружие с самодельными патронами, гильз от которых не оставил.

После этого преступления убийца снова надолго пропал — почти на четыре с половиной месяца. Но 11 апреля 1934 г. его жертвой стал пожилой слесарь, мастер по замкам, проходивший через лес в сторону рабочего поселка при Пороховых заводах. Оружием убийства вновь оказался пистолет с кустарно

изготовленными патронами. Добычей убийцы на этот раз стал чемоданчик со слесарным инструментом и запчастями к замкам, а также 150 рублей наличными. Преступник не побрезговал вынуть изо рта погибшего три золотых коронки...

Этот эпизод подтолкнул следственных работников к довольно неочевидному на первый взгляд выводу — убийца неслучайно демонстрирует свою активность именно в районе Ржевки-Пороховых. Он явно был привязан к этому месту, возможно, жил в рабочем поселке при Пороховых заводах или периодически появлялся здесь (встречался с женщиной? навещался к близким родственникам?) в общем, заходил туда с какой-то целью. С весны 1934 г. началась растянувшаяся на многие месяцы проверка всех лиц, проживавших в этом районе.

Убийца не демонстрировал активности более чем полгода. Можно было подумать, что он узнал об интересе уголовного розыска к рабочему поселку и либо съехал, либо «затихарился» до поры. Взятая им пауза тянулась вплоть до 13 ноября 1934 г., когда преступник застрелил пожилого мужчину, промышлявшего ловлей птиц и торговлей ими на блошином рынке. Мужчина был убит во время осмотра силков. Отправляясь в лес, он имел при себе не более 50 копеек — у этого человека попросту нечего было отнимать. Но убийца унес с собою клетку с пойманными птицами. Подобная пожива выглядела нелепо даже по меркам тех очень скудных лет...

Со второй половины ноября оперработники уголовного розыска и приданные им для усиления сотрудники других служб и подразделений ленинградской милиции приступили к скрытому патрулированию лесной зоны в районе Ржевка-Пороховые. Приходилось ловить убийцу «на живца» — ничего другого уже не оставалось, никаких реальных выходов на преступника следствие не имело даже спустя более года с момента начала убийств.

11 января 1935 г. обнаглевший преступник совершил еще одно групповое убийство, которое мы бы сейчас классифицировали как «цепное». С интервалом в два часа он застрелил две семейные пары. Расстояние от мест новых преступлений до того района, где было совершено убийство 13 ноября 1934 г., не превышало километра.

Через месяц, 17 февраля 1935 г., пистолет, стреляющий самодельными патронами, вновь заговорил все в том же лесу

на Пороховых. Теперь жертвой убийцы стал одинокий пожилой рабочий.

Надо сказать, что нападения в зимнюю пору — в ноябре, январе и феврале — дали следствию определенную информацию об убийце. Стало ясно, что тот устраивает засады, ожидая подхода жертвы за деревьями, кроме того, сыскари не без удивления обнаружили, что у преступника появился сообщник, точнее сообщница. На месте одного из преступлений четко прослеживались женские следы, которые взаимно пересекались и накладывались на следы убийцы. Это означало, что и преступник, и неизвестная женщина появились тут одновременно и передвигались согласованно. К этому моменту следствию уже стала известна фамилия слесаря, работавшего в системе потребкооперации, который вызывал определенные подозрения своими криминальными связями и поведением. Он уже длительное время проверялся на предмет возможного кустарного изготовления оружия, однако ничего конкретного проверка пока не давала. В феврале 1934 г. следствие еще не знало, что этот человек изготовил для убийцы патроны и выполнил некоторые другие заказы (в частности, никелировал его револьвер). Правоохранительные органы, уже близко подошедшие к таинственному лесному грабителю, продолжали тем не менее бродить впотьмах, и это неведение могло продлиться еще долго.

Однако разоблачению убийцы помог случай. Точнее, явный прокол самого преступника.

Теплым солнечным днем 18 марта 1935 г. он напал на влюбленную пару, бродившую по лесу, застрелил мужчину и снял золотые украшения с женщины. А после этого... попросил ее записать домашний адресочек и назначил свидание. Примечательно, что женщина, явившаяся с прогулки, на которой убили ее возлюбленного, не пошла в милицию, а отправилась с рассказами о случившемся к подруге. Лишь окольными путями, по агентурной наводке, сотрудники уголовного розыска узнали через несколько дней о дамочке, ведущей с подругами разговоры об убийстве любовника на ее глазах (труп мужчины, застреленного 18 марта, был к тому моменту уже найден, так что связать воедино подозрительные рассказы и реальное происшествие труда не составило).

В общем, женщину оперработники отыскали и на четвертый день после убийства ее знакомого, провели допрос. Она с исчер-

Карта ленинградского района Ржевка-Пороховые по состоянию на июнь 1933 г. — время начала преступной деятельности Александра Лабуткина. Глядя на эту карту, можно понять, как работники следствия пришли к заключению, согласно которому разыскиваемый убийца каким-то образом связан с жилым районом Пороховые и, возможно, работает на расположенном там военном заводе. Условные обозначения: пунктир — охраняемый периметр порохового завода; «А» — конечная остановка трамвая № 17 и железнодорожная платформа «Пискаревка»; «В» — железнодорожная платформа «Рублевики» (ныне «Полуостров»), «С» — маршрут трамваев № 10 и № 30 от Ржевки в сторону Староневского проспекта; «D» — конечная остановка трамваев маршрута № 30; «Е» — конечная остановка трамваев маршрута № 10. Знаки «+» — места нападений неизвестного преступника в лесном массиве у порохового завода в 1933—1935 гг. Линии показывают протяженность различных маршрутов от остановок общественного транспорта до мест совершения преступления. Большинство погибших следовало в лесной массив от станции «Рублевики», т. е. кратчайшим маршрутом. Сыщики быстро поняли, что разыскиваемый преступник не следовал за жертвами от станции и, скорее всего, приходил в лес другим путем. Это означало, что убийце надо было проходить пешком большие расстояния и затрачивать на это много времени, если только он не являлся местным жителем. На первый взгляд могло показаться, что подход со стороны Пороховых и Ржевки также требовал сил и времени, но... преступник мог резко упростить стоявшую перед ним задачу в том случае, если не огибал территорию завода. Сыщики предположили, что преступник располагает допуском на закрытую территорию, на которой также может скрыться в случае преследования.

пывающей точностью сообщила словесный портрет убийцы и назвала главную его приметку — нападавший был лишен правой руки.

К тому моменту следователи уже знали однорукого жителя рабочего поселка при Пороховых заводах — это был 30-летний сантехник Александр Лабуткин. Он начинал трудовую биографию отстрельщиком стрелкового оружия на военном заводе, где прекрасно выучился стрельбе с обеих рук, однако из-за производственной травмы стал инвалидом (ему оторвало кисть правой руки). Лабуткину назначили пенсию, но он продолжал работать (была в советское время такая категория рабочих — «легкотрудики», в которую входили всякого рода инвалиды, подростки, лица с профзаболеваниями и пр.). Жил Лабуткин в отдельном домике с приусадебным хозяйством вместе с женой и матерью.

Женщина, ограбленная 18 марта 1935 г., опознала в нем нападавшего. Обыск по месту жительства привел к обнаружению револьвера с самодельными патронами и многих вещей, похищенных у жертв нападений в 1933—1935 гг. Кстати, тот факт, что убийца не распродал награбленные вещи, недвусмысленно указывает на отсутствие в его действиях корыстной подоплеки.

Лабуткин и его сообщники (жена, мать, слесарь-изготовитель патронов и еще один мужчина, знавший о совершаемых преступлениях, но не донесший органам охраны правопорядка) летом 1935 г. были преданы суду Особого совещания (время-то было суровое, после убийства Кирова!).

Этого преступника можно без всяких натяжек назвать классическим серийным убийцей. Очень жаль, что с Лабуткиным не поработали обстоятельно специалисты по криминальной психологии и судебной психиатрии — они бы, думается, сумели дать весьма полную характеристику его личности. Но советскую власть к середине 1930-х гг. уже перестали интересовать исследования девиантного поведения — власть знала, что «социализм не порождает преступности». И точка!

Между тем ряд косвенных наблюдений позволяет уверенно отнести Александра Лабуткина к категории выраженных социопатов (т. е. асоциальных личностей без очевидных психических расстройств, демонстрирующих аномалии характера и девиации поведения.). Он умел замечательно использовать пороки системы к собственной выгоде. Достаточно сказать,

Александр Лабуткин. Сейчас бы мы назвали этого преступника социопатом, но в середине 1930-х гг. такого термина не существовало, а потому в материалах уголовного дела его характеризуют как «приспособленца», что не совсем верно. Он вовсе не приспособлялся к требованиям эпохи — он вполне искренне руководствовался ими в своей жизни. Лабуткин ловко использовал в своих интересах изъяны существовавших общественных отношений. Власть ценила политически активную молодежь — и Лабуткин на митингах тянул руку и драл глотку. За взятки он сумел подделать документы и выдал бытовую травму за производственную — так из комсомольца-активиста он превратился в «героя социалистического строительства». Лабуткина из года в год избирали в местком и профком, и он с удовольствием занимался общественной работой. А вот в партийные ряды преступник не лез: ВКП(б) во второй половине 1920-х и в начале 1930-х гг. сотрясали чистки и гонения на внутривластную оппозицию, и Лабуткин здраво рассудил, что в это опасное болото ему соваться попросту незачем. Фотография убийцы висела на заводской доске почета, и хотя по штатному расписанию он числился «паропроводчиком 6 разряда», гаечный ключ в единственную руку не брал. Лабуткин был всецело погружен в общественную работу: организовывал экскурсии в музеи, приглашал лекторов общества «Знание», следил за работой разнообразных кружков самодеятельности и занимался тому подобной чепухой. Не будет ошибкой сказать, что Лабуткин воплотил в явь мечту социопата — он получал незаслуженную пенсию, незаработанную зарплату, при этом руководил десятками людей и поучал их жизни. Ну какой же он «приспособленец»? Самый что ни на есть советский активист!

что, как установило следствие, кисти правой руки он лишился вовсе не из-за несчастного случая на производстве, а при подрыве ворованной толовой шашки в собственном огороде (хотел выкорчевать пень). Тем не менее его не только не привлекли к уголовной ответственности за кражу с завода взрывчатого вещества, но даже оформили документы для признания полученного ранения «производственной травмой» и на основании сфальсифицированного служебного расследования назначили пенсию. Ряд обстоятельств позволяют предположить, что Лабуткин

Иван Васильевич Бодунов, начальник бригады, осуществившей задержание Александра Лабуткина. В органах советской милиции с 1919 г., в марте 1921 г. — участник подавления Кронштадтского мятежа, за что награжден орденом Боевого Красного Знамени. С самого начала участвовал в расследовании убийств в лесной зоне в районе Пороховых. В конце 1930-х гг. переведен в Москву, в центральный аппарат уголовного розыска Главного управления милиции, ему присвоено звание комиссара милиции 3-го ранга (в дальнейшем — генерал-майора). После 1953 г. принимал участие в работе по реабилитации жертв сталинских репрессий. На протяжении нескольких десятилетий дружил с писателем Юрием Германом, который сделал Бодунова героем нескольких произведений. Иван Бодунов — прообраз оперработника Ивана Лапшина из популярного кинофильма «Мой друг Иван Лапшин». Государственные награды Ивана Васильевича ныне выставлены в экспозиции Центрального музея МВД на Петровке, 38 в Москве. Остается добавить, что в конце жизни Иван Васильевич в соавторстве с Е. М. Рыссом написал автобиографическую книгу «Записки следователя», в которой, к сожалению, не нашел места для изложения истории разоблачения Лабуткина.

был kleптоманом и, возможно, имел еще какие-то психические отклонения (напрашивается предположение о пиромании, поскольку убийца любил жечь и взрывать, он даже планировал поджог дома лесника и убийство семьи последнего).

В его действиях прослеживалась четкая территориальная локализация, привязка к определенному времени суток, верность однажды выбранному оружию и манере поведения во время совершения преступления. Это указывает на формализованность мышления, его шаблонность. Вообще же, Лабуткин четко попадает в категорию организованных несоциальных серийных убийц (об этой классификации было написано выше). Крайняя и немотивированная жестокость выдает в нем садиста. С точки зрения криминальной психологии, большой интерес представлял бы рассказ жены Лабуткина о специфике их сексуальных отношений, поскольку садизм убийцы имел, скорее

Известный ленинградский писатель Юрий Павлович Герман (1910–1967 гг.) оказался в числе лиц, присутствовавших на первом допросе Лабуткина. Случилось это благодаря тому, что подающий надежды литератор был прикреплен отделением Союза писателей к отделу уголовного розыска для сбора «фактуры» о буднях советских милиционеров. В повести «Наш друг — Иван Бодунов» Герман так описал свои впечатления от допроса: «А вечером в кабинете Бодунова сидел, вольно развалившись, белозубый красавец, нагло и весело рассматривал Ивана Васильевича ярко-синими, невинными глазами, поигрывал мускулами одной руки под тонким сукном пиджака, спрашивал со смешком: “Значит, берете безрукого рабочего человека, любящего мужа, отца маленького ребенка, берете паропроводчика, имя которого не сходит с Доски почета, берете...” Я не верил сам себе: Бодунов допустил такую ужасную ошибку? Ведь видно же, что это отличный парень, добряк, ничего не боящийся... (...) Лабуткин — так звали убийцу — методично и спокойно рассказал о всех своих преступлениях. Днем позже он показывал, куда зарывал ненайденные тела. Синеглазое, белозубое чудовище, оборотень и по сей день стоит перед моими глазами». Эмоциональные оценки автора, безусловно, чрезвычайно интересны, но необходимо оговориться, что повесть Германа — художественное произведение, а потому в нем содержатся довольно грубые фактические ошибки. Александр Лабуткин не закапывал тела убитых, а его жена никогда не флиртовала с потенциальными жертвами и не заманивала их в отдаленные места лесного массива. Кроме того, Лабуткин совершал преступления в районе Пороховых, а не в Удельном парке, как это написано у Германа. Трудно сказать, чем вызваны эти неточности — вполне возможно, что писатель руководствовался требованием милицейского начальства по умышленному искажению фактических обстоятельств описываемых расследований.

всего, сексуальную природу. Но никто жену о таких деталях, увы, не расспросил. Следствие вообще, с точки зрения современных представлений, оказалось весьма формальным и поверхностным.

На основании некоторых обстоятельств и следов с самого начала можно было предположить наличие у преступника узнаваемого физического дефекта (он для чего-то ссыпал грибы

в самое большое лукошко, хотя логичнее было бы забрать с собою оба; немотивированно открывал стрельбу в самом начале нападения; всегда убивал всех свидетелей и пр.). Весьма подозрительны многомесячные перерывы между отдельными эпизодами «сериала» Лабуткина — обычно серийные преступники действуют интенсивнее. Вполне возможно, что Лабуткин совершал преступления в других районах Ленинграда или области, не прибегая к помощи пистолета — следствие этот вопрос так и не прояснило однозначно. Не особенно заморачивались следователи и с мотивом действий убийцы — его объявили грабителем, руководствуясь тем формальным признаком, что он забирал у своих жертв некоторые личные вещи и деньги. Однако жажда поживы если и влекла его, то явно была отнюдь не главенствующим мотивом поступков. Лабуткины по меркам того времени жили весьма зажиточно: держали свинью, птицу, имели кожаную обувь, приличные шевиотовые костюмы, в их доме стоял дорогой радиоприемник (это была вообще роскошь!). Они вовсе не жили грабежом и не рассматривали его как источник дохода.

Лабуткин — это, безусловно, классический образчик убийцы с неочевидным мотивом. Но правоохранительные органы того времени не заинтересовались тем, что толкало его на совершение убийств. Можно сказать, что один из первых звоночков грозной напасти будущего никем тогда не был услышан. Лабуткин и его супруга были расстреляны в мае 1935 г., и об этом деле все благополучно забыли, тем более что в стране кипели совсем иные страсти — вызревали предчувствия «Большого террора», окончательной победы над оппозицией и «победы социализма в отдельно взятой стране».

5.3. Массовый убийца Михаил Целоусов (бойня в поселке Лямино Пермской области 11 февраля 1958 г.)

В рассмотренных выше примерах массовых убийств одним из важных элементов действий убийцы на месте совершения преступления являлось ограбление жертв. Это до известной степени сбивало с толку и криминологов, и психиатров,

и следователей, призванных описать и дать оценку деяниям правонарушителя. Ограбления позволяли свести мотивацию убийцы к довольно очевидной и не требовавшей объяснения жажде наживы, хотя на самом деле такое объяснение нельзя не признать слишком упрощенным и даже грубо формальным (что мы и постарались доказать).

Нельзя не отметить того, что криминальная история советской эпохи знает и примеры массовых убийств, выполненных на американский манер, т. е. таких убийств, в которых причинение смерти возможно большему числу лиц является понятной всем самоцелью деяния. Это в чистом виде «преступления с неочевидным мотивом», потому что, изучая фабулу такого рода нападений, быстро разобраться в том, что же именно двигало убийцей, совершенно невозможно.

Одно из таких «классических», если можно так выразиться, «безмотивных» преступлений было совершено 11 февраля 1958 г. в поселке Лямино Чусовского района Пермской области 24-летним Михаилом Целоусовым. Случай этот тем более интересен для нас, что убийцей оказался молодой человек, родившийся и полностью сформировавшийся уже при советской власти. Так сказать, плоть от плоти ее.

Целоусов, закончивший школу фабрично-заводского обучения и рано осознавший тяготы работы на фабричном производстве, быстро и не без успеха сменил поле деятельности. Он пошел, как говорили тогда, «по линии общественной работы»: сначала стал профоргом участка, затем секретарем низовой комсомольской ячейки, после чего говорливого парня заприметили в райкоме комсомола и двинули дальше. В момент описываемых событий Целоусов уже являлся секретарем комсомольской организации строительной школы № 6 Главного управления трудовых резервов при Совете министров СССР. Эта должность, выражаясь лексикой той поры, была «освобожденной», т. е. секретарь получал за свою работу оклад и обеспечивался казенным жильем. Школа представляла собой крупный образовательный центр, обучавший без малого четырехсот воспитанников десятку строительных специальностей — от газосварщиков и водопроводчиков до маляров и каменщиков. Все они были крайне востребованы: в 1957–1958 гг. в Лямино велось строительство крупного мельничного комбината.

Деревня Лямино, являвшаяся фактически южным пригородом райцентра Чусовой Пермской области, получила статус рабочего поселка в 1938 г. В поселке была возведена крупная деревообрабатывающая фабрика, а во второй половине 1950-х гг. появился элеватор и мукомольный комбинат. В Лямино работала семилетняя школа и два училища профессионально-технического обучения. За два десятилетия население рабочего поселка выросло более чем в 50 раз, значительную часть его составляла молодежь, приехавшая из деревень и оказавшаяся предоставленной самой себе. Понятно, что это не могло не отражаться самым негативным образом на криминогенной обстановке как в самом Лямино, так и Чусовом, но февральские события 1958 г. вышли за рамки всего, что бывало здесь ранее, и отозвались звучным эхом не только в райцентре, но и в самой столице СССР.

На секретаре комсомольской организации лежала ответственность за идеологическое обеспечение учебного процесса, воспитание молодежи в духе преданности учению Ленина и «советского патриотизма». К сожалению, система отбора и продвижения кадров в комсомольско-партийной среде была такова, что слишком часто успешную карьеру на этом поприще делали демагоги, лентяи, люди безответственные и бессовестные. Не будет ошибкой сказать, что в структурах КПСС—ВЛКСМ имел место негативный отбор, в ходе которого каждое последующее поколение функционеров оказывалось глупее и бессовестнее предшествовавшего. Именно неспособность к позитивному отбору собственной номенклатуры и привела в конечном счете КПСС к бесславному краху в 1991 г.

Выдвижение Целюсова на должность секретаря комсомольской организации строительной школы явилось ярким примером такого рода негативного отбора. Ограниченный и в целом неумный молодой человек оказался во главе

Родившийся в 1934 г., Михаил Целоусов делал по меркам того времени неплохую карьеру. Еще в армии он подвизался на ниве «комсомольской работы» и оценил по достоинству те выгоды, что несет последняя. С характеристикой, рекомендовавшей его дальнейшее использование «по линии комсомольской и общественной работы», он устроился на шикарное во всех отношениях место освобожденного комсорга строительной школы № 6 в рабочем поселке Лямино. Это была лишь первая ступенька на пути в обойму кадрового резерва местного райкома комсомола, и через подобные назначения в той или иной форме проходили номенклатурные работники всех уровней. Разбитной, с хорошо подвешенным языком, Целоусов не боялся общаться с народом и умел это делать. В принципе, он был неплохим парнем, но... до тех только пор, пока не сталкивался с выражением несогласия. Как и многие малокультурные люди, вышедшие из низов, Целоусов не интересовался чужим мнением и не уважал интересы окружающих. Приближая одних и унижая других, комсорг манипулировал подчиненными, методично натравливал одних на других, и менее чем за год его руководства комсомольский коллектив школы оказался раздроблен на непримиримо враждовавшие группки. Целоусов — прекрасный пример дораввавшегося до власти социопата. Неудивительно поэтому, что в своем прошении о помиловании, написанном в адрес Президиума Верховного Совета СССР после вынесения смертного приговора, бывший комсорг посетовал на превратности жизни, нанесенные ему обиды, алкогольное опьянение в момент совершения преступления и даже ошибки молодости, но ни единым словом не признал наличие негативных черт собственного характера и поведения. Это так характерно для социопатов — перед ними всегда и во всем виноваты окружающие.

крупной комсомольской организации, вошел в пятерку лиц, определявших повседневную жизнь довольно большого трудового коллектива. Помимо решения чисто идеологических задач, секретарь комсомольской организации обладал и определенными властными полномочиями, как говорили тогда, «административным ресурсом»: он мог повлиять на предоставление материальной помощи учащимся, отпусков,

освобождений от занятий, от него в значительной степени зависели условия размещения в общежитии и т. п. В условиях материальной скудности, в которой жили воспитанники школы, это были очень даже весомые «бонусы». Целоусов не имел понятия о педагогике и психологии, и единственный прием воспитательной работы, который он в действительности освоил, выражался в насаждении фаворитизма. В коллективе учащихся, большую часть которых составляли несовершеннолетние девушки, это привело к вполне ожидаемым результатам. На языке милицейского протокола такие результаты обычно именовали эвфемизмом «половая распущенность».

От наставника молодежи забеременела несовершеннолетняя девушка, учившаяся в том же ляминском ФЗУ, где Целоусов так деятельно организовывал комсомольскую и общественную работу. Примерно в это же время на него поступило несколько жалоб от учащихся, обиженных невниманием секретаря комсомольской организации к их нуждам (это, кстати, оборотная сторона фаворитизма: человек, не попавший в круг «любимчиков», всегда готов сделать гадость). Целоусову указали на ненадлежащее исполнение обязанностей и директор школы, и секретарь парткома. Комсомольскому вожаку было рекомендовано решить вопрос с беременной любовницей без лишней огласки. Это подразумевало бракосочетание, но Целоусов не собирался жениться. Таких любовниц у него уже перебивало с полдюжины, и он не намеревался менять свой стиль поведения с девушками. В общем, молодой комсомольский лидер почувствовал себя глубоко уязвленным, его жизнь оказалась во власти факторов, на которые он не мог повлиять.

Такова краткая преамбула трагических событий 11 февраля 1958 г.

В тот день, находясь в состоянии подавленности и крайнего раздражения, Целоусов крепко выпил. Алкоголь вполне ожидаемо оказался фактором, который снял торможение коры головного мозга, и дремавшие в подсознании демоны получили свободу. Комсорг увидел, как ему показалось, идеальный выход из того жизненного тупика, в который его загнало неблагоприятное стечение обстоятельств. Ему следовало просто убить тех, кто мешал жить. Что последует за этим, комсорг не знал, вернее, он просто не задумывался о подобном пустяке.

Около 19 часов он проник в еще не запертую школу и отправился на поиски мелкокалиберного ружья, имевшегося в распоряжении местного стрелкового кружка, организованного ДОСААФ. Ружье хранилось в помещении библиотеки, в крепком шкафу, заменявшем сейф. Ключ от шкафа должен был находиться в кабинете директора. Используя нож, Целоусов отжал дверь в кабинет директора и перевернул его вверх дном, но... к собственному удивлению, нужного ключа там не нашел. Испражнившись в кабинете ненавистного начальника и подтерев зад шелковым вымпелом с изображением Ленина — что впоследствии побудило идеологов из ЦК КПСС говорить о действиях Целоусова как об «антисоветском выступлении», — комсорг решил поджечь кабинет и даже начал вырывать и разбрасывать страницы из книг, стоявших в книжном шкафу. Но в скором времени его осенили две гениальных мысли, из-за которых поджог пришлось вынужденно отложить. Сначала Целоусов понял, что не имеет при себе спичек, а немного погодя сообразил, что заветный ключ от шкафа с ружьем может находиться в столе секретаря учебной части — там хранились гербовая печать школы и официальная переписка.

Озаренный этой мыслью, Целоусов направился в кабинет учебной части. Проникнув в него тем же способом, что и в кабинет директора, он быстро обыскал нужный стол и нашел, наконец, ключ от шкафа с ружьем. Далее все было просто: комсорг взломал дверь библиотеки, открыл нужный шкаф и, завладев ружьем и прихватив коробку патронов, устремился на улицу.

Целоусова переполняли эмоции, и он сделал несколько бесцельных выстрелов. Удовлетворившись результатом, комсорг устремился в направлении дома, в котором проживал директор школы. Однако его стрельба не осталась незамеченной: один из прохожих крикнул Целоусову нечто осуждающее, мол, что ты творишь, дурачина? Комсорг отреагировал моментально, отправив пулю в сторону мужчины, сказавшего обидные, по его мнению, слова. Пуля угодила обидчику в голову, убив его практически моментально. Товарищ погибшего поначалу даже не понял, что же именно произошло — он попытался поднять упавшего и тем самым дал Целоусову возможность перезарядить ружье. Следующим выстрелом пьяный комсорг смертельно

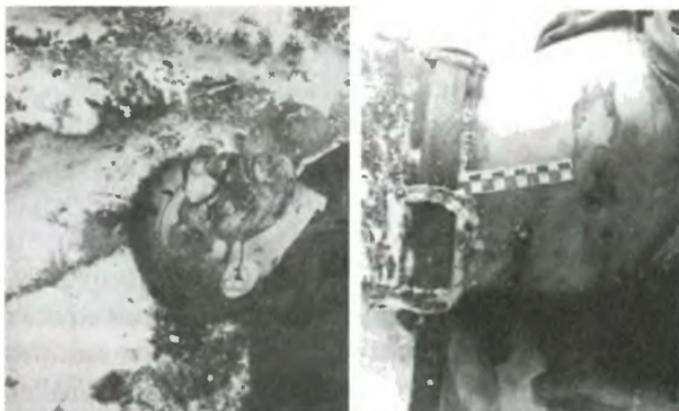
Застреленные Целоусовым рабочие строительно-монтажного управления «Губахтяжстрой» Лалетин (фотография слева) и Бахонкин (снимок справа). Молодые люди работали на стройке мукомольного комбината и проживали в одной комнате в общежитии, поэтому неудивительно, что вечером 11 февраля 1958 г. возвращались с работы вместе. Отслуживший в армии Лалетин любил травить байки из недавних армейских будней, а его младший товарищ ловил их, что называется, на лету. Бахонкину воинская служба только предстояла. Выстрелы Целоусова оборвали жизни обоих. Первым выстрелом в голову был убит Лалетин, Бахонкин же попытался нести товарища на себе, и убийца целенаправленно расстрелял его. Впоследствии Целоусов не смог объяснить, зачем это сделал — он не был знаком с погибшими и не испытывал к ним неприязненных чувств. Следователи долго не могли поверить этому и считали, что преступник что-то недоговаривает. Но на самом деле Целоусов продемонстрировал типичное для массового убийцы отношение к жертве, с которой преступник очень часто оказывается незнаком. Можно сказать, что такой преступник убивает случайную жертву просто потому, что в сложившейся ситуации может это сделать безнаказанно.

ранил второго мужчину — тот истек кровью на полутемной улице до того, как его нашли прохожие.

Эти молодые мужчины (одному недавно исполнилось 25 лет, а другому — 18) оказались первыми жертвами разбушевавшегося секретаря комсомольской организации. Но не последними.

Продолжая свое шествие по плохо освещенным улицам поселка, спотыкаясь и падая в снег, Целоусов скоро устал и понял, что нуждается в подкреплении сил. Он знал, где его всегда ждут и будут ему рады — в женском общежитии его родной строительной школы № 6. Тем более что там ему следовало свести кое-какие счета.

Войдя в здание, Целоусов открыл стрельбу прямо с порога. Находившиеся внутри оказались фактически в западне, поскольку

Раны, полученные Лалетиным (снимок слева) и Бахонкиным (справа), привели к быстрой смерти обоих. Пуля угодила Лалетину в висок, тот моментально потерял сознание и скончался в течение одной-двух минут. По потекам крови видно, что сначала он упал лицом вниз, но затем оказался в положении на спине. Произошло это после того, как пытавшийся его нести Бахонкин сам оказался сражен пулями убийцы. Они попали в живот: одна пробила тонкий кишечник, а другая повредила почку, вызвав острый болевой шок, потерю сознания и обширное внутреннее кровотечение. Смерть раненого последовала в течение четверти часа.

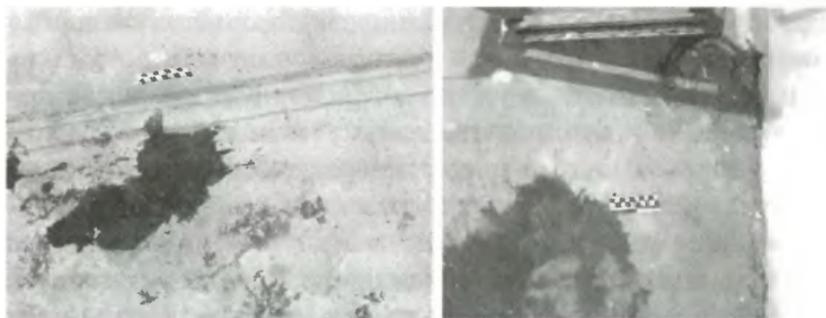
оконные рамы, утепленные на зиму, невозможно было быстро открыть. Целоусов ходил из комнаты в комнату, стреляя в каждую девушку, попадавшуюся ему на глаза. Особую ярость комсорга вызвал учащийся школы, 16-летний юноша, зашедший в гости к знакомой девушке. Целоусов расстрелял обоих, выпустив в молодого человека буквально в упор три пули. Принимая во внимание, что винтовка была однозарядной, расстрел юноши потребовал не менее 12 секунд.

Трудно представить, что происходило в женском общежитии. Когда в здании поднялся крик, некоторые девушки спрятались в шкафы, под кровати и т. п. Целоусов, сообразив, что многие обитательницы от него попрятались, принялся ходить по комнатам, проверяя разные потаенные места, пригодные для укрытия, и в упор стрелял в прячущихся девушек. Как это ни покажется удивительным, но девушки, раненные в начале нападения и прикинувшиеся мертвыми, остались живы, зато погибли именно те, что поначалу успели спрятаться. Так были убиты по крайней мере три девушки. В некоторых из своих жертв Целоусов стрелял по два раза, так, чтобы убить гарантированно.

В общежитии преступник пробыл около 10 минут, возможно, чуть более. Часть времени он потратил на то, чтобы полакомиться обнаруженной на кухне снедью и сделать несколько глотков из бутылки водки, найденной в одной из комнат. За то время, пока комсорг бродил по притихшему зданию, несколько девушек успели выскочить на улицу, где и разбежались в разные стороны. Им удалось поднять тревогу, и скоро о происходящем стало известно местному участковому милиционеру Поносову, который вместе с членом бригады содействия милиции со всех ног бросился к женскому общежитию. Они успели как раз к тому моменту, когда Целоусов вышел из здания, намереваясь продолжить свое шествие по поселку. Милиционер, чтобы не подвергать своего безоружного помощника опасности, приказал тому спрятаться и не предпринимать попыток самостоятельно задержать преступника. Сделав довольно большой крюк и обжав квартал, участковый внезапно набросился на Целоусова из-за угла и после непродолжительной рукопашной схватки обезоружил преступника.

Потребовалось несколько часов на то, чтобы местное руководство осознало масштабы кровавых походов комсомольского вожака. В здании женского общежития были найдены тела трех убитых девушек, еще восемь человек оказались ранены и были доставлены в районную больницу в городе Чусовом (примерно в 7 км от места драмы). Затем стало известно о двух молодых мужчинах, убитых Целоусовым в самом начале своего кровавого маршрута, — число погибших достигло пяти человек. К утру следующего дня поступила информация о смерти в больнице двух раненых девушек. Таким образом, от рук Целоусова погибли 7 человек, еще 6 были ранены.

О чрезвычайном происшествии было поставлено в известность партийное и советское руководство Пермской области. От него соответствующая информация пошла в Москву, вызвав вполне понятный переполох в ЦК КПСС. Не подлежит сомнению, что о произошедшем побоище в поселке Лямино был поставлен в известность и Никита Сергеевич Хрущев, проявлявший большое внимание к молодежной политике и не раз подчеркивавший важность «воспитания советской молодежи в истинно ленинском духе». Партийно-политическое руководство Советского Союза крайне болезненно относилось ко всему, что

Места в коридоре женского общежития, где пулями Целоусова были ранены некоторые из жертв. Нельзя не отметить того, что раненые девушки остались живы благодаря находчивости и хладнокровию: получив ранение, они падали, притворялись мертвыми и после того, как убийца проходил мимо, убежали и находили в себе силы оказать первую самопомощь. Так спаслись, например, 17-летние учащиеся Мокрушина и Копытова, раненные в коридоре общежития. Целоусов добивал жертвы, выпуская не менее двух пуль в человека, но Нина Копытова, сидевшая в момент выстрела на табурете, упала на пол столь натурально, что преступник посчитал ее мертвой (опрокинутый табурет можно видеть по верхнему краю правой фотографии). Однако едва преступник удалился, девушка смогла подняться и помочь другим раненым. Не менее четырех раненых девушек: Мокрушина, Копытова, Дудина, Ерохина — смогли сбежать из общежития и сообщить жителям близлежащих домов о происшедшем, благодаря чему преступника удалось быстро обезвредить.

ставило под сомнение идеологические штампы о «формировании нового человека», «мирном героизме человека труда» и т. п. Преступление Целоусова было расценено как «антисоветское» еще и потому, что виновник случившегося делал успешную комсомольскую карьеру, казался «настоящим советским человеком», обманувшим «доверие Партии». А признавать то, что в комсомол и партию массово просачивались разного рода недостойные люди, коммунистические вожди категорически не могли, ибо такие признания подрывали идеологический базис их правления.

Немудрено, что массовое убийство, совершенное Целоусовым, было скрыто от населения. При этом «цековские небожители» в меру своего понимания проблемы принялись на нее «реагировать». Об этом довольно своеобразном «реагировании» коммунистического руководства страны нам еще придется не раз упоминать в той или иной форме в настоящем повествовании. Выразалось оно, это «реагирование», как едко подметила народная мудрость, в «наказании невиновных и награждении непричастных». Вместо серьезного и вдумчивого анализа случившегося,

по требованию ЦК КПСС начиналась авральная кампания по «выявлению и устранению причин», «получали по шапке» местные руководители, зачастую совершенно никак не связанные с чрезвычайным происшествием, затем истерия спадала и примерно через полгода-год все возвращалось на «круги своя».

По подобной схеме развивалась заключительная часть трагедии и в данном случае. В Пермскую область были командированы высокопоставленные чиновники из Москвы, в том числе начальник отдела уголовного розыска Управления милиции МВД РСФСР, инспекторы нескольких отделов ЦК КПСС, ответственные работники Управления трудовых резервов при Совмине СССР. Со своей стороны чрезвычайную активность демонстрировали и руководители местных силовых структур и властных органов. Расследование проводила областная прокуратура, для обеспечения оперативного сопровождения следственных мероприятий в Лямино прибыл заместитель начальника областного УВД, в состав следственной группы были откомандированы и представители Управления КГБ по Пермской области. Можно было подумать, что расследуется не преступление, совершенное психопатом, а некий антигосударственный заговор или теракт на особо режимном объекте.

Примечательно, что с точки зрения советского понимания правосудия расследовать в этом деле, в общем-то, было и нечего. Квалификация преступления вопросов не вызывала, последовательность действий Целоусова в полном объеме восстанавливалась без особых затруднений, сам убийца оказался в руках правоохранительных органов и охотно сотрудничал со следствием. Примечательно, что следствие, сделавшее много лишних телодвижений и имитировавшее активную работу там, где этого вовсе и не требовалось, не озаботилось тем, что действительно было бы важно для правильного понимания произошедшего в поселке Лямино. Имеется в виду назначение убийце психиатрической экспертизы, результаты которой могли бы многое рассказать о мотивации Целоусова и механизме принятия им решения совершить то, что он совершил. Однако никто эту экспертизу не назначил, и понятно почему — сама постановка вопроса о психическом нездоровье комсомольского выдвиженца рассматривалась в те годы как идеологическая провокация. Партийный или комсомольский

работник, попавший пусть даже и на самую низшую ступеньку «политического эскалатора», не мог иметь психических отклонений по определению. Подобный взгляд продержался вплоть до 1970-х гг., и мы еще столкнемся с такого рода воззрениями при рассмотрении других примеров.

Понятно, что не приходится говорить об объективности расследования в условиях, когда номенклатурные коммунистические и комсомольские работники считались априори психически здоровыми. Перед нами явный пример того, как идеологические штампы довели не только над правосудием, но и над здравым смыслом.

Результаты напряженной следственной работы оказались вполне предсказуемы. Своими местами поплатились лица, непосредственно связанные с Целоусовым по работе, хотя его деяние, строго говоря, это «преступление одиночки». Сам убийца ожидаемо оказался приговорен к смертной казни. Поданная в Верховный суд РСФСР апелляция не привела к отмене приговора, а прошение о помиловании Президиум Верховного Совета СССР отклонил. Целоусов был казнен в феврале 1959 г.

Но совершенное Целоусовым вышло далеко за пределы рабочего поселка и затронуло не только людей, непосредственно с ним связанных, хотя и произошло это в несколько неожиданной и опосредованной форме. По настоянию Н. С. Хрущева вопрос о состоянии политико-воспитательной работы в среде рабочей молодежи несколько раз обсуждался как в Президиуме ЦК КПСС, так и на заседаниях органов исполнительной власти: в Совмине СССР, в Главном управлении трудовых резервов, в министерствах образования СССР и союзных республик. Результатом явилась серьезная трансформация как среднего, так и среднего специального образования в стране. В декабре 1958 г. был принят закон, вводивший на территории Советского Союза обязательное восьмиклассное среднее образование. Система фабрично-заводского обучения продолжительностью от 6 до 10 месяцев (в зависимости от специальности) была признана неэффективной в плане надлежащей организации воспитательного процесса, и ее заменила система профессионально-технического обучения продолжительностью 3 года. Само Управление трудовых резервов при Совете министров СССР исчезло менее чем через год после «ляминского расстрела».

По требованию ЦК КПСС высшие учебные заведения страны с 1959 г. стали выделять повышенные квоты для абитуриентов, поступающих по партийным и комсомольским путевкам (если в 1958 г. доля таковых составляла 29% всех абитуриентов, то уже на следующий год эта цифра увеличилась до 49% и в последующее пятилетие ниже не опускалась). Цель этой неожиданной новации была довольно прозаична: в ЦК КПСС посчитали, что партийные и комсомольские путевки перекроют путь в вузы страны «битникам, стилигам и прожигателям жизни».

Опираясь на личный опыт, как человек, отучившийся в ленинградском вузе в первой половине 1980-х гг., не могу не отметить, что по партийным и комсомольским путевкам в советские институты зачислялись люди, не способные продержаться в нормальном вузе без поддержки административного ресурса и одного семестра. Они специализировались на разного рода «комсомольской и общественной работе»: возглавляли комсомольские и профсоюзные ячейки, назначались группоргами, руководили всевозможной «творческой работой» от издания идиотских газет до организации танцевальных вечеров. Самые находчивые «выдвиженцы» умудрялись даже вступить в КПСС. Эта юная поросль комсомольцев-лентяев с упоением занималась любой чепухой, кроме главного дела любого студента — учебы. Эти люди были тупы, предельно ограничены, учились плохо и даже не старались учиться хорошо, но беспокойства относительно своего будущего не испытывали. Понятно почему — когда по окончании института встал вопрос о распределении по месту работы, все эти «выдвиженцы и общественники» прошли вне основного списка выпускников. Другими словами, эти люди получили право преимущественного выбора места распределения, оставив позади себя всех отличников и «краснодипломников». Так советский маразм, отсеивая лучших и выдвигая худших, воспроизводил сам себя вплоть до краха СССР. Что бы там ни говорили сейчас политические демагоги современности, Советский Союз убил вовсе не Горбачев — страну поразила деградация правящего слоя, а эта болезнь будет страшнее любого предательства.

Сейчас даже из историков мало кто сумеет объяснить первопричину лихорадочных хрущевских новаций в области среднего образования, но трудно отделаться от ощущения, что подлинные

истоки затеянной трансформации крылись именно в шоке партийного руководства, вызванного массовым убийством Целюсова. Выражаясь метафорически, можно сказать, что трагедия, произошедшая в феврале 1958 г. в далеком рабочем поселке Лямино, явилась той соломинкой, что переломила хребет верблюду. Советская партийно-бюрократическая система ответила на вызов времени присущей ей рефлексией: в работе с молодежью еще больше стало формализма, комсомольской трескотни, показухи, помпезных рапортов о выполнении задач.

Подобный подход к воспитанию, разумеется, помочь не мог. Он и не помог...

5.4. Массовый убийца Юрий Илясов (расстрел в селе Малый Мелик Саратовской области в ночь на 7 сентября 1964 г.)

В сентябре 1964 г. Балашовский район Саратовской области был потрясен чудовищным преступлением. Причем слово «потрясен» в данном случае не является преувеличением, шок от произошедшего и страх перед преступником оказались так велики, что сотрудники многих учреждений, организаций и предприятий района отказались выходить на работу, невольно создав в целом районе обстановку всеобщей стачки.

Что же произошло в саратовской глубинке?

Ранним утром — где-то около 6 часов утра — рабочие колхоза «Заря», направлявшиеся на работу из села Малый Мелик (примерно в 23–25 км от Балашова), обратили внимание на неподвижно стоявшие в стороне от дороги трактора. Еще с вечера бригада Александра Илясова на пяти машинах вспахивала зябь и, очевидно, осталась заночевать в поле. Само по себе это не было чем-то удивительным, но казалось странным, что трактора работали на холостом ходу, а никого из трактористов рядом не было видно. Окликнув их пару раз и не дождавшись ответа, несколько рабочих сошли с дороги и приблизились к тому трактору, что ближе прочих стоял к дороге. Они увидели, что дверь кабины раскрыта, а тракторист, наполовину вывалившись наружу, залит кровью и не подает признаков жизни.

Без пяти минут семь участковому милиционеру сообщили об огнестрельном ранении тракториста. На то, что в поле имела место стрельба, недвусмысленно указывало характерное повреждение остекления кабины. Надо сказать, что колхозники, увидев окровавленное тело и заподозрив неладное, ничего в кабине не трогали и к другим тракторам, видневшимся поодаль, подходить не стали. Таким образом, ко времени появления на месте преступления первых работников правоохранительных органов обстановка там оставалась практически нетронутой.

Осмотр трактора и прилегающего к нему участка поля почти сразу же привел к неприятным открытиям. Трактор стоял примерно в 70 м от проселка, в непосредственной близости от него удалось обнаружить три гильзы охотничьих патронов 16-го калибра. С другой стороны трактора лежала и четвертая. При осмотре трупа стало ясно, что четвертый выстрел неизвестный убийца произвел в голову трактористу почти в упор, причинив ужасные повреждения. Из документов, найденных в кармане ватника, следовало, что убит был 17-летний Александр Бушкин, сын известного в районе фронтовика, полного кавалера ордена Славы. Зачем надо было убивать молодого человека, который даже еще не числился в колхозе, а проходил практику после окончания курсов трактористов, было непонятно. Ограбление казалось невероятным: документы и мелкие деньги остались в карманах убитого — мотив же личной неприязни выглядел бездоказательным, Сашу местные жители знали и относились к нему очень хорошо. Кому же и чем сумел он так насолить?!

На расстоянии 120 м от трактора Бушкина стоял другой трактор, и милиционеры направились к нему. Дверь кабины оказалась распахнута, водителя нигде не было видно. Это показалось логичным: водитель, услышав стрельбу и крики Бушкина, вполне мог скрыться. По найденному в кабине картузу тракториста установили принадлежность трактора — им управлял Иван Махтов. Ну что ж, коли убежал, значит, скоро объявится...

Обход продолжился, теперь милиционеры направились к трактору, стоявшему на максимальном удалении от дороги. Это была машина бригадира трактористов Илясова Александра Степановича. Трактор стоял на удалении примерно 230 м

от дороги и 180 м от трактора Махтова. Труп бригадира был найден лежащим позади трактора в направлении от дороги, словно бы тот пытался бежать в сторону поля (если быть совсем точным, то в сторону лесозаградительной полосы, до которой было чуть менее 200 м, т. е. она находилась ближе, чем дорога). Даже визуальный осмотр тела позволял заключить, что Илясов был застрелен по меньшей мере двумя выстрелами, причем один из них был произведен в голову с близкого расстояния.

Далее был проведен осмотр остававшихся на поле двух тракторов, которыми управляли родственники (дядя и племянник) Саяпин Степан Емельянович и Саяпин Александр Павлович. Возле каждого из тракторов было найдено тело тракториста. Они были убиты в той же манере, что Бушкин и Илясов, т. е. с добивающим выстрелом в голову. Во всех случаях рядом с телами находились ружейные гильзы 16-го калибра. Версия случившегося оформилась сразу же: раз одного из пятерых членов расстрелянной бригады на месте нет, значит, это именно он убил товарищей и скрылся!

По мере того, как на поле делалось одно мрачное открытие за другими, на место преступления подтягивалось сначала районное, а потом и областное милицейское и прокурорское начальство. Сообщение о том, что в Балашовском районе расстреляна бригада трактористов, уже к десяти часам утра было доведено до сведения первого секретаря Саратовского сельского обкома КПСС А. П. Бочкарева (в январе 1963 г. по инициативе Н. С. Хрущева краевые и областные комитеты партии были разделены на сельские и промышленные. По мнению высшего партийного руководства, такое разделение должно было повысить качество управления производством. После снятия Хрущева с должности от этой новации отказались, и в декабре 1964 г. прежняя система территориального строительства КПСС была восстановлена.).

Однако трагические события, отмеренные на этот день, отнюдь не были исчерпаны.

В десятом часу в Балашовский райотдел милиции поступило сообщение о нападении на трех женщин, произошедшем тремя часами ранее на дороге между поселками Малый Мелик и Скотооткорм. Одна из трех женщин — Екатерина Саяпина — бежала и, преодолев по бездорожью около 3 км, вышла к жилью.

Екатерина не была ранена, но испытала столь сильное потрясение, что прошло около получаса, прежде чем она смогла прийти в себя и в общих словах рассказать о произошедшем. На совхозной машине ее отвезли в Балашовскую районную больницу, и уже оттуда в ОВД была направлена телефонограмма о трагедии. Таким образом, милиция узнала о случившемся спустя довольно много времени с момента нападения.

Однако еще до того, как правоохранители прибыли на место преступления, там побывали совхозные рабочие, которые обнаружили истекавших кровью женщин. Одна из них, с головой, разmozженной несколькими выстрелами в упор, была явно мертва, а вот вторая — жива и даже пыталась говорить. Ее немедленно повезли в ту же самую районную больницу, куда перед тем уже отвезли Екатерину Саяпину.

Осмотр места нападения на женщин привел к обнаружению ружейных гильз 16-го калибра. Их оказалось аж 6 штук, что однозначно указывало на неоднократную перезарядку оружия. Напал ли на женщин тот же самый человек, что убил трактористов? Однозначно ответить на этот вопрос было невозможно, но поверить в то, будто в Балашовском районе одновременно и независимо друг от друга двое убийц схватились за ружья и пошли стрелять в простых мужчин и женщин было, конечно, трудно.

Со слов Екатерины Саяпиной было известно, что нападавший стрелял в ее племянницу Алевтину Панчук, жену убитого тем же утром тракториста Александра Саяпина. Второй жертвой таинственного стрелка оказалась Марина Булгакова, мать Алевтины. Марина Григорьевна осталась жива и находилась в больнице. Таким образом, преступник с интервалом в несколько часов убил мужа и жену, двое детей остались сиротами, младшему только-только исполнилось два месяца. Напомним, что среди погибших трактористов был еще один Саяпин — 52-летний Степан Емельянович, отец четырех детей, ветеран Великой Отечественной войны. Получалось, что из пятерых человек, расстрелянных ночью и утром 7 сентября, трое принадлежали к многочисленному клану Саяпиных, члены которого жили во многих селах Балашовского района. Было ли это совпадением или убийца целенаправленно убивал Саяпиных, сводя какие-то личные счёты?

Члены следственно-оперативной группы только-только начали расспрашивать селян об отношениях между исчезнувшим Махтовым и Саяпиными, как нарочный сообщил очередную сногшибательную новость: пропавший Иван Махтов найден работниками овцефермы в овчарне среди овец, он истекал кровью, находился в бессознательном состоянии, его погрузили на машину и повезли в районную больницу. Поскольку он считался главным подозреваемым в преступлении, туда немедленно направилась группа для допроса. С последним, правда, пришлось повременить, поскольку раненого сначала оперировали, а затем он выходил из состояния медикаментозного сна, но в конце концов вечером 7 сентября начальник районного уголовного розыска Павел Зябин поговорить с Махтовым смог. Толку, правда, от этого оказалось немного, раненый утверждал, что ничего не помнит. Его воспоминания обрывались где-то после полуночи, трактористы остановили технику в разных частях поля и стали укладываться спать в кабинах, чтобы продолжить работу поутру — это была обычная практика советских механизаторов. Что происходило после этого, и как Махтов смог преодолеть почти 4 км, отделявшие его от фермы, Иван объяснить не мог.

Сообщение Махтова вызвало недоверие следователя, однако осмотр его ран и одежды убедительно свидетельствовал в пользу того, что выстрелить в самого себя Иван не мог. Прежде всего, было ясно, что выстрел производился отнюдь не в упор, да и картечь попала в правую сторону спины раненого, так что саморанение можно было исключить. Это, правда, не исключало того, что стрелять — по ошибке или умышленно — мог подельник Махтова. В общем, спасение тракториста казалось слишком уж подозрительным, а его неспособность описать детали случившегося расценивалась как умышленная попытка ввести следствие в заблуждение.

Трудно сказать, как бы дальше развивалось расследование, но стечение обстоятельств подтолкнуло его в самом неожиданном направлении. После опроса Махтова находившиеся в Балашовской больнице работники милиции и прокуратуры узнали, что после наркоза проснулась Марина Булгакова, мать убитой Алевтины Панчук. Женщина была прооперирована и теперь понемногу начала приходить в себя.

Некоторые из жертв расстрела, устроенного Юрием Илясовым в ночь на 7 сентября 1964 г.: тракторист Махтов (фотография слева) и Алевтина Панчук (правый снимок). Иван Махтов оказался единственным выжившим из числа тех, в кого стрелял убийца, и это обстоятельство на начальном этапе расследования превратило его в главного подозреваемого. Жизнь Ивану спасли чуткий сон и хорошая физическая форма. Он спал в кабине трактора и сквозь шум работающего на холостых оборотах двигателя разобрал звук выстрелов — это Илясов более чем в ста метрах убивал 17-летнего Сашу Бушкина. Иван вылез из кабины и направился к трактору последнего, но столкнулся нос к носу с преступником. Махтов бросился бежать и получил заряд картечи в спину, Илясов преследовал его, намереваясь добить, но Ивану удалось оторваться от погони, пока убийца перезаряжал ружье. Невероятно, но человек с пятью картечинами диаметром 7,15 мм в спине оказался в силах самостоятельно преодолеть расстояние более 3 км! Убийство Алевтины Панчук впоследствии было объявлено основной целью нападения Юрия Илясова на своих земляков. Дескать, убийца страдал от неразделенной любви и таким образом отомстил объекту своего обожания. До известной степени такая версия выглядела обоснованной: Юрий действительно симпатизировал Алевтине, но говорить о неразделенной любви в данном случае вряд ли приходится. По-видимому, такая трактовка событий была умышленно вброшена властями с целью отвлечь внимание населения от острого трудового конфликта, назревшего между председателем колхоза и будущим убийцей. Именно произвол руководства и осознание полной беспомощности подтолкнули Юрия Илясова к столь радикальной форме выражения протеста, как массовое убийство.

Было решено поговорить и с нею. Марина Григорьевна, несмотря на крайнюю слабость и затруднения с речью, сумела довольно точно и полно передать последовательность трагических событий утра 7 сентября. По ее словам, их небольшая компания: она, ее сестра Катя (Екатерина Саяпина) и дочь Валя (Алевтина Панчук) — шли из Малого Мелика в поселок Скотооткорм. Им надлежало преодолеть немногим менее 4 км, женщины постарше шли впереди, а Алевтина приотстала метров на 5–10. Примерно без четверти 6 утра Булгакова услышала за спиной звук выстрела и крик дочери. Не понимая еще,

что случилось, она бросилась назад и подхватила падавшую Алевтину. В этот самый момент раздался второй выстрел, и Булгакова почувствовала, что ранена. Женщина видела, как из кустов вышел мужчина в ватнике с охотничьим ружьем в руках. Остановившись, этот человек принялся выбрасывать из стволов отстрелянные гильзы и заряжать новые. Сообразив, что сейчас последуют новые выстрелы, Марина Булгакова разжала руки, из-за чего дочь опустилась на землю, и попыталась бежать, но сделать этого не могла из-за ранения. Она упала на землю буквально в 5–8 м от дочери и видела, как мужчина произвел выстрелы в лежавшую Алевтину, после чего опять перезарядил ружье и снова дважды выстрелил в нее. Хотя Марина Булгакова кричала и требовала, чтобы тот добил и ее тоже, убийца проигнорировал адресованные ему слова и никакого интереса к Булгаковой не выказал. Закончив стрельбу, убийца повернулся и скрылся в кустах, направившись в сторону Малого Мелика.

Разумеется, Булгаковой был задан вопрос о том, узнала ли она нападавшего, и женщина огорошила присутствующих, сообщив, что хорошо его рассмотрела. По словам потерпевшей, в нее и ее дочь стрелял мужчина по прозвищу Юролай. Так сельчане называли Юрия Илларионовича Илясова, тракториста колхоза «Заря», жителя села Малый Мелик, двоюродного племянника Александра Илясова, одного из убитых трактористов.

Немедленно эта информация была доведена до сведения всех милиционеров, находившихся в Малом Мелике и вокруг села. Теперь саратовские правоохранители знали, кого им надлежит искать. Разумеется, встал вопрос о причине, побудившей 27-летнего Юрия Илясова взять в руки ружье. Тут следствие столкнулось с неприятными для себя деталями.

Вечером 7 сентября мать и бабушка убийцы были допрошены. Рассказали они о вещах неприятных, никак не красивших советскую действительность. Выяснилось, что у Юрия не сложились отношения с колхозным руководством, а если быть совсем точным, с заместителем директора Василием Зиновьевичем Илясовым, его дальним родственником. Юрий прошел обучение в СПТУ, работал трактористом, знал слесарное дело, в общем, по колхозным меркам считался специалистом. Однако весной его сняли с трактора и перевели в категорию

Юрий Илясов менее всего походил на человека, способного на насилие. Выросший без отца в очень бедной семье, он всегда сторонился шумных посиделок и в любом коллективе оставался на периферии общения. Молодой 27-летний мужчина отнюдь не был душой компании, скорее наоборот, его можно было бы записать в первые дураки на деревне. Юрий являлся объектом разнообразных шуток, подначек и розыгрышей — это было возможно в силу его бесконфликтности и долготерпения. Во время следствия мать и бабушка Юрия сообщили, что тот крайне болезненно воспринимал материальную стесненность быта, невозможность купить мотоцикл, бытовую технику и т. п. Будущий убийца очень страдал от неустроенности личной жизни, его ухаживания отвергали даже доступные, по всеобщему мнению, женщины. Неудачи на «личном фронте», как считали односельчане, лишь добавляли комизма его образу. Между тем Юрий вовсе не являлся глупым человеком: находясь под стражей, просил передавать ему газеты и книги, выражался грамотно, образно и не без чувства юмора. Хотя Илясов был уверен, что будет осужден на смертную казнь, приговор он воспринял чрезвычайно болезненно, посчитав решение суда несправедливым. Подавал прошение о помиловании, в котором доказывал, что явился жертвой предвзятого и бессовестного отношения руководства, но прошение это ожидаемо оказалось отклонено.

разнорабочих. Как считал сам Юрий, сделано это было для того, чтобы отдать «его трактор» Александру Илясову. Нетрудно догадаться, что труд разнорабочего считался неквалифицированным и вознаграждение за него в конце года колхозники получали много меньшее. Трактористам за трудодень не только давали большее вознаграждение, но еще начисляли добавочное зерно за вспаханную площадь, так что разница с разнорабочим получалась очень значительная. Однако не это в конечном счете спровоцировало скандал. В июле, незадолго до общего собрания колхоза, Юрий заболел и не вышел на работу. Василий Илясов, посчитав, что тот демонстративно манкирует трудовой дисциплиной, пригрозил Юрию наказанием. И когда на годовом собрании колхозников пришло время обсуждать величину

причитающихся каждому работнику выплат, объявил: «Юрий Илясов ничего не получит, его доля пойдет в общественный фонд!» Это было неслыханное наказание — получалось, что Юрий, выработавший в 1963–1964 г. 227 трудодней, ничего за свой труд не получит!

Поначалу в такое наказание никто даже и не поверил. В традициях колхозного руководства были штрафы, когда с баланса работников списывались несколько трудодней, обычно не более пяти, но чтобы вот так отнять всю годовую выработку... такое наказание казалось запредельным.

Юрий попытался договориться с Василием Зиновьевичем, но тот только посмеялся, дескать, как можно нарушать постановления общего собрания, ведь все подумают, что один родственник помог другому! И отказался обсуждать вопрос о выплате годового вознаграждения. 6 сентября, накануне трагедии, Юрий отправился в дом Василия, чтобы еще раз поговорить о несправедливом наказании. Он прихватил с собою нож, трудно сказать для чего: то ли рассчитывая пустить в ход, то ли для того, чтобы поугагать, то ли просто по привычке. В любом случае, намеченный разговор не состоялся — хозяина дома не оказалось. Зато Юрий столкнулся с Александром Степановичем Илясовым, который тоже числился в его обидчиках, ведь именно он стал трактористом, «вытолкнув» Юрия в разнорабочие. О чем они поговорили в точности неизвестно — Александр через несколько часов погиб и ничего по этому поводу сказать уже не мог, а Юрий впоследствии толком так ничего не объяснил. По-видимому, более старший Александр (он был 1929 года рождения) отечески дал более молодому двоюродному племяннику (Юрий Илясов родился в 1937 году) пару пинков и отправил его восвояси. Как бы там ни было, Юрий вернулся домой вечером 6 сентября совершенно невменяемый — его била крупная дрожь, он плакал и никак не мог успокоиться.

Но дальше стало только хуже. Ближе к вечеру в дом к Юрию явились председатель колхоза, главный агроном, пара бригадиров полеводческих бригад и человека четыре колхозных рабочих... все с топорами, ножами и ружьями. Юрию сказали просто и веско: «Будешь угрожать нашему бригадиру, мы тебя по-тихому убьем и прикопаем так, что никто никогда не найдет». С тем и ушли.

Потрясенный Юрий Илясов пережил то, что психиатры обычно называют фрустрацией — состояние эмоционального шока, из которого человек не находит приемлемого выхода. На самом деле выходов из сложившегося тупика у Юрия было множество, и все они, в общем-то, были достаточно компромиссные, но мирный исход конфликта стал для него уже невозможен. Когда мать попробовала утешить сына, тот зарычал и пригрозил ее убить. Мать и бабушка в ужасе убежали из дома, опасаясь, что Юрий и в самом деле сотворит недоброе. В тот вечер, говоря о поведении колхозного правления, отнявшего у него годовую премию, Юрий Илясов мрачно изрек: «Заработали, гады, мой хлеб, да только съесть его им не придется!» (существует несколько вариантов этой реплики, но здесь она приведена в наиболее облагороженном виде). После этого, уже ближе к полуночи, он ушел из дома и куда направился, никто не знал...

Понятно, что подобное изложение событий представлялось совершенно недопустимым — в нем во всей красе проявлялось барство и самодурство «колхозной бюрократии», бесправие рядовых советских крестьян. Как можно было отразить в следственных документах историю о том, что молодого советского тракториста сначала перевели в разнорабочие, а затем вообще обнулили его годовую выработку, фактически присвоив ее?! Понятно, что у советского правосудия бумага все стерпит, но тут уже просматривался явный перебор — строго говоря, председателя колхоза и членов правления надо было отдавать под суд за волюнтаризм...

По здравом размышлении в следственные документы первоначально попала иная версия событий. Причиной острого конфликта было объявлено взаимное непонимание между Юрием Илясовым и прочими рядовыми колхозниками. Мол, последние подтрунивали над холостым 27-летним мужчиной, проживавшим с матерью и не имевшим связи на стороне, а Юрий в силу своей неадекватности чрезвычайно болезненно относился к шуткам, затрагивавшим интимную сферу. Последним событием, которое якобы окончательно вывело Юрия из равновесия, явилась его поездка на заготовку сена в компании семи женщин-доярок. Во время этой поездки женщины стали похабно иронизировать над Юрием, спрашивая друг

друга «есть у него хоть что-то в штанах?», и в какой-то момент принялись грубо его хватать и даже повалили на землю. Потом появился более развернутый вариант этого случая, из которого следовало, что женщины не только хватали молодого мужчину за причинное место, но даже насильно расстегнули его штаны и натолкали туда соломы, мол, если нет своего «хозяйства» в штанах, то ходи с пучком соломы. Была ли эта история истинна или же ее придумали с целью закамуфлировать подлинную причину конфликта, сейчас уже вряд ли кто-то скажет в точности, но описанная ссора Юрия Илясова с семьей доярками сделалась своего рода официальной версией, призванной объяснить мотивацию убийцы.

Опрос матери и бабушки убийцы членами оперативной группы растянулся на много часов и закончился далеко за полночь. В доме Илясова осталась засада, а обыск был перенесен на утро 8 сентября. Тогда же фактически и был проведен и допрос близких родственников Юрия.

Утро 8 сентября принесло разнообразные новости. Прежде всего, жители Малого Мелика, быстро узнавшие фамилию преступника, отказались выходить на работу. Их можно было понять — местные рассудили, что Илясов обретается где-то неподалеку, и если он уже убил пятерых человек, то ничто не мешает ему совершить новые убийства. «Пусть милиция сначала поймает Илясова, и после этого мы выйдем в поле», — примерно так заявляли сельчане колхозному руководству, объясняя свою стачку. Вскоре аналогичные требования стали выдвигать жители других населенных пунктов: деревень Большой Мелик, Выселки, Ключи. Это не была забастовка в точном значении этого слова, но по форме стихийный отказ от работы выглядел именно забастовкой. Это было настоящее ЧП областного масштаба, причем масштабы его быстро нарастали.

В тот же день Екатерина Саяпина, свидетельница стрельбы по Булгаковой и Панчук, подтвердила, что стрелявшим был именно Юрий Илясов. Более того, женщина припомнила даже, как слышала крик раненой Марины Булгаковой: «Юра! Юра! Юра! Не делай этого!». Не совсем понятно, почему Саяпина не сообщила о подобных нюансах во время первого опроса днем ранее. Хотела ли она скрыть то обстоятельство, что узнала нападавшего, или же действительно забыла важные детали в состоянии

крайнего стресса? Следствие посчитало, что имело место второе, и не стало углубляться в детали, решив, что показания Екатерины Саяпиной после опознания нападавшего Булгаковой не имеют уже большого значения (строго говоря, Саяпина могла бы утверждать, будто не рассмотрела нападавшего и не узнала его, но это уже никак не повлияло бы на ход расследования). В общем, история с запоздалым опознанием Саяпиной нападавшего не до конца ясна и оставляет определенные вопросы, но вокруг «самарской бойни» разного рода недомолвок и неясностей вообще немало.

Другим важным событием того утра явился обыск в доме Илясова. Его результат оказался довольно интересен — в сарае во дворе было найдено охотничье двуствольное ружье 20-го калибра. Причем довольно новое, в хорошем состоянии, было очевидно, что оружие берегли и пользовались им мало.

Преступник не являлся охотником-любителем и происхождение ружья еще предстояло выяснить. Но весьма интересной оказалась новость, ставшая известной в те же часы, — выяснилось, что Юрий не делал тайны из факта владения оружием, и многие сельчане знали, что он ходит в лесополосу стрелять по банкам. Тренировался, так сказать, вот только для чего?

Для скорейшей поимки преступника прокурор области Ф. К. Хилько откомандировал в Малый Мелик своего помощника Александра Чугунова. Одновременно Хилько обратился к секретарю сельского обкома КПСС Бочкареву с просьбой «по партийной линии» мобилизовать максимум сил для проведения масштабной розыскной операции. Партийное руководство отнеслось к просьбе с пониманием и в кратчайшие сроки в Балашово стали прибывать команды из военнослужащих разных частей и ведомств, направленные в подчинение оперативному штабу. В числе откомандированных были, в частности, две команды солдат срочной службы общей численностью 120 человек, группы военнослужащих внутренних войск, конвойных войск (последние несли службу в большой исправительно-трудовой колонии, расположенной в Балашове). Все они были вооружены автоматами. Со всей Саратовской области в Балашовский район направлялись группы работников милиции, общее число которых превысило сотню. По линии КГБ к операции по розыску и задержанию Юрия Илясова были привлечены две группы

офицеров — особысты и оперативные сотрудники областного Управления.

Уже в первой половине дня 8 сентября Балашовский район был закрыт: на дорогах выставлены блок-посты, досматривавшие все автомашины, двигавшиеся на выезд, запрещен транзитный проезд по дорогам района, все водители машин предупреждались о категорическом запрете перевозить незнакомых лиц. У родственников беглеца (как в Малом Мелике, так и в других населенных пунктах Балашовского района) были выставлены заставы. В принципе, у Илясова не было шансов проскочить мимо расставленных силков, дело оставалось за малым — убийцу надо было как-то поймать.

С 8 сентября началось методическое прочесывание местности, в котором участвовали как военнослужащие, так и местные жители. Длина живой цепи достигала порой 1 км. Участникам прочесывания выдавались длинные металлические «щупы», которыми надлежало с разных сторон протыкать стога сена, которых в ту пору на местных полях было очень много.

Надо отметить, что Балашовский район расположен в равнинной безлесой местности, где практически все свободные площади использовались для нужд сельского хозяйства. В принципе, у Илясова имелось не так много мест, где бы он мог укрыться. В этом отношении оптимальной для него была местность рядом с речкой Мелик, поскольку там рос кустарник и деревья. Кроме того, убийца мог укрываться в лесозаградительных полосах, которые в начале 1960-х гг. активно высаживались во многих районах страны для предотвращения ветро-песчаной эрозии почвы. Весь Балашовский район был испещрен такими лесополосами. Но посадки там были еще сравнительно молоды и не успели разрастись, кроме того, даже самая густая лесополоса — это все-таки далеко не лес. Поэтому идея прочесать местность на многие километры вверх и вниз по течению реки Мелик, а также прилегающие сельхозугодья была вовсе не так глупа, как могло бы показаться на первый взгляд. Начиная с 8 сентября такие прочесывания стали проводиться безостановочно.

Проверка ружья, найденного в сарае Юрия Илясова, показала, что оно куплено в единственном на территории района магазине «Охота» в марте 1964 г., т. е. за полгода до описываемых событий. Покупателем оружия значился М. В. Политин,

заведующий этим самым магазином. Разумеется, товарища заведующего попросили разъяснить, каким образом купленное по его охотничьему билету ружье оказалось в сарае убийцы? И заведующий поведал довольно тривиальную историю: пришел в магазин вежливый молодой человек, долго интересовался разными видами ружей, собрался было купить ружьецо 20-го калибра и даже деньги вытащил из кармана, но... вспомнил, что забыл дома охотбилет. Ну, а завмагом Максим Викторович — человек большой души! — пришел на помощь забывчивому охотнику и предложил оформить покупку по его собственному, Политина, документу. Молодой человек пообещал непременно принести охотничий билет в следующий раз, но более в магазине не появился. На предъявленной ему фотографии Юрия Илясова заведующий узнал покупателя. Таким образом, история с приобретением оружия, вроде бы, получила разъяснение. Схема, конечно, была совершенно незаконная, и когда заведующий магазином узнал, что его ружье попало в руки убийце, сильно перепугался.

В этом месте необходимо сделать уточнение, без которого нельзя правильно понять ход некоторых последующих событий. Дело заключалось в том, что заведующий продал Илясову довольно плохое ружье, скажем точнее, неходовое среди охотников. Ружья 20-го калибра в сравнении со своими аналогами 12-го и 16-го калибров неоптимальны. Прежде всего, их патроны имеют меньшую навеску дроби — 24 грамма, а у патронов 12-го калибра, например, масса дроби 35 граммов! Кроме того, их изготавливают с сильным сужением ствола (так называемый полный или средний чок), что хорошо для стрельбы мелкой дробью на большую дистанцию, но не годится для картечи, более эффективной против крупной дичи. Единственным объективным достоинством ружей 20-го калибра является их сравнительно малый вес — до 3 кг. Неудивительно, что знатоки стрелкового дела предпочитают классический 12-й калибр, а 20-й игнорируют. Заведующий магазином, разумеется, знал эти нюансы и уговорил «лоха» купить неходовой товар. Таким образом, получалось, что Политин совершил двойной обман: с одной стороны, он ввел в заблуждение органы внутренних дел, оформив покупку на собственный охотничий билет, а с другой — обманул доверие покупателя, уговорив выложить деньги за далеко не лучшее ружье.

К середине дня 8 сентября из предварительных результатов баллистической экспертизы гильз, найденных на местах совершения преступлений, и поражающих элементов, извлеченных из тел убитых и раненых людей, было известно, что Илясов использовал патроны 16-го калибра, начиненные картечью диаметром более 7 мм (дробь — это свинцовые шарики диаметром до 5 мм, картечь имеет диаметр больше 5 мм. Картечь используется для охоты на крупную дичь — косулей, кабанов, лосей и т. п., а вот дробь востребована при стрельбе по птицам). Наличие у убийцы, не занимавшегося охотой, второго ружья наводило на мысль о целенаправленной подготовке преступления. Косвенно эту догадку подкрепляли обстоятельства приобретения ружья 20-го калибра — Илясов явно продумывал, как лучше это сделать, и соответствующе подготовился (спланировал и осуществил поездку в райцентр, подготовил довольно значительную для колхозника сумму денег). Он успешно реализовал свой план и после этого находил время для регулярных тренировок в стрельбе...

В последующие дни проводилось массивное прочесывание местности, но оно результатов не приносило. 10 сентября были похоронены жертвы трагедии, что вызвало вполне понятное напряжение, властям пришлось принять некоторые меры для того, чтобы избежать гражданского противостояния и выражения общественного недовольства. Напряжения добавила и еще одна крайне неприятная новость: в больнице умерла Марина Григорьевна Булгакова, мать застреленной Алевтины Панчук. Хотя официально утверждалось, будто причиной смерти явилось смертельное ранение, на самом деле операция прошла успешно, и Марина Булгакова пришла в себя после нее (более того, она первой назвала нападавшего!). Недостаточное качество медицинских услуг в районной больнице привело к заражению крови, в силу чего крепкую 46-летнюю женщину врачам спасти не удалось. Таким образом, число убитых Илясовым достигло шести человек.

Безуспешные поиски 8 и 9 сентября заставили некоторых членов оперативного штаба поднять вопрос о целесообразности дальнейшего проведения операции по поимке Илясова в том формате, в котором она проводилась. Ведь если убийца покинул территорию Балашовского района, то незачем заниматься прочесыванием местности и перекрывать дороги — надо объявлять всесоюзный розыск и проверять родственников и друзей беглеца

по всей стране! Однако Александр Чугунов посчитал, что операцию сворачивать рано, по его мнению, преступник не ушел далеко и по-прежнему находится где-то в окрестностях Малого Мелика. А поймать его не удастся потому, что он хорошо знает местность и находится в постоянном движении, возвращаясь в те места, которые уже подверглись прочесыванию. Поэтому было решено усилить патрулирование небольшими группами, приступить к повторным осмотрам нежилых строений и скрытому размещению милицейских нарядов. В конце концов беглец должен будет наткнуться на засаду или патруль, и вот тут важно будет его не упустить.

По иронии судьбы буквально через несколько часов после обсуждения оперативным штабом тактики действий, на следующий день Юрий Илясов действительно повстречался с милицейским патрулем. Произошло это в ночь на 11 сентября сразу после полуночи. Преступник двигался в сторону дома, где его поджидала засада, о которой он ничего не знал. Но на пути к дому Илясов наткнулся на один из четырнадцати милицейских патрулей, заступивших в ту ночь на дежурство в Малом Мелике. На требование остановиться и предъявить документы преступник открыл стрельбу, милиционеры ответили огнем из пистолетов. Всего патрульными были произведены 14 выстрелов, Илясов в ответ выстрелил 4 раза. Он быстро понял, что даже при наилучшем раскладе не сможет убить из двуствольного ружья трех вооруженных пистолетами мужчин и пустился наутек. Оторваться от преследования ему помогла речка Мелик, в которую он бросился, не раздумывая. Милиционеры не стали его преследовать, справедливо решив, что шум воды их демаскирует и даст преступнику возможность расстрелять поодиночке. В общем, Илясов скрылся, но далеко не ушел.

В половине четвертого ночи он приблизился к дому своей тетки, стучал в окно, просил, чтобы она пустила его в дом. Женщина отказалась это сделать и сообщила поутру о визите племянника. Интересно, что в ее доме засада не была выставлена — и это довольно странно, учитывая очевидную возможность появления преступника у родственницы.

Как бы там ни было, убийца ушел из села. Но, по-видимому, далеко уйти не мог — ночь выдалась беспокойной, и ему явно требовалось отдохнуть.

Поэтому с раннего утра 11 сентября прочесывание началось с привлечением всего личного состава, имевшегося в распоряжении оперативного штаба. В 16 часов Юрий Илясов был задержан солдатами, занятыми осмотром лесополосы в двух километрах от Малого Мелика. Преступник спал и сопротивления оказать не смог, хотя позднее признался, что не думал сдаваться и имел намерение при попытке задержания стрелять в военнослужащих или милиционеров. Однако, к счастью, после 7 сентября Илясов никого так и не убил.

Весть о поимке ставшего всем ненавистным Юролая моментально облетела Малый Мелик. Опасаясь самосуда, группа офицеров-особистов сначала доставила его в здание балашовской комендатуры и лишь спустя несколько часов передала милиции. Первый допрос Юрия Илясова начался в здании РОВД, перед которым вскоре собрался стихийный митинг негодующего населения. Информация об аресте Илясова распространилась очень быстро, и жители района стали съезжаться в Балашово со всех сторон. Добирались кто как мог — на тракторах, подводах, грузовых автомашинах. Ситуация несколько часов оставалась напряженной, существовала угроза самосуда над арестованным. Агрессия толпы пошла на спад только к ночи, когда к зданию РОВД подъехало несколько автомашин с вооруженными солдатами и даже самым горячим головам стало ясно, что штурм успехом не увенчается.

Арестованный не запирался и стал давать показания сразу же по прибытии в здание РОВД. Он признал факты расстрелов заночевавших в поле трактористов и доярок, направившихся на ферму в поселок Скотооткорм ранним утром 7 сентября. Свои действия объяснил желанием отомстить за ущемления со стороны колхозного руководства. С Александром Илясовым он связывал неприятности, свалившиеся на голову. Наличие умысла убить Алевтину Панчук не признал и утверждал, будто расправа над женщинами была спонтанной.

Во время следствия и суда Юрий Илясов неоднократно допускал высказывания, трактовавшиеся как «антисоветские», желчно отзывался о внутриколхозных порядках, процветавшем кумовстве, бесправии рядовых тружеников, немало говорил о системе штрафов, официально никем не признаваемой, но от этого еще более циничной и унижительной, чем в царское время. Преступник производил впечатление человека грамотного,

воспитанного, не лишённого чувства юмора. Обойти молчанием историю с аннулированием его годовой выработки не получилось, поэтому списать произошедшую трагедию на «внезапно возникшее неприязненное чувство», следствие не смогло. Но дальше формальной констатации факта прокуратура не пошла, да и пойти вряд ли могла: в самом деле, ну как можно разоблачать советскую систему коллективного сельского хозяйства?

В целом же, следствие по «балашовскому расстрелу» велось дотошно, разумеется, с поправкой на специфику тех лет. Ильясова направили на комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, которая отклонений и заболеваний, значимых для вынесения судебного решения, не нашла. Для проведения процесса преступника вернули в Балашово, где устроили открытый суд. Приговор к высшей мере наказания был ожидаем и присутствующие встретили его овацией. Илясов подавал прошение о помиловании, но оно было отклонено. Его расстреляли в январе 1966 г.

Мать и бабушка преступника выехали из Малого Мелика еще до суда над Юролаем.

История «балашовского расстрела» до сих пор хранит много тайн и недомолвок. Ряд из них могут быть следствием работы правоохранительных органов, не заинтересованных в том, чтобы случившееся будоражило умы простых советских людей. Некоторые соображения указывают на то, что сторона обвинения достигла некоего компромисса с Илясовым, гарантировавшего управляемость обвиняемого на период судебных слушаний. Лица, наблюдавшие судебные заседания, утверждали, что Юролай был весьма сдержан в своих показаниях и явно многого не договаривал. Очевидцы отмечали его потрясение после оглашения приговора, когда Илясов якобы воскликнул: «Как же так, я думал, меня поблагодарят, а меня казнят, так что ли?!» (известны несколько вариантов этой фразы, например, такой: «Я думал, мне “спасибо” скажут, а меня расстреляют?!»). Вполне возможно, что тут мы имеем своеобразный народный анекдот, измышленное предание, но возможно и другое объяснение, весьма, кстати, правдоподобное! Илясову вполне могли пообещать снисхождение суда в обмен на готовность помочь правосудию и сотрудничество со следствием. Обвинение нуждалось в определенной управляемости обвиняемого во время открытого процесса, дабы тот не болтал лишнего и не тряс грязным бельем колхозных будней.

Для этого ему вполне могли рекомендовать избегать определенных тем и отвечать только по сути заданных вопросов.

Осталась не проясненной до конца и история с нападением на женщин-доярок. Хотя официальная версия склонялась к тому, что этот эпизод носил случайный характер, определенные соображения заставляют в этом усомниться. Илясов выстрелил в Алевтину Панчук по меньшей мере пять раз, причем стрелял в лицо упавшей женщины, явно намереваясь его изуродовать (одним из выстрелов был выбит глаз). На Марину Булгакову, мать Алевтины, он внимания не обращал, она сама признала, что попала под картечь случайно, прикрыв дочь своим телом. А присутствие Екатерины Саяпиной убийца вообще проигнорировал, не стрелял в нее и преследовать не пытался. Илясов явно поджидал женщин в засаде, ибо знал маршрут, которым они ходят. В то утро он пропустил мимо себя с полдюжины доярок, прошедших этой же дорогой, но напал именно на троицу Панчук — Булгакова — Саяпина. Очевидно, что расправа над Алевтиной была для Илясова очень личным делом, но внятного объяснения ее причин в ходе суда и следствия не последовало. Явная недосказанность послужила пищей для разного рода домыслов и пересудов, порой весьма противоречивых. Многие из местных жителей склонялись к тому, что Илясов был тайно влюблен в Алевтину. Бытует и несколько иное предание, согласно которому будущий убийца делал предложение руки и сердца своей жертве, но был ею отвергнут. Есть еще кое-какие вариации на эту тему, но они недоказуемы и вряд ли когда-то этот вопрос будет действительно прояснен.

Следствию же лишние подробности были просто не нужны — вина преступника была очевидна и признавалась им самим. Так зачем делать сложным то, что проще простого?

5.5. Массовое убийство в Челябинске (резня 13 апреля 1973 г.)

Другим примером массового убийства является нападение, совершенное 15-летним хулиганом Владимиром С. вечером 13 апреля 1973 г. в Челябинске. Ввиду несовершеннолетия этого «героя» его настоящая фамилия никогда не была оглашена (советская власть, декларируя соблюдение норм соцзаконности,

ревностно следила за тем, чтобы народ не узнавал своих подонков. По этой причине, а также с целью оберегания «общественной морали и нравственности» от возможного травмирования, многие уголовные процессы по отвратительнейшим преступлениям с участием несовершеннолетних обвиняемых проводились в закрытом режиме).

Владимир в свои 15 лет уже был алкоголиком со стажем: пить пиво он начал в 7-летнем возрасте, а курить даже раньше. Накануне преступления будущий убийца отпраздновал День космонавтики, а с утра 13 апреля принялся «разминаться» перед принципиальным матчем сборных СССР и ЧССР по хоккею. «Разминка» свелась к 9 поллитровым кружкам пива в местной пивнушке. Затем последовали 4 бутылки «бормотухи» по 0,75 л. Употребив все это алкоголическое богатство в одно рыло — а иначе в данном случае просто невозможно выразиться — Владимир С. ощутил зуд активности. Вечером 13 апреля, пренебрегая долгожданным хоккейным матчем, он вырулил на улицу.

На спортивной площадке он познакомился с одиноко сидевшей женщиной. Подвыпившая дама была настроена вполне дружелюбно и, по-видимому, сама искала общения. Во всяком случае, впоследствии Владимир С. так и не сумел объяснить, чем именно она вызвала его гнев. Однако же, поговорив с нею некоторое время, он неожиданно испытал прилив ярости и ударил женщину 4 раза ножом в спину. Владимир подумал, что убил свою новую знакомую, по крайней мере, он признавал после ареста, что хотел этого, но женщина была спасена врачами.

Удовлетворенный расправой, Владимир С. двинулся по родному околотку далее. Ему навстречу попался знакомый 13-летний мальчик, к которому Владимир С. испытывал неприязненные чувства. Он задумал расправиться и с ним. Угрожая ножом, преступник заставил мальчика пойти вместе с ним к спортивной площадке. Вернувшись туда, Владимир с удивлением обнаружил, что женщина, раненная им несколько минут назад, исчезла. Мысль об исчезновении «трупа» (он-то думал, что убил жертву!) до такой степени поразила Владимира, что преступник позабыл о намерении зарезать мальчика. Он принялся обходить площадку, желая отыскать тело женщины, но вместо нее увидел чуть поодаль трех мужчин. Троица, распившая перед тем пять бутылок дешевого портвейна, спала на лавочке, перенесенной

в заросли кустов. Хотя листвы еще не было, кусты хорошо скрывали спящих от посторонних взглядов.

Соблазнившись беззащитностью спящих и уединенностью места, Владимир С. приказал своему заложнику обыскать мужчин. Во время этого занятия один из спавших проснулся. Разозленный этим, Владимир С. ударил мужчину ножом, а увидев, что тот не умер, схватил обрезок газовой трубы, валявшийся подле, и принялся им избивать жертву. Если бы остальные двое мужчин проснулись в это время, то, скорее всего, им бы удалось скрутить распоясавшегося сопняка, но, на свою беду, компания слишком крепко выпила. Поэтому Владимир С. без помех забил проснувшегося насмерть, после чего перерезал горло двум его собутыльникам. Не удовлетворенный совершенным, он еще некоторое время бил трупы обрезком трубы. Наконец, устав от непосильного напряжения, Владимир С. приказал своему невольному 13-летнему заложнику обыскать тела. Забрав себе найденные деньги и ценные вещи, Владимир С. неожиданно отпустил своего спутника и отправился к друзьям досматривать телевизионную трансляцию хоккейного матча. Арестовали Владимира С. на следующий день.

После того, как он сознался в содеянном, встал вопрос о вменяемости юноши — уж больно чудовищным казались его действия. Убийца был направлен на стационарную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу и по ее результатам признан вменяемым; единственным отклонением убийцы врачи признали алкогольную зависимость. В конечном счете Владимира С. осудили на 10 лет. Определяющим фактором, лимитировавшим наказание, явилось несовершеннолетие убийцы, на больший срок лиц этого возраста в СССР не осуждали.

Герой этого фрагмента, безусловно, являлся массовым убийцей. Хотя от его руки погибли три человека, он совершил посягательство на жизни четырех, и лишь по счастливой случайности первая жертва Владимира С. осталась жива. Мотивация убийцы, несомненно, неочевидна, и, кстати, объяснения своего в материалах следствия она так и не нашла. Точнее говоря, советское правосудие не особенно эту мотивацию искало.

Психиатры сказали, что «во всем виновато спиртное», а следователь без колебаний увидел в произошедшем не что иное, как банальное ограбление. Причем совершенное по предварительному

сговору. Да-да! Мальчика, сделавшегося заложником Владимира С. и едва не поплатившегося своей жизнью, отдали под суд. Прокурор посчитал его соучастником убийства на том основании, что мальчик обыскивал одежду погибших мужчин и не оказывал вооруженному ножом преступнику сопротивление. Причем утверждения самого Владимира С., что он привел мальчика на спортплощадку под угрозой ножа и намеревался убить его, во внимание приняты не были: следователь решил, что преступник выгораживает подельника.

Между тем косвенные данные позволяли проверить правдивость утверждений как Владимира С., так и его заложника. В частности, следствию было известно, что отец 13-летнего мальчика, будучи членом Добровольной Народной Дружины (ДНД) задерживал будущего убийцу и крепко ему наподдал при этом. Владимир С. при свидетелях обещал отомстить дружиннику, он знал, что мальчик приходится последнему сыном и раздумывал над тем, не начать ли месть отцу с убийства сына. В конечном счете суд разобрался в существе дела и освободил 13-летнего мальчика, но для нас в контексте темы очерка важно отметить шаблонность мышления следователя, проявленную им в этом весьма неординарном деле.

Следует обратить внимание на еще один нюанс, не вызвавший особого интереса правоохранителей, но наталкивающий на определенные размышления. Владимир С., пустивший в ход нож при нападении на женщину, ударил ее четыре раза. Это сравнительно немного: криминалисты знают, что малоопытные, молодые или физически слабые преступники наносят намного больше ударов холодным оружием, подчас несколько десятков. То, что молодой человек ограничился всего четырьмя, косвенно указывает на его уверенность в своих силах. С большой долей вероятности можно утверждать, что ему уже приходилось использовать нож против человека. Следствие, правда, проверять эту догадку не стало, видимо, здраво рассудив, что на тяжесть наказания новые преступные эпизоды повлиять никак не смогут (более 10 лет заключения убийца все равно не получит!).

То, что Владимир С. крепко выпил перед убийством, несколько не объясняет его поведения. Алкогольное опьянение, как и наркотическая интоксикация, вовсе не подменяет и не

уничтожает личность человека — снижается лишь функция самоконтроля, за которую отвечает кора головного мозга. Другими словами, преступные желания и фантазии не появляются вдруг ниоткуда — они по мере снижения самоконтроля и утраты критического самовосприятия всплывают из подсознания, за которое отвечают глубинные слои мозга. В роду несовершеннолетнего убийцы отмечались и явно усиливались девиантные тенденции — там были и алкоголики, и самоубийцы, и сошедшие с ума. Отец Владимира С. был тяжелым алкоголиком, он тащил из дома все, что можно и нельзя, да и сам преступник очень рано пристрастился к «зеленому змию».

Безусловно, криминальным психологам этот несовершеннолетний изверг был бы очень интересен как живое воплощение теории Ломброзо о «прирожденном убийце», но такого рода исследования в Советском Союзе никому не были интересны. Ведь социализм, как доказал товарищ Вышинский, не порождает преступности, а значит, во всем виноват алкоголь! Это объяснение устраивало всех. Мысль о том, что причина страшных безмотивных убийств незнакомых людей кроется вовсе не в пьянке, а в личности самого преступника, если кому и приходила в голову, то не высказывалась. За такие крамольные рассуждения в «неоломброзианском» духе надзирающие за прокуратурой идеологи от КПСС могли тогда потребовать от следователя и партбилет на стол положить, и карьеру ему сломать!

5.6. Массовый убийца Александр Жидков (декабрьская бойня 1975 г. в Пермской области)

Это преступление совершалось по канонам американских убийств такого рода. Удивительно, как простой советский уголовник умудрился повторить американских предтеч, даже не подозревая об их существовании.

Покуролесили в Пермской области 29-летний рецидивист Александр Жидков, имевший к тому времени уже 16-летний лагерный стаж, и 18-летний Михаил Веретельник, также имевший за плечами уголовный опыт. События развивались

на протяжении второй половины дня 13 декабря 1975 г. Началось все с того, что Жидков и Веретельник отправились в поселок Сылва на встречу с неким приятелем Жидкова по последней отсидке. Приятеля предполагалось привлечь к грабежу совхозной кассы в соседней деревне Денисово. Жидков и Веретельник были вооружены четырьмя охотничьими ружьями и двумя ножами.

Встреча состоялась. После совместного распития самогона троица двинулась в сторону железнодорожной станции, дабы поехать «на дело». По дороге между Жидковым и его приятелем неожиданно возникла ссора и Жидков без лишних затей застрелил его из ружья. После этого парочка продолжила свой путь. Однако отойдя метров на 300—400, Жидков сообразил, что забыл возле трупы одно из двух ружей, которые нес. Преступники решили вернуться и забрать его — в самом деле, не терять же «ствол»!

Каково же было их изумление, когда они увидели, что брошенного в сугроб «трупа» нет на месте! Более того, судя по следам на снегу, «труп» оказался в состоянии самостоятельно переставлять ноги. Приятель Жидкова не только не погиб, но даже нашел в себе силы скрыться с места преступления...

Жидков и Веретельник бросились в погоню за везунчиком. Настигли они его буквально в ста метрах, только оказался раненый беглец не один, а в компании с двумя женщинами и мужчиной. Это были его мать, сестра и сосед. Они, заподозрив неладное, бросились в лес после выстрела Жидкова. Теперь все трое волокли раненого на плечах и не подозревали, что за их спинами появились убийцы.

Разъяренный Жидков без каких-либо объяснений открыл огонь. Мать и сестру своего приятеля он убил наповал, соседа ранил, и тот, прячась за деревьями, благополучно убежал. Подойдя к своему приятелю, Жидков сделал добивающий выстрел в упор, в живот. По странной прихоти судьбы тот не умер даже после этого ранения — через полчаса его, истекающего кровью и замерзающего в снегу, отыщут сельчане и отправят на машине «скорой помощи» в больницу (где он благополучно поправится).

Жидков, уверенный, что наконец-то добил своего бывшего дружка, с чувством глубокого удовлетворения продолжил путь к железнодорожной станции. Веретельник, вившийся вокруг старшего товарища, как шнурок, все время оставался рядом,

хотя оружие толком так и не использовал, стреляя в основном по верх голов (в последующем баллистическая экспертиза показала, что пули и картечь, попавшие в тела пострадавших, оказались выпущены из оружия Александра Жидкова). На перроне Жидков дважды выстрелил в семейную пару: женщина была ранена в ноги, а мужчина, увидев направленное в грудь ружье, пригнулся и спрыгнул на рельсы. Это спасло ему жизнь. Уголовники решили более не тратить патроны и, совершенно позабыв о лежавшей на платформе раненой женщине, двинулись прочь.

Чуть отойдя от железнодорожной станции, Жидков и Веретельник напали на девушку, шагавшую вдоль рельсов. Нанеся ей 12 ножевых ранений, подонки завладели дамской сумочкой с тремя рублями и косметичкой. Свою жертву они оставили истекать кровью на морозе, от полученных ранений девушка через несколько минут скончалась.

После этого убийцы заглянули в барак, отданный под заселение рабочим семьям. Поскольку рабочее время еще не закончилось, мужчин в здании не было. Уголовники, поизмывавшись над беззащитными детьми и женщинами, отняли у жильцов барака 22 рубля. После этого они возжелали орального секса с молодой беременной женщиной, та, напуганная угрозой изнасилования, забежала в свою комнату и заперлась. Разъяренный неподчинением Жидков выстрелил через дверь, женщина была тяжело ранена, а ее еще не родившийся ребенок — убит.

Таким образом, число погибших в тот день от рук Жидкова достигло четырех человек. Преступнику этого, однако, показалось мало, и он решил не останавливаться на достигнутом. Поскольку нужный Жидкову и Веретельнику поезд должен был подойти к станции еще нескоро, парочка решила отправиться в деревню Троица, где жила мать Жидкова. По пути преступникам повстречался местный участковый в компании двух женщин. Жидков очень хотел убить какого-нибудь милиционера (он даже специально для этого заглянул в комнату милиции на железнодорожной станции, но никого там не нашел) и потому обрадовался встрече. Направив ружья на участкового, который, кстати, был не на службе и потому оружия при себе не имел, преступники потребовали от него лечь на землю. Милиционер, к его чести, отказался подчиниться убийцам и в ответ предложил негодьям сдать ся.

Назвать Александра Жидкова злобным человеком — значит ничего о нем не сказать. Отца он не знал, мать была алкоголичкой, школу мальчик забросил, не отучившись в четвертом классе. Как и в случае с Карлом Панцрамом, жизнь Жидкова — это нескончаемая череда преступлений. Сам он признавался, что убивать начал задолго до 1975 г., хотя формально его в этих преступлениях не обвиняли. В его характере ясно проглядывали черты параноидальной личности, которые особенно ярко проявлялись в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. В такие минуты он без всякой на то причины становился особенно подозрителен, мрачен и жесток. Даже среди дружков он пользовался репутацией «дерзкого», т. е. способного к безудержной удали без страха последствий. Четырежды судимый Жидков провел в местах лишения свободы в общей сложности более 16 лет и уже позиционировал себя как лидера самостоятельной преступной группы. К концу осени 1975 г. он даже собрал из бывших лагерных дружков такую группу, однако после трехдневной пьянки убил одного из потенциальных подельников. Не успокоившись на этом, Жидков решил разделаться с другим товарищем, но тот, верно «просчитав» ситуацию, попросту сбежал. Оставшиеся члены группы, видя совершеннейшую ненормальность руководителя, также сбежали. Обескураженный таким поведением бывших друзей, Жидков, однако, планов не изменил и принялся сколачивать новую банду, готовую отправиться под его руководством на грабеж сберкассы или бухгалтерии какого-либо небольшого предприятия. Это ему почти удалось, однако и на сей раз гашиш и водка сыграли с убийцей злую шутку: Жидков вновь заподозрил измену и решил расправиться теперь уже с новым подельником. С попытки этого убийства, собственно, и начались трагические события 13 декабря 1975 г. Жизнь и преступные деяния Жидкова — яркий пример того, как отягощенная наследственность, помноженная на отсутствие всякого воспитания и дурные привычки, превращают психопата в настоящую бомбу замедленного действия, опасную для всех без исключения окружающих.

Разъяренный неподчинением, Жидков набросился на участкового и нанес ему шесть ножевых ранений в грудь и руки. Убедившись, что милиционер упал и не подает признаков жизни, преступники продолжили свой путь дальше. К счастью, они не тронули спутниц участкового, которые на руках донесли

раненого до ближайшего жилья и вызвали «скорую помощь». Несмотря на тяжесть полученных ранений, милиционер, благодаря своевременной помощи остался жив.

Между тем герои-уркаганы добрались до автомобильного переезда через железнодорожные пути и решили там устроить засаду с целью завладения автомашиной. Они тормознули грузовик, в котором сидели два парня и две девушки, выволокли людей из машины и избили их. К счастью, оружие в этот раз в ход не было пущено, поэтому можно сказать, что потерпевшие отделались малой кровью.

Доехав до Троицы, преступники решили на время разделиться. Жидков отправился в дом своей матери на перевязку — его ладонь была порезана при случайном соскальзывании на лезвие ножа. Веретельник, расстрелявший почти все патроны, решил пополнить арсенал, ограбив какой-нибудь дом.

Он благополучно залез в чей-то дом и, не найдя патронов, поживился постельным и нательным бельем. Хозяева отсутствовали, и именно это спасло их от расправы. Отыскав бутылку водки, преступник почти опорожнил ее. Сложив награбленное в рюкзак, расхрабренный от спиртного Веретельник решил ограбить колхозную кассу в одиночку. Покинув дом, он пешком направился в деревню Денисово, где находилась главная усадьба совхоза, рассчитывая завладеть по дороге какой-нибудь попуткой.

Жидков между тем перебинтовал руку и вышел на улицу, ожидая повстречать там дружка. Веретельника, однако, он нигде не нашел и, крайне раздосадованный этим, бесцельно двинулся по деревне. Внимание преступника привлекла свадьба в одном из домов. Жидков принялся стрелять по окнам, а когда перепуганные люди бросились вон из дома, открыл прицельный огонь по выбегающим. В ходе этого расстрела безоружных людей Жидков смертельно ранил отца невесты; еще пятеро человек получили ранения различной степени тяжести. Не удовлетворенный устроенным побоищем, Жидков подошел к опустевшему дому и принялся прикладом ружья крушить рамы. Этот бесцельный вандализм привел лишь к тому, что приклад ружья переломился. Преступник бросил оружие, ибо в его распоряжении оставалось другое ружье, и решил-таки отправиться на ограбление совхозной кассы.

Сам того не зная, Жидков шел той же самой дорогой, что и его дружок Веретельник, лишь отставая от последнего примерно на километр.

Между тем из того самого села Денисово, куда независимо друг от друга направились бандиты, им навстречу выехали два милицейских наряда, получившие сообщения о стрельбе в Троице. Пьяные мужики с ружьями и ножами на поясах не могли не привлечь внимания милиционеров. Они по очереди арестовали обоих. Веретельник сдался без боя, перепуганный видом направленных на него пистолетов, а Жидков затеял было перестрелку. К счастью, преступник никого больше не ранил и не убил: получив милицейскую пулю в почку, он был вынужден прекратить сопротивление.

Уже в больнице, находясь под действием введенного ему для анестезии наркотика, Жидков разглагольствовал о том, что «хотел бы убить в один день человек двадцать или даже больше!». Как это похоже на кровавые фантазии американского серийного убийцы Карла Панцарама, рассуждавшего в своих записках о методах массового умерщвления людей: взорвать плотину над городом, пустить в центральный водопровод мышьяк, подорвать свод тоннеля во время проезда поезда...

Жертвами Жидкова и Веретельника стали почти два десятка человек, из которых погибли пятеро. Никакого здравого мотива собственных действий преступники придумать так и не смогли. Напомним: изначально они собирались ограбить совхозную кассу. Но вместо этого на протяжении нескольких часов они буквально с маниакальной настойчивостью творили бесчинства и насилие над невинными и совершенно незнакомыми людьми. Причем совершенные действия никак не приближали их к решению основной (казалось бы!) задачи — кассу они ведь так и не ограбили.

Безусловно, Жидков в тот день находился в состоянии какого-то умопомешательства, крайней неадекватности. Следствие не особенно заморачивалось попытками объяснения его действий — был пьян и все! — над чем тут ломать голову? Между тем напился Жидков вовсе не до беспамятства, он отлично помнил свои действия, восстановил их в ходе следственных экспериментов, вот только объяснить затруднился. «Декабрьская бойня 1975 года» не привлекла к себе внимания криминальных

психологов и психиатров, а между тем Жидков, пожалуй, смог бы многое им поведать об условиях формирования той дисфории, что толкнула его на внешне немотивированное преступление. Еще до событий 13 декабря он в компании с двумя поделщиками совершил изощренное — растянувшееся на двое суток, сопровождаемое крайним истязанием жертвы — убийство мужчины. Убийцы рассчитывали завладеть деньгами замученного, но в итоге так ничего и не получили. После этого Жидков задумал совершить еще одно убийство. На этот раз он решил расправиться с одним из своих поделщиков, рецидивистом с богатым уголовным прошлым, но тот разгадал замысел товарищей и, руководствуясь старой эковской мудростью «Среди друзей я сам себе товарищ», убежал от них, спрыгнув на ходу с поезда. Второй поделщик тоже его оставил, из-за чего Жидков и связался с молодым Веретельником. Жидков, безусловно, был крайне раздосадован тем, что события последнего времени развивались совсем не по его плану — он остался в одиночестве, без денег, от него успешно сбежал бывший компаньон.

Скорее всего, в начале декабря 1975 г. в душе убийцы развилась сильнейшая фрустрация (т. е. неспособность снять психологическое напряжение в приемлемых формах). Фрустрация, в свою очередь, спровоцировала появление многодневной депрессии (дисфории). Привычные способы: игра в карты, пьянство — видимо, не помогли Жидкову. Он остро ощущал потребность «компенсироваться», именно ради этого задумал ограбление кассы совхоза и привлек к планируемому преступлению молодого Веретельника. Но 13 декабря дисфория прорвалась — совершив покушение на убийство своего бывшего товарища, Жидков уже не мог остановиться. Остановила его лишь милицейская пуля.

Какова же практическая польза от всех этих рассуждений о фрустрации и дисфории серийных и массовых убийц? Несмотря на их кажущийся отвлеченный характер, понимание данного механизма может дать следователю важную информацию о событиях реальной жизни преступника. Практически все серийные убийцы начинали убивать после событий, вызвавших фрустрацию. Как уже было отмечено в главе 4 этой книги, американские «профилеры» среди таких событий на первое место по важности ставят утрату работы, т. е. потерю источника

дохода. Но это не обязательно так. Например, пики активности Джеффри Дамера, американского убийцы-гомосексуалиста и педофила, были связаны с тем, что его дважды грабили на улице. В последней декаде мая 1991 г. у него под угрозой ножа забрали кошелек, и Дамер 24 и 27 мая убил двух подростков. Через полтора месяца ситуация повторилась — Дамер снова был ограблен афроамериканцем и после этого с небольшим интервалом убил трех молодых людей (5, 15 и 19 июля). Это наблюдение справедливо и для отечественных преступников.

Подозреваемых в совершении серийных и массовых убийств можно и нужно проверять посредством поиска корреляции между событиями их жизни с вспышками активности преступника. Если корреляция прослеживается четко и притом на длительном временном интервале, то можно с большой долей уверенности утверждать, что проверяемое лицо является разыскиваемым преступником. Разумеется, подобная связь не имеет силы улики, это всего лишь косвенное «ориентирующее» соображение, но для следствия, бродящего впотьмах и занятого проверкой десятков людей, и оно может оказаться бесценным.

К сожалению, отечественная криминальная психология ни в 1960-х, ни в 1970-х, ни в 1980-х гг. так и не поднялась до осознания подобных истин. Нужный вывод сделали американцы — именно они выделили серийную и массовую преступность в особый вид криминальной активности, четко отделив ее от схожих преступлений, совершаемых организованными криминальными сообществами, грабителями-одиночками или политическими террористами.

Возвращаясь же к истории массового убийства в Пермской области в декабре 1975 г., остается добавить, что оба преступника — Жидков и Веретельник — были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. Причем Жидков сам попросил суд о расстреле, мотивировав это тем, что погибнуть лучше, нежели тянуть «лагерную лямку» 15 лет. Помимо них на процессе в качестве обвиняемых фигурировали еще четверо друзей Александра Жидкова, и один из них также оказался приговорен к высшей мере наказания, но преступления этих людей никак не связаны с событиями 13 декабря 1975 г. и поэтому в контексте настоящего повествования интереса не представляют.

Приведенными выше примерами массовых убийств в СССР список таковых, разумеется, далеко не исчерпывается. Примеры эти прекрасно подтверждают следующий тезис: нет никаких оснований для утверждения, будто криминальная история Советского Союза радикальным образом отличалась от аналогичной истории западного общества. Ностальгические воспоминания о «социалистической законности» базируются лишь на сокрытии информации, характерном для «общества победившего социализма», а вовсе не на том, что социализм каким-то особым образом изменил лицо преступности. Все то, что было характерно для США и других стран Запада, было и у нас, только сие нельзя было признавать вслух.

При этом криминальная история Советского Союза имела и одно весьма примечательное явление, совершенно не характерное для развитых стран Запада. Речь идет о «дедовщине» в армии и порожденных ею криминальных проявлениях. В армиях западных стран во второй половине 20 в. также имели место определенные конфликты между старослужащими и новобранцами, но им было далеко до того безумия и дикости, что творились подчас в гарнизонах Советской Армии.

Глава 6. Массовые убийства в Советской Армии

Не станем глубоко вдаваться в разнообразие преступных форм «дедовщины» — это требует настоящего научного исследования и выходит далеко за рамки темы, вынесенной в заглавие. Упомянем лишь о таком печальном следствии неуставных отношений в Советской Армии, как массовые убийства, совершаемые военнослужащими-срочниками (солдатами, отбывавшими в рядах Вооруженных сил срочную службу). Обычно такие расправы учинялись молодыми солдатами и были направлены против «старослужащих», т. е. солдат и сержантов ранних призывов. Но не только их одних, как станет ясно из конкретных примеров, — порой жертвами становились офицеры и даже мирные граждане, вообще никак не связанные с армией.

Хотя массовые убийства на почве «дедовщины» формально не относятся к категории «преступлений с неочевидным мотивом» (их мотив, вроде бы, очевиден — обида, сведение счетов, месть), все же не будет большой ошибкой упомянуть о них в настоящем исследовании. Психологическая цепочка, запускающая механизм мести, в точности соответствует тому, что мы видим у классических массовых и серийных убийц: тяжелая фрустрация, неразрешимый тупик, из которого будущий убийца не находит приемлемого с точки зрения законности выхода, и все нарастающая дисфория. Она-то и толкает военнослужащего повернуть оружие против обидчиков или тех, кого убийца отождествляет с таковыми.

Расправы молодых солдат над унижавшими их «стариками» имели место задолго до официального признания «дедовщины» как опасного социального явления. Как правило, подобные кровавые эксцессы происходили при заступлении в наряды, когда в руки обиженных солдат попадало оружие. Огромный резонанс

имело убийство в феврале 1987 г. Артурасом Сакалаускасом, солдатом из конвоя внутренних войск, своих сослуживцев. На этой истории мы подробнее остановимся ниже, поскольку она заслуживает внимательного разбора. Особый резонанс случившемуся придало то обстоятельство, что массовый убийца Сакалаускас после совершения преступления направился в Ленинград. Никто не мог сказать наверняка, что у него на уме и чем этот вояж может закончиться, а потому по решению партийно-политического руководства информация о массовом убийстве была передана широкой огласке. Фотографии Сакалаускаса в те дни демонстрировались по телевидению, а словесный портрет зачитывали по радио. История преступления, совершенного Сакалаускасом, и его последующего розыска вызвала настоящий фурор среди жителей Ленинграда и отложилась в памяти многих.

Нервная реакция властей была вполне оправданна. Почти за два десятилетия до массового расстрела, устроенного Сакалаускасом, в сентябре 1968 г. два молодых солдата, дезертировавшие из воинской части с автоматами, устроили настоящую бойню в Курске. Сначала они расстреляли обитателей квартиры, в которую вторглись (погибли семеро), а затем из ее окон открыли огонь по людям на привокзальной площади. В результате погибли еще 6 человек. После событий в Курске любое дезертирство из воинской части военнослужащего с оружием неизменно вызывало резкую реакцию правоохранительных органов, не останавливавшихся порой даже перед тем, чтобы информировать о произошедшем общественность (что было совсем нетипично для СССР, где скрывалась любая негативная информация и общество перманентно пребывало в состоянии «созидательного восторга»).

Что послужило причиной появления и глубокого укоренения в Советской Армии такого явления, как «дедовщина»? Почему ничего подобного не наблюдалось в Вооруженных силах, скажем, ГДР, Франции, Чили или иной цивилизованной страны? Короткого общего ответа дать не получится — слишком уж много различных факторов работали одновременно, и все эти факторы были специфично советскими.

1) «Закон СССР о всеобщей воинской обязанности» от 12 октября 1967 г. ввел два призыва в год — весенний и осенний (до этого был только осенний) и сократил с 1968 г. для всех

категорий призывников срок службы на 1 год. Теперь солдаты и сержанты Советской Армии, береговых частей и авиации ВМФ, пограничных и внутренних войск должны были служить 2 года, а матросы и старшины кораблей, судов и береговых частей боевого обеспечения ВМФ, а также морских частей пограничных войск — 3 года. Кроме того, появлялась льготная категория военнослужащих, имеющих законченное высшее образование, которая независимо от принадлежности к виду и роду Вооруженных сил призывалась на действительную военную службу сроком на 1 год. Уменьшение продолжительности действительной военной службы вызвало обиду и негодование тех солдат и матросов, что призывались ранее и служили больше.

2) Декларируемое коммунистической партией «интернациональное воспитание» в воинской среде принимало довольно своеобразные формы. Хотя военнослужащие разных национальностей, призывавшиеся из разных регионов Советского Союза, признавались формально равноценными, на самом деле человеческий капитал разных призывников был далеко не одинаков. Части высокой готовности, подразделения Воздушно-десантных войск, морской пехоты, плавсостав Военно-морских сил, расчеты ракетных войск стратегического назначения, части пограничных войск, входивших в состав КГБ, комплектовались преимущественно призывниками из славян и представителей прибалтийских народностей. Те же новобранцы, что принадлежали к среднеазиатским, закавказским и кавказским этносам и народам, направлялись для прохождения службы во вспомогательные и обеспечивающие части (строительные, трубопроводные, железнодорожные войска). Хотя национальных войск в Советской Армии не существовало, фактически их деление по национальному признаку было довольно явным во все времена существования СССР. Причины такой кадровой политики очевидны, и вряд ли их надо специально объяснять. Вспомогательные войска традиционно являлись неблагополучными с точки зрения криминогенности. В послевоенные годы в военно-строительных частях совершалась примерно треть всех преступлений, фиксируемых в Вооруженных силах, и доля эта оставалась довольно стабильной на протяжении десятилетий (с отдельными всплесками. Так, например, в 1971 г. военными трибуналами всех уровней было осуждено более 5300 военных

строителей, что почти в два в половиной раза превышало число таковых, зафиксированное в 1965 г.). В этом месте необходимо подчеркнуть, что высшее политическое и государственное руководство страны было прекрасно осведомлено о крайнем неблагополучии с дисциплиной во вспомогательных и обеспечивающих частях.

Так, например, в последней декаде августа 1954 г. два батальона строительных войск, расквартированные в г. Барнауле Алтайского края, оказались в эпицентре острого гражданского противостояния. Спровоцировано оно было бесчинствами военных строителей, терроризировавших горожан на протяжении многих месяцев. Вечером 22 августа около 40 солдат избили посетителей вечернего сеанса одного из кинотеатров, и этот инцидент вызвал массовые побоища в районе дислокации стройбатов, которые продолжались следующие двое суток. Их жертвами стали 5 убитых военных строителей, еще 17 военнослужащих получили тяжкие телесные повреждения, с тяжелыми ранениями в больницы были также доставлены 2 жителя Барнаула. Поскольку беспорядки оказалось невозможно предотвратить силами милиции, на самом высоком уровне был поставлен вопрос о немедленном выводе из Барнаула военно-строительных частей, вызвавших ненависть горожан. Материалы о барнаульских беспорядках попали в «Особую папку» Президиума ЦК КПСС, с которой знакомилось высшее государственное руководство. Решение о выводе военных строителей было принято без проволочек, и уже 25 августа оба батальона покинули Барнаул.

История, во всем аналогичная описанной выше, произошла через год в г. Бийске Алтайского края. В декабре 1955 г. на самом высоком уровне пришлось решать вопрос об экстренном выводе из города размещенного там стройбата. Ситуация повторилась в июле 1958 г. в ближнем Подмосковье, в г. Перово, где военнослужащие расквартированного там стройбата устроили настоящую осаду рабочего общежития и рассеяли силы местной милиции, пытавшейся остановить беспорядки.

За 8 лет — с 1953 по 1960 гг. включительно — информация о массовых нарушениях общественного порядка и воинской дисциплины военнослужащими Советской Армии 44 раза становилась предметом рассмотрения высшего государственного руководства. В 25 случаях (т. е. более чем в половине!) в эпицентре

конфликтов оказывались военно-строительные части. Таким образом, можно сказать, что неблагополучие с дисциплиной вспомогательных войск вообще и военно-строительных в частности носило системный характер. Государственное руководство, хотя и знало об этом, не желало менять сложившуюся порочную систему, ограничиваясь сугубо косметическими мерами (вроде передислокации либо реформирования наиболее неблагополучных воинских частей).

3) Скудность материального обеспечения и питания военнослужащих, являвшаяся следствием общей бедности советского общества, создавала массу поводов для недовольства и разного рода конфликтных ситуаций. Невозможно представить, чтобы в западногерманском бундесвере один солдат отнимал у другого порцию масла или сахара, а для Советской Армии подобное было нормой. Имущество призывников подвергалось разграблению в первые же дни по прибытии в учебную часть: отнималось все сколько-нибудь ценное — часы, деньги, приличная обувь и т. п. Делалось это совершенно открыто и даже с пояснениями, типа: «Дедушке надо идти на “дембель” как приличному человеку, а в чем он пойдет?» Родители всего Советского Союза знали: призывнику в армию хорошую вещь давать нельзя, отнимут моментально. Такое ограбление преподносилось даже как своеобразный «ритуал», дескать, сейчас «дембель» заберет твои вещи, а через два года ты сам заберешь вещи другого новобранца. Понятно, что причиной подобного «трепетного» отношения к вещам был недостаток материальных ценностей, характерный для быта подавляющего числа граждан СССР.

4) Сильное разлагающее воздействие на воинскую молодежь оказывало становившееся все более очевидным расхождение между «коммунистическими идеалами» и их практическим воплощением. Членство в КПСС являлось своего рода «социальным лифтом», способным резко продвинуть человека по карьерной лестнице. Строго говоря, карьера в СССР без членства в коммунистической партии была вообще невозможна, причем система ограничений включалась сразу по окончании школы. Молодой человек, не являвшийся членом ВЛКСМ, не мог подать документы в высшее учебное заведение, а отсутствие высшего образования становилось непреодолимой преградой для всякой «вертикальной ротации» внутри советского социума.

Это не было бы большой бедой, если бы КПСС и ВЛКСМ объединяли в своих рядах действительно лучших и достойных, однако, увы, этого не происходило. Необходимость для карьерного роста членства в партии приводила к тому, что все психопаты и социопаты стремились стать коммунистами. Болтуны, демагоги, горлопаны, разного рода тунеядцы, неспособные к труду и творчеству, рвались в ряды КПСС, потому что пресловутая «партийно-политическая и общественная работа» позволяла ничего конкретно не делать и ни за что не отвечать. Особенно ярко разделение на «специалистов» и «политруков» проявлялось в армии. Если служба кадрового офицера имела четкие критерии эффективности, требовала специальных знаний, педагогических навыков, полной самоотдачи и высоких человеческих качеств, то работа политотдельцев сводилась к чисто бюрократическому «политическому руководству». Коммунистическая партия постепенно превращалась в пристанище социопатов, т. е. лиц, склонных использовать недостатки социального устройства в узкоэгоистических целях и готовых идти ради этого на преступления. В 1971 г. — довольно благополучном с точки зрения криминальной статистики — более 20% от общего числа военнослужащих, осужденных военными трибуналами всех уровней, оказались лицами, связанными с воспитательной работой в войсках. Причем речь идет только о доказанных преступлениях, разоблачение которых завершилось вынесением приговора.

5) Значительный процент советских новобранцев имел за плечами опыт противоправных действий и преступлений до призыва на действительную военную службу. На протяжении нескольких десятилетий советское общество в материальном отношении оставалось чрезвычайно бедным: в нем в условиях относительного достатка существовала лишь весьма узкая прослойка партийно-административной номенклатуры, и полностью отсутствовал так называемый средний класс. Даже высокооплачиваемые рабочие, которых на самом деле было сравнительно немного, жили в весьма стесненных условиях. Высокая скученность населения и явная недостаточность городской инфраструктуры превращали огромные городские районы в территории, на которых царствовали многочисленные группы несовершеннолетних хулиганов (т. н. «шпана», или «шпанка»). Действия органов внутренних дел в отношении таких групп

были скованы юридическими нормами, гарантировавшими несовершеннолетним довольно высокую правовую защищенность. В большинстве случаев милиция старалась вообще не регистрировать преступления, совершенные «по хулиганке», поскольку судебные перспективы таких дел были весьма и весьма призрачны. Тем не менее даже в таких условиях несовершеннолетние преступники давали более 30% общесоюзной криминальной статистики. Причем речь идет о сравнительно благополучных 1960–1970-х гг.

Основными поставщиками кадров для банд уличной шпаны традиционно являлись советские ПТУ, которые с самого момента своего создания в конце 1950-х гг. превращались в коллекторы социально неблагополучной молодежи. Но и вклад средних школ тоже был весомым.

Кстати, нынешняя ситуация с молодежной преступностью в крупных городах претерпела значительные изменения в лучшую сторону по сравнению с советской порой (к тому привел ряд факторов, немаловажным из которых явился распад советской системы профтехобразования и исчезновение тех самых ПТУ–СПТУ в самом начале экономических реформ. Вообще тема советского феномена молодежной «хулиганки» многоаспектна, и ее изучение способно привести к выводам, довольно неожиданным для защитников «славного социалистического прошлого».)

Понятно, что молодые люди, получившие уже некоторый опыт противоправных действий, приходили в армию, имея вполне определенные жизненные установки. Они были склонны к разнообразным нарушениям дисциплины, алкоголизму, неуставным отношениям, хищениям, агрессии и т. п. Такого рода антиобщественные наклонности в случае легкого доступа к боевому оружию могли приводить к потенциально очень опасным конфликтам. Опыт хулиганских действий до призыва в армию приводил к тому, что военнослужащие с криминализованным сознанием создавали устойчивые группы, навязывавшие порой свою волю целым воинским коллективам. Другими словами, банды уличной шпаны воспроизводили сами себя в армейских условиях. Следствием этого явился такой чисто советский феномен, как массовые драки военнослужащих, в которые вовлекались порой сотни солдат. Чтобы дать представление

о распространенности этого явления, отметим, к примеру, что в мирном и относительно благополучном 1971 г. по данным военной прокуратуры имели место 52 массовые драки между военнослужащими и 42 — между военнослужащими и мирным населением. Причем речь идет об официально зарегистрированных инцидентах, скрыть которые было невозможно ввиду тяжести последствий (ранений и гибели людей, значительности причиненного материального ущерба и т. п.). Особо подчеркнем, что речь идет не о групповых стычках, а именно о массовых драках, в которые вовлекались десятки и сотни людей и продолжительность которых растягивалась порой на многие часы, парализуя зачастую жизнь целых поселков или городских районов.

Для того, чтобы читатель составил правильное представление о том, что являла собой массовая драка с участием военнослужащих, можно вкратце рассказать о такого рода инциденте, имевшем место 1 мая 1953 г. на железнодорожной станции Волховстрой Кировской железной дороги (это примерно в 130 км от Ленинграда). В драке участвовали 184 солдата и сержанта войск ПВО, которые сначала грабили мирных жителей, затем разогнали военные патрули, вызванные для наведения порядка (всего были избиты 26 патрульных, присланных местной комендатурой). После этого вконец обнаглевшие солдаты и сержанты напали на работников милиции, прибывших на помощь военным патрулям. В результате милиция открыла огонь из пистолетов, убив двоих и ранив четверых наиболее разнузданных хулиганов в погонах. Тем не менее конфликт на этом не закончился. Военнослужащие вновь стали собираться в группы, и для их разгона пришлось вызвать пожарные команды из города. Солдаты напали на пожарных и перерезали часть шлангов. Чтобы остановить уничтожение имущества, милиция вновь стала стрелять в дебоширов. В результате был ранен еще один солдат. Только после вмешательства в происходящее секретаря местного горкома КПСС конфликт был остановлен. Вину за случившееся свалили, как это часто бывало в Советском Союзе, на человека в действительности невинного — начальника отдела милиции майора Селифонтова Андрея Ивановича, который хотя и рисковал жизнью, лично вступив в драку с обалдевшими от беспробудной пьянки защитниками Отчества, но оказался виноват в том, что не отправил состав с военнослужащими

на самые дальние пути, а разрешил оставить его неподалеку от вокзала (как будто бы перестановка железнодорожного состава с одного места на другое принципиально на что-либо влияла). Причина возникновения беспорядков оказалась на редкость прозаичная — военные решили отметить праздник Первомая и начали это делать еще накануне! Это так по-советски! (Кстати, в Советском Союзе существовал негласный запрет на железнодорожные перевозки военнослужащих в праздничные дни, и причина этого запрета была весьма тривиальна — дабы не давать лишнего повода напиться в дороге).

б) Несомненно, огромное влияние на становление и повсеместное распространение неуставных отношений и преступности в воинской среде оказывала политика высшего государственного руководства, направленная на всемерное сокрытие фактов преступности и замалчивание подлинных причин неблагополучия в армии. В этом исследовании уже отмечалась принципиальная установка лидеров коммунистической партии не вникать в причины криминализации советского общества и ограничивать проблематику любых исследований в этой области. Власть боялась неприятной правды, и это замечание с полным основанием может быть отнесено не только к исследованиям общеуголовной преступности, но и специфически военной. Для создания благодистой картинке власть и ее лакеи пускались на весьма занимательные арифметические трюки. Так, например, в 1972 г. советский правовед В. Ф. Маслов защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы борьбы с воинскими преступлениями в Вооруженных Силах СССР», в которой проанализировал статистику по разным видам преступности в разных родах и видах Вооруженных сил за период 1949–1969 гг. Результаты оказались самые благодистные (ну а кто бы сомневался, ведь иначе докторской степени не видать!): в Сухопутных войсках был отмечен спад числа преступлений в 4 раза, а в Военно-Морском флоте более чем в 5! Вообще в 2,5 раза сократилось число зафиксированных воинских преступлений во всех Вооруженных силах за 20 лет, что даже превышало темпы падения преступности в гражданском обществе. Выдающийся докторант договорился до того, что для молодого мужчины в возрасте 18–20 лет риск погибнуть в армии оказывался примерно в 5–10 раз ниже, чем на «гражданке». С точки

Маслов Василий Филиппович (1922–1987) — доктор юридических наук, правовед, член-корреспондент АН УССР (с 1985 г.). С 1940 г. служил в пограничных войсках НКВД СССР, участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями. Член КПСС с 1947 г., в 1948 г. окончил Харьковский юридический институт, где остался на преподавательской работе. С 1962 г. — ректор этого института. Автор более 100 научных работ, 5 учебников, член рабочих комиссий по разработке Конституции УССР, Гражданского и Жилищного кодексов УССР, награжден многочисленными орденами и медалями.

зрения виктимологии подобное утверждение являлось, конечно же, полной глупостью и откровенным враньем, поскольку во время прохождения службы солдат сталкивается с рисками, совершенно невозможными в повседневной мирной жизни абсолютного большинства его сверстников, как-то: стрельба и обслуживание боевого оружия и боеприпасов, особо опасные условия выполнения поставленных задач (парашютные прыжки, вождение техники в ночное время и т. п.). Другими словами, во время воинской службы возникает множество очень специфических рисков, существующих объективно и имеющих длительный характер воздействия на военнослужащего. Любому здравомыслящему человеку понятно, что возникновение таких рисков при сохранении всех прочих равных условий никак не может привести к снижению интегральной (т. е. суммирующей) угрозы для жизни, да тем более в 5–10 раз. Но соискатель ученой степени доктора юридических наук советской формации, понятно, не относился к категории таких вот здравомыслящих людей.

Тем не менее В. Ф. Маслов получил свою удивительную цифирь. Как это у него вышло? Путем вполне очевидного шулерства, а если говорить точнее, посредством довольно циничного и явного манипулирования статистическими данными. Дело

в том, что в период 1949–1969 гг. Советская Армия претерпела ряд значительных метаморфоз. Прежде всего, в 1955–1958 гг. ее численность была сокращена на 2,15 млн человек, а в 1961 г. — еще на 1,2 млн человек. Понятно, что сокращение численности военнослужащих автоматически приводит к уменьшению числа совершаемых ими преступлений — тут зависимость прямая и очевидная. А кроме этого, на рубеже 1960-х гг. произошло значительное смягчение уголовного законодательства вообще и военного в частности. Например, радикально изменилось толкование такого дисциплинарного проступка, как «самовольная отлучка» (до 1961 г. «самоволкой» считалось оставление воинской части без разрешения командования на 2 и более часов, но не более суток, а после 1961 г. — сутки и более).

Примечательно, что даже такая лживая писанина, как диссертация В. Ф. Маслова, которую вообще вряд ли можно называть научным трудом, имела гриф «Секретно» и не могла быть опубликована в открытой печати даже фрагментарно. Более того, на нее нельзя было даже ссылаться и упоминать в открытой печати о ее существовании.

Советская власть шла по пути замалчивания любого негатива о себе самой, и Вооруженные силы (и все, что с ними связано) являлись одной из самых чувствительных «зон умолчания». Нельзя сказать, что такая «идеологическая анестезия» не приносила плодов — люди, далекие от воинских реалий, действительно верили в то, что «Народ и армия — едины», что в армии царит порядок и справедливость. Обыватель искренне верил, что наркомания и беспредел имеют место в натовских армиях и то лишь потому, что там сплошь наемники служат, у нас-то армия народная, у нас такого не было и быть не может.

Сошлюсь в данном вопросе на свой собственный жизненный опыт, его в каком-то смысле можно считать показательным. 19 мая 1978 г. курсант 2-го курса Высшего политического училища МВД СССР, размещенного в Ленинграде, А. Федоренко расстрелял в караульном помещении две смены караула — бодрствующую и отдыхающую. Цель он перед собой ставил довольно прагматичную: завладев оружием, он намеревался проникнуть в помещение своей роты и убить там ряд особенно досаждавших ему курсантов. К курсантам же из состава караульного наряда он не испытывал особой ненависти, вся их вина фактически

Орлов Иван Андреевич — начальник Ленинградского высшего политического училища МВД СССР (ныне — Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России) в период с апреля 1969 г. по май 1978 г. Возглавил училище в звании полковника, но уже в 1971 г. Орлову присвоено звание генерал-майора. Прилагал большие усилия по налаживанию в стенах училища научно-исследовательской работы, единственный из руководителей этого учебного заведения советской поры защитил кандидатскую диссертацию по теме, связанной с особенностями морально-психологической подготовки молодых офицеров. Во время руководства училищем награжден орденом Трудового Красного Знамени, удостоен знака «Заслуженный работник МВД СССР». После расстрела 19 мая 1978 г. курсантом Федоренко караула на генерала Орлова была свалена вина за случившееся, приехавший в Ленинград с инспекцией замминистра внутренних дел генерал-лейтенант Юрий Михайлович Чурбанов обвинил начальника училища в «развале политико-воспитательной работы». Орлова фактически превратили в «стрелочника», и уже 20 мая 1978 г. он был с позором снят с должности и уволен из органов МВД.

заклучалась лишь в том, что они стояли на пути к оружию. Планам Федоренко не суждено было реализоваться по случайному стечению обстоятельств: преступник принялся добивать сослуживцев, находившихся в помещении, и сам попал под пулю раненого сослуживца, притворившегося до поры мертвым. Федоренко получил тяжелую рану шеи, хотя и остался в итоге жив. Его жертвами оказались 6 скончавшихся от ран сокурсников. Для расследования случившегося в Ленинград примчался заместитель Министра внутренних дел Юрий Чурбанов, зять генсека Л. И. Брежнева. Моментально был снят с должности начальник училища генерал-майор Иван Орлов, лишилась должностей целая группа нижестоящих командиров. Сам же преступник был расстрелян через 9 месяцев — в феврале 1979 г.

История эта не получила в Ленинграде никакой огласки, и когда обо всем случившемся в училище рассказывал мне одноклассник, сын одного из офицеров училища, я ему откровенно не поверил. Да и никто вообще не верил. Рассказ воспринимался как юношеская фантазия человека, наслушавшегося «Голоса Америки». Чтобы у нас, в Советском Союзе (!) курсант политического училища (!) устроил бойню... да ну, не может быть такого. Лишь по прошествии многих лет мне довелось встретиться с людьми, отчасти прояснившими эту историю и дополнившими ее деталями.

В связи с расстрелом в Высшем политическом училище МВД заслуживает упоминания следующая интересная деталь. В том же самом году этому учебному заведению присвоили почетное звание — имени 60-летия ВЛКСМ. Подобное решение трудно назвать случайным: этим жестом высшее руководство МВД посылало обществу неявный сигнал, дававший понять, что училище в порядке, никаких эксцессов там не было и нет, все разговоры о расстреле курсантов — не более чем провокация «вражеских радиоголосов». Но по злой иронии судьбы менее чем через два года кровавая история повторилась — во время полевых сборов весной 1980 г. курсант-третьекурсник расстрелял своего обидчика и убежал с двумя автоматами прочь из лагеря. И ловили его без остановки десять часов более двух тысяч солдат Ленинградского военного округа...

Вернемся, впрочем, к сокрытию данных о воинской преступности. Надо понимать, что процесс обмана носил абсолютный характер, т. е. объектами воздействия лжи оказывалось не только общество, но и сама властная вертикаль. Советская власть словно бы находилась под анестезией, которую сама же и генерировала.

В 1970 г. органами военной прокуратуры было возбуждено 588 уголовных дел по фактам глумления старослужащих над новобранцами (тогда такие издевательства скромно квалифицировались как «казарменное хулиганство»). Прокуратура выдвинула обвинения в отношении 1 120 солдат и сержантов. Надо понимать, что уголовные дела возбуждались не из-за того, что кто-то отнял у новобранца пачку папирос, а по причинам гораздо более серьезным: доведение до самоубийства, попытка самоубийства, оставление воинской части с оружием, самосуд, убийство и т. п. В общем, состав преступлений был таков,

что на тормозах спустить дознание никак не получалось. Негативные процессы в армейской среде нарастали, и к середине 1980-х гг. высшее политическое и военное руководство страны пришло к пониманию того, что проблему надо как-то решать. Ее и решили, разумеется, в меру ума, адекватности и понимания ситуации руководящими кадрами. 11 января 1984 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ, переводивший «дедовщину» из разряда «общеуголовных преступлений» в категорию «воинских». И — о чудо! — преступность в рядах Вооруженных сил моментально упала. «Дедовщина», то бишь «казарменное хулиганство», сократилась аж на 79%! Ну не иначе как гопники в солдатских шинелях устыдились почтенных «отцов Отечества» из Верховного Совета и решили не унижать новобранцев «танковыми атаками под кроватями», «похоронами окурков» и «велосипедами». Нет — все гораздо проще и печальнее.

Значительная часть преступлений, проходивших до января 1984 г. по категории «казарменное хулиганство», была пере-квалифицирована в различные воинские преступления, но для того, чтобы в общегодовой отчетности не произошло резкого всплеска, органы военной юстиции фактически перестали учитывать в качестве правонарушений «самоволки»; т. е. какое-то их число, конечно, фиксировалось, поскольку рапортовать об исчезновении этого явления было чересчур завирально даже по советским меркам, но число таких случаев странным образом резко уменьшилось. Да, по каждому из таких случаев все еще возбуждались уголовные дела, но с каждым годом их общее число неуклонно падало. Для того чтобы читатель понял, насколько откровенно советская военная прокуратура стала игнорировать это явление, приведем только две цифры: в 1958 г. по обвинению в «самовольном оставлении воинской части» было возбуждено чуть менее 5 тыс. уголовных дел, а в 1991 г. — всего 100! Кто-то может поверить, будто в 1991 г. — последнем, кстати, году существования Советского Союза — число «самоволок» уменьшилось по сравнению с концом 1950-х гг. в 50 раз? Причем необходимо надо помнить, что в 1958 г. «самоволкой» считалось самовольное оставление расположения воинской части всего на 2 часа, а в 1991 г. — на сутки и более. Так что почувствуйте разницу...

Таким образом, нежелательную статистику о насилии в воинских коллективах органы военной юстиции и политконтроля

просто-напросто спрятали в категории «воинских преступлений», которые с 1984 г. стали считать немного иначе, чем прежде. Насилия меньше не стало, зато отчетность на бумаге не пострадала — кто-то продолжал привинчивать новые звезды на погоны, кто-то читал с высоких трибун вдохновляющие доклады про успехи «политико-воспитательной работы», а страна и ее армия медленно и неуклонно съезжали в ад...

Вопрос о том, почему высшее политическое руководство Советского Союза, получая объективную информацию о неблагополучии в самых разных сферах общественной жизни, в том числе и воинской среде, не принимало мер по преодолению возникающих проблем, слишком всеобъемлющ и явно лежит вне формата данного исследования. Автор может лишь высказать собственную точку зрения, которая сводится к тому, что М. С. Горбачев не являлся «агентом Запада» и не думал разрушать Советский Союз. Автор вообще считает, что явления и события, управляющие бытием стран и народов, много сложнее, чем кажутся на первый взгляд. Простых ответов История не имеет в принципе. В любом случае, причина бесславного и прямо позорного крушения СССР лежит вовсе не в конкретных действиях США или Рональда Рейгана, политического лидера, кстати, довольно brutального, неумного и неудачливого. Причина краха Советского Союза — в самом Советском Союзе, в пренебрежении интересами простого человека, в насаждении совершенно средневековой по своей сути иерархии административных органов, в дебильном по форме и содержанию социальном строительстве и совершенно бессмысленной политике в области международных отношений.

Необходимо сказать несколько слов об основных личностных чертах, присущих преступникам-военнослужащим, в том числе и тем, кто решался на совершение массовых убийств:

— все они — лица мужского пола, что представляется логичным в реалиях того времени;

— молодой возраст военнослужащих срочной службы. Даже солдаты-«срочники», окончившие вузы и пользовавшиеся правом отсрочки от призыва на время обучения, имели возраст 22–23 года. Молодость влияла на несформированность личности, инфантильность поведения, ценностных представлений, отсутствие четкого понимания границ допустимого;

— среди военнослужащих, совершавших насильственные преступления, отмечался большой процент выходцев из неполных семей или семей, которые могут быть отнесены к категории неблагополучных (пьянствующие родители, родители-уголовники, родственники с суицидальными наклонностями или психическими отклонениями и т. п.);

— подавляющая часть военнослужащих срочной службы, совершавших насильственные преступления, имели низкий культурный и образовательный уровень. Большинство из них являлись выпускниками ПТУ или СГПТУ (а до 1959 г. их аналога — школ ФЗО), причем зачастую даже в этих училищах, не предъявлявших высоких требований к уровню знаний, будущие преступники находились в ряду отстающих;

— в силу того, что призыву на действительную военную службу подлежали лица, достигшие 18-летнего возраста, подавляющая часть солдат не успевали обзавестись собственной семьей, и это определенным образом снижало самоконтроль и сознание ответственности за свои поступки;

— также важным моментом, влиявшим на общую инфантильность и безответственность поведения будущих преступников в погонах, можно считать то, что их абсолютное большинство не имело никаких жизненных планов, не задумывалось о будущем и не имело намерения заниматься после возвращения из армии каким-либо любимым делом или ремеслом. Другими словами, в жизни этих людей не было ничего, чем бы они по-настоящему дорожили. Не видя ничего ценного в своей жизни, они тем более не находили ценности в жизни других людей.

6.1. Массовый расстрел в Курске в 1968 г. (бойня на Вокзальной площади 27 сентября 1968 г.)

Отдел конвойной охраны, расквартированный на окраине города Курска между улицей Глинище (ныне Пирогова) и переулком Пирогова, в конце 1960-х гг. обеспечивал охрану расположенного там же следственного изолятора. В конце сентября 1968 г. эта часть стала объектом не только сплетен и пересудов местного населения, но и иностранных журналистов. Причиной

тому послужили события драматичные и не до конца понятные обывателю, напуганному и запутанному рассказами очевидцев, домыслами и предположениями. Речь идет о расстреле мирных граждан, который устроили военнослужащие упомянутой воинской части Суровцев и Коршунов ранним утром 27 сентября.

Трудно сказать, с чего именно эта кровавая драма началась. Советское правосудие по результатам официального расследования пришло к заключению, из которого следовало, что весь сыр-бор оказался спровоцирован письмом от любимой девушки, полученным рядовым Виктором Коршуновым 20 сентября. В нем сообщалось, что девушка выходит замуж и больше писем солдату писать не будет. Нельзя сразу же не заметить, что отсыл к «письмам любимых девушек» — это любимая байка советских демагогов в тех случаях, когда требуется объяснить противоправные действия военнослужащих. Почему солдат покончил жизнь самоубийством? Да потому, что ему девушка письмо плохое написала! Почему солдат напился и подрался? Да потому, что девушка ему написала, будто хочет расстаться! Почему солдат угнал автомашину и поехал на ней в магазин за водкой? Да потому, что расстроен был письмом девушки! Такого рода объяснения были чрезвычайно популярны и у командиров, и у военных юристов, и у самих солдат, хотя, говоря по совести, эти объяснения из разряда тех, что ничего не объясняют.

Дело, разумеется, не в девушках, которые зачастую даже не были близко знакомы с правонарушителями. Причина почти всегда кроется в более глубокой и неявной мотивации. И в данном случае тоже.

Поэтому начать надо, видимо, с того, что оба военнослужащих — рядовой Виктор Коршунов и ефрейтор Юрий Суровцев — относились к категории тех, кого мы сейчас с полным правом записали бы в разряд лиц с неустойчивой психикой. Для первого еще со времен ранней юности было характерно мрачно-угнетенное раздраженное состояние (дисфория). Это был циничный мизантроп, который часто высказывался в том духе, что ничего хорошего от жизни ждать не приходится и лучше бы вообще не жить, чем вести жизнь быдла. Виктору шел двадцать второй год, до призыва он отучился один курс в институте и производил впечатление солдата более развитого интеллектуально, нежели большинство сослуживцев. Коршунов выделялся из солдатской

массы и своей необычной любовью к оружию — он ревностно изучал приемы штыкового боя, отлично стрелял из всех видов оружия, после практических стрельб обращался с просьбой разрешить ему расстрелять оставшиеся патроны, если таковые имелись. Летом 1968 г. он был признан лучшим стрелком воинской части и свое звание «отличник боевой и политической подготовки» носил вполне заслуженно. В августе, за полтора месяца до преступления, Коршунов оказался в эпицентре скандала, явно связанного с его нестабильной психикой. Во время выезда на стрельбище он нервно отреагировал на замечание офицера, направил заряженный автомат на него и солдат своего взвода и пригрозил, что всех сейчас расстреляет, а потом застрелится сам. Инцидент удалось погасить без особого шума — Коршунова уговорили положить автомат, успокоили и даже не стали наказывать. Однако история получила продолжение: командование направило солдата в гарнизонный госпиталь «подлечить нервишки». Виктор с неделю пробыл в госпитале, попил чаю с бромом, посмотрел телевизор, отоспался, да и вернулся обратно в часть. В точно таком же мрачном расположении духа, что и прежде.

У Юрия Суровцева имелась своя история нервных расстройств. Для него была характерна быстрая смена настроения, повышенная возбудимость и внушаемость. Сослуживцы часто видели его плачущим, что выглядело довольно странно для военнослужащего.

Следует отметить, что Коршунов и Суровцев отнюдь не являлись жертвами неуставных отношений. Оба считались старослужащими: первый был призван на действительную военную службу в октябре 1966 г., а второй — в марте 1967 г. Юрий Суровцев имел звание ефрейтора, служил писарем при штабе части, а это служба, о которой солдат может только мечтать. К нему часто приезжали родственники, жившие на Украине (сам он призывался из г. Краматорска Донецкой области), а это немаловажно для солдата. На свою должность писаря, «блатную» по меркам Советской Армии, он попал за взятку, так что не будет ошибкой сказать, что служилось ему неплохо, во всяком случае, много лучше, чем подавляющей массе прочих солдат.

Однако, помимо проблем с нервами, обоих военнослужащих объединяло и кое-что еще, гораздо более скрытое. Оба проис-

Виктор Коршунов (фотография слева) и Юрий Суровцев (справа) — военнослужащие внутренних войск МВД СССР, совершившие массовое убийство на Вокзальной площади г. Курска утром 27 сентября 1968 г. Оба происходили из неблагополучных семей (отцы судимы), Коршунов после школы поступил в институт, но был отчислен. Обоих военнослужащих можно отнести к лицам с нестабильной психикой: и Коршунов, и Суровцев обращали на себя внимание сослуживцев неадекватностью реакций и частой сменой настроений. Суровцев по причине склонности к депрессиям даже находился на лечении в областной психиатрической больнице. Необходимо особо подчеркнуть то обстоятельство, что военнослужащие не подвергались нападкам сослуживцев и не сталкивались с негативным отношением к себе в воинском коллективе — напротив, Коршунов, будучи старослужащим, считался лучшим по стрелковой подготовке в части и ставился в пример молодым солдатам. Именно Виктор Коршунов в ночь с 25 на 26 сентября раздобыл оружие, с которым дезертиры сбежали. Будучи дежурным по роте и располагая ключами от ружейной комнаты, Коршунов после полуночи отпустил дневального спать, открыл ружейную, похитил два автомата АК, два пистолета ПМ и более 400 патронов, после чего заблаговременно подготовленной ножовкой отпилил приклады у автоматов, спрятал оружие в чемодан и никем не замеченный покинул расположение части. Дневальный, допустивший грубейшее нарушение устава и покинувший пост, впоследствии был судим окружным трибуналом и приговорен к году службы в дисциплинарном батальоне. Первоначально дезертиры планировали устроить бойню в здании городского комитета КПСС, однако впоследствии отказались от этого намерения и захватили квартиру в доме № 1 на Вокзальной площади, из окон которой ранним утром 27 сентября 1968 г. открыли огонь по прохожим.

ходили из семей, пострадавших от советской власти. Отцы обоих находились в местах лишения свободы, отчего юноши росли в условиях крайнего материального стеснения. Причем если Степан Суровцев, отец Юрия, являлся тривиальным уголовником и попал в места лишения свободы за участие в грабеже, то с отцом Коршунова все обстояло гораздо сложнее: в годы Великой Отечественной войны он попал в плен, завербовался

в полицию, участвовал в массовых казнях партизан и мирного населения. После окончания войны скрылся, легализовался в Молдавии по подложным документам, был в конце концов разоблачен и осужден на 25 лет лагерей. При обыске дома Коршуновых сотрудники Министерства госбезопасности откопали полицейскую форму — отец ждал Третьей мировой войны и готовился к приходу американцев.

Можно не сомневаться, что у обоих военнослужащих имелся длинный список претензий к советской власти. Коршунов не раз высказывался в том смысле, что места ему в жизни нет: из института его отчислили, и после трехлетней службы в армии он уже вряд ли сможет поступить в высшее учебное заведение, работать же простым рабочим он не хочет, да и не сможет. Суровцев разделял эти взгляды, соглашался с тем, что жизнь простого советского человека, живущего от зарплаты до зарплаты, полна материальных лишений — люди десятилетиями ютятся в общежитиях и бараках, не имеют денег, чтобы пошить хороший костюм или купить модную импортную обувь. Молодые люди сходились во мнении, что ничего хорошего от жизни ждать не приходится — впереди их ждут унылые советские будни, полные беспросветной работы и убогого существования. Оба военнослужащих любили слушать танцевальную музыку, транслируемую по радио, — это было одно из невинных удовольствий, которое они могли себе позволить в условиях казарменного быта.

Коршунов и Суровцев очень сблизились, причем первый, как более развитый и образованный, являлся лидером этого дружественного тандема. Уже к началу сентября 1968 г. их ожесточение достигло такой степени, что товарищи решили свести счеты с жизнью. Но совершить самоубийство им казалось неправильным и греховным с точки зрения христианских правил, поэтому военнослужащие надумали устроить вооруженное выступление и погибнуть с оружием в руках. В качестве цели возможного нападения рассматривались три объекта: городской комитет КПСС, прокуратура и городское управление милиции. Впрочем, насчет последнего объекта существуют определенные разночтения, о чем будет сказано ниже. Общий план сводился к тому, чтобы, дождавшись заступления в караул, похитить оружие в ночное время и покинуть с ним расположение части. Далее, под покровом ночи проникнуть внутрь выбранного объекта, обезоружить либо

уничтожить охрану, расстрелять представителей власти, если таковые окажутся внутри, поджечь здание и дать бой силам охраны правопорядка после их прибытия. Военнослужащие исходили из того, что подобное происшествие, случившееся в крупном городе, областном центре, власть не сможет скрыть от народа, и население поймет, что в Советском Союзе есть люди, способные сражаться против коммунистического засилья с оружием в руках. Коршунов и Суровцев не планировали отход и рассчитывали погибнуть от милицейских пуль при задержании.

Фактически военнослужащие задумали террористический акт как выражение своего политического протеста, хотя при этом они не предполагали выдвигать какие-либо требования, да и вообще не рассчитывали на ведение переговоров.

Итак, как было сказано выше, катализатором кровавых событий послужило письмо, полученное Виктором Коршуновым 20 сентября. В нем девушка, за которой Коршунов ухаживал до призыва на действительную военную службу, сообщала, что выходит замуж и более переписку поддерживать не будет. В тот же или на следующий день Коршунов встретился с Суровцевым и товарищи обсудили варианты реализации своего плана, выработанного в целом задолго до получения упомянутого письма. Сошлись на том, что действовать надлежит безотлагательно, как только Коршунов заступит в караул. Выбирая объект нападения, решили положиться на волю случая и бросили жребий. Из трех записок с буквами «Г» (горком), «М» (милиция) и «П» (прокуратура) Суровцев вытащил ту, в которой была написана «Г». На том и порешили. Удивительно, но если бы не этот воистину случайный выбор, ситуация могла бы развиваться совершенно иначе и жертв, скорее всего, оказалось бы гораздо меньше.

Суровцев, будучи прикрепленным к штабу, от несения караульной службы был освобожден, поэтому Коршунову предстояло похитить оружие не только для себя, но и для товарища. Суровцев, в свою очередь, должен был подготовить чемодан, с которым дезертирам предстояло передвигаться по городу. В чемодане они рассчитывали спрятать оружие, потому как солдаты с автоматами в руках выглядели слишком уж подозрительно. Поскольку автомат АК не укладывался в чемодан из-за своей чрезмерной длины, товарищи загодя решили отпилить приклады, для чего заблаговременно припасли ножовку по дереву.

Время действовать пришло 25 сентября. Первая часть преступного плана была реализована успешно — Коршунов решил дневальному покинуть пост и отправиться спать, после чего открыл имевшимися у него ключами оружейную комнату, похитил из нее два пистолета и два автомата, отпилил приклады и спрятал оружие в принесенном Суровцевым чемодане. С ним товарищи (впрочем, нет, теперь уже поделщики, поскольку хищение оружия было совершено) после полуночи скрытно покинули расположение воинской части и некоторое время двигались пешком, рассчитывая оказаться подальше в момент объявления тревоги. Они «голосовали» и удачно сумели поймать попутную автомашину, направлявшуюся в центр Курска. Шофер ничего не заподозрил, поскольку трудно было ждать какого-либо криминала от солдат, направлявшихся в самый центр города.

Дезертиры преодолели на автомашине чуть более двух километров и попросили шофера высадить их немного дальше нужного им места — площади Ленина. Проезжая около двух часов ночи площадь, они сделали крайне неприятное для себя открытие: оказалось, что рядом со зданием горкома партии стоят милицейские машины, а возле них — группа сотрудников милиции. Планируя свои действия, Коршунов и Суровцев допустили серьезную ошибку — они не разведали должным образом объекты предстоящего нападения, а потому не знали, что рядом со зданием горкома находится РОВД Ленинского района Курска. Присутствие милиционеров спутало военнотружущим все карты. Некоторое время они наблюдали за происходившим на площади и убедились, что, не привлекая внимания милиционеров, проникнуть в здание городского комитета партии никак не получится.

Это расстроило планы террористов. Они двинулись по ночному городу, стараясь на ходу выработать стратегию дальнейших действий. От намерения захватить важный административный объект преступники отказались в пользу громкого массового убийства, которое властям ни при каких условиях скрыть не удастся. Таковым мог бы стать расстрел людей на площади у вокзала. Имелся отличный шанс занять прекрасную позицию для ведения огня, поскольку в одном из домов на площади жила женщина, Тамара Сатарова, с которой

Курск. Вокзальная площадь. 1960-е гг.

преступники уже около года поддерживали деловые и даже товарищеские отношения.

Дело заключалось в том, что Тамара скупала у военнослужащих разнообразное имущество, способное пригодиться в хозяйстве. Солдаты — и не только Коршунов! — в обмен на водку или небольшие деньги тащили ей все, что могли раздобыть: гвозди, белила, масляную краску, сапоги и т. п. Это был 1968 год — время дефицита и пустых магазинных полок, а потому такого рода «бартером» промышляли многие. Тамара жила в квартире № 41 дома № 1 по Вокзальной площади, и в этой квартире Коршунова и Суровцева знали все. Это означало, что злоумышленникам не составит труда проникнуть в помещение и захватить его. Еще при подходе к дому дезертиры извлекли из чемодана автоматы и примкнули снаряженные «рожки», дабы не тратить на это времени после начала нападения. Достав из чемодана автоматы и примкнув штыки, они начали действовать.

Примерно в 06:50 26 сентября военнослужащие позвонили в дверь угловой квартиры № 41. Это был четверг, рабочий день, и тем утром жильцы квартиры уже не спали. Простая деревянная дверь не была оборудована глазком, для того времени подобная вещь являлась еще слишком экзотичной, поэтому хозяйка квартиры распахнула дверь, не подозревая ничего плохого.

Дальше начался кошмар, рационально объяснить который затруднительно даже спустя более четырех десятилетий. Суровцев бросился в комнаты, запугивая жильцов оружием, а Коршунов прогнал из кухни находившуюся там пожилую женщину. Это была мать Тамары Сатаровой, 66-летняя Евдокия Михайловна Ганюкова. Пройдя вслед за ней в большую комнату, Коршунов взял с дивана небольшую подушечку и, прикрыв ею дульный срез автомата, выстрелил. Двигаясь по квартире вслед за Суровцевым, он стрелял в людей без разбора и какого-либо предупреждения. В течение буквально одной минуты были убиты пять безвинных человек... Так военнослужащие из дезертиров превратились в убийц.

Преступники, однако, убили не всех — они пощадил Тamarу Сатарову и ее дочерей, 9-летнюю Эллу и 7-летнюю Гюльчару. Может показаться невероятным, но соседи не слышали в то утро в квартире № 41 ничего подозрительного. Либо слышали, но предпочли не вмешиваться. Преступники же начали готовиться к обороне — они перетащили тела убитых им людей в одну из двух комнат, детей же поместили в другую. Также перетащили в прихожую трюмо, частично перегородив дверной проем. Теперь входную дверь стало невозможно распахнуть полностью, войти в квартиру и выйти из нее можно было лишь протискиваясь боком. Женщину преступники все время держали на кухне и кратко объяснили ей, что спастись не надеются и намерены прихватить с собою на тот свет побольше людей, а потому, если она хочет остаться в живых, то должна беспрекословно выполнять все их распоряжения.

Поскольку с момента ужина в расположении части уже минуло полсуток, дезертиры почувствовали голод и съели продукты, которые нашли на кухне. Не удовлетворившись этим, они отправили хозяйку квартиры в ближайший магазин за водкой и едой.

Для того чтобы должным образом мотивировать женщину, Коршунов пообещал, что после этого похода он разрешит ей находиться рядом с детьми. По невероятному стечению обстоятельств, выйдя из подъезда, женщина столкнулась с участковым милиционером, поздоровалась и... прошла мимо, ничего не сказав. Это может показаться невероятным, но так случилось. Женщина посчитала, что своим молчанием может спасти детей, но не только не спасла их, а напротив, погубила еще несколько человек.

Ее вояж по окрестным магазинам продлился около полу-часа — она купила три бутылки водки, пряники к чаю, сахар, рис. В Курске тех лет проблемы с мясом и мясомолочными продуктами имели характер хронический и неисправимый, поэтому купить в обычном привокзальном магазине кусок мяса или колбасы было невозможно. Пришлось возвращаться с весьма скудными приобретениями в надежде, что это не вызовет гнева военнослужащих.

Между тем Коршунов и Суровцев, отправив женщину за покупками, времени даром не теряли. Обсудив ситуацию, они приняли решение убить оставшихся в живых детей. Причина этого поступка оказалась на редкость тривиальна — молодым мужчинам захотелось изнасиловать женщину, а присутствие детей в квартире могло помешать им как следует порезвиться. Кроме того, преступники весьма здраво рассудили, что если в живых будут оставаться три человека, то они столкнутся с проблемой контроля их перемещений, ведь пленников надо будет как-то кормить, водить в туалет и т. п., при этом они могут попытаться сбежать или подать сигнал соседям... В общем, военнослужащие решили, что три заложника — это избыточно, им достаточно будет пока что сохранить жизнь всего одному человеку.

Накрыв детей одеялами, они расстреляли их уже отработанным способом — через подушку. Чтобы замаскировать звуки выстрелов, включили погромче радиоприемник.

Около 09:00, возможно, чуть позже, женщина вернулась из своего вояжа по окрестным магазинам. Улыбающиеся преступники сообщили ей, что решили не соблюдать собственное слово — они не позволят ей повидаться с детьми. От заложницы они потребовали встать к плите и заняться приготовлением обеда, а сами стали пить водку. Через некоторое время после «разогрева» они изнасиловали пленницу. В течение дня и вечера это повторялось несколько раз.

В какой-то момент женщина поняла, что ее детей уже нет в живых, и в порыве отчаяния предприняла попытку покончить с собой, выбросившись из кухонного окна. Однако Коршунов угадал ее намерение и силой стащил с подоконника. В случае повторения такого рода «экспромта» он пригрозил женщине по одному отрезать пальцы на руках. Чтобы как-то снять стресс,

В двухкомнатной квартире № 41, в которую утром 26 сентября 1968 г. ворвались дезертиры, находились в тот момент 8 человек. В одной из комнат были убиты супруги Дудоревы, их 2-летняя дочь и племянник, приехавший в гости из города Рыльска. В коридоре была застрелена Евдокия Ганюкова, 66 лет. Дети Тамары Сатаровой были первоначально оставлены в живых в качестве заложников — убийцы отправили женщину в магазин за водкой, и дети должны были гарантировать возвращение матери. Коршунов и Суровцев не только стреляли в обитателей злосчастной квартиры из автоматов, с целью обеспечить скрытность убийства и сэкономить патроны для добивания жертв они использовали утюг. Двухлетняя Ира Дудорева была убита без единого выстрела — Коршунов размозил девочке голову утюгом. На фотографии — труп Анатолия Дудорева. Невероятно, но преступники даже не сделали попытки навести элементарный порядок на месте совершения массового убийства — на протяжении многих часов они так и ходили по лужам крови, переступая через тела растерзанных людей. Более того, в этой чудовишной обстановке они даже совершили неоднократные изнасилования оставленной в живых Тамары Сатаровой!

который переживала пленница, Коршунов налил ей стакан водки и заставил выпить.

Убийцы провели в квартире № 41 весь день и вечер 26 сентября. Соседи ни о чем не догадывались, хотя впоследствии отмечали, что целый день из квартиры доносилась музыка — кто-то громко включал радиоприемник. К ночи все стихло, жильцы дома уgomонились... Никто даже в кошмарном сне не мог вообразить, что готовит следующий день.

К 7 часам утра 27 сентября Коршунов и Суровцев уже были на ногах. Допив водку, остававшуюся со вчерашнего дня, они приступили к реализации финальной части своего замысла. В 07:03 на вокзал прибыла пригородная электричка, которую местные жители в ту пору называли «рабочим поездом» (железные дороги в Курской области были электрифицированы еще к 1959 г., но слово «электричка» долго не приживалось.

Пригородные поезда, двигавшиеся по расписанию, еще долгие годы в просторечии называли «рабочими», так как именно рабочие являлись их основными пассажирами в утренние и вечерние часы. Буквально через минуту привокзальная площадь наполнилась выходящими из здания вокзала людьми — это приехавшие в Курск рабочие из окрестных населенных пунктов спешили к остановкам общественного транспорта. Движение транспорта на площади было кольцевым, на противоположных сторонах площади находились остановки, и поэтому в то утро там ждали автобусов около тысячи человек.

И в это самое время из окон квартиры № 41 дома № 1 по Вокзальной улице Виктор Коршунов и Юрий Суровцев открыли автоматный огонь по человеческому потоку. Военнослужащие стреляли прицельно, короткими очередями. Когда первые раненые и убитые стали падать на асфальт, люди в толпе и на остановках даже не поняли, что же именно происходит. Хотя звук стрельбы был слышен из любой точки площади, распространялся он сверху и не был постоянным, поэтому большая часть людей, ставших в одно мгновение живыми мишенями, не смогли бы быстро сориентироваться. Без сомнения, жертв стрельбы могло бы оказаться очень много — многие десятки, но положение спас крик какого-то внимательного человека, моментально сориентировавшегося в смертельно опасной ситуации. Он крикнул что-то вроде: «Товарищи! По нам стреляют! Всем укрыться в здании вокзала!». Этот крик, о котором вспоминали позднее многие очевидцы событий, спас ситуацию и предотвратил панику — люди, получив четкую и ясную задачу, принялись ее исполнять и действовали при этом слаженно и организовано. Ни один человек не был затоптан в давке, напротив, незнакомые люди поддерживали раненых и поднимали с асфальта упавших. В течение 30–40 секунд площадь опустела, стрелять стало не в кого. Над площадью повисла тишина, словно бы ничего и не случилось.

Сотрудники отделения милиции на вокзале немедленно сообщили о стрельбе на площади в Кировский РОВД (ныне Кировский район Курска переименован в Железнодорожный административный округ), далее информация пошла в городское и областное управления МВД, партийным и советским руководителям. Хотя некоторые очевидцы вполне определенно

Вид на северную часть Вокзальной площади и дом, откуда велась стрельба. Фото Олега Сизова (Государственный архив Курской области)

указывали место, из которого велся обстрел (т. к. из автоматов убийц вырывалось пламя, хорошо различимое даже с большого расстояния), информация об этом не попала в первые доклады.

Поэтому первая группа милиционеров, отправившаяся на разведку ситуации, действовала совершенно наобум и не имела представления о том, с какой стороны ждать опасности. Группа из пяти милиционеров приехала на площадь перед вокзалом на автомобиле УАЗ-452 примерно в 07:10–07:12, т. е. менее чем через 10 минут с момента начала стрельбы. Группу возглавил начальник оперативного отдела Управления охраны общественного порядка Курской области Леонид Зюзько. Автомобиль сразу же попал под обстрел, еще даже до того, как из него выскочили первые милиционеры, но по счастливой случайности никто из прибывших не был ранен. На стрельбу преступников, видимо, негативно повлияла пьянка, растянувшаяся на сутки, а также то обстоятельство, что милиционеры открыли ответный огонь. Не способствовало точности и то, что приклады автоматов были отпилены; можно сказать, что в данном случае предусмотрительность преступников помешала им реализовать собственные замыслы.

Группа Зюзько сделала большое дело: не только точно определила дислокацию преступников и состав их вооружения, но и заблокировала их в квартире. Если бы Коршунов и Суворцев

надумали сменить позицию и принялись бы маневрировать среди городских построек, убивая случайных прохожих, то число жертв могло бы возрасти многократно.

Преступники, услышав шаги милиционеров на лестничной площадке, открыли огонь через дверь. По счастливой случайности никто из группы Зязько ранен не был. Сам Зязько попытался вступить в переговоры с военнослужащими и узнать, чего они хотят, но Коршунов ему крикнул через дверь, что им ничего не нужно. В ходе короткого диалога Коршунов также добавил, что в квартире находятся «пленные», которые будут расстреляны при попытке штурма. Солдат блефовал, на самом деле к тому времени в живых оставалась только одна женщина...

В это же самое время, т. е. в 07:15–07:20 на площадь выехал автозак, грузовой автомобиль, приспособленный для перевозки заключенных. Машина прибыла к вокзалу из курского СИЗО для посадки в тюремный вагон четырех заключенных, подлежащих этапированию в Москву. К тому времени, когда автозак оказался в районе вокзала, посты ГАИ не успели перекрыть подъезды в площади, и это промедление имело фатальные последствия. Суровцев, увидев машину, открыл огонь, разрядив в мишень весь автоматный рожок. Хотя кунг автозака имел усиление, призванное (теоретически) защищать от pistolетных выстрелов, противостоять пулям, выпущенным из АК, он не мог. Один из этаплируемых был убит. К счастью, пули летели довольно хаотично и не задели шофера автомашины, который быстро сориентировался в происходившем и рванул с места. Его находчивость спасла жизни находившимся в кунге людям: если бы машина не уехала с площади, то, несомненно, дезертиры расстреляли бы всех, запертых внутри, — и заключенных, и конвоиров. Уж больно удачной была цель!

Погибший в автозаке осужденный оказался последней жертвой обезумевших автоматчиков.

Около 07:20 площадь оказалась блокирована подтягивавшимися со всех направлений силами милиции. Для переговоров с засевшими в квартире № 41 дезертирами приехал руководитель областного управления охраны общественного порядка генерал-майор С. Н. Шмаргилов (в первой половине 1960-х гг. по инициативе Н. С. Хрущева союзное МВД было расформировано, а республиканские министерства переименованы в министер-

ства охраны общественного порядка. Союзное министерство было воссоздано только в июле 1966 г. Еще более двух лет оно именовалось Министерством охраны общественного порядка, и лишь в ноябре 1968 г. привычное многим поколениям советских людей словосочетание «Министерство внутренних дел» вновь вернулось в повседневную жизнь.). Родившийся в 1915 г., Сергей Николаевич заслуженно пользовался репутацией толкового и инициативного работника, профессионала своего дела. Начиная работу еще в сталинском НКВД, в 1961–1965 гг. возглавлял Управление охраны общественного порядка Новосибирской области, был отмечен многими государственными и ведомственными наградами.

То, что генерал-майор Шмаргилов лично попытался договориться с дезертирами, свидетельствует о глубоком непонимании советскими правоохранителями специфики проведения такого рода остроконфликтных переговоров. Их краеугольный принцип заключается в том, что в переговорах не должно принимать участие должностное лицо, наделенное большими властными полномочиями. Это дает профессиональному переговорщику большие возможности для разного рода маневров и затягивания времени. Опытный переговорщик, знакомый с различными речевыми стратегиями, международным опытом в данной области, хорошо изучивший криминальную психологию и конфликтологию, может быстро классифицировать тип противостоящих ему преступников, оценить серьезность их намерений и смоделировать наиболее вероятное развитие ситуации. Задача профессионального переговорщика заключается в том, чтобы тот максимально затянул общение с противной стороной, морально измотал противника и либо уговорил его сдаться, либо выгадал время для подготовки штурмовой операции. Между тем вовлечение в переговоры высокопоставленного чиновника быстро заводит переговоры в тупик — ему либо ставят неприемлемый ультиматум, который он отвергает и тем самым обрекает переговоры на срыв, либо... должностное лицо уступает давлению и принимает диктуемые условия, утрачивая тем самым авторитет и уважение. Как это выглядит на практике, вся Россия могла наблюдать на примере постыдных переговоров премьер-министра Виктора Черномырдина с Шамилем Басаевым в 1996 г.

Впрочем, попытки генерала Шмаргилова поговорить с дезертирами видимых результатов не принесли. Коршунов никаких требований не выдвигал, в полемику с главой областного управления не вступал, лишь время от времени выкрикивал через дверь бессвязные фразы: «Мы не сумасшедшие, мы — мстители!», «Мы отомстим всем!», «Умирать — так с музыкой!», «У нас не жизнь, а затянувшиеся похороны!» и т. п.

В это же самое время возле дома появились старшие офицеры внутренних войск, в том числе и командир части, из которой дезертировали преступники. По очереди они начали обращаться через громкоговоритель к засевавшему на четвертом этаже возле окна Суровцеву, пытаясь вовлечь его в общение. Тот поначалу отмалчивался, но спустя некоторое время стал отвечать. Коршунов, охранявший вход в квартиру, скорее всего, не догадывался, чем занят его товарищ, а между тем именно эти переговоры привели в итоге к неожиданной развязке трагедии.

Поскольку ситуация представлялась безвыходной и на прекращение сопротивления преступников рассчитывать не приходилось, руководство правоохранительными органами области стало готовить штурм квартиры. Никаких групп специального назначения, обученных тактике штурмовых действий, в распоряжении областных управлений охраны общественного порядка и комитета госбезопасности не существовало. Ни о каком «вертикальном охвате» (спуске с крыши и проникновении в квартиру через окна) не могло быть и речи — в те годы о подобных тактических приемах не имели понятия. В распоряжении правоохранителей не было даже снайперов, способных осуществить «отстрел» преступников с крыш расположенных напротив зданий. Единственное, до чего додумались руководители силовых ведомств — пустить слезоточивый газ в квартиру, в надежде, что это не позволит убийцам отразить атаку через входную дверь.

Газ у курских милиционеров имелся: как раз в 1967 г. органы МВД получили в свое распоряжение «Черемуху-1», несмертельное отравляющее вещество раздражающего действия. Было решено пустить газ в квартиру, просверлив капитальную стену из соседнего подъезда. План был совершенно завиральный, поскольку через небольшие отверстия в стене быстро подать большой объем газа не представлялось возможным, а стало быть, преступники успевали отреагировать. В квартире имелось

четыре окна, и если забаррикадировавшиеся убийцы успевали их разбить до начала штурма, газ можно было подавать до бесконечности. Кроме того, эффективность воздействия газа на людей, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, была ниже, чем на трезвых. В случае газовой атаки Коршунов и Суровцев, скорее всего, не потеряли бы способность вести огонь из автоматов, пусть и неприцельный. Если бы милиционеры в этих условиях пошли в атаку, они бы наравались на кинжальный огонь двух автоматов, который не смогли бы преодолеть. Штурм превратился бы в бойню, причем бессмысленную и безрезультатную.

К счастью, план с запуском газа через отверстия в стене провалился в самом начале. Хотя милиционеры сверлили дыры в кирпиче ручными дрелями (та еще работка!), в расчете сохранить скрытность приготовлений, их возню услышал Коршунов. Он немедленно прокричал через закрытую дверь генералу Шмаргилову: «Прикажите не трогать стены, я все слышу, иначе убью пленных!» Сообразив из разговора с генералом, что милиции ничего не известно об убийстве семи обитателей квартиры, Коршунов несколько раз угрожал расправиться с ними, словно бы эти люди оставались живы. На самом деле к девяти часам утра в руках обезумевших дезертиров оставалась всего лишь одна женщина, запертая в ванной.

Между тем к девяти часам утра из Москвы пришли безрадостные директивы. Министр внутренних дел Щелоков потребовал задержать дезертиров живыми, чтобы судить по всей строгости советских законов. Видимо, он рассчитывал на педагогический эффект открытого судебного процесса. Руководство же внутренними войсками, видимо, не зная о распоряжении министра, потребовало в кратчайшие сроки любыми средствами нейтрализовать преступников. Это означало, что считаться с возможными жертвами незачем — важен конечный результат. Проблема заключалась в том, что находившиеся на месте просто не знали, как выполнить противоречивые команды из Москвы. Ничего другого, как выбивать дверь и прокладывать дорогу гранатами на ум не приходило, но при таком сценарии штурма жертвы среди заложников казались неизбежны. Как отвлекающие действия рассматривались варианты с заброской дымовых шашек с крыши дома, стрельба по окнам с безопасного расстояния

из крупнокалиберного пулемета и т. п. Но в любом случае получалась настоящая войсковая операция посреди областного центра. Спешно стали готовиться к штурму две группы по двадцать человек: одна — от управления охраны общественного порядка, другая — от внутренних войск.

Трудно сказать, чем бы все это закончилось, но совершенно неожиданно для всех участников операции в 10:15 из-за двери квартиры № 41 послышалась длинная автоматная очередь. На обращение генерал-майора Шмаргилова никто не ответил. После небольшого совещания было решено выбить дверь. Оказалось, что в коридоре позади нее установлен секретер, перенесенный сюда из комнаты. Он частично перегораживал проход, не позволяя входной двери полностью распахнуться. Протискиваясь в узкий проход, милиционеры вошли в квартиру и обнаружили лежащий у входа труп молодого мужчины в полевой солдатской форме, это был Виктор Коршунов. Его гимнастерка и шаровары были черными от крови, которая лужей натекла на пол. На кухне с отрешенным лицом сидел Юрий Суровцев. Он уже крикнул в окно, что застрелил Коршунова, и бросил вниз автомат, но находившиеся в подъезде об этом еще не знали.

Суровцев выпустил все патроны, остававшиеся в «рожке», в своего друга. Впоследствии судмедэкспертиза обнаружила в трупe Коршунова двадцать три пули. Все они попали в правую сторону тела и спину, это означало, что Суровцев стрелял в тот момент, когда его товарищ и подельник стоял к нему боком и вовсе не ожидал нападения.

Кто-то из милиционеров, рассчитывая предупредить товарищей, неосторожно крикнул в окно: «Все кончено! Одного взяли!» — и крик этот услышали многие, находившиеся в соседних зданиях и вокзале. В течение 10–15 минут на площади собралась внушительная толпа из нескольких сотен человек, жаждавшая увидеть виновника произошедшей трагедии. К тому моменту, когда Юрий Суровцев закончил давать первые показания по поводу случившегося генералу Шмаргилову, милиционерам стало ясно, что преступника нельзя выводить на площадь — возможен самосуд.

Чтобы исключить всякую возможность опасных инцидентов, со склада УВД для Суровцева был доставлен новый комплект

милицейской формы. В плотном окружении милиционеров и сотрудников госбезопасности переодетого преступника вывели из подъезда во двор и увезли для продолжения следственных действий в здание областного КГБ.

Милиционеры, проникшие в квартиру, до такой степени увлеклись допросом Суровцева, что не сразу догадались осмотреть комнаты (хотя это, вообще-то, следовало сделать незамедлительно). Лишь спустя минут десять они с немалым удивлением обнаружили измученную событиями последних суток Тамару Сатарову сидевшую на цементном полу в ванной комнате в полной темноте. Она была потрясена всем случившимся, но рассказала, что Суровцев за несколько минут до того, как в квартиру проникли милиционеры, подошел к двери в ванную комнату и попросил у нее прощения за все, что они с товарищем здесь натворили. Возможно, он имел намерение покончить жизнь самоубийством, но не нашел в себе должной решимости.

Еще в ходе первого беглого допроса в квартире Суровцев рассказал о том, как появился и реализовывался план кровавой бойни. По его словам, Коршунов давно предлагал осуществить захват какого-то значимого объекта, нападение на который советская власть скрыть от населения не сможет. Как было написано выше, в качестве возможных вариантов рассматривались здания горкома и обкома КПСС, областной прокуратуры и одного из трех отделов милиции. Однако, по-видимому, опасаясь расправы милиционеров, которые окружали его в ту минуту, Юрий Суровцев несколько видоизменил свой рассказ и заменил «милицию» на «машину». По его версии, изложенной во время этого допроса, планировался захват автомашины, разъезжая на которой по всему городу дезертиры намеревались расстреливать попавшихся навстречу людей. На самом деле преступники, если бы только действительно пожелали, вполне могли захватить машину, ведь именно на автомашине они уезжали от воинской части после своего побега.

В ходе событий 26–27 сентября 1968 г. в Курске были убиты 13 человек и ранены 11 (из общего числа 24 пострадавших во время стрельбы по площади были убиты и ранены 17 человек, включая погибшего в автозаке). По разным оценкам в то время на привокзальной площади и остановках общественного транспорта рядом с ней находилось от 800 до 1 тыс. человек. Принимая

В ходе расследования обстоятельств массового убийства в сентябре 1968 г. в Курске были назначены баллистические экспертизы, призванные проверить как возможность ведения огня из похищенных Коршуновым автоматов, так и принадлежность пуль, поразивших людей (в тех случаях, разумеется, когда состояние пуль позволяло это сделать). Поскольку преступники вели огонь из двух автоматов, важно было установить, из какого именно оружия был убит или ранен тот или иной человек, ставший жертвой нападения. Эта задача представлялась особенно актуальной потому, что после ареста Суровцев стал утверждать, будто всецело находился под влиянием Коршунова и был несамостоятелен при принятии решений, а кроме того, никого не хотел убивать и все время вел огонь из автомата не прицельно. Очевидно было, что такого рода утверждения мало соответствовали действительности и являлись всего лишь защитной тактикой с целью добиться снисхождения трибунала. Работа криминалистов позволила юридически корректного разоблачения. Работа криминалистов позволила установить, что ефрейтор Суровцев повинен в убийстве по меньшей мере пяти человек; в частности, именно Суровцев расстреливал через подушку обитателей квартиры № 41. Кроме того, он выпустил очередь в дом на противоположной стороне Вокзальной площади и ранил женщину, случайно выглянувшую в окно. Именно результаты работы криминалистов предопределили вынесение 2 ноября 1968 г. ефрейтору Суровцеву смертного приговора.

во внимание, что огонь велся из двух автоматов буквально по сплошной стене из человеческих тел, нельзя не признать того, что жертв оказалось сравнительно немного. Большое количество человеческих жизней было спасено благодаря тому, что люди не поддались панике и смогли действовать организованно.

Мировая история криминалистики знает немало примеров того, как преступники-психопаты объединяются в пары или группы и решаются на преступления, которые в полной мере могут быть классифицированы как совершенные в условиях неочевидности мотива. Разумеется, преступников-одиночек намного больше, но это вовсе не означает, будто «союз по интересам» невозможен. Нет, он вполне возможен и вовсе не является

чем-то исключительным. Иногда отношения внутри подобных криминальных тандемов строятся на основе сексуальной привязанности, причем такая связь может быть как гетеро-, так и гомосексуальной. Но это не обязательное условие, известны случаи, когда криминальные дуэты складывались потому, что людям, их создававшим, просто нравилось убивать, мучить и манипулировать другими людьми. Причем приятные ощущения вызывает как само преступное действие, так и фантазии на эту тему. Независимо от того, присутствует ли в такой связке сексуальное влечение или нет, лица, образующие криминальный дуэт, могут быть четко разделены по степени доминантности. Один из них явно довлечет над другим, навязывая свою волю и генерируя преступные идеи и фантазии. Высокодоминантного лидера в такой паре можно представить в виде ледокола, прокладывающего путь, при этом его низкодоминантный друг добровольно оказывается в положении ведомого. Но второй вовсе не жертва обстоятельств, во время совершения преступных деяний он действует осмысленно, отдает себе отчет в том, что преследует преступную цель и желает наступления вполне определенных последствий. Поэтому в корне неверно считать, будто низкодоминантный член преступной пары лишь поддался давлению старшего товарища и потому вина его много меньше. На самом деле это не так.

Характерной особенностью криминальных дуэтов и групп, совершающих преступления с неочевидным мотивом, является склонность низкодоминантного члена предать высокодоминантного лидера в минуту опасности или иного сильного психологического напряжения. Для описания этого, как нельзя лучше, подходит пословица «Где тонко — там и рвется». Столкнувшись с угрозой возмездия за совершенные преступления, низкодоминантный член криминального дуэта естественным образом (разумеется, с точки зрения своей логики) приходит к мысли предать лидера, того самого товарища, которого он совсем недавно буквально боготворил, уважал и считал другом «до гробовой доски». Эта склонность к предательству слабейшего из преступников хорошо известна криминальным психологам и широко используется в самых разных ситуациях (при ведении переговоров, допросов, проведении оперативно-розыскных мероприятий). Интересно и то, что решившийся на предательство

Дом № 1 на Вокзальной площади оказался в самом эпицентре сентябрьских событий 1968 г. в Курске (в 1977 г. площадь переименовали в Октябрьскую, а в 1993 г. — в Привокзальную). Это было хорошее по меркам того времени здание, построенное пленными немецкими военнослужащими уже после окончания Великой Отечественной войны. Дезертиры Коршунов и Суровцев захватили угловую двухкомнатную квартиру № 41, расположенную на четвертом этаже дома. На фотографии хорошо видны ее окна — по два на каждую сторону здания на верхнем этаже. В квартире проживали родственники: Евдокия Михайловна Ганюкова, 66 лет, и две ее дочери — Тамара Сатарова и Валентина Дудорева. Кроме них в квартире жили их дети и муж Валентины — всего 7 человек. В момент совершения преступления в квартире случайно оказался племянник мужа Валентины, который также был убит в числе прочих. При первом же взгляде на эту фотографию на ум приходит вопрос: как в таком доме вообще можно вести огонь из автомата незаметно для соседей? Неужели же действительно никто из окружающих ничего не слышал? Следствие тоже озаботилось этим вопросом, и оказалось, что, хотя выстрелы из автомата производились через подушку, подозрительные звуки из квартиры № 41 слышали многие. По меньшей мере два человека независимо друг от друга обращались к местному участковому с рассказами о звуках стрельбы. Участковый отреагировал с присущей советскому милиционеру бдительностью: «Что вы паникуете, где-то мопед затарахтел, а вам автоматная очередь чудится!»

преступник всерьез считает, что сумеет обмануть представителей правоохранительных органов и убедить их в том, будто он сам явился жертвой и сейчас добровольно помогает закону.

Все отмеченное выше в полной мере относится к преступному тандему Коршунов — Суровцев. Два товарища на протяжении более полугода лелеяли планы мести советской власти, обсуждали детали того, когда, кого и как им предстоит убивать, что надлежит сделать в процессе подготовки. На этом этапе преступные замыслы каждого из участников, до того не конкретные и чисто умозрительные, приняли форму твердой решимости. Каждый из участников имел определенные психологические

проблемы и отклонения в поведении, но если бы военнослужащие не встретились, вполне возможно, что ничего похожего на массовое убийство не произошло бы. Однако встреча и последующая дружба привели к тому, что антагонизм к военным порядкам и общественному строю усилился в душе каждого благодаря обоюдному влиянию. Коршунов, как более развитый интеллектуально и психологически крепкий, занял доминирующее положение в паре, и его мрачная решимость покончить с беспросветной жизненной тоской индуцировала такое же точно чувство в душе Суровцева. При этом происходил и обратный процесс: видя, как последний внимает каждому сказанному слову и соглашается со всеми выводами, Коршунов убеждался в собственной правоте и еще более заряжался решимостью.

При этом не следует переоценивать антисоветский уклон в настроении обоих преступников. Они не являлись идейными антикоммунистами, и их антисоветская риторика и ненависть к общественным порядкам лишь маскировали антисоциальные наклонности, присущие обоим. Ведь жертвами Коршунова и Суровцева в итоге стали самые обычные рабочие и служащие, не имевшие вообще ни малейшего отношения к советской административной машине. Примечателен тот страх, который испытали «борцы с коммунистическим засильем» при виде милиционеров на площади перед зданием горкома КПСС. Казалось бы, вот тут бы ретивым антисоветчикам и проявить свой нор и непримиримость, но нет! — они трусливо проехали мимо и после долгих колебаний выбрали в качестве объекта нападения жителей самой заурядной советской квартиры. Очевидно, что антисоветчина являлась лишь формой антисоциального поведения обоих военнослужащих. Окажись они в условиях капиталистического быта, очень скоро «антисоветская» риторика сменилась бы «антикапиталистической», причем и та, и другая в одинаковой степени остались бы демагогичны и бессодержательны.

Юрий Степанович Суровцев не без удовольствия принимал участие в убийствах неповинных людей. После того, как ранним утром 26 сентября появились первые жертвы, он имел в своем распоряжении целые сутки для того, чтобы остановить своего дружка. Но он этого не сделал, и нетрудно понять почему — ему нравилось происходившее. Он пил водку вместе с Коршуновым, насиловал беззащитную женщину, и сознание власти пьянило

его. В своих собственных глазах в те минуты он был могуч и бесстрашен, ведь у него под рукой находился автомат и рядом не было командира, чьи приказы следовало выполнять без обсуждений. Это было то самое торжество психопата, которое только и способно сделать людей этого сорта счастливыми. Именно потребность в повторении этого чувства и толкает серийных убийц на новые преступления.

Но все в душе Суровцева перевернулось, когда он понял, что оказался в ловушке и из квартиры № 41 ему уже не удастся сбежать. Если бы оба психопата все время оставались рядом, то решимость Коршунова умереть, безусловно, соответствующим бы образом повлияла и на Суровцева. Но преступники разделились — Коршунов контролировал входную дверь, а Суровцев все время находился в самой дальней комнате. И чем больше он находился наедине со своими мыслями, тем больший страх испытывал перед неотвратимой смертью. Безусловно, на его настроение повлияли монологи командира части и его заместителя по политчасти, которые через громкоговоритель уговаривали Суровцева сдаться. Окажись на его месте высокодоминантный Коршунов, все эти монологи не принесли бы результата, но к счастью, этого не произошло. Тривиальные призывы проявить благоразумие и не усугублять кровопролитие упали на благодатную почву, и Суровцев в конце концов решил, что он может еще найти из сложившейся ситуации приемлемый выход.

Виктор Суровцев застрелил своего друга, вдохновителя и соучастника преступлений, в твердой уверенности, что этот шаг поможет ему избежать наказания за содеянное. Предательство само по себе отвратительно, но то предательство, что совершил Суровцев, отвратительно стократ. На допросах во время следствия он пытался уверить, будто никого не убивал, якобы все жертвы убиты Коршуновым. Эта попытка ввести следствие в заблуждение была циничной и наивной одновременно. Баллистические экспертизы пуль, извлеченных из тел погибших и раненых, однозначно доказали, что стрельба на поражение велась из обоих автоматов. Но Суровцев с присущим всем психопатам самомнением отстаивал свою точку зрения и искренне верил, что сумеет всех убедить в собственной правоте.

После вынесения вполне ожидаемого смертного приговора он впал в тяжелейшую депрессию, стал демонстрировать признаки

религиозного помешательства, повторял сочиненные им самим молитвы, требовал встречи со священником, при этом носил на шее языческий амулет, представлявший собой дольки чеснока, нанизанные на суровую нитку. Амулет призван был защитить его от сглаза и происков злых демонов. От сглаза и демонов он, быть может, его и защитил, но против пули оказался бесполезен — в мае 1970 г. бывший ефрейтор Советской Армии Юрий Степанович Суровцев был расстрелян в тюрьме города Шахты.

6.2. Массовый убийца Юрий Гаев (расстрел 23 ноября 1970 г.)

Кровавая история, выпукло продемонстрировавшая описанные в начале этой главы изъяны, присущие нравам и порядку в Советской Армии, произошла 23 ноября 1970 г. в суровом заполярном краю у станции Титовка Мурманской железной дороги. Это был шестьдесят девятый градус северной широты, где к тому моменту уже царила полярная ночь, а тундра продувалась ледяными арктическими ветрами. Безблагодатность как она есть!

Станция Титовка никакого хозяйственного значения не имела — рядом с ней не было ни постоянных населенных пунктов, ни промышленных объектов, располагались только воинские части: с одной стороны железной дороги — аэродром, с другой — мотострелковая часть, далее — узел связи. В то время этот район был буквально нашпигован военными объектами, поскольку примыкал к советско-норвежской границе, а Норвегия являлась членом НАТО!

Юрий Михайлович Гаев, родившийся в 1950 г., в ноябре 1968 г. был призван на действительную военную службу и попал в небольшой заполярный гарнизон у станции Титовка. Воинская часть занималась охраной складов горюче-смазочных материалов и попутно привлекалась к охране воинских грузов, следовавших по Мурманской железной дороге. В армии Гаев быстро сориентировался и понял, что вступление в коммунистическую партию способно открыть неплохие жизненные перспективы, а потому постарался проявить себя на ниве комсомольской работы: начал говорить правильные речи на собраниях, «вскрывать

недостатки», «бороться за показатели»... Побывал на комсомольской конференции, за отличные успехи в боевой и политической подготовке был поощрен краткосрочным отпуском домой, в Карелию. Ближе к концу второго года службы был принят кандидатом в члены КПСС. Все было, вроде бы, хорошо, Гаев ожидал демобилизации к 1 декабря 1970 г. Во-первых, к этому времени исполнялось два полных года с момента призыва, а во-вторых, он, как кандидат в члены КПСС и отличник боевой и политической подготовки, был вправе рассчитывать на особое к себе отношение. Так было вплоть до 22 ноября 1970 г., но в тот день будущий убийца узнал, что домой он до 1 декабря уехать не сможет.

Командир части майор Заико Л. А. сообщил Гаеву, что тот должен будет остаться, чтобы присутствовать на партсобрании, запланированном на 2 декабря, а значит, демобилизоваться придется 3 числа, может, и позже. Надо сказать, что никакого особого волюнтаризма в этом решении не было — по действовавшему в то время «Закону о всеобщей воинской обязанности» срок службы для солдат осеннего призыва засчитывался с 1 января следующего после призыва года. В случае с Гаевым это означало, что юридически его служба началась 1 января 1969 г., а значит, демобилизация должна будет произойти до 31 декабря 1970 г. включительно. То, что фактически Гаев служил с середины ноября 1968 г. было не важно — командование имело законное право задержать его вплоть до Нового года. Это, кстати, была распространенная практика, и многие «срочники» служили в армии на несколько недель больше календарных 24 месяцев.

Тем не менее мысль о том, что ему придется задержаться в ненавистной армии на несколько дней, вызвала у Гаева, что называется, душевный раздрой. Он вообще был сварливым, грубым и неприятным человеком, но об этом вспомнили только после трагедии. А до этого он считался образцовым ефрейтором...

Итак, первый повод для фрустрации Гаева обеспечил командир части. Если бы образцового ефрейтора более не беспокоили, быть может, ничего бы и не произошло, и этот сюжет не попал бы в данную книгу, однако... история сослагательного наклонения не знает. Гаева вместе с командой сослуживцев направили в суточную командировку — им предстояло сопроводить железнодорожный состав с мясом на базу Ленинградского военного

После года армейской службы Юрий Гаев как отличник боевой и политической подготовки получил отпуск домой. И вот что интересно: чтобы добавить в глазах друзей и знакомых мужественности и героизма, Гаев во время этой поездки выдавал себя за десантника. Облачившись в гражданскую одежду, он непременно надевал голубой берет либо расстегивал ворот рубашки так, чтобы была видна тельняшка, а в разговоре небрежно ронял что-то вроде: «у нас в десантуре...», «мы, десантники...». То, что эта ложь элементарно будет раскрыта при одном только взгляде на его форму одежды при отъезде, Гаева ничуть не смущало. Когда же его действительно спросили, почему он называет себя десантником, но при этом носит обычную форму сухопутных войск, Юрий не моргнув глазом пояснил: «Часть у нас очень секретная, поэтому за проходную мы выходим в обычной солдатской „зеленке“, а вообще мы — десантники!» В этой безмотивной и бессмысленной лжи проявляется самая суть психопата — стремление казаться таким человеком, каким он на самом деле не является. Психопат без раздумий нацепит чужие награды, воспользуется чужими деньгами или привилегиями, перескажет истории из жизни других людей так, словно они приключились с ним самим, и все это для того, чтобы повысить самооценку и свой статус в глазах окружающих. То, что ложь будет разоблачена — и порой очень скоро! — психопата ничуть не смущает, для объяснения одной лжи он моментально выдумывает другую, еще более завиральную. Примечательно, что люди этого сорта с огромным желанием идут в политику и занимаются т. н. «общественной деятельностью». Происходит это потому, что такого рода занятия позволяют имитировать активную работу, ни за что конкретно не отвечая. С большой долей вероятности можно предполагать, что если бы не преступление, то Гаев мог бы сделать очень даже неплохую карьеру по партийной линии — для этого он имел все необходимые задатки и вполне подходящие анкетные данные.

округа и к вечеру следующего дня вернуться обратно. Команда состояла из пяти человек, включая Гаева, старшим был назначен командир взвода Москалев, старший сержант-сверхсрочник.

Команда сопровождала груз, вскрыв попутно один из охраняемых вагонов и похитив почти центнер различного мяса и мясных консервов (замечательная поговорка «Что охраняем, то и имеем» родом как раз оттуда, из солнечной эпохи «развитого

Майор Заико ничем не угрожал открывшему стрельбу Гаеву, он не имел оружия и вообще убежал от ефрейтора, спасая жизнь. Расправа над офицером была совершенно бессмысленна, и Гаев впоследствии так и не объяснил, зачем же погнался за майором и шесть раз выстрелил из карабина. Пять из шести выпущенных пуль попали в спину майору, повредив оба легких и почку и не оставив шансов на спасение. Какой был смысл в этой расправе? Майор хорошо относился к Юрию, был внимателен и уважителен; вообще, подчиненные отзывались о нем, как о справедливом человеке и неплохом начальнике. И вот такая воистину глупая бессмысленная смерть...

социализма», в годы которого «несуны», т. е. расхитители «социалистической собственности», из явления чисто криминального превратились в проблему экономическую). Мясо посредством натурального обмена было обращено в семь бутылок водки и кое-какую закуску: сыр, колбасу, копченую рыбу — так что обратная дорога удалась на славу. Бойцы караульного фронта весело погужевали и после полудня 23 ноября завалились спать на полках плацкартного вагона. Надо сказать, что в вагоне ехали и мирные советские граждане, которые наблюдали попойку вооруженных военнослужащих, но никто из них, разумеется, остановить героев тылового обеспечения не посмел.

Все было хорошо до того момента, когда старший группы стал будить подчиненных. Заслуженный дембель, отличник боевой и политической подготовки, кандидат в члены КПСС Михаил Гаев послал своего командира Москалева неприличными словами далеко и надолго. По понятиям Советской Армии дембель имел полное право «забить болт на службу» и его не следовало беспокоить приказами — он уже одной ногой не в армии, он — на «гражданке». Во многих воинских частях существовал ритуал раздачи дембелями своих папирос «духам» (солдатам, мобилизованным по последнему призыву), отказ от сахара или масла в их пользу. Дескать, дембелю не надо, он отожрется

на «гражданке». В общем, дембелей старались не трогать даже офицеры, поскольку это была категория самых обнаглевших, разжиревших и обленившихся солдат. И вот такому дембелю Гаеву старший сержант говорит: «Вставай, пошел на выход, карабин не забудь!».

Гаев разъярился, вскочил с полки и со всего маху ударил Москалева головой о перегородку, затем — о вагонное стекло, разбив которое Москалев свесился наружу, едва не вывалившись. Гаев сжимал его горло руками, и старший сержант понял, что каша заварилась серьезная — его сейчас либо выбросят из вагона, либо задушат... Спасая себя, он несколько раз ударил свободными руками нападавшего, разбив тому губы и сломав нос. Острая боль вынудила Гаева ослабить хватку, и это позволило Москалеву вырваться из захвата. Гаев, увидев, что противник освободился, неожиданно бросился прочь, прокричав старшему сержанту на ходу: «Тебе конец! Я тебя пристрелю!».

Пока потрясенные свидетели безмолвно следили за этой сценой, ефрейтор пробежал по вагону, выскочил в тамбур, где проводник уже открывал дверь на подъезде к станции и... прыгнул в заполярную тьму. Москалев кое-как растолкал своих напившихся подчиненных, приказал им собрать пожитки и оружие и вышел вместе с ними на станции Титовка, где команду поджидал автомобиль, присланный из части.

Тут самое время задать весьма уместный вопрос: а почему убежавший Гаев, грозившийся застрелить командира, не сделал этого прямо в вагоне? Ведь команда из пяти военнослужащих возвращалась из служебной командировки и имела при себе карабины СКС. Казалось бы, возьми карабин и — застрели ненавистного командира!

Но нет! И в этом скрыта одна из великих советских тайн: далеко не всем солдатам, заступающим в караул, выдавались патроны. В этом, кстати, была своя логика: противник не знает, имеются ли у часового патроны в магазине, а для того, чтобы это узнать, придется осуществить нападение. То есть обозначить свои намерения. Так что определенное сдерживающее значение оружие, безусловно, имело. А то, что у солдата без патронов меньше шансов открыть стрельбу в своих сослуживцев или покончить жизнь самоубийством — это ж очевидно! Поэтому практика заступления в наряд без патронов стала в Вооруженных

силах СССР в середине 1960-х гг. повсеместной. Хотя в самом факте несения службы невооруженным военнослужащим есть некий элемент абсурда. Но для Советского Союза подобная абсурдистика была почти нормой.

Гаев знал, где находятся патроны, и направился именно туда. Старший сержант Москалев не знал намерений сбежавшего дембеля, но словно просчитал его действия и поступил довольно неожиданно, что и спасло ему в конечном счете жизнь. Соскочив вместе со своими тремя подчиненными на станции Титовка с поезда, он велел им отправиться в часть на автомашине, которая встречала команду, а сам решил задержаться. Он отправился к знакомой женщине, проживавшей неподалеку, где рассчитывал еще выпить водки и немного пообщаться. Его же подчиненные: рядовые Горбунов, Дмитриев и Чухонин — влезли в кузов ГАЗ-66 вместе с оружием и вещмешками и направились в расположение части. Им надо было проехать немногим более километра, Москалев же намеревался явиться туда пешком поближе к ночи. Так он уже поступал неоднократно.

В это самое время Гаев, благополучно спрыгнувший с поезда примерно за километр до станции, также двигался в сторону части. Только явился вовсе не на проходную, а в караульное помещение, расположенное на другом конце охраняемого периметра. Ему нужно было оружие и патроны, и действовал он вполне осмысленно, при этом не особенно опасаясь того, что будет остановлен. Гаев знал, что весь караул в составе разводящего и четырех солдат имеет карабины, но патронов к ним ни у кого нет. Патроны хранились в специальном металлическом ящике, опечатанном и запертом на ключ, а ключ, в свою очередь, лежал в ящике стола в караульном помещении. Сама караулка была приспособлена для круговой обороны: здание имело укрепленные двойные двери, всегда запертые, на окнах — массивные стальные накладки, просветы окон забраны толстыми решетками, т. е. теоретически постороннему туда невозможно было попасть, но Гаев был отлично осведомлен об армейских порядках и не сомневался в том, что никто его не остановит.

Так и вышло. Рядовой Юрий Долганюк впустил Гаева в караульное помещение (хотя и не должен был этого делать!), тот обыскал стол, нашел ключ от ящика с патронами, открыл его и снарядил пару обойм для карабинов. Некоторое количество

патронов он рассовал по карманам «про запас», прихватил с собою два карабина СКС и спокойно удалился, не забыв прихватить ключ от ящика с патронами, дабы другие не смогли до них добраться.

Карабин СКС — мощное и надежное оружие, пригодное как для рукопашного боя, поскольку имело несъемный штык, так и для ведения огня на любые дистанции вплоть до 800 м. На дальности до 100 м пуля, выпущенная из этого карабина, имела дульную энергию, в 7–8 раз превосходившую энергию пистолетной пули, соответственно выше были проникающее и запреградное действия такой пули. И теперь в руках Гаева очутились два мощных карабина и более 130 патронов к ним (точное число следствие так и не смогло установить).

Ефрейтор имел намерение дать бой своим обидчикам и предполагал для этого всем необходимым. Казус заключался в том, что никто на территории воинской части не мог ему противостоять на равных — оружие всех военнослужащих оставалось незаряженным, а ключ от ящика с патронами лежал в кармане сошедшего с катушек ефрейтора. Весь личный состав части оказался фактически в заложниках Гаева, хотя в тот момент еще никто этого не знал. Гаев, уходя из караулки, не забыл сначала оборвать телефонный шнур, а затем разбить и сам телефон, дабы исключить возможность того, что кто-то из караульных предупредит остальных военнослужащих.

Итак, Гаев рысцой двинулся в сторону контрольно-пропускного пункта (КПП), неподалеку от которого располагались штаб воинской части и казармы, не зная того, что в это же самое время там появилась автомашина с солдатами Горбуновым, Дмитриевым и Чухониным, теми самыми военнослужащими, с которыми Гаев совсем недавно пил в поезде при возвращении из командировки. Машину встретил командир части майор Леонид Заико, который слушал доклад прибывших, стоя на крыльце казармы. Увидев приближающегося Гаева, майор приказал солдатам: «Ну-ка, приведите этого болвана сюда!». Майор Заико, по-видимому, совершенно не догадывался, что Гаев вовсе и не думал скрываться.

Рядовой Павел Дмитриев бросился к Гаеву со словами: «Иди скорее, тебя командир требует!» — но ефрейтор прикрикнул на него: «Не подходи!» — и вскинул опущенный до того карабин.

Дмитриев остановился, а через секунду Гаев выстрелил. Зачем стрелял, сам объяснить впоследствии не смог... Пуля, выпущенная с расстояния не более 5 м, угодила в предсердие, и Дмитриев умер в считанные минуты после ранения. Гаев же, словно почувяв запах крови, принялся стрелять по стоявшим у крыльца военнослужащим не сходя с места. Одна из пуль попала в живот Юрию Горбунову, и тот, видимо в шоке, побежал зигзагом в сторону ворот части. Вторая пуля, отрекошетив от перил крыльца, раскололась на несколько фрагментов и попала в левую руку Горбунова. Но это ранение уже ни на что не влияло — пробежав зигзагом около 30—35 м, Горбунов упал возле того самого грузовика, который привез его в воинскую часть несколькими минутами раньше. Солдата можно было бы спасти, но только не в условиях разворачивавшейся бойни — Юрий Горбунов истек кровью в течение нескольких минут.

Майор Заико, увидев, что Гаев открыл огонь на поражение, сориентировался первым и бросился наутек. Он побежал вдоль стены казармы, рассчитывая свернуть за угол и выйти из-под огня. В принципе, шансы остаться в живых у майора были неплохие: освещенность территории части была низкой, полярная ночь отлично маскировала любого, кто догадался бы прыгнуть в сугроб. Майору надо было лишь на несколько секунд выйти из зоны видимости убийцы.

Однако Гаев и сам понимал это, а потому бросился вслед за офицером, не переставая стрелять на ходу. При этом он выпустил из поля зрения еще одного солдата, Евгения Чухонина, ставшего свидетелем расстрела у крыльца казармы. Чухонин, едва только пули попали в Дмитриева и Горбунова, метнулся в казарму, завопив во все горло: «Гаев стреляет в командира!».

Все военнослужащие, находившиеся в казарме, повскакивали со своих мест и бросились кто куда. Основная группа помчалась в ружейную комнату, рассчитывая открыть ее и вооружиться, кто-то попытался спрятаться. Сам Чухонин, пробежав через спальную комнату, заперся в кладовке, рассчитывая, что Гаев не станет осматривать помещение с ведрами и швабрами. Вместе с Чухониным в кладовке заперся рядовой Кривоножкин.

В это самое время Гаев бежал за майором Заико, стреляя без остановки. Офицер петлял на ходу, рассчитывая уклониться от пуль, однако расстояние между преследователем и убегающим

было слишком мало — едва ли более десятка метров. Гаев попал в спину майору в общей сложности 5 раз, шестая пуля прошла насквозь шапку-ушанку и сбила ее с головы офицера. Заико забежал за угол казармы, потом повернул вторично и, наконец, упал в снег. Гаев подошел к нему, но добивать раненого не стал. Постояв некоторое время над истекавшим кровью офицером и насладившись эффектом, ефрейтор развернулся и направился в казарму — он помнил, что хотел «разобраться» с Москалевым и решил, что тот находится именно там. Майор Заико умер от острой кровопотери через несколько минут в сугробе позади казармы.

Войдя в казарму, Гаев крикнул с порога: «Где Москалев?» — и поскольку никто ему не ответил, двинулся осматривать помещения. Он обнаружил некоторых из спрятавшихся военнослужащих, но стрелять в них не стал. Убедившись, что старшего сержанта Москалева в казарме нет, Гаев в сердцах произвел выстрел в створ между кроватями. Он ни в кого не целился, выстрелил наобум. Пуля пролетела через всю комнату, пробила дверь кладовки, в которой прятались рядовые Чухонин и Кривоножкин и... ранила обоих. Пуля навывлет прошла через обе ноги Кривоножкина и попала в сердце Чухонина, сидевшего на корточках. Последний умер моментально, а Кривоножкин усилием воли заставил себя остаться на ногах и не закричать, дабы Гаев не догадался, что в кладовой кто-то прячется.

Послonyaвшись по казарме, разбив телефон, ткнув штыком стенд с фотографиями отличников боевой и политической подготовки, Гаев, наконец, принял очередное решение. Он забрал ключи от ружейной комнаты у младшего сержанта Марьина, пытавшегося открыть «ружейку» перед самым появлением Гаева, и проник в помещение. Там он взял пулемет РПД и два пустых диска, рассчитывая, очевидно, снарядить их патронами, которыми были набиты его карманы (карабины СКС, пулеметы РПД и автоматы АК-47 были унифицированы для стрельбы одинаковыми патронами). После этого Гаев запер оружейную комнату, ключ положил в карман, дабы никто более не добрался до оружия и вышел из казармы.

Убийца стоял на крыльце, размышляя о своих дальнейших действиях и, очевидно, обдумывая, где надлежит искать старшего сержанта Москалева, как тут по иронии судьбы тот сам вышел на него. Буквально!

Москалев, не отыскав свою подругу на станции Титовка, решил вернуться в расположение части. Он пешком преодолел расстояние в один километр и появился возле КПП спустя минут 30–40 после того, как на грузовике подъехали солдаты, бывшие с ним в командировке. То, что Москалев отстал от сослуживцев, спасло ему жизнь. Примечательно, что старший сержант, проскочив КПП, даже не заметил отсутствие караульных, сбежавших при первых звуках стрельбы. Также Москалев не увидел труп Юрия Горбунова, лежавшего в нескольких метрах от ворот, и не обратил внимания на тело рядового Дмитриева, который также лежал на открытом месте неподалеку от казармы. Объяснение этому может быть только одно — старший сержант был крепко пьян.

Итак, пьяный Москалев вышагивал от КПП в направлении здания штаба части, не зная, что на него объявлена самая настоящая охота. Гаев же в это самое время размышлял, покачиваясь на крыльце казармы, где бы ему отыскать своего обидчика и... увидел, что этот самый обидчик спокойно проходит мимо на удалении в 30–35 м. Гаев до такой степени обрадовался встрече, что даже не стал маскировать свои истинные намерения — вскинув карабин, он открыл огонь в спину Москалева.

Москалев же, сообразив, что стрельба ведется по нему, пустился наутек. Ефрейтор погнался следом, не забывая постреливать на ходу. Всего он выпустил 4 или 5 патронов, но попадания так и не добился. Москалев добежал до здания штаба и запер дверь изнутри. В штабе царил паника — о том, что Гаев похитил карабины и патроны, стало известно от солдат, примчавшихся из караулки, а стрельба возле казармы была слышна без всяких рапортов. Теперь же Москалев прямо сказал, что Гаев направляется в штаб и устроит тут самосуд.

Справедливость его слов подтвердили удары и выстрелы в дверь — это ефрейтор начал ломиться в штаб. Находившиеся в помещении военнослужащие бросились в противоположный конец здания и, быстро открыв окно, выпрыгнули наружу. Москалев, однако, этого делать не стал — он логично предположил, что Гаев станет преследовать его в тундре и если только ефрейтору удастся его ранить, то шансов убежать у старшего сержанта не будет. А потому Москалев поступил хитрее — он спрятался в снарядном ящике, в котором хранились матрас и подушка дежурного по части.

Гаев минут пять ковырялся с закрытой дверью и, наконец, сумел при помощи штыка отодвинуть засов, благодаря чему дверь открылась. Он ворвался в штаб, рассчитывая найти Москалева, однако его ждало разочарование — открытое настежь окно подсказало, что все, находившиеся в здании, благополучно убежали в тундру. Гаев не знал, что именно Москалев никуда убежать не стал, а прячется буквально в пяти метрах от него. В досаде Гаев выстрелил в окно, а потом, действуя по уже отработанной схеме, разбил телефонный аппарат и обрезал провод.

После этого он вышел из здания штаба и ушел в неизвестном направлении.

Информация о событиях на станции Титовка быстро дошла до окружного командования. В течение нескольких часов в часть, где бесчинствовал Гаев, стали прибывать маневренные группы, силами которых предполагалось утром 24 ноября приступить к прочесыванию местности. Расположенные в непосредственной близости воинские части, прежде всего, два авиационных полка, были немедленно переведены в режим усиленного несения службы.

Поисковую операцию, однако, разворачивать не пришлось — около 6 часов утра 24 ноября ефрейтор Михаил Гаев явился в общежитие железнодорожных рабочих в пятнадцати километрах от станции Титовка и сообщил, что хотел бы добровольно сдать милиции. При нем оказался один карабин и 118 патронов, другой карабин, как и ненужный пулемет РПД, он бросил в тундре, где они впоследствии и были найдены.

В результате действий Гаева были убиты 4 военнослужащих, еще 1 ранен. По странному стечению обстоятельств тот человек, который возбудил в Гаеве наибольший антагонизм (речь идет о старшем сержанте Москалеве), остался цел и невредим. В ходе следствия Гаев неоднократно менял свои показания, то утверждая, будто причиной его гнева была задержка демобилизации, то отказываясь от этого. В конечном счете он постарался не подчеркивать свою неприязнь к майору Заико, поскольку это рождало вопросы об отношении Гаева к членству в КПСС. Гаев был подвергнут комплексной психолого-психиатрической экспертизе, которая отклонений, значимых при вынесении судебного решения, не обнаружила. На суде ефрейтор довольно топорно валил вину за случившееся на старшего сержанта

Москалева, который и мясо из охраняемого вагона украл, и водку купил, и напоил ею всех подчиненных, и в итоге его, Гаева, еще и избил ни за что ни про что. Кроме того, много времени суд уделил изучению вопроса об умышленности убийства майора Заико, хотя, вообще-то, не совсем понятно, что тут можно было оспаривать? Трудно представить, как можно неумышленно выстрелить в спину убегающему человеку 6 раз и попасть в спину 5 раз. Рассказывая об убийствах других военнослужащих: Дмитриева, Горбунова, Чухонина, — обвиняемый простодушно подчеркивал, что «зла к ним не испытывал», как будто наличие или отсутствие злого чувства как-то меняло юридическую оценку факта умышленного группового убийства. Понятно, что такая тактика самооправданий мало могла помочь обвиняемому, поэтому приговор к высшей мере наказания оказался вполне ожидаем и заслужен.

Гаев пытался оспорить приговор и в июле 1971 г. подал кассацию в Военную коллегия Верховного Суда СССР. В ней он указывал на свое пролетарское происхождение, на то, что начал трудовой путь в 15 лет в леспромхозе, закончил ПТУ, в армии — опять же! — служил исправно, был поощрен отпуском и даже стал членом КПСС. Несмотря на перечень всех этих заслуг, военные судьи остались равнодушны к судьбе убийцы и причин для пересмотра приговора не нашли. В июне 1972 г. приговор был приведен в исполнение.

Михаил Гаев — яркий пример социопата в «советском интерьере». Человек не очень образованный, но энергичный и готовый использовать в своих интересах любую возможность, сулившую потенциальную выгоду. В армии оказалось полезно демонстрировать комсомольскую активность, и он ретиво взялся ее изображать. Как только появился шанс вступить в коммунистическую партию, он немедленно им воспользовался, хотя ясно, что никаких серьезных политических убеждений он не придерживался и даже вряд ли особенно задумывался на эту тему. Членство в партии давало различные сиюминутные выгоды (и еще более значимые в перспективе), а потому он просто желал эти выгоды получить. Когда же выяснилось, что из-за членства в партии ему придется подзадержаться в армии на несколько дней, Гаев воспринял это как мошенничество со стороны командования. Еще бы, он ожидал всяческой халявы

и всевозможных бонусов, а тут вдруг оказывается, что у него появились некие обязательства! Да это же просто обман... Несомненно, что именно такими категориями Гаев и рассуждал: он сам привык обманывать и манипулировать, поэтому других отношений и не допускал.

С точки зрения любого нормального человека, способного просчитывать наперед развитие событий и управляющего своим гневом, ситуация с задержкой демобилизации не представляет никаких проблем и стрессовой не является. Но к Гаеву это не относится, его эгоизм и бездушие поражают не столько даже своим цинизмом, сколько откровенностью. То обстоятельство, что такие люди, как он, на шестом десятке лет «социалистического строительства» получали возможность без особых затруднений вступать в коммунистическую партию (а такая возможность являлась для Советского Союза своеобразным «социальным лифтом»), не может не настораживать. Это зримое свидетельство того самого негативного отбора, дававшего всяческие преференции приспособленцам, стяжателям и социопатам, что в итоге и погубило советскую власть.

6.3. Массовый убийца Артурас Сакалаускас (расстрел караула 23 февраля 1987 г.)

История массового убийства Артурасом Сакалаускасом своих сослуживцев не может быть обойдена в настоящем повествовании молчанием. И дело тут даже не в том, что случившееся прекрасно иллюстрирует описанные психологические проблемы, толкающие потенциального преступника на убийство, а в том, что история этого массового расстрела разбудила страну, многие десятилетия дремавшую в анабиозе бесстыжей коммунистической лжи. Подлинная история Сакалаускаса, просочившаяся (пусть и не сразу) на страницы советских газет и в студии советских телепрограмм, сделалась одной из первых зримых ласточек горбачевской перестройки. После выстрелов Сакалаускаса многое в стране стало иным: на короткое время изменилось лицо Советской Армии, впервые громогласно заявили о себе националистические движения в республиках Прибалтики,

а советская молодежь начала открыто заявлять о своем нежелании служить в «такой армии».

Артурас Сакалаускас родился в 1968 г. в Вильнюсе, после окончания 8-го класса поступил в строительный техникум и в июне 1986 г. был призван на действительную военную службу. Впоследствии его младший брат Эдвард, рассказывая о нем, непременно упоминал, что Артурас всегда был рассудителен, спокоен и бесстрашен, несколько раз разнимал дерущихся мужиков, не боясь попасть под горячую руку. До призыва Артурас ухаживал за девушкой, с дурными компаниями не общался, приводов в милицию не имел. В общем, это был вполне положительный молодой человек, ни в чем предосудительном не замеченный.

После «учебки» и принятия присяги Артурас попал в воинскую часть 6717, располагавшуюся в самом центре Ленинграда по адресу улица Якубовича, дом № 26. Часть входила в состав Внутренних войск МВД СССР, это был конвойный полк, обеспечивавший охрану осужденных судом лиц при их транспортировке по всей европейской территории СССР — от Свердловска до Минска и от Минеральных Вод до Мурманска. Труд конвоира был сложен и опасен, поскольку приходилось иметь дело с коварным и непредсказуемым контингентом, да и бытовые условия были весьма непросты — многие сутки в поездах, в тесноте, без свежего воздуха, в условиях крайне ограниченного общения, далеко не барского питания... Даже у подводников служба во многих отношениях лучше.

Отношения всех молодых солдат, прибывших тем призывом из Вильнюса, со «стариками» не заладились сразу. Надо сказать, что конвойные войска во все времена считались сильно криминализированными — сказывалась, видимо, близость «уголовного контингента» и неизбежное влияние последнего. Репутация в/ч 6717 была дурной задолго до истории, приключившейся в феврале 1987 г., так что особенно удивляться тому, что «литовцев» в конце лета 1986 г. встретили откровенно плохо, вряд ли следует. Было много побоев, издевательств, по меньшей мере три товарища Сакалаускаса попали осенью в медсанчасть с разного рода травмами. Доставалось и Артурасу, хотя он старался держаться, домой о проблемах ничего не сообщал, надеялся, что со временем станет легче.

Воинская часть № 6717 Внутренних войск МВД, расположенная в самом центре Ленинграда, широко привлекалась к обеспечению порядка при проведении массовых мероприятий, а ее сводная рота традиционно участвовала в парадах гарнизона на Дворцовой площади. Однако вовсе не патрулирование улиц и не оцепление при проведении футбольных матчей являлось главной задачей военнослужащих в/ч 6717. Часть эта являлась конвойной, и сформированные из ее личного состава караулы развозили лиц, осужденных ленинградскими судами, по всей Европейской части СССР. В таких поездках, в условиях крайне стесненного пространства и общения с ограниченным кругом лиц военнослужащие проводили порой по несколько недель. Конвойная служба была очень специфической, связанной с немалым риском, большой ответственностью, психологическим и физическим напряжением, а потому подходила далеко не каждому. Со стороны высшего военного руководства вряд ли правильным было решение направлять в конвойные войска солдат-срочников, по сути, вчерашних мальчишек. В настоящее время вся система учреждений, связанных с исполнением судебных наказаний, передана из МВД в Министерство юстиции, и конвойные войска в том виде, в каком они существовали во времена Советского Союза, исчезли.

В части сложился круг лиц числом 6 человек, особенно третировавших Сакалаускаса. Все эти люди вместе с Артурасом приказом командира роты получили наряд в один конвой, который должен был убить из Ленинграда 9 февраля 1987 г. (Специальный поезд МВД под № 934 в течение двух недель должен был проехать по маршруту Ленинград — Свердловск — Новосибирск — Свердловск — Ленинград, вывезя из Северной столицы на Урал и в Западную Сибирь около 150 осужденных). Вечером перед отъездом Сакалаускас рассказал своему товарищу Рожанкасу, также призванному из Вильнюса, что попал в одну команду с «самыми большими гадами», и высказал мнение, что командир роты умышленно свел их вместе. Очевидно, планировал «пообломать рога» строптивому литовцу.

9 февраля конвойная группа в составе 6 военнослужащих (плюс к их числу старший группы прапорщик Пархоменко и повар рядовой Гатауллин) выехала из Ленинграда. Конвой отвечал за доставку в Свердловск двух вагонов с этаплируемыми заключенными — в одном вагоне содержались женщины, в другом — мужчины. Помимо конвоиров и осужденных в поездке участвовал и проводник Дашкиев.

Как впоследствии стало известно из показаний этаплируемых, издевательства над Сакалаускасом начались сразу же по отъезде. Его поставили в наряд и не сменяли целые сутки. Повар приносил ему пересоленную пищу, а когда Артурас попросил не сыпать столько соли, тот пообещал «добавить песка». После суток непрерывного несения дежурства Сакалаускас обратился к прапорщику Пархоменко с просьбой произвести подмену, что вызвало гнев как самого прапорщика, так и остальных членов конвоя. Сакалаускас был избит и отправлен обратно в караул «на бочку». Все это время состав конвоя безостановочно пьянствовал и развлекался в меру небогатых ума и фантазии: военнослужащие играли в карты, тренькали на гитаре... На вторые сутки безостановочного несения караула не спавший и голодный Артурас расстелил на полу шинель и уснул. Сослуживцы заметили это и решили подшутить своеобразно своему пониманию юмора: они стащили сапог с левой ноги солдата, заправили куски газеты между пальцами ног и подожгли. Эта милая шутка называлась на казарменном сленге «велосипедом» в силу того, что проснувшийся начинал сильно крутить и стучать ступней, стараясь сбить пламя. Насмеявшись вдоволь, сослуживцы еще раз избили Сакалаускаса: за утрату бдительности!

Артурас получил сильные ожоги пальцев и некоторое время даже не мог обуть сапог. От боли, голода, бессонницы, пережитых унижений, в состоянии минутной слабости он расплакался, как мальчишка. Свидетелями этой сцены стали этаплируемые женщины, которые впоследствии рассказали об увиденном на суде. Некоторые из них заговорили с Артурасом, высказываясь в том духе, что такого беспредела даже рецидивисты не творят. Одна из женщин, обращаясь к солдату, в сердцах воскликнула: «Да зачем же ты терпишь такое?». Артурас промолчал, но этот эмоциональный крик, видимо,

отложился в глубине его души и повлиял на принятие последующих решений.

Поездка в Свердловск прошла без особых происшествий, и все заключенные были сданы на руки принимающей команде. Обрато конвой ехал в пустом вагоне. Что именно там происходило, известно только со слов Артураса Сакалаускаса — все остальные обитатели вагона были убиты.

Следствие признало соответствующими истине показания Сакалаускаса, из которых следовало, что 23 февраля 1987 г. около 15 часов его разбудили рядовые Мансуров и Джафаров, которые потребовали, чтобы Сакалаускас прошел с ними. Упомянутые Мансуров и Джафаров завели Артураса в туалет, где сначала принялись ругать за якобы некачественную уборку отхожего места. Эта уборка была поручена Сакалаускасу ранее, и он выполнил ее якобы недостаточно добросовестно. После разного рода нотаций и оскорблений, в том числе физических (т. е. побоев), оба солдата решились на большее. Путем запугивания и избиений они принудили Сакалаускаса спустить форменные брюки до колен, после чего Мансуров удушающим приемом стал удерживать Сакалаускаса в согнутом положении, предоставляя тем самым Джафарову возможность осуществить анальный половой акт. Из-за нехватки воздуха Сакалаускас потерял сознание (или, по крайней мере, утверждал впоследствии, будто потерял), во всяком случае, деталей последующих событий он не мог изложить последовательно и связно.

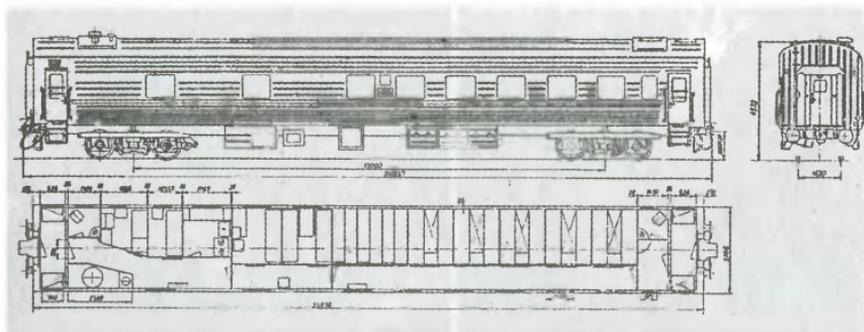
По его словам, он пришел в сознание оттого, что Мансуров и Джафаров поджигали спичками пальцы его ног, приводя в сознание (напоминаем, что 10 февраля Сакалаускас уже получил ожог пальцев ног!). Убедившись, что Сакалаускас пришел в себя, Джафаров пообещал ему, что скоро весь караул изнасилует его, после чего ушел вместе с Мансуровым. Артурас, как мог, привел себя в порядок, в частности, он снял кальсоны, испачканные спермой, и сжег их в печи, расположенной подле туалета (по другой версии событий он выбросил их в окно, хотя это вызывает определенные сомнения — вагонные окна были заделаны на зиму так, что открыть их без использования инструмента было невозможно).

Трудно сказать, каковы бы оказались последующие события, но Сакалаускас, выйдя в коридор, обнаружил, что пьяный

прапорщик Пархоменко спит в приоткрытом купейном отсеке (начальник караула имел свое купе). Расположенный напротив его дивана металлический ящик с оружием и боезапасом оказался открыт. Сакалаускас без раздумий решил воспользоваться неожиданно появившейся возможностью поквитаться с обидчиками. Он вынул из ящика два пистолета ПМ и две обоймы, быстро вернулся в туалет и зарядил их.

Дальнейшие действия Сакалаускаса нельзя охарактеризовать иначе, как обдуманно и последовательно реализованные. Чтобы подойти к купе, где пьяные караульные играли в карты, ему надлежало пройти мимо купе командира, но в таком случае Пархоменко, разбуженный стрельбой, оказался бы у него за спиной. Чтобы исключить эту возможность, Сакалаускас подошел к спавшему прапорщику и выстрелил в голову с близкого расстояния. Из-за стука колес звук выстрела оказался не особенно громким, во всяком случае, пьяные сослуживцы ничего не услышали и продолжали играть в карты, хохоча и матерясь во всю глотку.

Появление Сакалаускаса в дверях купе с двумя пистолетами в руках вызвало шок. Артурас не дал опомниться своим обидчикам и открыл огонь практически в упор — расстояние до самой дальней цели едва ли превышало 2 м. Впоследствии Артурас вспоминал, что во время «первого подхода» не стрелял в проводника Дашкиева, поскольку не решил окончательно, хочет ли он его убить. Расстреляв обе обоймы, Артурас вернулся в купе начальника караула, бросил на пол один из пистолетов и перезарядил другой. После этого взял из металлического ящика новый пистолет, зарядил его и направился к купе рядового состава. Однако дверь теперь оказалась закрыта — раненные сориентировались в обстановке и попытались спастись. Сакалаускас решил, что дверь закрыл проводник Дашкиев, возможно, эту деталь он выяснил в ходе коротких переговоров с запершимися через дверь. Пока продолжались эти переговоры, младший сержант Никодимов и старший сержант Столяров, стараясь уйти с линии огня, вскарабкались наверх и забились в багажное отделение, расположенное под потолком купе. Там они надеялись переждать опасный момент. Расчет их, однако, не оправдался — Сакалаускас услышал возню над головой (багажный отсек занимал пространство над коридором) и принялся стрелять

Пассажирский вагон для перевозки спецконтингента (т. е. осужденных лиц), тип 61-827. Вместимость — до 10 человек сопровождения (проводник и караул) и 75 заключенных. В вагоне предусмотрены отдельные помещения для проводника и начальника караула. В последнем оборудован сейф для хранения оружия и боеприпасов. Вагон разделялся внутренними дверями на несколько изолированных зон, для перехода из одной в другую требовался свой ключ. Даже если заключенные смогли бы каким-то образом покинуть свою секцию, им для выхода из вагона потребовалось бы открыть еще не менее трех дверей. Для того чтобы исключить всякую подозрительную деятельность спецконтингента, а также возможность его побега через пол или потолок вагона, состав караула должен был каждые два часа открывать секции и простукивать их специальным деревянным молотком. Впрочем, требования по правилам конвоирования спецконтингента нередко нарушались, что очень выпукло проявилось в истории расстрела караула Сакалаускасом в феврале 1987 г.

на звук. Впоследствии оказалось, что стрелял он на редкость удачно: из 6 пуль, выпущенных в потолок, 3 угодили в голову Никодимову, 1 — в голову Столярову и 2 — в грудь последнего. Оба сержанта там и скончались...

После этого Сакалаускас выпустил несколько пуль в район дверного замка, надеясь поразить того, кто запер дверь. Прислушавшись и убедившись, что движения в купе нет, Артурас открыл замок своим ключом и принялся было добивать раненых, но тут его отвлек прапорщик Пархоменко, выскочивший из своего купе. Да-да, прапорщик оказался жив, несмотря на то, что пуля раздробила ему правую височную кость (благодаря движению пули по касательной ранение не привело к необратимым повреждениям мозга)! Артурас был вынужден остановить добивание раненых, вернулся в коридор и произвел в сторону прапорщика четыре выстрела. Пархоменко упал рядом с открытой дверью в кухонный блок, примерно в 4–5 м от стрелявшего и затих. Сакалаускас, решивший, что убил прапорщика,

Интерьер вагона для перевозки спецконтингента. Караул, в составе которого Артурас Сакалаускас отправился в свою последнюю служебную командировку, откровенно манкировал служебными обязанностями. Артураса сутки никто не подменял — старослужащие попросту пьянствовали, оставив «черпака» на посту. Во время поездки сложилась ситуация, когда Сакалаускас больше суток не ел ничего, кроме хлеба — повар приносил ему умышленно пересоленную кашу, считая это очень остроумной шуткой. Само же массовое убийство стало возможным именно в силу халатности и полнейшей безалаберности конвойных. Пьяный прапорщик Пархоменко спал в открытом командирском купе, при этом сейф с оружием он оставил незапертым!

вернулся в купе, но Пархоменко только притворился мертвым. Он нашел в себе силы заползти в кухонный отсек и забиться под стол, где в итоге и умер от острой кровопотери минут через 5–10 после ранений.

После того, как в пистолетах закончились патроны, Сакалаускас бросил ненужное оружие и снова направился в купе начальника караула. Там он снарядил обоймами еще два пистолета и возвратился обратно, туда, где лежали тела его убитых и умиравших обидчиков. Он произвел еще несколько добивающих выстрелов, дабы убедиться, что никто не останется в живых.

Всего Сакалаускас произвел 46 выстрелов, 33 пули попали в людей. Жертвами расправы Артураса Сакалаускаса явились начальник караула, личный состав караула в количестве 6 военнослужащих и проводник вагона. Хотя последний не являлся военнослужащим и до известной степени оказался случайной жертвой, Сакалаускас решил убить проводника за то, что тот «подзуживал и всегда смеялся над издевательствами». Тот факт, что Артурас произвольно остановил стрельбу, когда решил, что ее цель достигнута, ясно свидетельствует о сохранении его

волевой сферы, способности управлять своим гневом и планировать поступки.

Дальнейшие действия Артураса также можно расценить как обдуманнные и исполненные с расчетом избежать наказания. Он быстро провел ревизию имущества, оказавшегося в его распоряжении, взял деньги и документы убитого прапорщика, облачился в его форму, свою сжег. Также он взял наручные часы проводника. Необходимые вещи сложил в дипломат прапорщика и... в 16:35 сошел на станции Бабаево почти в 400 км от Ленинграда. Сакалаускас прихватил с собой из вагона 5 снаряженных пистолетов ПМ и 5 запасных обойм с патронами, но не с целью совершать нападения, а на случай возможной продажи или платы за услуги, если деньги подойдут к концу.

Эшелон № 934 поехал далее и в начале второго часа ночи 24 февраля 1987 г. прибыл в пункт назначения — на Московский вокзал Ленинграда. Довольно скоро стало ясно: в вагоне № 001/76 040 расстрелян караул и похищено табельное оружие. В течение часа к перрону прибыли военный прокурор Ленинградского гарнизона полковник юстиции Николай Коржилов, замначальника ГУВД Ленгороблисполкомов генерал-майор милиции Михаил Михайлов, а также начальник следственного отдела прокуратуры подполковник юстиции Леонид Полохов, который и возглавил начатое следствие. Оперативное обеспечение расследования было поручено уголовному розыску Северо-Западного УВД на транспорте (начальник отдела Александр Тихонов). Также оперативным обеспечением расследования занималась специально созданная группа в составе Управления Особых отделов по внутренним войскам МВД СССР. Довольно быстро картина случившегося была в общих чертах восстановлена, и начался розыск Артураса Сакалаускаса. Объективности ради надо сказать, что на первых порах одной из вероятных считалась версия, согласно которой Сакалаускас также явился жертвой таинственного убийцы, и тело его было выброшено из вагона для того, чтобы навести следствие на ложный след. Но гипотеза эта была отброшена довольно быстро благодаря допросам заключенных, этапированных из Ленинграда в Свердловск в начале поездки, — все они в один голос утверждали, что Сакалаускас был жертвой бесконечных глумлений сослуживцев, так что мотив личной мести сомнений почти не оставил.

Довольно быстро следствие сумело правильно определить район, в котором Сакалаускас покинул вагон, и в Бабаево были брошены все оперативные силы органов внутренних дел и КГБ. Беглец, однако, переиграл преследователей — он покинул населенный пункт ранним утром 24 февраля, удачно при этом сменив «имидж». В Бабаево он якобы украл китайскую пуховую куртку, штаны и шапку-ушанку, благодаря чему смог избавиться от демаскировавшей его формы прапорщика. Правда, есть такое сильное подозрение, что Сакалаускас ничего не крал — историю эту он выдумал для того, чтобы не подводить людей, у которых он нашел приют в первую ночь после побега. В дальнейшем он отказывался называть этих людей и говорил, что не помнит адреса их проживания, поскольку, мол-де, плохо ориентировался в незнакомой местности (хотя следствие в итоге отыскало всех, с кем Артурас имел дело после побега, в том числе и ту женщину, которая предоставила беглецу гражданскую одежду).

Как бы там ни было, Артурас из Бабаево двинулся в Ленинград и в конце концов туда приехал! Это вызвало немалое беспокойство власть предержащих — в «городе трех Революций» объявился массовый убийца с пятью пистолетами и абсолютно непонятными намерениями. К 26 февраля по городской радиотрансляционной сети уже зачитывались обращения к жителям с предостережениями, приводился словесный портрет, листовки дурного качества, изображавшие человека в различных головных уборах, висели на всех стендах объявлений и столбах. Фотографии Сакалаускаса лежали перед каждым кассиром железнодорожных и авиационных касс, входы в автобусный и железнодорожные вокзалы были оцеплены милиционерами с автоматами, а также военнослужащими внутренних войск. По иронии судьбы вечером 26 февраля у входа в Варшавский вокзал Сакалаускас столкнулся с военным патрулем, состоявшим из военнослужащих его части (пользуясь сумерками, он проскочил неузнанный мимо солдат и скрылся на территории расположенного неподалеку полуразрушенного храма. Там он провел более двух часов, наблюдая за патрулями, и, убедившись, что проникнуть на территорию вокзала невозможно, направился к центру города)! В городских телевизионных новостях дикторы с печальным голосом начинали выпуски с рассказа о ходе опе-

рации по поимке страшного убийцы. Это было по-настоящему феерично — никогда еще городские власти не казались до такой степени испуганными и беспомощными.

Автор хорошо помнит эти февральские дни: ужасные даже по питерским меркам трескучие морозы, сизая мгла над городом, ветер, перехватывающий дыхание. Сейчас можно смеяться или не верить, но начинали те дни ленинградцы свои разговоры не с традиционного: «Как дела?», а с риторического: «Интересно, как там дела у этого литовца?». Жители города, конечно, боялись Сакалаускаса, как боялись бы любого непонятого человека с оружием, но при этом именно к нему и той ситуации, в которой он очутился, существовало особое отношение — все понимали, что молодой солдат из Прибалтики стал жертвой крайне драматичных обстоятельств, хотя никто толком и не знал, каких именно. Общее мнение кратко можно выразить словами: «Довели парня!».

Тема беглеца с пистолетами обсуждалась в те дни повсеместно — от кабинетов в горкоме партии, до консерватории, заводских цехов и школьных классов. Помню, как тему армейских порядков затронули в дамском коллективе во время небольшого «корпоративчика». Одна из участниц разговора решила вразумить слишком плаксивых, по ее мнению, мужчин-участников: «Что вы все ноете-то?! Ну, подумаешь, носки сержанту постирать ему придется, зато вернулся бы мужиком из армии! А так под расстрел пойдет!». На это один из участников застолья, кстати, отслуживший срочную и «вернувшийся мужиком», не без ехидства парировал: «Ты все это, дорогая, скажи Сакалаускасу при встрече! Посмотрим, что он тебе ответит!».

Во время подготовки этой книги автору удалось отыскать человека, служившего в то самое время в злополучной части № 6717. Вспоминая о тех днях, рассказчик признался, что его поразили два момента. Один из них заключался в удивительной перемене, которая произошла в поведении «старослужащих», когда те узнали, что Сакалаускас появился в Ленинграде. Едва только в части стало известно об обнаружении трупов сослуживцев в вагоне, «деды» (т. е. наряду с дембелями самые «авторитетные старослужащие») собрали сход и постановили: как только Сакалаускас будет пойман и окажется в зоне досягаемости их конвойной группы, его надо будет «замочить».

Отплатить, так сказать, за «хороших ребят». Однако прошло двое суток и стало известно, что Сакалаускас в Ленинграде... Более того, с Главпочтамта он послал открытку родителям в Литву, о чем уже через полчаса было поставлено в известность территориальное управление КГБ. Главпочтамт находится совсем рядом с бывшими казармами Конного полка, некоторые из этих зданий занимала теперь доблестная конвойная часть, там всего-то пройти метров 300... И вот тут у «мужественных дедов» что-то щелкнуло в головах — они вдруг поняли, что Сакалаускас находится где-то совсем рядом, ходит теми же улицами, что и они сами... Неровен час — пересекутся. И все старослужащие, еще недавно готовые «порвать» Сакалаускаса, «как тузик — грелку», вдруг отказались покидать расположение части. А командование части, само немало перепуганное появлением поблизости стрелка с неясными намерениями, распорядилось убрать с проходных «дедов» и «черпаков» и поручило нести охрану только «духам», т. е. солдатам последнего призыва, самым молодым. Логика была понятна: у Сакалаускаса не может быть претензий к молодым солдатам, они ни в чем не виноваты и он их не тронет!

Другое не менее примечательное происшествие, о котором поведал свидетель тех событий, оказалось связано с похоронами военнослужащих, которых расстрелял Сакалаускас. Точнее, торжественным прощанием, устроенным в части перед отправкой гробов с телами по местам призыва. Произошло это уже в марте, после ареста убийцы и проведения судебно-медицинских экспертиз тел погибших. К тому времени уже были проведены первые допросы сослуживцев, в общих чертах стало известно о показаниях, данных самим Сакалаускасом. В общем, уже всему личному составу части стало ясно, что дело получается весьма дрянное и грязное: «дедовщина», побои, покушение на мужеложество... Тем примечательнее поведение командования части: на плацу был выстроен личный состав, установлены гробы, обтянутые кумачом, и устроен траурный митинг. Выглядело это так, словно прощаются не с подонками, мучившими невинных новобранцев, а с героями, погибшими за правое дело в неравной борьбе! Семьям всех погибших командование части оформило выспренные письма, в которых в самых пафосных выражениях рассказывалось о тернистом воинском пути расстрелянных

подонков и их гибели при исполнении долга. В некоторых школах и ПТУ, которые закончили обидчики Сакалаускаса, были даже созданы музеи в память о погибших.

Сакалаускас был арестован 28 февраля в автобусе, следовавшем по маршруту № 47 на Васильевском острове. Его опознала одна из пассажирок, кстати, не проживавшая в Ленинграде. Женщина, проехав одну остановку, выскочила из автобуса и предупредила наряд милиции. Правоохранители более 20 минут сопровождали автобус на автомашинах без опознавательных знаков, дожидаясь, пока пассажиры выйдут из салона. Группа захвата вошла внутрь ближе к концу маршрута, Сакалаускас после нескольких ночей, проведенных на чердаках и в подвалах, расслабленно дремал, сидя в мягком кресле. При задержании Артурас сопротивления не оказал, на вопрос «Где оружие?» спокойно ответил, что пистолеты лежат в портфеле-дипломате. Может показаться невероятным, но задержанного не заковали в наручники и даже не обыскали. Уже после доставки в отдел милиции при оформлении документов ему приказали вытащить из карманов все, что там лежит. И Сакалаускас достал из широких карманов куртки-пуховика еще два пистолета со спущенными предохранителями. При желании, конечно, он мог бы «уложить» не одну группу захвата, но брать на себя напрасно чужую кровь явно не хотел.

Не совсем понятно, что именно делал Сакалаускас в автобусе? По общему мнению работников оперативно-следственной группы, созданной для поиска и задержания преступника, Артурас должен был стремиться попасть в Литву, на родину, для чего ему следовало направиться на автовокзал, расположенный возле Обводного канала, либо сесть в Вильнюсский (либо Калининградский) поезд, отправлявшийся с Варшавского вокзала (этот вокзал, наряду с Балтийским, также находится на Обводном канале). За авто- и Варшавским вокзалами велось очень плотное наблюдение, весь их персонал был должным образом проинструктирован. Сакалаускас, видимо, это понимал и попыток выехать из Ленинграда автобусом или поездом так и не предпринял. Насколько можно судить из его передвижений по городу, он вообще в районе Обводного канала появился всего один раз, но в таком случае становится вполне уместным вопрос: с какой целью Сакалаускас вообще прибыл в Ленинград?

Ведь в тех условиях, в каких оказался Сакалаускас, добраться из Бабаево в Литву много проще минуя город.

Еще в 1987 г. сослуживцами Сакалаускаса высказывалась точка зрения, согласно которой Артурас вернулся в Ленинград вовсе не для того, чтобы транзитом проехать в Литву. У него была иная цель, причем единственная — свести счеты с некоторыми из своих обидчиков, не попавшими с ним в одну командировку. Прежде всего, с командиром роты и отдельными «старослужащими». Если это действительно так, то становится понятно, почему беглеца видели в районе бульвара Профсоюзов, Главпочтамта, откуда он посылал открытку родителям в Вильнюс, улицы Якубовича и площади Труда. Это были все те места, где могли появляться его недруги. Военская дисциплина в части была низкой и «старослужащие» регулярно выходили в город в случае необходимости. Кроме того, командир роты жил на Васильевском острове, и Сакалаускас мог приблизительно представлять его место проживания либо маршрут, которым ненавистный офицер добирался домой. Предположение о попытке сведения счетов объясняет некоторые действия Сакалаускаса, хотя сам он ничего по этому поводу сказать не пожелал.

Уже 1 марта 1987 г. Артурас дал исчерпывающе полные показания, охарактеризовав вину каждого из убитых им людей. Ангелов среди них не было, даже проводник — случайный, в общем-то, человек! — увидев, что Сакалаускас является объектом всеобщей травли, охотно присоединился к издевательствам и изобретал все новые гнусности, которые «старослужащие» с удовольствием испытывали на Артурасе. Сакалаускас прекрасно понимал, что за массовое убийство его ждет расстрел, однако от сотрудничества со следствием не уклонялся, вел себя достойно. Следственные эксперименты подтвердили точность его рассказов о событиях 23 февраля 1987 г.

В мае—июне Артурас был направлен на комплексную психолого-психиатрическую экспертизу в институт имени Сербского, по результатам которой был признан вменяемым. В последней декаде июня 1987 г. военный прокурор Ленинградского гарнизона Николай Коржилов направил в Главную военную прокуратуру сообщение об окончании расследования и готовности дела к передаче в суд. Далее, однако, начались метаморфозы. Сакалаускас более чем на три месяца задержался в московской

тюрьме «Матросская тишина». Вернулся он в Ленинград лишь в сентябре 1987 г. Встретившиеся с ним адвокаты Юстинас Александровичюс и Александр Бойцов отметили, что поведение Артураса явно неадекватно и ознакомиться с материалами уголовного дела (что необходимо по закону сделать до начала суда) он физически не может. Артурас был осмотрен ленинградскими врачами-психиатрами, которые поставили заключение московских специалистов под сомнение. Была назначена новая экспертиза, появилось заключение, из которого следовало, что Сакалаускас демонстрирует симптоматику «реактивного психоза», не ориентируется в обстановке и не узнает людей. Было высказано предположение, что это всего лишь искусная симуляция, однако тщательная проверка, в том числе с использованием аппаратных методов, показала, что это не так. Артурас демонстрировал так называемый «бред подмены», утверждая, будто похищен инопланетянами и является объектом их исследований, а встречаясь с матерью и отцом, он заявлял, что это «двойники» его настоящих родителей. Между тем и Адольф, и Ольга Сакалаускасы утверждали, что сын был абсолютно адекватен не только перед призывом в армию, но даже во время встреч в период следствия. То же самое утверждали адвокаты и работники правоохранительных органов.

Стало ясно, что в 1987 г. суд состояться не может.

Остроты происходившему добавило то, что вся эта история с массовым убийством и последующим объявлением Сакалаускаса невменяемым вызвала резкое негодование среди жителей Прибалтийских республик. В Вильнюсе начали сбор подписей в защиту Сакалаускаса, аналогичные мероприятия проводились в Латвии и Эстонии. Цель этих акций была одна — разжигание антирусских и антисоветских настроений, но нельзя не признать, что случившееся в спецвагоне явилось отличным агитационным материалом для прибалтийских националистов. За лето и осень 1987 г. в Прибалтике под петицией в защиту обвиняемого подписались более 300 тыс. человек — это почти 10% населения.

Отличились со своей стороны и коммунисты. Вообще, для развала Советского Союза коммунистические лидеры сделали больше самых заклятых врагов советского общества. Вместо серьезного и взвешенного анализа всех аспектов драматической

истории и наказания виновных, советская военная верхушка в привычной ей манере начала «прятать хвосты». Командира роты, поощрявшего третирование и всяческое унижение Сакалаускаса, по-быстрому отправили на пенсию по «состоянию здоровья» (оно внезапно ухудшилось), заместителя командира части по политической работе перевели в аналогичную часть на Валдай, понизив до замполита роты. Всех товарищей Артураса еще в марте 1987 г. быстро «раскидали» по дальним частям и гарнизонам, подальше от Ленинграда, причем каждый солдат прошел собеседование с представителем Особого отдела (т. е. офицером контрразведки), в ходе которого был предупрежден о необходимости скрыть свое знакомство с Сакалаускасом и не раскрывать перед новыми сослуживцами обстоятельства, связанные со службой последнего. В противном случае особысты грозили наказанием «за подрыв воинской дисциплины». В апреле 1988 г. прокурор Ленинградского военного округа Гаврилюк в интервью ленинградской газете «Смена» дал личностную характеристику Сакалаускасу, допустив в адрес обвиняемого такие эпитеты, как «нытик», «хамелеон» и «бездельник». Понятно, что подобные высказывания высокопоставленного лица были восприняты общественностью как официальная точка зрения, из которой следовало, будто все погибшие являются невинными жертвами, а Сакалаускас, не пожелавший безропотно сносить тяготы армейской жизни, безусловный преступник. Когда же военный прокурор Ленинградского гарнизона Николай Коржилов в интервью программе ТВ-новостей «600 секунд» аккуратно указал на то, что погибшие в спецвагоне были, вообще-то, далеко не агнцами, и если бы они остались живы, их надлежало бы также отдать под суд, то это было расценено военным и политическим руководством как явное противопоставление «единственно верному» мнению прокурора округа. Строптивому военюристу сначала предложили перевод в Мурманск, а когда тот отказался, то проводили на пенсию.

Адвокаты Артураса Сакалаускаса сделали несколько заявлений, из которых следовало, что ненормальное состояние их подзащитного явилось следствием неких медицинских манипуляций, проведенных летом 1987 г. в Москве, в «Матросской тишине». Ленинградские психиатры пытались опровергнуть

такого рода утверждения как недостоверные, мол, медицинской науке неизвестны факты того, что у здорового человека можно искусственно спровоцировать симптоматику психиатрического заболевания. Но на самом деле это не совсем так — длительная терапия психотропными препаратами может вызвать необратимые изменения даже в мозгу здорового человека. Специалистам хорошо известен так называемый злокачественный нейролептический синдром (ЗНС), являющийся следствием быстрого наращивания доз при полифармтерапии, т. е. комбинированном лечении несколькими плохо совмещаемыми препаратами (например, галоперидолом и трифтазином). Этот синдром чаще проявляется у молодых людей, нежели лиц среднего и старшего возрастов, кроме того, его развитию способствуют физическое истощение, недостаток питания, обезвоженность организма, пневмония или бронхиальная астма. Понятно, что в тюрьме обеспечить набор всех этих условий сравнительно несложно. Результаты ЗНС могут оказаться весьма плачевны: помрачение сознания, ступор, акатазия (неосознаваемое желание менять положение тела и как следствие — ненормальная двигательная активность), тремор конечностей, век или языка. Поэтому предположение об искусственной провокации у Сакалаускаса психиатрического заболевания не выглядит совсем уж выходящим за рамки здравого смысла.

Возможно, такой выход был в той обстановке наиболее желаем в точки зрения большой политики. Расстрел Сакалаускаса — а ему грозила именно высшая мера наказания, предстань он перед судом! — спровоцировал бы массовые беспорядки в Литве, где и без того уже межнациональный мир оказался под угрозой. Если же предположить обратное, а именно: что в суде было бы принято решение, хоть в какой-то форме оправдывающее самосуд Сакалаускаса, то это грозило бы развалом всей армейской дисциплины. Новобранцы по всему Советскому Союзу принялись бы расстреливать обнаглевших «дедов» и дембелей. Понятно, что любой исход суда с участием обвиняемого был бы для власти нежелателен.

Между тем интерес общественности к истории массового убийства в спецвагоне не пропал, но только рос. Этому в определенной степени поспособствовал талантливый кинофильм «Караул», вышедший в прокат в 1989 г. События в кинокартине,

на первый взгляд, довольно точно воспроизводят расправу, устроенную Артурасом Сакалаускасом, однако режиссер Александр Рогожкин отверг любые аналогии с событиями 23 февраля 1987 г. По его словам, сценарий этого фильма был написан еще в 1979 г. по мотивам совсем другого массового убийства, совершенного в 1973 г. Ничто не ново под Луной, и расстрел, устроенный Сакалаускасом, был вовсе не первым в славной истории Внутренних войск МВД СССР.

Тогда же литовскими режиссерами С. Бержинисом и Ж. Пилипавичене был снят документальный фильм «Кирпичный флаг», в котором получили возможность высказаться как военнослужащие воинской части № 6717, так и родственники расстрелянных Сакалаускасом военнослужащих. Фильм этот производит откровенно тяжелое впечатление даже не потому, что посвящен трагическому событию, а потому, что из его содержания видно — никто ни в чем не раскаялся, Советская Армия меняться не хочет и не будет. Метафорично само название фильма — топорно сработанный кирпичный флаг красовался позади статуи Ленина на плацу воинской части, том самом, по которому чеканили шаг Сакалаускас и его обидчики. Кирпичный флаг свел этих солдат воедино — да и не только этих солдат! — сделав одновременно и преступниками, и жертвами. Фильм хотя и рассматривал сугубо криминальный сюжет, все же нес очевидный идеологический антисоветский заряд, поэтому до массового зрителя во времена СССР не дошел. Тем не менее в республиках Прибалтики его демонстрировали местные теле-студии, крутили по кабельным сетям, да и видеопрокат, ставший к тому времени уже масштабным явлением, внес свою лепту в распространение этого фильма.

В 1990 г. суд на Артурасом Сакалаускасом все же состоялся, правда, в его отсутствие. Поскольку судебные психиатры исключили возможность его привлечения к ответственности, уголовный процесс иначе как показушным назвать трудно. Было принято частное определение в адрес командования воинской части, не принявшего должных мер по организации политико-воспитательной работы с личным составом, и на этом вся содержательная часть процесса оказалась исчерпана. Надо сказать, что к этому времени трагедия в вагоне № 001/76 040 в значительной степени уже перестала будоражить умы современников — в пере-

строечном Советском Союзе разного рода трагедии, чрезвычайные происшествия, массовые беспорядки и национальные конфликты сменяли друг друга с пугающей быстротой.

После суда Артурас Сакалаускас был направлен для лечения в Литву. Поскольку существовала угроза того, что кто-то из родственников убитых им людей предпримет попытку отыскать его и свести счеты, литовские власти распространили информацию, будто Сакалаускас погиб в августе 1991 г. По неофициальной информации, Артурас до 1995 г. находился в закрытой лечебнице, в дальнейшем был выпущен.

В настоящее время он жив, ведет очень замкнутый образ жизни, не раскрывая места проживания и работы. Он не дает интервью и отказывается от любых контактов с масс-медиа.

Глава 7. Серийные убийства

Официальная история уголовного сыска в СССР гласит, что первым серийным убийцей на просторах нашей Родины явился Владимир Михайлович Ионесян, армянин из Тбилиси, убивший в декабре 1963 г. — январе 1964 г. в Москве и Иванове 7 человек. Журналисты и литераторы последующей поры присвоили ему кличку Мосгаз — именно так он представлялся, звоня в квартиры, во время поиска своих жертв. Согласно официальной легенде явление Мосгаза народу было прямо-таки эпохальным, чем-то неслыханным и невиданным в лесах и долах нашей необъятной Родины.

Легенда эта, прямо скажем, сильно лукава. Прежде всего, потому, что Ионесян вообще не является серийным убийцей. Кроме того, как мы покажем ниже, земля русская и советская всегда была богата на такого рода моральных уродов и отщепенцев.

Владимир Ионесян — это классический грабитель, т. е. преступник, решающийся на отъем материальных ценностей путем вооруженного нападения. Им двигали сугубо меркантильные соображения: нанеся жертве несколько ударов топором по голове, он бросался к шкафам, даже не проверяя, достигли удары цели или нет. Во время одного из нападений жертва осталась жива почти 40 минут, Ионесян уже собрался было уходить, когда увидел, что она жива и добил. После другого нападения жертва, получившая 7 ударов топором, выжила и дала следователям прекрасное описание внешности нападавшего. Невозможно представить, чтобы подобную небрежность продемонстрировал настоящий серийный убийца, ибо для него жертва — это и есть сам объект посягательства, ради нее он и решается на преступление. Для Ионесяна же человек в квартире был всего лишь помехой на пути к шкафу.

Нападал Ионесян на женщин, детей и стариков; выбор цели диктовался исключительно соображениями ее физической слабости и неспособностью оказать сопротивление. Сексуальные предпочтения на этот выбор никак не влияли. Орудовал Ионесян топором. Топор — это отнюдь не орудие сексуального маньяка, он моментально причиняет тяжелые телесные повреждения с обильным кровотечением, открытыми переломами костей и протяженными рассечениями плоти. В общем, использование подобного оружия исключает всякую «игру» с перепуганной жертвой и ее обездвиженным телом. Между тем «игра с телом» жертвы является для серийного преступника даже важнее полового акта. Ни к чему подобному Ионесян интереса не демонстрировал. Изнасиловал он всего одну из семи жертв — это была крупная 15-летняя девочка-подросток, уже почти сформировавшаяся женщина. Многие грабители и террористы, пользуясь беззащитностью своих жертв, насиуют их, но от этого они не становятся серийными убийцами и сексуальными маньяками.

Ионесян был жаден, тащил из ограбленных домов все, что можно, ничем не брезговал: электрический фонарик, несколько облигаций внутреннего займа, две кофты, две авторучки, 70 копеек мелочью — такая вот, прямо скажем, небогатая пожива ждала его на одном из мест преступлений... Он вполне тянет на звание простого мелкого жулика, если б только не крушил черепа топором. Самый богатый улов Ионесяна — телевизор, вынесенный из квартиры убитой им 8 января 1964 г. 46-летней Марии Ермаковой. Человека с телевизором, завернутым в простыню, запомнили многие, в том числе и участковый милиционер. Милиционер запомнил и две цифры из номера грузовой автомашины, на которую Ионесян погрузил свою добычу. Отыскав водителя, сотрудники уголовного розыска быстро установили примерный адрес проживания преступника. Уже 12 января его арестовали. Можно ли представить американского серийного убийцу Эдмунда Кемпера с телевизором, прихваченным из дома жертвы для продажи? Или Гэри Риджуэя? Или Андрея Чикатило? Или Анатолия Сливко?

Нет, конечно! Потому что эти убийцы руководствовались в своих действиях совсем иными мотивами, нежели тот, который гнал на преступления сквалыгу Ионесяна. Именно поэтому нет никаких оснований зачислять последнего в ряды серийных убийц.

Те же, кто упорно записывают этого грабителя с большой дороги в «серийники», попросту не понимают сути явления, скрывающегося за словосочетанием «серийная преступность». Повторяющиеся убийства нескольких человек в схожей манере вовсе не являются основанием для того, чтобы называть преступника «серийным убийцей», иначе придется считать таковыми и бандитов, и террористов.

Имелись ли в отечественной истории преступники, похожие своей кровожадностью на Ионесяна? Конечно, и во множестве. Еще во времена императорской России, в последней четверти 19 в., был разоблачен Федор Широколов, безжалостный грабитель, убивший 26 человек. Были и убийцы, «работавшие под заказ», сейчас бы таких назвали киллерами. Таковым был, например, Антонов-Балдоха, число жертв которого, признанное судом, составило 11 человек, а на самом деле явно было много больше. Уже в начале 20 в., но еще в царское время, прогремел на всю Россию другой безжалостный грабитель и убийца — Александр Самышкин, упоминавшийся в начале этой книги. Во главе банды за 4 месяца 1913 г. этот безжалостный убийца совершил 11 вооруженных грабежей, в ходе которых пострадали более 20 человек. Самышкин со своими присными жестоко пытал пленников, жарил их утюгом, ломал ноги кувалдой, резал ножом. Почти все попадавшие в его руки погибали страшной смертью, выжил лишь один человек, получивший тяжелое ранение и принятый грабителями за мертвого. Примечательно, что освобожденный Февральским переворотом 1917 г. из каторжной тюрьмы, Самышкин с приходом большевиков к власти подался сначала в Красную милицию, а затем в ВЧК, где доблестно бился с «гидрой контрреволюции и интервенции» на Украине. Зигзаг судьбы неслучайный, ведь вся эта каторжанская шушера была для большевиков «классово близкой» прослойкой. В итоге Александра Самышкина расстреляли сами же чекисты. Случилось это в 1920 г.: знаменитый грабитель провинился перед новой властью отнюдь не патологической жесткостью, которая никому в ЧК в вину не ставилась, а банальной растратой казенных денег.

Эпические грабители и живодеры после октября 1917 г., разумеется, никуда не исчезли, а скорее наоборот — расплодился по всей Руси в невиданных доселе количествах. О грабителях 1920–1930-х гг. можно говорить очень много, но для иллю-

страции нашего тезиса достаточно будет упомянуть о таком феноменальном (и незаслуженно забытом!) бандите, как Егор Башкатов. Этот человек, промышлявший грабежами на протяжении 1922–1932 гг., принципиально не оставлял в живых ни одной своей жертвы. Начав свои грабежи в возрасте 43 лет и действуя первые годы в одиночку, Егор Иванович Башкатов за 10 лет активной преступной деятельности убил 459 человек (!). Это, пожалуй, своеобразный мировой рекорд. Огромное число погибших от рук Башкатова и его подельников подтверждается записями приходной книги, в которой убийцы отражали поступления денег и материальных ценностей в свой общак. Постепенно вокруг удачливого бандита сложилась многочисленная преступная группа, в состав которой помимо главаря входили еще 5 убийц, а также 15 пособников. Последние были заняты тем, что помогали легализовать награбленное — отстирывали одежду погибших, продавали их вещи, держали квартиры-явки. Кроме того, по меньшей мере еще 5 человек знали о преступном промысле банды, но никому об этом не сообщали, т. е. были повинны в недонесении о преступлении. В январе 1932 г. банда Башкатова была разгромлена правоохранительными органами, и все ее участники, виновные в убийствах, были приговорены к «высшей мере социальной защиты» — так в те времена называли смертную казнь через расстрел.

И после Башкатова по просторам СССР носились многие сотни кровавых убийц и бандитов, чьи руки были обагрены кровью десятков людей. Уже в эпоху «развитого социализма», т. е. на памяти нынешнего поколения (в том числе и автора этих строк), прогремели на весь Союз братья Самойленко: Дмитрий, Юрий и Валерий, — убившие в период с 6 июля по 30 декабря 1979 г., т. е. за пять с половиной месяцев, 32 человека!

Таким образом, многоэпизодные преступления, сопряженные с убийствами и насилием над десятками людей, вовсе не были для дореволюционной России и Советского Союза чем-то исключительным. И, как можно заметить, в ряду перечисленных выше «работников ножа и топора», Ионесян-Мосгаз ничем особенным не выделяется; более того, в этом ряду он занимает, в общем-то, довольно скромное место. Действовал Ионесян предельно тупо, оставляя массу свидетелей, губил людей зазря, за мелочевку, попался из-за скудоумия и жадности, носил-

ся с украденным телевизором, как дурень с писаной торбой, за что и поплатился.

Хотя Ионесеяна и причисляют совершенно незаслуженно к серийным убийцам, таковые существовали в СССР и без него. Причем задолго.

В нашем экскурсе в историю отечественной серийной преступности нельзя обойтись без упоминания, пожалуй, первого классического «серийника» советской формации Василия Комарова, поведение которого полностью отвечает современным представлениям об этом виде криминальной активности.

7.1. «Торговец с московского Конного рынка» Василий Комаров (Петров) (период активности: февраль 1921 г. — май 1923 г.)

Касаясь истории Василия Комарова, хотелось бы в самом начале подчеркнуть два немаловажных момента. Во-первых, это классический серийный убийца, мотивация и организация преступной деятельности которого прекрасно укладываются в выработанные современной криминальной психологией схемы. Во-вторых, Комаров представляет собой яркий пример адаптации серийного убийцы к весьма неординарным бытовым условиям, созданным коммунистической партией большевиков для городского населения покоренной страны. В начале 1920-х гг. Москва была превращена коммунистами в сплошную коммуналку (вспоминаем сакраментальное булгаковское «москвичей испортил квартирный вопрос»), задыхалась от перенаселенности, от всевластия органов политического террора и... их полной неспособности противостоять уголовной преступности. В-третьих, поймали убийцу, в общем-то, случайно, что тоже можно считать симптоматичным и заслуживает быть отмеченным особо.

Тот факт, что в районе Конного переулка и примыкающего к нему рынка орудует убийца или банда убийц, стал известен московской милиции 13 марта 1921 г., когда из-под снежной кучи на пустыре позади жилой застройки показалась грубая холстина обычного мешка, в котором тогда перевозили зерно. Солнце пригревало, снег подтаивал, и вскоре прохожим стало ясно, что под

снегом лежит не просто кусок ткани, а настоящий мешок. При этом явно не пустой. При его разрезании выяснилось, что в мешок помещено нагое человеческое тело, причем очень ловко и даже хитро связанное: руки заведены за спину и их запястья схвачены бечевкой, ноги подведены к животу и зафиксированы (бечевка пропущена под коленями и вокруг шеи), а на голове намотано тряпье с явной целью скрыть кровотечение. Понятно было, что человек не сам по себе замотался в тряпки и связал руки за спиной — предположение о самоубийстве можно было отмести сразу.

При осмотре трупа судебным медиком стало ясно, что погибшего дважды ударили по голове тяжелым тупоугловым предметом вроде кувалды, вызвавшим не только переломы костей черепа, но и деформацию головы. Один из ударов пришелся в левый висок, другой — в нижнюю челюсть и был направлен снизу вверх. Оба удара могли бы иметь для жертвы фатальные последствия, но отнюдь не они послужили причиной смерти — таковая последовала вследствие механической асфиксии. На шее четко прослеживался странгуляционный след — убийца использовал удавку, посредством которой и осуществил удушение.

Погибший был крепко пьян — это определилось хорошо узнаваемым запахом при трепанации черепа. Принимая во внимание уличную температуру и состояние тканей, судебный медик оценил интервал времени, миновавший с момента наступления смерти. Из его заключения следовало, что смерть неизвестного наступила примерно за две недели до обнаружения тела. Судебный медик высказал и еще одну немаловажную догадку: все время с момента убийства труп находился вне помещения, т. е. на холоде.

С учетом отсутствия одежды можно было предположить, что преступление было совершено не на улице. При сильном кровотечении, которое неизбежно бы имело место при описанных повреждениях черепа, пострадала бы верхняя одежда, и преступнику просто не было бы смысла забирать ее себе. Кроме того, если бы на голове погибшего в момент удара оставалась бы шапка, то повреждения височной области выглядели бы иначе. Наконец, еще одним доводом в пользу того, что убийство совершалось в помещении, являлось наличие на голове погибшего тряпья, пропитанного кровью. Убийца явно стремился скрыть следы обильного кровотечения и свести к минимуму попадание

крови на предметы окружающей обстановки. Понятно, что если бы убийство совершалось на улице, данный пустяк преступника заботил бы мало. Это было довольно ценное наблюдение, хотя в тот момент оно никак не облегчало задачу следователей.

Погибший явно был обворован — этот вывод доказательств не требовал ввиду отсутствия вещей. Возраст жертвы определен в 35—40 лет. По состоянию рук, ногтей, грубой стрижке волос и бороды можно было довольно уверенно сказать, что погибший принадлежал к трудовому сословию, скорее всего, крестьянскому. Татуировки на теле отсутствовали, а значит, убитый, по-видимому, не имел криминального прошлого и не являлся профессиональным преступником.

Интересную информацию удалось извлечь из осмотра мешка, в который был помещен труп. В нем оказались зерна овса, лошадиного корма. К югу от Конного переулка находилась довольно большая площадь, на которой на протяжении чуть ли не пяти столетий дважды в неделю, по понедельникам и средам, проводились конные ярмарки. Там же находились кормовые лавазы и мастерские, изготавливавшие конскую утварь (подковы, хомуты, седла и прочее) и торговавшие ею. Напрашивался вывод о связи либо жертвы, либо убийцы, либо их обоих с рынком.

В этом направлении и пошло следствие. Начались опросы среди рыночных торговцев на окрестных постоянных дворах и в трактирах с целью установить личность убитого или, по крайней мере, выяснить, не исчезал ли в последние недели мужчина, соответствующий описанию погибшего. Понятно, что описание это было довольно условным ввиду обезображивания лица и отсутствия одежды. Была привлечена агентура в уголовной среде, действовавшая в районе Донского монастыря и Якиманки.

Расследование, с самого начала имевшее весьма призрачные шансы на успех, довольно скоро застопорилось. Личность убитого установить не удавалось, также никто не заявлял об исчезновении человека, хотя бы близко соответствовавшего приметам найденного трупа. Через пару недель расследование выдохлось окончательно. Задействованные силы оперативного состава были перенацелены на другие дела и... на этом все!

Закончился март, минул апрель, а в первых числах мая был найден второй труп, связанный и помещенный в мешок точно так же, как и первый.

Мешок с телом был сброшен в неглубокую яму на полпути от Конного рынка к Москва-реке, примерно в 500 м от воды. Убийца явно озаботился маскировкой и забросал мешок землей. Поскольку грунт был еще не прогрет на достаточную глубину, преступник испытал определенные затруднения при выкапывании ямы, а потому выполнил свою работу кое-как. Собственно, это обстоятельство и позволило обнаружить захоронение — мальчишки, игравшие на пустыре, обратили внимание на странное проседание грунта, принялись в нем ковыряться, обнаружили мешковину, решили, что там клад... Далее понятно.

Схема связывания убитого и полученные им телесные повреждения оказались практически идентичны тем, что были зафиксированы при осмотре первого тела. Сохранность мягких покровов была значительно хуже, чем в случае с первым трупом, и потому судебный медик вполне оправданно предположил, что убийство произошло довольно давно — явно за месяц или даже более до момента обнаружения тела. Другими словами, убийство датировалось концом или даже серединой марта 1921 г. Возраст погибшего по состоянию волосяного покрова (плешь, залысины, обильная седина) был определен как находящийся в интервале 50–55 лет. Как и в первом случае, лицевая часть черепа была деформирована до полной неузнаваемости черт.

Попытки установить личность погибшего ни к чему не привели. Понятно, что вести эффективный розыск убийцы при таких исходных данных не представлялось возможным.

С этого времени мешки с мужскими трупами стали находить с завидной периодичностью — один, иногда два в месяц. Раз за разом убийца демонстрировал постоянство выбранной манеры действия: один или два удара кувалдой по голове, душение удавкой, стереотипное связывание (запястья за спиной, колени подвязаны к шее), помещение трупа в мешок, вывоз его с целью сокрытия либо в сторону Москва-реки — это на запад от Конного переулка, либо в глубь дворов к северу. Летом убийца не без успеха закапывал мешки по ночам в огородах, разбитых жителями на пустырях или прямо во дворах (время было голодное, и «дикие» огороды тогда заводили многие). Все места «сбросов трупов» локализовались на участке буквально в 1 квадратный километр, в принципе, площадь эта очень небольшая,

Большинство найденных жертв Комарова так и не были идентифицированы — этому мешало как отсутствие личных вещей и документов убитых, которые преступник умышленно оставлял у себя, так и общая разруха и дезорганизация общественной жизни в первой половине 1920-х гг. (отсутствие паспортного контроля, воинского учета и тому подобных элементов контроля населения). Оpoznанию жертв мешало и специфическое травмирование головы — убийца в самом начале нападения наносил жертве по голове один или два удара обухом топора. Удары эти, нанесенные с большой силой справа налево, обычно приходились на левую сторону лица, значительно его искажая.

если оценивать ее с позиции возможностей контроля оперативными силами уголовного розыска.

Иногда находили трупы совсем «свежие», т. е. явившиеся результатом недавних убийств, иногда же сильно разложившиеся и сокрытые убийцей задолго до их обнаружения. Подобная чехарда мешала определить «ритм», по которому действовал преступник. Однако в нескольких случаях свежие тела находили в четверг, и это навело на мысль, что преступления совершались в среду, т. е. в день ярмарки на Конном рынке. После шестого или седьмого убийства в действиях преступника появилась новая черта: он стал использовать мешки, заблаговременно подготовленные к убийству. Видимо, обычные мешки «подвели» его или показались не слишком удобны, поэтому убийца принялся их определенным образом дорабатывать. Он разрезал мешок сбоку и делал вставку, получая тем самым намного более широкий мешок. Одновременно, он дополнительно подшивал его снизу куском прочной холстины, исключая тем самым вероятность того, что под весом человеческого тела шов разойдется.

По мере того, как росло число обнаруженных в мешках трупов, оперативную работу по расследованию убийств принял на себя Московский уголовный розыск (в те годы он назывался МГУУР — Московское городское управление уголовного

Удары топором, которые наносил Комаров своим жертвам, являлись лишь предлюдией и, по признанию преступника, не приводили к немедленной смерти. Поверженного на пол человека убийца некоторое время душил, после чего принимался за раздевание доната. Делал он это не с целью последующей продажи одежды, а из других, куда более практичных соображений — труп могли опознать по одежде, ведь в те годы было принято вышивать на ней метки. После раздевания следовал финал расправы: Комаров остро отточенным сапожным ножом перерезал шею жертве и, приподнимая тело, выпускал кровь. Сначала он сливал кровь на мешки и разного рода ветошь, а впоследствии купил для этой цели ванночку. Свои манипуляции с кровью Комаров во время следствия объяснял желанием максимально облегчить труп, но для такого физически крепкого мужчины, как он, вряд ли снижение веса тела на 2 или даже 3 кг могло бы иметь существенное значение. Совершенно очевидно, что разрезание шеи преследовало цель окончательно добить жертву и исключить всякую возможность ее спасения.

розыска). Расследование велось в глубокой тайне, хотя об этом можно говорить с сильной натяжкой, ибо несколько тел пришлось извлекать из земли при стечении большого количества народа. Хотя городская молва быстро разнесла весть о таинственном живодере, закапывающем тела убитых людей в окрестностях Конной площади, городские власти и представители правоохранительных органов никак не комментировали такого рода слухи (тут нельзя не отметить следующий нюанс: хотя пресса в то время уже находилась под полным контролем правящей партии, т. е. большевиков, традиции дореволюционной журналистики еще не сгнули окончательно, а потому в газетах начала 1920-х гг. еще довольно активно освещались криминальные новости. В последующие годы криминальная хроника надолго исчезнет из отечественной периодики, как «идеологически чуждая» и «разжигающая низменные страсти толпы», а сама

журналистика данной тематики получит уничижительное название «желтой прессы».).

В первых числах декабря 1921 г. в развалинах дома в Конном переулке были найдены в непосредственной близости друг от друга сразу два мешка, в которых находились полностью раздетые трупы молодого мужчины и женщины. Оба тела оказались связаны веревками в хорошо узнаваемой манере, головы погибших были изуродованы чудовищными ударами кувалды и обуха топора. Совокупность криминальных деталей позволяла довольно уверенно заключить, что найдены очередные жертвы все того же таинственного убийцы. Но в данном случае московским сыщикам очень повезло: во-первых, они правильно предположили, что убитые были как-то связаны друг с другом при жизни и стали жертвами одновременно, а во-вторых, к тому времени губернская милиция уже располагала заявлением об исчезновении брата и сестры Лопатиных, отправившихся в Москву за покупкой лошади. Было известно, что пропавшие без вести имели при себе крупную сумму денег. Довольно быстро удалось доказать, что найденные тела принадлежат именно Лопатиным, и это были первые трупы, которые удалось идентифицировать в ходе расследования.

Важным результатом явилось и то, что удалось доказать связь преступника с Конным рынком, поскольку Лопатины приехали в Москву именно на конскую ярмарку.

В ходе тщательного осмотра бесхозных строений, примыкавших к Конному переулку, через два дня в подвале недостроенной бани был найден еще один мешок с обнаженным трупом. А через день — еще один в развалинах дома буквально в сотне метров от здания бань. Стало ясно, что из-за наступивших холодов убийца испытывает проблемы с закапыванием тел, поэтому он перешел к их сокрытию в заброшенных строениях. В принципе, убийца мог с этой целью попробовать спускать тела под лед Москва-реки (там имелись наплавные понтоны для забора воды населением и поддерживались свободные ото льда полыньи), но он явно не желал рисковать, опасаясь милицейской слежки. В своих опасениях преступник оказался прав: оперативники МГУУР, действительно, скрытно круглосуточно контролировали подходы к воде, надеясь поймать убийцу при попытке избавиться от тела.

До конца 1921 г. в окрестностях Конного переулка удалось обнаружить еще два мешка с трупами. На голове одного из них оказалась намотана детская пеленка, причем бывшая в употреблении. Это позволило следствию предположить, что убийца живет в семье, где недавно родился ребенок. Правда, можно было сделать и другое предположение, а именно: семья с младенцем живет по соседству, но, в любом случае, где-то рядом с убийцей должен был находиться ребенок в возрасте до одного года.

Так, к концу 1921 г. московские сыщики начали примерно понимать, кого же именно они ищут: мужчину, связанного по роду занятий с Конным рынком, проживающего в ближайших от него окрестностях, в семье которого (либо у ближайших соседей) недавно появился ребенок. Жилищные условия преступника достаточно уединенны и подходят для совершения преступлений. В принципе, этих данных было уже достаточно для того, чтобы начинать адресную проверку. Конечно, это была «ловля широким бреднем», но тем не менее таким шансом пренебрегать не следовало.

С такими вот настроениями работники городской прокуратуры и оперативники МГУУР заканчивали 1921 г. На тот момент были найдены уже 17 трупов в мешках. В 1922 г. в деятельности таинственного убийцы словно бы наступил спад: за весь год удалось отыскать только 6 трупов. Уголовный розыск не без основания связывал это снижение активности с энергичной деятельностью правоохранительных органов в том районе: буквально каждую неделю милиция устраивала различные массовые акции вроде проверок документов, облав на скрывающихся уголовников, поиска самогонных аппаратов, лиц, занимающихся частным извозом без разрешения районных управ, и т. п. Постоянно задерживалось большое количество людей, в том числе и занятых криминальным промыслом, а это, по-видимому, создавало определенную нервозность у убийцы. Тем не менее вся эта милицейская активность не затрагивала таинственного изувера, поскольку тот оставался неуловим и время от времени подбрасывал очередной труп.

В первой половине 1923 г. убийца активизировался: за четыре с половиной месяца были обнаружены 5 трупов в мешках. Телесные повреждения погибших и характер их связывания не оставлял сомнений в том, что это жертвы того же самого

ворованными со складов госрезерва, что само по себе вызывало вполне понятный интерес правоохранительных органов, во-вторых, еще в апреле 1922 г. у него был обнаружен нелегальный самогонный аппарат, за что на Комарова тогда было наложено административное взыскание и штраф, наконец, в-третьих, он постоянно разъезжал на бричке, словно бы «номерной» (т. е. лицензированный) извозчик, но... уже более года он был лишен номерного значка и не мог заниматься извозом. В общем, за Комаровым водились грешки и имелись формальные поводы для того, чтобы явиться к нему домой с проверкой.

19 мая группа оперработников уголовного розыска в сопровождении милиционеров в форме вошла в квартиру Комарова с целью якобы проверки сообщения об имеющем место по данному адресу самогонварении. Хозяин, демонстрируя полное самообладание, расположился на кухне, не мешая осматривать жилище; жена с тремя детьми в это время находилась в небольшом садике во дворе. Осмотр уже подходил к концу, когда Комарова попросили открыть небольшой чуланчик возле черного выхода из квартиры. Василий пожал плечами, выражая недоумение по поводу того, что дверь закрыта, и, пробормотав: «Ключи у жены, наверное», — выглянул в окно. Со стороны это выглядело так, словно он хотел спросить у своей супруги о местонахождении ключей... Однако в следующую секунду он прыгнул со второго этажа и стремглав бросился прочь из двора. Хотя у подъезда стоял наряд работников милиции, они не угнались за беглецом.

После того, как была открыта дверь чулана, стала ясна причина бегства Комарова. В небольшой каморке находился мешок с нагим мужским трупом и оцинкованная ванночка со следами крови на внутренней поверхности. Ванночка явно использовалась убийцей в его манипуляциях с телами жертв.

Несмотря на успешное бегство, Комаров оторваться от преследователей не смог. Во всех местах его возможного появления были выставлены засады, и ранним утром 20 мая 1923 г. беглеца задержали в саду тетки его жены Софьи.

Поскольку улики, изобличившие Василия Комарова, были наглядны и неопровержимы, отпираться он не стал и сознался в убийстве 33 человек. Точнее, убитых было много больше, сам Комаров считал, что совершал убийство один раз в две недели

Василий Терентьевич Комаров, убивший в Москве в начале 1920-х гг. не менее 33 человек и казненный в 1923 г. в возрасте 52 лет, по праву мог быть отнесен к категории «прирожденных убийц». Правда, большевистская криминология категорически противилась ломброзианским взглядам на природу преступных наклонностей и привычек, а потому упоминать о дурной наследственности следовало очень осторожно. Тем не менее известный криминальный психолог С. В. Познышев, имевший возможность лично обследовать арестованного серийного убийцу, в своем исследовании *«Криминальная психология: преступные типы»* дал очень яркую и емкую характеристику Комарову: «Алкогольная наследственность, личный алкоголизм и тяжелая атмосфера семьи сделали его крайне раздражительным и злобным человеком. Он никогда не знал чувства симпатии ни в одной из форм его выражения — ни в виде любви, ни в виде дружбы. (...) Он не глуп и даже довольно хитер. Но мышление его отличалось своеобразной неустойчивостью. Его память и комбинаторная способность значительно понижены. События какими-то отрывками вставали в его памяти, причем многое в этих событиях вспоминалось очень плохо и с большим трудом. Связь между событиями находилась им с большим трудом, а иногда не находилась вовсе или, найденная, быстро исчезала из сознания. Он по пальцам высчитывал года и нередко сбивался в счете. У него заметны юмор алкоголиков, большая болтливость и вместе с тем сбивчивость изложения и мысли под влиянием врывающихся «боковых» ассоциаций, нарушавших общее течение мышления и рассказа и запутывавших его мысль в мелочи, из сети которых она потом не могла выбраться».

(а значит, с февраля 1921 по май 1923 г. от рук изувера погибли примерно 50—55 человек), но припомнить он смог лишь 33 эпизода. Василий Терентьевич объяснил, почему милиция отыскивала далеко не всех убитых: значительную их часть он сбрасывал в Москва-реку.

Родился Василий Терентьевич в Витебской губернии в 1871 г., имел при рождении фамилию Петров. Семья была большая, крестьянская, недружная и сильно пьющая, причем пили горькую как родители, так и дети. Такой вот клуб по интересам... Ни с одним из 11 родных братьев Василий отношений не поддерживал.

Будущий убийца трижды служил в армии: в первый раз отслужил действительную 4-летнюю службу в конце 19 в., затем был призван в Русско-японскую войну, и наконец, в третий раз пошел воевать за «рабоче-крестьянскую власть» в 1918 г. Кстати, именно после Гражданской войны он приехал в Москву, купил здесь дом и сменил фамилию на Комаров. Это довольно мутный момент в биографии убийцы, и на этом основании кое-кто даже заподозрил, будто в годы Гражданской войны Петров был связан с некими антибольшевистскими спецслужбами, но поверить в такие зигзаги судьбы витебского крестьянина довольно трудно. Во-первых, Петров (Комаров) не имел даже минимального образования, необходимого для работы в разведке или контрразведке, а во-вторых, многолетнее пьянство произвело весьма разрушающую работу над его интеллектом и памятью. Упомянувшийся уже криминальный психолог Сергей Познышев работал с Комаровым до суда и следующим образом охарактеризовал этого преступника: «Его память и комбинаторная способность значительно понижены. События какими-то отрывками вставляли в его памяти, причем многое в этих событиях вспоминалось очень плохо и с большим трудом. Связь между событиями находилась им с большим трудом, а иногда не находилась вовсе или, найденная, быстро исчезала из сознания. Он по пальцам высчитывал года и нередко сбивался в счете». Согласитесь, привлекать такого человека на работу в спецслужбу — это верх неосмотрительности.

Думается, что ни с какой разведкой Комаров никогда не сотрудничал, а деньги на покупку дома в Москве банально нагребил во время Гражданской войны — благо возможностей для стяжания боевые действия предоставляли немало.

Женат Василий Терентьевич бывал дважды, честно признавался, что жен не любил и регулярно поколачивал как их, так и детей. На следствии признал, что впервые был судим еще при «старом строе», т. е. до Октябрьской революции. Причина осуждения — якобы хищение яблок, убийств в те времена, по уверению Комарова, он не совершал. Проверить достоверность этих утверждений не представлялось возможным ввиду утраты судебных архивов той поры.

В период следствия Комаров заявил, что убивать посетителей Конного рынка он решил с целью их последующего ограбления.

В Москву съезжались жители окрестных волостей и даже других губерний; понятно, что человек, приехавший с целью купить лошадь, имел при себе значительную сумму денег. Комаров заманивал потенциальную жертву в свой дом под предлогом продажи казенной лошади, а чтобы усыпить бдительность покупателя демонстрировал номерной значок извозчика. В квартире преступник угощал жертву водкой с закуской и, уловив удобный момент, наносил неожиданно один или два удара обухом топора или кувалдой по голове. Обычно уже эти удары оказывались смертельны: Комаров обладал недюжинной силой, в молодости поднимал без труда до 10 пудов (160 кг), и хотя к пятидесяти годам несколько «поослаб», все же с легкостью управлялся с весом в 5 пудов. Тем не менее, не полагаясь на силу оглушающих ударов, он душил жертву веревкой. Уже после этого убийца «выпускал кровь», для чего делал разрез на шее и приподнимал тело над заранее подстеленной рогожей и ворохом тряпья. Вскоре он отказался от их использования и стал спускать кровь убитых людей в специально купленную оцинкованную ванночку. Всю эту возню с кровью он устраивал с двоякой целью: с одной стороны, обескровленное тело становилось легче на 3—4 кг, и с ним было проще обращаться, а с другой, при отсутствии крови плоть медленнее разлагалась. Последнее было немаловажно, поскольку Комаров не сразу выносил тело из квартиры, а сначала помещал мешок с трупом в чулан возле черного выхода и лишь поздней ночью решался вывозить его на пустырь или к Москва-реке.

Убийца признавался, что ему нравилось то, чем он занимался. Смертельный промысел приносил ему стабильный и очень даже неплохой доход, поиск жертвы будоражил кровь, да и сам процесс реализации замысла немало шекотал нервы. Однако постепенно стали возникать разного рода сложности. Люди стали аккуратнее в отношениях и осторожнее, все больше потенциальных «клиентов» отказывались идти в квартиру Комарова для «деловых переговоров». Преступник был хорошо осведомлен об обнаружении спрятанных им трупов, несколько раз он стоял в толпе зевак, наблюдая за действиями милиции на месте обнаружения трупа, а однажды даже поучаствовал в качестве добровольца в откапывании одного из мешков.

В декабре 1922 г. пролетку Комарова, возвращавшегося после сокрытия очередного трупа, остановил наряд милиции, очень напугав преступника. Тот понял, что оказался буквально на волоске от провала: если бы встреча с милицией произошла четвертью часа ранее, все для него было бы кончено. После этого Комаров резко изменил манеру своих действий — он привлек к сокрытию трупов жену Софью. Она усаживалась в пролетку, словно пассажир, а Василий садился на козлы, точно извозчик, мешок с телом жертвы прятался под ногами пассажира и не привлекал к себе внимания. Софья помогла мужу в сокрытии по меньшей мере 6 тел убитых им людей. Также она косвенно помогала ему, уводя из дома детей на все время, пока Комаров умерщвлял свои жертвы и готовил их к транспортировке.

На вопрос о раскаянии в содеянных злодеяниях, заданном убийце психиатром Евгением Краснушкиным, Комаров простодушно ответил, что «убил бы да хоть еще шестьдесят человек!». А когда в суде у Василия поинтересовались, имеет ли он что-то сказать в свое оправдание, тот брякнул без затей: «На фронте убивают честных людей, а я убивал спекулянтов!». Как видно, механизм внутреннего самооправдания был у Комарова чрезвычайно примитивен, и не будет ошибкой сказать, что он вообще не задумывался о таких пустяках. Людей такой категории, т. е. лишенных всяких нравственно-этических ориентиров и невосприимчивых к человеческим страданиям, отечественные психиатры начала 20 в. называли «нравственными идиотами».

Суд над Василием Комаровым и его женой Софьей открылся 6 июня 1923 г., правосудие той поры было скорым и проволочек не терпело. Вполне ожидаемо обвиняемые были приговорены к «высшей мере социальной защиты» и расстреляны уже через месяц.

С точки зрения современных представлений, Василий Комаров однозначно может быть классифицирован как организованный несоциальный серийный убийца. Важнейшим индикатором здесь может быть его приверженность одному типу оружия (кувалда и удавка), а также склонность заманивать жертву в заранее выбранное и подготовленное место (собственную квартиру). Такая манера действий характерна именно для организованных несоциальных серийных убийц, дезорганизованные так себя

не ведут. Сексуальная мотивация в действиях Комарова вроде бы не проглядывает, но это не значит, что ее действительно не существовало.

Европейские криминологи уже давно выделяют в особую категорию сексуальных убийц так называемых «дестройеров» (от англ. *destroyer* — разрушитель), для которых сам акт лишения жизни имеет огромный эротический контекст, но при этом не сопровождается видимыми сексуальными манипуляциями на месте преступления. Свое сексуальное напряжение такой убийца снимает через некоторое время после совершения преступления в другом месте и в иной обстановке, но при этом его эротические фантазии будут связаны с совершенным ранее убийством. Для преступников этой категории характерна чрезмерная и немотивированная жестокость, на которую не решаются даже профессиональные уголовники, сохраняющие в момент совершения преступления способность мыслить рационально.

Именно таким «дестройером» и являлся Василий Комаров, ему, очевидно, доставляло удовольствие обдумывать способы заманивания очередной жертвы в ловушку и ее умерщвления, сам процесс убийства, по-видимому, вызывал необыкновенно яркие переживания, притом такой силы, что преступник не мог отказаться от них даже под страхом смерти. Несмотря на явную алкоголизацию и связанные с этим изменения личности, Комаров, безусловно, испытывал во время подготовки и совершения убийств сложную гамму разнообразных переживаний, и, думается, именно эти переживания, а вовсе не кошельки несчастных крестьян, являлись подлинным мотивом затянувшейся на два года череды повторяющихся кровавых убийств. Впрочем, разбираться в этих психологических нюансах никто тогда и не подумал.

Интересно, что в действиях Комарова очень хорошо заметна присущая серийным убийцам склонность постепенно видоизменять манеру своих преступных действий, оставаясь, однако, в рамках однажды выработанной схемы. Убедившись в том, что выпускать кровь жертвы на подстеленную рогожу и ветошь слишком неудобно, он купил корыто. Столкнувшись с тем, что обычный мешок из-под зерна слишком узок для мужского тела средней комплекции, убийца принялся шить специальные вставки, дабы сделать мешки шире. А под конец своего криминального промысла он догадался с целью маскировки усаживать

в возок с трупом собственную жену. Это придавало его ночному вояжу вид безобидной ночной поездки.

Нельзя не отметить и того, что поимка Василия Комарова явилась во многом случайностью. Фактически, если бы в момент осмотра его жилища в чулане не оказался труп очередного мужчины, убитого накануне вечером, сотрудники Московского уголовного розыска так и остались бы в неведении относительно личности таинственного убийцы. Конечно, Комаров продолжал бы числиться в списке подозреваемых, и вполне вероятно, что его в конце концов разоблачили бы, но трудно сказать, скольких еще людей он успел бы лишиться жизни.

Комаров, безусловно, занимает не последнее место в ряду выдающихся серийных убийц Советской России, но, как увидим из дальнейшего, он отнюдь не самый необычный и кровавый представитель этой мрачной плеяды.

7.2. Владимир Винничевский — самый молодой серийный убийца Советского Союза (период активности: 1938—1939 гг.)

История Владимира Георгиевича Винничевского крайне необычна и не до конца понятна даже с точки зрения современных, довольно полных представлений о комплексах, формирующих серийных убийц.

Считается, что Владимир стал похищать малолетних детей с целью их последующего изнасилования будучи в возрасте 15 лет. В общей сложности Винничевский совершил 18 нападений на детей, которые привели к гибели 8 из них. Его жертвами становились малолетние мальчики и девочки, возраст жертв колебался в интервале от двух с половиной до четырех с половиной лет. Как настоящий педофил Винничевский не разделял жертвы по половому признаку — определяющим являлся возраст, ну и, разумеется, возможность совершить преступление безнаказанно. Убедившись опытным путем в том, что с малолетними девочками ввиду анатомических ограничений осуществить половой акт в «обычной форме» невозможно, преступник осуществлял грубое анальное изнасилование

Свердловск. Район Уралмаш. 1930-е гг.

либо его суррогатную имитацию — терся гениталиями о тело жертвы. Одновременно с этим он душил ребенка, а в конце нападения наносил множественные удары холодным оружием (в качестве последнего использовал различные ножи и отвертку). Впрочем, в некоторых эпизодах преступник холодное оружие не использовал, и это до известной степени дезориентировало следствие.

Когда именно Винничевский стал совершать свои нападения, в точности неизвестно. Дело в том, что родственники некоторых из выживших жертв изнасилований в органы охраны правопорядка о нападениях не сообщали, таким образом, имевшие место преступления в поле зрения НКВД и прокуратуры не попали. О них стало известно из признательных показаний преступника в ходе следствия. Проверая утверждения Винничевского о неизвестных следствию эпизодах, работники уголовного розыска деятельно искали как самих потерпевших, так и их родственников, однако установить их так и не удалось. Причем не вызывало сомнений, что все эти люди живы и сознательно уклоняются от контактов с НКВД и прокуратурой. Причин такого странного на первый взгляд поведения может быть несколько, в частности, родители могли опасаться усиле-

Свердловск. Район Уралмаш. 1930-е гг. На заднем плане виден лесной массив

ния психотравмы изнасилованного ребенка необходимостью вспоминать о случившемся. Однако самая достоверная причина отказа от сотрудничества с органами защиты правопорядка лежит, как представляется, в иной плоскости — не надо забывать, что в 1936–1938 гг. по стране прокатился вал чудовищных репрессий, получивший в народе название «ежовских». Органы НКВД в ходе массовых арестов, проводимых по разнарядкам из Москвы, «подчищали» всех неблагонадежных или тех, кто мог таковым считаться. В ходе так называемых национальных операций людей арестовывали по национальному признаку, помимо этого в лагеря и под расстрел шли представители «социально враждебных» групп населения и «деклассированные» лица. При желании органы внутренних дел могли практически любого человека произвольно подвести под одну из категорий, дающих право осуществить репрессивные меры. Поэтому любое внимание правоохранительных органов грозило обычному гражданину самыми непредсказуемыми последствиями. В обстановке царившего в стране воистину кафкианского ужаса многие здравомыслящие люди предпочитали вообще не обращаться в НКВД за помощью, дабы лишний раз не привлекать к себе внимания стражей «социалистической законности».

Свердловск. Маленькие дети на окраине Уралмаша

Итак, о первых двух попытках изнасилований, предпринятых Винничевским летом или в начале осени 1938 г., правоохранительные органы тогда так и не узнали. Первым эпизодом, связанным с преступными действиями несовершеннолетнего школьника, явилось сопряженное с убийством изнасилование 4-летней Герты Грибановой. Это посягательство поразило своей дерзостью — убийца вошел во двор частного жилого дома, в котором проживала многочисленная семья Грибановых, увидел девочку, сидевшую возле поленницы дров, заговорил с нею, увел в огород и буквально в двух десятках метров от окон ее родного дома изнасиловал и убил. Сначала преступник душил поваленную на землю жертву, затем пустил в ход нож. Винничевский нанес в голову девочки не менее восьми ударов ножом, четыре из которых пробили кости свода черепа и повредили мозг; последний из числа этих ударов привел к заклиниванию лезвия ножа и его поломке. Кончик лезвия длиной чуть менее 4 см остался в черепе, а в руках убийцы оказался бесполезный обломок. Винничевский из этого опыта извлек урок и впредь советскими кухонными ножами при нападениях не пользовался; вместо них излюбленным оружием изувера стала отвертка, швейцарский складной нож и так называемый нож сапожника с коротким и широким толстым лезвием.

Преступник во время поиска жертв не боялся вступать в контакты с людьми, он смело входил в подъезды многоквартирных жилых домов, обходил дворы, заговаривал со случайно встреченными жителями. У Винничевского имелась отличная легенда, объяснявшая его появление в это время в этом месте, — он говорил, что имеет комсомольское поручение организовать для подшефной пионерской дружины сбор металлолома и вот теперь обходит окрестные кварталы, дабы узнать, у кого из жителей есть металлолом.

Комсомольцы и пионеры, занятые сбором макулатуры, металлолома и ветоши являлись приметой того времени. Перед каждым государственным праздником устраивались разного рода «ударные пятницы», «трудовые субботы» и просто субботники, во время которых школьники, словно саранча, тучами метались по прилегающим к школам районам в поисках разного рода хлама, который они тащили на школьный двор, сваливая там в огромные кучи. Вся эта безумная активность трактовалась комсомольскими вождями не иначе как «трудовое воспитание молодежи», хотя на самом деле очень сложно понять, какое отношение к труду и воспитанию имеет принудительный сбор разного рода хлама и вторсырья.

Придуманная Винничевским легенда отлично соответствовала духу времени. Даже когда уже весь Свердловск узнал о нападениях на малолетних детей и незнакомые мужчины вызывали всеобщее подозрение, школьник, обходящий дома якобы в поисках металлолома, казался вполне безобидным. Никто из местных жителей не связывал появление в районе комсомольского активиста с последующим нападением на ребенка, соответственно, и в милицию никто о подозрениях такого рода не заявлял.

Первое более-менее внятное описание внешности таинственного насильника малолетних детей появилось в распоряжении правоохранительных органов после шестого нападения Винничевского в ноябре 1938 г. (правда, о трех из этих шести нападений ничего на тот момент известно не было, так что следствие считало, что данный эпизод явился третьим по счету). Владимир похитил прямо от дверей дома сидевшего в санках 4-летнего Борю Титова, увез его в конец улицы, там напал на малыша, предпринял попытку изнасиловать, после чего стал душить. По каким-то причинам Винничевский не пустил тогда в ход

холодное оружие, хотя носил его при себе всегда. Преступник решил ограничиться удушением, и это спасло мальчику жизнь. Боря Титов потерял сознание, и преступник решил, что убил его. Винничевский отвез мальчика обратно к жилым домам, подле одного из них бросил тело в сугроб и забросал снегом, после чего оттащил пустые санки в другой конец улицы и оставил их там. Преступник весьма здраво рассудил, что розыск мальчика начнут от места обнаружения санок, ничего там не найдут и станут искать в лесу. Таким образом юный убийца вполне осмысленно направлял милицию по ложному следу, рассчитывая максимально оттянуть момент обнаружения трупа и выгадать время для ухода с места совершения преступления и создания себе алиби (поразительная для 15-летнего предусмотрительность!). И замысел изувера, пожалуй, сработал бы, если б только Боря Титов, закопанный в сугробе, не пришел в сознание и не стал кричать. Его крик привлек внимание жителей ближайшего дома, малыша отыскивали, оказали помощь, вызвали родителей и милицию.

Боря как смог описал похитителя. Стало ясно, что преступник не имеет бороды и усов и он молод. Правда, с возрастом педофила все равно вышла ошибка — никто из оперработников уголовного розыска не мог предположить, что искать надо 15-летнего юнца. Бывалые сыскари склонялись к тому, что преступник имеет возраст около 20 лет или даже старше, просто выглядит невысоким и субтильным...

Надо сказать, что выработанной тактики оставления ложных следов Винничевский придерживался и в последующем. Ничто не мешало ему оставлять одежду жертв на месте преступления, однако в нескольких эпизодах он уносил ее с собою и выбрасывал поблизости от дома похищенного ребенка. Обнаружение одежды должно было дезориентировать поиск и направить его в ложном направлении.

Помимо этого коварного приема, Винничевский с целью затруднения расследования совершенных преступлений занимался сокрытием тел своих жертв. Если ему удавалось заманить ребенка в лесной массив, то там преступник забрасывал тело ветками, листвой и дерном. А вот если нападение совершалось в жилом районе, то в этом случае преступник поступал куда неординарнее — он сбрасывал бесчувственные тела детей в выгребные ямы уличных туалетов. Те, кто видели такие от-

Владимир Георгиевич Винничевский, самый молодой из известных в настоящее время серийных убийц Советского Союза, в 1938—1939 гг. совершил по меньшей мере 18 нападений на детей в возрасте от 2,5 до 4,5 лет. 8 из этих нападений закончились убийствами малышей. По своей мотивации преступник должен быть отнесен к категории ярко выраженных сексуальных садистов, по степени организованности — к организованным несоциальным серийным убийцам. Свой преступный путь Владимир начал в 15 лет и уже с самого начала продемонстрировал способность к усложнению и усовершенствованию модели своего преступного поведения. Убедившись опытным путем в ненадежности советских кухонных ножей (во время четвертого нападения у ножа сломалось лезвие), Винничевский стал использовать в качестве оружия отвертку и складной швейцарский нож. Преступник принимал меры по маскировке тел своих жертв и направлению розысков пропавших детей по ложному следу. Если нападения осуществлялись в городской черте, Винничевский сбрасывал детей в выгребные ямы общественных уборных, в надежде, что запах нечистот замаскирует разложение плоти. При нападениях в лесу или парках, он забрасывал тела ветками, листвой и грунтом. Одежду (а в одном случае санки) похищенных детей преступник оставлял в стороне от тел потерпевших, полагая, что после обнаружения вещей розыск пропавших пойдет в другом направлении и потерпевшие будут найдены со значительной задержкой. Чтобы дезориентировать следствие, Винничевский совершал нападения в разных частях Свердловска, а также убил двух детей в других городах (в Кушве и Нижнем Тагиле), рассчитывая навести правоохранительные органы на мысль о своем переезде на север области. Благодаря хитрости, находчивости, умению производить благоприятное впечатление на окружающих, Винничевский все время оставался вне подозрений и пойман оказался, в общем-то, совершенно случайно.

хожие места, без труда поймут расчет убийцы — там нет света и отвратительно пахнет. Этот смрад способен надолго замаскировать запах разлагающейся человеческой плоти.

Именно по такой схеме Винничевский провел свое седьмое нападение, жертвой которого стала 3-летняя Валя Лобанова. Преступление это Владимир совершил в декабре 1938 г. в городе

Кушве в 190 км севернее Свердловска. Тело изувеченной девочки Винничевский сбросил в яму с фекалиями под деревянным настилом уличной уборной. Сбрасывание детей в выгребные ямы — это, кстати, еще одно ноу-хау, до которого Винничевский додумался самостоятельно. Ему он будет верен и в дальнейшем. Может показаться невероятным, но одна из девочек, сброшенных в отхожее место в бессознательном состоянии, осталась жива. 4-летнюю Раю Рахматулину, жертву 9-го нападения, спасло то, что убийца ограничился душением руками и не использовал для умерщвления холодное оружие. Благодаря этому девочка очнулась, стала звать на помощь и ее услышали.

Помимо двух описанных выше элементов криминального поведения (оставление вещей жертвы в стороне от места преступления и сброс тел в выгребные ямы), для преступного почерка Винничевского был характерен еще один любопытный момент, свидетельствующий о неординарности мышления убийцы. Юноша самостоятельно пришел к мысли, что с целью максимального затруднения собственного розыска надлежит расширять географию нападений. Об убийстве в Кушве 3-летней девочки упомянуто выше, а кроме этого Винничевский в феврале 1939 г. совершил убийство в г. Нижнем Тагиле — это в 140 км к северу от Свердловска. Тогда он похитил, изнасиловал и зверски убил Риту Фомину, девочку двух с половиной лет. В самом Свердловске преступник напал в разных частях города без всякой видимой, на первый взгляд, системы. Так, например, в районе железнодорожной станции «Аппаратная» на западной окраине города Винничевский похитил и убил 4-летнюю Лиду Сурину. А в восточной части Свердловска тяжело ранил Алю Губину, 3-х лет. Девочка, получившая тяжелые ножевые ранения, в том числе порез от правой ключицы до правого тазобедренного сустава длиной более 25 см, чудом осталась жива.

При этом сам Винничевский проживал в доме №21 по улице Первомайской — это центральная часть Свердловска, буквально в 500 м от того самого дома Ипатьева, в котором в июле 1918 г. были расстреляны последний российский император Николай II, члены его семьи и обслуга. Учился Владимир в средней школе №16 (на момент ареста в выпускном 7 «б» классе).

Владимир Георгиевич Винничевский по меркам своего времени считался вполне нормальным подростком. Как и все социопаты, он обладал великолепной способностью к социальной мимикрии: хорошо пел, любил исполнять патриотические песни, хотел стать танкистом, по крайней мере, говорил так. При аресте в карманах Винничевского оказались страницы из песенного сборника, которые он носил с собою для разучивания музыки и слов полюбившихся песен. Нельзя сказать, что Владимир рос в условиях нужды или крайнего материального стеснения — отнюдь! — он имел кожаную обувь, костюм (чем мог похвастаться далеко не каждый советский подросток того времени), разные ценные в глазах сверстников вещицы (танковый шлем, швейцарский складной нож), а при аресте в его карманах оказалось более 20 рублей наличными. Семья Винничевских жила в отдельном добротном доме в центре города, буквально в 500 м от того самого дома Ипатьева, в котором содержались под стражей и были казнены в июле 1918 г. последний государь император Николай II, члены его семьи и слуги. Родившийся в 1923 г. Владимир Винничевский не видел ужасов Гражданской войны и по всем меркам мог считаться вполне достойным молодым гражданином, сыном славного времени строительства и победы социализма. А потому можно понять недоумение современников: как такой замечательный юноша, распевавший песенки про танкистов и героев Хасана, мог оказаться сексуальным садистом?

В этом месте, правда, следует оговориться и подчеркнуть, что несмотря на изощренность к преступлениям Владимира Винничевского отлично применимы постулаты теории «географического профилирования». Вопреки хитроумию убийцы систему в его нападениях можно и нужно было увидеть. По меньшей мере дважды Винничевский совершал похищения детей с улицы Ма-

мина-Сибиряка, буквально в двух шагах от собственного дома. Одно из нападений насильник совершил в парке возле Дворца пионеров, а самый первый эпизод имел место в Центральном парке культуры и отдыха Свердловска. Если внимательно изучить географию похищений детей, локализацию мест преступлений и время их осуществления, то можно было бы составить довольно точное представление о месте проживания преступника. Винничевский не был транзитным серийным убийцей и не располагал персональным автомобилем, поэтому в его случае географическое профилирование позволило бы с высокой достоверностью определить, из какого же района он отправляется на поиск жертвы. К сожалению, это замечание имеет сугубо умозрительный характер в силу ряда причин: во-первых, о многих преступных эпизодах работники уголовного розыска ничего не знали вплоть до ареста Винничевского, о чем уже упоминалось выше; во-вторых, ввиду массовых репрессий, сотрясавших страну в 1938 г., борьба с уголовной преступностью оказалась в значительной степени ослаблена и для органов НКВД была даже не на втором, а на десятом месте; в-третьих, розыскная работа не имела необходимого научно-криминологического сопровождения, другими словами, сотрудники правоохранительных органов не понимали, кого же они ищут. Свердловский уголовный розыск столкнулся с весьма нехарактерным для своего времени криминальным почерком и испытывал при расследовании вполне понятные затруднения. Всеобщим, например, было убеждение, что таинственным педофилом является человек с уголовным опытом, возможно, имеющий серьезное хроническое заболевание или инвалидность (это предположение объясняло явную физическую слабость убийцы, неспособного задушить малолетнего ребенка руками). Было только ясно, что похититель молод, но насколько молод, никто не мог сказать определенно.

Весной 1939 г. расследование части преступлений, совершенных Винничевским в Свердловске, было собрано в единое производство. Убийства Вали Лобановой и Риты Фоминой, совершенные, соответственно, в Кушве и Нижнем Тагиле, считались не связанными со свердловскими нападениями. До известной степени запутывали картину как необъяснимость некоторых аспектов действий убийцы (прежде всего сексуальных), так

и широкая вариативность его поведения — как было сказано выше, он иногда душил жертвы руками и не использовал холодное оружие, а иногда прибегал к нему с избыточной жестокостью. Преступник по-разному маскировал тела убитых, выбирал для нападений различные места и делал это, как казалось, без всякой видимой системы.

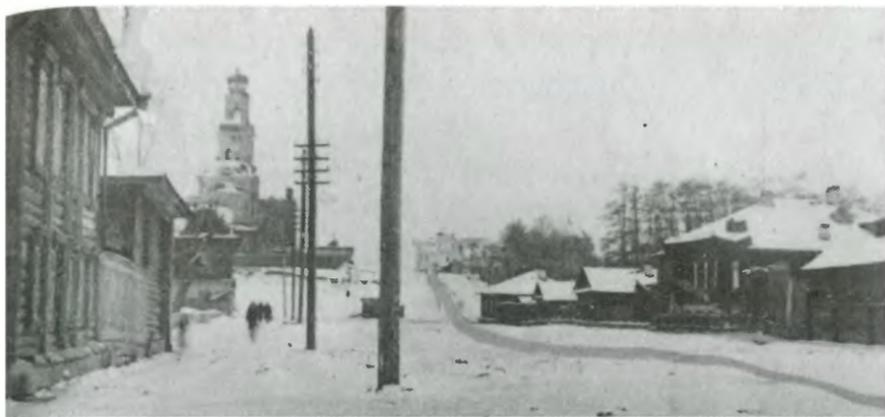
Хотя городские власти предпринимали все возможное, чтобы скрыть от горожан информацию о нападениях маньяка, слухи и домыслы овладевали умами. Да и сами правоохранители имели маленьких детей, о безопасности которых впору было побеспокоиться. Поэтому утечка информации происходила в том числе и со стороны лиц, причастных к проводившемуся расследованию. Плохо способствовали сохранению скрытности и массовые прочесывания местности, предпринимавшиеся силами милиции при поступлении сообщений об исчезновении детей. Понятно, что если батальон внутренних войск вывозят на автомашинах к окраине города и начинают прочесывать лес, то подобное мероприятие невозможно провести скрытно от жителей прилегающих кварталов.

А именно так летом 1939 г. проводились прочесывания местности возле завода «Станкострой», где был найден труп 3-летнего Коли Савельева, и Московского торфяника, где искали и нашли изуродованное тело 4-летнего Володи Петрова. Детали преступлений, разумеется, оставались горожанам неизвестны, но это не только не способствовало успокоению общественности, а, напротив, будило страхи и усиливало всеобщую обеспокоенность. Поэтому неудивительно, что с летних месяцев 1939 г. Свердловск стал погружаться в состояние тихой паники. Еще бы, по городу рыскал хищник, охотившийся на малолетних детей, а беспомощная милиция оказалась годна только на то, чтобы за ним трупы собирать! Видано ли такое...

Состояние всеобщей подавленности лишь усилило жестокое и глумливое убийство в сентябре 4-летней Таси (Таисии) Морозовой. Таинственный изувер вдоволь поиздевался над беззащитной малышкой, разрезал ножом левую щеку до уха, рассек губы, нанес в грудь, живот и ноги более двух десятков уколов отверткой. Это чудовищное злодеяние произошло в жилом районе, позади общежитий по улице Плеханова. Обнаженное тело изнасилованной и убитой девочки преступник бросил

Фотографии из альбома, подготовленного органами внутренних дел для ознакомления партийного и советского руководства Свердловской области с деталями расследования преступлений Винничевского. *Вверху*: место, где преступник совершил покушение на убийство девочки, имя которой следствию так и не удалось установить (г. Свердловск, Верх-Исетский бульвар). *Внизу*: следственный материал по делу Винничевского.

Эпизод нападения на 4-летнего Борю Титова, отправившегося кататься на санках с горы. Мальчик выжил и оказался первым, кто смог сообщить хоть какую-то информацию о таинственном насильнике и его манере поведения. Боря столкнулся с преступником у дверей своего дома, Винничевский предложил мальчику покатать его, завез на пустырь в конце улицы, совершил нападение, после чего бросил мальчика в бессознательном состоянии в сугроб, а санки умышленно унес дальше, чтобы задать поискам неверное направление.

Из альбома, посвященного расследованию преступлений Винничевского. Эпизод №13: нападение на 3-летнюю Алю Губину. Девочка была похищена у железнодорожной платформы «Спецстрой» на окраине г. Свердловска и отведена не очень далеко в лес, метров на 200 от жилой застройки. Преступник набросился на ребенка, стал душить и после сексуальных манипуляций нанес Але несколько ударов перочинным ножом, причинив в т. ч. рассечение от правой лопатки до тазобедренного сустава длиной более 25 см. Благодаря невероятному стечению обстоятельств, несмотря на тяжесть ранений и обильную кровопотерю, девочка осталась жива.

Несколько снимков, связанных с последним, 18-м по счету, нападением Винничевского, жертвой которого на этот раз стал 3-летний Слава Волков. *Вверху*: дом № 6 по ул. Культуры (район Уралмаш), в котором жила семья Волковых, стрелка указывает на подъезд, возле которого мама оставила сына на несколько минут, чтобы подняться в квартиру. *Внизу слева*: Слава Волков с родителями; *справа*: лес около Медного рудника, где Винничевским было совершено покушение на убийство, и где он был задержан.

в выгребную яму под общественной уборной, а одежду Тази он оставил неподалеку от дома девочки. Розыскная операция, проведенная милицией в районе улицы Плеханова, проходила при стечении большого числа зевак, которые видели, как золотари вычерпывают фекалии из выгребной ямы, а потом из этой же ямы поднимается наверх труп изувеченной девочки. У нормального человека шок вызывало не только само это зрелище, но и рассказ об увиденном.

Милиция работала без выходных и отпусков, город был наводнен скрытыми патрулями, но никто не мог дать гарантии, что они действительно помогут. Но помогли именно патрули в штатском! Без всякой психологии... без всякой аналитики... без каких-либо «мозговых штурмов», в общем, все получилось очень по-советски и совсем не так, как в американских триллерах. 24 октября Вова Винничевский увел 3-летнего Славу Волкова прямо от подъезда дома, в котором проживал мальчик. Он сел с потенциальной жертвой в трамвай, который следовал на окраину города, в район Уралмаш и вышел с ним на остановке «Медный рудник», расположенной рядом с большим лесным массивом. В это же самое время мимо трамвайной остановки проходили трое курсантов свердловской школы НКВД в штатском. Курсанты Ангелов, Крылов и Попов привлекались прежде к патрулированию города и знали ориентировки на усиленно разыскиваемого последние месяцы похитителя детей. Неудивительно, что подросток со спящим ребенком на руках, вышедший из трамвая на краю леса, привлек внимание будущих чекистов.

Опасаясь спугнуть злоумышленника, курсанты сделали вид, что не обратили на него внимания, и прошли мимо остановки своей дорогой, после чего разделились и стали вести наблюдение за подозрительным юношей с разных сторон. Район Уралмаш в те годы активно застраивался и был еще сравнительно невелик размером. С запада и северо-запада к нему примыкал лесной массив, куда и направился молодой человек со спящим ребенком на руках.

После того, как он скрылся за деревьями, курсанты поняли, что ситуация грозит серьезной опасностью и последовали за подозрительным молодым человеком. Они обнаружили его на поляне сжимающим горло ребенку. Поскольку пальтишко

последнего закрывало доступ к шее, преступник был вынужден расстегнуть верхнюю пуговицу; в результате душения на коже ребенка появились хорошо заметные обдиры кожи, оставленные ногтями преступника. Эта деталь лишала смысла любые некриминальные объяснения действий Винничевского (вроде попытки поправить шарф мальчику, ослабить пуговицу на воротнике рубашки и т. п.). Курсанты появились в по-настоящему кульминационный момент — преступник уже однозначно продемонстрировал свои намерения, но не успел причинить серьезного вреда здоровью малыша.

Услыдав крики и шум бегущих к нему с разных сторон людей, преступник впал в состояние паники. Впоследствии он признался, что боялся самосуда и убийства разъяренными людьми на месте. В момент задержания у преступника произошла неконтролируемая дефекация, он обмочился и... разрыдался. Когда его спросили, почему он плачет, Винничевский простодушно объяснил: «Жалею, что жизнь кончена!» Примечательно, что при его задержании силу применять практически не пришлось, его лишь обыскали, забрали три ножа и отвертку да связали руки ремнем. Стремясь задобрить задержавших его курсантов, полностью деморализованный всем произошедшим, Владимир Винничевский стал рассказывать о себе и своих похождениях, не дожидаясь вопросов.

С 1935 г. советское уголовное право допускало применение расстрела в отношении детей, достигших 12-летнего возраста, и понятно, что Винничевскому грозило именно такое наказание. Но советские и партийные руководители, видимо, испытывали определенные сомнения в целесообразности казни 15-летнего подростка. Для того чтобы придать наказанию максимально возможную легитимность и продемонстрировать единство «советского народного суда и всего народа», в Свердловске развернулась довольно громогласная политическая акция с массовым осуждением «изувера и убийцы Владимира Винничевского». Трудовые коллективы самых разных предприятий и организаций города проводили митинги и принимали резолюции, призывавшие на голову преступника всевозможные кары, а тексты принятых резолюций направлялись в городскую прокуратуру. Власть в конце 1930-х гг. вообще стремилась не снижать определенный градус общественного психоза,

разоблачая заговоры политических противников и происки вредителей, а тут представился такой воистину неординарный случай! 1 декабря родители Винничевского — Елизавета Петровна и Георгий Иванович — подписали так называемое «открытое письмо жителям города», в котором заявили, что отрекаются от сына и просят советскую власть вынести ему самый суровый приговор. Открытое письмо было опубликовано в газете «Уральский рабочий».

Понятно, что в обстановке подобного единодушия рассчитывать на снисхождение Володе Винничевскому не приходилось. 16 января 1940 г. он был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. После отклонения прошения о помиловании, в котором Винничевский заявлял между прочим, что мечтает стать танкистом и готов в бою заслужить прощение, приговор был приведен в исполнение в мае того же года.

История эта оставила очень много вопросов. Хотя вина Владимира не вызывает ни малейших сомнений — это тот редкий случай, когда серийный убийца оказался схвачен непосредственно в момент совершения преступления, так что всякое запирательство выглядело занятием совершенно бессмысленным. Кроме того, Винничевский рассказал оперработникам о неизвестных преступлениях, собственноручно начертил все необходимые поясняющие схемы и в ходе следственных экспериментов удостоверил их точность демонстрацией ориентиров и деталей на местности.

Тем не менее значительная часть факторов, сформировавших «комплекс убийцы», не получила освещения в ходе следствия. Нельзя сказать, чтобы юный убийца рос в нужде и лишениях. Конечно, времена тогда были скудные, но Винничевский носил кожаную обувь (его сверстники до снега бегали в парусиновой или дермантиновой, а потом сразу переобувались в валенки), при задержании имел в кармане более 20 руб. и это были значительные для подростка деньги. Взрослые люди — рабочие и служащие — выживали тогда из расчета менее 10 руб. в сутки, а тут у мальчишки «на кармане» сумма в два раза больше! Щеголял Володя в танковом шлеме, а это была дефицитнейшая вещь, мечта всех мальчишек того времени. Владел швейцарским перочинным ножиком — такой артефакт вообще цены не имел в глазах подростков, «круче» могли быть только швейцарские

часы. В общем, никак нельзя назвать Винничевского несчастным и убогим. В отличие от большинства рядовых советских семей, мыкавшихся по жалким «общагам» на рабочих окраинах крупных индустриальных центров, семья Винничевских проживала в отдельном бревенчатом доме с огородом и садом в центре Свердловска. По меркам советского предвоенного быта это прямо-таки барская роскошь!

Понятно, что на формирование «комплекса убийцы» каким-то образом повлияла домашняя среда, но с какими проблемами сталкивался Владимир дома, сказать с определенностью нельзя.

Можно не сомневаться в том, что будущий убийца видел много жестокости и грубости на улице и в школе, в среде таких же, как и он сам, полуброшенных дворовых пацанов, родители которых из сил выбивались на «стройках социализма» без малейшего шанса решить нескончаемые материально-бытовые проблемы. Однако, помимо общих для предвоенного поколения затруднений материального характера, на Винничевского повлияло нечто настолько нетипичное и травмирующее, что превратило его в монстра. Что именно это было, мы можем только догадываться, без всякого шанса получить единственно верный ответ. Возможно, последующие исторические разыскания в этом направлении позволят лучше понять причины формирования и в конечном счете преобладания в характере и наклонностях Владимира Георгиевича Винничевского резконогативных черт.

Система советского правосудия решала в те годы сугубо утилитарную задачу — она занималась правовым обеспечением политической власти коммунистической партии, а потому борьба с уголовной преступностью (пусть даже такой отвратительной и нетипичной, как убийства, совершенные Винничевским) оставалась тогда всего лишь периферийной задачей, если выразиться точнее, одной из многих периферийных задач. Поэтому никто из ее руководителей не был всерьез заинтересован в изучении мира извращенных фантазий убийцы-подростка. Владимир был сочтен феноменом, вывихом от нормального, чем-то случайным и уникальным. А зачем ломать голову над тем, что, по всеобщему убеждению, никогда более не повторится?

7.3. Мирный торговец картошкой с ленинградского рынка Филипп Тюрин (период активности: апрель 1945 г. — январь 1947 г.).

Расследование, приведшее к разоблачению этого убийцы, началось с весьма будничных для 1946 г. сообщений об исчезновении людей. Для города с миллионным населением исчезновения людей — обычная рутина: пожилые люди теряются даже среди знакомых площадей и улиц, приезжие не могут отыскать дорогу и опаздывают с пересадкой на другой поезд, кто-то становится жертвой грабежа и попадает в больницу или, того хуже, в морг. И всех этих людей начинают искать близкие: пишут заявления в милицию, связываются с родными и знакомыми, обзванивают больницы, проверяют предполагаемый маршрут пропавшего.

В данном же случае обстоятельства исчезновений заметно отличались от среднестатистических, но стало это ясно далеко не сразу.

20 ноября 1946 г. исчез 25-летний Димитрий Ираклионович Бараев, проживавший в рабочем общежитии в весьма мрачном районе на правом берегу реки Невы. Только накануне он вернулся из отпуска, появился на работе, уточнил, в какую смену ему выходить. После этого, по рассказам товарищей, направился в гости к знакомому, работавшему в подсобном хозяйстве завода «Большевик» на другой стороне реки. Ушел и... не вернулся. На следующий день на работу не вышел, а поскольку время было суровое, послевоенное, действовали еще законы о труде, принятые в 1940 г., то прогул мог закончиться для Бараева уголовной ответственностью (сугубо для справки читателю: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., вводивший семидневную рабочую неделю и восьмичасовой рабочий день, запрещал самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений и устанавливал уголовную ответственность за прогул или опоздание на рабочее место свыше 20 минут. Этот указ не был отменен, как думают многие, с окончанием Великой Отечественной войны, а действовал вплоть до 1956 г. Для полноты картины следует добавить, что действие

Указа от 26 июня 1940 г. буквально через три недели — 17 июля 1940 г. — было распространено на трактористов и комбайнеров, работавших на машинно-тракторных станциях.). Итак, Бараев исчез, и ничего хорошего ему это не сулило — даже если бы его отыскали целым и невредимым, жесткого разговора в суде он бы вряд ли избежал.

Ровно через неделю, 27 ноября исчез Шалыгин Николай Васильевич, 1920 года рождения. Фронтвик, старшина, имевший 4 боевые награды, секретарь комитета комсомола по месту работы, красавец-мужчина, с самыми серьезными намерениями ухаживал за девушкой, жениться собирался и... неужели тоже дезертировал с «трудового фронта»?

На следующий день, 28 ноября ушел из дому и не вернулся Дмитрий Дмитриевич Петров, мужчина 47 лет, переживший блокаду Ленинграда. Уж ему-то, казалось бы, куда бежать из города? Уходил он из дома вроде бы на Предтеченский рынок, расположенный по адресу наб. Обводного канала, д. 40. Район этот в те годы был очень мрачным, криминальным, застроен сплошь доходными домами и фабричными корпусами середины 19 в. В общем, Обводный канал являлся готовой декорацией к драмам Достоевского и Крестовского. Вполне возможным казалось, что Петров действительно стал жертвой грабежа.

Однако уже на следующий день произошло очередное подозрительное исчезновение молодого мужчины. 29 ноября Анатолий Михеевич Сидоров, 26 лет, фронтвик, только что демобилизовавшийся из рядов Советской Армии, отправился на Предтеченский рынок продавать трофейный патефон. Однако патефон он не продал, а вернулся, по словам соседки, через некоторое время домой по адресу ул. Можайская, д. 31, кв. 6 в сопровождении неизвестного мужчины, патефон оставил в своей комнате, но взял денежную «зачачку» в размере 300 рублей и отправился с неизвестным покупать картошку. Обратного не вернулся.

1 декабря 1946 г. исчез еще один фронтвик, капитан запаса, 32-летний Тихомиров Николай Прохорович. В последний раз соседи по коммуналке по адресу бул. Профсоюзов, д. 9, кв. 29 видели его выходящим из дома с патефоном под мышкой.

Тем временем в органы внутренних дел все шли и шли заявления о пропавших без вести людях: 3 декабря исчезли рабочие И. Смирнов, А. Павлова, 6 декабря — В. Нефедов.

Предтеченский колхозный рынок в Ленинграде в предвоенное время. Ленинградские колхозные рынки, как впрочем и рынки в других крупных городах Советского Союза, представляли собой явление довольно любопытное. Прежде всего, они не были колхозными в точном значении этого слова: там было много торговых точек потребительской кооперации, а кроме того активно цвела мелочная торговля с рук. На крупных ленинградских рынках в послевоенное время можно было купить и продать не только картошку, капусту или, скажем, валенки, но и иностранную валюту, самое разнообразное оружие, изысканный антиквариат. Рыночные перекупщики становились миллионерами, и можно сказать без преувеличения, что богатство многих нынешних предпринимателей по обе стороны океана было заложено именно скупкой антиквариата в блокадном Ленинграде. Вокруг рынков непременно складывался свой маргинальный мирок, и неудивительно, что правоохранительные органы всегда стремились в него проникнуть. Уголовный розыск в послевоенном Ленинграде имел хорошие агентурные позиции в среде рыночных торгашей, благодаря чему удалось довольно быстро получить описания людей, с которыми разговаривали пропавшие без вести. Во всех случаях описания оказывались близки друг другу — это заставляло думать, что, во-первых, сыщики взяли верный след, а во-вторых, злоумышленник действует в одиночку.

Сообщения об исчезновении людей поступали не только в территориальные отделы милиции, но и в партийные и профсоюзные органы по местам работы исчезнувших людей. В городе наблюдался дефицит рабочих рук, свободной миграции населения в Советском Союзе не существовало, поэтому отсутствие человека на рабочем месте создавало массу проблем, связанных с выполнением плановых обязательств, перераспределением

норм выработки, соблюдением требований паспортного режима, воинского учета и т. п. Со всем этим в те годы было очень строго: страна всю готовилась к Третьей Мировой войне, и Власть стремилась контролировать все стороны жизни населения.

Очень скоро вопрос о судьбе без вести отсутствующих и определении их точного числа был поднят на уровне городского руководства. Ленинградский уголовный розыск получил задание установить судьбу пропавших и разобраться с вопросом о возможном появлении в городе каннибала.

Тут надо пояснить, что предположение о людоедстве родилось вовсе не на пустом месте — уж очень настораживал факт отсутствия трупов. В черте города имелись районы, сильно пострадавшие во время блокады от бомбежек и артобстрелов, но они плохо годились для сокрытия тел, поскольку туда постоянно наведывались местные жители с целью поживиться ценными в обиходе вещами: строительной столяркой, трубами, кирпичом. Развалины расселенных домов понемногу растаскивались, и надолго спрятать там труп не получилось бы. Но вот если предположить, что таинственный убийца разделяет тела своих жертв и пускает плоть на продажу, то это может объяснить, куда и как ежедневно исчезают люди. В памяти сотрудников Ленинградского уголовного розыска еще были свежи воспоминания о блокадной поре, когда преступления на почве каннибализма приняли массовый характер. Об этом сейчас не принято говорить, но случаи людоедства были очень многочисленны. Достаточно привести две цифры: в период с 1 декабря 1941 г. по 10 января 1942 г., т. е. за 40 дней, отмечены 77 случаев употребления в пищу человеческого мяса, а всего через месяц, за первые 10 дней февраля 1942 г., уже 311. В основном объектами посягательств каннибалов являлись трупы военнослужащих, умерших от ранений в госпиталях и больницах города, но имелись случаи и целенаправленных покушений на убийства и убийств с целью последующего поедания жертвы. Это очень горькая правда о блокаде Ленинграда, но забывать ее нельзя — это часть нашей общей истории. В этой связи надо принять во внимание и еще одно немаловажное обстоятельство: в 1946 г. страна пережила тяжелый голод, и хотя продовольственное снабжение Ленинграда было

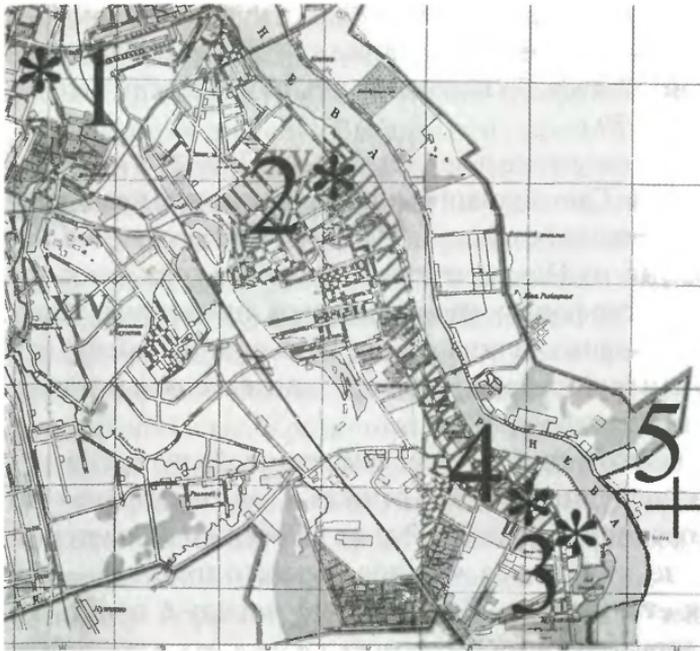
куда лучше, чем в среднем по стране, обеспечение продовольствием по карточкам было крайне скудным. А потому нельзя было исключать того, что кто-то из горожан вернулся к своим каннибальским привычкам.

Если бы в городе на Неве действительно появился каннибал, то это оказало бы огромное деморализующее воздействие на все население, не успевшее забыть ужасы блокады. Поэтому городское руководство потребовало от органов внутренних дел в максимально сжатые сроки разобраться с ненормальной ситуацией, связанной с исчезновениями людей. В составе Ленинградского управления уголовного розыска была сформирована рабочая группа под руководством Сергея Кринова, сотрудника с дореволюционным стажем, которой было поручено заняться оперативной проверкой подозрительных «сигналов».

Работникам уголовного розыска, прежде всего, надо было правильно оценить масштабы явления и понять, с чем именно они столкнулись. Изучение сообщений об исчезновениях людей довольно быстро позволило сделать вывод, что список отсутствующих без вести гораздо больше, чем было принято думать вначале. К 10 декабря 1946 г. сотрудники ЛУУР, занятые проверкой по этому делу, считали, что с 20 ноября имели место исчезновения по крайней мере 12 человек.

Важным элементом работы группы стало то, что сейчас бы мы назвали «виктимологическим анализом», т. е. выделением черт поведения, способствовавших тому, что человек оказался жертвой преступления. И вот тут начались интересные совпадения. Оказалось, что в день исчезновения каждый из пропавших без вести намеревался отправиться на рынок с целью покупки продовольствия. Собственно, в связи с исчезновениями людей упоминались два ленинградских рынка — так называемые Предтеченский и Смоленский.

Предтеченский, как было сказано выше, располагался ближе к центру города, на набережной Обводного канала, д. 40; туда обычно ходили торговать жители окрестных районов (ныне этого рынка не существует — на его месте в 1963 г. был возведен автобусный вокзал, перестроенный с той поры уже несколько раз. Единственным архитектурным памятником, сохранившимся донныне, является необычная 6-гранная кирпичная труба,

Фрагмент карты юго-восточной части Ленинграда, выпущенной в 1940 г., позволяет хорошо представить расположение основных ориентиров, связанных с расследованием многочисленных случаев исчезновения людей в конце 1946 г. Условные обозначения: *1 — Предтеченский рынок и *2 — Смоленский рынок. Почти все из более чем двух десятков пропавших без вести отправлялись на эти рынки с какой-то целью, имея при себе деньги или ценные вещи. *3 — завод «Большевик». Пунктиром «.....» показан периметр заводской территории. Следствие считало, что преступник, возможно, связан либо с этим заводом, либо с прилегающей к нему территорией. *4 — конечная остановка трамваев 24 и 32 маршрутов у главной проходной завода «Большевик». Трамваи этих маршрутов следовали мимо Смоленского рынка, и было известно, что именно на них таинственный торговец предлагал своим жертвам отправиться к нему домой. Следствие посчитало, что преступник проживает неподалеку от маршрутов этих трамваев и, соответственно, там же прячет тела жертв. Косой штриховкой «/////» показан район проведения силами милиции в последние дни декабря 1946 г. масштабной поисковой операции с целью обнаружения тел похищенных и предположительно убитых людей. В зону сплошного осмотра от Смоленского рынка до территории завода «Большевик» попали жилые и нежилые постройки, руины зданий, разрушенных во время Великой Отечественной войны, два кладбища и два парка. Несмотря на затраты значительных сил и средств, поисковая операция результата не дала. +5 — место обнаружения 29 января 1947 г. трупов Н. П. Тихомирова и А. М. Сидорова на правом берегу р. Невы в районе, известном под названием Уткина Заводь. Легко понять, почему поисковая операция, проведенная месяцем ранее, оказалась безрезультатной — правоохранительные органы искали следы преступлений совсем не там, где следовало. Злоумышленник увел свои жертвы прочь от городской застройки на другой берег замерзшей Невы.

построенная еще в 19 в. для ватной фабрики купца Степанова.). Смоленский рынок располагался ближе к окраине города, ныне по его адресу пр. Стачек, 75 находится крытый Невский рынок, построенный в 1959 г.

Все люди, исчезнувшие в период с 20 по 27 ноября включительно, уходили на Смоленский рынок и обратно уже не возвращались. Но пропавшие без вести 28 ноября и в последующие дни направлялись уже на Предтеченский. Некоторые из ушедших имели при себе патефоны и грампластинки, предназначенные для обмена на продовольствие, — это наводило на мысль, что преступник (или группа преступников) заинтересован в приобретении именно патефонов.

Итак, довольно быстро интерес оперативной группы сосредоточился на двух ленинградских рынках и той специфической публике, которая там отиралась. Рынок в России и в Советском Союзе всегда нечто большее, чем просто место торговли — это своеобразная субкультура. Понятно, что наряду с простыми горожанами, проходящими на рынки, так сказать, по необходимости, там активно действует многочисленная прослойка людей, кормящихся сопутствующими криминальными промыслами: мошенничеством, карманными кражами, проституцией, азартными играми и грабежом. Поэтому оперативники ЛУУРа начали «отработку» рынков с двух разных направлений: в места торговли были направлены «подставные» продавцы патефонов, призванные привлечь внимание наводчиков грабителей, и одновременно с этим начался сбор информации о торговцах, вступавших в контакт с пропавшими без вести.

Сразу скажем, что на «подставных» оперативников никто так и не «клюнул», а вот опросы рыночной публики кое-какую любопытную информацию дали. Оказалось, что по крайней мере некоторые из пропавших, приходя на рынки, вступали в контакт с неким человеком, предлагавшим мешок хорошей картошки, но поскольку стоимость мешка явно была недостаточной для обмена на патефон, тот предлагал отправиться к нему набрать «хорошей картошки сколько потребуется». В общем, таинственный продавец под благовидным предлогом уводил покупателей с собою. Приметы неизвестного во всех случаях оказывались если и не совпадающими, то все же весьма схожи, так что удалось даже составить его словесный портрет. От словесного портрета,

правда, толку было мало, поскольку никаких особых примет таинственный продавец хорошей картошки не имел, но зато свидетели смогли припомнить кое-что другое. В одном случае продавец говорил о необходимости проехать на трамвае, который шел в Володарский район, а в другом упоминал о том, что живет недалеко от Невы.

А это было уже важно. Оперативникам было известно, что Димитрий Бараев, исчезнувший 20 ноября, направился к знакомому работнику подсобного хозяйства ОРСа (отдела рабочего снабжения) завода «Большевик». А завод «Большевик» расположен как раз в южной части Володарского района Ленинграда вдоль реки Невы. Кроме того, Анатолий Сидоров, пропавший без вести 29 ноября, вернулся с Предтеченского рынка в сопровождении неизвестного мужчины, взял 300 рублей и сказал соседке, что поехал за продуктами к товарищу (тому самому, с рынка!) опять-таки в сторону завода «Большевик».

Таким образом, уже к последней декаде декабря 1946 г. внимание оперативников ленинградского уголовного розыска оказалось сосредоточено на окрестностях завода «Большевик». Поскольку было неясно, где именно надлежит искать следы преступления, оперативники решились на довольно нетривиальный ход — провести плотное прочесывание местности к югу от Смоленского рынка, ведь именно в южном направлении должны были уходить с таинственным продавцом пропавшие люди. Конечно, совсем не факт, что преступник вел людей именно к заводу «Большевик», до которого было не менее 3,2 км, но сам вектор движения должен был быть направлен именно в его сторону. В самом деле, не мог же злоумышленник сказать, что живет возле «Большевика», т. е. к югу от рынка, а повести свою жертву на север!

В общем-то, идея пройти по району «широким бреднем» была совсем неплоха — даже если бы не удалось отыскать свидетелей нападения, все равно был шанс наткнуться на какое-то важное свидетельство — окровавленную шапку, свалившуюся с головы раненого человека, валенок, соскочивший при перетаскивании трупа, и т. п. Для прочесывания главк выделил 300 работников милиции в форме, им предстояло обследовать путь от Смоленского рынка до завода «Большевик», тщательно осматривая заброшенные здания, ямы, колодцы, дворы,

расспрашивая немногочисленных в этом районе жителей о подозрительных происшествиях и людях.

Однако ничего из этой затеи не вышло. Никаких следов, указывающих на возможное совершение убийств на участке от Смоленского рынка до завода «Большевик», найдено не было, свидетелей каких-либо подозрительных сцен: драк, преследований, криков, скандалов — также не оказалось.

Попутно оперативная группа отработывала всевозможные новые материалы, которые могли хотя бы предположительно иметь отношение к исчезновению людей. Так, например, в начале января было расследовано двойное убийство, осуществленное с использованием топора, убийца был установлен по горячим следам и застрелен при задержании. Однако возникло предположение, что человек, способный на столь безрассудное и кровавое преступление, мог совершать убийства, заманивая покупателей продуктов с рынка. Версия потребовала отработки и в конечном счете оказалась отвергнута.

Изучая собранные оперативным путем материалы на исчезнувших людей, сотрудники уголовного розыска обратили внимание на довольно любопытный нюанс: заявление об исчезновении Анны Павловой, пропавшей без вести 3 декабря 1946 г., принес в райотдел ее зять по фамилии Воробьев. Человек во всем положительный, фронтовик, офицер запаса, член ВКП(б), внушающий доверие до такой степени, что, будучи назначен на должность цехового завхоза, распределял спирт по службам и подразделениям — а эта должность в эпоху социализма считалась особенно «блатной». Положительные характеристики на Воробьева омрачались одним только неприятным казусом — падок был отставной политрабтник до женского пола. И не было бы в подобной слабости большой беды по меркам того времени (все-таки сколько мужиков справных на войне погибли!), но исчезнувшая Анна Павлова грозила обнаглевшему зятюк всяческими бедами за его блуд. В частности, обещала отнести заявление в местком с перечнем фамилий женщин, с которыми зятек запирался в темном помещении фотолаборатории. В общем, история выходила мутная... подозрительная... и что-то с отставным офицером Воробьевым было не так. 14 декабря его вторично официально допросили и взяли подписку о невыезде. А через три дня Воробьев пропал. Ушел

на Предтеченский рынок и... повторил судьбу пропавшей без вести тещи. Думай что хочешь — то ли его убили, то ли он попросту в бега пустился.

Проверялись сотрудниками опергруппы и представители преступного мира по своей, так сказать, профессиональной принадлежности, те самые «урки» и «жиганы», что сделали нарушение закона основным источником добычи средств для существования. Имевшим судимости по «серьезным» статьям жить ближе 100 км к Ленинграду было запрещено, но ведь запреты на то и существуют, чтобы их нарушать! Нельзя было исключить того, что исчезновения людей связаны с действиями хорошо организованной банды, поставившей убийства ради ограбления «на поток». Проводились облавы на воровские притоны, где могла иметь место карточная игра на деньги и вещи, а также активно проверялись лица, известные как скупщики краденого. Вполне вероятным представлялось, что один из исчезнувших патефонов или одна из многочисленных пластинок к ним рано или поздно всплывут у скупщиков, и это позволит проследить их путь вплоть до самого убийцы. Но... ничего!

Серьезным толчком для розыска послужило обнаружение двух мужских трупов 29 января 1947 г. Полностью раздетые тела находились в помещении заброшенной долговременной огневой точки, входившей в линию обороны Ленинграда на правом берегу Невы за пределами городской черты. Район этот уже почти столетие именовался Уткиной Заводью в силу того, что река Нева в этом месте образовывала большой затон (если быть совсем точным, то затон этот являлся рукотворным — его построили в 19 в. по плану фабриканта Уткина, но к 1940-м гг. эти детали уже мало кто помнил; места это были необжитые и совершенно запущенные, хотя и совсем рядом с городом). Тела нашли рабочие завода «Большевик», занимавшиеся сбором металлолома. Зимние холода обеспечили сравнительно неплохую сохранность тел. Судебно-медицинское исследование показало, что смерть мужчин последовала в результате причинения обоим черепно-мозговых травм тупогранным предметом (молотком или, скорее, обухом топора).

Личности погибших удалось довольно быстро установить благодаря тому, что оперативная группа вела список пропавших без вести людей с детальным описанием их примет и одежды. Помогло и то обстоятельство, что во время сбора металлолома

Сотрудники правоохранительных органов, осматривавшие место обнаружения 29 января 1947 г. тел Тихомирова и Сидорова, быстро поняли, что трупы были оставлены в заброшенном доте неслучайно. Преступник, несомненно, отлично ориентировался на местности — иначе он просто не смог бы в темное время суток посреди голого заснеженного поля отыскать засыпанное снегом укрытие. Да и сами трупы следовало как-то доставить в нужное место — задача эта отнюдь не так проста, как может показаться на первый взгляд. Однако совершенно непонятно было, откуда же убийца мог приезжать в это место — жилья окрест просто не существовало. В радиусе полукилометра стояли разрушенные здания, но их осмотр показал, что для жилья они не приспособлены. Единственной постройкой, в которой можно было жить в зимнее время, являлся барак так называемого «полевого стана» отдела рабочего снабжения завода «Большевик». В этом убогом здании, чудом уцелевшем в годы блокады, с весны по осень жили работники, трудившиеся на заводских огородах, разбитых в Уткиной Заводи. В конце января 1947 г. барак этот пустовал, но проверкой было установлено, что еще недавно там жил рабочий ОРСа по фамилии Тюрин. Это обстоятельство побудило сотрудников уголовного розыска внимательно обыскать постройку, в результате чего были найдены многочисленные следы крови как внутри барака, так и снаружи.

перед 7 ноября 1946 г. рабочие уже осматривали упомянутый дот и тогда никаких трупов там не находилось. Таким образом, момент появления тел оказался локализован интервалом времени, ограниченным последними двумя с половиной месяцами. Выяснилось, что трупы, найденные в доте, принадлежат Николаю Прохоровичу Тихомирову, пропавшему без вести 1 декабря 1946 г., и Анатолию Михеевичу Сидорову, исчезнувшему 29 ноября того же года. Оба убитых в дни исчезновений уходили на Предтеченский рынок.

Место сокрытия тел также многое рассказало об убийце.

Во-первых, дот находился в поле, вдали от дорог, и к нему невозможно было подъехать на автомобиле. Следовательно, преступник транспортировал тела на себе. Понятно, что даже здоровый мужчина никак не мог тащить волоком или на руках

80-килограммовое человеческое тело многие километры, а самое главное — делать это открыто. А из данного постулата вытекало одно из двух: либо убийца совершал преступление где-то неподалеку и перемещение трупов осуществлял в темное время суток, либо... преступник располагает каким-то транспортом, появление которого в этом районе не вызывает подозрений. Кстати, возможна была комбинация этих предположений: убийца живет (или работает) где-то неподалеку и имеет в своем распоряжении какое-то транспортное средство (трактор, сани, телегу).

Во-вторых, ввиду того, что район Уткиной Заводи был малонаселен и изобиловал всевозможными укрытиями как естественными (овраги, перелески), так и искусственными (траншеи, ходы сообщений и прочие элементы оборудованной здесь линии обороны времен войны), можно было предположить, что неизвестный убийца оставил неподалеку какие-то иные свидетельства собственных преступлений. Район требовалось как следует осмотреть.

Жилых построек в районе дота не существовало: их уничтожили еще во время строительства оборонительных сооружений. На удалении около 200 м от дота находились руины двух зданий. Чуть ближе, буквально в 85—90 м от дота, стоял барак, в котором помещалась кухня и столовая так называемого «полевого стана» завода «Большевик». Дело в том, что значительные земельные участки в Уткиной Заводи были отданы ОРСу этого завода под огороды. В 1945 и 1946 гг. они засаживались картофелем, капустой, огурцами и т. п., что помогало решить продовольственную проблему работников завода. ОРСы при заводах являлись для того времени нормой. В январе 1947 г. столовая оказалась закрыта за ненадобностью (ибо полевой стан функционировал с весны до середины осени), однако проверкой было установлено, что администрация завода в 1945—1946 гг. разрешала проживать в бараке группе иногородних работников, привлекаемых для сельхозработ в теплое время года.

Пока часть сотрудников уголовного розыска выясняли личности проживавших в бараке людей, другие занимались осмотром местности. Их внимание привлекли два небольших водоема, расположенных неподалеку от одного из разрушенных зданий: водоем побольше, площадью около 40 кв. м, находился на расстоянии 13,5 м от развалин, а второй водоем, примерно

в два раза меньше первого, в 7 м от него. Начали с того водоема, что поменьше: пробили полынью и стали шарить багром по дну. Буквально через десять минут зацепили и подняли на поверхность раздетый женский труп, к ногам которого был привязан массивный обрезок железнодорожного рельса. После этого сотрудники уголовного розыска вызвали военных водолазов, которые в обоих водоемах нашли еще 3 трупа. Таким образом, в водоемах оказались найдены в общей сложности тела четырех человек.

Троих удалось опознать, а вот один труп так и остался неопознан.

Судебно-медицинское исследование найденных в обоих водоемах трупов показало, что смерть этих людей последовала в результате причинения каждому из них черепно-мозговых травм, во всем аналогичных тем, что были описаны у трупов, обнаруженных в доте. Другими словами, погибших с большой силой били по головам топором, буквально раскалывая череп на части. Тела были обнажены и связаны. Связывание, очевидно, осуществлялось с целью обеспечения удобства транспортировки. К трупам были привязаны тяжелые предметы, скорее всего, в расчете предотвратить их возможное всплытие. Характер причиненных ранений и специфика постмортальных манипуляций ясно указывали на то, что все содеянное является делом рук одного и того же преступника (либо преступников). Время совершения всех убийств датировалось ноябрем — декабрем 1946 г.

Дело приняло совсем уж неожиданный оборот. Убийства в Уткиной Заводи явно были поставлены на поток, и нельзя было исключать того, что погибших могло оказаться куда больше.

Вся эта информация заставила самым тщательным образом изучить проживавших в бараке. Внимание розыскников быстро привлек некий Филипп Петрович Тюрин, работавший при столовой ОРСа извозчиком. В его распоряжении находилась бричка с лошадью, на которой он объезжал работавшие в поле бригады, доставляя им обеды. Тюрин был из рязанских крестьян, повоевал на фронте, был тяжело ранен, лечился в ленинградском госпитале и после комиссования из армии остался в городе. С апреля 1945 г. Тюрин работал при столовой отдела рабочего снабжения завода «Большевик» — это было шикарное по тем временам место! Ему выделили комнату в бараке, в которой он прожил более полутора лет, вплоть до января 1947 г. Филипп Петрович

Филипп Тюрин после ареста. Простой крестьянский парень, выросший в глухом лесном краю в селе Сумерки Кадомского района Рязанской области, очутился в Ленинграде по прихоти военного жребия. Тяжело раненный на фронте, он был доставлен в один из госпиталей, располагавшийся на Международном проспекте, где перенес сложную операцию и выжил. Находясь на излечении, он некоторое время помогал персоналу госпиталя и насмотрелся немало смертей и ампутаций. Скорее всего, эти обстоятельства судьбы каким-то образом повлияли на формирование его уникального даже по меркам послевоенных лет эмоционального бесчувствия. Комиссованный из рядов Вооруженных сил, Филипп в рамках трудовой мобилизации был направлен на завод «Большевик». Там он ловко уклонился от работы в цеху, сославшись на неспособность выполнять тяжелую физическую работу, в результате оказался в ОРСе, где ему поручили ухаживать за лошадью и развозить пищу работникам. Факты многочисленных убийств в ноябре — декабре 1946 г., совершенных в бараке «полевого стана» ОРСа, Тюрин признал, но некоторые обстоятельства прояснить не захотел. В частности, не совсем понятно появление крови в разных местах дома и в отхожем месте во дворе. Также неясно, почему преступник прекратил убивать за несколько недель до отъезда. После ареста Тюрина стала известна любопытная деталь: преступник рассказал, что в его роду были колдуны и ведьмы, во всяком случае, деревенская молва именно так характеризовала некоторых его родственников.

отлично соответствовал словесному портрету неизвестного мужчины, уводившего с Предтеченского и Смоленского рынков пропавших без вести людей.

На момент описываемых событий Тюрин в городе отсутствовал: 26 января он выехал на свою «малую родину», на Рязанщину. Удалось установить, что с собою труженик передвижной полевой столовой прихватил изрядный багаж — аж даже 11 чемоданов! Видать, неплохо погужевал в культурной столице...

Весьма интересный результат дал обыск заключенного барака и устроенного рядом с ним отхожего места. В комнате, которую занимал Тюрин, нашли многочисленные следы крови — на плинтусах, стенах, оконном наличнике и письменном столе. Под полом оказался просторный погреб — внушительных

размеров подземное помещение с деревянной загородкой, похожей на клетку. На улице, подле туалета криминалисты научно-технического отдела ГУВД отыскивали дюралевый тазик, почти на 5 см заполненный... замерзшей кровью. Много замерзшей крови оказалось также и в самом сортире.

Подозрительного работника столовой было решено вернуть в Ленинград, чтобы провести его опознание работниками рынков. Два сотрудника Ленинградского уголовного розыска отправились в Рязань. Тюрин был задержан в родной деревеньке с невеселым названием Сумерки и под охраной привезен в Ленинград. Были изъяты и вещи, принадлежавшие Филиппу Петровичу, среди них особое внимание оперативников привлекли восемь мужских наручных часов, пять патефонов, почти три дюжины музыкальных пластинок, аккордеон, десять пар мужской обуви, шестнадцать головных уборов, большое количество предметов верхней и нижней одежды — их можно было предъявить родственникам пропавших людей с целью опознания. Однако забрать с собою вещи подозреваемого сотрудники НКВД не могли физически: в опечатанном виде они были доставлены в Питер фельдпочтой и прибыли в город на Неве лишь на третьи сутки после приезда самого Тюрина.

Экспертизу видовой принадлежности крови, найденной в комнате Тюрина и на так называемом рабочем дворе позади барака, проводила криминалист Зинаида Ивановна Гуцина. По ее заключению, подготовленному 6 февраля 1947 г., человеческая кровь была найдена на всех частях стола из комнаты Тюрина, на наличниках двери, двух фрагментах плитусов, штукатурке стен, досках шкафа. Также человеческая кровь обнаружена на металлической скобе, изъятой в сарае на «деловом дворе». О принадлежности крови, найденной в уборной, а также на двух наличниках, эксперт сделать однозначный вывод не смогла — из ее заключения следовало, что могла происходить как от человека, так и от животного. Групповая принадлежность человеческой крови в ходе экспертизы не определялась.

В первые дни по прибытии в Ленинград Тюрин запирался, категорически отвергал все подозрения в свой адрес, и первые его допросы ничего не дали.

Лишь после прибытия вещей Тюрина и их опознания родственниками погибших людей в начале февраля 1947 г. ситуация

Вещи, найденные в доме Филиппа Тюрина в селе Сумерки. Происхождение большинства из этих вещей удалось установить — они принадлежали людям, убитым Тюриным в конце 1946 г. в Ленинграде. Жители Кадомского района, на территории которого находилось родное село убийцы, жили в 1940-х гг. в условиях ужасающей бедности. Для того чтобы заработать хоть какие-то наличные деньги, женщины нанимались на торфоразработки в Шатуре Московской области — это был своего рода отхожий промысел эпохи социализма. Понятно, что на их фоне обладатель нескольких патефонов и трех дюжин грампластинок выглядел настоящим Ротшильдом. Тюрин привез с собою 11 чемоданов, набитых всевозможным барахлом: помимо обуви и верхней одежды там были отрезки различных тканей, кожа и замша в кусках — в общем, убийца позаботился об обновлении своего гардероба на многие годы вперед.

стала постепенно меняться. Подозреваемый признал сначала свою вину в убийствах людей, пропавших в конце ноября 1946 г., а затем стал рассказывать о преступлениях более ранней поры, о которых ни следователь прокуратуры, ни сотрудники уголовного розыска не имели ни малейшего понятия. Убийца показал захоронения жертв: яму в 45 м от барака, в которой были найдены 4 трупа, и в овраге примерно в 180 м от барака. В овраге, по словам Тюрина, он закопал 14 тел, однако отыскать удалось 13. Первоначально преступник закапывал тела убитых им людей, но под конец, видимо, уверившись в собственной удачливости и полной безнаказанности, отказался от этой практики. Последние погибшие были им утоплены или попросту брошены в помещении дота без особых попыток сокрытия тел.

Всего Филипп Петрович Тюрин признался в совершении на территории Ленинграда 29 убийств, датированных периодом апрель 1945 г. — декабрь 1946 г. Тела 8 людей, убитых Тюриным, отыскать не удалось. Часть тел погибших убийца сбросил в воды

Уткиной Заводи. В марте и апреле 1947 г. их деятельно искали водолазы Ленинградской военно-морской базы, но эти попытки не принесли результата — дно оказалось сильно заиленным. Ввиду этого Тюрин в конце концов был обвинен в убийстве 21 человека.

Дело было передано в суд 4 мая 1947 г. Обвинительное заключение трактовало действия Тюрина как «систематические убийства с целью завладения имуществом и деньгами людей». Процесс проходил в знаменитом доме № 16 по набережной Фонтанки (в царское время там помещалось Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а потом Департамент полиции) в закрытом режиме. Тюрин был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян, что, в общем-то, совсем не представляется удивительным.

Хотя обвинительное заключение расценивало действия Филиппа Петровича Тюрина как грабеж, подобная квалификация вряд ли до конца справедлива, во всяком случае, ее нельзя считать исчерпывающе полной. Собственно, недостаточность и неточность официальной квалификации признали сами власти, сделав процесс по делу Тюрина закрытым. В СССР в закрытом режиме обычно слушались дела, способные вызвать значительный общественный резонанс, в том числе и связанные с сексуальными преступлениями (их тогда именовали «половыми»). Дела обычных убийц, грабителей, растратчиков и хулиганов не только слушались открыто, но нередко и с приглашением журналистов, которым надлежало затем по материалам процессов сочинять репортажи и фельетоны. Буквально в те же самые годы (если точнее, в 1949 г.) большой процесс по «банде Слона», убившей 7 человек в ходе более чем 40 нападений в Ленинграде и Ленинградской области, наделал много шума и был проведен открыто, как своеобразная демонстрация успехов «борьбы за соцзаконность». Слушания же по делу Филиппа Тюрина не только проходили в закрытом режиме, но и само следственное производство засекретили, на многие десятилетия сделав его как бы несуществовавшим. Остались лишь невнятные предания о каком-то очень необычном убийце, орудовавшем в Питере в 1940-х гг.

Необходимо подчеркнуть, что следствие не очень интересовала сексуальная подоплека преступлений Тюрина. Корыстные побуждения в качестве мотива убийств вполне устраивали прокуратуру; сам же обвиняемый в силу очевидных причин не имел ни

малейшего желания погружаться в отвратительные детали своих деяний и просто соглашался с тем, что грабил своих случайных знакомых. Лишь руководствуясь косвенными соображениями, мы можем сейчас прийти к заключению, что Тюрин являлся вовсе не грабителем, а именно серийным убийцей, т. е. преступником, руководствовавшимся в своих действиях неочевидным мотивом.

На следствии он утверждал, будто заманивал свои жертвы в барак якобы с целью продажи им картофеля и, выставив перед столом несколько полных мешков, предлагал отобрать его самостоятельно. В момент, когда внимание жертвы переключалось на товар, преступник совершал нападение — бил по голове обухом топора. В принципе, такая схема выглядела логичной, тем более что в комнате Тюрина удалось отыскать немало следов крови. Однако одежда погибших, а ее в вещах преступника удалось отыскать немало, следов крови за редким исключением не имела — это могло означать, что в момент получения жертвой смертельных ранений она уже была раздета. Данное соображение заставляет предполагать более сложную картину преступления, нежели ту, которую нарисовало следствие.

Скорее всего, Тюрин сначала принимал меры для обездвиживания жертвы и подавления ее способности к сопротивлению. Трудно сказать, как именно он это делал — оглушал ударом по голове или угощал спиртным с растворенным лекарством, возможно, угрожал оружием — вариантов может быть несколько. Как бы там ни было, подавив волю жертвы, убийца связывал и раздевал ее, возможно, помещал в погреб под барак. В этом погребе имелась загородка, похожая на клетку. Трудно сказать, как быстро после этого следовала расправа, можно допустить, что смерть пленника была отнюдь не скорой и заточение в подземной тюрьме растягивалось на несколько дней.

Косвенно на справедливость такого предположения указывает и факт обнаружения крови на досках в отхожем месте во дворе. Если Тюрин действительно убивал свои жертвы в комнате, то как капли крови могли оказаться за десятки метров от нее? Напрашивается предположение о том, что убийца выводил жертвы в отхожее место, но это имеет смысл только в том случае, если он рассчитывал сохранять жизнь своим пленникам в течение достаточно длительного промежутка времени, исчисляемого, по крайней мере, несколькими часами.

Ничего в точности не известно о сексуальных предпочтениях Тюрина, следствие удовлетворилось тем, что формально убийца был женат (его супруга постоянно проживала в селе Сумерки Кадомского района Рязанской области). Между тем любой криминальный психолог вполне обоснованно заметит, что сам по себе факт супружества не является однозначным свидетельством гетеросексуальности. Тюрин не виделся со своей женой более трех лет и вряд ли сильно переживал по этому поводу. Вполне возможно, что одиноко живущий 37-летний мужчина не без удовольствия насиловал своих пленниц и пленников. Можно допустить и прямо противоположное, что он являлся импотентом и вообще не осуществлял явных сексуальных манипуляций (как уже отмечалось выше, серийные убийцы-дестройеры не насилуют своих жертв, но это отнюдь не исключает сексуальной природы мотива, толкающего их на преступления). В любом случае, картина преступлений Филиппа Тюрина совсем не так однозначна, как может показаться, если исходить лишь из официальной их трактовки. Тот факт, что суд над Тюриным проходил в закрытом режиме, сам по себе говорит о многом — там, видимо, говорилось о таких деяниях, которые невозможно было рассказать общественности.

Еще бы! Ведь вся советская идеологическая машина вдалбливала в головы всем гражданам СССР неумолимо и однозначно догму, сводившуюся к незамысловатому: «Социализм не порождает преступности». И если бы простой ленинградский обыватель, услышав о суде над Филиппом Тюриным, задался вдруг вопросом, откуда же тогда берутся такие выродки, ежели наш социализм их не порождает, то ни медицинская, ни юридическая советские науки ответить ему не смогли бы при всем желании. Поэтому, дабы избежать брожения умов и связанных с ним лишних вопросов, советская власть поступила так, как неоднократно поступала до и после «дела Филиппа Тюрина» — она просто сделала вид, будто разоблачила банального грабителя, и поспешила забыть о странном прецеденте.

Но непонятное и опасное явление от этого не исчезло. Оно напоминало о себе вновь и вновь многими десятками неожиданных кровавых преступлений.

При анализе расследования убийств Филиппа Тюрина обращает на себя внимание еще одна существенная деталь, кстати,

характерная для прочих уголовных дел такого профиля — низкий уровень аналитической работы в системе уголовного розыска даже на уровне городского управления (о республиканском или общесоюзном уровнях и говорить не приходится — там все обстояло еще хуже!). Фактически Филипп Тюрин успешно закончил свою преступную работу в городе на Неве и благополучно уехал с вещами убитых им людей. Другими словами, свою задачу он в городе на Неве «отработал». Внимание розыскников привлекли лишь ноябрьские и декабрьские исчезновения людей и то потому лишь, что преступник вконец потерял осторожность и зачастил с убийствами. По меньшей мере 15 эпизодов прошли, как говорится, «мимо кассы», абсолютно без привлечения внимания правоохранительных органов. Более того, личности большей части жертв Тюрина вообще остались не идентифицированы.

Безусловно, после обнаружения первых трупов и возбуждения уголовного дела сотрудники 6-го отдела ЛУУР показали себя настоящими профессионалами: они в считанные дни «раскрутили» таинственную историю и безошибочно назвали виновного. Но до того момента, пока Тюрин не стал давать признательных показаний, никто из сыскарей и предположить не мог, сколь необычный монстр попался им. Будь Тюрин осторожнее, действуй он более расчетливо, не начни пороть горячку в последние дни своего пребывания в Ленинграде, и все бы ему сошло с рук. Никто его не искал, никто даже не предполагал, что в городе орудует подобное чудовище! Прошел бы год—два, истлела бы плоть на костях трупов, и никто бы не сумел идентифицировать их, а значит, никто бы и не связал случайно найденные останки с исчезновениями людей на Смоленском и Предтеченском рынках.

И Филипп Петрович Тюрин, простой возчик передвижной столовой ОРСа завода «Большевик», благополучно ушел бы от назначенной ему расплаты. Как уходили, видимо, многие другие его собратья по преступному цеху серийных убийц.

Завершая этот рассказ, нельзя не упомянуть о его неожиданном продолжении, хотя и напрямую с Тюриным не связанным.

Выше в тексте упоминался некий Воробьев, сообщивший об исчезновении собственной тещи, ушедшей на рынок и не вернувшейся обратно. Человек этот, несмотря на отличные

характеристики, вызвал определенные подозрения и стал рассматриваться оперативниками уголовного розыска в качестве возможного убийцы. Потом, однако, оказалось, что бедолага этот сам пропал без вести и, более того, труп его был найден в яме неподалеку от барака, в котором проживал убийца. По официальной версии следствия Тюрин убил и Воробьева, и его тещу Павлову.

Но... минули два года, и Воробьев неожиданно был опознан его стародавними друзьями. Оказалось, что он сменил фамилию, женился, уехал из Ленинграда и неплохо устроился в Архангельской области. Однако по прошествии двух лет он неосторожно вернулся в город и случайно попался на глаза людей, которые знали его по «старой жизни». Разумеется, он стал отпираться, не признался, будто прежде имел фамилию Воробьев, предпринял попытку скрыться, но тем лишь усилил подозрения в свой адрес и в итоге попал в милицию, а далее — в уголовный розыск.

Проверка показала, что в декабре 1946 г. он действительно убил собственную тещу, сделал в органы внутренних дел заявление об ее исчезновении и, убедившись, что вызвал подозрения в свой адрес, скрылся из города. В январе 1947 г. вместо Воробьева был опознан труп неизвестного мужчины, весьма похожий внешне, а труп Анны Павловой найден так никогда и не был.

Лишь спустя более двух лет правда вышла наружу и выяснилось, что Тюрин не убивал ни Воробьева, ни Павлову. Стало быть, он убил кого-то другого.

Но для самого Тюрина, уже расстрелянного к этому времени, данное обстоятельство не имело ни малейшего значения.

7.4. «Душитель с Обводного канала» Василий Филиппенко (период активности: 1967–1968 гг.)

Это расследование — мрачное, бесплодное и во многом типичное для советской правоохранительной системы — началось с трагических событий мая 1967 г. Тогда, в ночь с 23 на 24 мая рядом с Обводным каналом в Ленинграде была убита 19-летняя Нина Петухова, и смерть ее послужила началом очень необычного «сериала».

Тело погибшей было найдено на территории круглосуточно работавшего детского сада — была в Советском Союзе такая форма работы с детьми, при которой матери, заступавшие в ночные смены на фабрики и заводы, оставляли своих детишек до утра; т. е. детский садик в ночь убийства девушки не был пуст — в нем находились и дети, и персонал, более того, две воспитательницы, чаевничавшие около полуночи, даже слышали крик под окнами... но на этой детали мы остановимся чуть ниже. Тело погибшей девушки находилось в непосредственной близости от здания в кустах сирени. Густыми назвать эти кусты никак нельзя: их было всего три, и земля под ними оказалась совершенно вытоптана. Здесь же стояла лавочка, которой пользовались работницы детского сада, чтобы посидеть в тени.

Район Обводного канала был плотно застроен еще в 19 в., причем как промышленными предприятиями, так и жилыми домами. Там нет парков, нет больших пустырей, здания стоят сплошными стенами кварталов, а заводские площадки обнесены глухими заборами. Конец мая в Ленинграде — пора «белых» ночей, это время, когда жители центра города вечером и ночью открывают окна, чтобы глотнуть свежего воздуха, потому что днем из-за активного уличного движения окна лучше держать закрытыми. Кроме того, «белые» ночи потому и называются «белыми», что светло, как днем — даже в полночь можно читать книжный текст безо всяких затруднений.

В общем, с точки зрения убийцы, место и время совершения преступления выбраны были крайне неоптимально. Нападавшего могли увидеть или услышать многие люди, и убийца либо не думал об этом, а значит, действовал спонтанно, либо подумал, но посчитал, что его криминального навыка окажется достаточно для успеха.

Туфли убитой девушки оказались подле лавочки, а это навело на мысль, что именно там она и сидела в начале нападения. Трусики были спущены и лежали возле тела, частично спущены оказались и чулки. То, что нижнее белье было потревожено, заставляло предположить сексуальный мотив посягательства. Тело, находившееся в положении «лежа на животе», было прикрыто плащом жертвы. Сумочка погибшей оказалась аккуратно повешена на ветке и притом закрыта. Проверка ее содержимого

Место убийства в ночь с 23 на 24 мая 1967 г. Нины Петуховой. Хорошо видны окна, через которые воспитательницы детского сада выглядывали во двор. Нельзя не поразиться дерзости преступника, решившегося на очень рискованное для него посягательство в районе, который никак нельзя назвать малолюдным. Появление случайного прохожего могло спутать все карты злоумышленнику, поскольку жиденькие кусты сирени не скрывали его действий. Уже по одному выбору места нападения можно было уверенно предположить, что убийца вполне полагается на свои силы и сноровку и, скорее всего, имеет опыт совершения аналогичных преступлений.

с привлечением подруг погибшей показала, что из сумочки ничего не пропало.

Благодаря найденному в сумочке пропуску удалось быстро установить личность погибшей, место ее работы и проживания. А жила Нина Петухова буквально за два дома от детского садика, в женском общежитии с такими же незамужними работницами крупной фабрики резинотехнических изделий «Красный треугольник».

Разумеется, первый вопрос, которым заинтересовалось следствие (вполне оправданно, кстати!), сводился к следующему: как можно было зверски избить, изнасиловать и убить молодую крепкую женщину прямо под окнами учреждения, полного людьми? По самым скромным подсчетам, в детском саду в ночь совершения преступления находилось около 70 человек: конечно, подавляющей частью это были дети, но даже 5–6-летний ребенок вполне осмысленно отреагирует на крики под окном... Во время опроса персонала оперативники выяснили поразительную деталь: две воспитательницы, засидевшиеся

за чашкой чая, около полуночи слышали под окном крик, который их до такой степени встревожил, что они бросились к стеклу, чтобы посмотреть, что происходит. Их «дежурка» находилась на втором этаже, и они смотрели на те самые кусты, где в это время происходило убийство, сверху вниз, но ничего толком рассмотреть не смогли. Место преступления фактически находилось под окном в «мертвой зоне», поэтому воспитательницы увидели лишь кошку, метнувшуюся через двор, и решили, что местные коты делят территорию. На том и успокоились.

Тем не менее информация воспитательниц не оказалась совсем уж бесполезной. Во-первых, она давала привязку ко времени начала нападения (т. е. полночь либо начало первого часа ночи), а во-вторых, косвенно несла информацию о преступнике. Ведь тот после крика жертвы не только не бросился бежать, но напротив, продолжил нападение, добил девушку и осуществил половой акт (либо наоборот, сначала осуществил половой акт, а потом умертвил — в контексте обсуждаемой темы последовательность его действий непринципиальна). Такое самообладание способен проявить далеко не каждый человек. С точки зрения современных криминалистических представлений можно было бы уверенно утверждать, что преступник опытен в своем деле и ему приходилось уже убивать прежде, но для советских правоохранительных органов формации 1967 г. это было слишком «шерлокхолмсовское» утверждение.

После опроса соседей по общежитию выяснилось, что Нина, отработав во вторник, 23 мая, в первую смену, поспешила в общежитие, где быстро переоделась и умчалась на свидание с молодым человеком. В роли такового фигурировал некто Сергей, моряк торгового флота, во всех отношениях перспективная кандидатура для замужества, хорошо зарабатывающий и видный из себя молодой человек, но... несколько ветреный и при этом ревнивый. В общем, у Нины с Сергеем все складывалось не совсем так, как хотелось бы Нине.

Понятно, что молодым морячком сразу же заинтересовались оперативники уголовного розыска, умчавшиеся в порт на его розыски и задержание. А в порту выяснилось, что в полночь корабль с таинственным ухажером вышел в море. Сразу родилась версия, довольно тривиальная, впрочем, что гневливый ухажер, рассчитывая добиться от девушки интимной близости, получил

отказ, убил ее, предполагая, что участие в морском переходе послужит ему отличным алиби. Но — просчитался, ибо советские милиционеры, как известно, не лыком шиты!

Моряк были изолирован на корабле и возвращен в Ленинград при первом же заходе в порт. Там его поджидали работники городской прокуратуры и Ленинградского уголовного розыска с предварительными результатами судебно-медицинской экспертизы тела убитой Нины Дмитриевны Петуховой. Причиной смерти была названа механическая асфиксия, кроме того, имелись повреждения головы, указывающие на прижизненное избиение. Сломанные ногти свидетельствовали о попытке самозащиты, кроме того, в правой руке погибшей были обнаружены два коротких черных волоса, явно с головы нападавшего (погибшая имела светло-русые волосы средней длины). Эксперт констатировал наличие анальной и вагинальной травм, соответствующих времени наступления смерти. Преступник оставил значительное количество спермы, что позволяло уверенно определить групповую принадлежность его крови.

К сожалению, на сумочке погибшей отпечатки пальцев преступника вычленить не удалось, однако благодаря знанию группы крови убийцы, а также цвета и длины его волос следствие с самого начала оказалось вооружено весьма ценной ориентирующей информацией. Доставленного моряка крепко взяли в оборот, и трудно бы ему пришлось в дальнейшем, если бы сама судьба не помогла ему в конце мая: оказалось, что его группа крови не соответствует группе крови убийцы, а кроме того, согласно записям в бортовом увольнительном журнале он вернулся на корабль ранее того времени, когда была убита Нина Петухова. В общем, на бедолаге-морячке карты не сходились, и потому с него довольно быстро сняли подозрения.

Но тем интереснее был его рассказ уже не в роли подозреваемого, а свидетеля.

Согласно его показаниям он расстался с Ниной заблаговременно, примерно без четверти одиннадцать вечера, поскольку ему еще надлежало успеть возвратиться на судно до полуночи. Прощание произошло на набережной Обводного канала рядом с общежитием Нины. Молодой человек был готов проводить девушку до подъезда, но та никогда этого делать не позволяла по причине довольно тривиальной, хотя, возможно, и непо-

нятной современному читателю. Просто в конце 1960-х гг. незамужние женщины частенько старались скрывать факты ухаживаний от посторонних лиц, ну, чтобы «лишнего не болтали», чтобы «молва нехорошая» не расходилась... из таких примерно соображений. Поэтому Петухова всегда встречалась и расставалась со своим ухажером на нейтральной территории. Сергей во время последнего расставания с Ниной обратил внимание на то, что на мосту через Обводный канал стоит одинокий мужчина в шляпе и плаще. Выглядел он достаточно импозантно и как будто наблюдал за парочкой. Сергей даже отпустил пару реплик по поводу странного человека, но Нина посоветовала не обращать на него внимания.

Следователи не очень-то поверили рассказу моряка, решив, что тот попросту стремится отвести от себя подозрения, а между тем свидетель сообщил исключительно важную информацию. Помимо того, что она была верна в деталях, это сообщение могло бы подсказать, почему между расставанием Нины и Сергея и последующим убийством девушки прошло более часа. Почему девушка не дошла полтора-два метра до общежития, а вместо этого оказалась на скамейке в детском садике. Но... потребуется почти десять месяцев на то, чтобы следствие нашло-таки верные ответы и согласилось с правдивостью утверждений свидетеля.

Трудно сказать, каким бы был дальнейший путь расследования, но очень скоро произошло событие, наложившее неустрашимый отпечаток на внутреннюю логику следственного процесса и предопределившее тот невероятно кафкианский вид, который оно в конечном счете приобрело. В распоряжение следствия попал свидетель, не только видевший, но даже разговаривавший некоторое время с искомым убийцей!

Сейчас имя и фамилию этого свидетеля в открытых источниках умышленно искажают, что понятно, если принять во внимание, сколь негативную роль он сыграл. Воздержимся и мы, дабы не давать повода для возможного сведения счетов родственниками, просто назовем этого свидетеля условным именем «Алена».

«Алена» подверглась нападению таинственного убийцы при довольно нетривиальных обстоятельствах. Будучи в гостях и возвращаясь домой вдоль Обводного канала уже в двенадцатом часу ночи, она заметила, как за ней увязался мужчина в плаще.

Сначала он преследовал девушку на некотором удалении, затем приблизился и начал что-то бормотать себе под нос. Он не обращался напрямую к девушке, но по смыслу слова его были адресованы именно ей. Говорил он бессвязные фразы, нечто вроде такого: «Ох, догоню кого-то... Ох, схвачу кого-то... Ох, ущипну кого-то!». Девушка до поры игнорировала странного спутника, но тот быстро возбуждался, бормотание его становилось громче, а шаг — энергичнее. По показаниям «Алены», данным уже в прокуратуре, мужчина производил впечатление не вполне нормального и сильно пугал ее. Девушка решила действовать: уже на подходе к дому, свернув за угол, она внезапно развернулась и ударила мужчину сумочкой в голову, да так удачно, что тот взвизгнул и повалился навзничь. И тут неожиданно появился другой мужчина — коренастый, в расстегнутом плаще, шляпе, который спокойно взял перепуганную девушку под локоть и сказал что-то успокоительное, вроде: «Не беспокойтесь, я вас провожу!».

Они спокойно пошли по двору, обмениваясь малозначительными фразами, незнакомец поддерживал девушку под руку. Затем мужчина резко развернул спутницу лицом к себе, ударил кулаком в челюсть и стиснул горло. «Алена» не могла даже закричать и ощущала свою полную беспомощность, хотя все это происходило буквально под окнами четырехэтажного дома, во многих из которых горел свет, а до заветного подъезда, где жила девушка, оставалось всего-то метров 30! В считанные секунды «Алена» потеряла сознание и не могла рассказать, что же происходило далее. Пришла она в себя в траве на газоне от ощущения обильного кровотечения из носа и разбитых губ. Девушка даже не сразу поняла, что изнасилована, чуть позже появилась страшная боль в горле, словно при ангине, а голос на некоторое время пропал. По счастью, незнакомца в шляпе рядом не оказалось, он бросил жертву, видимо, решив, что она мертва. Но «Алена» нашла в себе силы и добрела до дома.

Вот тут, как показалось работникам городской прокуратуры, дело, наконец-то, тронулось с мертвой точки! Анализ спермы преступника позволил установить совпадение группы его крови с группой крови убийцы Нины Петуховой. Имелись и другие совпадения с майским преступлением: место нападения (ближайшие к Обводному каналу дворы), время (час до полуночи

Чудом выжившая жертва нападения дает пояснения на месте в ходе проведения следственного эксперимента. Поскольку многие детали рассказа жертвы казались весьма необычными и даже недостоверными, следствие озаботилось их закреплением на месте совершения преступления. Обратите внимание, насколько близко к жилому дому произошло нападение — буквально в десятке метров от ближайшего подъезда! Понятно, что такое безрассудное поведение преступника рождало определенные сомнения в его психическом здоровье и адекватности. Интересен в этой связи и еще один нюанс: хотя жертва затруднялась с определением длительности нападения, очевидно, что продолжалось оно очень недолго. Насильник не мог затратить на половой акт больше нескольких минут, а это служило косвенным указанием на его половую слабость. Жестокость по отношению к жертве являлась своего рода мстью за собственную мужскую несостоятельность.

или даже менее), способ реализации преступного замысла (удары в голову без использования оружия и последующее душиение), мотив (изнасилование). Наконец, нельзя было не отметить крайнюю дерзость обоих нападений, совершенных буквально под освещенными окнами домов.

Исходя из предположения, что преступник проживает где-то в окрестностях Обводного канала, ценного свидетеля «Алену» стали возить по отделениям милиции и демонстрировать карточки учета населения в паспортных столах. В советское время институт «прописки паспорта» по месту постоянного проживания носил обязательный характер и любой человек при оформлении такой прописки относил в ЖЭК (жилищно-эксплуатационная контора) заявление о ее предоставлении, ордер на жилье, паспорт и фотографии на матовой бумаге размером 5 на 4 см (военнообязанные предъявляли еще и военные билеты, но эта деталь сейчас неважна). Паспортистка ЖЭКа (в зависимости от населенности территории, обслуживаемой ЖЭКом, таковых паспортисток могло быть несколько) заводила на соискателя про-

писки учетное дело и передавала документы в паспортный стол милиции, где также заводилось учетное дело и проводилась проверка человека и предъявленных им документов (откуда прибыл, основания для переезда, законность получения ордера на жилье, наличие судимостей и т. п.). Паспортный режим был одним из краеугольных камней тотального контроля советской властью за собственным населением. Власть предпринимала огромные усилия для того, чтобы уменьшить число людей, болтающихся по стране без цели и документов. Если колхозники на селе не имели паспортов вплоть до 1974 г., и это не особенно беспокоило органы власти ввиду малой мобильности сельчан, то городское население, и в особенности жители крупных городов, были охвачены поголовной паспортизацией (исключение составляли только дети). В паспортных столах отделений милиции хранились учетные карточки с фотографиями всех жителей, прописанных на территории, входящей в зону ответственности отделения.

Поэтому идея показа потерпевшей фотографий жителей, подходящих по возрасту, была, в общем-то, совсем неплоха. Подкачала, как это часто бывает, реализация. На второй день «Алена» опознала напавшего на нее человека в фотографии 24-летнего рабочего Игоря Воробьева. Разыскать его не составило проблем — тот находился дома по причине болезни. В ходе очного опознания «Алена» подтвердила, что именно этот мужчина душил ее, а затем изнасиловал. Надежного алиби на время нападения подозреваемый не имел, и хотя его беременная жена утверждала, будто муж находился дома, ее слова никто не собирался принимать во внимание. Не зря ведь говорится: муж и жена — одна сатана... Подозреваемому было назначено судебно-медицинское освидетельствование, а также изъяты для сравнения биологические образцы, в результате чего было доказано, что он имеет ту же группу крови, что и человек, напавший на «Алену» и убивший Нину Петухову. Даже тот факт, что подозреваемый носил короткую стрижку и имел волосы заведомо меньшей длины, чем разыскиваемый преступник, был использован против него — следственные работники вполне логично решили, что Воробьев изменил прическу и постригся, стремясь сбить со следа розыск!

В общем, капкан захлопнулся. И накрепко! Буквально в течение четырех месяцев дело было доведено до суда — невероятная

быстрота для довольно неторопливой советской юридической машины. Хотя Воробьев рассматривался следователями как убийца Нины Петуховой, формально его в этом обвинять не стали. Совпадения группы крови было недостаточно в качестве доказательства вины в столь серьезном деле. Как ни крути, а в огромном Ленинграде десятки тысяч молодых мужчин имели точно такую же группу крови и резус-фактор... Поэтому прокуратура ограничилась выдвиганием обвинения по одному эпизоду, связанному с нападением на «Алену». Воробьев вины своей не признавал категорически, ни на какие уговоры и угрозы следственных работников не поддавался и в суде также заявил о своей полной невинности. Эта несгибаемость помогла и навредила ему одновременно: его несознание в содеянном преступлении было расценено судом как нераскаяние, т. е. обстоятельство, усугубляющее вину, но в дальнейшем помогло при отмене приговора. Воробьев получил 6 лет исправительных работ, и можно догадываться, какими бы тяжелыми для него оказались эти годы!

Еще в досудебный период произошел инцидент, который мог бы заставить работников прокуратуры пересмотреть свое отношение к показаниям «Алены», но в силу косности мышления отдельных работников и их нежелания идти против правил системы, этого не случилось. Между тем событие было нерядовым и заслуживало самого внимательного анализа.

В сентябре 1967 г. студент-заочник Ленинградского политехнического института напал на знакомую девушку, ударил ее несколько раз, пытался душить, но затем бросил это занятие и попытался скрыться. Этого сделать ему не удалось — проходивший мимо наряд милиции догнал обидчика и задержал его. Инцидент произошел в парке имени Ленина, на самой юго-западной окраине Ленинграда, на южной стороне Финского залива. Случившееся никоим образом не напоминало преступления в окрестностях Обводного канала, однако задержанного студента оперативники уголовного розыска решили показать «Алене». Непонятно даже для чего, так, на всякий случай...

И «Алена» опознала в студенте-заочнике того самого негодяя, который напал на нее двумя месяцами ранее! Это опознание, конечно, вызвало тихий шок всех сотрудников прокуратуры и уголовного розыска, причастных к расследованию, ведь один обвиняемый уже имелся и, более того, на подходе был суд над

ним! Может быть, вышла ошибка и Воробьев невиновен? Однако судебно-медицинская экспертиза показала, что группа крови студента, совершившего нападение в парке имени Ленина, не соответствует группе крови насильника с Обводного канала, а значит, второе опознание ошибочно. Пытаясь понять, как свидетель с одинаковой убежденностью может обвинять в совершении одного и того же преступления разных людей, сотрудники уголовного розыска догадались поинтересоваться у «Алены», насколько хорошо она видит? Оказалось, что зрение у женщины очень плохое, но очки она не носит, поскольку очки ей не идут...

Без комментариев.

Неприятный казус с опознаниями полуслепой потерпевшей работники правоохранительных органов постарались, разумеется, не афишировать. Оно и понятно — гордиться было решительно нечем, проводившие опознания должностные лица допустили грубейшую небрежность, не задав потерпевшей совершенно необходимых вопросов о состоянии ее зрения...

Следующее изнасилование с убийством, произошедшее в районе Обводного канала, поначалу не показалось имеющим связь с предыдущими нападениями. Дело заключалось в том, что преступление произошло на территории так называемых «Боткинских барачков» — так ленинградцы в просторечии именовали клиническую инфекционную больницу имени С. П. Боткина, занимавшую большой участок городской застройки в непосредственной близости от Александро-Невской лавры. Кстати сказать, это медицинское учреждение являлось тогда (и является ныне) крупнейшим в Европе стационаром, во второй половине 1960-х гг. там могли находиться на стационарном излечении более 1 100 больных одновременно. Хотя основным профилем этой больницы являлось предупреждение и лечение инфекционных заболеваний, там оказывали все виды специализированной медицинской помощи. «Боткинские бараки» не примыкали непосредственно к Обводному каналу — от больницы надлежало пройти один квартал, чтобы оказаться на набережной (если уж быть совсем точным, то с учетом огибания всех углов до Обводного надо было пройти около 300 м). Кроме того, для тех, кто не знаком с питерскими реалиями, необходимо пояснить, что репутация у этого лечебного заведения во времена социализма была довольно своеобразной. Благодаря своим размерам

и многопрофильности эта больница часто оказывалась дежурной по городу, и в нее свозили разного рода неблагополучную публику: бомжей, пьяных, травмированных в бытовых драках, на производстве, лиц без документов и т. п. Другими словами, контингент там лечился довольно специфический, проблемный, а поэтому изнасилование и убийство 25-летней медсестры Татьяны Кузнецовой, работавшей в больнице в ночную смену, правоохранительные органы поначалу связали именно с находившимися на излечении лицами.

Татьяна заступила в ночную смену, и около полуночи ей понадобилось перейти из одного больничного корпуса в другой, расстояние между которыми составляло едва ли 80 м. На ступенях лестницы, уже на выходе из здания, она на пару минут задержалась, заговорив с доктором. Но поскольку накрапывал мелкий дождь, разговор быстро закончился, и женщина направилась по своим делам. Но в соседнее здание она так и не вошла. Дворник обнаружил ее тело ранним утром на ступенях, ведущих в подвал под тем самым больничным корпусом, в который направлялась Татьяна. Темный плащ погибшей был расстегнут, а больничные халат, платье и нижнее белье — грубо разорваны, нос и губы — разбиты. Преступник придал телу непристойную позу, широко раздвинув ноги, однако, словно бы противореча самому себе, прикрыл живот и бедра погибшей вязанками лозы, заготовленными для дворницких метел. Причиной смерти явилось удушение, погибшая была грубо изнасилована незадолго до либо сразу после убийства. Сумочка погибшей была найдена примерно в 20 м от входа в дворницкую, мелкие вещи из нее находились тут же. Убийца явно вытряхнул содержимое, но забрал только деньги.

По многим признакам можно было понять, что медсестра явилась очередной жертвой «Душителя с Обводного», но, как было отмечено выше, первоначальной версией следствия явилось предположение о ее гибели от рук кого-то из пациентов больницы или ее работников. С рвением, достойным лучшего применения, прокуратура принялась проверять всех, кто имел хоть какое-то отношение к «Боткинским баракам» и появлялся там как непосредственно в день убийства, так и в предшествующие дни. В число подозреваемых попал как медицинский, так и административно-обслуживающий персонал. В силу понятных

причин особой проверке подверглись все без исключения больные. Искали судимых за преступления на сексуальной почве, а также душевнобольных, замеченных в половых девиациях. Проверено было немногим менее 1 500 человек, и тяжело пришлось бы тому, кто попал под подозрение, но... может показаться удивительным: лица, связанные с больницей, этой участи избежали. Отчасти такому результату поспособствовало то, что основной профиль Боткинской больницы — лечение инфекционных заболеваний, а потому порядки, введенные в этом учреждении, всегда были довольно строги. Этажи там запирались на ночь, закрывались также и больничные корпуса, окна в зданиях, заколоченные гвоздями на зиму, вообще не открывались, так что свободно побродить ночью по территории больничного комплекса было довольно проблематично. То, что Татьяна отправилась из корпуса в корпус, явилось скорее исключением, нежели правилом.

Лишь после того, как проверка больничного персонала и больных ничего для расследования не дала, следствие вынужденно вернулось к версии причастности к случившемуся таинственного маньяка с Обводного канала, тем более что группа крови убийцы медсестры совпадала с группой крови убийцы Нины Петуховой. Совпадали и многие другие важные детали преступного поведения, в частности, стремление прикрыть обнаженное тело жертвы. Надо сказать, что это довольно специфический элемент преступного поведения, демонстрируемый далеко не всеми убийцами на сексуальной почве.

Однако по мере продвижения расследования всплывали вопросы, на которые ни оперативные, ни следственные работники ответов дать не могли. В частности, требовал ответа вопрос: что могло привести «Душителя с Обводного» внутрь больничного периметра? Ведь на набережной гораздо проще отыскать жертву! Или убийца охотился именно за Татьяной Кузнецовой? Если да, то означает ли это, что они были знакомы? И по какому признаку преступник вообще выискивает жертвы, ведь все они были очень разными: Кузнецова — брюнетка с длинными волосами, Петухова — русоволосая со стрижкой, а выжившая «Алена» — брюнетка с короткой стрижкой... Кроме того, потерпевшие заметно различались между собой по комплекции. Так как преступник выбирает жертву?

Довольно неожиданный вариант ответа предложил старший следователь городской прокуратуры Василий Алексеев. Вкратце, его мысль сводилась к следующему: убийце неважна внешность, возраст, телосложение или иные данные женщины, он выбирает тех, кто попрощался на его глазах с женщиной. В самом деле, Петухова рассталась возле моста со своим другом — моряком Сергеевым, Кузнецова поговорила некоторое время на ступенях крыльца с доктором, выжившая «Алена» отбивалась от преследовавшего ее ухажера... Забегая вперед, можно сказать, что предположение это оказалось абсолютно верным, хотя во время расследования сказанное Алексеевым прозвучало совершенно абсурдно. Кроме того, его предположение не объясняло того, как «Душитель с Обводного» попал внутрь больничного квартала «Боткинских барачков». Тем не менее и эта загадка получила в дальнейшем разрешение: оказалось, что убийца забрел на территорию больницы случайно, он преследовал совершенно другую женщину, но потерял ее из вида (она спряталась в помещении морга) и бесцельно бродил по темным закоулкам, пока не увидел выходящую из одного из зданий медсестру в плаще, наброшенном поверх белого халатика. В этой связи интересен вот какой момент: женщина, благополучно спрятавшаяся в помещении больничного морга, попыталась на следующий день рассказать о ночной погоне в 28-м отделении милиции, по месту своего проживания, но там ей равнодушно ответили, что коли она не имеет телесных повреждений, то, стало быть, и посягательства на нее никакого не было. В общем, отфутболили важного свидетеля, и прошло много месяцев, прежде чем эту женщину отыскивали работники прокуратуры и выяснили детали драматических событий на набережной Обводного канала в районе Атаманского моста.

Впрочем, сейчас наше повествование немного забежало вперед, поэтому вернемся к общей фабуле событий.

18 октября 1967 г. Ленинград пережил сильное наводнение. По уровню подъема воды оно входит в двадцатку самых масштабных за всю историю существования города. В 13:30 был зафиксирован наибольший подъем воды в Неве, который составил 224 см выше Кронштадского ординара. После этого уровень воды начал понемногу спадать, но дождливая погода с сильным западным ветром сохранялась еще сутки.

Галина Иванова возвращалась домой вдоль набережной Обводного канала примерно за час до полуночи. Район был совершенно безлюден — никто из жителей без крайней нужды не покидал дом в ночь наводнения. Но для убийцы это была самая благодатная пора охоты, в такую ночь он мог не бояться, что ему помешают случайные прохожие. Преступник напал на Галину прямо на набережной, затащил женщину за забор пустующей строительной площадки, душил сначала руками, а потом, видимо, для верности, и колготками, снятыми с жертвы. Нижняя часть тела погибшей была полностью обнажена: убийца поднял подол юбки до шеи, однако, как и в случае с Ниной Петуховой, наготу прикрыл подолом пальто. Как показала судебно-медицинская экспертиза, погибшая подверглась изнасилованию, причем убийца оставил следы спермы, по которым была установлена его группа крови. Она совпала с группой крови преступника, убившего Нину Петухову и Татьяну Кузнецову.

Ситуация для руководства правоохранительных органов сложилась крайне неприятная. Не так давно они отрапортовали в обкоме КПСС об успешном разоблачении сексуального маньяка, орудовавшего в районе Обводного канала, а теперь вдруг выяснилось, что заверения такого рода — чепуха, преступник по-прежнему на свободе. После крайне неприятного «разбора полетов» в Смольном (там размещались городской и областной комитеты КПСС) была официально принята следующая версия событий: убийца покуда остается на свободе, но Воробьев должен быть судим, поскольку потерпевшая его опознала, а совпадение групп крови таинственного маньяка и Воробьева — всего лишь совпадение.

Следствие затратило большие силы на проверку «подуточно-го элемента», т. е. лиц, привлекавшихся ранее к ответственности за совершение сексуальных преступлений. Проверялись и те, кто попадал под подозрение, но чья вина не была доказана. Отдельным направлением розыска являлось изучение контингента, состоявшего на учете в психоневрологических диспансерах. Версия о причастности к преступлениям душевнобольного рассматривалась в ряду самых перспективных, хотя, строго говоря, ловкость и хладнокровие, с которыми орудовал убийца, очень мало соответствовали стилю поведения настоящего больного психиатрического профиля. Разумеется, помимо всевозможных

проверок, работа велась и в другом направлении: район Обводного канала (а это, вообще-то, 8 км!) был наводнен патрулями милиции и народных дружинников. Не обошлось, разумеется, и без использования «подсадных приманок» — женщин, призванных спровоцировать нападение преступника, а после того, как тот обозначит свои намерения, осуществить его задержание. В роли «приманок» выступали женщины-милиционеры из технических и административных служб ГУВД, каждую из которых прикрывала группа из трех вооруженных оперативников.

После октябрьского убийства городской комитет КПСС санкционировал программу действий по ограниченному оповещению населения Ленинграда об опасности передвижения по городу в ночные часы. Разумеется, такое решение не могло быть принято на уровне городского руководства, а потому оно предварительно согласовывалось в Москве, на уровне ЦК партии. Может показаться удивительным, но в данном случае мы имеем один из немногих примеров того, как косность высоких управленцев, засевавших на Старой площади, удалось преодолеть. Потребности коммунистической идеологии были принесены в жертву здравому смыслу, и коммунистические небожители разрешили предупредить ленинградцев о грозящей им опасности. От имени Главного управления внутренних дел при Ленгороблисполкомах (ГУВД) было составлено довольно косноязычное, но тревожное сообщение, посвященное якобы криминогенной обстановке в городе. В нем содержался стандартный призыв к горожанам проявлять бдительность, сообщать обо всем подозрительном органам внутренних дел и т. п. Разумеется, в тексте обращения никак не упоминались убийства в районе Обводного канала, но мрачные слухи исчерпывающе компенсировали отсутствие официальной информации. Упомянутое официальное сообщение довольно долго, на протяжении двух или даже трех недель размещалось в городских газетах и зачитывалось по городской радиотрансляционной сети, которую тогда слушали практически во всех квартирах и даже на производстве.

Обращение помогло мало, во всяком случае, оно никак не помешало убийце выследить новую жертву. Ею оказалась Фаина Анчак, студентка первого курса Технологического института. Девушка знала о мрачных событиях последних месяцев,

связанных с Обводным каналом, и поэтому старалась быть предельно осторожной. Возвращаясь из театра, куда ходила со своим молодым человеком, она рассказала ему об обстановке в районе и попросила проводить ее до дома. Кавалер девушке, разумеется, не отказал, хотя рисковал не успеть на последний поезд в метро. Молодой человек попрощался с Фаиной перед аркой во двор, буквально в 30 м от подъезда, в который девушке надлежало зайти. На прощание молодые люди поцеловались...

Домой, однако, девушка не попала. Преступник напал на нее возле дома, придушил, лишив способности позвать на помощь, оттащил в сторону, изнасиловал за углом старого нежилого здания и... скрылся, думая, что жертва мертва. Но Анчак не умерла сразу — она пришла в себя и даже нашла силы, чтобы поползти к дому. В принципе, девушка могла бы остаться в живых, если бы ей своевременно оказали помощь, но помощь она позвать как раз и не могла. Убийца в процессе душения сломал ей подъязычную кость, что привело к сильному отеку дыхательного горла. Простейшая хирургическая операция — трахеотомия — могла бы сохранить ей способность дышать. Однако к тому моменту, когда Анчак очнулась и начала двигаться, горло настолько отекло, что девушка уже не могла позвать на помощь. Она преодолела ползком около 40 м и в конце концов умерла от асфиксии перед родным домом.

Очередное убийство «Душителя с Обводного» вызвало во властных инстанциях истерику. Руководство городской прокуратуры, милицейского главка и уголовного розыска были ознакомлены с категорическим требованием горкома партии (точнее, его Бюро) разыскать убийцу в течение трех суток. Требование, конечно, звучало совершенно абсурдно, но вполне в духе волюнтаристских обязательств той эпохи. Руководству правоохранительных органов оставалось лишь «взять под козырек» и транслировать указание партийного руководства подчиненным.

Еще больше нарядов ДНД (добровольных народных дружинников) было брошено для патрулирования Обводного канала, еще больше «подсадных» женщин-милиционеров под недреманным надзором групп прикрытия стали выходить по вечерам на набережные. Следствие хваталось буквально за любые зацепки, способные вывести на убийцу.

Результат пришел оттуда, откуда его, казалось, никто и не ждал. В начале ноября наряд ДНД задержал возле дома № 12 по Невскому проспекту, в котором находилось одно из лучших пошивочных ателье города, довольно необычного молодого человека. 26-летний Виктор Данилов приставал к женщинам, входившим и выходящим из ателье с разного рода глупостями, кривлялся, паясничал, в общем, заигрывал глупо и неуместно. Молодой человек не хамил и не бранился, просто вел себя некрасиво и раздражающе: расставлял руки, мешая пройти, громко восклицал: «Ох, кого-то сейчас поймаю» и т. п. Ателье считалось по меркам 1960-х гг. «блатным», там работали мастера по коже, замше и меху, к которым записаться было практически невозможно: очередь достигала полугода и более. Разумеется, особо значимые персоны: директора магазинов и рынков, руководители общепита и строительных организаций, заметные фигуры из мира театра и богемы — обслуживались без всякой очереди. В общем, в здание на Невском, 12 заходили дамы манерные и с деньгами, хватать их за руки и загораживать им проход было верхом неосмотрительности. Бедолага Витя Данилов растопыривался там минут десять от силы, после чего на него пожаловалась одна из посетительниц ателье, жена начальника милицейского главка, и незадачливого «пикапера» патруль «дружинников» доставил в ближайший пункт охраны общественного порядка. Там на Витю заполнили протокол об административном задержании, продержали три часа, да и отправили восвояси.

Если Данилов в тот момент подумал, что все для него закончилось, то он сильно ошибся. Все для него только начиналось.

История с великовозрастным балбесом, растопыривавшимся перед женщинами и вопившим: «Ох, кого-то сейчас поймаю», — стала известна оперативникам уголовного розыска. И те, разумеется, припомнили, что именно такие слова кричал человек, преследовавший «Алену», ту самую девушку, что выжила после нападения «Душителя с Обводного».

К Данилову осторожно присмотрелись. И поскольку родители у него были людьми со связями (мама — известный доктор, а отец — крупный руководитель в строительной сфере), оперативники решили действовать аккуратно. Скрытно смонтировали в квартире прослушку и понаблюдали несколько дней, чем же занимается «пикапер» с Невского. Тут надо пояснить, что в самом

факте знакомства на Невском проспекте ничего особенно предосудительного не было: во времена советского убогого быта мест, где молодежь могла бы непринужденно пообщаться, имелось совсем немного. Ну, не в ресторане же «Метрополь» знакомиться, верно? Там проститутки и «мажоры» из Гостиного Двора заседали, туда простому человеку соваться было не с руки. А вот Невский — другое дело, там все демократично и просто, вроде бы гуляешь, городом любишься, а попутно глазами стреляешь. Автор сам по молодости, в дни еще советской эпохи, тысячи километров накрутил, исходив Невский и прилегающие улицы вдоль и поперек, с единственной целью поиска новых знакомств и впечатлений. Не будет ошибкой сказать, что знакомства на Невском проспекте являлись бесплатным хобби миллионов ленинградцев и петербуржцев на протяжении не одного столетия. Можно даже сказать, что это городская традиция.

Однако помимо безобидных прогулок по Невскому проспекту, Данилов имел и менее пристойные привычки. Прослушка и наружное наблюдение показали, что молодой человек приглашает в дом женщин, принимающих деньги в оплату за оказание интимных услуг. «Профессиональной проституции» в Советском Союзе тех лет не существовало, но женщины, занимающиеся таким промыслом, разумеется, имелись. Молодой человек поил дамочек вином, демонстрировал иностранные журналы непристойного содержания — последние, кстати, стоили тогда больших денег. Данилов нигде не работал, но нужды в деньгах не испытывал: обеспеченные родители жалели сынка и ни в чем ему не отказывали. Виктор имел некоторую задержку в развитии, но это не делало его инвалидом и не накладывало ограничений в отношении его дееспособности. При непродолжительном общении эта задержка вообще не бросалась в глаза, ну, подумаешь, посмеивается человек глуповато, шутит неуместно, так сколько же среди обычных людей тех, кто не понимает юмора?

В общем, довольно быстро компромат на странного молодого человека отыскать удалось — и тунеядство, и эротические журналы в доме... Было решено провести в квартире Данилова обыск, и этому поспособствовал скандал с дворником (возможно, спровоцированный умышленно, чтобы получить повод войти в квартиру подозреваемого без лишних юридических

проволочек). Дворник вызвал наряд милиции, вместе с которым приехали и опера в штатском, вошли в квартиру, осмотрелись и помимо ожидаемых эротических журналов увидели кое-что такое, что трудно было даже вообразить.

Данилов хранил в своей комнате довольно необычный сувенир — меховую зимнюю шапку-ушанку с наклеенными на нее разноцветными прядями волос. Там были локоны блондинок, брюнеток, шатенок, русые волосы разной длины и явно происходившие от разных женщин. Когда у Данилова поинтересовались, что же это такое, молодой человек простодушно ответил: «Мои трофеи». И пояснил, что отрезал волосы у знакомых женщин. Или незнакомых. Догонял понравившуюся девушку на улице и р-раз! — отстригал ножницами прядь. Сейчас бы Данилова однозначно записали в фетишисты, но в те времена далеко не все оперативники уголовного розыска знали значение этого слова. Тем не менее всем, кто выслушал рассказ Данилова про отрезание волос, стало ясно, что с головой у парня далеко не в порядке.

Незадачливый «пикапер» с Невского был задержан и предъявлен на опознание уже хорошо знакомой нам «Алене». Девушка в очередной раз уверенно опознала в Данилове того самого человека, который преследовал ее вдоль набережной Обводного канала со словами: «Ох, догоню!» — и которого она огрела сумочкой по голове. Это был не совсем тот ответ, на который рассчитывал следователь, и «Алене» было предложено припомнить получше, при каких обстоятельствах она встречалась с этим человеком. Трудно сказать, как долго и о чем она вспоминала, но в конечном счете потерпевшая «твердо вспомнила», что это именно Данилов напал на нее, избил и попытался задушить. Подозреваемого направили на судебно-медицинское освидетельствование в надежде отыскать телесные повреждения, указывающие на вероятную борьбу во время нападений. Ничего особенно подозрительного не обнаружили, зато вот анализ крови показал совпадение ее группы с группой крови «Душителя с Обводного канала». В общем, попался!

Работников правоохранительных органов даже не смутило то обстоятельство, что один потенциальный «Душитель» уже осужден «советским судом, самым гуманным судом в мире». Теперь именно Виктор Данилов был «назначен» «Душителем с Обвод-

ного канала», о чем официально и было сообщено партийному руководству города, мол, задание партийного руководство выполнено точно и в срок, опасный преступник обезврежен!

Трудно представить, какому прессингу подвергся бедолага, каким запугиваниям, уговорам и принуждениям он поддался, но факт остается фактом: Данилов написал явку с повинной, в которой косным протокольным языком (скорее всего, под диктовку бдительного надзирающего с большим стажем прокурорской работы) поведал о том, как в вечерние часы выслеживал влюбленные парочки на набережных Обводного канала и, дождавшись той минуты, когда они расстанутся, набрасывался на оставшихся в одиночестве девушек.

Все было хорошо: работники правоохранительных органов с чувством честно выполненного долга могли вертеть дырки в погонах под новые звезды, а горожане, наконец-то, передохнуть после полугодового кошмара. Вот только истинный «Душителю с Обводного канала» ничего не знал о том, что его, оказывается, уже поймали! Он продолжал свою невидимую охоту.

Следующей его жертвой стала Валентина Стенникова, молодая продавщица рыбного магазина. Девушка была из интеллигентной семьи, планировала поступить в престижный Институт советской торговли и для этого пошла работать в магазин — получить производственный стаж (абитуриенты со стажем работы пользовались правом преимущественного поступления во многие вузы Советского Союза. Так со времен еще 1930-х гг. коммунистическая партия ковала «трудовую интеллигенцию» на замену «гнилой мелкобуржуазной»). Кроме того, Валентина занималась спортом, ходила в бассейн, зимой любила кататься на лыжах, в общем, это была крепкая, спортивная, не робкого десятка девушка.

Убийца напал на Валентину, когда она возвращалась домой поздним вечером, задержавшись на работе по случаю окончания переучета. Преступник избил, придушил и изнасиловал бесчувственную девушку, затем продолжал душение еще некоторое время, после чего бросил тело в еще не замерзший Обводный канал (из-за многочисленных теплых стоков окрестных предприятий вода в канале зачастую не замерзает даже в зимнее время). Когда тело обнаружили и извлекли из воды, то уже первоначальная оценка криминалиста вызвала переполох городской

верхушки: изнасилование в узнаваемой манере «Душителя с Обводного». Трусики жертвы отсутствовали, чулки — спущены до колен, подвязки чулок и пояс — разорваны, на одежде частично оторваны пуговицы, лицо и руки погибшей — со следами травмирования. Предположение об изнасиловании было высказано еще до судебно-медицинской экспертизы — уж больно «говорящими» были признаки.

Такого вывода, конечно, партийное руководство города и правоохранительных органов допустить не могло, ведь признание подобного факта означало, что правоохранительные органы раз за разом допускают ошибки — и Воробьев невиновен, и Данилов невиновен тоже! Получается, в Ленинграде власть вообще ни на что не годится: не тех хватает, не тех сажает... Было принято решение объявить, что Валентина Стенникова покончила жизнь самоубийством, а никакого изнасилования не было и в помине! Заключение судебно-медицинской экспертизы было сфальсифицировано, дознание провели в кратчайшие сроки, и в возбуждении уголовного дела отказали по той причине, что нетрезвая Валентина покончила жизнь самоубийством.

Возмущенные родители, видевшие извлеченное из воды тело дочери еще до проведения экспертизы, пытались искать правду сначала в городской прокуратуре, доказывая, что милицейский дознаватель ошибся в вынесении решения. В прокуратуре, однако, родители понимания не нашли и тогда обратились в горком партии, надеясь, что уж там-то найдут управу на зарвавшихся правоохранителей. Простые люди не понимали, что имеют дело с заговором системы, не желающей признавать реалии, идущие вразрез с радужными отчетами, а потому их родительская правда никому не нужна ни в прокуратуре, ни в городском комитете КПСС. Когда родители совсем уж явно стали выражать несогласие с принятым решением и заговорили о подлоге, их резко одернули, пригрозив уголовным преследованием, дескать, как вы смеете подозревать советские органы защиты правопорядка в подлоге?! Да это же защитники интересов советских людей, плоть от плоти народа! А вот ваша клевета и разлагающая пропаганда может довести вас до суда, если не остановитесь...

В общем, заткнули обезумевшим от горя людям рты — коммунисты по этой части были большие мастера. И все было бы совсем хорошо, если б в начале 1968 г. из Симферопольского

СИЗО (СИЗО — следственный изолятор, место, где находятся под стражей арестованные до суда) не пришла сногсшибательная информация: по данным внутрикамерной оперативной разработки некий арестант признался сокамернику в том, что убил пять женщин в Ленинграде, и предварительная проверка заставляет оценить его заявление как достоверное и нуждающееся в дополнительной проверке. В Крым немедленно отправилась группа оперативных работников уголовного розыска, чтобы поработать с говорливым арестантом на месте. На конец 1967 г. в Ленинграде числились нераскрытыми убийства по крайней мере 18 девушек и женщин, так что проверить информацию крымских товарищей следовало. О том, что в Крыму пойман «Душитель с Обводного канала», никто и не думал: дело официально было раскрыто, дурачок Данилов написал «сознанку с раскаянием», а то, что после его ареста уже была убита и задушена еще одна девушка, так это и не убийство вовсе, а суицид, по крайней мере, в документах отражено именно это. Поэтому история с «Душителем» считалась уже благополучно оконченной, по крайней мере, на бумаге.

Однако в Симферопольском СИЗО сидел, дожидаясь суда, человек, который преподнес ленинградским сыскарям большой сюрприз. Василий Ефимович Филиппенко родился в 1936 г. и вплоть до 30-летия проживал в Керчи, однако в 1966 г. переехал в Ленинград. Причиной тому послужили личные обстоятельства, причем довольно драматичные: работая крановщиком портового крана, он упал вниз с большой высоты, получил 17 переломов, чудом выжил, но когда вышел из больницы, то узнал, что жена подала на развод. Ей якобы сообщили, что Василий останется инвалидом, и женщина не захотела «тянуть ляжку» с мужем, получающим нищенскую пенсию. Так ли это было на самом деле, или Филиппенко просто придумал версию, наилучшим образом обеляющую его, сказать сейчас трудно, но интересны последствия развода. Василий активно занялся спортом, добиваясь устранения всех последствий травмирования, и решил уехать из Керчи. Начать, так сказать, жизнь с чистого листа. Выбор его пал на Ленинград. Надо сказать, что, вообще-то, в «городе трех революций» тогда очень трудно было закрепиться иногороднему, но люди, владеющие рабочими специальностями, востребованы были в Питере всегда. К числу востребованных

Василий Филиппенко является прекрасным образчиком «правого человека», т. е. психопата, склонного оправдывать собственную жестокость к окружающим борьбой за некую «высшую справедливость» и «незыблемые устои». Рассуждая формально, такие люди изрекают здравые мысли и вроде бы желают всем блага, но на практике их добро превращается в свою прямую противоположность. Василия после тяжелой травмы позвоночника бросила жена, и поэтому его, безусловно, по-человечески жаль. Однако перенесенная обида и пережитое чувство несправедливости способствовали формированию у Филиппенко в высшей степени циничного оправдания собственным преступлениям: он убивал «плохих» девушек и женщин, заслуживших наказание за свое «неправильное» поведение с мужчинами. Как это «наказание» сочетается с изнасилованием, Филиппенко объяснить не мог, но при этом утверждал, что «по совести» он все равно прав и судить его не за что. Комплекс «правого человека» часто встречается у психопатов и социопатов, расценивающих собственные антиобщественные поступки как некое восстановление «попранной справедливости», но нельзя не отметить того, что подавляющее число лиц, демонстрирующих девиантное поведение, такого рода самооправданиями себя вообще не утруждают.

относилось и специальность крановщика портовых кранов. Василий приехал в Ленинград, устроился в морской порт, получил комнату в общежитии и временную прописку, в общем, жизнь стала вроде бы налаживаться. На работе он характеризовался прекрасно: знающий специалист, член Добровольной Народной Дружины, ни в чем дурном не замечен. Получив профкомовскую путевку (как «правофланговый социалистического соревнования»), приехал в начале 1968 г. в санаторий в Ялту.

И вот, бродя промеж полупустых санаторных корпусов (ибо не сезон!), увидел Василий через окно первого этажа уборщицу, намывавшую полы внаклонку. Женщина была пожилой, давно на пенсии, но Василий этого не рассмотрел — в состоянии крайнего возбуждения он проник в помещение и набросился на уборщицу. Да еще как — с ударом в челюсть, душением

и разрыванием халата в куски. Женщина дала отпор, закричала, завязалась потасовка. По счастью, мимо здания проходил милиционный патруль, так что Филиппенко оказался взят в прямом смысле на месте преступления.

Сообразив, что попал в ситуацию, чреватую серьезными последствиями, задержанный принялся каяться, мол, бес попутал, уже две недели живет без женщины, истосковался. В качестве аргумента, доказывающего отсутствие злого умысла, Филиппенко приводил и такой довод: пожилые женщины ему в сексуальном отношении неинтересны, а уборщица в два раза старше его самого будет, если бы он действительно задумывал изнасилование, то разве бы выбрал ее в качестве объекта нападения? В принципе, факта изнасилования не было, телесные повреждения женщины можно было квалифицировать как легкие, в общем, по всему получалось, что «светит» задержанному простая хулиганка. Тем более что Филиппенко выказывал намерение решить «проблемку» обоюдным примирением: он был готов и извиниться перед потерпевшей, и денег ей заплатить, да и милиционерам, судя по всему, тоже был готов заслать деньжат. Но ялтинских дознавателей смутило то, как немотивированно жестоко набросился задержанный на жертву — без всяких заигрываний, без каких-либо прелюдий... да и синяки от пальцев на шее потерпевшей тоже выглядели весьма красноречиво. В общем, крановщика решили пока не выпускать, а немного «помариновать» в областном СИЗО. Разумеется, не без умысла.

В советских следственных изоляторах среди находившегося в них контингента активно и притом весьма эффективно проводилась оперативная работа, призванная решать в интересах правоохранительных органов весьма разнообразные задачи. С помощью оперативных средств и приемов выявлялись лица, склонные к побегу или неподчинению администрации, вскрывались каналы связи с участниками преступных сообществ, находившимися на воле, добывалась информация, значимая для проведения расследований, и т. д. Тот, кто думает, что преступления расследовались только оперативниками уголовного розыска, сильно заблуждается — в СССР огромную роль имело оперативное сопровождение расследования в СИЗО. Кстати, в местах лишения свободы оперативная работа также проводилась чрезвычайно активно и плодотворно. В советское время

и СИЗО, и ИТК находились в ведении МВД (сейчас колонии и тюрьмы переданы в Минюст), и в штатах этих учреждений имелись особые «оперативные части», ориентированные исключительно на ведение негласной работы среди лишенного свободы контингента. Так что история с Филиппенко, попавшим под колпак «внутренней агентуры», вовсе не исключение из правил, а скорее норма. Опытным «сидельцам» была хорошо знакома аксиома: лишнего не болтать даже в кругу своих (отсюда тюремная поговорка «Среди друзей лишь сам себе товарищ»).

Василий Филиппенко этих нюансов не знал и, стремясь добавить себе «авторитета» в арестантской среде, рассказал, что, живя в Ленинграде, «мочканул пять теток на Обводном канале». Ленинградские оперативники проверили рассказ Филиппенко и удостоверились в его правдивости. А в скором времени последовало полное сознание арестанта в содеянных преступлениях. Он не только признал свою виновность в совершении пяти убийств в районе Обводного канала, но и сообщил много значимых деталей, о которых не мог знать никто из посторонних. Например, Филиппенко привел детальные описания одежды жертв, отдельных украшений, надетых на девушках, сообщил особенности взаимного расположения различных предметов на месте происшествия и прочее. Помимо этого, он объяснил некоторые обстоятельства, остававшиеся до той поры непонятными следствию.

Например, он полностью подтвердил рассказ моряка Сергея, проважавшего Нину Петухову, о том, что молодые люди расстались около 23 часов. Между тем убийство, если верить работникам детсада, произошло примерно через час или даже больше. Следствие не могло объяснить этот «разрыв» во времени, ведь общежитие Нины находилось в нескольких десятках метров, и, чтобы вернуться туда, ей хватило бы нескольких десятков секунд. На что же погибшая потратила последний час своей жизни? Филиппенко ответил на этот вопрос. Оказывается, после ухода моряка Нина направилась к человеку, стоявшему на мосту (а этим человеком в шляпе и плаще был именно Филиппенко), и... предложила ему познакомиться. Нина была предприимчива и, как было отмечено выше, не удовлетворена отношениями с Сергеем, поэтому решила проявить инициативу. Василий Филиппенко около получаса гулял с девушкой по набережной

Обводного канала, после чего парочка прошла на территорию детского садика и уселась на скамейке. Там беседа продолжалась еще около получаса. В ходе разговора Василий почувствовал, что Нина чем-то напоминает ему бывшую жену, которая бросила его во время излечения после травмы, и, испытав прилив ярости, напал на девушку. Он подтвердил, что Нина, действительно, один раз закричала; также убийца помнил, как повесил на ветку сумочку жертвы, мешавшую ему осуществить половой акт.

Исчерпывающе объяснил Филиппенко и историю убийства медсестры Боткинской больницы. Напомним, что первоначально убийство и изнасилование Татьяны Кузнецовой не связывалось с преступлениями «Душителя с Обводного» на том основании, что больничный квартал находился на некотором удалении от канала. Однако, со слов преступника, это действительно была «его работа». Он преследовал одинокую женщину, шагавшую вдоль Обводного канала со стороны Александро-Невской лавры, но та, видимо почувствовав слезку, свернула с набережной и быстрым шагом стала удаляться по улице Красного электрика. Филиппенко последовал за ней, но ему никак не удавалось улучшить момент для нападения: на улице постоянно попадались люди. Он видел, как объект его преследования скрылся на территории больницы имени Боткина, и поспешил туда же, но, пройдя за ограду, понял, что потерял девушку из вида. Он некоторое время бродил по плохо освещенному больничному городку, пока не увидел, как на ступенях перед одним из корпусов медсестра разговаривает с доктором. После того, как медсестра направилась к другому зданию, Филиппенко последовал за ней, напал, изнасиловал и убил.

Вообще, Филиппенко помнил множество различных деталей и мелких обстоятельств совершенных преступлений, что однозначно свидетельствует как о его полном самоконтроле во время нападений, так и осмысленности действий.

Филиппенко был доставлен в Ленинград, где все его показания были проверены и закреплены в ходе следственных экспериментов. Следствие в отношении оговорившего себя Данилова было прекращено, а осужденный и уже отбывавший наказание Воробьев реабилитирован и освобожден из-под стражи.

Преступник, однако, как показал дальнейший ход событий, вовсе не намеревался безропотно дожидаться вполне логичного

в его случае смертного приговора. Василий предпринял довольно нетривиальную попытку «закосить» под сумасшедшего, которую обставил следующим образом. Собственные «вылазки» на набережную Обводного канала с целью изнасилований и убийств женщин он во время следствия объяснил неожиданно и интригующе: дескать, во время обязательной диспансеризации рабочих порта в начале 1967 г. он познакомился с доктором-психиатром, который рассказал ему необычную историю о существовании в районе Обводного «центра древней силы». Теория эта восходила своими корнями к исследованиям психиатра Ефимсона, изучавшего на протяжении нескольких десятилетий суицидальную активность в Петрограде и Ленинграде. Ефимсон работал в этом направлении более четверти века и в конечном счете сам был записан в ряды сумасшедших якобы после похода к секретарю обкома ВКП(б) Андрею Жданову с докладом о причинах самоубийств ленинградцев.

Вкратце «теорию Ефимсона» можно свести к следующему: в 1923 г. при проведении земляных работ в районе Предтеченского рынка (по тогдашней нумерации строений это наб. Обводного канала, д. 40) было обнаружено древнее капище, т. е. место религиозного поклонения тогдашних аборигенов. На месте этого капища в начале 15 в. шведы-католики казнили шесть девушек-колдуний, исповедовавших древний тотемический культ. В память об этом событии шведы якобы оставили некие каменные плиты то ли с символическими рисунками, то ли с текстом, исполненным частично на латыни, частично на древнееврейском языке. Так вот, в 1923 г. эти плиты советские рабочие раскопали и тем потревожили древнее «святое место». Поэтому, дескать, Обводный канал с того самого момента начал привлекать к себе самоубийц и каждый третий год десятилетия (т. е. в 1923, 1933 и в 1943 гг.) там наблюдалась вспышка суицидальной активности — люди прыгали в воду, стрелялись на набережных и т. п. Доктор якобы подкреплял свое открытие статистическими выкладками, которые, на самом деле, довольно проблематично проверить ввиду закрытости такого рода информации в Советском Союзе. В итоге психиатр явился на прием к руководителю областной парторганизации Андрею Жданову и рассказал о причине самоубийств на берегах Обводного. Результат оказался вполне предсказуем: Ефимсон лишился права

заниматься врачебной деятельностью и сам попал под надзор коллег-психиатров.

Филиппенко утверждал, будто услышанный рассказ потряс его до глубины души и он отправился в район Обводного канала, чтобы лично обойти эти места. Во время своих прогулок он почувствовал, как на него воздействует неведомая сила, побуждающая совершить убийство девушки. Он ощущал себя неуязвимым и непобедимым и твердо верил, что его никогда не поймают. Поддавшись воздействию этой странной силы, Филиппенко, дескать, и начал совершать свои чудовищные злодеяния.

Своим рассказом про неведомую силу, побуждающую убить, преступник явно намеревался возбудить сомнения в собственном психическом здоровье. В принципе, при некоторых умственных расстройствах и психических заболеваниях возможны порой довольно сложные и логичные бреды, так что затея Филиппенко вовсе не выглядела глупой. Но обмануть специалистов он не смог — комплексная психолого-психиатрическая экспертиза признала его вменяемым и лишенным нарушений волевой сферы. А это означало, что у преступника нет шанса избежать суда, отправившись на лечение.

Василий Ефимович Филиппенко был судим и вполне ожидаемо приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в ноябре 1968 г.

Давая оценку преступному пути Филиппенко, нельзя не обратить внимания на существенную деталь, обычно упускаемую из вида авторами, пишущими о нем или снимающими телефильмы (в последние годы появилось уже несколько работ о преступлениях Филиппенко). Если следовать официальной версии событий, то убивать Филиппенко начал в возрасте 31 года — это несколько позже возраста (до 30 лет), в котором серийные убийцы совершают свое первое убийство. Отправляясь на свои вечерние «прогулки» по набережным Обводного канала, преступник брал с собою холодное оружие — нож либо отвертку, но никогда не использовал их при совершении преступления, больше полагаясь на свои руки. Это очень интересная деталь, свидетельствующая даже не столько о силе преступника и его самообладании, сколько о специфичном преступном опыте. Кроме того, чрезвычайно интересен факт переезда Филиппенко из одной части страны в другую, и начало убийств в скором

времени после переезда. Эти обстоятельства вкупе заставляют подозревать, что убийство Нины Петуховой в мае 1967 г. вовсе не являлось для Филиппенко первым — он убивал и раньше, возможно неоднократно, но преступления эти так никто и не связал с ним. Вполне вероятно, что отъезд Василия из Крыма явился своего рода бегством от правосудия: почувствовав, что ему грозит разоблачение в Крыму, преступник решил сменить место проживания и отправился в другой регион страны, чтобы все начать с «чистого листа». Нельзя исключить того, что отечественные историки уголовного сыска, изучая криминальную активность в Крыму в первой половине 1960-х гг., еще найдут информацию о большом количестве убийств девушек и женщин, совершенных в манере, присущей «Душителю с Обводного».

Это предположение заставляет по-новому взглянуть и на несчастный случай, связанный с падением Филиппенко с крана. Вполне возможно, что это была попытка самоубийства, предпринятая в состоянии крайнего обострения фрустрации. Как уже отмечалось выше (см. гл. 4 «Современные представления о факторах, приводящих к формированию потребности совершать повторяющиеся убийства...»), для серийных преступников характерны такого рода переживания. Преодолевать они их могут двояко: либо направив агрессию на окружающих, либо — на самих себя. В последнем случае имеет место попытка суицида. Криминальные психологи сходятся в том, что некоторый процент неразоблаченных серийных убийц в итоге кончает жизнь самоубийством. Возможно, со временем появится статистика, подтверждающая это предположение (пока ее нет, известны только признания отдельных серийных убийц о попытках самоубийства). Возможно, неудачное самоубийство, последующий развод с женой и переезд в Ленинград являлись звеньями одной цепи, попытками, так сказать, «переформатировать» свою жизнь в нечто иное, более интересное и насыщенное в глазах самого же преступника. О том, что из этого получилось, читатель может судить сам.

Нельзя не сказать несколько слов и о последствиях «дела Филиппенко» для работников ленинградских правоохранительных органов. После того, как был установлен истинный «Душитель с Обводного», встал вопрос об ответственности лиц, фальсифицировавших расследование в отношении осужденного

к тому времени Воробьева и обвиняемого Данилова. Разумеется, главные виновники этих нарушений, руководители высшего звена, требовавшие от подчиненных докладов об успехах и достижениях, пострадать не могли по определению. Руководитель городской прокуратуры Соловьев С. Е. благополучно продолжал работать вплоть до 1982 г. Вину свалили на «стрелочников», которые якобы самочинно организовали психологическое давление и запугивание невинных граждан. Из прокуратуры и уголовного розыска изгнали в общей сложности шесть человек, без возбуждения, правда, уголовных дел, и на том все успокоилось. Интересна судьба Алексея Дмитриевича Васильева, того самого работника городской прокуратуры, кто первым выделил значащий для «Душителя с Обводного канала» критерий выбора объекта нападения (преступник убивает тех девушек и женщин, что расстаются с мужчинами). Алексей Дмитриевич проработал в прокуратуре еще более трех десятилетий, сделал — и притом вполне заслуженно! — блестящую карьеру, стал в 1980-х гг. прокурором Ленинграда, а затем вырос до первого заместителя Генпрокурора СССР. Такая вот необычная судьба крупного работника прокуратуры, в самом начале которой — весьма неординарная криминальная история...

7.5. Завен Алмазян («Ворошиловградский маньяк», период активности: март — ноябрь 1970 г.)

Данное многоэпизодное преступление без преувеличения можно назвать своеобразной «классикой жанра» советского сыска — в нем задолго до Чикатило, Кулика и прочих монстров 1980-х гг. проявились специфические черты расследований серийных преступлений в СССР.

«Сериал» начался в украинском городе Ворошиловграде (ныне Луганск) 26 марта 1970 г. с банального, в общем-то, изнасилования (эпитет «банальный» означает в данном случае тривиальность сценария случившегося и, разумеется, не является эмоциональной оценкой автора). Неизвестный догнал возвращавшуюся с работы через парк в темное время суток женщину и, угрожая ей ножом, принудил к половому сношению.

В последующие мартовские дни произошло еще два аналогичных нападения, причем каждый раз алгоритм действий преступника воспроизводился очень точно, а потому никаких сомнений в том, что действует один и тот же человек, не возникло. В городе появился сексуальный маньяк, а это пугало и погружало жителей в мрачное ожидание новых нападений.

В первую декаду апреля 1970 г. последовали еще три аналогичных изнасилования. Преступник демонстрировал прямотаки сексуальную одержимость: менее чем за три недели шесть эпизодов! Все нападения совершались в одинаковой манере:

— преступник действовал в городских парках в интервале 19:00–22:00;

— нападавший демонстрировал весьма широкий «диапазон приемлемости», его жертвами стали женщины в возрасте от 28 до 47 лет, весьма отличавшиеся друг от друга ростом, сложением, цветом волос и прочим;

— маньяк угрожал жертвам ножом, говорил, что они «проиграны в карты» и либо должны заплатить значительную сумму денег, либо погибнуть, но он согласен их не убивать, а «лишь изнасиловать». Все его действия сопровождалось словесными угрозами, но подчинявшимся жертвам он не причинял сколь-нибудь серьезных физических травм;

— преступник вытряхивал женские сумочки, забирал деньги и ценные вещи;

— для посягательств была характерна крайняя дерзость: нападавший совершал изнасилования буквально в десятке метров от парковых дорожек, по которым ходили люди, причем продолжительность нападений постоянно увеличивалась (в шестой раз он глумился над жертвой почти 30 минут).

Безнаказанность явно вскружила голову преступнику. На этом его и попытались поймать правоохранительные органы. Начиная с 10 апреля 1970 г. под руководством созданного в местном ГУВД оперативного штаба на патрулирование в городские парки стали выходить до 200 нарядов милиционеров и членов ДНД. Большая часть из них действовали в штатском, однако было увеличено и число патрулей в форме.

Преступник, видимо, оценил масштаб развернувшейся на него охоты и отказался от нападений в парках. 14 апреля он изнасиловал, а затем задушил 17-летнюю девушку. Нападение

Ворошиловград. Открытки начала 1970-х гг.

произошло на улице в плохо освещенном и малонаселенном районе старой застройки. Жертва была заташена (видимо, под угрозой ножа) в здание полуразвалившейся трансформаторной подстанции. Это был первый случай убийства, связанный правоохрнительными органами с активностью «Ворошиловградского маньяка». Поскольку преступник явно смелел от безнаказанности, набирался наглости и становился все более опасен, было принято решение создать при городском управлении внутренних дел оперативный штаб, ориентированный на его розыск. Перед штабом была поставлена задача по организации работы милицейских служб и подразделений, связанной с выявлением таинственного преступника, накоплением и обобщением аналитической информации, координацией деятельности органов внутренних дел с другими организациями и ведомствами.

В убийстве, произошедшем 14 апреля, обращали на себя внимание необычные, но весьма значимые с точки зрения криминологии элементы поведения преступника. На тот момент следствию уже достоверно было известно, что насильник вооружен

ножом, однако смерть девушки последовала от удушения руками: т. е. преступник, хотя и имел оружие, в ход его предпочел не пускать. Интересным оказалось и то, что рядом с трупом нашли вафельное полотенце, которое убийца использовал как кляп. Кроме того, руки погибшей первоначально были связаны двумя короткими отрезками голубой тесьмы, которую преступник после убийства снял и бросил рядом с трупом. И полотенце, и тесьму убийца принес с собою, и правоохранительные органы приложили немало усилий для того, чтобы установить их происхождение и тем самым проследить путь к убийце.

Как оказалось, тесьма производилась в Риге, и на Украину поставлялась через оптовую базу в Киеве. Тесьму там заказывали около 40 торговых точек из Ворошиловграда; все их сотрудники, соответствовавшие приметам насильника, прошли проверку. Также был организован розыск покупателей тесьмы из числа физических лиц — всех их проверяли на предмет наличия алиби в дни нападений. В конечном счете направление розыска, связанное с проверкой происхождения тесьмы, зашло в тупик и было остановлено.

В течение нескольких месяцев предпринимались попытки выяснить происхождение полотенца, которое убийца использовал в качестве кляпа, однако эта линия тоже завела розыск в дебри. Подобные дешевые полотенца выдавались военнослужащим местного гарнизона и рабочим некоторых ворошиловградских предприятий. Они свободно продавались в многочисленных торговых точках как Ворошиловградской области, так и соседних регионов Украины. Число подозреваемых при широкой распространенности данного товара увеличивалось до десятков тысяч мужчин, очевидно, что такое количество не поддавалось проверке.

После убийства 14 апреля 1970 г. ворошиловградская милиция задержала ряд лиц БОМЖ, предположительно имевших возможность совершать нападения в марте и апреле, однако их невиновность в конечном счете была доказана и всех их отпустили.

Наконец, 16 мая в расследовании вроде бы наступил долгожданный прорыв: вечером в этот день наряд, состоящий из оперативников в штатском, заметил мужчину, занимавшегося слежкой за женщинами на трамвайной остановке. После того,

как подозрительный мужчина последовал за одной из женщин вглубь квартала, милиционеры решили его задержать. Оказалось, что в руки милиционеров попал шофер одного из автотранспортных предприятий соседнего с Ворошиловградом города. Звали задержанного Виталий Власов, на момент задержания ему исполнилось 30 лет. Поначалу он заперся, но после проведения обыска по месту жительства, во время которого были найдены вещи, принадлежавшие жертвам некоторых нераскрытых на тот момент изнасилований, признал факты нападений на женщин в 1969 г., а также в феврале и марте 1970 г. При этом задержанный категорически отказался признавать свою виновность в трех апрельских изнасилованиях и в убийстве 14 апреля. В конечном счете три мартовских эпизода «списали» на задержанного, тем самым исключив их из общего списка «ворошиловградского сериала». Несмотря на все ухищрения следствия, апрельские эпизоды задержанный насильник брать на себя отказался, видимо, ясно понимая, что за убийство 17-летней девушки получит расстрел. Следствию же пришлось официально декларировать, будто в сравнительно небольшом Ворошиловграде одновременно действовали сразу 2(!) очень опасных маньяка.

Постулат этот стал официальной точкой зрения на те события 1970 г., и с тех пор никто из историков отечественного сыска в нем не усомнился.

Между тем анализ ситуации с точки зрения опыта и знаний современных криминальной психологии и криминальной сексологии дает основания для критической оценки «успешного разоблачения» Виталия Власова. Дело в том, что на улицах и в парках осуществляется сравнительно небольшой процент общего числа изнасилований (~20%). Причем заметная доля этих посягательств (более 40% из упомянутых 20%, или 8% общего количества покушений на изнасилование) оказывается для насильника неудачной: либо жертве удается от него убежать, либо в происходящее вмешиваются посторонние лица, либо у нападающего из-за волнения не наступает эрекция, и он банально не может осуществить задуманное. Другими словами, попытка изнасилования на улице наименее эффективна по сравнению с прочими вариантами осуществления такого рода посягательств. Однако в «ворошиловградском сериале» все 7 первых нападений, совершенных за три недели марта — апреля

1970 г., оказались для преступника успешны. Это может означать лишь то, что в Ворошиловграде весной 1970 г. орудовал не просто дерзкий, но и очень опытный насильник. Он явно совершал прежде подобные деяния, но не в Ворошиловграде. Иными словами, это был приезжий, причем такой приезжий, который появился в городе совсем недавно (а Власов таковым не являлся).

Далее. Криминологи давно отметили явную зависимость числа изнасилований от солнечной активности. На зимний период приходится всего 10% таких преступлений, в то время как на три летних месяца — почти 50% (причем статистика эта справедлива и для теплых стран, где нет классической зимы, т. е. на преступников влияет не температура воздуха, а именно солнечная радиация. Кстати, явная зависимость от нее наблюдается также у наркоманов и алкоголиков). В случае с «Ворошиловградским маньяком» нельзя не отметить вспышку агрессивности насильника с приходом весны: видимо, у этого человека связь с солнечной активностью выражалась с особенной силой. Если исходить из высказанного выше предположения о наличии у «Ворошиловградского маньяка» опыта совершения изнасилований, то можно уверенно прогнозировать, что прежний пик сексуальной активности пришелся на весну—осень 1969 г.

Таким образом, с большой вероятностью можно было предположить, что разыскиваемый маньяк уже совершал преступления в другом регионе СССР, возможно весьма далеко от Ворошиловградской области (и вообще за пределами Украины), и делал это весной—осенью 1969 г. или даже ранее. Возможно, он переехал в Ворошиловград или его ближайшие окрестности зимой 1969—1970 гг. или в начале марта 1970 г. Как увидим из дальнейшего, подобное предположение очень точно соответствует жизненным обстоятельствам человека, изобличенного, в конце концов, в качестве «Ворошиловградского маньяка», однако совсем не соответствует биографии шофера, задержанного 16 мая 1970 г. Нельзя избавиться от ощущения, что Власова просто «подтянули» под это дело, рассчитывая «сломать» и добиться признательных показаний. Частично этот расчет оправдался: мужчина признал свою виновность в трех мартовских эпизодах, но дальнейшие эпизоды «своими» уже не признал. Хотя на Виталия Власова в конечном счете «повесили» большое число изнасилований и попыток изнасилований (более 20), все же основная

их масса резко отличалась от той схемы, которой придерживался истинный «Ворошиловградский маньяк». Власов совершал изнасилования знакомых ему женщин либо по месту жительства, либо во время выездов на пикники, другими словами, кроме трех мартовских эпизодов ничего похожего на нападения в парках он проделать не пытался. Следует отметить, что подавляющее число его жертв вообще не делали заявлений об изнасилованиях до тех пор, пока сам Власов не дал признательных показаний, т. е. эти изнасилования сильно напоминали занятия сексом по обоюдному согласию. Трудно отделаться от ощущения, что следствие хотело сделать Власова «крайним», «навесив» на него все эпизоды, связанные с «сериалом», однако его упорство не позволило реализовать этот план полностью. При этом пойманный 16 мая шофер был все же не без греха (ведь у него нашли вещи некоторых жертв изнасилований), но его преступления все же мало походили на то, что творил «Ворошиловградский маньяк», и это было ясно уже тогда.

Вернемся, впрочем, к хронологии «ворошиловградского сериала». На протяжении мая — июня 1970 г. на ежедневное патрулирование улиц и парков города выходили уже 300(!) милицейских патрулей при поддержке значительных сил ДНД. Активность работы по поиску преступника, видимо, не ускользнула от него. Насильник надолго затих.

Несколько отвлек оперативный штаб от работы по розыску маньяка инцидент, произошедший 30 июня. В тот день неизвестный попытался изнасиловать 13-летнюю девочку, загорающую на берегу реки Лугань. Попытка сорвалась ввиду вмешательства окружающих, привлеченных криком потерпевшей. Преступник, испугавшись бегущих к кустам людей, оставил свою жертву и, бросившись в воду, переплыл речку, оторвавшись от погони. Его хорошо рассмотрели многочисленные свидетели инцидента, кроме того, неудачливый насильник оставил на берегу реки собственную одежду. Все это давало правоохранительным органам неплохой шанс на скорое изобличение преступника. Оперативный штаб, созданный для поиска «Ворошиловградского маньяка», с энтузиазмом взялся за розыск педофила. Городская прокуратура, видимо, посчитала, что имела место очередная вылазка серийного насильника (хотя опытный криминальный психолог сразу бы уверенно заявил, что нападение

на берегу Лугани не имеет к «Ворошиловградскому маньяку» ни малейшего отношения — слишком уж различались их манеры действий и выбор объекта посягательств).

В кармане штанов, оставленных педофилом, были обнаружены старые наручные часы, явно не раз побывавшие в ремонте. Проверка часовых мастерских, хотя и потребовала больших затрат сил и времени, все же позволила установить фамилию человека, ремонтировавшего их. Арестованный через 4 дня, преступник быстро признался в посягательстве на девочку, но категорически отказался брать на себя апрельские изнасилования. Неизвестно, чем бы закончилась для него эта история (вполне возможно, что его упорство, в конце концов, удалось бы сломить и педофил «сознался» бы во всем, что ему инкриминировали), но «Ворошиловградский маньяк» неожиданно пришел на выручку собрату по преступному промыслу. 4 июля преступник совершил новое убийство, сопряженное с изнасилованием жертвы.

На этот раз нападение произошло не в парке, а неподалеку от гаражей, буквально в пятидесяти метрах от трамвайной остановки. Как установили оперативники, жертва — 17-летняя девушка, ученица токаря, возвращавшаяся после вечерней смены домой, — появилась на этой остановке после 23:00. Преступник, видимо, поджидал ее возле остановки, увидев, что девушка пошла вдоль малоосвещенных гаражей, последовал за нею и напал неподалеку от пересечения ул. Урицкого и 1-й линии. Жертва отчаянно сопротивлялась — помимо обычных в таких случаях следов, на теле остались и четыре небольших пореза, свидетельствовавшие о наличии у преступника ножа, который, однако, убийца пускал в ход крайне ограниченно, явно стараясь не причинять серьезных ран. Смерть последовала не от ножевых ранений, как было бы логично ожидать, а от удушения руками. Преступник, скорее всего, использовал нож для запугивания жертвы. То, что убийца, имея оружие, очень дозированно пускал его в ход и не использовал для смертельного ранения жертвы, указывало на высокую степень самоконтроля на всех этапах совершения преступления.

Рядом с трупом лежал номер газеты «Сельская жизнь» от 7 июня 1970 г., видимо, оброненный убийцей в процессе борьбы. На первом листе была хорошо видна карандашная надпись «20» — так почтальоны советской эпохи обычно указывали

номер почтового ящика, в который следовало опустить газету. Проверка жильцов всех квартир под № 20, проживавших в городах и населенных пунктах Ворошиловградской области и выписывавших в первом полугодии 1970 г. газету «Сельская жизнь», сделалась первоочередной задачей оперативного штаба. Другим направлением розыска убийцы стала проверка всех комиссионных магазинов и скупщиков краденого для обнаружения золоченых женских часиков, снятых убийцей с руки жертвы.

Несмотря на высокую активность и настойчивость правоохранительных органов, ни одно из направлений розыска к убийце так и не привело. Список подозреваемых множился, но преступника среди них, видимо, не было, поскольку вечером, около 23 часов, 6 августа 1970 г. он решился на новую дерзкую вылазку. На этот раз его жертвой стала 20-летняя женщина, возвращавшаяся домой от подруги. Маньяк напал на нее неподалеку от улицы Декабристов — это был район сплошной жилой застройки, так называемый «частный сектор». Преступника не смутило окружение жилых домов с освещенными окнами, видимо, он чувствовал себя вполне уверенно. Эта самонадеянность сыграла с ним злую шутку: в самом начале нападения преступник сбросил с плеч свой пиджак, после чего потащил жертву в кусты. На шум борьбы из ближайшего дома вышли жильцы — пожилая пара, которые подобрали пиджак и занесли его в дом. К сожалению, затаившегося в кустах на противоположной стороне улицы преступника и его жертву пожилые люди не заметили: сказались плохое зрение и темное время суток, кроме того, женщина к этому моменту уже лишилась сознания.

Потеря пиджака не остановила преступника — тот не отказался от изнасилования и уже принялся было разрывать одежду на теле жертвы, как тут на месте преступления возникло новое действующее лицо — возвращавшийся с тренировки по тяжелой атлетике штамповщик местного паровозостроительного завода. Заметив подозрительную возню в кустах, молодой мужчина без раздумий вмешался в происходящее. Преступник, несмотря на наличие ножа, не решился бороться с крупным и, безусловно, отважным противником: бросив свою жертву, «Ворошиловградский маньяк» пустился наутек. Свидетель преследовал его на протяжении пяти кварталов, после чего вернулся к потерпевшей для оказания помощи.

Женщина была доставлена в больницу в состоянии клинической смерти. За ее спасение врачи боролись 16 часов, и в конечном счете им удалось вернуть пострадавшую к жизни. Женщина, однако, осталась инвалидом, и обширные провалы в ее памяти, обнаружившиеся в скором времени, так и не позволили этому ценнейшему свидетелю в должной мере помочь следствию.

Остается добавить, что именно после нападения 6 августа следователям стало ясно, с какого рода преступником им приходится иметь дело. Тот факт, что «Ворошиловградский маньяк» практически задушил свою жертву еще до совершения изнасилования, недвусмысленно свидетельствовал о его некрофильских наклонностях. Он не только не боялся и не брезговал совершать половой акт с трупом, но возможно даже, что именно такой половой акт являлся для него предпочтительным. В дальнейшем предположение о некрофилии преступника получило полное подтверждение. В связи с этим можно упомянуть о том, что многим сотрудникам уголовного розыска термин «некрофилия» не был знаком, и консультирующим розыскную бригаду психиатрам пришлось на специальном занятии вкратце рассказать о девиациях вообще и некрофилии в частности. Пример этот очень показателен для характеристики эрудиции оперативников того времени и общего уровня их подготовки...

События 6 августа дали в руки розыскникам важную улику — пиджак 48-го размера, изготовленный в Болгарии. В его карманах находились довольно примечательные вещи, которые, возможно, имели отношение к роду занятий преступника: коричневый шнурок мужского ботинка, отрез белой ленты-тесьмы и кусок женского ситцевого платья со следами химического обесцвечивания. Криминалисты, изучившие попавшие в их руки вещдоки, предположили, что преступник работает на каком-то местном предприятии и связан с упаковкой или транспортировкой готовой продукции. К тому времени в распоряжении правоохранительных органов уже имелось несколько вполне схожих между собою словесных портретов преступника, и потому надежда опознать его среди рабочих имела на первый взгляд неплохой шанс на успех. Кроме того, если бы коллеги насильника все же не смогли опознать его по рисунку и словесному портрету, оставалась вероятность опознания предъявленного им пиджака.

Уверенности в том, что разоблачение насильника-маньяка не за горами, добавили и результаты криминалистического исследования самого пиджака. Оказалось, что на его ткани находится кроличья шерсть, а на одной из двух пуговиц — капля сургуча. Так, помимо рабочих, связанных с упаковкой товаров тесьмой, под проверку попали работники почтовых отделений. Подозреваемые, предположительно, должны были иметь собственное хозяйство, в котором разводили кроликов.

Несмотря на активность розыскных мероприятий, поиск маньяка никаких осязаемых результатов не принес. В течение последующих семи недель оперативники местного уголовного розыска и сотрудники, командированные в Ворошиловград из соседних областей, буквально перевернули вверх дном в общем-то небольшой город, но личность преступника так и не смогли установить. В поле зрения правоохранительных органов попал ряд подозрительных лиц, но, как стало ясно из последующих событий, ни один из них искомым маньяком не являлся.

Необходимо отметить, что на данном этапе розыска определенную дезориентирующую роль сыграла анонимка, направленная в адрес начальника Каменнобродского районного отдела милиции (на территории именно этого района «Ворошиловградский маньяк» начал свою работу). Письмо на четырех неполных страницах, весьма сумбурное по содержанию, было написано женской рукой от лица мужчины и содержало рассказ о встрече автора с убийцей во время совершения последним одного из своих изнасилований. Преступник якобы заставил невольного свидетеля принять участие в изнасиловании, причем автор письма мужественно упрашивал преступника оставить жертву в живых, при этом абсолютно не переживая за собственные жизнь и здоровье. Анонимный опус явно сочинялся в несколько приемов, разделенных некоторыми интервалами времени, причем автор умудрялся забыть написанное прежде. Так, например, в начале своего послания аноним утверждал, будто личность «Ворошиловградского маньяка» ему неизвестна, а в конце письма назвал его имя и фамилию.

Упомянутые имя и фамилия принадлежали человеку, судимому за изнасилование и проживавшему на окраине Ворошиловграда. Несмотря на явную надуманность послания и недостоверность изложенных в нем деталей, «отработке» анонимки

было уделено много внимания. Вряд ли будет ошибкой сказать, что упомянутый в анонимке насильник казался удобной мишенью для следствия: человек этот уже был скомпрометирован в глазах правосудия и имевшийся у него уголовный опыт служил наихудшей рекомендацией. Обстоятельства последних месяцев жизни оговоренного автором человека были восстановлены со всей возможной точностью. Оказалось, что в дни подавляющего числа преступлений «Ворошиловградского маньяка» он уезжал из города. Нельзя не признать, что бедолаге здорово повезло: если бы такого алиби у него не оказалось, то правоохранные органы обошлись бы с ним без особых церемоний. Помимо надежного алиби в пользу подозреваемого сыграло и то обстоятельство, что внешность его была весьма далека от имевшегося в распоряжении следствия описания «Ворошиловградского маньяка». После того, как стало ясно, что автор анонимки оговаривает прежде судимого мужчину, интерес следственной группы к письму несколько поутих, однако не пропал — теперь оперативники и криминалисты принялись искать анонима. Тщательной отработке подверглись «связи» напрасно обвиненного человека, ведь логично было предположить, что автором является кто-то из его близкого окружения. Криминалисты провели более 100 почерковедческих экспертиз, рассчитывая определить принадлежность почерка, однако убедительного совпадения найти не удалось. Автор анонимки так и остался неизвестен.

Скорее всего, инициатором написания анонимного письма действительно являлся кто-то из знакомых оговоренного, решивший таким образом свести с ним личные счеты. Однако всю техническую работу, связанную с написанием и отправкой послания, выполнило совершенно постороннее лицо. Последнее так и не попало в поле зрения правоохранных органов.

22 сентября 1970 г. преступник совершил очередное нападение, на этот раз, к счастью, тоже неудачное. Около 22:30 он схватил за горло женщину, возвращавшуюся домой по плохо освещенной улице, и, удерживая ее шею в «стальном захвате» между плечом и предплечьем, потащил в сторону расположенной неподалеку стройки. Жертва оказала отчаянное сопротивление, кроме того, на ее удачу, из рядом расположенного дома вышла мужская компания — это заставило маньяка моментально прекратить нападение и, бросив женщину, убежать в темноту.

На месте преступления никаких следов, выводящих на преступника, криминалистам обнаружить не удалось. Рассказ жертвы нападения также ничего не добавил к уже известной сыщикам информации. Преступник продолжал оставаться на свободе, и мало кто сомневался в том, что он о себе еще заявит...

16 октября 1970 г. насильник совершил новое нападение. Развивалось оно по тому же сценарию, что и нападение 22 сентября — преступник около 23:00 проследовал за своей жертвой от остановки автобуса, затем схватил женщину за горло и под угрозой ножа потребовал подчиниться. Не мешкая, он засунул ей в рот кляп, а руки быстро связал за спиной, лишив тем самым женщину возможности сопротивляться. Затем он взял шею жертвы в захват, сдвинув между плечом и предплечьем, подобно удерживающему приему из арсенала самбо или дзюдо, и потащил прочь от дороги. В какой-то момент, обходя лужу, насильник легко подхватил женщину на руки. Нетрудно догадаться, чем бы закончилась эта история, но навстречу преступнику попала компания из пяти человек, и тот, бросив перепуганную жертву на землю, бросился наутек.

Нежданно спасители помогли потерпевшей освободиться от шнурка, которым были спутаны ее руки, и вызвали наряд милиции. Криминалисты и оперативники внимательно обследовали маршрут в районе улицы Лермонтова, которым «Ворошиловградский маньяк» тащил свою жертву, и отыскали тряпицу, которую преступник использовал в качестве кляпа. Оказалось, что тряпка представляла собою кусок казенной простыни с фрагментом штампа организации, которой она принадлежала. На оттиске штампа криминалисты прочли число «96» — с этой комбинации начинался номер организации. Это могла быть только воинская часть внутренних войск или Вооруженных сил.

Среди частей ворошиловградского гарнизона только одна воинская часть имела номер, начинавшийся с цифр «9» и «6». Именно вокруг ее личного состава сосредоточилось внимание правоохранительных органов. К тому моменту было хорошо известно, что возраст «Ворошиловградского маньяка» находится в диапазоне 30–35 лет, таким образом, под подозрение попадали офицеры этой воинской части, а также ефрейторы сверхсрочной службы (прапорщиков в Вооруженных силах СССР тогда не существовало — это звание было введено только в 1971 г.).

К розыску преступника были привлечены сотрудники военной контрразведки, один из них, легендированный под нового политработника, получившего направление в Ворошиловград из Бендер, прибыл в заинтересовавшую розыскников воинскую часть и принялся знакомиться с личным составом.

Операция развивалась вроде бы динамично и вполне успешно, однако с начала ноября 1970 г. началась «пробуксовка». Выяснилось, что небрежная работа прачечной, стиравшей постельное белье упомянутой воинской части, привела к тому, что простыни и пододеяльники военных попадали в другие организации Ворошиловграда. По меньшей мере в 12 рабочих общежитиях города оказались найдены постельные принадлежности военных. Кроме того, легендированный под политработника особист установил, что заместитель командира части по материально-техническому обеспечению (МТО) развернул широкую торговлю воинским имуществом, в том числе и спальными принадлежностями. Таким образом, получалось, что постельное белье со штампом воинской части могло попасть к преступнику самыми разными путями, и версия о «наильнике-военнослужащем» теряла под собой всякое основание.

Между тем преступник не снижал своей активности: 23 и 26 октября последовали новые нападения неизвестного изувера. К счастью, оба эпизода оказались для него неудачны. В первом случае, сам того не ведая, «Ворошиловградский маньяк» напал на свою жертву в ту минуту, когда та уже подошла к дому — на крик перепуганной девушки выскочила сестра, и насильнику пришлось немедленно ретироваться. Во второй карты преступнику спутали вышедшие из-за угла молодые люди.

Не подлежит сомнению, что эти неудачи вызвали у насильника гнев, доходивший до бешенства. Невозможность добиться психологической компенсации в удобной для него форме неминуемо должна была в самое ближайшее время толкнуть его на новое, еще более жестокое преступление. Ждать долго не пришлось — уже через день, около полуночи 27 октября преступник совершил новое убийство с последующим совокуплением с трупом. Жертвой изувера стала 20-летняя девушка. На этот раз убийца превзошел самого себя: он раздавил жертве трахею и крутил ей голову так, что произошло смещение трех шейных позвонков. Одежда погибшей была разбросана в радиусе 20 м,

а некоторые ее вещи: одну сережку, сумочку и пудреницу — убийца забрал с собою. Пропала и красная трикотажная кофта, в которую была облачена жертва.

Трудно сказать, какие еще кульбиты мог претерпеть розыск «Ворошиловградского маньяка» в дальнейшем, но неожиданный для всех финал этой истории последовал в ночь с 7 на 8 ноября 1970 г. Преступник был задержан по горячим следам, сразу после очередной попытки изнасилования. Он попытался напасть на женщину на территории одного из городских парков около 23 часов, но женщина, напуганная видом приставленного к ее боку ножа, закричала. Крик был услышан патрулем из двух членов ДНД и милиционера, которые бросились к месту происшествия. Преступник, напуганный появлением мужчин, бежал, однако милицейский свисток привлек внимание других патрулей, которых оказалось в районе парка немало. Кроме того, в течение короткого времени была поднята по тревоге часть внутренних войск, которая оперативно оцепила большой район города. Началось тщательное прочесывание оцепленной территории и проверка документов всех лиц мужского пола, оказавшихся внутри оцепленного периметра. Подозрительных задерживали и предъявляли жертве неудавшегося изнасилования для опознания. Всего женщине показали шестерых мужчин, задержанных в парке или прилегающих улицах; один из них был уверенно опознан ею как нападавший.

Он-то и оказался «Ворошиловградским маньяком». Примечательно, что в момент задержания этот человек был облачен в кофту убитой 27 октября женщины. Дабы застеежка на «женскую сторону» не демаскировала его, преступник надел кофточку задом наперед. Это нелепое облачение сразу привлекло внимание оперативников. Шокированный погоней, задержанием и последующим опознанием, преступник стал давать признательные показания уже на первом допросе.

Насильником оказался ефрейтор Завен Саркисович Алмазян, армянин из Ростова-на-Дону, где, как известно, проживает весьма многочисленная армянская диаспора. Он, действительно, являлся военнослужащим, только совсем не той воинской части, в которой его искали (номер воинской части, где служил Алмазян, не начинался с цифр «9» и «6», как полагало следствие, а заканчивался цифрами «3» и «6», — эксперты перепутали

Военнослужащий воинской части № 61436 Завен Алмазян, пойманный в ночь с 7 на 8 ноября 1970 г., оказался тем самым маньяком, который держал в напряжении весь Ворошиловград на протяжении многих месяцев. Оба фотоснимка сделаны через несколько часов после задержания (хорошо видно, что преступник надел задом наперед женскую кофточку, пытаясь выдать ее за мужскую водолазку. Последующее опознание показало, что эту кофточку Алмазян снял с последней из убитых им женщин.). Нельзя не упомянуть того, что Алмазян попадал в поле зрения правоохранительных органов задолго до изобличения в Ворошиловграде. Будущий серийный убийца во второй половине 1969 г. совершил три изнасилования в Ростове-на-Дону, правда, без убийств жертв. Во время третьего нападения потерял свой ученический билет (Алмазян учился на первом курсе техникума). Его даже допросили ростовские милиционеры, но... учащийся техникума не вызвал в свой адрес подозрений, и его разработку прекратили. Алмазян понял, что ему опасно оставаться в городе; преступник направился в военкомат и отказался от положенной по закону отсрочки от призыва, после чего был призван в Вооруженные силы. Изнасилования в Ростове-на-Дону так и остались нераскрыты, а Завен Саркисович через несколько месяцев вернулся к полюбившемуся ему сексуальному развлечению уже в Ворошиловграде.

начало и конец оттиска штампа и неправильно прочитали цифру «3»). Первые три успешных изнасилования он совершил еще до того, как завербовался в армию. Почувствовав, что попал под подозрение, Алмазян отправился в военкомат и попросился на сверхсрочную службу. В результате, в конце 1969 г. он очутился в Ворошиловграде (Луганске), где вернулся к своим прежним развлечениям.

Алмазян действовал крайне осторожно, обеспечивая себе алиби на время совершения преступления. В дни нападений он заступал в дежурство по столовой и, пользуясь отсутствием должного контроля со стороны дежурного по части, выходил в вечернее время в город, переодевшись в гражданскую одежду. Переодевался он на своем рабочем месте, в свинарнике воинской

части, к которому был прикомандирован на время службы. Именно в свинарнике сотруднику уголовного розыска удалось обнаружить склад «трофеев» преступника (6 непарных сережек, часы, две пудреницы). Особенно важным было то, что среди этих «трофеев» оказались вещи убитых женщин — часы и пудреница. Эти находки, помимо надетой задом наперед кофточка, накрепко связали Алмазяна с убийствами.

Всего преступник признал за собою 12 нападений с целью изнасилования и грабежа, закончившихся убийством 3 женщин.

Алмазян был приговорен к высшей мере наказания и, несмотря на поданное им прошение о помиловании, расстрелян в 1972 г.

История «Ворошиловградского маньяка» показательна в том отношении, что в ней весьма выпукло проявились все те специфические черты, что окажутся характерны для громких серийных преступлений будущих десятилетий. Преступные посягательства четко локализовывались как территориально, так и по времени суток, насильник демонстрировал правдоподобную психологическую игру со своей жертвой (заявляя сначала, что должен ее убить, но потом соглашаясь пощадить), принимал все возможные меры по маскировке и обеспечению собственного алиби. В действиях же правоохранительных органов можно видеть, с одной стороны, высокую, прямо-таки лихорадочную активность, а с другой — возмутительные «проколы» и дефекты работы.

Никто не связывал «ворошиловградский сериал» с аналогичными преступлениями Алмазяна, совершенными годом ранее, хотя почерк их совпадал до мельчайших деталей (например, он оставался верен однажды выбранной тактике и говорил жертвам, будто они «проиграны в карты и должны быть убиты», кроме того, он связывал запястья женщин пояском платья или шнурком кед, изнасилования совершал в коленно-локтевой позе жертвы и т. п.). Общесоюзный МВД не имел аналитического центра, способного накапливать и обрабатывать информацию о сексуальных преступлениях в масштабах страны, что делало невозможным анализ и отбор типологически схожих эпизодов (между тем, например, подобная аналитическая работа в отношении преступлений, связанных с фальшивомонетничеством, а также хищениями из металлических и иных специализированных хранилищ, в масштабе СССР велась уже в те годы). И через два десятилетия проблема типологического анализа серийных преступлений оставалась

столь же малоинтересной для МВД СССР (именно поэтому, например, убийства женщин, совершенные Чикатило в Ташкенте, никто не связывал с его же убийствами в Ростовской области). Недопустимо низкий уровень аналитического сопровождения оперативно-розыскной работы можно было видеть и много позже, уже в постперестроечной России (тому есть масса убедительных примеров: серийного убийцу Сергея Ряховского одновременно искали Московская городская и областная прокуратуры; то же самое можно сказать и в отношении другого известного преступника — Юрия Гриценко. Лишь только после поимки убийц становилось ясно, что различные подразделения Прокуратуры РФ и МВД искали одного и того же человека, при этом никак не координируя свою работу и даже не подозревая о том, что кто-то еще работает в этом же направлении).

На недопустимо низком уровне оказалась работа украинских криминалистов и судебных медиков, т. е. специалистов, призванных подкреплять розыскную работу прикладными научными исследованиями следов, улик, телесных повреждений, а также обеспечивать работников следствия узкопрофессиональным консультированием. О том, что работники экспертно-криминалистического отдела Ворошиловградского ГУВД неверно прочитали оттиск штампа на важнейшей улике, оставленной преступником на месте нападения, уже упоминалось. Имелись и иные весьма важные недочеты, в том числе связанные и с медицинским освидетельствованием потерпевших. Поскольку этой немаловажной темы придется касаться и в дальнейшем, здесь уместно привести выдержку из учебника по криминальной сексологии профессора кафедры криминалистики Московского университета МВД Г. Б. Дерягина, поскольку написанное в полной мере может быть отнесено и к ситуации с расследованием преступлений «Ворошиловградского маньяка»: «По нашим данным, почти половина жертв сексуального насилия осматривается в сроки, исключающие обнаружение доказательств биологического происхождения, а виновные, в целом, осматриваются достоверно позже жертв. Это обычно объясняется не временем, необходимым для поиска преступника, а встречающейся практикой назначения экспертизы лишь для разрешения вопроса о способности [подозреваемого] к совершению половых актов. Такая экспертиза нередко назначается непосредственно перед

судебным заседанием и проводится в следственном изоляторе областного центра спустя не только дни, но и недели после преступления. Понятно, что доказательства биологического происхождения к этому времени утрачиваются безвозвратно.

Есть еще одна сторона недостатка взаимодействия правоохранительных органов и судебно-медицинских экспертов. Так, практически в 10% случаев судебно-медицинские эксперты формально подходят к разрешению вопросов следствия, «забывая» свое право указать в выводах на обстоятельства, относительно которых следствием не были поставлены вопросы <...>. Тем самым следствие лишается существенных доказательств. <...>

Подобные случаи имеют место частично из-за отсутствия адекватных вопросов следователей в постановлениях [о назначении экспертизы], частично по вине экспертов. Это может свидетельствовать о недостаточной подготовке юристов и врачей по вопросам криминальной сексологии, о низком уровне их взаимодействия при расследовании эпизодов сексуального насилия. Подтверждением сказанному может служить приведенный нами анализ дефектов постановлений (n = 233) о назначении экспертизы, при этом более половины постановлений, вынесенных в случаях половых преступлений, имеют существенные дефекты оформления» (цит. по: *Дерягин Г. Б. Криминальная сексология. Курс лекций для юридических факультетов. М.: Щит-М, 2008. С. 370–371*).

7.6. Харьковское убийство 26 мая 1971 г.

Насильники убивали своих жертв во все времена, в том числе и во времена построения социализма. Несмотря на неоспоримые успехи социалистического строительства во второй половине 1960-х гг. и изменение к лучшему жизни и быта советских людей, сексуальная преступность в СССР в то же самое время пережила необыкновенный всплеск. Изнасилования, покушения на изнасилования, убийства, связанные с изнасилованиями, развратные действия в отношении несовершеннолетних и т. п. разновидности половой преступности стали неудержимо расти год от года. Хотя показатели этой преступности в абсолютных цифрах уступали североамериканским, относительный прирост

был впечатляющ. Если в 1963 г. в СССР было совершено 151 изнасилование, сопряженное с убийством, то в 1971 г. — 231 (прирост 53%), а еще через семь лет, в 1978 г. — 345 (228% к уровню 1963 г.). Аналогична была динамика изнасилований: в 1963 г. — 12 277 случаев, в 1971 г. — 13 870 (прирост 13%), в 1978 г. — 18 495 (151% к уровню 1963 г.).

Эта статистика была очень неприятна советской власти. Ведь в 1960 г. был принят новый Уголовный кодекс, куда либеральнее прежнего, и получалось, что советский человек по мере ослабления «ежовых рукавиц» сталинской эпохи все более предавался половой распушенности и никак не желал перековываться в бесполое существо «строителя коммунизма»! При этом следовало иметь в виду, что статистика половых преступлений везде и всегда довольно лукава, поскольку половые преступления отличаются высокой латентностью (скрытостью). Криминологи самых разных стран мира сходятся в том, что официально регистрируется лишь около 10% (в лучшем случае) сексуальных преступлений. В Советском же Союзе значительное число жертв изнасилований с убийством маскировалось в иных статьях милицейской отчетности (например, в графе «убийство с целью ограбления» или даже «самоубийство», как мы это видели на примере расследования преступлений «Душителя с Обводного канала» Филиппенко).

26 мая 1971 г. в Харькове бесследно исчезла 10-летняя девочка, розыск которой на протяжении последующих двух суток никакого результата не дал. Никто из соседей не видел, чтобы пропавшая уходила со двора или общалась с незнакомыми людьми. 28 мая в 40 км от Харькова, на въезде в поселок Казачья Лопань, отправившиеся купаться в местной речке мальчишки обнаружили части человеческого тела: правую руку и часть левой ноги ниже колена. Последующий осмотр местности вызванными милиционерами позволил отыскать еще несколько крупных фрагментов человеческого тела, в том числе обезглавленный девичий торс.

Уже первоначальный осмотр найденных частей тела позволил судебному медику констатировать факт грубого изнасилования погибшей. По ряду анатомических особенностей можно было с уверенностью утверждать, что найденные в Казачьей Лопани части трупа принадлежат исчезнувшей двумя днями ранее девочке. Хотя формальное опознание было проведено

Харьков. Открытка начала 1970-х гг.

позже, в тот же день в Харькове начались активные следственные действия, основанные на том предположении, что пропавшая 26 мая девочка была изнасилована и убита.

Первоначально сотрудники уголовного розыска полагали, что к убийству ребенка причастны родители — подобные версии в такого рода преступлениях обязательно отрабатываются как первоочередные. Теперь их рассказ о событиях 26 мая был воспринят с заметной долей скептицизма: мать утверждала, будто послала дочку в подвал дома за банкой подсолнечного масла (подвал 8-квартирного дома был разделен жильцами на небольшие отсеки, которые использовались как кладовки для различных хозяйственных мелочей). Девочка, взяв ключ, ушла и не вернулась; минуло более часа, прежде чем мать спохватилась и забила тревогу.

Хотя рассказ матери выглядел недостоверно, оперативники решили осмотреть подвал под домом. Подобный осмотр уже проводился двумя днями ранее, когда поиски девочки только начинались, но теперь его решили провести обстоятельнее. В результате были обнаружены небольшие следы крови, протянувшиеся цепочкой от одного из запертых отсеков к выходу из подвала. Был приглашен хозяин кладовки, некий Юрий

Смирнов, проживавший в этом же доме на первом этаже, который по требованию милиционеров снял замок. Внутри небольшого помещения, используемого для хранения картофеля и слесарного инструмента, также были заметны следы крови, но не в очень большом количестве. Владелец кладовки объяснил их происхождение тем, что кровь, видимо, принадлежала парной свинине, которая хранилась здесь некоторое время в протекавшем ведре.

Объяснение это выглядело вроде бы достоверно (в подвале было намного прохладнее, чем снаружи), однако нервное поведение хозяина кладовки насторожило оперативников. Недоумение вызвало и то обстоятельство, что некоторые капли крови оказались расположены довольно высоко от пола — их появление никак нельзя было объяснить протеканием сквозь щели ведра.

Смирнову предложили показать свою квартиру, и это предложение повергло мужчину в состояние, близкое к шоку. Он не смог отказать милиционерам — в начале 1970-х годов это было практически невозможно (мало кто из советских людей знал о неприкосновенности жилища и необходимости ордера районного прокурора на обыск). Беглый осмотр убогой однокомнатной квартиры разведенного слесаря вроде бы не дал оперативникам Харьковского уголовного розыска никакой ценной информации, но поведение хозяина жилья выдало его: он потел, не слышал обращенных к нему вопросов, пребывая в полуобморочном состоянии. В конце концов, на прямой вопрос: «Что вы сделали с Олей?», — он завыл в голос и заявил, что «все случилось само собой».

Юрий Смирнов стал давать признательные показания в то время, когда мать и отец убитой девочки еще рассматривались в качестве главных подозреваемых. Зверское преступление оказалось раскрыто буквально в течение нескольких часов; случилось это благодаря, прежде всего, грамотной работе оперативников уголовного розыска, а также в высшей степени благоприятно сложившимся обстоятельствам.

Убийца хорошо знал свою жертву, впрочем, как и она его. Более того, они как будто бы даже симпатизировали друг другу, разумеется, с поправкой на то, что разница в возрасте между ними превышала четверть века. В своих фантазиях полуимпотентный алкоголик представлял, как будто 10-летняя голубоглазая девочка соблазняет его, когда же она улыбалась ему наяву, здороваясь,

он начинал думать, будто она с ним флиртует. Этот своеобразный психологический эффект, когда педофил приписывает ребенку сексуальные реакции взрослого человека, хорошо известен специалистам, работающим в области сексуальных девиаций, и давно уже описан как в специальной, так и популярной литературе (заинтересовавшихся отсылаем, например, к следующим книгам соответствующего профиля: *Крафт-Эбинг Р.* «Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства»; *Дуглас Дж., Олшейкер М.* «Погружение во мрак»). Так что в каком-то смысле реакция Смирнова на «флирт» 10-летней девочки являлась тривиальной для педофила: он посчитал, что ему следует действовать «активнее» и объект его смутных желаний непременно с удовольствием ему отдастся.

Когда днем 26 мая Смирнов увидел направлявшуюся в подвал под домом девочку, он решил, что настала пора действовать. Он спустился в подвал следом, открыл свою кладовку и подозвал девочку с просьбой помочь ему — подержать фонарик. Девочка безбоязненно отозвалась, ведь никто и никогда не учил ее тому, что взрослых мужчин в темных и безлюдных местах следует избегать! Дальше ситуация развивалась по классической для такого рода изнасилований схеме: непристойные предложения соблазнителя вызвали гнев девочки, она пожелала уйти, но преступник не позволил ей этого. Завязалась борьба, жертва крикнула, насильник, перепуганный угрозой разоблачения, ударил девочку подвернувшимся под руку молотком.

Жертва лишилась сознания, но в тот момент оставалась еще жива. Преступник решил обязательно довершить начатое и перенес тело в свою квартиру. Сильная боль грубого сексуального проникновения привела было жертву в чувство, и Смирнов, увидев это, задушил девочку. Лишь удовлетворив свою похоть, он наконец-то стал обдумывать ситуацию и нашел, в общем-то, оптимальный с точки зрения любого убийцы выход. Используя топор и пилу, он расчленил тело на полу своей комнаты (впоследствии криминалисты обнаружили в больших количествах затекшую под половицы человеческую кровь), сложил получившиеся фрагменты в два мешка, отдельно сложил одежду жертвы и пропитанный кровью ватник, который подкладывал под труп во время расчленения. Вечером 26 мая, в то время когда обезумевшие от горя родители убитой им девочки уже писали

заявление в ближайшем отделении милиции, Смирнов на попутной машине вывез свой страшный груз за город. Не доезжая немного Казачьей Лопани, он попрощался с шофером и разбросал в кустах фрагменты тела. Преступник совершенно упустил из вида, что место, которое он выбрал для сокрытия фрагментов трупа, часто посещается местными жителями, направляющимися к речке, чтобы искупаться. Непродуманность этого решения привела к тому, что очень скоро останки убитой девочки оказались найдены...

Преступление не планировалось Смирновым изначально, именно поэтому он совершенно не продумал важные для любого убийцы детали, не смог устранить следы преступления в подвале и квартире, неудачно выбрал место сокрытия останков и т. п. В конечном счете именно непродуманность поступков Юрия Смирнова позволила сотрудникам уголовного розыска раскрыть это дело за несколько часов.

Вместе с тем нельзя не отметить особую жестокость и изощренность действий преступника. Неожиданное сопротивление жертвы не только не остановило его, но напротив, лишь разожгло похоть (что довольно нетипично для педофилов, предпочитающих действовать в отношении хорошо знакомых им детей мягко, уговорами, задабривая подарками и т. п. Убийство педофилом ребенка, особенно во время первого же посягательства — это скорее исключение, нежели правило). Смирнов затратил много времени и сил на крайне тяжелую (прежде всего, морально и психологически) процедуру расчленения тела — многие убийцы на его месте не смогли бы совершить подобное. В своем первом и последнем убийстве этот монстр во плоти продемонстрировал свою крайнюю опасность для общества.

Не приходится сомневаться в том, что если бы Смирнов не был остановлен в самом начале своего преступного пути, то еще немало крови и слез оказалось бы пролито по его вине. То, что преступник не совершал убийств прежде, сомнений не вызывает — будь за его плечами опыт подобных нападений, он бы не действовал столь необдуманно и не допустил бы столько грубых ошибок.

Нельзя не отметить и того, что данное преступление очень напоминает дебют Андрея Чикатило, убившего в декабре 1978 г. 9-летнюю девочку. Разумеется, речь идет не о формальных признаках преступного почерка, весьма разнившегося у Чикатило и Смирнова, а о тех психологических установках, которыми

руководствовались убийцы. Преступники независимо друг от друга выбрали очень похожих жертв (ими оказались русоволосые девочки 10 и 9 лет, неразвитые физически, не очень хорошо успевавшие в школе, но при этом по складу характера предприимчивые и дружелюбные). Смирнов, как и Чикатило, считал, что его «провоцировала» жертва. Как и Чикатило, харьковский убийца не собирался убивать девочку — он «всего-навсего» намеревался уговорить ее осуществить с ним половой акт. Лишь столкнувшись с ее ожесточенным сопротивлением, он понял, что ситуация вышла из-под контроля, и именно осознание этого факта побудило его пустить в ход молоток (Чикатило при описании своего первого эпизода также уверял, что не рассчитывал убивать жертву, а лишь намеревался осуществить с нею половой акт, однако в процессе борьбы полностью утратил самоконтроль. По заверению преступника он не ожидал от себя такой реакции и не планировал подобное развитие событий).

Формально Смирнов не является серийным убийцей, однако его с полным основанием можно назвать несостоявшимся «серийником». Он просто не успел стать серийным убийцей благодаря профессионализму харьковских оперов и удачному стечению обстоятельств. Так что упоминание о нем нами вполне оправданно. Смирнова можно назвать ранним аналогом Чикатило, его предтечей. Андрея Романовича, «Ростовского монстра», тоже могли остановить после первого же эпизода, однако проживание рядом с местом обнаружения трупа ранее судимого за изнасилование с убийством Кравченко направило следствие по ложному следу и стало спасительным для Чикатило (впрочем, о преступной истории Чикатило нам предстоит особый разговор). Смирнову не повезло, а вот харьковчанам — очень; насильник и убийца был приговорен к высшей мере наказания и в 1973 г. расстрелян.

7.7. «Внуковский маньяк» Юрий Раевский (период активности: август — октябрь 1971 г.)

Юрий Николаевич Раевский может с полным основанием считаться еще одним классическим серийным убийцей, действовавшим на территории СССР в якобы благословенное время «развитого социализма».

11 августа 1971 г. неподалеку от аэропорта «Внуково» под Москвой был обнаружен труп молодой женщины, задушенной и, как выяснилось в ходе судебно-медицинского исследования, изнасилованной перед смертью. Преступник, видимо, довольно долго глумился над своей жертвой, он совершил с нею не только половой акт в традиционной форме, но и анальное совокупление. (Важный момент, о котором, видимо, знают далеко не все современные читатели: УК РСФСР 1960 г. понимал под изнасилованием традиционный, т. е. генитально-генитальный, половой акт (ст. 117 УК РСФСР 1960 г.). Прочие разновидности совокупления с женщиной: анально-генитальное и орально-генитальное — классифицировались Уголовным кодексом как «половой акт в извращенной форме», что расценивалось как отягчающее обстоятельство и влекло за собой весьма серьезное наказание: до 15 лет лишения свободы или даже смертную казнь, в зависимости от обстоятельств конкретного дела. Примечательно, что орально-генитальный акт с лицом мужского пола почему-то именовался «развратными действиями» (ст. 120 УК РСФСР 1960 г.) и влек за собою наказание в виде лишения свободы сроком до 3 лет. Даже мужеложство, т. е. анально-генитальный половой акт с мужчиной, грозил насильнику лишением свободы до 8 лет (ч. 2 ст. 121 УК РСФСР 1960 г.), что было существенно мягче наказания за аналогичные действия в отношении женщины. Иными словами, анальное изнасилование женщины — это ужасное извращение, а вот мужчины — так себе, почти что обычное преступление. Логика крайне странная, никакого рационального объяснения столь необычным нормам социалистической законности автор найти не сумел... Эти необъяснимые критерии действовали до 1996 г., когда новый УК отказался от понятия «извращенного полового акта» и все виды половых контактов, кроме традиционного, свел в общую категорию «иные действия сексуального характера».) Кроме этого, жертва оказалась ограблена. Место обнаружения трупа являлось одновременно и местом убийства. На удалении нескольких метров от тела лежал сломанный цветок синей розы.

Уже первоначальный осмотр показал, что преступление имело место незадолго до обнаружения тела. Произошло это случайно — местные мальчишки направлялись в район

Юрий Раевский, родившийся в 1952 г., на момент совершения убийств явился самым молодым серийным убийцей в криминальной истории СССР. Через несколько лет это сомнительное звание с ним разделит другой серийный убийца — Андрей Евсеев (обоим на пике их криминальной активности исполнится по 19 лет). Большой удачей можно считать то обстоятельство, что правоохранительным органам Советского Союза удалось остановить Раевского в самом начале его преступного пути. Если бы этого не случилось, трудно даже вообразить, каким бы оказался персональный мартиролог этого изувера. Раевский, безусловно, был очень умен, обаятелен и в отличие от многих сексуальных преступников умел этим пользоваться. В исправительно-трудовом лагере он перенял определенный криминальный опыт, получил некоторое представление о приемах и методах работы правоохранительных органов. Он быстро учился и с каждым новым преступлением демонстрировал растущую криминальную опытность. Из Раевского со временем получился бы искусный и очень опасный «маршрутный» серийный убийца, он явно был близок к тому, чтобы выбрать именно такую манеру действия. Но, повторим, благодаря счастливому стечению обстоятельств кровавый путь этого негодяя удалось пресечь в самом начале.

расположения сигнальных вышек, обозначающих глиссаду для заходящих на посадку авиалайнеров. Это было излюбленным местом их прогулок, поскольку там громадные самолеты пролетают прямо над головой на очень небольшой высоте — зрелище весьма захватывающее!

Погибшая носила очень короткую замшевую юбку. Мода в СССР на «мини» только набирала тогда обороты, вызывая раздражение идеологов от комсомола и издевательские замечки в газетах. Надеть мини-юбку в то время — означало бросить вызов нормам общественной морали, с точки зрения современных виктимологических представлений такое поведение погибшей с полным основанием можно было считать провокационным.

Кусок тесьмы, дважды обернутый вокруг шеи, был использован в качестве удавки. Однако через несколько часов на шее стали проступать и синяки, оставленные пальцами убийцы (следы душения руками обычно незаметны в первые часы после смерти, но со временем начинают проявляться и в течение полусуток становятся отчетливо различимы). Это означало, что преступник использовал различные варианты душения, возможно, проделывал подобные манипуляции несколько раз, возвращая жертву к жизни, а потом вновь душил до потери сознания. В конечном счете он пустил в ход нож с шириной лезвия 3,5 см, нанеся пять ранений, оказавшихся смертельными. Убийца снял и отбросил в сторону трусики жертвы, однако перед уходом одернул юбку. Криминалистическое изучение показало, что убийца действовал крайне осторожно: он не оставил отпечатков пальцев и следов спермы. Такая предусмотрительность обычно характерна для лиц, знакомых с правилами ведения расследований сексуальных преступлений. Скорее всего, у преступника уже был опыт привлечения к ответственности за такого рода посягательства.

Криминалисты еще работали на месте преступления, как поступила первая важная для расследования информация: в отдел милиции аэропорта обратился мужчина, сообщивший, что некая девушка оставила ему чемодан с просьбой «посторожить», а сама отошла... прошло несколько часов, ему пора уже улетать, а девушки нет и что делать с чемоданом — непонятно. История по меркам нашего времени звучит, конечно, немного наивной: предложи-ка сейчас кому-либо посторожить свои вещи в аэропорту! — но для того времени подобная традиция была нормой.

Чемодан вскрыли и обнаружили в нем документы на имя 23-летней Ирины Самсоновой. Одного взгляда на фотографию в паспорте оказалось достаточно, чтобы опознать в убитой владелицу чемодана. Дальнейший осмотр вещей привел к обнаружению в высшей степени интригующей находки: стопки из дюжины фотографий, сделанных во дворце бракосочетаний или в загсе, изображавших процедуру бракосочетания. Снимки оказались крайне необычны: на них у жениха отсутствовала голова. Причем она была не вырезана ножницами, а убрана еще на этапе печати фотографий. При внимательном осмотре стало ясно, что на месте отсутствующей головы была когда-то аккуратно наклеена другая фотография — на глянцевой

фотобумаге остались следы клея. В роли невесты «безголового» жениха фигурировала убитая.

Ситуация выглядела неординарной, и историю со странными фотографиями требовалось, разумеется, прояснить. Мужчину, сторожившего чемодан, повторно допросили, и тот припомнил, что девушка ушла из зала ожидания не просто так — с другой стороны стеклянной стены подошел молодой мужчина, постучал по стеклу, привлекая ее внимание, после чего направился прочь, а девушка, попросив присмотреть за ее вещами, поспешила за ним.

Таким образом, таинственный уход из здания аэропорта и последующее убийство, судя по всему, были обусловлены некими обстоятельствами предшествующей жизни погибшей.

В течение последующих нескольких дней сотрудникам уголовного розыска удалось выяснить важные обстоятельства, проливающие свет на события последних месяцев жизни убитой: Ирина некоторое время сожительствовала с неким Олегом Нестеровым, планировалась свадьба, и даже было заказано свадебное платье. В самый последний момент выяснилось, что свадьба не состоится, и молодой человек попросил бывшую невесту выехать из его квартиры. Расставание крайне травмировало молодую женщину, но окончательно ее вывело из себя известие о том, что в квартире ее недавнего жениха обосновалась новая женщина. Самсонова задумала и реализовала довольно нетривиальный план мести: с помощью подруг она устроила «фотосессию» в помещении загса с манекеном без головы, облаченным в мужской костюм. После этого на место отсутствующих голов она наклеила фотографии своего бывшего жениха. С помощью этих фотографий женщина планировала доказать, будто Нестеров женат на ней. Подготовившись подобным образом, Ирина отправилась для выяснения отношений с новой избранницей бывшего жениха, перед которой намеревалась предстать в роли разгневанной законной жены. Реализовать сценарий полностью, правда, не удалось: фотографии голов начали отваливаться в момент демонстрации фотоснимков, но цель похода все же была достигнута. Новая любовница Нестерова закатила тому скандал, собрала вещи и ушла. В общем, Ирина Самсонова дала своему бывшему жениху повод очень сильно себя ненавидеть, и эта ненависть выглядела серьезным мотивом для сведения счетов.

Оперативники уголовного розыска отыскивали Нестерова, который попытался неудачно от них скрыться. Узнав, что по месту работы приходили сотрудники милиции, молодой человек моментально написал заявление на отпуск без сохранения заработной платы, швырнул его на стол инспектора по кадрам и убежал, не слушая возражений последнего. Кадровик, разумеется, сообщил о странном поведении разыскиваемого в милицию. Ни родственники, ни друзья не знали, куда скрылся молодой человек, телефон в его квартире не отвечал, а свет в ней не загорался. После суточного наблюдения за квартирой оперативники решили проникнуть туда для негласного обыска и... с удивлением обнаружили в ней скрывавшегося Нестерова.

Задержанного предъявили для опознания мужчине, стоившему чемодан погибшей в аэропорту, и тот узнал в нем человека, постучавшего по стеклу и поманившего за собой Самсонову. Именно с ним она и ушла из зала ожидания и более не вернулась.

Для молодого человека все складывалось очень плохо.

Хотя он признался, что действительно приехал к бывшей невесте в аэропорт, чтобы поговорить перед ее отлетом, и на самом деле позвал ее с собою, нападение он отверг категорически и заявил, что весь разговор произошел у самого здания при большом количестве свидетелей. Разговор получился неприязненный, он ей сказал, чтобы бывшая невеста не совала нос не в свои дела — имелись в виду, конечно, дела сердечные — на том они и расстались. По уверениям Нестерова, когда он уходил прочь, Самсонова стояла возле здания аэропорта, и что случилось с нею дальше, он не знает. Оправдание, конечно, звучало малоубедительно: видеорекамер наблюдения тогда не существовало, поэтому объективных свидетельств разговора погибшей и подозреваемого представить было невозможно, а свидетели... кто же их отыщет, если самолеты из «Внуково» вылетают практически каждые полчаса? Да, собственно говоря, никто их искать и не собирался — сам факт появления Нестерова в аэропорту с целью выяснения отношений с брошенной им невестой до такой степени «работал» против него, что уже одного этого вполне могло хватить для обвинительного приговора.

Бывший жених убитой был арестован и подвергся мощной «обработке» с целью добиться признательных показаний. Трудно

сказать, куда бы завела следствие эта «ниточка», скорее всего, ничем хорошим для обвиняемого эта история не закончилась бы, но на его счастье вмешался случай.

Хотя случай этот оказался трагическим.

Через три недели после первого убийства в районе аэропорта «Внуково» произошло новое преступление, многими элементами напоминавшее предыдущее. Буквально в 200 м от места обнаружения первого трупа был найден другой; картина произошедшего в точности повторяла случившееся 11 августа. Обстановка на месте преступления, «ложе изнасилования», манипуляции с одеждой жертвы в точности соответствовали тому, что было зафиксировано в предыдущем случае. Жертва также подверглась вагинальному и анальному изнасилованию, сопровождавшемуся неоднократным душием, после чего преступник нанес три удара ножом. Убийца и в этот раз сумел не оставить на месте преступления отпечатки пальцев и сперму. Как и в предыдущем случае, место обнаружения тела являлось местом совершения преступления. И, как в предыдущем случае, рядом с телом лежала синяя роза.

Убийство являлось точной «калькой» убийства Самсоновой. И в этот раз погибшая была найдена очень быстро, с момента преступления едва ли минул час. Сомнений в том, что оба преступления совершены одним и тем же лицом, практически не было с самого начала.

При осмотре местности примерно в 20 м от тела был найден разорванный паспорт. Сложенный из кусочков, он был прочтен. Как оказалось, паспорт принадлежал убитой — 23-летней женщине, совсем недавно вышедшей замуж (судебно-медицинская экспертиза установила, что погибшая была беременна).

По аналогии с предыдущим случаем появилось предположение, что жертва познакомилась с преступником в аэропорту и ушла с ним добровольно. Начались активные розыски в здании аэровокзала, благодаря чему удалось, во-первых, отыскать чемодан погибшей, оставленный ею в буфете, а во-вторых, установить, что женщина находилась в Москве транзитом и во «Внуково» дожидалась стыковочного рейса.

В тот же день расследование явно однотипных убийств в районе аэропорта было взято на особый контроль Генпрокуратурой СССР, а Московский уголовный розыск получил задачу

максимально активизировать оперативное сопровождение (ранее этим занималось УВД на воздушном транспорте). Эта активность ясно показывает, что уже в начале 1970-х гг. правоохранительные органы СССР имели вполне ясное представление о большой социальной опасности серийной преступности и все разговоры о том, что, мол-де, вплоть до разоблачения Чикатило явление это выглядело совершенно невероятным на просторах СССР, не заслуживают внимания. Другое дело, что информация о подобных преступлениях не расходилась широко и вплоть до конца 1980-х гг. властями не признавалась.

Московские оперативники, хотя и принялись ретиво за дело, никаких существенных результатов получить поначалу не смогли. Однако прорыв в расследовании все же произошел, хотя и при трагических обстоятельствах. 14 сентября на одной из московских законсервированных строек в районе станции метро «Динамо» был найден труп третьей жертвы «Внуковского маньяка» (подобные объекты незавершенного строительства называли тогда «долгостроем» — это было специфическое, присущее «развитому социализму» явление, когда начатые работы останавливались на многие годы и стройка стояла в руинах без всякой охраны и надзора). При жизни погибшая носила мини-юбку и так же, как и предыдущие жертвы, подверглась перед смертью изощренному сексуальному насилию. И так же, как и в случаях предшествующих убийств во «Внуково», в нескольких метрах от тела была найдена сломанная роза с синим бутоном.

При осмотре территории стройки удалось отыскать фрагменты разорванного паспорта, который криминалисты сумели частично сложить и, узнав номер, установить личность владелицы. Оказалось, что убитая женщина приехала в Москву из Казани, ей предстояло провести на вокзале около 10 часов, дожидаясь пересадки. Однако труп женщины оказался найден более чем в 10 км от вокзала, и даже если допустить, что жертва самостоятельно решила прогуляться по Москве, казалось невероятным, чтобы она забрела в столь опасное и неинтересное место в одиночку. Преступник явно заманил ее, усыпив бдительность. Кто бы он ни был, не вызывало сомнений, что это ловкий человек, умеющий произвести на женщин и девушек нужное ему впечатление.

В поисках возможных свидетелей преступления оперативникам удалось найти человека, который видел долговязого парня,

выходившего накануне со стройки и надевавшего на ходу футболку. В этом не было ничего необычного — сентябрь в 1971 г. оказался в Москве месяцем довольно жарким, но в упомянутом свидетельском показании милиционеров заинтересовала одна деталь: мужчина увидел на пояснице подозрительного парня синее пятно, татуировку. Рассмотреть ее он толком не успел, но сам по себе факт присутствия картинки на этом месте человеческого тела не мог не показаться странным.

Оперативники прекрасно знали, что пассивные гомосексуалисты получают на «зонах» особые татуировки, свидетельствующие о «специализации» обладателя как графическим содержанием рисунка, так и местом его размещения. Существовали особые татуировки для «опущенных» принудительно, для гомосексуалистов-проституток, для тех, кто предпочитает групповой однополый секс, и т. п. Такого рода татуировки наносились либо на поясницу, либо на ягодицу «опущенного». Предположение, что вышедший с заброшенной стройки молодой человек мог иметь уголовный опыт, причем принадлежать к категории «опущенных» эзков, требовало проверки. Лица с уголовным прошлым в советское время практически не имели шансов закрепиться в Москве (как и в других крупных городах Советского Союза, в столицах союзных и автономных республик, а также в особых «закрытых зонах», создававшихся вокруг объектов, имевших большое военно-стратегическое значение. Общее число территорий и городов, в которых бывшие осужденные не могли получить прописку, не было постоянным и регулярно пересматривалось, но в послесталинское время никогда не опускалось ниже 300.). Бывшим экам советская власть предоставляла прописку лишь за пределами 100-километровой зоны вокруг крупных городов (отсюда и выражение тех лет: «уехать за сотый километр», т. е. потерять прописку из-за судимости).

Итак, если долговязый парень, которого видел свидетель, действительно являлся уголовником, значит, он либо находился в Москве временно (т. е. проездом), либо жил здесь на нелегальном положении. Последнее казалось наиболее вероятным. Уголовник, освободившийся «вчистую» (т. е. отбывший наказание полностью), вряд ли стал бы рисковать свободой, грубо нарушая предписанные ему правила проживания за «сотым километром». То же самое и даже с большим основанием можно

сказать и про освобожденных по УДО (условно-досрочно). Скорее всего, нелегально обосноваться в Москве мог бы бежавший из мест заключения. Поэтому особое внимание оперативников Московского уголовного розыска привлекли сводки о побегах из мест заключений за последние полгода.

Их изучение позволило вскоре с высокой вероятностью идентифицировать человека, замеченного на месте преступления. Им оказался 19-летний житель Пензы Юрий Раевский, осужденный в 1970 г. за нападение на женщину и неудачную попытку ее изнасилования. По прибытии в колонию Раевский был изнасилован заключенными и попал в категорию «опущенных», на самое дно уголовного мира. После изнасилования на поясице Раевского с правой стороны была сделана довольно большая (6 см) татуировка синей розы. Получив описание татуировки, оперативники МУРа моментально провели аналогию с синими розами, найденными возле трупов женщин возле аэропорта «Внуково» и станции метро «Динамо». Очевидно, преступник мстил своим жертвам за пережитое на «зоне» унижение, в свою очередь унижая и убивая женщин.

Не вынеся тягот заключения, Раевский в июне 1971 г. совершил побег. Буквально на следующий день произошло жестокое изнасилование 35-летней женщины под Саранском. Расстояние между местом преступления и колонией, из которой «ушел в бег» Раевский, не превышало 30 км, поэтому местные правоохранители вполне обоснованно подозревали в совершении преступления именно беглеца. Узнав, что жертва нападения осталась жива, из Москвы в Мордовию немедленно отправилась группа оперативников, которой предстояло «отработать» этот случай. Помимо допроса потерпевшей, предполагалось проверить связи Раевского на «зоне», дабы составить представление о возможных планах преступника и его «контактах» в Москве.

Однако работа москвичей не задалась с самого начала. Выяснилось, что хотя женщина действительно осталась жива и к моменту появления столичных сыщиков уже пошла на поправку, помочь розыску преступника она мало чем может. Насильник не только душил ее во время нападения, но и бил по голове куском застывшего асфальта, причинив тяжелую черепно-мозговую травму. Женщина осталась на всю жизнь инвалидом, но хуже всего для сыскарей оказалось то, что она не помнила ни деталей

случившегося с ней, ни внешности насильника. Проверка «связей» Раевского на «зоне» тоже ничего существенного не принесла. Преступник общался только с такими же «опущенными», как и он сам, ни москвичей, ни лиц, имевших в столице родственников, в его окружении выявить не удалось. Скорее всего, рывок Раевского в Москву был чистой воды экспромтом, хотя следовало признать, что этот экспромт оказался очень удачен для преступника.

К последней декаде сентября до сведения всех работников органов внутренних дел Москвы была доведена ориентировка, содержащая информацию о пребывании в столице опасного насильника и убийцы, оставляющего возле тел убитых им женщин розы с синими бутонами. Синих роз не существует в природе, такие цветы можно получить, лишь поставив цветок в подкрашенную чернилами воду. Соответственно, не могло быть таких цветов и в продаже. В силу этого всем сотрудникам внутренних дел предписывалось обращать внимание на граждан с синими розами независимо от их возраста и пола.

Ориентировка эта сыграла важную роль в последующих событиях. 24 сентября участковый инспектор Сергей Белов увидел в парке девушку с синей розой в руках и подошел к ней. Оказалось, что цветок подарил ей полчасом ранее какой-то молодой человек, высокий и импозантный, но за минуту до появления милиционера он куда-то отошел. Оглядевшись по сторонам, Белов увидел убежавшего долговязого парня и помчался следом. Погоня не увенчалась успехом, однако случившееся имело немаловажные последствия: во-первых, была спасена жизнь девушки, а во-вторых, она опознала по предъявленным фотографиям Раевского. Именно он подарил ей синюю розу, а значит, взятый операми МУРа след оказался верен. Теперь «Внуковский маньяк» был идентифицирован однозначно.

Погоня участкового Белова имела и еще один важный результат, хотя в тот момент он был неочевиден. Раевский понял, что сыскари знают, в чем тайный смысл синего бутона, и теперь ориентированы на поиск таких цветов. Значит, необычная роза превратилась в демаскирующий элемент, и в дальнейшем Раевский уже не использовал такие цветы для знакомств с женщинами. Кроме того, бдительный участковый сильно перепугал убийцу, и тот решил скрыться из Москвы.

Он действительно исчез, и на протяжении двух недель ничего о нем не было слышно. Затем пришло сообщение из Клайпеды — Раевский совершил изнасилование и убийство в этом латышском городе. Из-за стечения обстоятельств личность преступника была установлена в считанные часы. Случилось это благодаря наблюдательности местных мальчишек, увидевших молодого человека в окровавленной светлой куртке, вышедшего из парка, примыкавшего к местному замку. Внимание мальчишек привлекли не только пятна на куртке, но и складной нож, который незнакомец засунул в карман. Прodelал он это довольно небрежно, в результате чего... из кармана вывалился паспорт. Мальчишки подобрали паспорт, прочитали фамилию владельца и, догнав удалявшегося молодого человека, возвратили ему документ. Когда через пару часов стало известно об убийстве девушки, бдительные мальчишки обратились к милиционерам и сообщили о подозрительном мужчине в куртке с пятнами крови. Фамилию этого человека мальчишки перепутать не могли — Раевский, как у генерала, героя Отечественной войны 1812 г.

Кстати, бдительность юных жителей Клайпеды была далеко не безосновательной. Дело в том, что большая часть местного замка принадлежала в те годы судоремонтному заводу, выполнявшему в том числе и оборонные заказы. В школах тогда проводились военно-патриотические занятия, с учащимися встречались офицеры как местного гарнизона, так и пограничники, так что о «недремлющем враге социализма» школьники к 4–5 классу уже знали немало. Неудивительно поэтому, что увидев подозрительного человека, они прежде всего заподозрили в нем шпиона «блока НАТО», нежели советского уловника. Для Клайпеды первое казалось менее экзотичным.

На небольшой части замка в конце 1960-х гг. начались археологические раскопки, были сделаны интересные открытия, и на место работы археологов стали привозить туристические группы. Среди таких туристов, привезенных на место раскопа, и присмотрел свою очередную жертву Раевский. Усыпив ее бдительность, он сумел отделить девушку от группы и увести ее с собой так, что этого никто не заметил. Более часа группа ждала ее возвращения в автобусе, затем, заподозрив неладное, туристы своими силами стали искать пропавшую и отыскивали ее буквально в сотне с небольшим метров от парковки. Раевский изнасиловал и задушил

жертву, после чего в неистовстве нанес 14 ножевых ранений, в том числе в нижнюю часть живота и лобковую область.

Никто бы не связал клайпедское убийство с «Внуковским ма-
няком», однако благодаря бдительности местных школьников
дело с самого начала представлялось ясным.

Это, однако, никак не помогало ответить на вопрос, где и как
ловить убийцу. Кроме того, неприятным открытием для след-
ствия явилось то обстоятельство, что преступник имеет на руках
паспорт. При лишении свободы паспорт у заключенного изы-
мается как раз с целью максимально затруднить легализацию
в случае побега. Непонятно было, как преступник смог заполу-
чить документ, который вообще подлежал уничтожению? Впо-
следствии выяснилось, что Раевский сохранил паспорт, об утере
которого заявил еще до совершения преступления и последовав-
шего осуждения. При аресте у него был изъят восстановленный
документ, а первый Раевский достал из «нычки» после побега.

Розыск хитрого и находчивого преступника мог доставить
много хлопот советским правоохранителям, но попался он
случайно и совершенно неожиданно даже для самого себя.
В конце октября 1971 г. его задержали в Харькове за «попытку
спекуляции» (т. е. продажи с рук) женского пальто.

Пальто у Раевского появилось в результате последнего досто-
верно установленного преступления — изнасилования и убийства
женщины в Харькове. Со своей жертвы преступник снял новое
демисезонное пальто польского производства. Дефицитную вещь
можно было без особых затруднений сбыть с рук, что Раевский
и попытался сделать через день после убийства, однако бдитель-
ность местных милиционеров помешала насильнику. В кармане
его куртки оказался билет на поезд, который отправлялся от
перрона менее чем через час; вполне вероятно, что если бы не слу-
чайное задержание, убийца мог бы еще долго колесить по стране.

Примечательно, что после задержания преступника чуть было
не отпустили, девушка-дознаватель, составившая протокол об
административном правонарушении, даже выписала ему про-
пуск на выход из здания. Милиционеров, однако, насторожило
то обстоятельство, что личность молодого человека не удалось
быстро установить. Паспорта при себе он не имел: видимо, после
инцидента в Клайпеде сделал необходимые выводы. Раевский
сообщил, что приехал в Харьков на несколько часов из колхоза

в Курской области, но информация о месте его работы и проживания проверке не поддавалась. Через несколько часов кто-то из милиционеров обратил внимание на то, что в ориентировке городской милиции значится демисезонное польское пальто, похищенное за день до того убийцей-насилъником. Тогда за задержанного взялись уже всерьез — он был дактилоскопирован, и его разоблачение стало лишь вопросом времени.

Следствие по многоэпизодной серии преступлений «Внуковского маньяка» длилось более года, намного больше, чем тот отрезок времени, в течение которого преступник творил свои злодеяния. Перемещения Раевского по стране, и все его действия в интервале июнь—октябрь 1971 г. были восстановлены предельно скрупулезно и проверены со всей доступной точностью. Было установлено, что Юрий Раевский совершил еще одно изнасилование и убийство женщины в Минеральных Водах — этот эпизод не связывался с ним до тех самых пор, пока следствие дотошно не восстановило кровавый путь изувера. Скорее всего, никаких других нападений на женщин, кроме упомянутых семи случаев, шесть из которых закончились смертью жертв, преступник в это время действительно не совершал. Другими словами, преступная летопись маньяка с фактологической точки зрения оказалась установлена с исчерпывающей полнотой.

Но того же нельзя сказать о мотивации преступника. Анализируя совсем недлинную, но очень богатую трагическими событиями жизнь этого преступника, трудно отделаться от ощущения неполноты картины. Вполне нормальный, симпатичный, в общем-то неглупый и весьма коммуникабельный подросток в 16 лет точно сошел с ума: жестокое и немотивированное нападение на соседку, которая была чуть ли не вдвое старше него, повергло в изумление всех знавших этого симпатичного комсорга (председателя комсомольской ячейки учебной группы в ПТУ) прежде. В 1972 г. Раевский подвергся продолжавшейся более 3 месяцев комплексной психолого-психиатрической экспертизе в НИИ имени Сербского, которая подтвердила его психическое здоровье, но историю и причину формирования его садистского и некрофильского комплексов не прояснила. Вернее, эту задачу следствие перед данной экспертизой даже и не ставило. На многие годы, вплоть до середины 1990-х гг., Юрий Николаевич Раевский сделался одним из самых молодых

серийных убийц России и СССР, по праву разделив это мрачное первенство с другим негодяем — Андреем Евсеевым.

Нельзя не отметить того, что Юрий Раевский в своем криминальном поведении демонстрировал черты, присущие классическим серийным убийцам Америки и Западной Европы. Прежде всего, речь идет об оригинальной «сигнатуре» («подписи убийцы») — розе с синим бутонем, которую преступник использовал в своих московских нападениях. Разумеется, убийце не составило бы труда забрать цветок с места преступления, но он сознательно оставлял его как улику, подчеркивающую, с одной стороны, необычность преступления, а с другой — неординарность личности самого нападавшего. Стремление серийного преступника оставлять знаки, подчеркивающие совершение преступления именно им и никем другим, является следствием его нарциссизма, завышенной самооценки, глубокой внутренней потребности в пиетете и признании собственной необычности. Зачастую такие преступники сами не могут объяснить, что именно побуждало их прибегать к демонстрации «сигнатуры», но раз за разом они оставляли такой знак, не в силах побороть внутреннюю потребность это сделать. Раевский вынужденно отказался от использования своей «сигнатуры» только после погони участкового Белова — тогда преступник понял, что следование шаблону грозит погубить его. Если бы не этот инцидент, можно не сомневаться в том, что преступник продолжил бы свою «охоту» с использованием синей розы.

Помимо весьма оригинальной «сигнатуры», Раевский продемонстрировал и другую устойчивую (и надо признать — весьма эффективную!) модель преступного поведения. Речь идет о критериях отбора объектов нападения. В качестве таковых он выбирал, во-первых, молодых привлекательных женщин-брюнеток, а во-вторых, находившихся в той местности, где действовал преступник, проездом. И в Москве, и в Клайпеде, и в Минеральных Водах Раевский убивал девушек и женщин, не являвшихся местными жительницами. Исключением может показаться убийство в Харькове, поскольку там жертвой Раевского стала врач-педиатр, постоянно проживавшая и работавшая в городе. Но это исключение кажущееся, поскольку сам Раевский предполагал покинуть Харьков через сутки или двое, т. е. в данном случае в роли транзитного пассажира оказался он сам. Примечателен

еще один немаловажный элемент поведения убийцы на месте преступления: он принимал меры по уничтожению документов своих жертв. Цель всех этих поведенческих решений была одна — максимально затруднить идентификацию жертвы после ее обнаружения. Правда, этого достичь ему не удавалось: почти всегда личность погибших женщин устанавливалась в ближайшие часы после нахождения тел убитых, но это происходило не потому, что действия преступника были ошибочны по своей сути, а в значительной степени благодаря удачному стечению обстоятельств, ну и, конечно же, оперативной работе правоохранительных органов.

Следствие по делу «Внуковского маньяка» выпукло высветило одну из самых серьезных проблем в деле борьбы с серийной преступностью — отсутствие общесоюзной базы данных по преступлениям этой категории и неудовлетворительную аналитическую работу правоохранительных органов (как по линии МВД, так и прокуратуры), вернее, полное отсутствие такой работы. Преступления, совершенные в разных частях страны, не изучались на предмет вычленения схожих элементов; расследования по ним велись отдельно, и лишь только после ареста подозреваемого появлялась возможность (и то далеко не всегда реализуемая!) свести их воедино. Проблема эта в СССР решена так и не будет, не в последнюю очередь в силу того, что идеологические установки ЦК КПСС отрицали возможность зарождения и развития в советском обществе серийной преступности как системного явления. А раз явление имеет несистемный характер (а лишь случайный, разовый), то и оснований для организации систематической борьбы с ним не существует — примерно такова была логика партocrats. Любые разговоры о странных и чудовищных преступлениях «маньяков-насильников», которые периодически возникали в обществе, коммунистический агитпроп не только не приветствовал, но и прямо запрещал, объявляя пересуды на эту тему «идеологическими диверсиями Запада» (был такой термин в 1970–1980-х гг., под который можно было подвести любые критические разговоры: от нехватки макарон в магазинах до роста криминала в городах). А все формы «идеологических диверсий» подпадали под пристальный прицел КГБ СССР; потому лишние разговоры на упомянутую тему и вообще интерес к ней грозил в свою очередь пристрастным интересом самой мощной спецслужбы мира к персоне говорившего.

Недооценивать серьезность сказанного выше не следует — занавес молчания властных структур вокруг серийных преступлений был абсолютным. Если о «кидалах», «несунах», «валютных» проститутках, грабителях, курортных аферистах и прочих представителях криминального мира в газетах и журналах СССР время от времени попадались публикации, то серийной преступности для советских средств массовой информации как бы не существовало. Единственное исключение, известное автору, — это интервью начальника МУРа В. Корнеева, данное журналисту «Вечерней Москвы» и опубликованное в этой газете 5 ноября 1974 г. В нем главный столичный сыщик довольно скуп и косноязычно поведал о цепном нападении «Таганского маньяка», убившего 8 октября 1974 г. в Москве двух женщин и тяжело ранившего еще одну. В истории отечественного сыска это, пожалуй, единственный случай (вплоть до конца 1980-х гг.), когда «родная советская власть» сочла возможным что-то объяснить «про убийц-маньяков» своему народу. Примечательно, кстати, резюме этого интервью: товарищ генерал-майор призвал население не поддаваться панике и не распространять «непроверенные слухи» о криминальной активности в столице, пригрозив справедливым наказанием за болтовню. Для пущей убедительности товарищ Корнеев в угрожающем тоне поведал читателям о студенте столичной Тимирязевской академии, позволившем себе сплетничать на оную тему и получившем в итоге справедливое воздаяние (фамилия студента и назначенное ему наказание не уточнялись).

Завершая же разговор о Юрии Раевском, остается добавить, что летом 1973 г. он был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Убийца подал в Верховный Совет СССР прошение о помиловании, которое было отклонено. В последних числах декабря 1973 г. «Внуковский маньяк» Юрий Раевский был казнен.

7.8. «Таганский маньяк» Андрей Евсеев (период активности: август 1974 г. — декабрь 1977 г.)

8 октября 1974 г. Москва пережила невиданное в своей истории событие: в центре столицы, на улицах, прилегавших к Таганской площади, на протяжении 55 минут неизвестный мужчина совершил 3 нападения на женщин, нанося своим жертвам ножевые

ранения и выхватывая сумочки. Все преступления произошли на глазах многочисленных свидетелей в интервале с 19 до 20 часов. Жестокость и дерзость преступника казались неслыханными — таких нападений Москва еще не переживала. Из трех женщин, подвергшихся нападению, две скончались еще до прибытия машин «скорой помощи», одна выжила.

Все три преступления произошли на участке размером не более 0,5 км на 0,3 км — эта территория находилась в зоне ответственности 37-го отделения милиции. Поначалу преступления казались простым совпадением: все-таки трудно было представить, чтобы какой-то разумный грабитель, уголовник со стажем, метался по сравнительно небольшому району города, имея при себе окровавленное холодное оружие и следы крови на одежде, но... Но довольно скоро стало ясно, что именно так все и было: преступления совершил один и тот же человек! Произошедшее с точки зрения здравого смысла казалось столь диким и прямо-таки абсурдным, что неизвестного изувера сразу же окрестили «Таганским маньяком».

Версию о наличии у преступника некоей «мании», особого влечения или «зацикленности» на каком-то элементе одежды вроде бы подкрепляло то соображение, что две из трех женщин, пострадавших от его рук, были одеты в красные мини-юбки. Кроме того, все три были обуты в сапоги на высоком каблуке... Версия о ненормальном убийце-фетишисте показалась представителям правоохранительных органов в начале расследования хотя и неординарной, но вполне обоснованной. Лишь много позже выяснится, что и мини-юбки, и сапоги на высоком каблуке не имели никакого значения при выборе преступником жертв; никакой «мании», связанной с женской обувью или одеждой тот не следовал, а руководствовался совсем иными мотивами. Между тем версия о «сумасшедшем фетишисте» побудила следствие направить большие силы на проверку соответствующего контингента, состоявшего на учете в психоневрологических диспансерах сначала Москвы, затем Московской области, а потом и прилегающих областей. Проверка людей с такого рода сексуальной патологией в конечном счете приняла характер всесоюзной кампании, требовала значительных материальных ресурсов и затрат времени, а результат ее оказался совершенно ничтожен — «Таганского маньяка» отыскать таким образом не удалось...

Несмотря на то, что нападения произошли в довольно людных и притом хорошо освещенных местах, сотрудники уголовного розыска получили лишь самое общее описание нападавшего: брюнет, высокого роста, плотного телосложения, одетый, предположительно, в темный короткий плащ или пальто, свитер, темные брюки. Плохая память свидетелей в данном случае удивлять не должна. Феномен этот хорошо известен: эмоциональное потрясение людей, переживших убийство на своих глазах, действительно мешает им запомнить и в точности воспроизвести многие детали произошедшего. Свидетели, собранные в МУРе для составления «словесного портрета» «Таганского маньяка», не смогли даже договориться между собой о том, имел ли преступник бороду или нет. Между тем убийца носил довольно характерные бакенбарды, которые очень могли бы помочь его опознанию, но более половины из двух десятков человек, наблюдавших его нападения, ни словом не обмолвились о бакенбардах!

Свидетели, а также выжившая после нападения женщина сообщили о довольно примечательной особенности действий преступника. Перед самым нападением он обгонял свою жертву на несколько десятков метров, после чего поворачивался, шел ей навстречу и, поравнявшись, не проронив ни слова, начинал наносить удары ножом. Подобная смена направлений движения была вовсе не случайна — она позволяла преступнику спокойно, не оглядываясь лишней раз, осмотреться и оценить окружающую обстановку, понять, как много рядом свидетелей, присутствуют ли милиционеры и т. п. Другой особенностью произошедших преступлений было то, что всем своим жертвам преступник наносил удары ножом в верхнюю часть тела и голову, уродуя лицо. Оба упомянутых элемента (т. е. обгон предполагаемой жертвы и нанесение ударов ножом в лицо, грудь и плечи) впоследствии наблюдались практически во всех эпизодах с участием «Таганского маньяка».

Упомянутые детали, вкуче с другими обстоятельствами (крайняя жестокость нападений, отсутствие во всех трех случаях вербального контакта с жертвами и прочее), позволяли с уверенностью предполагать, что нападавший уже имеет опыт совершения такого рода преступлений. Эта очевидная мысль, однако, никому ни в МУРе, ни в московской прокуратуре в то время не пришла в голову. И хотя к началу октября на счету

Москва. Таганская площадь. Фото начала 1970-х гг.

«Таганского маньяка» действительно уже были убийства людей, совершенные в весьма схожей манере, никто из работников правоохранительных органов не связал разрозненные эпизоды воедино (вот она, яркая иллюстрация полнейшего отсутствия той самой аналитической работы, о необходимости которой уже не раз было сказано выше!).

Свой кровавый путь преступник начал 25 августа 1974 г., за полтора месяца до нападений в столице. В тот день будущий «Таганский маньяк» совершил убийство 16-летней ученицы 9-го класса в подмосковном Загорске (ныне Сергиев Посад). Жертва получила одно ранение под ключицу и два — в спину, в лопатку. Преступник схватил было сумочку своей жертвы, отбежал с нею в сторону, а затем отбросил, ничего оттуда не взяв. В сумочке школьницы, кстати, лежали всего только 35 копеек. Впоследствии убийца признался, что первое убийство его очень напугало: хотя преступление было совершено в темное время суток (в 20:40), в дождливую погоду на темной улице, он испугался, что его могли заметить случайные свидетели, и в ужасе бежал.

На следующий день преступник совершил новое убийство. Пережитый в Загорске испуг смутил его, вызвал неприятные переживания, и потому будущий «серийник» решил «компенсироваться», доказав самому себе, что он способен убить любого,

Москва. Таганская площадь. Фото начала 1970-х гг.

а не только слабосильную девчонку. На этот раз жертвой маньяка стал 56-летний мужчина, повар по профессии, живший в подмосковном Одинцове. Преступник догнал его на пустой улице неподалеку от железнодорожной станции, потребовал денег, а после того, как его послали куда подальше, пустил в ход нож. Теперь уже убийца лучше контролировал свои действия: убедившись, что жертва мертва, он заставил себя тщательно обыскать погибшего, забрал наличные деньги (целых 12 рублей!), наручные часы, сетку с продуктовым набором, полученным погибшим по месту работы.

Нельзя сказать, что эти преступления остались без внимания правоохранителей Подмосковья. Убийство школьницы сразу же связали с дезертирством из расположенного неподалеку стройбата рядового Савельева. Репутация у военных строителей всегда была ниже плинтуса, войска эти считались крайне неблагополучными с точки зрения поддержания дисциплины и соблюдения законности, но Сергей Савельев даже по стройбаговским меркам был незаурядным разгильдяем и хулиганом. За девять месяцев службы он умудрился шесть раз попасть на гарнизонную гауптвахту за злостные нарушения воинской дисциплины и невыполнение приказов начальства. На дезертирство его сподвигла угроза уголовного наказания

за участие в групповой драке. Перед побегом он не поленился заглянуть в солдатскую столовую, где похитил большой поварской нож. Бегал Савельев недолго, хотя и умудрился убежать далеко — 2 сентября его сняли с поезда в Кемеровской области. Поскольку на него уже имелась ориентировка, в которой содержалось указание на возможную виновность в убийстве школьницы в Загорске, сотрудники Кемеровского уголовного розыска на транспорте принялись «колоть» дезертира и в считанные дни тот сознался в этом преступлении. Лишь много позднее, когда был разоблачен настоящий убийца, невиновность солдата стала очевидна.

Убийство же повара в Одинцове не связывалось с преступлением в Загорске. Эти эпизоды расследовались отдельно, как совершенные разными лицами.

Второе убийство придало негодяю уверенности в собственных силах. А то обстоятельство, что никто из правоохранительных органов не побеспокоил его, убедило в собственной безнаказанности. 24 сентября 1974 г. преступник совершил очередную дерзкую вылазку: в подъезде жилого дома рядом со станцией метро «Добрынинская» в Москве он остановил женщину и потребовал отдать сумочку. Женщина не поверила в серьезность угрозы, во-первых, потому, что нападавший казался слишком молод для закоренелого уголовника, а во-вторых, потому, что он не выглядел опасным: роста он был невысокого, телосложение имел далеко не атлетическое, говорил вежливо, почти шутливо, глаза казались добрыми. Женщина стояла рядом с дверью собственной квартиры, где в тот момент находились муж и отец, и это, по-видимому, внушило ей определенную уверенность в своих силах. Она попыталась позвонить в дверной звонок и тем спровоцировала активность преступника: тот от слов перешел к делу. В ходе завязавшейся борьбы ему удалось нанести жертве два удара ножом и, завладев ее сумочкой, скрыться. Тяжело раненная женщина позвонила в дверь, и родственники немедленно вызвали «скорую помощь».

Доставленную в больницу женщину прооперировали, однако не слишком удачно: внутреннее кровотечение не было остановлено полностью. Прошло некоторое время, прежде чем это стало ясно, потребовалось проведение повторной операции, но она уже не помогла, и женщина умерла на третьи сутки после

ранения. Тем не менее она успела дать официальные показания о случившемся, сообщила приметы нападавшего и помогла художнику нарисовать его портрет.

Согласно показаниям потерпевшей напавший имел возраст около 25 лет, рост — средний, лицо — приятное, чистое, волосы русые, вьющиеся, зачесанные на бок. В описании внешности упомянуты бакенбарды и такая странная деталь, как «глаза добрые». Трудно отделаться от ощущения, что проводивший допрос банально забыл (или вообще не знал) правила составления словесного портрета, и те детали внешности, наличие либо отсутствие которых должно быть в нем отражено. Под полученное описание и «добрые глаза» можно было без затруднений «подвести» чуть ли не половину молодых мужчин из Москвы и Московской области. Не многим лучше оказалось и описание одежды преступника: бежевый пиджак, брюки клеш. Нарисованный художником портрет на самом деле мало походил на настоящего преступника и ценность имел весьма и весьма условную.

На конец сентября 1974 г. следствие не имело реальных зацепок, способных вывести на преступника. Причем правильнее будет говорить во множественном числе — «следствия», поскольку расследования по всем описанным выше эпизодам проводились раздельно и считались никак между собою не связанными.

Между тем будущий «Таганский маньяк» решил, что поднабрался уже достаточно опыта и теперь ему по плечу любая «мишень». Он почувствовал себя в роли Господа Бога и решил, что отныне в его власти лишить жизни каждого, кого только он пожелает (о таких или им подобных переживаниях рассказывали многие серийные убийцы, всерьез решившие, будто им от Бога дан особый путь и особая роль в истории). Преисполненный самомнением, преступник напал в Москве, в сквере возле Дома культуры имени Третьего интернационала, на студента-четверокурсника, возвращавшегося из спортивного зала, где тот занимался культуризмом. Результат дерзкого наскока оказался совсем не таким, на какой рассчитывал убийца: студент-культурист стал отчаянно сопротивляться и, несмотря на четыре ранения рук, сумел отбиться от негодая, которому пришлось убежать от разъяренного противника. Потрясенный до глубины души, преступник понял, что внезапность нападения и наличие

ножа в руке отнюдь не являются гарантией успеха. Очень многое зависит от поведения жертвы и ее готовности оказывать сопротивление до последней возможности.

Здесь автор позволит себе небольшое отступление, основанное на личном опыте и напрямую связанное с затронутой темой: во время задержания преступников, один из которых был вооружен ножом, автор получил три ранения в грудь, в том числе проникающее в плевральную полость, т. е. вызывающее пневмоторакс. Это потенциально смертельная рана, способная привести к летальному исходу в случае неоказания специализированной медицинской помощи. Несмотря на тяжелое ранение, автор сумел отбиться от преступника, разоружить его и даже частично раздеть, сорвав часть верхней одежды, так что тот был вынужден убегать с голым торсом. Имея пневмоторакс, бежать невозможно, так что от намерения преследовать бегущего пришлось отказаться. Тем не менее нельзя не отметить особенность, о которой вряд ли осведомлены лица, никогда не переносившие тяжелых ранений: боль даже от сильного пореза или колотой раны несравнимо слабее боли, причиняемой мощным ударом кулака или ноги. Последний способен мгновенно вызвать тяжелый болевой шок или потерю сознания, в то время как рана от холодного или огнестрельного оружия — даже смертельная! — зачастую не лишает человека способности контролировать себя и активно сопротивляться. Можно сказать, что ранения, причиненные оружием, имеют «отложенный эффект», проявляющийся с задержкой в несколько десятков секунд или даже минут. Здесь большое значение имеет самообладание раненого, его способность управлять эмоциями, не поддаваться панике и принимать необходимые меры по самосохранению. Автор во время борьбы с вооруженным ножом преступником, например, сдвинул три раны с правой стороны груди собственной одеждой, что не только предотвратило спадение легкого от попадания воздуха в плевральную полость, но и минимизировало наружное кровотечение. А именно обильное кровотечение из раскрытой раны при ранениях холодным оружием является причиной быстрого ослабления пострадавшего и последующей потери им сознания. Разумеется, на способность переносить ранения напрямую влияют анатомические особенности: масса мышц,

их тонус, общая тренированность человека, но не все решается наличием одних только мышц; нельзя недооценивать психологическую составляющую, «заточенность» человека на оказание сопротивления, бескомпромиссную борьбу, способность быстро мобилизоваться.

Вообще, вопрос о возможности смертельно раненного человека к активным действиям является предметом долгого изучения и споров судебных медиков всего мира. Известны прямо-таки поразительные примеры того, как смертельно раненные люди демонстрировали незаурядные физические результаты — их немало описано в специализированной судебно-медицинской литературе.

Эти нюансы обычно не известны людям, далеким от судебной медицины, криминалистики, практики расследования тяжких преступлений. Большинство обывателей и неопытных преступников уверены, что один или два удара ножом способны свалить любого человека. Между тем хорошо «поставленный» удар кулаком или ногой способен решить эту задачу с гораздо большей надежностью. Поэтому очень часто малоопытный преступник, убедившись в том, что нож не оправдал возложенных на него надежд, впадает в панику и начинает наносить удары бесцельно и наобум. Опытные криминалисты знают, что большое количество ножевых ранений свидетельствует о неуверенности того, кто их наносил, в собственных силах. Опытный убийца, имеющий навык в применении ножа, убивает взрослого мужчину одним-пятью ударами, если же ударов ножом более 15, то, скорее всего, убийцей являлась женщина или подросток. Разумеется, об опыте преступника многое скажет и локализация ран.

Теперь вернемся к кровавым похождениям будущего «Таганского маньяка».

Неудачный наскок на студента-культуриста у здания ДК им. Третьего интернационала деморализовал преступника. С одной стороны, его завышенная самооценка сильно пострадала от унижительной необходимости скрываться бегством, а с другой, его очень беспокоило то, что студент хорошо его рассмотрел. С этого момента будущий «Таганский маньяк» выработал для себя три основных правила, которым и следовал всегда и везде лишь с незначительными вариациями: а) нападать следует только на женщин, б) нападать следует всегда внезапно.

безо всяких угроз, предупреждения и т. п. разговоров, в) нож следует пускать в ход с самого начала нападения.

Но все эти выводы преступник мог реализовать только в будущем, а в конце сентября он чувствовал себя в крайней опасности, понимая, что жертва неудачного нападения сможет дать правоохранительным органам прекрасное описание. Раздумывая над тем, что можно сделать в сложившейся ситуации, будущий «Таганский маньяк» нашел, пожалуй, оптимальный в его положении выход: он вознамерился изобразить собственную гибель. Принимая во внимание, что на тот момент преступнику не исполнилось еще и 20 лет, и он ни разу не привлекался к уголовной ответственности (а значит, не получил соответствующего жизненного опыта), подобную находчивость следует оценить очень высоко, разумеется, в негативном смысле.

Для реализации хитроумного плана убийца рассказал о своем смертельном промысле знакомому рецидивисту Николаю Демину, имевшему за плечами более 20 лет лагерных отсидок. Демин «откинулся» (т. е. вышел на свободу) после десятой «ходки на зону» только в июле 1974 г. и обосновался в Коломне, не имея возможности вернуться в Москву (напомним, что ближе 100 км к столице вышедших на свободу зэка не прописывали). Будущий «Таганский маньяк» уговорил дружка заняться грабительским ремеслом совместно, обещая, что грязную работу, т. е. убийства людей, возьмет на себя. Демин участвовал в ограблениях, и его давно уже не трогали человеческие кровь и страдания. Предложенный «бизнес-план», согласно которому весь доход от грабежей предполагалось делить поровну, устранил последние колебания бывшего рецидивиста.

Примечательно то, что будущий «Таганский маньяк» полностью усыпил бдительность опытного и недоверчивого преступника. Надо иметь в виду, что люди с криминальным опытом, такие, как Демин, пусть даже малообразованные и лишенные всякой эрудиции, при общении с лицами не своего круга крайне недоверчивы и очень осторожны. Жизнь, полная всевозможных провокаций и «подстав», приучает их не верить никому. Тем не менее убийце удалось втереться в доверие и расположить к себе уголовника с огромным криминальным опытом. Демин поверил, что им предстоит вылазка на богатую дачу директора универмага — бедолага даже подумать не мог, что жертвой запланированной

охоты окажется он сам, а не мифический директор. Для первой совместной вылазки будущий «Таганский маньяк» выделил бомжеватому другу свой бежевый пиджак, тот самый, в котором совершил два предыдущих нападения — на женщину в доме у метро «Добрынинская» и студента-культуриста. Необходимость облачиться в пиджак он объяснил Демину тем, что им надлежит не выделяться из толпы и не привлекать к себе внимания.

Парочка отправилась в одинцовском направлении на электричке, вышла на полустанке «43-й километр». Отойдя от перрона менее чем на полкилометра, будущий «Таганский маньяк» напал на своего друга сзади, нанеся удар ножом под левую лопатку такой силы, что лезвие сломалось. Орудия обломком, убийца нанес еще 11 ударов в лицо и шею Демина, умышленно изуродовав его. Несмотря на то, что умиравший отчаянно кричал минуту или две (его никак не удавалось добить, хотя уже первое ранение являлось смертельным), убийца в целом остался собою доволен: лицо погибшего было до такой степени изменено ранами, что распознать истинные черты погибшего представлялось делом почти невозможным.

Почти три недели убийца выжидал, не зная, удалась ли его уловка. Его никто не вызывал в милицию, не задавал лишних вопросов и это в конце концов успокоило будущего «Таганского маньяка». Он решил, что ловко сбил сыщиков со следа, хотя на самом деле его хитроумный расчет не сработал. Он попросту оказался излишним: никто даже не додумался связать нападение в Москве на студента-четверокурсника с убийством рецидивиста возле станции «43-й километр». Первое преступление расследовалось столичной прокуратурой, а второе — областной, и эти розыски не пересекались еще очень долго.

Нельзя, правда, не отметить, что правоохранительные органы остались заинтригованы убийством Николая Демина. Несмотря на повреждения лица, установить личность убитого по отпечаткам пальцев особых проблем не составило, и как только это случилось, возник резонный вопрос: какая нелегкая занесла многократно судимого вора и грабителя на север от Москвы, если жил он южнее столицы? Куда он направлялся и с какой целью? Внимательно изучив бежевый пиджак, криминалисты отыскивали на нем следы крови, не принадлежавшей убитому. Происходили эти брызги и капли по меньшей мере от двух

человек. По групповой принадлежности эта кровь соответствовала той, что имела убитая 24 сентября 1974 г. женщина и подвергшийся через шесть дней нападению студент-культурист. Но в описаниях обоих потерпевших фигурировал молодой человек среднего роста в возрасте 25 лет или даже моложе. Очевидно, что 42-летний Демин, изрядно потасканный жизнью и рано постаревший, никак не соответствовал этому критерию. Кроме того, его рост составлял 165 см, что трудно назвать «средним» для мужчины — это рост «ниже среднего». Наконец, пальцы зарезанного на станции «43-й километр» уголовника украшали татуированные «перстни», свидетельствовавшие о его бывших «ходках», а такие татуировки довольно сложно не заметить. Потерпевшие же в обоих случаях ни словом не обмолвились о татуированных пальцах. В общем, никакой связи Демина с московскими нападениями не прослеживалось, и в этом направлении следствие не пошло. Зато работников прокуратуры очень заинтересовал вопрос, кому мог принадлежать бежевый пиджак до того, как эта вещь попала в руки Демина. Но выяснить это не удалось.

Так что расследование убийства Николая Демина пошло совсем по другому пути, нежели тот, на который рассчитывал убийца. Основной версией случившегося стал конфликт погибшего с кем-то из его криминального окружения, как вариант — сведение старых счетов. Но значимой информации об этом получено не было, так что на несколько долгих лет это убийство повисло «глухарем» в статистике Московской областной прокуратуры.

Таким образом, к моменту нападений на женщин в районе Таганской площади преступник уже имел за плечами 4 убийства и 1 покушение на убийство. Нападения 8 октября 1974 г. наделяли среди жителей столицы немалый переполох. Беспокойство усиливалось тем, что представители власти, как это водилось в то время, не нашли слов для разъяснения случившегося. Средства массовой информации хранили полнейшее молчание, которое лишь усугубляло тревогу населения и дало пищу для самых невообразимых слухов.

Между тем преступник словно вошел в раж и не намеревался останавливаться. 15 октября он совершил новое нападение на территории Москвы, в районе станции метро «Академическая». Около 23:30 и 23:50 он нанес ножевые ранения двум

«Таганский маньяк» решил избавиться от своего довольно приметного пиджака, в котором совершил уже два нападения, из опасения, что описание этой детали одежды уже имеется в распоряжении правоохранительных органов. Кроме того, на пиджаке имелись небольшие следы крови двух жертв. Они не бросались в глаза, но в случае ареста могли быть обнаружены криминалистами, так что пиджак потенциально мог превратиться в опасную улику, а потому от него следовало избавиться. Но просто выбросить вещь преступник посчитал неразумным — он решил подбросить пиджак очередной жертве, дабы навести следствие на ложный след: пусть в прокуратуре думают, что преступник сам сделался жертвой преступления! Замысел был не лишен некоторого изящества, однако хитроумие «Таганского маньяка» оказалось в советских реалиях того времени явно избыточным: преступления в Москве и Московской области расследовали разные управления прокуратуры, и потому даже в голову никому не пришло связать их воедино.

женщинам, вырвал из ушей жертв золотые серьги, снял с пальцев кольца, проверил содержимое сумочек и забрал найденные деньги. Одна из раненных скончалась по пути в больницу. Ввиду снижения активности работы общественного транспорта поздним вечером появилась вероятность того, что преступник не сможет быстро покинуть район. Поэтому большие силы милиции были брошены на поиск и задержание убийцы по горячим следам. Патрули автоинспекции останавливали все автомашины, проверяя соответствие их владельцев и пассажиров имевшемуся словесному портрету, а наряды патрульно-постовой службы прочесывали дворы, осматривали подъезды, подвалы и чердаки. На протяжении всей ночи на территорию 120-го отделения милиции, где, как считалось, мог находиться преступник, прибывал на усиление личный состав со всей Москвы. Сначала операцию

по поиску возглавил начальник отделения, затем прибывший в здание отделения заместитель городского управления, ближе к утру приехал разбуженный посреди ночи заместитель Министра внутренних дел генерал-лейтенант Шуминин Б. Т. В течение ночи и раннего утра границы района поиска несколько раз раздвигались из-за вполне разумных предположений, согласно которым убийца мог незамеченным выскочить за границы оцепления. Замминистра руководил поисковой операцией вплоть до восьми часов утра, после чего отдал приказ о ее прекращении. Прямо из кабинета начальника отделения генерал позвонил с докладом Министру МВД Щелокову. Позже о событиях ночи с 15 на 16 октября были проинформированы члены Политбюро ЦК КПСС.

А преступник, словно издеваясь, уже через день нанес новый удар, совершив два нападения с интервалом менее получаса в районе станции метро «Пролетарская». И снова одна из женщин скончалась от полученных ножевых ранений, а вторая оказалась тяжело ранена. Манера действий преступника полностью повторяла нападения, совершенные 8 и 15 октября — отсутствие вербального контакта с жертвой, обгон, поворот в обратную сторону, удары ножом в голову, шею и плечи, вырванные из ушей серьги, выпотрошенные сумочки... Никаких оснований сомневаться в том, что орудует «Таганский маньяк», не имелось.

Надо сказать, что некоторое время сыщики МУРа уверенно обещали вот-вот изловить преступника. Он в ходе октябрьских нападений забрал у своих жертв довольно много различных ценных вещей, на сбыте которых мог попасться; кроме того, в распоряжении следствия имелся какой-никакой словесный портрет разыскиваемого, все более уточнявшийся, наконец, росло число свидетелей, способных его опознать. Так что вся эта череда октябрьских нападений изначально не казалась «висяком». По иронии судьбы МУРовцам поначалу вроде бы даже сопутствовал успех. 16 октября они арестовали мужчину, напавшего с ножом на женщину в лифте. Женщина была облачена в ярко-розовую кофту и обута в сапоги на высоком каблуке. Нападавший, правда, не ранил свою жертву, а, забрав сумочку, убежал, но подобное несовпадение его манеры действия с тем, что демонстрировал «Таганский маньяк», мало кого интересовало.

Грабителя быстро нашли, не в последнюю очередь благодаря отличному описанию его внешности, данному пострадавшей. Разумеется, бедолагу стали «крутить» на предмет проверки причастности к событиям 8 октября. Неизвестно, до чего бы «докрутились» МУРовцы (может, и заставили бы сознаться в том, чего грабитель не совершал), но тут приключилась похожая история. 19 октября ограблению в подъезде дома подверглась женщина, имевшая красный шейный платок. Под угрозой ножа она отдала сумочку грабителю и сняла золотые украшения, ранений при ограблении не получила. Благодаря грамотным и оперативным действиям сыскарей, а также точному словесному портрету, полученному от потерпевшей, преступника и в этом случае удалось быстро поймать. Уже 21 октября 1974 г. на его запястьях защелкнулись наручники, а следствие получило второго потенциального «Таганского маньяка» (остается добавить, что этот человек работал официантом и не привлекался прежде к уголовной ответственности).

Арестованные 16 и 21 октября преступники не имели никаких психосексуальных отклонений, не состояли на учете в психоневрологических диспансерах и не являлись фетишистами, что подтвердило собеседование с их сексуальными партнерами. То же, что ограбленные женщины имели среди деталей своего туалета вещи розового и красного цветов, являлось банальным совпадением и никак не влияло на выбор преступниками жертв. Кроме того — и это было главным! — тщательная проверка убедительно доказала, что никто из подозреваемых не мог находиться в районе Таганской площади вечером 8 октября 1974 г.

Таким образом, надежда на скорое изобличение «Таганского маньяка», вполне обоснованная поначалу, постепенно начала угасать. К концу октября стало ясно, что розыск затягивается. Слухи в столице между тем не только не унимались, но, напротив, множились и становились все более фантазмагоричны. Информация о «брожении умов» просочилась на самый верх политической пирамиды СССР, попала в еженедельный информационный бюллетень КГБ, посвященный состоянию общественного мнения и распространяемый среди членов Политбюро ЦК КПСС. Бюллетень этот формировался на основе репрезентативных обзоров территориальных управлений КГБ, построенных на сообщениях тайных осведомителей из всех

слоев общества во всех регионах страны, от Камчатки до Калининграда. Задача бюллетеня заключалась в том, чтобы своевременно информировать высшее государственное и политическое руководство о колебаниях общественного мнения, народных симпатиях, антипатиях и оценке населением политического климата в стране.

Косноязычные старцы коммунистического ареопага поначалу решили действовать в присущей им манере, безоглядно все отрицая. 2 ноября 1974 г. газета «Вечерняя Москва» опубликовала фельетон, высмеивавший сплетни, которыми москвичи обмениваются в очередях. Мол-де, в какую же глупость верят несознательные жители столицы: то они говорят, будто из Бутырки сбежала толпа уголовников, аж даже 30 человек, то повторяют какие-то побасенки про то, что «некие маньяки» режут женщин в красном, ха-ха! Следует ясно понимать, что подобная публикация, при всей своей кажущейся несерьезности, не могла появиться сама собой или по воле отдельно взятого редактора газеты. Решение о размещении столь злободневного фельетона являлось политическим и могло быть принято лишь на самом высоком уровне столичного руководства (напомним, что глава московского городского комитета партии со времен Сталина являлся либо кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, либо членом Политбюро, т. е. входил в обойму высшего политического руководства страны).

Однако коммунистические идеологи просчитались! На следующий день после публикации дурацкого и совсем не смешного фельетона русскоязычная редакция радиостанции «Голос Америки» выпустила передачу, посвященную маньякам-убийцам женщин. В ней рассказывалось о некоторых случаях из криминальной истории США последних лет, в том числе о массовом убийстве девушек в общежитии медицинского колледжа в июле 1966 г. в Чикаго, совершенном Ричардом Спеком, а также упоминалось преступление в районе Таганской площади 8 октября 1974 г. Так «Таганский маньяк» сделался орудием «идеологической диверсии». Правда, радиоведущий ничего не смог сказать по существу этого дела, так как вся информация по расследованию была глубоко засекречена, однако упоминание этого преступления «Голосом Америки» переводило его из разряда мифов в категорию реальных фактов.

Передача американских пропагандистов натворила немалый переполох среди партийных руководителей, ответственных за идеологическую работу. Теперь даже закоренелым ретроgrадам из ведомства товарища Суслова стало ясно, что отмалчиваться или отделиваться глуповатыми фельетонами уже нельзя: дело грозило дискредитацией не только московской милиции, но и самого советского строя! Еще бы, ведь 57 лет он якобы «не порождал преступности», а тут вдруг оказалось, что по столице СССР бродит непойманым точно такой же нравственный урод, каких можно видеть в Соединенных Штатах! Поэтому уже 5 ноября 1974 г. в той же самой «Вечерней Москве» появилось пространное интервью с начальником Московского уголовного розыска Владимиром Федоровичем Корнеевым, замаскированное под «победный рапорт» столичных милиционеров «годовщине Октября» (которую как раз надлежало с помпой отпраздновать 7 ноября). Главный столичный сыщик был вынужден признать факты нападений на женщин рядом с Таганской площадью 8 октября 1974 г., в общих словах рассказал о том, как они протекали, сообщил о наличии словесного портрета убийцы, его фоторобота и сдержанно заверил читателей в неизбежном скором его разоблачении. Значительная часть рассуждений начальника МУРа оказалась посвящена разоблачению «всевозможных домыслов обывателей», связанных с деяниями «Таганского маньяка». Примечателен заголовок, под которым появилось это интервью в газете: «Длинный язык болтуна». Разумеется, это бездарное заглавие придумал не генерал милиции, а кто-то из идеологических мудрецов от агитпропа, они же подредактировали и слова Корнеева, в силу чего интервью получилось не столько успокоительно-обнадеживающим, сколько угрожающим.

В общем, «идеологическая диверсия» удалась на славу! Жители столицы убедились, что слухи о жутком маньяке вовсе не беспочвенны и преступления на самом деле имели место; кроме того, стало ясно, что до поимки загадочного убийцы еще далеко. Надо сказать, что обещанного победного рапорта об изобличении «Таганского маньяка» москвичи так никогда и не дождались.

Убийцу не поймали ни в 1974-м, ни в 1975-м, ни в 1976 годах... Неудачи московских сыщиков на этой стезе послужили одной из причин отставки В. Ф. Корнеева с должности начальника

МУРа в 1976 г. Несмотря на большую активность правоохранительных органов, значительность задействованных в розыске материальных и человеческих ресурсов, никаких серьезных подвижек в розыске таинственного убийцы не происходило вплоть до 1977 г. За это время преступник в разных районах Москвы и Подмосковья совершил еще по меньшей мере 20 нападений; к счастью, подавляющее их число не привело к смерти жертв, однако всякий раз потерпевшие получали удары ножом или отверткой; некоторые из выживших женщин остались инвалидами.

Особенно таинственный «Таганский маньяк» активизировался в конце 1977 г., совершив за 5 недель 4 крайне жестоких и дерзких нападения. Эпитет «дерзкий» в данном случае употреблен отнюдь не с целью усилить художественную выразительность фразы, а в своем прямом смысле. Поздним вечером 11 ноября в Москве, в районе станции метро «Автозаводская» он напал на женщину под аркой дома, расположенного по соседству со зданием Пролетарского РУВД. Женщина оказала отчаянное сопротивление, и преступник сильно рисковал, однако ни одного случайного прохожего рядом не оказалось. Потерпевшая, прекратившая в конце концов сопротивление и притворившаяся мертвой, обратила внимание на интересную деталь поведения преступника: перетряхивая содержимое ее сумочки, тот присел на корточки и спокойно отложил в сторону нож, дабы тот не мешал, а закончив свое дело, поднял его и спокойно удалился. Женщину спасло то, что рядом находилось районное управление милиции; несмотря на обильное кровотечение, она сумела добрести туда, получила необходимую помощь и в конечном счете осталась жива.

Так же, как и в октябре 1974 г., той ночью началась масштабная поисковая операция, но так же, как и тремя годами ранее, она оказалась безрезультатной. Таинственный «Таганский маньяк» растворился во тьме московской ночи, словно и не существовал вовсе.

После этого последовали еще два нападения, в одном из которых преступник вместо ножа использовал отвертку, нанеся ею с полдюжины ударов и причинив тяжкие телесные повреждения молодой машинистке Секретариата ЦК КПСС. В другой раз убийца совершил нападение на проживавшую в Доме творчества

Союза художников СССР, расположенном в Загорске, жену известного художника. Женщина подверглась жестокому избиению, изнасилованию и затем была убита шестью ударами ножа. Во всех трех эпизодах преступник в присущей ему манере вырывал серьги из ушей, срывал кольца, ломая пальцы, вытряхивал содержимое сумочек и выворачивал карманы.

Пойман таинственный преступник оказался совершенно неожиданно как для следователей, так и для себя самого. Подвела его выработавшаяся на четвертом году криминальной карьеры самонадеянность и полная потеря осторожности. 19 декабря 1977 г. он совершил убийство женщины (с последующим совокуплением с трупом и ограблением) буквально в 200 м от места своей работы в котельной небольшого городка Софрино Загорского района Московской области. Убийца пьянствовал на своем рабочем месте вместе с товарищами всю ночь, а поутру отправился на поиски бутылки, чтобы «догнаться». Слоняясь по еще сонному городку, «Таганский маньяк» заметил женщину, направившуюся к железнодорожной станции через двор магазина «Хозтовары». Магазин в этот час был еще закрыт, людей вокруг вроде бы тоже не было, и преступник решился на нападение.

В своей привычной манере он быстро догнал жертву и без лишних разговоров нанес ей четыре удара ножом в плечо и шею. Женщина, отчаянно сопротивляясь, оцарапала левый висок напавшего — и это поранение впоследствии помогло изобличить преступника. Подавив сопротивление своей жертвы, убийца принялся было потрошить сумочку умиравшей женщины, но тут через двор магазина один за другим прошли несколько человек. Все эти люди, как и убитая женщина, спешили к железнодорожной станции и не могли не обратить внимания на странную пару: брюнета среднего роста в дорогой импортной вельветовой куртке с дамской сумочкой в руках и лежавшую перед ним женщину. Убийца, стремясь придать происходившему видимость безобидного недоразумения, принялся довольно натурально «ругаться» на жертву, изображая дело так, словно женщина пьяна, а он пытается поставить ее на ноги. Более того, он даже отчитал мужчину, остановившегося, чтобы понаблюдать за происходившим: дескать, что тарацишься, мужик, не видишь, что ли, перебрала моя подруга портвейна. Благодаря этому свидетели не только рассмотрели преступника, но и слышали его голос.

После того, как люди прошли к электричке, «Таганский маньяк» затащил тело своей жертвы за гору пустой тары и совершил половой акт с трупом. Преступник был до такой степени уверен в себе, что даже не озаботился сокрытием тела — он просто присыпал его шлаком из расположенной рядом кучи и отправился за водкой. Раздобыв пару бутылок, он вернулся в котельную к друзьям, где продолжил пьянку. Примечательно, что кровоточившую рану на виске заметили собутыльники и заинтересовались ее происхождением (в самом деле, где можно было за получасовое отсутствие поранить висок?), но даже это нисколько не смутило «Таганского маньяка».

Тело убитой им женщины было найдено в тот же день. Время преступления с точностью до минуты удалось установить без особых затруднений, так как маршрут движения погибшей женщины был хорошо известен ее близким. Обнаруженные во дворе магазина следы крови не оставляли сомнений в том, что преступление произошло именно здесь. Рядом с телом были найдены пустой кошелек, вывернутая дамская сумочка, косметичка, пудреница, тоненькая брошюра с расписанием подмосковных электричек. Опрос близких погибшей позволил установить перечень вещей, похищенных убийцей. Как оказалось, он забрал с собою золотые серьги, перстень, часы. Пропал и «строгий» собачий ошейник с шипами, который погибшая носила с собою. Прежде она уже подвергалась нападению хулигана и, используя ошейник как кастет, сумела дать отпор. Тяжелый ошейник, хотя и не являлся оружием, давал женщине ощущение безопасности, и она верила, что с его помощью сумеет постоять за себя. Но... не 19 декабря.

Опросив свидетелей, сотрудники уголовного розыска довольно быстро установили приметы молодого человека, которого видели во дворе магазина «Хозтовары» рядом с телом женщины. В описании его внешнего вида привлекла внимание одна интересная деталь: предполагаемый преступник был одет в вельветовую куртку на «рыбьем» меху длиной до талии на металллических пуговицах, выполненной по «джинсовому» крою, т. е. с клапанами на нагрудных карманах. Это была вещь по тем временам редкая и дорогая, купить такую можно было только у фарцовщиков и за очень большие деньги — 250–300 рублей (это примерно 2 месячных зарплаты инженера или 4 месячных

«Строгий» собачий ошейник, который последняя из жертв Евсеева носила с собою, дабы использовать при необходимости в качестве кастета. Как рассказали следователям подруги погибшей, ошейник однажды оправдал возлагавшиеся на него надежды и выручил владелицу в острой ситуации. И 19 декабря 1977 г. женщина тоже сумела ударить им противника, повредив кожу на его виске. Преступник оценил вещицу по достоинству и посчитал ошейник неплохим трофеем — если бы он только знал, что именно этот ошейник в конечном счете окажется той самой несокрушимой уликой, которая намертво свяжет его с убийством и предопределил вынесение смертного приговора!

ставки медсестры). Продолжая опросы местных жителей, сыщики установили, что обладатель заветной импортной куртки стоял в очереди в местный винно-водочный магазин, расположенный рядом с местом преступления. Местная алкашня, выбегавшая за утренним опохмелом уже в 8 часов, хорошо рассмотрела предполагаемого убийцу. Более того, пара свидетелей даже назвали этого человека — Борис Шахнов.

Начались лихорадочные поиски, но быстро выяснилось, что Шахнова ни 19, ни 20 декабря не видели ни на работе, ни дома. Лишь к вечеру 21 числа удалось более-менее прояснить судьбу этого человека. Оказалось, что 19 декабря его забрали в местный вытрезвитель, где ему стало плохо. Поскольку этот алкоголик имел порок сердца, о чем честно предупредил милиционеров из вытрезвителя, ему сразу же вызвали «скорую помощь», которая диагностировала у Шахнова стенокардический криз и увезла его в местную больницу. 22 декабря туда направилась целая бригада сотрудников уголовного розыска и милиции, но... оказалось, что в ночь с 21 на 22 подозреваемый из больницы сбежал. Как был — в больничных тапочках, пижаме и старом драгом халате. Было ясно, что в суровую декабрьскую ночь он не мог уйти сам собою, ему явно кто-то помог скрыться, принеся к больнице теплую одежду и обувь.

Однако в больничной камере хранения остались вещи, в которых Шахнов поступил на лечение. И среди них — та самая вельветовая куртка на «рыбьем» меху в «джинсовом» стиле песочно-бежевого цвета. А в ее кармане — нож с лезвием дли-

ной 18 см. Уже первоначальный осмотр позволил обнаружить на рукавах куртки бурые пятна, напоминавшие кровавые. Всю одежду Шахнова немедленно направили в криминалистическую лабораторию, и менее чем через сутки был получен первый результат: пятна на куртке действительно оказались кровавыми, причем кровь имела ту же групповую принадлежность, что и кровь убитой 19 декабря женщины. На ноже также имелась человеческая кровь той же групповой принадлежности, затекшая в щели в месте крепления лезвия и рукоятки. Между тем на брюках Шахнова не удалось обнаружить следов крови или биологических выделений, которые можно было бы связать с этим преступлением.

Шахнова искали по всей Московской области и Москве более суток, но он сам явился к себе домой, угодив прямо в милицейскую засаду. Услышав о подозрениях в свой адрес, бедолага-алкоголик не на шутку перепугался и моментально дал исчерпывающие объяснения по всем вопросам, интересовавшим сотрудников уголовного розыска. Оказалось, что из больницы он ушел потому, что почувствовал себя хорошо и устал «валяться без дела». Он позвонил друзьям-собутельникам и попросил встретить его у больничной ограды. Друзья принесли с собой одежду и обувь, он благополучно переоблачился и... отправился пить в дом одного из своих «спасителей». Напившись и проспавшись, он, наконец, решил вернуться домой проведать мамочку. О том, что его ищут органы следствия, Шахнов не знал и даже не думал скрываться от правоохранителей. Рассказал подозреваемый и о происхождении вельветовой куртки. Оказалось, что она появилась у него совершенно случайно: утром 19 декабря возле винно-водочного магазина он выпил с каким-то молодым мужчиной, который любезно угостил его пивом с водкой. В процессе непринужденного общения незнакомец подергал за полу старого пальто, в которое был облачен Шахнов, в результате чего оторвалась пуговица. Дабы искупить собственную неловкость незнакомец любезно предложил своему новому «настоящему другу» собственную одежду — модняцкую импортную куртку с металлическими пуговицами. Шахнов, разумеется, отказываться не стал: о такой вещице можно было только мечтать! Он обменялся одеждой с замечательным товарищем, после чего они расстались —

Шахнов остался пить дальше и угодил в итоге в вытрезвитель, а куда пошел собутыльник, он не знает.

Таким образом, к 24 декабря расследование вроде бы вернулось к отправной точке — винно-водочному магазину и незнакомцу возле него, но теперь следствие почти не сомневалось в том, что преступник как-то связан с Софрино и появился возле торговой точки неслучайно. Он чувствовал себя там как рыба в воде и явно бывал возле магазина прежде. Это предположение заставило вновь вернуться к допросам местных завсегдатаев, и в конечном счете настойчивость правоохранителей себя оправдала. Нашелся свидетель, припомнивший интересную деталь: в 1975 г. он видел молодого человека, отдавшего свою вельветовую куртку Шахнову, в электричке. Он ехал в одном вагоне со свидетелем и вышел на станции «Хотьково». Но главное в показаниях свидетеля заключалось в другом: таинственный даритель тогда был облачен в форму железнодорожного служащего!

Дальнейший розыск оказался делом милицейской техники. Получив доступ к картотеке отдела кадров железной дороги, оперативники уголовного розыска отобрали с десятков учетных карточек на мужчин в возрасте до 25 лет, работавших в штате в 1975 г. Их фотографии были предъявлены свидетелям, которые без колебаний опознали столь нужного правоохранителям человека. Звали его Андрей Николаевич Евсеев.

И 28 декабря 1977 г. по месту его жительства прибыла целая колонна автомашин различных подразделений прокуратуры и милиции. Хотя подозреваемому было всего 22 года, мало кто сомневался в том, что за ним тянется длинный след кровавых походов. Длинный настолько, что никто не мог сказать, где же он берет начало. Результат обыска оказался обескураживающим: единственным предметом, который предположительно связывал Евсеева с убийством 19 декабря, оказался «строгий» собачий ошейник, весьма напоминавший тот, что преступник забрал из сумочки погибшей женщины. Однако одной только находки ошейника оказалось явно недостаточно для того, чтобы уличить Евсеева в совершении этого убийства. Изделие это было массового производства, специфических следов не имело, так что говорить об однозначной принадлежности ошейника жертве преступления не приходилось.

Андрей Евсеев наряду с Юрием Раевским является, пожалуй, самым молодым из серийных убийц советской поры. В 1974 г. — в возрасте всего лишь 19 лет! — он совершил серию крайне дерзких и даже безрассудных нападений в Москве и после этого оставался не пойман более трех лет. Удивительно, но Евсева трудно назвать умным или хотя бы расчетливым преступником, скорее — наглым, непредсказуемым и до известной степени везучим. Но не более того... К расследованию преступлений Евсева отлично подходят слова из хорошо известного анекдота: «То, что вы на свободе — это не ваша заслуга, а наша недоработка!» Недоработок при изобличении Евсева, к сожалению, и впрямь было немало: чего только стоит небрежно проведенный обыск его квартиры, при котором десятки важнейших улик не были найдены! А ведь на тот момент арестованный уже подозревался в совершении умышленного убийства, сопряженного с изнасилованием, т. е. деяния особо опасного. Но короткий ум и длинный язык сыграли с арестованным серийным убийцей злую шутку, и своей болтовней в камере он компенсировал огрехи следствия. Впрочем, вполне возможно, что Евсеев совершил много больше преступлений, нежели те 32 нападения, с которыми его удалось связать. Но даже если это и так, точного числа мы не узнаем уже никогда.

Обыск по месту жительства Евсева был проведен чрезвычайно непрофессионально и, можно даже сказать, поверхностно. Не было проверено содержимое мешков и пакетов с сыпучими продуктами: мукой, крупами, сахаром, солью. Между тем это очень удобное и легкодоступное хранилище. Многие обыватели — и преступники в их числе — прячут ценные вещи среди продуктов питания. Опытный «домушник» при осуществлении квартирной кражи обязательно осмотрит холодильник, книги (между страниц нередко закладывают деньги) и рассыплет все сыпучие продукты. Еще в дореволюционное время молодые жандармские офицеры и чины сыскной полиции особо инструктировались о необходимости пересыпки во время обысков всех сыпучих продуктов. Но в декабре 1977 г. оперативники, проводившие обыск в квартире Андрея Евсева, пренебрегли

этим требованием, из-за чего следствие едва не лишилось важнейших улик.

Но тут допустил серьезный просчет сам Евсеев. Присущие всем психопатам нарциссизм и потребность демонстрировать собственное превосходство над окружающими сыграли с ним дурную шутку. Почувствовав на первом допросе, что весь обвинительный материал против него сводится к «строгому» ошейнику и вельветовой куртке, он пришел в хорошее расположение духа и повел себя крайне высокомерно: принялся шутить и ернически комментировать работу прокуратуры и милиции. Хорошее настроение не покинуло Евсеева и в камере СИЗО. 31 декабря в разговоре с сокамерниками он неосторожно пошутил насчет того, что его мамаша, видимо, сильно удивится, когда испечет для передачи ему «пирожки с брюликами». У Евсеева не было такого криминального опыта, как у убитого им рецидивиста Николая Демина, в противном случае он бы никогда не допустил такого опрометчивого высказывания. Внутрикамерный осведомитель, специально посаженный оперчастью СИЗО к арестантам для сбора сведений, представляющих оперативную ценность, немедленно связался со своим куратором и сообщил о странной фразе арестанта. И всем причастным к расследованию стало ясно, что важные улики надо искать в пищевых ингредиентах, используемых при изготовлении теста: в муке, сахаре, соде.

За несколько часов до наступления Нового года в квартире Евсеева начался новый обыск. Только теперь он носил «точечный» характер и в основном ограничился кухней. В мешке с мукою оказались обнаружены женские украшения: часики, кольца, сережки, кулоны — всего 24 предмета. Обнаружение этих улик сразу же расширило круг расследования, заставив подозревать, что Евсеев связан с другими преступлениями против женщин на территории Москвы и Московской области. Проверя происхождение каждой вещи, наличие алиби на даты совершения преступлений, проводя опознания свидетелями преступлений, следствие установило причастность Евсеева не менее чем к 32 нападениям на мужчин и женщин, в том числе и возле Таганской площади в Москве в октябре 1974 г.

Евсеев начал свой преступный путь в возрасте 19 лет, сделавшись на долгое время (наряду с Юрием Раевским) самым молодым серийным убийцей СССР. Он демонстрировал

редкостную неуживчивость, неспособность воспринять общепринятые нормы поведения и нормальные человеческие ценности. Школу Евсеев бросил по окончании седьмого класса, принялся бродяжничать, убежал из дому. Такое поведение привлекло к нему внимание сначала сотрудников детской комнаты милиции районного РУВД, а затем и психиатров, к которым трудный подросток был направлен для коррекции поведения. В конце концов — случилось это в 1972 г. — будущий убийца попал в местную психиатрическую больницу, где на протяжении двух месяцев переносил весьма болезненные процедуры. Примечательно, что врачи так и не смогли диагностировать у него какую-либо конкретную болезнь, хотя и описали целый букет девиаций.

Пример Евсеева лишний раз подтверждает то, что психопатия (и ее разновидность — социопатия) является не болезнью психики, а дефектом поведения. Евсеев всю свою жизнь был разумен, вменяем и адекватен. Из своего пребывания в больнице будущий преступник вынес весьма важный урок: он понял, что больше не хочет туда возвращаться, а для этого ему надлежит исключить из своего поведения наиболее вызывающие антисоциальные черты. С этого времени будущий убийца стал следить за собою, отпустил «бачки», принялся по утрам совершать пробежки на стадионе, взялся наращивать мышцы тренировками с гантелями. Знакомого спортсмена-самбиста попросил показать простейшие приемы самбо, которые старательно разучил и в дальнейшем не раз демонстрировал друзьям-собутыльникам. Он устроился на работу, правда, нигде надолго задержаться не мог ввиду присущих ему разбросанности в делах, небрежности и безответственности. За пять лет Евсеев сменил около 20 мест работы, перепробовав весьма широкий круг занятий (от натурщика в художественной мастерской до матроса «речного трамвая» в Москве). Последним местом его работы явилась котельная в Софрино.

Наряду с явно негативными социопатическими чертами поведение Евсеева имело и определенные позитивные элементы. Все знакомые преступника отмечали его открытость (разумеется, показную), добродушие, общительность. Он казался «своим в доску» парнем, всегда был готов прийти на помощь (правда, от его помощи толку, как правило, было мало, поскольку

Андрей быстро терял интерес к порученному делу и начинал им тяготиться, но если требовалось его разовое участие, например, в переноске мебели при переезде, то Евсеев охотно помогал). Кроме того, сильной чертой характера убийцы, быстро вызывавшей симпатию, являлось отсутствие жадности, готовность поделиться. Последнее качество особенно ценилось его друзьями-собутельниками, вечно нуждавшимися в «трешке до полочки». Евсеев спокойно ссужал дружков деньгами и никогда «не напрягал» с отдачей долгов. Убийца поддерживал интимные отношения с несколькими женщинами «не очень строгого поведения», и все они говорили о его щедрости и любви дарить подарки (подобно большинству серийных убийц, Евсеев предпочитал своим любовницам дарить украшения и бижутерию, снятые с тел своих жертв). Надо сказать, что подобный набор поведенческих черт демонстрируют многие психо- и социопаты: в глазах друзей и соседей они нередко предстают эдакими «отличными ребятами», жизнерадостными и оптимистичными бодрячками, готовыми поддержать словом и делом, в то время как присущая им социальная деструктивность, неорганизованность и лень раскрываются в полной мере лишь перед членами семьи и лицами, связанными с ними по работе.

По своей криминальной типологии Евсеев, безусловно, должен быть отнесен к организованным несоциальным убийцам. Его криминальный почерк характеризовался методичностью исполнения выработанного плана и тщательностью подготовки; преступник обдумывал детали одежды, в которую будет одет при нападении, и то, как замаскирует возможные следы крови на ней, рассчитывал время нападения таким образом, чтобы успеть приехать домой на последней электричке; он приносил и уносил с собою оружие (последний момент следует считать очень важным для правильной классификации типа серийного убийцы) и прочее. Хотя отдельные элементы поведения в момент совершения преступления вроде бы характеризуют Евсева как дезорганизованного асоциального убийцу (например, он не пытался связывать свои жертвы и не разговаривал с ними, либо разговор его был минимален), но на самом деле они свидетельствуют лишь о том, что убийца не задавался целью манипулировать жертвой. Подавляющее большинство серийных убийц получают удовольствие от унижения жертвы и помыкания ею (в том числе

и сексуального унижения), но Евсеева интересовало нечто иное: его привлекал сам процесс убийства, ощущение полной власти над человеческой жизнью.

На первый взгляд может показаться, что главным мотивом, которым руководствовался преступник, является корысть и Евсеев всего лишь жестокий грабитель. Он, действительно, забирал изделия из золота и наличные деньги, которые находил у людей, оказавшихся невольными жертвами его прихоти. Но такая трактовка мотивации Евсеева грешит все же значительным упрощением тех желаний, что двигали «Таганским маньяком». В декабре 1977 г. у Евсеева нашли украшения, которые он забирал у жертв нападений еще в сентябре-октябре 1974 г., т. е. он их хранил более трех лет! Многие украшения преступник дарил своим друзьям и подругам, что тоже противоречит предположению о сугубо меркантильной мотивации нападений. На самом же деле золото и деньги являлись для преступника лишь своеобразным «бонусом», но никак не самоцелью. Его, безусловно, прельщал сам акт убийства, возможность взять в свои руки право распоряжаться чужой жизнью.

Евсеев — классический «дестройер», наслаждавшийся ощущением власти над беззащитным человеком. Пол жертвы для него не играл существенной роли, он был готов убивать и мужчин, однако выяснив опытным путем, что мужчины представляют собою куда более опасную мишень, чем женщины, сосредоточил весь свой интерес на последних. «Всеядность», готовность убивать любую доступную жертву — характерная черта именно убийц-«дестройеров» (например, подобную всеядность демонстрировал другой отечественный убийца-«дестройер» Сергей Ряховский, жертвами которого становились и женщины, и мальчики, и зрелые мужчины, и даже 73-летний старик). Другим важным признаком такого рода серийного убийцы является отсутствие четко выраженного сексуального мотива посягательства. «Дестройеры» очень часто не насилуют своих жертв и вообще не совершают над ними никаких сексуальных манипуляций (например, другой известный отечественный «дестройер» Юрий Гриценко, бывший женщин по голове молотком и убежавший с их сумочками и зонтами, разыскивался как банальный грабитель). Несмотря на кажущееся отсутствие в действиях «дестройера» сексуального мотива, он все же

существует, просто его реализация имеет отложенный характер: «дестройер», как правило, занимается мастурбацией, вспоминая совершенное убийство, но делает это не прямо на месте преступления, а в безопасной обстановке и спустя некоторое время после нападения.

Из 32 эпизодов, ответственность за которые в итоге принял на себя Евсеев, лишь в двух случаях имели место половые акты преступника с жертвой. Это были последние эпизоды, они относились к ноябрю—декабрю 1977 г. В обоих случаях Евсеев оказывался сильно пьян, половые акты он совершил уже после нанесения женщинам смертельных ранений; фактически он совокуплялся с трупами, что заставляет подозревать усиление некрофильских наклонностей у преступника. Оба преступления совершались неподалеку от места проживания Евсеева, что вообще-то следует признать нехарактерным для его манеры криминальных действий: обычно для своих преступных вылазок он выезжал в другие районы Московской области и в Москву, руководствуясь, очевидно, принципом «Где живешь — там не гадишь». Кроме того, свое последнее нападение убийца совершил рано утром, что также следует признать крайне нетипичным для него (большинство из известных преступлений Евсеева локализованы в интервале 19:00—24:00).

Эти значительные изменения преступного почерка (совокупления с трупами, нападения в ближайших окрестностях от места проживания, сдвиг по времени) объясняются, скорее всего, чрезмерным употреблением спиртного. В последний год пребывания на свободе Евсеев практически постоянно был «на кочерге». Алкогольное опьянение помогало бороться с дисфорией, но одновременно и снижало самоконтроль. Именно утрата самоконтроля в конечном счете и привела преступника к совершению фатальных для него ошибок. Вместе с тем данное наблюдение показывает справедливость хорошо известного ограничения применимости метода «построения поискового психологического портрета», разработанного криминалистами ФБР США. Речь идет о некорректности данного метода в отношении лиц, совершающих преступления в состоянии наркотического или алкогольного опьянения (т. е. измененного сознания). Причина подобной некорректности заключается в том, что преступник в измененном сознании действует в нетипичной

для него манере, выбирает неоптимальные и нелогичные решения, которые сам же потом не может объяснить.

Преступления Евсеева могли бы дать отечественным криминалистам и криминальным психологам много ценнейшей информации о различных феноменах, связанных с серийной преступностью, однако в СССР просто не нашлось специалистов, способных такую информацию воспринять и должным образом обработать. Евсеев был классифицирован как банальный уличный грабитель, ну, может, просто более жестокий и удачливый, нежели основная масса таковых... Когда на допросах он утверждал, что выходил на свою охоту вовсе не из-за нехватки денег, ему не верили, считая, что он просто «косит под психа». Свое нападение в окрестностях Таганской площади Евсеев объяснил жадной славой, стремлением посеять ужас среди москвичек, дабы впредь они при виде ножа сразу же отдавали сумочки — и такое объяснение следствие тоже сочло малодостоверным. Между тем с точки зрения современных представлений можно почти не сомневаться в правдивости Евсеева — он убивал просто потому, что ему нравилось охотиться на людей...

Разоблачение Евсеева оказалось во многом случайно: его подвела собственная самонадеянность, утрата всякой осторожности, пренебрежение выработанными собственной же практикой мерами безопасности. Правоохранительная же система СССР в который раз продемонстрировала неготовность противостоять новым криминальным вызовам. Лучшие сыщики страны по подсказке лучших психологов искали а) фетишиста (но Евсеев не был фетишистом), б) грабителя (но Евсеев не был классическим грабителем), в) психически больного человека (но «Таганский маньяк» не был таковым в строгом медицинском понимании этих слов). Не будет ошибкой сказать: отечественные правоохранительные органы понятия не имели, кого же они ищут.

При этом необходимо заметить, что Евсеев, в общем-то, действовал довольно грубо, небрежно, зачастую оставляя множество следов. О том, что «Таганского маньяка» видели люди во время его нападений 8 октября 1974 г., уже было написано выше, но это, кстати, отнюдь не самый показательный случай. В другой раз — также во время октябрьских нападений осенью 1974 г. — убийца погнался за жертвой, вошедшей в здание рабочего общежития, пробежал мимо женщины-вахтера, догнал девушку на лестнице,

зарезал ее там (14 ножевых ранений в лицо, шею и плечи!), а потом, залитый кровью жертвы, спокойно вышел на улицу. Опять-таки мимо вахтера и людей, входивших в это время в общежитие. И в этом случае свидетели дали отличное описание нападавшего, только это ничуть не помогло его розыску.

Примечательно, что Евсеев даже и не особенно прятался — жил с матерью в Хотьково, документов не менял, в иные населенные пункты на постоянное жительство не переезжал... Трудно отделаться от ощущения, что его вообще не очень-то искали. Удастся поймать по горячим следам — отлично, ну, а если не удастся, что ж, подождем до следующего раза, может, наконец-то, проколется. Никто из бывших правоохранителей в этом, конечно, сейчас уже не сознается, но примерно таковой была порочная логика следственной машины.

Нельзя не отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Формально Евсеев был признан виновным в 32 эпизодах грабежей и убийств, однако важно отметить, что высокая активность преступника (примерно одно нападение в неделю) была отмечена в самом начале и конце его криминального пути: При этом довольно большой промежуток времени — более чем в 30 месяцев — оказался интервалом низкой активности или даже полного бездействия убийцы. Между тем возникновение таких «пауз» весьма нехарактерно для серийных преступников. Их активность имеет циклический характер, зависит от многих причин и обстоятельств как объективного, так и субъективного плана, но на больших интервалах времени она почти никогда не падает до нуля. Другими словами, если рассматривать активность серийного преступника на протяжении нескольких лет, то окажется, что она колеблется вокруг некоей довольно постоянной величины. Начав однажды убивать, серийный убийца уже не останавливается. Из этого правила известны всего несколько исключений, и их редкость лишь подтверждает его справедливость. Если же кажется, что серийный преступник вдруг добровольно прекратил свою «охоту», то, скорее всего, его нападения просто остались неизвестны правоохранительным органам. Это наблюдение с полным правом может быть отнесено к ситуации с Евсеевым: необъяснимое снижение его криминальной активности может быть связано вовсе не с тем, что с ноября 1974 г. по ноябрь 1977 г. он действительно «залег

на дно». На самом деле никакого спада вовсе и не было, просто нападения Евсеева, совершенные в этот отрезок времени, либо остались не зарегистрированы органами охраны правопорядка, либо его причастность к ним попросту не рассматривалась. Преступления могли считаться раскрытыми, и те, кого обвинили в их совершении, уже находились в местах лишения свободы.

Если так работала правоохранительная система в Москве и Московской области, без преувеличения сказать, в самом центре огромной страны, то что же тогда творилось на ее периферии?

Завершая рассказ об Андрее Николаевиче Евсееве, остается добавить, что в октябре 1978 г. он был приговорен к высшей мере наказания, прошение о помиловании подать отказался, и в сентябре следующего года был расстрелян.

Глава 8. Чикатило. Нерассказанная история «Ростовского монстра»

Об Андрее Романовиче Чикатило написаны десятки книг, журнальных и газетных статей, снято множество документальных фильмов и тысячи телерепортажей. На попрание создания легенд об этом необыкновенном преступнике отметились даже иностранные писатели и журналисты. На многих зарубежных интернет-сайтах, связанных с криминальной тематикой, присутствуют материалы разной степени достоверности, посвященные Чикатило и его кровавому пути. В каком-то смысле он сделался первым «уголовным брендом» Советского Союза и России, еще до того, как на Западе услышали о Япончике.

В самом Советском Союзе к Чикатило очень быстро стали относиться как к персонажу фольклорному, а не чисто уголовному. Трансформация эта оказалась довольно необычной и, возможно, какой-нибудь культуролог еще возьмется изучить этот феномен. О жестоком убийце стали говорить иронично и издевательски еще при жизни. Сейчас мало кто вспомнит, а ведь пословица «Чтоб с тобой такое было, как с Андреем Чикатило» сделалась довольно расхожей в начале 1990-х гг. Так обычно говорили тем, кто не платил по долгам или допускал какую-то несправедливость. Мой товарищ, полный тезка маньяка, долгие годы шуточно представлялся при знакомстве: «Меня зовут Андрей Романович, но я не Чикатило», и это никому не казалось вздорным или неуместным. А жители Ростова-на-Дону долгое время шутили о «маршрутах к маньяку» — так говорили об общественном транспорте, проходившем поблизости от Ботанического сада и парка Авиаторов, в которых Чикатило совершил некоторые из своих преступлений. Если компания собиралась на прогулку или пикник в один из этих парков, то об этом так и говорили: «Идем в гости к Чикатило». Убийца, еще сидевший в камере смертников Новочеркасской тюрьмы

в ожидании казни, долгое время был объектом народного мифотворчества и словно бы по-прежнему оставался на свободе. Наверное потому, что с его арестом жители Ростовской области вовсе не стали чувствовать себя в большей безопасности.

В общем, Андрей Романович Чикатило, без всяких сомнений, является самым известным в России и за рубежом преступником советской поры. Но вместе с тем, он — и самый неизвестный, потому что официальная история его преступлений при внимательном ее изучении выглядит до того странной и полной разного рода нестыковок и недоговоренностей, что трудно отделаться от ощущения, будто к самому Чикатило она имеет отношение весьма опосредственное. Попробуем проанализировать криминальный путь Чикатило, исходя из современных представлений о специфике серийной преступности и личности преступников.

Ростовский областной суд признал Чикатило виновным в убийствах 21 мальчика в возрасте от 6 до 16 лет, 14 девочек в возрасте от 9 до 17 лет и 17 девушек и женщин. Таким образом, суд посчитал доказанным 52 эпизода убийств, совершенных в интервале с 1978 г. по 1990 г. Опираясь именно на этот официальный «мартиролог», мы и построим свой анализ криминального пути самого известного серийного преступника Советского Союза.

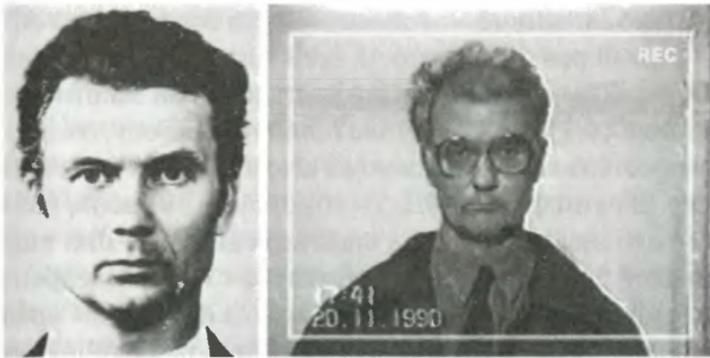
Сразу оговоримся, что помимо убийств более чем полусотни людей, суд также посчитал доказанными факты развратных действий Чикатило, имевших место в 1973—1980 гг. Так, в мае 1973 г. Чикатило, будучи старшим воспитателем школы-интерната № 32 в г. Новошахтинске, домогался 16-летней Костиной Любы во время купания. Выразилось это в нескромных прикосновениях и попытках раздеть девушку. Буквально через десять дней последовал эпизод с приставаниями в классе к 14-летней Анне Гульцевой. В конце лета все того же 1973 г. имели место домогательства племянницы жены — Марины Одначевой, которой в тот момент и было всего-то 6 лет. Через 5 лет последовали новые приставания к повзрослевшей уже девочке, теперь Чикатило демонстрировал ей свои половые органы.

В том же 1978 г. имел место еще один инцидент, связанный с Чикатило. Работая воспитателем в ГПТУ-33 в г. Шахты, он дважды входил ночью в комнату к одному из воспитанников и сошел с ним половой член. Спящий юноша, которому к тому времени

уже исполнилось 15 лет, от подобных инициатив педагога просыпался и, разумеется, он рассказал товарищам о странном и постыдном поведении Андрея Романовича. История наделала среди соучеников немалый переполох — они стали издеваться над Чикатило и даже позволяли себе пнуть его или ударить рукой. Узнал о проделках воспитателя и педагогический коллектив, но... как это часто бывало в эпоху «развитого социализма», сор из избы было решено не выносить. Никаких дисциплинарных воздействий на педофила не было оказано, да и оргвыводов не последовало. В общем, все всё знали, но делали вид, будто ничего особого не происходит.

В общем, Чикатило все сходило с рук, и неудивительно, что летом 1980 г. он попал в новую историю, связанную с растлением детей. На этот раз немолодой дядька — а родился он в октябре 1936 г., и на тот момент ему уже шел 44-й год! — зазвал в свою квартиру в г. Шахты трех девочек (двум по 6 лет, одной — 4 годика) и принялся их раздевать и шупать. В общем, Чикатило действовал как педофил, т. е. лицо с устойчивой направленностью сексуального влечения на детей и подростков. Таких педофилов называют фиксированными (в отличие от ситуационных, которые совершают сексуальные посягательства под воздействием сиюминутной потребности и отсутствия других доступных объектов удовлетворения похоти). Кстати, в том, что Андрей Романович демонстрировал половое влечение как к девочкам, так и юношам, нет никакого противоречия. Для фиксированного педофила нет половой разницы между детьми, такого рода извращенцы иногда даже говорят, что дети — это существа «третьего пола», давая тем самым понять, что отделяют их и от мужчин, и от женщин.

Это первый чрезвычайно интересный момент, на который нельзя не обратить внимания в истории криминальных походов Чикатило. Но имеются и иные. Фиксированные педофилы не интересуются взрослыми, нормально сформировавшимися людьми, между тем в мартиролог Чикатило записано 17 девушек и женщин старше 17 лет. Это, вообще-то, очень серьезное противоречие, которое, однако, прошло мимо внимания следствия и суда. Кроме того, педофилы чрезвычайно активны в поисках и соблазнении новых потенциальных партнеров, достоверно известно, что отдельные преступники умудрялись развращать

Чикатило Андрей Романович. Фотография слева датируется примерно 1978 г., т. е. временем, когда Чикатило, по официальной версии, только начинал свой путь убийцы. Фотография справа — кадр видеозаписи, сделанной через два часа после задержания в кабинете начальника УВД по Ростовской области М. Г. Фетисова. Между этими фотографиями 12 лет — весь преступный путь уместился в этот интервал. Фотография справа очень интересна, по выражению лица можно понять состояние Чикатило — он сосредоточен, сдержан и флегматичен. Исса Костоев, руководитель следственной группы, плотно работавший с задержанным на протяжении многих месяцев, впоследствии вспоминал, что Чикатило после завершения всех формальных процедур полностью ушел в себя и стал совершенно неконтактным. Он просто молчал на протяжении многих часов, никак не реагируя на задаваемые вопросы и приводимые доводы. Об этой удивительной способности Чикатило «отключаться от происходящего» в ходе следствия и суда говорили многие, знавшие его лично. В приговоре Ростовского областного суда, например, зафиксированы такие безызыскные характеристики подсудимого: «робот-исполнитель», «абсолютно равнодушно относится к упрекам в свой адрес», «у Чикатило железные нервы, ни в какие обмороки после критики он не падает, об этом даже смешно подумать тем, кто его знает» (листы 202–203).

более сотни девочек и мальчиков, неустанно действуя на протяжении многих лет и даже десятилетий. В случае с Чикатило мы видим большие перерывы между отдельными попытками развратных действий, но это противоречит современным представлениям о криминальной активности педофилов. Подобная нестыковка косвенно указывает на очевидную неполноту сведений о поведении Чикатило в 1970-х гг., собранных следствием. Можно не сомневаться в том, что разного рода попыток сексуальных контактов с детьми и подростками Чикатило предпринял в те годы великое множество, только они остались неизвестны правоохранительным органам, которые явно сочли их мало-значительными на фоне огромного числа тех особо тяжких преступлений, что инкриминировались обвиняемому.

Как посчитало следствие — и областной суд согласился с обвинением — свое первое убийство Андрей Чикатило совершил 22 декабря 1978 г. Жертвой маньяка тогда стала Елена Закотнова, родившаяся в ноябре 1969 г. Следствие пришло к выводу, согласно которому преступник познакомился с девочкой на трамвайной остановке «Трампарк» в г. Шахты около 18–19 часов, хотя одноклассницы Лены утверждали впоследствии, что она еще за несколько дней до гибели начала общаться с неким «дедом», угощавшим ее жевательной резинкой. Рассказ про «деда» вряд ли был выдумкой, поскольку девочка демонстрировала подругам эту самую жевательную резинку, являвшуюся по тем временам настоящей диковинкой (выпуск в СССР жевательной резинки был налажен только к Олимпиаде–80, а до той поры вся она привозилась из-за рубежа и была чрезвычайно редка в советской глубинке). Следствие утверждало, что убийца увел Лену Закотнову с остановки в дом № 26 по Межевому переулку, который купил втайне от семьи ранее. Там Чикатило предпринял попытку ее изнасиловать, душил, нанес 3 ножевых ранения в живот. Впоследствии тело оказалось обнаружено в речке Грушовка, вдоль которой тянулся Межевой переулок.

Погибшая была полностью одета и на верхней одежде отсутствовали следы ножевых ранений. Это означало, что девочка была одета посмертно. Травмированные половые органы и область заднего прохода свидетельствовали о манипуляциях сексуального характера. В убийстве был обвинен судимый ранее Александр Петрович Кравченко, только недавно вернувшийся из мест лишения свободы, где он отбывал 10-летний срок за изнасилование и убийство девочки (его бы приговорили за подобное к расстрелу, но Кравченко на момент совершения преступления был несовершеннолетним, а для лиц этой категории максимальное наказание ограничивалось 10-летним сроком). Хотя Александр имел алиби, это ему не помогло. Женщины, обеспечившие ему алиби, под давлением следствия изменили показания, что деморализовало подозреваемого. В какой-то момент Кравченко перестал защищаться и признал свою вину. Правда, несмотря на сознание, уголовное дело дважды возвращалось на следствие, а после его формального проведения — снова в суд. В конечном счете, с третьего захода Ростовский областной суд под председательством В. В. Постановова приговорил

Кравченко к смертной казни, а Верховный Суд РСФСР (председательствующий Р. М. Смаков) приговор этот утвердил. Кравченко был расстрелян 23 марта 1983 г.

Помимо Кравченко, перспективным подозреваемым представлялся еще один мужчина, 50-летний работник трамвайного парка, признавшийся в убийстве друзьям в ходе застолья. До него, однако, правоохранители добраться не успели — после Нового года тот отправился в гости к дочери в город Черкесск, там запил горькую и... неожиданно для всех покончил с собою, повесившись в уборной.

Следствие с самого начала располагало сведениями, позволявшими заподозрить причастность Чикатило к гибели Лены Закотновой. В частности, оперработники выявили свидетелей, видевших свет в доме № 26, который горел всю ночь. Удалось найти свидетельницу, видевшую человека, уводившего Лену с остановки; благодаря ей удалось составить субъективный портрет, очень точно соответствовавший внешности Чикатило. Наконец, следы крови были обнаружены на снегу рядом с участком, на котором стоял дом № 26 (впоследствии, правда, работники горпрокуратуры утверждали, будто кровь принадлежала животному, но результаты соответствующей экспертизы из материалов дела странным образом исчезли). Чикатило был допрошен в качестве свидетеля и возбудил определенные подозрения тем, что признался в тайном приобретении дома — такое поведение для нормального семьянина выглядело довольно странно. Однако все эти материалы исчезли из уголовного дела после признания Кравченко — дело явно «подчистили» к суду, дабы обвиняемый не вычитал в нем лишнего и не принялся слишком усердно защищаться во время процесса, вскрывая недоработки и ляпы нерадивых «следаков». Это довольно типичная практика той поры, можно даже сказать, заурядная для советской правоохранительной системы история.

После задержания Чикатило в 1990 г. никто не связывал его с давно забытым к тому времени убийством. Сам преступник тоже о нем заговорил не сразу. Широко известно, что на девятый день с момента задержания, 29 ноября Чикатило много часов разговаривал с психиатром Бухановским и именно тогда впервые сделал добровольное признание в совершении некоторых убийств. Гораздо менее известно другое: во время этой беседы

Кравченко Александр Петрович, родившийся в феврале 1953 г., на момент убийства Елены Закотновой проживал с женой в доме № 19 по Межевому переулку в г. Шахты. Александр был прежде судим за убийство, и это сразу же привлекло к нему внимание следователей. 13 июля 1970 г. Кравченко жестоко изнасиловал несовершеннолетнюю Галю Ципляк, выколол глаза и нанес множественные ножевые ранения, от которых жертва скончалась. Труп убитой преступник закопал. Будучи на момент совершения убийства несовершеннолетним, Кравченко отделился 10-летним лишением свободы, причем срок отбыл не полностью и в августе 1976 г. был условно освобожден. При обыске дома Кравченко в феврале 1979 г. на чердаке были обнаружены ворованные вещи, что дало следствию формальный повод арестовать Александра. Судебно-медицинское исследование показало, что сперма, обнаруженная на трупе и вещах Закотновой, происходит от лица, имеющего ту же группу крови, что и Кравченко. На свитере подозреваемого было выявлено пятно крови, имеющее ту же групповую принадлежность, что и кровь Закотновой. Хотя Кравченко утверждал, что имеет алиби, следствие доказало несостоятельность этого заявления. В марте 1982 г. Александр был приговорен к высшей мере наказания и через год расстрелян. Уже после изобличения Чикатило материалы по делу Кравченко были критически проанализированы, в результате чего была доказана их грубая фальсификация и использование незаконных методов ведения следствия: оказание физического воздействия на подозреваемого, запугивание и заключение под стражу свидетелей с целью изменения их показаний и т. п. К сожалению, использование подобного рода приемов являлось для советской правоохранительной системы скорее нормой, нежели исключением, что самым пагубным образом отражалось на качестве ее работы.

Чикатило не сознавался в убийстве Закотновой. Согласно его признанию свое первое убийство он совершил в 1981 г. — об этом доподлинно известно из письменного заявления Бухановского в адрес Ростовского областного суда, поданного во время процесса над Чикатило.

Если следовать официальной версии событий, через некоторое время Андрей Романович сам, безо всякого внешнего побуждения, заговорил об убийстве девочки в 1978 г., совершенном в его доме в Межевом переулке. Следственная группа очень

хотела найти хоть какие-то улики, изобличающие Чикатило в совершении этого преступления. В надежде отыскать следы затекшей между половиц крови убитой девочки, в доме № 26 был поднят настил пола — крови на нем и под ним не оказалось. В поисках тайника была полностью разобрана печка — тоже безрезультатно. Во время судебного процесса Чикатило отказался от сделанного во время следствия признания в убийстве, хотя суд и не принял во внимание этот отказ. Однако позже Верховный Суд Российской Федерации, рассматривавший кассационные жалобы на обвинительный приговор Ростовского областного суда, посчитал вину Чикатило недоказанной.

Получился довольно любопытный казус — Александр Кравченко был реабилитирован, как обвиненный в убийстве Елены Закотновой с грубыми нарушениями социалистической законности, а вот вину Андрея Чикатило доказать так и не удалось.

После убийства Лены Закотновой, если верить выработанной следствием версии событий, преступник не демонстрировал криминальной активности 32 месяца, вплоть до сентября 1981 г. Перерыв для серийного убийцы очень большой — об этом может судить и сам читатель, в настоящей книге приведено достаточно реальных примеров того, как распределяется во времени криминальная активность такого рода преступников. Для обоснования столь очевидной странности в поведении было придумано следующее объяснение: Чикатило испугался внимания к собственной персоне во время расследования убийства Лены Закотновой и «затихарился». Он понял, что нельзя убивать поблизости от дома и для этого надо искать работу, связанную с дальними разъездами. Именно с этой целью он отказался от педагогической деятельности и подался в «снабженцы» — такая работа позволяла ему подолгу находиться вне дома, не вызывая особых подозрений. В начале марта 1981 г. — посреди учебного года — Чикатило уволился из ГПТУ-33, в котором работал с 1978 г., и 2 марта оформился инженером отдела снабжения п/о «Ростовнеруз» (должность начальника отдела долгое время оставалась вакантной, так что Чикатило неофициально выполнял его обязанности и действовал довольно автономно).

Объяснение это следует признать довольно странным, из ряда таких, которые ничего не объясняют. Прежде всего, если

Чикатило действительно мешала его педагогическая работа, якобы привязывавшая к одному месту, то непонятно, почему он так долго работал в ГПТУ-33. А ведь после убийства Закотновой он отработал там весь 1979-й и 1980 гг.! Кроме того, работа в ГПТУ-33 не особенно сковывала мобильность Чикатило, он ведь пользовался длительными педагогическими отпусками в летнее время. Перед самой Олимпиадой 1980 г., например, побывал в Москве и купил там ту самую рубашку с олимпийской символикой, в которой через 12 лет его увидит вся страна на фотографиях из зала суда (кстати, это отличный пример удивительной привязчивости Чикатило к вещам и его бережливости, ведь 12 лет для мужской рубашки — это срок! Впрочем, об этом поговорим в своем месте.). Если Чикатило для совершения убийств не хватало мобильности и возможности разъезжать по долам и весям Ростовской области, то почему он совершил первое убийство лишь спустя полгода со времени перехода в отдел снабжения? Ведь для серийного преступника подготовка и реализация замысла — это смысл существования, этому подчинено все в его жизни...

Официальная версия событий считает, что 3 сентября 1981 г. Андрей Романович Чикатило повстречал на улице Энгельса в г. Ростове-на-Дону 17-летнюю Ларису Ткаченко, только-только поступившую в ГПТУ-58. Девушка и ее семья переехали в Ростовскую область из Молдавии, и Лариса плохо ориентировалась в крупном городе. Девушке предстояло отправиться на сельхозработы вместе с другими учащимися — это была норма для того времени. Преступник уговорил Ларису прогуляться вместе с ним на левый берег Дона и там, в зеленой зоне, неподалеку от кафе «Напри» внезапно напал на нее.

После избиения жертвы и подавления ее воли к сопротивлению, преступник принялся срывать с нее одежду и, распалившись при виде обнаженного тела, отгрыз сосок правой груди. После этого он задушил Ларису руками. Впоследствии судебно-медицинская экспертиза обнаружила во влагалище и прямой кишке погибшей мелкие кусочки дерева и повреждения тканей на протяжении 7 см от места входа. Это означало, что убийца вводил в полости жертвы палку. Тело было найдено 4 сентября 1981 г., на следующий день после убийства. Одежду отыскать не удалось, это означало, что преступник ее унес и спрятал.

Убийство Ларисы Ткаченко по делу «Лесополоса» не проходило и в вину Чикатило не вменялось — он сам после ареста сделал признание в совершении убийства на левом берегу Дона в начале осени 1981 г. При этом утверждал, что одежду не прятал, а разбрасывал, когда, плохо управляя собой, метался по месту преступления в состоянии крайнего перевозбуждения. Кстати, и во многих других случаях Чикатило отрицал, будто принимал особые усилия по сокрытию одежды жертв. Все это «сокрытие» сводилось к тому, что он выбрасывал ее в кусты на обратном пути от места преступления. Нельзя не отметить и другие немаловажные элементы поведения убийцы Ларисы: например, он вводил в полости жертвы палку, а такого рода манипуляции были нехарактерны для преступлений, инкриминируемых Чикатило. Кроме того, для умерщвления жертвы тот пользовался ножом, нанося большое количество неконтролируемых уколов и порезов, другими словами, душение руками можно считать нехарактерным для него способом убийства.

Во время судебного процесса Чикатило заявил, что его сознание в убийстве Ларисы Ткаченко во время предварительного следствия — самооговор. Областной суд проигнорировал это утверждение, посчитав, что в период следствия вина подсудимого раскрыта убедительно и исчерпывающе, однако Верховный Суд РФ рассудил иначе и эпизод с убийством Ларисы Ткаченко был исключен из приговора за недоказанность.

Далее, если опять-таки следовать официальному изложению последовательности событий, убийца воздерживался от новых посягательств почти 9 месяцев. Следующей его жертвой стала 13-летняя Люба Бирюк. Произошло преступление 12 июня 1982 г. Последний раз девочка была замечена неподалеку от автобусной станции в поселке Донской Октябрьского района Ростовской области, она возвращалась из магазина, куда ходила по поручению матери за мелкими покупками. Чикатило следил за девочкой, шедшей вдоль дороги, издалека и, увидев момент, когда рядом не было транспорта, силой затащил ее в лесополосу, где попытался изнасиловать. Однако половой акт осуществить не смог — не наступила эрекция.

Тогда он стал избивать жертву и хаотично наносить удары ножом. Впоследствии судмедэкспертиза зафиксировала на теле погибшей 44 ножевых ранения (22 удара ножом пришлось в голову,

из которых 6 — в левую височную область и 4 — в оба глаза; на шее 2 ножевые раны, на груди — 4 и т. д.). Кроме того, убийца с большой силой колотил рукоятью ножа по голове жертвы, отчего на костях черепа были обнаружены 16 вдавлений. Убийца получил сексуальную разрядку во время агонии жертвы, хотя и произошло это без полового акта.

Девочку стали искать почти сразу же, активно этим занялся ее отчим. Тело, однако, было найдено только 27 июня 1982 г., т. е. спустя более двух недель со времени убийства. В условиях жаркого донского лета оно подверглось сильным посмертным изменениям. Чикатило, согласно его признательным показаниям, унес одежду убитой им девочки на большое расстояние и выбросил по пути. Впоследствии была найдена желтая сумка, которую несла Люба; в этой сумке остались даже сигареты, которые девочка успела купить за четверть часа до смерти. Неподалеку оказалась и одна из босоножек, бывших на ногах Любы в тот день. Прочую одежду отыскать так и не удалось.

Следующее убийство — четвертое по счету — Чикатило совершил 25 июля 1982 г. в г. Краснодаре. Там Чикатило с 21 июля находился в отпуске на курорте «Горячий ключ» и разъезжал по городу в поисках жертвы. Таковой оказалась Люба Волобуева, 14-летняя девочка из Новокузнецка. Она приехала в Краснодар 25 июля и собиралась отправиться далее к родственникам в г. Тимашовск Краснодарского края.

Чикатило познакомился с девочкой и заманил ее в пустынное место возле мастерских ОПХ «Рассвет». Там он раздел жертву, связал руки ее же собственным полотенцем и платком, но, несмотря на крайнее возбуждение, половой акт совершить так и не смог (Это, кстати, вообще характерно для всех его посягательств — в силу присущей Чикатило половой слабости он испытывал кратковременную эрекцию, которая быстро завершалась вялым семяизвержением. Половой акт Чикатило просто не успевал осуществить, однако на месте преступления и на трупе часто оставалась его сперма. Более того, Чикатило обмазывал спермой пальцы и в процессе убийства вводил их в полости жертвы, в силу чего судебно-медицинская экспертиза иногда обнаруживала сперму внутри тел убитых.).

Убийца нанес жертве 7 ножевых ранений, вырезал часть влагалища, промежность, анус и фрагмент прямой кишки.

Одежду разбросал примерно в 15 м от трупа, где ее и нашли впоследствии. Тело было обнаружено 7 августа в состоянии сильного разложения.

Убийство Любы Волобуевой расследовалось вне литерного дела «Лесополоса» и никак не связывалось с действиями Чикатило. Кстати, все материалы уголовного расследования были безвозвратно утрачены в 1986 г. После своего ареста Чикатило добровольно признался в данном убийстве в собственноручно написанном заявлении на имя Прокурора РСФСР. Вина Чикатило в содеянном бесспорна, в том числе и потому, что во время следствия он сообщил значимые детали преступления, которые не мог знать посторонний. В частности, убийца припомнил то, что на месте убийства в 1982 г. были заросли сорго, к 1990 г. уже исчезнувшие. При проверке эта деталь подтвердилась.

Следующее преступление произошло 13 августа 1982 г. также в Краснодаре. На этот раз жертвой Чикатило стал Олег Пожидаев, мальчик 9 лет (в материалах уголовного дела встречается ошибочное написание фамилии «Поджижаев»). Знакомство Чикатило с жертвой произошло в автобусе, мальчик направлялся к реке Кубань, где собирался искупаться. Убийца уговорил его поехать в другое место, и в итоге Чикатило и Пожидаев приехали к поселку Энем (примерно в 20 км южнее Краснодара). Там они вошли в лес, где убийца набросился на мальчика, полностью раздел, попытался совершить половой акт, но не смог из-за физиологических причин. Тогда Чикатило нанес ему множество ножевых ранений, в результате которых наступила смерть. Убедившись в том, что мальчик мертв, Чикатило направился обратно в сторону дороги и в процессе движения выбросил одежду.

Труп Олега Пожидаева найден не был, и уголовное дело не возбуждалось. В декабре 1988 г. суд официально признал его умершим. Причиной смерти было названо утопление в реке Кубань, якобы последовавшее 13 августа 1982 г.

Об этом убийстве Чикатило сообщил после ареста в своем письменном заявлении на имя Прокурора России от 11 декабря 1990 г. Впоследствии Чикатило отказался от своего признания, однако отказу этому областной суд не поверил и посчитал его вину доказанной. Но в дальнейшем Верховный Суд квалифицировал эпизод как недоказанный и обвинения с Чикатило в этой части были сняты.

Следующее убийство преступник совершил буквально через три дня — 16 августа 1982 г. в г. Шахты, куда он вернулся из Краснодара. Жертвой этого преступления стала 16-летняя Ольга Куприна. Девушка поссорилась с матерью и ушла из дома 10 августа, остановившись на несколько дней у подруги в станице Золотаревка Семикаракорского района Ростовской области. Распрошавшись с нею утром 16 августа, Ольга направилась к своей сестре, проживавшей в г. Шахты. В электропоезде Чикатило с ней и познакомился. Он уговорил жертву прогуляться к нему на дачу, из-за чего она вышла вместе с ним на платформе «Казачьи лагеря» примерно в 10 км южнее г. Шахты. Около 1,5 км они прошагали вдоль лесополосы, пока Чикатило выбирал достаточно удобное для нападения место. Девушка не смогла оказать сопротивление крепкому мужчине весом более центнера, набросившемуся на нее со спины. Чикатило сумел сорвать с нее одежду и, повалив на землю, принялся колоть ножом. Скелетированные останки девушки были обнаружены в октябре того же года и долго оставались неопознаны. Вещи и одежду Ольги Куприной отыскать не удалось. По удивительному стечению обстоятельств подруга, у которой погибшая останавливалась в Золотаревке, через полтора года также оказалась жертвой Чикатило (звали ее Наталья Шалопинина и погибла она 9 января 1984 г., о чем будет написано в своем месте).

Примерно через две недели Чикатило решился на новое преступление. В самом начале осени (возможно, 3 сентября 1982 г.) он совершил нападение на Ирину Карабельникову. Эта девушка была старше предыдущих жертв, в ноябре ей должно было исполниться 19 лет. Ирина хорошо знала Чикатило, можно сказать, с самого детства. Карабельниковы жили неподалеку от семьи Чикатило, а отец Иры с самого своего детства был знаком с женой убийцы, Евдокией Семеновной Одначевой. Ира одно время училась в школе-интернате № 32, где Андрей Романович Чикатило преподавал в 1970—1974 гг., а потом — в СПТУ-39, куда тот перевелся. Поэтому Ирина оказалась легкой мишенью... Чикатило повстречал ее на вокзале в г. Шахты и уговорил девушку пройти с ним в сторону платформы «Кирпичная». Вышагивая с нею вдоль лесополосы, высаженной рядом с железной дорогой, Чикатило неподалеку от будки «9-й пикет» толкнул девушку в кусты, связал ей руки заблаговременно припасенной

бечевкой и принялся раздевать. Сделать ему это в полной мере не удалось. Навалившись на полураздетую девушку, он попытался осуществить половой акт, но отсутствие эрекции подвело убийцу в очередной раз. Тем не менее, мастурбируя, он добился семяизвержения и, в состоянии крайнего умоисступления из-за осознания собственной мужской несостоятельности, принялся наносить удары ножом. Впоследствии выяснилось, что таких было более 30. В процессе убивания Чикатило выколол жертве глаза.

Поскольку погибшая оказалась раздета не полностью, преступник озаботился ее обнажением. Он разрезал ножом нижнее белье, и специфичное разрезание одежды стало одним из узнаваемых элементов его криминального поведения. В последующем следствие связало некоторые убийства воедино именно благодаря схожей манере разрезания трусов и лифчиков. Избавившись от одежды, Чикатило сделал разрез посередине грудной клетки и животу до самого лобка и извлек матку, которую унес с собою. Труп убийца забросал ветками и травой, а одежду выбросил несколько далее в той же лесопосадке.

Тело было обнаружено 21 сентября, в тот же день нашли и залитую кровью одежду Ирины. Жертву не могли опознать более года, хотя к тому времени розыск ее проводился весьма активно. В 1986 г. на месте убийства отцом был поставлен памятный знак.

Примерно через две или три недели Чикатило повстречал Сергея Кузьмина, подростка, которому через месяц должно было исполниться 16 лет. Судьба юноши складывалась чрезвычайно трагично: летом умерла мать, и отец, не желая возиться с четырьмя детьми, живо оформил их передачу органам социальной опеки. Сергей неожиданно для себя попал в школу-интернат и оказался буквально раздавлен царившей там мрачной обстановкой: побои, унижения, всевозможные притеснения как со стороны более сильных соучеников, так и педагогов. Советский агитпроп всегда пафосно живописал успехи «воспитания нового советского поколения», но истинные плоды такого воспитания нельзя было назвать особенно успешными — доля юношей, совершивших уголовные преступления в течение пяти лет со времени окончания школ-интернатов, во все времена устойчиво превышала 50%. Не вынеся ужасных условий окружающей

обстановки, Сережа Кузьмин бежал из интерната всего через неделю с момента начала занятий. Прибежал он к отцу, но тот не придумал ничего лучше, как спроводить сына обратно.

В середине сентября подросток убежал снова, но теперь он уже понимал, что у него нет дома, и он просто не знал, куда податься. Чикатило встретил Сергея на вокзале в г. Шахты и обманом увел вдоль перегона «Шахты — Кирпичный». Убийца и его будущая жертва спокойно прошагали с полчаса и преодолели около 2 км. Впоследствии Чикатило точно назвал место нападения — напротив столба-указателя 1130/1131 км, примерно в 40 м от полотна железной дороги. Не сумев повалить подростка на землю, убийца стал угрожать ему ножом, нанес несколько пробных порезов, добиваясь полного подчинения, потом связал, раздел, заставил высунуть кончик языка, который откусил и тут же проглотил. После этого Чикатило нанес около 30 ударов ножом, отрезал половые органы и, убедившись, что подросток мертв, снял веревку. Уходя с места совершения преступления, убийца унес одежду жертвы, которую выбросил по дороге.

На протяжении осени тело убитого подверглось сильному разложению, кроме того, возможно, останки стали пищей каких-то разрушителей трупов (крыс, мышей, собак и прочих). Случайный прохожий обнаружил человеческие кости 8 января 1983 г., после чего начались поиски и в радиусе около 50 м еще несколько дней находили разрозненные кости. Находки продолжались на довольно большой площади до 12 января 1983 г. Одежда погибшего найдена не была. Вплоть до конца 1990 г. останки считались принадлежащими лицу женского пола в возрасте от 15 до 19 лет, и лишь после признательных показаний Чикатило была назначена повторная экспертиза, и удалось установить, что тело на самом деле принадлежало юноше.

Ошибочность определения половой принадлежности неизвестных останков представляется довольно любопытной. О работе криминалистов и судебных медиков в рамках дела «Лесополоса» нам еще придется сказать особо, но в этом месте нельзя не отметить того, что вопрос определения половой принадлежности по костям скелета лежит на стыке различных научных дисциплин: медицины, антропологии, археологии. Данная проблематика активно разрабатывалась в рамках судебной медицины еще с конца 19 в. К описываемому времени

были достигнуты неплохие результаты — специалисты уверенно определяли пол взрослых мужчин и женщин по черепам, а в случае их отсутствия — по костям скелета. В отношении юношей и девушек, чье половое созревание не завершилось, точность разработанных научных методик была ниже, но тем не менее тоже отнюдь не безнадежна. Помимо черепа для установления пола годились также крупные кости скелета, причем использование костей рук, например, позволяло получить правильный результат даже с большей надежностью. Кроме того, надо понимать, что эксперт вовсе не обязан давать однозначный ответ, допускаются пять вариантов, учитывающих все возможные ситуации: «останки принадлежат лицу мужского пола», «останки принадлежат лицу женского пола», «останки, возможно, принадлежат лицу мужского пола», «останки, возможно, принадлежат лицу женского пола» и, наконец, «половая принадлежность останков не определена».

Таким образом, эксперт вполне мог избежать дезинформации следствия, придав заключению предположительный характер либо вообще заявив о невозможности сделать точный вывод. Этого, однако, не случилось. Эксперт дал ошибочное заключение, хотя к тому времени отечественная судебная антропология вполне соответствовала мировому уровню, и такую грубую ошибку вряд ли можно оправдать.

При изучении черепа Сергея Кузьмина в правой глазнице был обнаружен специфический след лезвия ножа. Подобное открытие однозначно указывало на криминальную подоплеку смерти, однако этот вывод никого в правоохранительных органах не заинтересовал. Убийство «неизвестной девушки в возрасте 15–19 лет» изначально выглядело как «висяк» с минимальными шансами на успешное раскрытие, поэтому этим расследованием занимались сугубо формально. С розыском таинственного сексуального маньяка, проводимым по делу «Лесополоса», оно не связывалось, и «неизвестная девушка» не рассматривалась как его жертва.

Согласно официальной версии событий кровавая охота Чикатило продолжилась 11 декабря 1982 г. В тот день на окраине г. Новошахтинска была убита 10-летняя Оля Стальмаченок, возвращавшаяся домой из музыкальной школы. Автобус, в котором ехала девочка, сломался, и пассажирам пришлось выйти

посреди маршрута. Все они собрались на остановке «ДОСААФ», дожидаясь появления следующего по расписанию автобуса. Олю видели на остановке несколько свидетелей, и сомнений в том, что она там действительно была, не может быть никаких.

Однако родители, встречавшие девочку на остановке возле дома, так Олю и не дождались. Когда они, встревоженные отсутствием дочери, обратились в органы внутренних дел с просьбой об организации розыска, их там встретили цинично-равнодушным вопросом: «Да как искать-то, снег же выпал?! Будем ждать весны, когда все растает!» Мать девочки, рассказывая об этом на судебном процессе, даже спустя десятилетие не могла сдержать слез. Вот он истинный стиль работы доблестной советской милиции — наглый, циничный и бездушный... Зачем что-то делать, если можно ничего не делать, ведь снег выпал!

Обнаженное тело Стальмаченок обнаружили только 11 апреля 1983 г., оно было прикопано возле опоры линии электропередачи на совхозном поле, в некотором удалении от последних жилых домов на краю города. Поскольку осмотр местности был проведен довольно небрежно, одежду девочки, присыпанную землей неподалеку, отыскивали совершенно случайно почти через полтора месяца, 21 мая. Одежда оказалась разрезана в той же манере, как и в случае убийства Ирины Карабельниковой, на основании чего впоследствии был сделан вывод о совершении этих преступлений одним лицом.

Убитая девочка оказалась сильно изуродована. Ей было нанесено около 50 ударов ножом, разрезаны грудь и живот. Убийца вынул сердце, матку и кишечник, и судьбу исчезнувших органов выяснить так и не удалось.

Чикатило во время следствия признал факт убийства девочки в Новошахтинске, которое по времени примерно соответствовало эпизоду, связанному с убийством Оли Стальмаченок. Однако в суде он отказался от признательных показаний, заявив, что вообще никогда не бывал не только на остановке «ДОСААФ», но и на месте преступления у опоры линии электропередачи. В суде по этому поводу приключилась довольно любопытная полемика. Судья Акубжанов осведомился у Чикатило, как же можно объяснить тот факт, что он опознал место преступления во время следственного эксперимента? На что обвиняемый не без сарказма высказался в том смысле, что никаких проблем

с этим быть не могло: меня, дескать, привезли в нужное место, я и опознал!

Еще более любопытной оказалась полемика, связанная с опознанием Чикатило свидетелем обвинения Собивчак В. А. Эта женщина проживала в одном из домов, мимо которых преступник должен был пройти на пути от автобусной остановки до совхозного поля. Согласно ее утверждению, она видела, как мужчина вынуждал плакавшую девочку идти с ним, удерживая ее за руку и что-то выговаривая. Девочка сопротивлялась и явно не хотела следовать с мужчиной. В мужчине, удерживавшем девочку, Собивчак без малейших колебаний опознала Чикатило, поскольку ее сын в 1975 г. учился в том же самом училище, в котором тогда работал преподавателем обвиняемый. Собивчак утверждала, что без труда узнала Чикатило, поскольку разговаривала с ним во время учебы сына, а в декабре 1982 г., во время похищения Стальмаченок, увидела с расстояния не более 10 м. Потрясающе! О лучшем свидетеле правоохранительные органы даже и мечтать не могли! Свидетель не только рассмотрела подозрительного мужчину, но и без колебаний узнала хорошо знакомого ей человека!

Однако, дьявол, как известно, прячется в мелочах. Прежде всего, Чикатило категорично заявил в суде, что никогда не уводил свои жертвы, действуя силой или словесными угрозами. И речи не могло быть, чтобы взять ребенка за руку — убийца понимал, что его могут запомнить случайные свидетели, и был очень аккуратен в общении с потенциальной жертвой до тех самых пор, пока не оказывался в уединенном месте. Замечание это звучало здраво и достоверно: как уже было отмечено выше, преступника, разыскиваемого по делу «Лесополоса», действительно почти никто никогда не замечал. Но другой довод Чикатило оказался еще весомее: обвиняемый усомнился в том, что свидетельница действительно могла его запомнить и опознать более чем через восемь лет после совершения убийства Стальмаченок. Дело в том, что Собивчак сообщила об увиденном ею в декабре 1982 г. только... в 1991 г., уже после ареста Чикатило. По ее утверждению, в апреле и мае 1983 г., когда новошахтинская прокуратура занялась расследованием убийства Оли Стальмаченок после обнаружения трупа девочки, она находилась в отъезде и не была опрошена.

Ростовский областной суд в конечном счете поверил ценной свидетельнице и отверг заявления Чикатило о его невиновности как недостоверные. Поэтому эпизод, связанный с убийством Оли Стальмаченок, официально считался доказанным, однако... Верховный Суд посчитал иначе и счел, что доказательная база обвинения явно недостаточна для вынесения обвинительного приговора. В результате, приговор областного суда в части, связанной с обвинением Андрея Чикатило в убийстве Оли Стальмаченок, был отменен.

После этого преступления в активности преступника вновь произошел труднообъяснимый длительный спад. Более семи месяцев Чикатило никого не убивал, по крайней мере, согласно материалам уголовного дела. Следующую свою вылазку кровавый сексуальный маньяк совершил только во второй половине июля 1983 г. в Ростове-на-Дону. На этот раз его жертвой стала 13-летняя Ира Дуденкова, хорошо знавшая Андрея Романовича. Старшая сестра Иры в 1981–1982 гг. была любовницей Чикатило и приходила для интимных свиданий с ним в уже упоминавшийся дом № 26 по Межевому переулку. Чтобы не оставлять младшую сестренку дома одну, она забирала ее с собой на любовные свидания. Понятно, что Ира, наблюдавшая Чикатило в неформальной обстановке на протяжении довольно долгого промежутка времени, не опасалась его и в целом относилась хорошо.

Убийца повстречал ее на автобусной остановке «Ростсельмаш» в Ростове-на-Дону во второй половине июля. Заговорив с нею как со старой знакомой, он предложил девочке прогуляться, пообещал угостить мороженым. Они спокойно дошли до парка Авиаторов, углубились в лабиринт дорожек. Чикатило действовал как всегда стремительно и безостановочно, в самом начале нападения он нанес многочисленные ножевые ранения, а после смерти девочки разрезал труп живот и ампутировал половые органы, которые унес с собою.

Тело он наспех забросал ветками и выбросил одежду здесь же, в парке. Труп со следами далеко зашедших посмертных изменений ввиду жаркой погоды, стоявшей тем летом в Ростове-на-Дону, был найден только 8 августа.

А на следующий день после этой пугающей находки — уже 9 августа 1983 г. — Чикатило совершил в парке Авиаторов

новое убийство. Его жертвой стал 7-летний Игорь Гудков, отправившийся из Батайска, города-спутника Ростова, на работу матери в Ростове-на-Дону. Мальчик оставил дома записку, которую впоследствии обнаружил брат, и двинулся в путь. Ему предстояло сделать пересадку, и он, заплутав, сел в автобус хотя и нужного маршрута, но направлявшийся в сторону, противоположную необходимой. Мальчик, сообразивший, что заблудился в большом городе, растерялся — тут-то ему и повстречался Чикатило. Он заговорил с Игорем, успокоил его и... уговорил пройти через парк Авиаторов. Обмануть доверие мальчишки, близкого к панике, вряд ли потребовало от убийцы больших усилий.

В пустынном парке, за стеной густых кустов, убийца набросился на жертву, рассчитывая совершить акт мужеложества, однако отсутствие эрекции вновь сыграло с Чикатило обидную шутку. Не владея собой, он принялся кромсать тело мальчика ножом, отрезал половые органы и ушел, разбросав по дороге одежду. Тело убитого, сильно поврежденное разложением и насекомыми, было обнаружено только через 20 дней. Одежду Игоря отыскать не удалось, хотя Чикатило во время следствия клятвенно заверял, будто никак особо ее не прятал.

Тогда же, летом 1983 г., Чикатило совершил еще одно убийство, которое, однако, долгое время оставалось никому не известным. Точную дату преступления установить так и не удалось. Жертвой явилась Людмила Куцоба, психически нездоровая женщина 24 лет. Проживала она вместе с матерью, сестрой и братом в Волгоградской области. Во время поездки всей семьей на Мамаев курган Людмила поругалась с матерью и убежала в неизвестном направлении. Уже задолго до этого инцидента неадекватная женщина была одержима идеей «уехать в отпуск» к родственникам в Ростовскую область. Она даже пыталась занять денег у соседей, которые ей, разумеется, денег не дали, но мать предупредили.

Чикатило встретил Людмилу на вокзале в г. Шахты, и кажется даже удивительным, что она сумела уехать так далеко без денег и документов. Видимо, люди помогали, но, честное слово, уж лучше бы люди добрые проявили принципиальность и сдали бы бродяжку в пикет транспортной милиции, глядишь, осталась бы она живой и невредимой.

Убийца выманил Людмилу из вокзала и увел ее хорошо знакомым маршрутом в сторону платформы «Кирпичная». В лесополосе у железной дороги последовало нападение — сам Чикатило не мог вспомнить его детали, а судебно-медицинское исследование оказалось неспособно восполнить многие пробелы. Скелетированные останки убитой женщины были найдены только 12 марта 1984 г., их состояние было таково, что судмедэкспертиза даже не смогла назвать причину смерти (хотя и зафиксировала повреждения десятка костей, в том числе рукоятки грудины и глазниц). Сам же убийца во время следствия вроде бы припоминал, что отрезал женщине груди и половые органы, но объективного подтверждения этому найдено не было. Одежда, принадлежавшая Людмиле Куцоба, оказалась найдена совершенно случайно в мае 1986 г. в той же самой лесополосе, где последовало убийство женщины, и эта деталь заставляет усомниться в качестве проведенного двумя годами ранее расследования.

4 сентября 1983 г. в роще на окраине Новошахтинска был обнаружен сильно окровавленный женский труп, находившийся в далеко зашедшей степени разложения. Судебно-медицинская экспертиза показала, что возраст погибшей находится в диапазоне 18-25 лет, личность ее установить не удалось. По заключению экспертизы, смерть могла последовать за 2-3 месяца до обнаружения тела. Через грудь и живот проходил глубокий ножевой разрез, кроме того, ударами ножа оказались поражены жизненно важные внутренние органы, так что криминальная причина смерти сомнений не вызывала.

После своего ареста Чикатило заявил, что это преступление совершил он. Знакомство с будущей жертвой произошло на автовокзале Новошахтинска, он уговорил женщину прогуляться в расположенную неподалеку рощу. Там он напал на женщину, рассчитывая изнасиловать, однако не смог этого сделать и, запугивая жертву, принялся наносить ей легкие порезы и уколы лица и шеи. Распалившись, перешел к нанесению сильных ударов на всю глубину лезвия ножа. Затем раздел труп и выбросил одежду при отходе с места преступления. Хотя, по словам Чикатило, он не прятал одежду преднамеренно, отыскать ее не удалось.

В сентябре 1983 г. в работе правоохранительных органов произошел, наконец, важный прорыв: при изучении обстоятельств

преступлений, совершенных в парке Авиаторов г. Ростова-на-Дону, оформилась версия о существовании изувера, одержимого маниакальной потребностью совершать повторяющиеся нападения в сходной манере. Стала изучаться статистика похожих убийств, совершенных в Ростовской области в предшествующие годы, и эта работа позволила свести в единый список преступления, которые в дальнейшем связывались с тем самым таинственным маньяком, оказавшимся в конечном счете Андреем Чикатило. Это так называемый «первый список жертв», составленный следователем прокуратуры Ростовской области А. Рябко. Он был составлен в сентябре 1983 г. и включал 6 фамилий:

- Люба Бирюк (убита 12 июня 1982 г.);
- неизвестная девушка № 1 (ею являлась Ирина Карабельникова, чей труп по состоянию на сентябрь 1983 г. все еще оставался не опознан);
- неизвестная девушка № 2 (ею была Ольга Куприна, также не опознанная на момент составления списка);
- Ольга Стальмаченок (убита 11 декабря 1982 г.);
- Ирина Дуненкова (убита во 2-й половине июля 1983 г. в г. Ростове-на-Дону в парке Авиаторов);
- Игорь Гудков (убит 9 августа 1983 г. в г. Ростове-на-Дону в парке Авиаторов).

Впоследствии список этот дополнялся — так появились «второй» и «третий» списки, пока общее число жертв, приписываемых неизвестному изуверу, не достигло 36. Кстати, не все из их числа в действительности могли быть и были убиты Чикатило, но это стало ясно только после его ареста.

Как видно из изложенного выше, Чикатило к тому времени уже убил не менее дюжины мальчиков, девочек и женщин, однако правоохранительные органы некоторые эпизоды долгое время не связывали в один кровавый «сериал». Чрезмерная жесткость убийцы, выходящая за всякие пределы здравого смысла, рождала сомнения в его адекватности. Кроме того, непонятным оставалось целеполагание таинственного маньяка: с одной стороны, на месте преступлений находили сперму, что, вроде бы, свидетельствовало о способности убийцы совершать половой акт, однако далеко не все жертвы насильствовались. Если убийца руководствовался сексуальным мотивом, то почему же он

не реализовывал свою потребность? Поскольку следователи не понимали до конца логику и мотивы убийцы, они вполне здраво заключили, что имеют дело с психически больным человеком.

Идея, в принципе, была неплоха и идеологически безукоризненна, ведь быть виновным в кровавых убийствах должен был человек асоциальный и деклассированный. Нормальный советский человек, воспитанный гуманным советским обществом, не мог творить такие бесчинства, а вот психически нездоровый... что с него взять? Потому неудивительно, что ко второй половине 1983 г. следствие прочно сосредоточилось на отработке версии «сумасшедшего маньяка». Дело представлялось довольно ясным: надо было вычленив из числа всех жителей Ростовской области с психическими отклонениями тех, кто имеет ту же группу крови (IV), что и неизвестный изувер, а потом отбросить слишком молодых и пожилых. Оставшихся в «сухом остатке» проверить на наличие алиби по разным эпизодам и того из подозреваемых, кто такое алиби представить не сможет, «расколоть» в ходе допроса.

В ночь с 5 на 6 сентября 1983 г. работниками ростовской милиции на территории Первомайского депо был задержан некий Сергей Шабуров, 20-летний воспитанник Первомайского дома-интерната для детей с задержкой умственного развития. Шабуров давно окончил упомянутый интернат, но, не имея собственного жилья, проживал на его территории что называется «за кров и хлеб». В депо Сергей проник с хулиганской целью — он намеревался угнать троллейбус, чтобы покататься по ночному Ростову... Доставленный в отдел милиции и, по-видимому, хорошенько там избитый, Шабуров быстро начал рассказывать о своих криминальных похождениях. Он припомнил, как незадолго до этого вместе со своим дружкой Юрой Калеником, таким же точно выпускником школы-интерната, угнал автомобиль «Москвич». А затем рассказал, как в компании с тем же Юрой убил сначала девочку двенадцати лет и мальчика — восьми.

Так началось печально знаменитое «Дело дураков».

Арестованный Юра Каленик не только подтвердил слова Шабурова, но поспешил дать куда более развернутые показания. Он уточнил, что в убийствах принимал участие еще один воспитанник интерната (по фамилии Туров), а помимо убийств в Ростове-на-Дону он, Каленик, совершил два убийства

на территории Украинской ССР. Проверка показала, что в названном арестованном регионе в указанное время действительно пропали без вести две девочки, тела которых к сентябрю 1983 г. отыскать так и не удалось.

Дальше — больше... Список «убийц-дураков» не ограничился упомянутыми выше тремя фамилиями. Зимой 1983—1984 гг. он пополнился новыми выпускниками Первомайского дома-интерната: Коржовым, Тяпкиным, Пономаревым, Бескорсым. Они брали на себя все новые жертвы, появлявшиеся на территории Ростовской области с завидным постоянством. Коржов и Тяпкин сознались аж даже в девяти убийствах!

Единственным из семи «дураков», кому удалось выскочить из цепких объятий советской правоохранительной системы благодаря собственному упорству и благоприятному стечению обстоятельств, оказался Туров. Он не дал признательных показаний, и проверкой удалось установить наличие у него алиби на время инкриминируемых убийств. Поэтому дело в отношении него было закрыто, и счастливчик вышел на свободу. Судьба оставшихся в СИЗО шести бедолаг складывалась намного драматичнее. Все они время от времени предпринимали попытки отказаться от сделанных признаний, но после непродолжительного водворения в общие камеры изолятора, неизменно возвращались к прежним показаниям.

Удручающая ситуация еще более омрачалась тем, что советская психиатрия всецело приняла точку зрения следственных органов. Специалисты убедительно доказывали, что все обвиняемые имеют весьма скудное воображение, ограниченные знания, сниженные интеллектуальные навыки, не способны к абстрагированию и обобщению, а потому не могут выдумывать сложные криминальные комбинации и взаимодействия. Другими словами, если они рассказывают об убийстве, то значит, они либо его совершали, либо непосредственно наблюдали. О том, что все обвиняемые имеют сниженную волевую сферу, а потому с легкостью могут стать объектами запугивания и манипулирования, медицинские специалисты стыдливо умалчивали. Впрочем, такова была норма той эпохи — по умолчанию считалось, что советские правоохранительные органы никак не могут запугивать подсудимых, а уж тем более оказывать на них физическое воздействие!

Трудно сказать, как далеко завело бы ростовских правоохранителей их рвение в разоблачении «первомайских дураков», но конец этой истории принудительным решением положила Прокуратура РСФСР во второй половине 1984 г. Впрочем, тут мы немного забежали вперед.

В сентябре или октябре 1983 г. (точную дату установить не удалось) произошло новое преступление кровавого маньяка. Это один из самых интересных эпизодов, инкриминированных впоследствии Андрею Чикатило, и он заслуживает подробного описания.

Валентина Чучулина страдала олигофренией и к своим 22 годам повидала в жизни мало добра и счастья: сначала воспитывалась в специнтернате, после его окончания вышла замуж за соученика, который ее бил, унижал и в конце концов выгнал из дома. К осени 1983 г. Валентина бродяжничала, не имея жилья и работы, подрабатывала проституцией, ее избивали клиенты, избивали и милиционеры, периодически задерживавшие несчастную «дебилку» в поездах и на вокзалах. Будущее не сулило Валентине ничего хорошего, но финал ее жизни оказался по-настоящему ужасен.

На автовокзале в г. Шахты Чучулина осенью 1983 г. познакомилась с человеком, который пообещал ей заплатить за услуги сексуального характера. Валентина согласилась без раздумий, и парочка ушла по направлению к платформе пригородных поездов «Кирпичный». Осень в том году выдалась теплой даже по меркам этого благодатного края, в конце октября дневная температура поднималась до +20°C, так что предложение уединиться в лесополосе поблизости от железной дороги не выглядело подозрительным. Валентина скрылась за деревьями с неизвестным, и более никто эту женщину живой не видел. Лишь 28 ноября 1983 г. был случайно обнаружен ее полностью обнаженный и уже сильно разложившийся труп.

Его состояние было таково, что назвать точную причину смерти оказалось невозможно. Однако на костях скелета были найдены многочисленные следы, оставленные лезвием холодного оружия. По их расположению можно было понять, что причиненные ранения не оставили бы человеку шансов на выживание, в том, разумеется, случае, если эти ранения были прижизненны. Однако именно это обстоятельство — прижизненность

или посмертность ранений — судмедэкспертиза выяснить не смогла. Давность наступления смерти была определена довольно условно — не менее месяца до момента обнаружения тела.

При прочесывании лесополосы удалось отыскать одежду убитой и ее личные вещи, присыпанные землей и листьями. В кошельке Чучулиной лежали автобусные и железнодорожные билеты, проданные в октябре 1983 г., из чего был сделан вывод о том, что тогда женщина еще была жива. В принципе, это предположение не противоречило заключению судмедэкспертизы. Однако не в этом содержалась главная ценность найденных улик. На вещах Чучулиной были найдены кровь и пот, которые не соответствовали группе крови жертвы, а это наводило на мысль об их происхождении от убийцы. Чикатило после своего ареста в 1990 г. признал факт убийства Чучулиной, хотя и ошибся в сроках его совершения: он считал, что преступление произошло летом, возможно, просто запаматовал по причине аномально теплой осени.

К тому моменту уже во многих эпизодах Чикатило успел оставить свою сперму, по которой судебные медики определили группу крови убийцы как IV. Связь человеческой слюны, желчи, пота и спермы с группой крови была установлена очень давно — еще в 1920-е гг. — именно тогда ученым стало ясно, что человеческие выделения и кровь имеют одинаковые антигены АВО. Криминалисты быстро поняли огромную прикладную ценность выявленной связи — теперь преступнику было достаточно оставить на месте преступления выкуренную папиросу, и по остаткам слюны на ее патроне можно было назвать его группу крови. Примерно у 85% населения независимо от пола и возраста данная связь проявлялась очень четко и обнаруживалась без особых проблем (таких людей называли «выделителями групповых антигенов» или просто «выделителями»). У меньшей части людей — примерно 15% — обычными реакциями указанная связь между выделениями и группой крови не обнаруживается (по аналогии с предыдущей группой их называли «невывделителями»).

Проблема «невывделительства» чрезвычайно занимала судебную медицину, ведь до открытия технологии идентификации человека по его ДНК групповая принадлежность крови преступника являлась одним из важнейших факторов, ориентирующих следователя в его работе. В 1958 г. французский исследователь

Г. Морганти заявил об открытии «парадоксального выделительства» — особой аномалии, якобы присущей отдельным лицам, при которой в выделениях человека присутствуют антигены, не содержащиеся в крови. Заявление это наделало немало шума как по причине явного противоречия законам наследования групповых признаков крови, так и по причине возможных последствий в судебно-медицинской практике. Во многих странах независимо друг от друга были проведены исследования, призванные проверить утверждения Морганти.

Проводились такие работы и в СССР. Уже к середине 1960-х гг. стало ясно, что Морганти сделал «ошибочное открытие» — «парадоксального выделительства» не существует. Появление «парадоксальных» антигенов обусловлено микробной обсемененностью объектов исследования (другими словами, их загрязнением), а также ошибками, допускаемыми при проведении исследований. И это следует всегда учитывать при работе со старыми биологическими следами, хранившимися в нестерильной среде, под воздействием прямых солнечных лучей, ветра и т. п. За работы по разработке методов устранения погрешностей при проведении серологических исследований группа советских ученых даже получила премию им. Н. Ф. Гамалеи, присуждаемую Президиумом Академии медицинских наук за выдающийся вклад в развитие науки.

Однако в 1974 г. ученый Юрий Делевский вновь поднял на щит утверждения Морганти о наличии в тканях и выделениях человека дополнительных к крови антигенов. В журнале «Вестник АМН СССР» по этому вопросу развернулась дискуссия, в ходе которой теория «парадоксального выделительства» оказалась разгромлена бесповоротно. Тем удивительнее, что по прошествии полутора десятилетий «парадоксальным выделителем» был объявлен Чикатило и ссылки на этот несуществующий феномен попали в приговор областного суда.

Ну а теперь вернемся к убийству Чучулиной. На ее одежде оказались найдены кровь и пот, происходившие от убийцы. И вот тут-то, казалось бы, советским судебным медикам и надлежало бы сделать самое важное в этом расследовании открытие — установить невыделительство убийцы. Ведь если исследование пота покажет наличие антигенов А и В (таких, как и в сперме убийцы), а в крови окажется только антиген А, то сразу станет

ясно, что истинная группа его крови вовсе не IV, как считалось до этого, а II. Этого, однако, не случилось, причем объяснений, почему судебные медики не сделали вполне ожидаемого вывода о невыделительстве убийцы, может быть два: а) небрежность в проведении исследования и б) убийца на самом деле вовсе не являлся невыделителем. Убийца был самым обычным выделителем, тем, которых большинство (85%), и его истинная группа крови — четвертая (IV). Вот только этот убийца — не Чикатило, а кто-то другой.

Чикатило, однако, признал убийство Чучулиной, о чем было сказано выше. Более того, он даже признал факт кровотечения в момент нападения на нее, якобы у него от волнения иногда начинала идти кровь из носа, и во время одного из убийств так и произошло. Ответ на вопрос, зачем Чикатило делал признания в убийствах, если не совершал преступления, один из самых неоднозначных во всей этой истории, и нам еще придется вернуться к нему в своем месте.

Следующей жертвой неуловимого маньяка стала 20-летняя Вера Шевкун, приехавшая в Шахты 9 октября 1983 г. Девушка вела предосудительный образ жизни, пьянствовала, заводила легкомысленные знакомства, на этой почве поругалась с владелицей дома, у которой поселилась, и была вынуждена переехать в другой. В последний раз Веру видели живой 27 октября в районе кинотеатра в центре города. Труп был обнаружен через три дня, 30 октября в лесополосе в районе ХБК (таким образом, об этом преступлении стало известно скорее, чем о более раннем убийстве Чучулиной).

Судебно-медицинское исследование показало, что женщины еще прижизненно осуществили травматичную ампутацию матки с придатками, также оказались отрезаны груди, а от них — соски. Веру убийца душил, зажимая рот и нос, отчего на лице остались узнаваемые синяки от пальцев, а на внутренней стороне губ отпечатались зубы. Длительное душение жертвы представляло собой довольно необычное для таинственного маньяка изменение его поведения во время нападения — ранее убийца так не поступал. Одежда жертвы была унесена, отыскать ее не удалось.

После ареста Чикатило сознался в убийстве Веры Шевкун и показал, где именно познакомился с нею и как проследовал

к месту преступления. Место сокрытия одежды он показать так и не смог.

Следующей жертвой кровавого монстра стал 14-летний подросток Сергей Марков, учащийся ГПТУ-45. Сергей закончил производственную практику в Ростове, вернулся домой в город Гуково на границе Ростовской области и Украинской ССР, а на следующий день отправился обратно в Ростов за оставленными там формой, обувью и кое-какими мелкими вещами. Дедушка, разговаривавший с Сергеем утром 27 декабря 1983 г., уговаривал его отложить поездку либо не ездить за этим барахлом вообще, но подросток его не послушал. На свою беду в этот день в электропоезде «Зверево — Ростов» он повстречал Чикатило. Узнав из разговора с Сергеем, что тот голоден, убийца предложил ему вместе отправиться на его, Чикатило, дачу — там, дескать, и соленья, и варенья, и консервы какие хочешь... Сережа не устоял перед соблазном, и эта ошибка стоила ему жизни.

Он вышел с приветливым незнакомцем на платформе «Персияновка», в районе которой действительно имелась дачная застройка, только вот у Чикатило не было там дачи (да и вообще дачи он не имел). Заведя подростка в безлюдную местность, преступник напал на него, полностью раздел, затем начал наносить удары ножом в верхнюю часть тела и шею. Если первые удары были поверхностные, то по мере возбуждения убийцы сила их нанесения и глубина проникновения лезвия стали увеличиваться. Когда шокированный и обессиленный подросток упал, Чикатило принялся втыкать в него нож, не извлекая полностью. Оставляя лезвие в ране, он изменял направление удара и вновь вгонял нож в тело. То есть от одного разреза кожи исходили несколько раневых каналов. Эта довольно необычная манера нанесения ножевых ран отмечена еще в шести случаях убийств, инкриминируемых Чикатило (если быть совсем точным, то это эпизоды, связанные с нападениями на Чепель, Пташникова, Беловецкого, Лемешеву, Лучинскую и Похлистову).

Убийца отрезал кончик языка жертвы, после чего через рот воткнул нож в заднюю стенку гортани, повредив шейные позвонки. Покидая место преступления, изувер отрезал половые органы подростка, которые унес с собою. Одежду же жертвы, напротив, уносить не стал, а оставил разбросанной рядом с телом. Кстати, манипуляции серийного убийцы с одеждой

являются весьма важным элементом криминального поведения: действия преступника не только устойчивы и повторяются от эпизода к эпизоду, но и несут определенную информацию о его состоянии. Кроме того, действия с одеждой зачастую весьма специфичны и могут иметь большое ориентирующее значение для идентификации преступника. Нетрудно заметить, что в преступлениях, инкриминированных Чикатило, наблюдались совершенно разные модели действий, связанных с манипуляциями с одеждой: в одних эпизодах снятая одежда пряталась так, что ее не удавалось отыскать (возможно, ее преступник вообще забирал с собою и сохранял в некоем тайнике), в других — небрежно выбрасывалась в кусты в нескольких десятках или сотнях метров от трупа, в третьих — разрезалась ножом и также уносилась, в отдельных эпизодах снятая одежда использовалась для накрывания тел убитых людей, и наконец, некоторые убийства вообще не сопровождалось полным раздеванием жертвы (имело место лишь частичное обнажение). Как видим, налицо очень разная манера криминальных действий, которые обычно не совмещаются одним лицом, другими словами, мы видим индивидуальные почерка разных преступников. Трудно отделаться от ощущения, что в одном и том же регионе примерно в одно время жестокие преступления совершали разные люди, а вменили их одному Чикатило...

Эта проблема до известной степени беспокоила следствие, и ее требовалось как-то объяснить. Сначала правоохранители всерьез считали, будто одежда жертвы уносится с места совершения преступления с целью затруднить идентификацию трупа. Однако к концу 1983 г. стало ясно, что преступник во многих случаях не особенно озабочен сокрытием вещей и документов убитых им людей. Тогда появилась другая версия, надо сказать, сильно притянута за уши: убийца раздевает убитых им людей в теплое время года, дабы ускорить процесс разложения плоти, а в зимнее время подобное раздевание лишено смысла и потому он не тратит на него время. Объяснение это звучит довольно странно для любого, кто более или менее внимательно изучал судебную медицину: дело в том, что одетость трупа не особо влияет на скорость посмертных изменений. Главный критерий их интенсивности — температура окружающей среды, именно она влияет на скорость процессов гниения и аутолиза. Также

с температурой связана активность насекомых (мух, ос и т. п.) и крупных разрушителей трупов (лис, мышей, енотов, волков). Но науке ничего не известно о том, чтобы присутствие на трупе трусов или легкого летнего платья могло бы действительно изменить скорость разрушения плоти. Тем не менее абсурдный тезис о связи раздевания трупов со временем года никем из криминалистов и следователей особенно не оспаривался и даже попал в приговор Чикатило как доказанный факт.

Вернемся, впрочем, к мартирологу. 9 января 1984 г. жертвой Андрея Романовича стала 17-летняя Наталья Шалопинина (иногда встречается дата 6 февраля, но она ошибочна и происходит из опечаток, допущенных в некоторых следственных документах). Наташа дружила с Ольгой Куприной, убитой Чикатило 16 августа 1982 г., и кажется прямо-таки невероятным, что один и тот же преступник с интервалом почти в полтора года случайно повстречал подруг. Однако...

Официальная версия считает, что Чикатило познакомился с Натальей Шалопининой во второй половине дня 9 января в аэропорту Ростова-на-Дону. Наташа приехала в город якобы для того, чтобы поступить на курсы водителей троллейбусов, но, по-видимому, она промышляла проституцией. Несколько предшествующих ночей девушка провела на вокзалах, выглядела неряшливо, страдала от педикулеза и имела лобковых вшей. Кстати, последними она «наградила» и Чикатило.

Преступник уговорил Наталью пройти с ним в парк Авиаторов, расположенный в непосредственной близости от аэропорта, якобы для того, чтобы заняться сексом за деньги. В парке Чикатило внезапно напал на жертву, частично раздел под угрозой ножа, повалил в сугроб и попытался осуществить половой акт. Когда это у него не вышло, он в исступлении принялся наносить удары ножом. Впоследствии судебно-медицинская экспертиза насчитала на теле жертвы 23 ножевых ранения. После наступления смерти преступник отрезал верхнюю губу с частью носа, обезобразив лицо жертвы, а также разрезал живот и отделил две фаланги четвертого пальца на левой руке. Ампутация пальца выглядела очень странно — преступник бросил его рядом с телом. Впоследствии была выдвинута версия, будто Чикатило хотел забрать перстень, надетый на пальце (и сам же Чикатило это подтвердил после ареста), однако перстень так и остался

на пальце. Причина, по которой перстень не заинтересовал его, заключалась в том, что украшение при ближайшем рассмотрении оказалось не золотым, а потому Чикатило потерял к нему интерес. Однако не совсем понятно, как убийца убедился в том, что перстень не золотой — преступление совершалось в темное время суток в густом кустарнике, и отличить латунь от золота в темноте вряд ли сможет даже Шерлок Холмс. В принципе, если бы у убийцы была зажигалка, он мог бы рассмотреть «трофей» в свете ее пламени, однако Чикатило зажигалок не носил... А кроме того, Чикатило вообще не занимался «коллекционированием» мелких вещей и украшений своих жертв, что, кстати, является еще одной большой странностью этого дела. Если безоговорочно принять официальную точку зрения на все эти события и считать, что убийство Шалопиной является семнадцатым по счету в мартирологе Чикатило, то невозможно понять, почему в шестнадцати предшествующих эпизодах он не забирал с собою в качестве «трофеев» вещи убитых им людей, а тут вдруг надумал это сделать, причем озаботился этим до такой степени, что даже не поленился отрезать часть пальца.

Частично раздетое тело Шалопиной было найдено на следующий день после убийства — 10 декабря. Рядом с телом лежали снятые с трупа грубо порезанные ножом детали одежды, их убийца не потрудился даже выбросить в кусты. При осмотре карманов пальто был найден жетон камеры хранения вещей в аэропорту, по этому жетону был получен портфель-дипломат с вещами и документами убитой. Так без особых проблем удалось установить личность жертвы преступления.

При осмотре вещей убитой криминалисты обратили внимание на разрезанные детали одежды. Они посчитали, что манера разрезания напоминает ту, что прежде была отмечена в случае с убийством Стальмаченок (впоследствии схожий метод был отмечен еще в пяти эпизодах, была даже назначена специальная экспертиза, призванная доказать использование во всех случаях единого способа и последовательности разрезания). Таким образом, было сделано предположение о том, что в обоих случаях действовал один и тот же преступник. Когда же о последовательности разрезания одежды спросили у Чикатило после ареста, тот не смог ответить на этот вопрос, отговорившись тем, что просто кромсал одежду как попало. То же самое повторил и на

суде, утверждая, что никогда не придерживался особого порядка или правила в разрезании одежды ножом.

Вот и понимай как хочешь: то ли экспертиза увидела в действиях преступника несуществующие на самом деле закономерности, то ли Чикатило попросту не знал правильного ответа на вопрос о последовательности и способе разрезания одежды...

Будучи арестованным, Андрей Чикатило заявил, что после одного из убийств обнаружил у себя лобковые вши, для избавления от которых даже обращался за лекарством в аптеку. В ходе следствия это утверждение было проверено, получило подтверждение, что и послужило в итоге одним из доказательств виновности Чикатило в убийстве Шалопининой.

Через полтора месяца после этой расправы произошло убийство Марты Рябенко. Это довольно странное преступление, в списке инкриминируемых Чикатило эпизодов оно стоит особняком. Дело в том, что Рябенко не дожила до своего 45-летия всего месяц, в списке жертв она старше всех. Для фиксированного педофила, каким, несомненно, являлся Андрей Чикатило, выбор такой жертвы представляется очень странным просто потому, что люди с подобными сексуальными девиациями не интересуются 45-летними женщинами. Они не входят в их «диапазон приемлемости» и потому даже не рассматриваются в качестве жертвы.

Впрочем, подобные пустяки мало интересовали следователей во время поиска таинственного маньяка, скорее всего, они даже не подозревали о существовании такого рода критериев. Марта Рябенко вела образ жизни предосудительный по меркам своего времени: не отказывалась от случайных половых связей, любила выпить, отдыхала со случайными знакомыми как получится, сейчас бы ее назвали «женщиной, живущей в свое удовольствие», но для эпохи «развитого социализма» она попросту являлась проституткой. По рассказу ее сына, мать ушла вечером 21 февраля в аэропорт — это означало, что ночевать она не вернется. Чикатило, согласно его показаниям после ареста, познакомился с Мартой Рябенко в здании аэропорта и пригласил ее прогуляться. Женщина уже была нетрезва, и по смыслу ее согласия стало ясно, что она готова заняться сексом. Они прошли в парк Авиаторов и некоторое время спокойно бродили по дорожкам, но недалеко от памятника погибшим летчикам женщина

поскользнулась и упала. Чикатило не дал ей подняться. Навалившись сверху, принялся наносить удары ножом в верхнюю часть тела, затем частично раздел жертву и стал резать живот. Судмедэкспертиза насчитала более 30 ударов ножом. Убийца отрезал соски и съел их, сделал большой разрез на животе и извлек матку с частью влагалища и мочевым пузырем, их найти так и не удалось. Покидая место преступления, Чикатило накрыл труп с головой, используя пальто и юбку жертвы. Часть вещей убитой женщины: сапоги, шапку, платок, трусы — Чикатило прихватил с собою и выбросил в кусты на пути от памятника к аэропорту. Их там и нашли на следующий день сотрудники милиции, осуществлявшие прочесывание местности после обнаружения трупа Марты Рябенко.

Смерть женщины последовала не от острой потери крови, как можно было бы подумать, исходя из описания полученных ею ран. Марта погибла от удушья — в самом начале нападения убийца ударил ее ножом в шею таким образом, что лезвие вышло в полость рта. Кровь начала обильно поступать в рот, закупорила трахею, и женщина задохнулась.

Эта деталь чрезвычайно важна для понимания еще одной серьезной неопределенности, связанной с убийствами, в совершении которых в конечном счете был обвинен Чикатило. Дело в том, что все эти преступления чрезвычайно кровавы, матка и придатки обильно снабжаются кровью, а сердце буквально плавает в крови и само заполнено кровью. Как Чикатило умудрялся извлекать человеческие органы не перепачкавшись в крови жертвы с головы до ног — совершенно непонятно. При описании некоторых убийств в летнее время он рассказывал, что якобы раздевался донага, дабы кровь не попадала на одежду, но так он поступал не всегда и уж точно не раздевался в холодное время года. Лондонский Джек Потрошитель, совершавший аналогичные убийства в 1888 г., защищал свою одежду кожаным фартуком мясника (который в конце концов оказался найден на месте одного из убийств), но у Чикатило не было фартука и не было ничего, что можно было бы использовать в роли такового. Как он мог совершать чрезвычайно кровавые убийства и избегать при этом попадания крови жертв на манжеты рубашек и пиджаков, а также брюки — совершенно непонятно. При этом он не имел доступа к водопроводу и якобы отмывал

от крови руки и лицо водой из луж или снегом... Совершенно невысказанное объяснение!

После убийства Марты Рябенко преступник, если верить показаниям Чикатило после ареста, вернулся в здание аэропорта, где и провел ночь с 21 на 22 февраля 1984 г. В Ростове-на-Дону у Чикатило не было родственников, к которым он мог бы обратиться с просьбой провести ночь, поэтому в тех случаях, когда он оставался в городе, ночевал на вокзалах (необходимое уточнение: так было до февраля 1990 г., затем Чикатило стал оставаться на ночь по месту работы в здании управления Ростовского электрозорементного завода. Там он работал с 9 февраля до дня ареста 20 ноября 1990 г.). В своих признательных показаниях, написанных собственноручно 10–11 декабря 1990 г., Чикатило сообщил об убийстве женщины, которая рассказала ему о том, будто являлась внучкой генерала медицинской службы. Правоохранительные органы проверили эту деталь и выяснили, что дедом Рябенко действительно являлся такой генерал. Эту деталь сочли доказательством того, что Чикатило в конце февраля 1984 г. убил именно Марту Рябенко.

Следующей жертвой Чикатило явился 10-летний Дима Пташников. Преступление было совершено вечером 24 марта 1984 г. в г. Новошахтинске, примерно в 80 км севернее Ростова-на-Дону. В Новошахтинске проживали родители жены Чикатило, и последний нередко приезжал к ним, чтобы переночевать. Преступник познакомился с будущей жертвой около 14 часов возле киоска «Союзпечати» на проспекте Ленина: Чикатило купил там газеты и остановился, чтобы развернуть одну из них, а Дима в это время спросил у продавщицы в киоске, не было ли завоза новых марок. Мальчик коллекционировал марки, и продавщица хорошо его знала как постоянного покупателя. Впоследствии женщина припомнила, что мужчина с газетами, услышав вопрос мальчика, оживился и о чем-то заговорил с ним, тот поддержал беседу, и они некоторое время общались заинтересованно и непринужденно. Через много лет выяснилось, что Чикатило рассказал Диме, будто имеет дома богатую филателистическую подборку и может показать ее, если только тому это будет интересно. Мальчик, разумеется, заинтересовался, и они договорились встретиться на этом же месте в 19 часов.

Момент этот очень важен — дело в том, что продавщица из киоска хорошо рассмотрела и запомнила незнакомца, разговаривавшего с Димой около 14 часов. А вечером этого же самого дня мужчину увидели несколько других свидетелей. Все эти люди хорошо знали Диму Пташникова, жившего неподалеку от проспекта Ленина, так что ошибиться не могли. Нельзя не отметить и того, что в 19 часов перед самым киоском Дима повстречал своего дедушку и перекинулся с ним несколькими словами — если бы эта встреча состоялась несколькими минутами позже, мальчик, скорее всего, остался бы жив. Дедушка вряд ли отпустил бы мальчика с незнакомцем, поскольку к тому времени разговоры о таинственном маньяке-изувере уже всюду циркулировали среди жителей Ростовской области.

Итак, в семь часов вечера убийца и его будущая жертва встретились у киоска и двинулись в сторону довольно обширной и пустынной части города, занимаемой в то время автотранспортным хозяйством. Их видели по меньшей мере два человека, знавшие Диму, с одним из них мальчик даже поздоровался. Убийце бы на этом остановиться, но... азарт затмил разум, и это чуть было не привело его к разоблачению!

Войдя в зеленый массив на окраине города, Чикатило внезапно напал на мальчика, частично его раздел и связал руки его же собственными, Пташникова, подтяжками. Добиваясь полного подчинения, он наносил ножом неглубокие порезы и уколы. Убийца потребовал от жертвы открыть рот, но Дима отказался; тогда Чикатило стал руками отжимать его нижнюю челюсть, в результате чего на щеках мальчика остались пугающего вида кровоподтеки. В конце концов, преступник добился, чтобы Дима высунул язык — тогда Чикатило отсек его кончик ножом и съел на глазах мальчика. Трудно даже представить тот ужас, который должен был испытывать 10-летний мальчик в те минуты... После этого Чикатило отрезал часть пениса жертвы и, окончательно впав в неистовство, принялся наносить беспорядочные удары. Многие десятки ударов ножом... Судмедэкспертиза насчитала 54 ножевых ранения лица, шеи, груди и живота, из них 6 проколов печени насквозь, в сердце и сердечную сумку — 11 ножевых ударов. Экспертиза также описала грубую анальную травму — Чикатило после ареста признал, что, добившись семяизвержения, принялся раскрывать ректальное

отверстие жертвы и засовывать в прямую кишку мальчика пальцы, вымазанные спермой...

Комментировать такое невозможно, даже описывать отвратительно.

Убив Диму Пташникова, преступник осуществил частичное разрезание его одежды, которое впоследствии было признано аналогичным тому, что наблюдалось в эпизодах, связанных с убийствами Стальмаченок и Шалопининой (повторим: сам Чикатило отрицал, что в разрезании одежды имела место какая-либо система или порядок). Тело мальчика убийца накрыл его пальто, а лицо прикрыл шапкой. Его сапожки Чикатило прихватил с собою и на пути отхода выбросил в овраг (это тоже очень интересная поведенческая деталь, которая никак не связана ни с потребностью ускорить разложение трупа, ни с желанием помешать опознанию жертвы. Другими словами, те объяснения, которые придумало для этих манипуляций советское следствие, абсолютно не соответствовали истинным мотивам маньяка.).

Тело Димы Пташникова было найдено 27 марта 1984 г. Правоохранительные органы деятельно принялись за расследование. Были опрошены сотни людей, каждый из которых мог оказаться потенциальным свидетелем событий, связанных с последними днями жизни мальчика. У советских правоохранительных органов нельзя отнять одного огромного их достоинства: способности мобилизовать оперативный состав, привлечь дополнительные ресурсы из соседних районов и даже областей и совместными усилиями, без остановок на отдых и праздники, провести огромный объем работы. Система могла мобилизовывать большие человеческие и материальные ресурсы, и нельзя не признать, что такая мобилизация могла приводить к успеху. В расследовании убийства Димы Пташникова такой успех был достигнут — правоохранительные органы поняли, кого же именно они разыскивают.

Свидетели очень точно описали мужчину, с которым Дима Пташников уходил по проспекту Ленина от киоска «Союзпечати», причем эти описания не только не противоречили, но и отлично дополняли друг друга. Следствие знало, что надлежит искать мужчину выше среднего роста — 180 см или выше, одетого в темное демисезонное пальто с шапкой изнутри на голове и старым портфелем в руках. Старым настолько, что

кожзаменитель в углах и на ручке потрескался. И, наконец, самая интересная примета — мужчина носил очки с отломанными дужками, которые заменяла резинка! Очки на резинке — это удел стариков и младших школьников, в середине 1980-х гг. подобное убожество в обществе нормальных людей выглядело просто неприличным. А ведь шапка изнутри, очки на резинке, коричневое пальто, потертый портфель в руках — это 100-процентный по соответствию портрет Андрея Чикатило! И этот портрет очень пригодился в дальнейшем.

Через два месяца — ориентировочно 25 мая 1984 г. — кровавый маньяк совершил очередное изуверское убийство. На этот раз двойное — его жертвами стали мать и дочь Петросян, 29-летняя Татьяна и 10-летняя Света. Мать была знакома Чикатило по работе еще с 1977 г., они одно время даже поддерживали интимные отношения, так что убийца имел возможность несколько раз увидеть дочь. В конце апреля 1984 г. Чикатило приезжал к Татьяне Петросян домой и возобновил старую связь. Женщина представила его своим родственникам и знакомым как учителя, и впоследствии свидетели дали показания о существовании у Татьяны любовника-учителя. Но Чикатило на самом деле интересовала не мать, а дочь. Именно малолетняя Света привлекла его внимание, и Чикатило решил, что ему следует попытаться ее изнасиловать. Это решение, кстати, еще раз убедительно доказывает устойчивые педофильские наклонности преступника, поскольку молодая, что называется, в соку, женщина, готовая к возобновлению прежних интимных отношений, его совершенно не интересовала. Татьяну он убил лишь постольку, поскольку она стояла на его пути к ребенку.

Чикатило разработал довольно сложную легенду, призванную усыпить бдительность матери. Он рассказал, что имеет рядом с городом Шахты большую обустроенную дачу, но там почти не бывает и без проблем может пустить пожить знакомых. Татьяна Петросян соблазнилась предложением, ведь конец весны в Ростовской области — благодатная пора, когда еще нет изнуряющего летнего зноя и вся природа расцветает, ведь так приятно приехать в дом, выходящий окнами в цветущий вишневый сад! Мама и дочка жили в поселке Донском примерно в 5 км восточнее города Новочеркаска, в середине 1980-х гг. это было довольно депрессивное место, где проживали в основном

рабочие, трудившиеся на крупной ГРЭС, расположенной неподалеку. В общем, убийца был убедителен, и Татьяна Петросян решила, что имеет смысл принять приглашение Андрея Романовича Чикатило и приехать с дочерью на пару-тройку деньков на его дачу...

Убийца встретил мать и дочь на платформе «Сады» и повел их вдоль лесополосы по тропинке. Он заблаговременно подготовился к преступлению и прихватил с собою молоток с наполовину отпиленной ручкой — им он рассчитывал оглушить жертвы и не позволить им разбежаться в разные стороны. Улучив момент, когда девочка отдалилась, Чикатило предложил Татьяне осуществить половой акт — та дала согласие. Ничего, впрочем, из этого не вышло — преступник не испытал эрекции, и это вызвало у него прилив гнева. Он оглушил ударом молотка Татьяну Петросян и несколькими ударами ножа лишил ее способности к сопротивлению. Всего Татьяне Петросян были нанесены 6 ударов молотком, а ударами ножа выколоты глаза. После этого преступник бросился к девочке, ударил ее по голове «обрезанным» молотком по меньшей мере 4 раза, причинив вдавленные переломы черепа. Оглушив беззащитную жертву, он частично обнажил ее и попытался осуществить коитус. Сделать это ему не удалось, и тогда Чикатило принялся наносить удары ножом, которые концентрировались в верхней части тела — рядом с ключицами и грудиной. Также убийца выколол глаза девочке. Все эти ранения быстро привели к смерти Светы Петросян. После этого убийца разрезал по боковым швам ее платье и купальник — эта манера казалась схожей с тем, как разрезалась одежда убитых ранее Стальмаченок, Шалопининой и Пташникова.

Тела Татьяны и Светы Петросян были обнаружены лишь в июле 1984 г., и к тому времени они претерпели уже значительные посмертные разрушения, что до известной степени обесценило судебно-медицинскую экспертизу по данному эпизоду. Но этот эпизод стоит особняком в криминальной летописи Чикатило, и потенциально он мог бы быть очень важен для разоблачения убийцы, поскольку по меньшей мере три свидетеля видели подозреваемого еще в апреле 1984 г. и даже разговаривали с ним. Татьяна Петросян представляла его подругам и матери, говорила, что он «учитель и вообще образованный человек»,

а кроме того, свидетели слышали, как подозреваемый приглашал Свету к себе на дачу и обещал подарить куклу. Описания подозреваемых в убийстве Димы Пташникова и матери и дочери Петросян практически совпадали, и это означало, что свидетели могли бы опознать этого человека, если бы только тот попал в распоряжение органов следствия.

Чикатило, сам того не понимая, оказался на грани разоблачения. Правоохранительным органам оставалось лишь сконцентрироваться на том, чтобы методично проверить всех подозреваемых как на наличие алиби, так и на возможность их опознания свидетелями.

Свое следующее преступление Чикатило совершил в районе станицы Багаевской, расположенной примерно в 60 км западнее Ростова-на-Дону и примерно на таком же удалении от города Шахты. В этом районе он еще не совершал нападений и подобное расширение «ареала» убийцы не кажется чем-то удивительным. По мере того, как преступник набирается опыта, он начинает действовать даже в малознакомой или совсем незнакомой обстановке. Именно поэтому с точки зрения раскрытия серийных преступлений исключительно важно понять, когда же именно начался «сериал» — первые нападения еще малоопытного маньяка будут ближе всего расположены к его местам жительства или работы.

В июле 1984 г. Чикатило познакомился на переправе через реку Дон у станицы Багаевская с Еленой Вакулиной. Это была женщина свободных нравов, повидавшая за 21 год своей жизни немало. Она крепко выпивала, не брезговала сексом за деньги, в общем, вела образ жизни абсолютно предосудительный. Чикатило без лишних затей предложил ей интимную близость, пообещав заплатить, и нетрезвая женщина согласилась. Они прошли в сторону базы отдыха «Автомобилист» и уединились в кустарнике. Несмотря на благожелательную помощь женщины, Чикатило половой акт совершить так и не смог — не возникло эрекции. Тогда он воспользовался уже известным ему рецептом — выхватил нож и принялся кромсать человеческую плоть. Прием сработал — у убийцы возникла эрекция и он, мастурбируя, быстро добился семяизвержения. После смерти жертвы Чикатило отрезал ее соски и половые органы, которые, если верить его показаниям после ареста, унес с собою. Также он

прихватил и одежду убитой женщины, которую выбросил неподалеку в кусты (ее впоследствии так и не нашли). Перед уходом с места преступления Чикатило забросал тело ветками и травой.

Тело, находившееся уже в состоянии сильного разложения, было найдено 26 августа 1984 г. Формально причину смерти установить не удалось, однако судебные медики уверенно определили факт ампутации сосков и наличие на оставшихся мягких тканях ножевых ранений, так что криминальный характер смерти не вызывал особых сомнений.

В 1991 г. Чикатило в ходе следственного эксперимента показал место совершения этого преступления, ошибившись всего на 6 или 7 м. Хотя точная дата убийства Вакулиной так и не была установлена, следствию удалось отыскать свидетелей, которые утверждали, что встречались с убитой в Ростове-на-Дону в середине июля. Поэтому с большой долей вероятности можно считать, что женщина была убита в интервале с 10 по 31 июля 1984 г.

Примерно в то же время в Ростове-на-Дону был убит 13-летний Дима Илларионов. Датой совершения преступления считается 10 июля 1984 г., поскольку именно в этот день Диму в последний раз видели живым друзья и родственники. Тело мальчика было найдено 2 августа того же года на кукурузном поле, расположенном на территории Советского района города Ростова-на-Дону. Из-за знойной погоды оно подверглось значительному посмертному разрушению, однако судебно-медицинская экспертиза все же сумела зафиксировать множественные телесные повреждения, причиненные ножом и молотком. Среди них были описаны примерно 25 ножевых ранений в затылочную часть головы, 15 ножевых повреждений левой глазницы, 2 удара ножом в левую височно-скуловую область. Также были отмечены переломы 3—4—5-го ребер слева и дырчатый перелом теменной кости. Именно он, как посчитали эксперты, был причинен ударом молотка. Время наступления смерти соответствовало тому, когда мальчика в последний раз видели живым (т. е. 10 июля 1984 г.).

После своего ареста Чикатило признал свою вину в убийстве Димы Илларионова, хотя в разное время он очень по-разному его описал. Первоначальная версия сводилась к тому, что он, Чикатило, подвез Диму на служебной автомашине на остановку «Сельхозтехника». Там он вышел вместе с мальчиком, а автома-

шину с шофером отпустил. Далее он заманил мальчика в поле, где и напал на него.

Однако при проверке этого заявления выяснилось, что Чикатило никак не мог ездить в Ростов-на-Дону на служебной машине — с 20 июня по 17 июля 1984 г. он находился в отпуске. Чтобы как-то разрешить возникший казус, Чикатило озвучил иную версию событий. Дескать, 10 июля он приезжал в управление ростовского завода «Донпиво» с целью оформить свой перевод на это предприятие из «Ростовнеруза», где он в то время работал. Перевод был необходим для сохранения стажа и расчета отпускных периодов. Получив заветное письмо, в котором сообщалось, что Чикатило готовы взять в отдел снабжения «Донпива», он направился на остановку «Ростовснабсбыт», где и повстречал Диму Илларионова. Дальнейшая схема особых вопросов не вызывала — заманил на кукурузное поле, напал... Именно эта версия событий и была озвучена в суде, и все было бы неплохо, если бы не одна маленькая неувязочка — письмо с просьбой о переводе Чикатило гендиректор «Донпива» подписал 13 июля 1984 г., что заставляет сомневаться в возможности Чикатило получить его на руки 10 июля. Ибо нельзя привезти в отдел кадров то письмо, которое еще не подписано...

Следующее убийство произошло вскоре после гибели Димы Илларионова. 19 июля на вокзале в г. Шахты Чикатило познакомился с Анной Лемешевой, которой через 2 месяца должно было исполниться 20 лет. Девушка она была разбитная, контактная, как говорится, рассматривающая все предложения, поэтому не отказалась от прогулки к пруду с целью искупаться. Анна ушла с вокзала и двинулась вдоль железнодорожных путей в сторону платформы «Кирпичная» — этим путем некоторые из жертв маньяка уже ходили. Углубившись в лесополосу и убедившись, что свидетелей поблизости нет, преступник перешел к нападению, однако первый его натиск был отбит. Анна даже успела перекинуться с убийцей несколькими фразами и предупредила, что ее друг — местный уголовный авторитет по кличке Барс, он-то, мол, завсегда за нее отомстит. Угроза на Чикатило не подействовала, и, переведя дыхание, он продолжил атаку. Одолев женщину, он испытал неожиданно сильный оргазм и вытер пенис трусиками жертвы — его сперма впоследствии будет на них обнаружена. В процессе убивания он отгрыз соски

и вырезал матку, которую здесь же, на месте убийства, начал ожесточенно кусать.

Поскольку к моменту смерти жертва была лишь частично раздета, убийца озаботился ее обнажением — он разрезал ее трусики по боковым швам, так же поступил и с платьем. Вещи убитой он особо и не скрывал — выбросил примерно в 70 м от места преступления. Помимо одежды был выброшен и паспорт Анны Лемешевой, небрежно разорванный пополам. Тело убитой было найдено 25 июля 1985 г., тогда же удалось отыскать одежду, документы и мелкие вещи, принадлежавшие жертве. Ввиду разложения трупа экспертиза затруднилась с определением причины смерти, хотя и констатировала отсутствие у трупа сосков и матки, что, в общем-то, явно указывало на криминальную причину.

Как видно, в этом эпизоде Чикатило совершенно не озаботился тем, чтобы затруднить опознание тела, хотя впоследствии правоохранительные органы всерьез доказывали, что в этом он действовал изощренно и целенаправленно. Манеру разрезания одежды Анны Лемешевой криминалисты сочли аналогичной той, что наблюдалась прежде при убийствах Шалопиной, Пташникова и Петросян. Каких-то особых сомнений в том, что именно Чикатило совершил это убийство, быть, по-видимому, не может, поскольку упоминание уголовного по кличке Барс является довольно серьезным критерием истинности. Анна Лемешева действительно долгое время сожительствовала с ранее судимым Сергеем Пятилетовым, широко известным в узких кругах под кличкой Барс и имевшим соответствующую татуировку. Она убежала с ним из дома еще в апреле 1983 г., но после года неформальных отношений Барс оставил даму своего сердца. То, что Чикатило был осведомлен об этих деталях, заставляет поверить в то, что он действительно общался с Анной.

В очень скором времени — где-то в конце июля 1984 г. — Чикатило совершил новое жестокое убийство. Его жертвой стала 20-летняя Цана Сармита, с которой он познакомился на автобусной остановке рядом с аэропортом Ростова-на-Дону. Девушка направлялась к своему жениху, и кажется просто невероятным, что убийце удалось заморочить ей голову и увести с собою, но... как говорится, из песни слов не выкинешь. Цана ушла с автобусной остановки, и это стоило ей жизни.

Труп ее нашли 2 сентября 1984 г. в состоянии полного разрушения мягких тканей. Кости фактически были обнажены, и плоть сохранялась лишь кое-где — этому помогли и жаркое южнорусское лето, и мелкие насекомые. На торсе трупа остался трикотажный свитер, а на нем — 4 разреза, оставленные ударами ножа. Один из разрезов находился на шее и свидетельствовал о ранении практически смертельном, другой — на предплечье, он указывал на сопротивление жертвы, пытавшейся остановить руку нападавшего... Рядом со скелетированным трупом лежала женская сумочка, а в ней — документы убитой женщины.

Чикатило после ареста признал свою вину в убийстве Цаны Сармиты и в ходе следственных экспериментов на местности показал место преступлений. Он не смог описать одежду жертвы, но припомнил, что девушка была одета не по сезону. Во время судебного процесса в Ростовском областном суде он отказался от своих признательных показаний и заявил, что не убивал Цану. Суд не принял во внимание это утверждение, посчитав, что обвиняемый «взял линию на срыв процесса», но Верховный Суд Российской Федерации рассудил иначе. Поскольку никаких объективных доказательств, уличающих Чикатило, следствие представить не смогло, а все обвинение базировалось сугубо на признательных показаниях самого Чикатило, убийство Цаны Сармиты в конечном счете было исключено из обвинительно приговора за недоказанность.

Свое следующее убийство Чикатило смог припомнить во всех деталях. Дело заключалось в том, что с 1 августа 1984 г. он устроился начальником отдела снабжения производственного объединения «Ростовэнергоавтоматика», а уже на следующий день ему удалось совершить очередную успешную охоту на человека. Жертвой его стала 16-летняя Наташа Голосовская, приехавшая в Ростов-на-Дону из станицы Вешенской и намеревавшаяся уехать к сестре в Новошахтинск вечером 2 августа. Чикатило увидел жертву на остановке напротив аэропорта, подошел, непринужденно заговорил и, узнав, что девушке надо уехать из города, посоветовал пройти поближе к выезду из города — там попутного транспорта больше. Тут же предложил показать дорогу, ему, дескать, по пути.

Они вошли в парк Авиаторов и прошли совсем немного, как убийца перешел к делу. Как впоследствии вспоминал Чикатило,

в момент нападения он слышал возню на детской площадке за кустами... После первых ударов ножом преступник бросил жертву на землю и принялся душить, сжимая горло руками. Он боялся, что девушка закричит и, чтобы исключить такую возможность, принялся заталкивать ей в рот траву и землю. Некоторое время они боролись в полной тишине, пока наконец девушка не скончалась — смерть ее наступила именно из-за душения, а не ножевых ранений. Затем последовал варварский кураж над телом: отрезание сосков, извлечение матки через разрез влагалища, втыкание ножа в ягодицы, плечи и шею. Поскольку тело не было полностью обнажено, Чикатило разрезал одежду, которую выбросил неподалеку от места убийства (она была найдена всего в 19 м от трупа, что никак нельзя считать «маскировкой»). Очевидно, что разрезание одежды определялось глубоко личностными установками и вовсе не преследовало цель «ускорить разложение трупа» или «затруднить опознание», как многие годы впоследствии твердили представители правоохранительных органов. Сумочку с мелкими вещами и документами жертвы Чикатило тоже прихватил собой, но, как и одежду, далеко не унес. На следующий день ее нашли в 83 м от тела. В тот же день был найден и труп Наташи Голосовской.

Криминалистическая экспертиза пришла к заключению, что одежда девушки была разрезана в той же манере, что наблюдалась в некоторых других случаях убийств на территории Ростовской области, а именно: при убийстве Стальмаченок, Шалапининой, Пташникова, Петросян и Лемешевой. Исходя из этого, все эти эпизоды стали рассматриваться как связанные с одним и тем же преступником.

10 августа 1984 г. в кустарнике на левом берегу Дона, напротив Ростова-на-Дону, у пансионата «Тихий Дон» был обнаружен обнаженный женский труп, присыпанный старой листвой и грунтом. На трупе судебно-медицинская экспертиза зафиксировала большое количество ранений, причиненных холодным оружием. Таких ранений было описано по меньшей мере 39, из них 14 глубоких, проникающих в полость груди и живота с повреждением внутренних органов — сердца, легких и желудка. У погибшей были отрезаны верхняя губа и нос, которые оказались помещены ей в рот. На бедрах были отмечены специфические кровоподтеки, характерные для изнасилования —

они указывали на попытку преступника раздвинуть ноги жертве. Согласно заключению судебных медиков смерть девушки последовала в интервале от 20 до 24 часов 7 июля. Погибшая была полностью раздета, но ее вещи и одежду убийца скрыть не пытался — все они были хаотично разбросаны рядом, поэтому установить ее личность труда не составило.

Выяснилось, что у пансионата «Тихий Дон» была убита 17-летняя Люба Алексеева, прибывшая 7 июля в 19:15 в Ростов-на-Дону теплоходом из Константиновска, где она останавливалась в гостях у старшего брата. Девушке надо было попасть в Азов, но на последний теплоход туда она опоздала. Поэтому ей пришлось направиться к Ворошиловскому мосту, через который следовали маршрутные автобусы. Ей незачем было переходить на левый берег Дона, однако убийца как-то умудрился ее туда заманить.

Чикатило после ареста признал свою вину в убийстве Любы Алексеевой, заявив, что познакомился с нею возле моста через Дон и уговорил перейти на другой берег под тем предлогом, что там проще будет поймать попутный автобус или автомашину до Азова. Эпизод с данным преступлением особенно интересен тем, что это первый случай в истории убийств Чикатило (по официальной хронологии данное убийство явилось 27-м по счету), когда он запачкал кровью рубашку. До этого времени следствие как-то не затрагивало обстоятельств, связанных с устранением следов крови с тела и одежды убийцы. При совершении многих убийств он орудовал как мясник, причиняя чудовищные ранения и проводя кровавые ампутации органов, но никто никогда не видел на его руках, лице, манжетах рубашек и пиджаков ни капельки крови. Ни жена, ни взрослые дети, ни сослуживцы... В случае с убийством Любы Алексеевой маньяк признал, что запачкал кровью жертвы рубашку. Чтобы устранить следы крови, он вернулся на работу, выстирал рубашку и лег спать в кабинете. Такое объяснение следствие в 1991 г. вполне устроило, более того, в деле появилась даже интересная деталь. Насколько она правдоподобна, предложим читателю судить самостоятельно. Можно не сомневаться, что те, кому приходилось отстирывать вещи настоящим советским «хозяйственным» мылом, усомнятся в правдивости того, что такой стиркой «на руках» можно избавиться от пятен крови (впрочем,

никому не возбраняется поставить эксперимент в домашних, так сказать, условиях).

Как бы там ни было, согласно официальной версии событий Чикатило на следующий день после убийства Алексеевой вылетел в Ташкент в командировку.

Там он продолжил убивать. Где-то между 8 и 13 августа 1984 г. он убил неизвестную женщину на диком пляже возле поселка Азадбаш примерно в 40 км северо-восточнее Ташкента. Точную дату преступления, как и личность жертвы, правоохранительные органы так и не сумели установить. Обезглавленный труп женщины в возрасте 18–20 лет был найден в кустарнике у реки Чирчик 16 августа 1984 г., а ее голову, точнее, череп, находившийся всего в 15 м, случайно обнаружили лишь 7 октября (эта деталь свидетельствует об уровне квалификации следственных органов, не потрудившихся даже обыскать местность, прилегающую к месту преступления). Судебно-медицинская экспертиза определила время наступления смерти — 11–12 августа 1984 г.

Уголовное расследование в 1984 г. не возбуждалось, видимо, для Узбекской ССР нахождение обезглавленного женского трупа являлось делом обычным и никак не связанным с криминалом. В заявлении на имя Прокурора РСФСР, собственноручно написанном 10–11 декабря 1990 г., преступник сообщил об убийстве не известной ему молодой женщины на берегу реки Чирчик. Это заявление вызвало некоторый переполох среди правоохранителей, поскольку они ничего об этом не знали. В мае 1991 г. преступника вывезли в Узбекскую ССР, где он 29 мая в ходе следственного эксперимента, сопровождавшегося видеозаписью, сообщил о деталях данного убийства. По его словам, жертва была нетрезва, он при нападении на нее совершил попытку изнасилования, но половой акт осуществить не смог. Нанеся большое количество ножевых ранений и убив женщину, он без всякой обдуманной цели отрезал ей голову и, не зная, что с нею делать, просто отнес ее в кусты и выбросил. В виновности Чикатило не может быть ни малейших сомнений, поскольку он сообщил не только о деталях местности, действительно существовавших там, но и о таких, которые ко времени следственного эксперимента уже исчезли из-за проводимых в том районе ирригационных работ.

Свое следующее убийство Чикатило совершил в местности, чьи координаты являлись зеркальным отражением координат

предыдущего места убийства (тут бы, конечно, следователям могли пригодиться познания в географическом профилировании серийных убийств, но таковых они в 1984 г. не имели и иметь не могли). Если до этого убийца напал к северо-востоку от Ташкента, то 13 августа он совершил свое новое преступление к юго-западу от города, причем практически на таком же удалении — в районе платформы «3 407 км» в Чиназском районе Ташкентской области.

В электричке «Ташкент-Сырдарья» Чикатило познакомился с 10-летней Акмарал Сайдалиевой (встречается написание фамилии «Сейдалиева»), девочкой, оказавшейся на положении беспризорной из-за того, что ее отца арестовали по подозрению в совершении уголовного преступления, а мать отправили в лечебно-трудовой профилакторий (ЛТП) по причине алкоголизма. Девочка приехала в Узбекистан из Алма-Аты, столицы Казахской ССР, и не имела в этих местах родственников и знакомых. Хотя нам сейчас рассказывают о том, будто в советскую эпоху не было места ни безнадзорной молодежи, ни лицам без определенного места жительства, объективности ради следует признать, что на самом деле все это было в великой советской стране в избытке — и бомжи, и бродяги, и расселившиеся по брошенным хуторам хипари и цыгане. Всякого люда было вдосталь, и история Акмарал Сайдалиевой — лучшее тому подтверждение...

Чикатило, направлявшийся из Ташкента на юг, чтобы купить своим домашним лучшие узбекские дыни (так ему посоветовали коллеги в Ташкенте), живо сориентировался в обстановке и предложил голодной грязной девочке прогуляться с ним на дачу, где можно будет досыта поесть варенья и принять душ. Для десятилетней девочки, выдавшей в своей короткой жизни очень мало добра, этих обещаний оказалось достаточно.

Они вышли на полустанке и направились вглубь поля, засеянного чем-то, названия чему убийца не знал. Во время следствия Чикатило сказал, что в «поле росла культура, похожая на веники». Он был точен, в 1984 г. это поле было засеяно сорго. Зайдя вглубь посадок, убийца перешел к нападению — оно было, как всегда, стремительным, безжалостным и успешным. Не имея под рукой молотка, который Чикатило якобы заблаговременно брал с собою для совершения некоторых других убийств, он воспользовался поднятым с земли камнем. Им он оглушил девочку,

а далее пустил в ход нож, нанеся большое количество ранений. Ударов камнем было не менее 5, по крайней мере столько судебно-медицинская экспертиза насчитала впоследствии переломов костей черепа. Повреждения глазам не причинялись, жертва — не раздевалась, ампутации органов и частей тела не было зафиксировано. Труп Акмарал был найден колхозными рабочими 28 августа 1984 г. и, как посчитали специалисты Ташкентского областного бюро судебно-медицинской экспертизы, смерть девочки последовала из-за наезда на нее комбайна. Честь и слава судебным медикам Узбекской ССР!

Вплоть до сознания Чикатило труп девочки считался неопознанным, однако после сообщения убийцей деталей, связанных с биографией жертвы, убитую удалось идентифицировать. Виновность Чикатило в этом преступлении не вызывает сомнения — очень много деталей и разного рода нюансов указывают на его невероятную осведомленность как об обстоятельствах умерщвления, так и о деталях биографии жертвы. Это тем более важно, что вплоть до декабря 1990 г. никто и не думал связывать «узбекские эпизоды» с Чикатило.

Преступник вернулся из командировки в Ташкент 15 августа 1984 г. и при первой же возможности продолжил свою кровавую охоту. Его очередной жертвой стал — по крайней мере, если следовать официальной версии событий — 11-летний Саша Чепель, исчезнувший вечером 28 августа с автобусной остановки на перекрестке Ворошиловского проспекта и улицы Горького в Ростове-на-Дону. К концу августа уже вся Ростовская область гудела от разговоров о таинственных убийствах детей и женщин, поэтому родители Саши подняли тревогу немедленно. Быстро выяснилось, что товарищ проводил его до остановки, на которой в тот момент находилось большое количество людей, и они спокойно расстались в 19:40. Начались поиски вдоль возможного маршрута движения автобуса в сторону Северного жилого массива, где жил Саша, однако они не дали результата.

Проходили дни, и у всех занятых розыском мальчика крепло убеждение, что живым его отыскать не удастся.

Самые мрачные прогнозы оправдались 2 сентября, когда в зеленом массиве на левом берегу реки Дон был найден обнаженный труп мальчика со следами пыток. Судебно-медицинская экспертиза насчитала на его теле 14 ножевых ранений, следы

прижигания кожи, синяки на лице и шее, свидетельствовавшие об избиении и попытке душения. Мальчик подвергся анальному изнасилованию, его половые органы были ампутированы, язык — разрезан в трех местах. Одежду Саши отыскать не удалось.

Правоохранительные органы отнесли это убийство к еще одному из «сериала» таинственного маньяка. И сам Чикатило после своего ареста признал этот эпизод «своим». Однако есть в убийстве Саши Чепеля весьма важные детали, которые не соответствуют выработанной к тому времени манере действий убийцы. Прежде всего, обращает на себя внимание сравнительно незначительное количество ножевых ранений жертвы — их всего 14. Для криминального почерка Чикатило характерна избыточность нанесенных ранений — их число превышает 30 и даже 50! Очень странно прижигание тела — это весьма своеобразный элемент поведения, и ранее он не встречался в тех эпизодах, которые связывались с Чикатило. Не совсем понятно, как именно причинялись ожоги — Чикатило не курил и не носил с собой зажигалку. Во время следствия он заявил, что прижигал кожу мальчика спичками, но, чтобы воспользоваться ими, ему необходимо было задействовать обе руки, что снизило бы контроль над несвязанной жертвой. Есть и иная проблема, сопряженная с фактом прижигания кожи. К попытке огнем прибегают лица, демонстрирующие высокую степень самоконтроля во время совершения преступления, Чикатило же явно к числу таковых не относился. Саша Чепель был избит, однако Чикатило старался не наносить удары кулаками, вполне разумно опасаясь осаднений кожи на костяшках. Вообще, он пускал нож в ход с самого начала нападения, для запугивания жертвы наносил неглубокие порезы, если требовалось ударить — бил рукояткой ножа (и бил порой очень сильно!), но вот обычные удары кулаком для него нехарактерны. В случае же с убийством Саши Чепеля жертва получила не менее полудюжины сильных ударов кулаками, причем в правую и левую стороны лица, а это указывает на то, что мальчика били обеими руками.

Еще большее ощущение странности оставляет факт анального изнасилования мальчика. Чикатило был импотентом, всякую половую жизнь с женой он прекратил еще в 1981 или 1982 г. В момент убивания жертвы он испытывал кратковременное

и очень сильное сексуальное возбуждение, на несколько секунд возникала эрекция, и он мог осуществить эякуляцию, но этих нескольких секунд не хватало даже для минимального полового акта. Поэтому Чикатило и не насиловал жертвы. То, что Саша Чепель оказался изнасилован, до известной степени смутило и судей во время процесса. Для объяснения этой немаловажной детали, проигнорировать которую никак было нельзя, в потугах юридического косноязычия родилась следующая фраза: «Когда половой член не возбуждался, он пальцами вводил его в задний проход мальчиков и подростков» (лист 129 Обвинительного заключения по делу № 2-70/1992). Что означает эта фраза, осмыслить невозможно: как можно ввести возбужденный половой член пальцами — непонятно.

Станным кажется и полное отсутствие одежды. В тех случаях, когда причастность Чикатило к убийству не вызывает сомнений (скажем, при убийствах в Краснодарском крае или в Узбекской ССР), можно видеть полное равнодушие преступника к одежде жертвы. Он особо не обременяет себя ее методичным и хитроумным уничтожением — просто выбрасывает при отходе с места совершения убийства. Это, кстати, всегда утверждал и сам Чикатило. Если одежду жертвы не находили, то потому лишь, что особо и не искали, либо проходило слишком много времени с момента совершения преступления. В случае с убийством Саши Чепеля мы видим, что тело нашли довольно быстро — на пятые сутки после убийства, и прилегающая территория на левом берегу реки Дон была осмотрена со всей возможной тщательностью. Однако никаких вещей мальчика найдено не было, что свидетельствует, скорее всего, об их целенаправленном сокрытии.

Если следовать официальной версии событий, то буквально через 10 дней убийца решился на новую вылазку. Его очередной жертвой стала 15-летняя Ирина Лучинская, убитая 6 сентября 1984 г. Девушка была из разряда «проблемных» — она конфликтовала с родителями и учителями, неоднократно убегала из школы, курила, водила знакомство с такими же неблагополучными юношами. Убийца познакомился с нею на автобусной остановке напротив ростовского аэропорта, на том самом месте, где ему уже приходилось не без успеха находить жертву. Лучинская и Чикатило направились в парк Авиаторов, дабы совершить там

по обоюдному согласию половой акт. Не добившись эрекции, преступник решил прибегнуть к ставшему уже привычным способу получения удовлетворения — пустил в дело нож.

Нанеся девушке большое количество ранений, Чикатило добился ее быстрой смерти от острой кровопотери. В процессе умирания жертвы преступник испытал семяизвержение и сперма его осталась на юбке Ирины. После этого Чикатило полностью раздел труп, разорвав бюстгальтер руками и разрезав ножом пояс кофты, после чего вспорол живот и извлек матку (также он отрезал соски). Покидая место преступления, Чикатило накрыл жертву с головой ее же одеждой. Труп был обнаружен на следующий день.

Убийство Ирины Лучинской — это последний случай, когда преступник продемонстрировал особую манеру разрезания одежды жертвы. Никакого логически обоснованного целеполагания эти манипуляции не имели, поскольку одежда с места преступления не уносилась и не маскировалась.

В период с 1 июня по 8 сентября 1984 г. Чикатило развил невероятную криминальную активность — за 100 дней он убил десятерых, по крайней мере, если верить официальной трактовке событий. Об этом феномене нельзя не сказать несколько слов. Серийный убийца, в отличие от снайпера на войне или наемного киллера, переживает акт убийства очень бурно. И дело тут не только в сексуальном удовлетворении, которое, кстати, не является обязательным условием при принятии решения о нападении на жертву, гораздо важнее для преступника глубокая эмоциональная разрядка, неизбежно наступающая после убийства. В криминальной психологии такое состояние преступника называют «фазой эмоционального остывания». В это время преступник много спит и ест, он вял, равнодушен к внешним раздражителям, его тонус понижен, он испытывает упадок сил. Ему требуется некоторое время на восстановление нормального состояния, и интервал такого восстановления обычно колеблется в пределах от 4 недель до 6 месяцев.

Разумеется, возможны отклонения в ту или другую сторону, но в любом случае серийный убийца не убивает каждую ночь или через ночь — ему просто этого не хочется. На продолжительность восстановления непосредственно влияет возраст преступника: чем он моложе, тем интервал короче. Интенсивность нападений

одного из самых «результативных» американских серийных убийц Гэри Риджуэя резко пошла на спад после того, как ему исполнилось 35 лет. Когда после ареста его попросили объяснить причину этого, Риджуэй высказался в том духе, что убивать людей — это тяжелая работа, и с возрастом ее все труднее делать хорошо. Сказанное, конечно, звучит цинично, но по сути своей очень верно. Выдерживать высокий темп убийств, да тем более на протяжении длительного интервала времени, очень непросто, а в положении, в котором находился Чикатило в середине 1984 г., непросто стократ.

В том году он проживал в городе Шахты, постоянно приезжал в Ростов-на-Дону сначала в поисках работы, а с 1 августа — уже как трудоустроенный в Ростове. Он проводил много времени в довольно изнурительных по ростовской жаре поездках, иногда оставался спать на работе, причем дивана в его кабинете не было — он спал на письменном столе, положив под голову портфель. Питался в заводской столовой, а то порево, которым кормили в советских «столовках», являлось серьезным испытанием даже для совершенно здорового желудка. Чикатило вел жизнь очень активную, постоянно находился в разъездах, на ногах, в общении с людьми, ему нередко приходилось выполнять обязанности грузчика (он даже шутил по этому поводу, говоря, что инженер-снабженец — это всегда грузчик). Наконец, следует не забывать и то, что в 1984 г. Чикатило исполнилось уже 48 лет, а это возраст далеко не мальчишеский. Напомним: Гэри Риджуэй резко снизил свою активность уже в 35.

К осени 1984 г. ситуация с расследованием немотивированных убийств детей и подростков в Ростовской области стала меняться. К делу подключилась Прокуратура РСФСР, был создан оперативный штаб, который базировался одновременно в двух местах — Ростове-на-Дону и Шахтах — городах с наибольшей активностью неизвестного маньяка. Поскольку убийства продолжались в то время, как семеро умственно неполноценных подозреваемых находились под стражей, несостоятельность пресловутого «дела дураков» стала очевидна всем. Бедолаг пришлось отпустить на свободу.

Большие силы милиции с этого времени стали направляться для негласного контроля мест возможного появления преступника (железнодорожных и автовокзалов, парков, остановок

общественного транспорта). Работа эта дала результат и едва не привела к разоблачению Чикатило.

Еще 5 сентября — до убийства Ирины Лучинской — тот привлек к себе внимание сотрудников милиции в штатском, осуществлявших наблюдение за обстановкой в районе автобусной остановки возле ростовского аэропорта. Чикатило заговаривал с женщинами, то уходил с остановки, то возвращался обратно, и было непонятно, куда ему надо ехать, а если никуда не надо, то какова цель его пребывания на остановке? В тот день подозрительного мужчину задерживать не стали, но запомнили. Через неделю — вечером 12 сентября — Андрей Романович вновь «засветился» в Ростове перед нарядом из двух милиционеров в штатском, которые очень заинтересовались его действиями. Они даже покатались с ним в троллейбусе и обратили внимание на сексуальную неадекватность уже немолодого мужчины: тот прижимался к женщинам, трогал их за руки, пытался заговаривать даже в тех случаях, когда его явно игнорировали и т. п. При этом цель его перемещений по городу оставалась неясна, мужчина явно никуда не спешил, на троллейбусе, например, он проехал одним и тем же маршрутом в обе стороны. Ночью в зале ожидания автовокзала Чикатило с местной проституткой, прикрывшись портфелем, занялся тем, что осуществлявший наблюдение милиционер считал оральным сексом. После полуночи милиционеры задержали подозрительного мужчину.

При осмотре портфеля, который Чикатило имел при себе в момент задержания, были обнаружены нож, две веревки-шнура, кусок проволоки и баночка вазелина. Задержанный вполне логично объяснил назначение всех этих предметов: дескать, нож ему нужен для самозащиты, потому что его несколько раз избивали хулиганы, шнуры и проволоку он использует в работе, поскольку ему частенько приходится упаковывать различные мелкие грузы, а вазелин он применяет для смягчения щетины при бритье. Усмехаться не надо, в подзабытое ныне советское время далеко не во всех общежитиях и домах была горячая вода, а бриться толстыми и тупыми советскими бритвами «Нева» в холодной воде — то еще удовольствие! Пена для бритья являлась роскошью, ее привозили в качестве презента из крупных городов. Советские мужчины не зря шутили, намекая на свою нелегкую долю: «Лучше пару раз родить детей, чем каждый день

бриться». Поэтому использование вазелина в качестве средства для бритья в глазах советского человека не казалось чем-то смешным или глупым.

Задержанный во время разговора с оперативниками сильно потел, но контролировал волнение, не паниковал, отвечал логично и связно. Его, в общем-то, и не за что было задерживать, но уж очень смущало полное совпадение внешности Чикатило с тем словесным портретом, который был получен при расследовании убийства Димы Пташникова. Ведь тогда, напомним, предполагаемого убийцу видели по меньшей мере три свидетеля, одна из которых — продавщица из киоска «Союзпечати» — даже разговаривала с ним. Соответствие Чикатило словесному портрету было полным: рост — чуть выше 180 см, размер обуви — 43–44, комплекция, возраст... Совпадали даже мелочи — потрескавшаяся кожа на ручке портфеля и очки на резинке. Это было самое настоящее попадание в десятку!

Следователи были до такой степени уверены в успехе, что обратились к судебным медикам с просьбой проверить группу крови задержанного. Такой анализ был быстро сделан, и стало ясно, что группа крови Чикатило (II) не совпадает с группой крови разыскиваемого маньяка (IV).

Судебные медики допустили грубейшую ошибку, можно сказать, непростительную. В сексуальных преступлениях, в которых сперма преступника выступает в качестве одной из улик, проверка на «выделительство антигенов» обязательна. Как было отмечено выше, «невывделителей» очень много — порядка 15% населения, а это значит, что судебный медик обязан учитывать вероятность того, что лицо, от которого происходит сперма, является «невывделителем». Чикатило в обязательном порядке должен был быть проверен на «выделительство». Если бы стало известно, что он является «невывделителем», то, возможно, следствию стала бы ясна недостаточность проводимой работы (Причем тут важно указать на существенный момент, который неизвестен большинству далеких от судебной медицины людей: при проверках групповой принадлежности жидкостей «невывделителей» необходимо брать образцы той природы, что и найденные на месте преступления, то есть кровь сравнивается с кровью, сперма — со спермой, слюна — со слюной. Сравнения группы крови и групповых антигенов из спермы недостаточно,

и судмедэксперты всегда должны помнить об этих нюансах в работе.). Возможно, были бы назначены повторные экспертизы имевшихся к тому моменту улики, и стало бы ясно, что образцы с мест преступлений недопустимо загрязнены и нерелевантны.

Но... история не знает сослагательного наклонения! Вопиющая некомпетентность нескольких человек загубила расследование, которое уже в сентябре 1984 г. могло бы завершиться успехом. Досадно и то, что свидетелям, видевшим Диму Пташникова с неизвестным мужчиной, не предъявили фотографий Чикатило. Возможно, его уверенное опознание свидетелями смогло бы подтолкнуть следствие к анализу того, насколько достоверно заключение о наличии у убийцы четвертой группы крови.

Задержание Чикатило имело, впрочем, определенные последствия для Андрея Романовича. Можно сказать, что советская бюрократическая машина проявила себя в этой ситуации во всей красе. Чикатило уволили из ПО «Ростовэнергоавтоматика», куда он устроился всего за полтора месяца до этого, и по результатам ревизии обвинили в краже аккумулятора и рулона линолеума. Дело выглядело совершенно смехотворно, но кто-то в руководстве производственного объединения, видимо, решил, что дыма без огня не бывает. Сам Чикатило, кстати, всегда отрицал свою виновность в хищении и даже последнее интервью, данное работникам пензенского телевидения за несколько месяцев до расстрела, начал со слов: «Линолеум я не крал — меня оговорили», — и после этого злосчастный рулон линолеума вспоминал еще раз десять на протяжении полутора часового общения. Убийства детей не отрицал, а вот кражу признавать отказывался до самой смерти.

Андрея Романовича исключили из партии, членом которой он пробыл четверть века, — той самой, что «ум, честь и совесть нашей эпохи», — и возбудили в отношении него уголовное дело по ст. 92 ч. 1 УК РСФСР («Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением»). Конечно, тут работники советской правоохранительной системы показали себя во всей красе — серийного убийцу, у которого руки были по локоть в крови, разоблачить не сумели, а вот «липовое» дело «пришили» намертво. Расследование «хищения» позорно довели до суда. 12 декабря 1984 г. Ленинский районный суд

г. Шахты осудил его на 1 год исправительных работ, но, видимо, сам судья испытывал сильные сомнения в справедливости такого приговора, потому что постановил освободить осужденного «с зачетом срока содержания под стражей» прямо в зале суда. Так что в тот день — спустя ровно три месяца с момента задержания в ночь на 13 сентября — Андрей Романович вышел на свободу.

Вплоть до самого ареста в 1990 г. Чикатило пытался оспорить вынесенный тогда приговор. За шесть лет он написал более 50 заявлений во все мыслимые инстанции от Верховного Суда СССР до Администрации Президента Советского Союза, добиваясь отмены приговора и восстановления в рядах коммунистической партии. Многие из этих заявлений отвозил в столицу лично, попутно участвуя в различных пикетах и демонстрациях, которые в перестроечные годы проходили в Москве чуть ли не ежедневно. Вместе с кузбасскими шахтерами, разбившими палаточный лагерь у Горбатого моста, поучаствовал даже в пикетировании «Белого дома». Чтобы более не возвращаться к этой теме, отметим, что ничего у Чикатило не вышло, приговор никто не отменил, и в партии его так и не восстановили.

В январе 1985 г. Андрей Романович устроился инженером на Новочеркасский электровозостроительный завод (хотя имел филологическое образование и инженером, строго говоря, никогда не был). Работа, как и прежде, была связана со снабжением, справлялся он с обязанностями неплохо, поскольку с людьми договариваться умел, был вежлив, выдержан, никогда не скандалил. Вообще, как отмечали все его сослуживцы, вывести Чикатило из равновесия было невозможно, даже когда его оскорбляли и унижали, он никогда не отвечал на агрессию, а лишь замыкался и сносил упреки молча. Через полтора года получил должность начальника отдела, и в сентябре 1986 г. ему вручили смотровой ордер на служебную жилплощадь в Новочеркасске. До той поры он ездил на работу из Шахт.

С 29 июля по 16 августа 1985 г. Чикатило находился в командировке в Москве, жил в общежитии производственного объединения «Москабель». 1 июля он отправился электричкой в аэропорт «Домодедово» с целью заказать билеты на обратный рейс. Авиабилеты на южные направления в сезон отпусков следовало заказывать пораньше, иначе можно было застрять в столице. В электричке он заговорил с 16-летней девушкой Натальей

Похлистовой, они вместе вышли на платформе «Авиационная» и углубились в лес, миновав жилой массив «Востряково-1» (ныне это микрорайон города Домодедово). Там Чикатило под угрозой ножа связал девушке руки, принялся раздевать, попытался осуществить половой акт, как всегда, неудачно. Попытался душиТЬ, затягивая обрезок шпагата на шею жертвы, однако без кровопролития должного возбуждения не возникало. Тогда убийца пустил в ход нож, нанеся в общей сложности 38 ударов в шею, грудь, живот. Уже после убийства изувер отрезал соски жертвы. Полностью раздев жертву, Чикатило забрал с собой почти всю одежду, однако зеленым плащом, принадлежавшим убитой, накрыл труп с головою. Одежду Натальи преступник выбросил где-то неподалеку, однако правоохранители ее так и не смогли найти. Шпагат с рук убитой девушки убийца снял, а с шеи — забыл. В целом, картина на месте преступления была довольно характерна для Чикатило — неупорядоченная и хаотичная.

В том, что в этом убийстве виноват действительно Чикатило, сомнений быть не может. В 1991 г. в ходе следственного эксперимента он уверенно привел следственную группу на место преступления, показав маршрут от железнодорожной платформы и верно указав на изменения в окружающей обстановке за последние годы (на маршруте следования к 1991 г. появились гаражи, которых не было в 1985 г.). Об этих изменениях работники следственной группы не знали, и последующая проверка показала, что Чикатило не ошибался.

На шее убитой девушки и шпагате, затянутом на шею, были обнаружены следы пота убийцы, по результатам исследования которых было сделано предположение о его группе крови (IV). Поскольку в Ростовской области уже вовсю шли розыски таинственного маньяка, имевшего, по мнению следствия, ту же группу крови и убивавшего в схожей манере, появилась версия о переезде преступника в Москву или Московскую область. В апреле 1986 г. в Подмоскowie начал совершать нападения Сергей Головкин, и его преступления долгое время смешивались с теми, что совершал разыскиваемый по делу «Лесополоса» убийца. Хотя криминальный почерк Головкина заметно отличался от того, что демонстрировал неизвестный маньяк из Ростовской области, данное обстоятельство игнорировалось следствием. Головкин нападал только на мальчиков до 12 лет,

маленьких и сублильных, совершал анальное изнасилование, трупы донага не раздевал, соответственно, не уносил одежду, да и сами трупы не маскировал. То, что отечественные правоохранительные органы смешали воедино преступления совершенно разные по своему почерку, свидетельствует о том, что наработки западных криминалистов по психологии серийных преступников являлись для них полнейшей терра инкогнита. Советские следователи вообще не ориентировались в той тематике, с которой им приходилось иметь дело. Это тем более досадно, что ко второй половине 1980-х гг. разработанный в ФБР метод построения «психологического профиля» сексуального преступника уже на практике доказал свою исключительную эффективность, и на курсах совершенствования сотрудников иностранных правоохранительных органов его даже начали преподавать как один из базовых. В СССР об этом, разумеется, знали, но, как водится, шли в будущее своим самобытным путем проб, ошибок, подвигов и дилетантизма...

27 августа 1985 г. вернувшийся из Москвы Чикатило совершил новое убийство. Его жертвой стала 17-летняя Инесса Гуляева, с которой убийца познакомился на автовокзале в г. Шахты. Девушка была «неблагополучной», как говорили тогда, вела предосудительный образ жизни: распивала спиртные напитки, не гнушалась мелкими правонарушениями, водила дружбу с таким же проблемным, как и она сама, контингентом. За несколько часов до убийства, а именно в 17 часов 27 августа, ее освободили из шахтинского спецприемника, куда она попала за драку в нетрезвом виде. Чикатило уговорил ее заняться сексом за деньги на его даче, и они уединились в лесопосадках, примыкавших к Шахтинскому лесхозу. Место это было глухое, уединенное, а августовский вечер — жаркий и темный.

Убийца хотя и набросился на жертву внезапно, все же не смог быстро ее обездвигить — Инесса в ходе борьбы сумела вырвать из головы Чикатило волос, который впоследствии криминалисты отыскали зажатым между ее пальцами. Пользуясь превосходством в силе и весе, преступник все же сумел связать жертву, несколько раз сильно ударил ее в солнечное сплетение, дабы девушка не могла кричать, и принялся заталкивать ей в рот землю. После этого Чикатило некоторое время душил Инессу и лишь после этого пустил в ход нож. Все ножевые удары оказались

сосредоточены в районе промежности и ягодиц. Убедившись, что жертва мертва, преступник раздел ее и накрыл тряпкой, найденной на свалке неподалеку. Там же, на свалке, он выбросил одежду Инессы. Чикатило не отрезал у убитой им девушки соски и не извлек матку, что почти всегда проделывал при предыдущих нападениях. После ареста он пояснил, что попытался изменить свою манеру нападений, дабы правоохранительные органы не связали это преступление с другими убийствами на территории Ростовской области.

Труп Инессы Гуляевой был найден на следующий день, и тогда же удалось отыскать ее одежду. Судебно-медицинская экспертиза констатировала смерть от механической асфиксии, наступившей вследствие душения руками. В области солнечного сплетения был зафиксирован обширный кровоподтек, который, по мнению экспертов, мог привести к потере сознания и без удушения. Специфичность локализации ножевых ранений, а также обращения с одеждой жертвы навели следователей на мысль, что убийство совершено тем же самым маньяком, который разыскивался в рамках литерного дела «Лесополоса». В пользу этого говорили и некоторые другие соображения: убитая девушка происходила из неблагополучной среды, преступник увел ее с автовокзала, да и сам город Шахты находился в эпицентре активности таинственного изувера. Так что, скажем прямо, Чикатило своего замысла по запутыванию следствия не достиг.

В этой связи следует отметить приверженность серийных убийц однажды выработанной оптимальной (на их взгляд) манере криминального поведения. Обычно к третьему или четвертому нападению они уже определяют с наилучшим алгоритмом действий на всех этапах преступного посягательства и эту свою приверженность сохраняют на весь период активности. Кто-то, как Чикатило, будет резать жертву ножом, другие, как упоминавшийся выше Гэри Риджуэй, душить сдавливанием шеи между плечом и предплечьем, третьи могут выбрать для нападений экзотические виды оружия, как, например, российский серийный убийца Иван Продан, крушивший головы стальным уголком, или непоиманный американский убийца начала 20 в., убивавший на Среднем Западе топором... Попытки изменить однажды выработанную схему криминального поведения к успеху не приводят: если серийного убийцу

не ловят на допущенных ошибках, он неизменно возвращается к прежней, хорошо зарекомендовавшей себя модели. Чикатило остался неудовлетворен тем, как протекал процесс убивания Инессы Гуляевой, и в дальнейшем он отказался от каких-либо видоизменений своего криминального почерка, вернувшись к той схеме, которую успел выработать и «обкатать» к 1985 г.

После убийства Инессы Гуляевой на криминальном поприще Андрея Чикатило возникла большая пауза. Продлилась она двадцать с половиной месяцев — до середины мая 1987 г. — и никакого логического объяснения в жизненных обстоятельствах Чикатило не находит. В это время он не болел, не попадал в места лишения свободы — а это основные причины прекращения активности серийного убийцы. Напротив, в этот период бытовая сторона жизни Андрея Романовича наладилась — он стал начальником отдела НЭВЗ, благодаря размену шахтинской квартиры обзавелся двухкомнатной квартирой в Новочеркасске, купил подержанный ВАЗ-2106, стал зарабатывать очень приличные деньги. Горбачевская перестройка переживала свой помпезно-цветочный период, уже вовсю говорили о поддержке инициативы, кооперации и малого предпринимательства, в народ бросили клич: «Обогащайтесь!» — и обогащаться прежде всех кинулись большие и маленькие руководители производства. Зарплату стало возможным не прятать, оформляя «липовые» премии. У Андрея Романовича постоянно имелись «на кармане» хорошие деньги, и все в жизни вроде бы складывалось хорошо. Совершенно непонятно, почему он более чем на полтора года отказался от своего смертельного кровавого хобби. Подобного рода перерывы в активности крайне нехарактерны для серийных убийц, вполне возможно, что на самом деле какие-то преступления Чикатило в период с августа 1985 г. по май 1987 г. все же совершал, но правоохранительным органам связать их с его личностью так и не удалось.

С 6 по 18 мая 1987 г. Андрей Романович находился в командировке в г. Каменске-Уральском Свердловской области. 16 мая он отправился более чем за 120 км в г. Ревду Первоуральского района с единственной целью — отыскать жертву для нового убийства. На свою беду на вокзале с ним заговорил 13-летний Олег Макаренков, ученик школы-интерната № 15 г. Дегтярска. Мальчик ехал на учебу после встречи с матерью, но решил

прогулять занятия и вышел из поезда в Ревде. У Олега было непростое детство, в интернате его унижали и третировали, он много терпел несправедливости, и потому вряд ли покажется удивительным, что вежливый и доброжелательный дяденька без особых затруднений расположил подростка к себе. Чикатило сработал по своей давно устоявшейся схеме: предложил накормить мальчика на даче, увел его в сторону от города и напал на склоне горы Волчиха неподалеку от линии железной дороги. Сначала он раздел подростка, намереваясь осуществить половой акт, но когда у него в очередной раз ничего не получилось, пустил в ход нож.

Об этом преступлении ничего не было известно вплоть до момента добровольного признания Чикатило в первой декаде декабря 1990 г. Когда он сообщил об убийстве подростка под Ревдой, правоохранительные органы бросились проверять эту информацию, и оказалось, что в лесу возле горы Высокой 12 июля 1987 г. был найден скелет девушки, но не мальчика. Убитую идентифицировать не удалось, и неопознанный скелет продолжал храниться в морге Свердловского областного Бюро судебно-медицинской экспертизы. Повторная судебно-медицинская экспертиза, проведенная уже в 1991 г. Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, установила, что скелет, который первоначально был объявлен «принадлежащим девушке 15–19 лет», на самом деле принадлежал Олегу Макаренкову (внимательный читатель припомнит, что аналогичная ошибка была допущена несколькими годами ранее в отношении скелета Сергея Кузьмина). Очевидно, что дознание в отношении причин смерти неопознанного трупа, проведенное в 1987 г., было неполным и халатным. Повторный осмотр местности, проведенный уже через 4 года, летом 1991 г., позволил обнаружить волосы убитого, не замеченные по небрежности ранее. Тут, как говорится, комментарии излишни.

Сам же Олег Макаренков с апреля 1990 г. официально числился пропавшим без вести.

Таким образом, если верить официальной трактовке событий, Андрей Чикатило после длительной паузы вернулся на проторенную ранее «тропу убийств». Только теперь он почему-то стал совершать нападения в тех местах, куда его заносили служебные командировки. Следствие и позже суд попытаются

объяснить такое поведение убийцы тем, что он решил придерживаться известного бандитского правила «Не гадить там, где живешь». Поэтому, дескать, уезжал в другие регионы и убивал там... Аргумент, если честно, выглядит откровенно слабым: если бы кто-то из правоохранителей догадался бы связать убийства в других регионах с поездками туда Чикатило, то его заключили бы под стражу немедленно. Никакое бы алиби ему не помогло: советские сыщики, как убежденные атеисты, в мистические совпадения не верили по определению. Тем более что под серьезное подозрение он уже попадал и выскочил из тисков мрачного советского закона чудом...

Тем не менее официальная летопись преступлений Чикатило гласит, что тот совершил следующие убийства именно «на выезде».

Во второй половине дня 29 июля 1987 г. в городе Запорожье Украинской ССР исчез 12-летний Ваня Биловецкий. Розыски его начались на следующий день, а еще через сутки пятеро друзей мальчика рассказали в милиции о том, что они втайне от родителей имели обыкновение курить в лесополосе на окраине. В тот район немедленно была отправлена розыскная группа, которая и обнаружила обнаженный труп мальчика. Выехавший на место преступления кинолог со служебной собакой сумел восстановить «дорожку отхода» убийцы — тот прошел через лесопосадку и вышел к автобусной остановке «Магазин № 45».

Судебно-медицинская экспертиза зафиксировала, что смерть Ивана Биловецкого явилась следствием колото-резаных ран шеи, повредивших крупные кровеносные сосуды. На голове были отмечены следы трех ударов тупым предметом, которые могли вызвать потерю сознания. На шее отчетливо просматривались синяки от рук, а рот оказался плотно набит землей. Мальчик, по мнению судмедэкспертов, подвергся анальному изнасилованию, на его трусах была обнаружена сперма.

Это убийство не связывалось с маньяком, разыскиваемым по делу «Лесополоса», но в своем заявлении на имя Прокурора РСФСР, написанном 10–11 декабря 1990 г., Чикатило сообщил об убийстве мальчика в г. Запорожье летом 1987 г. Так убийство Вани Биловецкого связали с Чикатило. Назначенная комиссия судебно-биологическая экспертиза, изучив образцы спермы с трусов Биловецкого, пришла к выводу, что ее происхождение

от Чикатило не исключается. На этом основании данный эпизод вошел в обвинительное заключение прокуратуры.

На суде, однако, Чикатило отказался от своих показаний на предварительном следствии, заявив, что оговорил себя. Строго говоря, никаких улик против него по этому эпизоду не существовало вообще. Так, например, факт приезда Чикатило в Запорожье 29 июля 1987 г. не находил объективного подтверждения. Было известно, что в конце июля он ездил за покупками в украинский Донецк, но этот город удален от Запорожья примерно на 200 км. Поезд туда и обратно был далеко не одномоментным делом, особенно учитывая то, что преступнику требовалось время на то, чтобы отыскать и убить свою жертву, а кроме того, потратить время на покупку дефицитных товаров, призванных объяснить его поездку в неблизкий регион в глазах родственников и знакомых. Вызывает определенные сомнения в виновности Чикатило и то обстоятельство, что убитый мальчик подвергся изнасилованию. Андрей Романович, как успел уже заметить читатель, имел большие проблемы с потенцией. Многие детали поведения убийцы Вани Биловецкого отличаются от тех, что были присущи Чикатило, и достаточно полно описаны в настоящей главе (отрезание сосков, кончика языка, половых органов, целенаправленное травмирование промежности, разрезание брюшины, выкалывание глаз и прочее). Областной суд проигнорировал отказ обвиняемого от признания вины по этому эпизоду, но Верховный Суд Российской Федерации впоследствии пересмотрел это решение и за недоказанностью вины снял обвинение.

С 7 по 27 сентября 1987 г. Чикатило находился в командировке в Ленинграде. 15 сентября на Финляндском вокзале он познакомился с 16-летним Юрием Терешонком, учащимся СГПТУ-93. Юрий вернулся в город из колхоза, где его группа работала на сельскохозяйственных работах. Он намеревался забрать кое-какие вещи из общежития и вернуться назад, к ребятам, но на свою беду повстречал на вокзале интеллигентного общительного и немолодого дядьку в очках, который, разговорившись, предложил Юрию попить пива у него на даче, сходить за грибами и даже пообещал организовать получение фиктивного больничного листа, дабы молодого человека не отчислили из училища за прогул. Соблазн оказался слишком велик, и Юрий сел в электричку с незнакомцем.

Этим незнакомцем был Андрей Чикатило, он совершенно не ориентировался в ленинградских пригородах и завез своего молодого «друга» аж на станцию «Лемболово». Это примерно в 55 км от города, более часа езды на тихоходной советской электричке. Выйдя из поезда, убийца и жертва направились в лес... Юрий до последнего момента не догадывался о том, что его ждет. Углубившись в лес по тропинке и убедившись, что рядом нет свидетелей, Чикатило мгновенно перешел в наступление, напал безо всякого предупреждения, повалил, стал избивать молодого человека, подавив его волю к сопротивлению, принялся срывать одежду и частично раздел. Попытался совершить половой акт, но... в очередной раз пережил фиаско. Пустив в ход нож, Чикатило быстро убил жертву, полностью раздел молодого человека и выбросил одежду на обратном пути к платформе пригородных электропоездов.

Об этом преступлении известно очень мало. Юрий Терешонок с сентября 1987 г. находился в розыске, и о его убийстве стало известно только после того, как Чикатило сообщил о данном эпизоде в заявлении на имя Прокурора РСФСР, написанном 10–11 декабря 1990 г. Несмотря на давность, он довольно точно описал внешность убитого им молодого человека, не забыв упомянуть его избыточный вес и синюю куртку из болоньевой ткани, в которую был облачен Юрий. Эти детали были очень важны — Терешонок страдал от ожирения II степени и любил носить синюю форменную куртку, которую ему выдали в СГПТУ. В 1991 г. Чикатило вывезли в Ленинградскую область для проведения следственного эксперимента и проверки сделанного им заявления на местности. Спецгруппа вместе с Чикатило «накрутила» несколько десятков километров по дорогам, тропинкам и просекам в окрестностях платформы «Лемболово», пока, наконец, убийца не указал участок леса, который явился, по его мнению, местом преступления. Проведенная с привлечением большого числа военнослужащих поисковая операция привела к обнаружению двух крупных человеческих костей, но более никаких результатов не дала. Полный скелет восстановить так и не удалось — за прошедшие со времени убийства четыре года лесные разрушители трупов сделали свою работу. Одежду также отыскать не удалось. Последующая судебно-медицинская экспертиза пришла к выводу,

что найденные кости принадлежат подростку мужского пола старше 14 лет.

На этом, собственно, и все... Вина Чикатило в этом убийстве сомнений не вызывает — он сообщил такие детали, которые никто, кроме убийцы, знать не мог.

Но после вполне успешной «ленинградской вылазки» в активности преступника последовал очередной странный и внешне немотивированный перерыв продолжительностью почти в 7 месяцев. Лишь в апреле 1988 г. Чикатило убил очередную жертву. Преступление произошло 5 или 6 апреля 1988 г. в городе Красный Сулин, расположенном примерно в 20 км севернее Шахт. Чикатило направлялся для встречи с семьей, но нарочно вышел в Красном Сулине, рассчитывая совершить там убийство и быстро покинуть город.

Собственно, вышел он из электропоезда не один — в электричке произошло знакомство с будущей жертвой, которую преступник успешно выманил из состава. Женщина, которая опрометчиво вышла с Чикатило, имела возраст в диапазоне от 22 до 28 лет, точнее сказать не представляется возможным, поскольку личность ее так никогда и не была установлена. Убийца заманил свою новую знакомую в район завода металлоконструкций, на мрачный грязный пустырь, заполненный всяким хламом и промышленным мусором. Чикатило хорошо ориентировался в этом районе, поскольку не раз бывал на упомянутом заводе по делам своей снабженческой службы и изучил его окрестности. Расстояние от пустыря до платформы электропоездов составляло примерно 3 км, работники следственной группы преодолели его впоследствии за 44 минуты. Просто диву даешься, насколько ловко Чикатило умел заговаривать зубы незнакомым людям и усыплять их бдительность, причем проделывал он это в местности, где всяк от мала до велика был наслышан о таинственном убийце, а потому держался настороже!

Внезапно напав на женщину, преступник быстро лишил ее способности к сопротивлению, связав руки заблаговременно припасенной веревкой. Попытавшись совершить половой акт, Чикатило вновь убедился в том, что эрекции без вида крови не происходит. Тогда он принялся бить женщину головой о расколотую железобетонную конструкцию, находившуюся на месте преступления. Жертва быстро потеряла сознание, а Чикатило,

опасаясь, что та закричит, когда придет в себя, принялся набивать ее рот землей. Но женщина в сознание так и не пришла — она умерла от открытой черепно-мозговой травмы. Чикатило нанес агонизировавшей жертве 10 ударов ножом в шею и подбородок, отрезал нос.

Покидая место преступления, убийца раздел жертву и снял веревку, посредством которой связывал женщине руки. Одежда была им выброшена, и найти ее не удалось. Судебно-медицинская экспертиза обнаружила на голове убитой женщины следы, аналогичные тем, что ранее уже фиксировались на телах других жертв преступника, разыскиваемого в рамках дела «Лесополоса» (Бирюк, матери и дочери Петросян, Илларионова и других). Было сделано предположение, что убийца использовал при падении молоток, но Чикатило после своего ареста категорически отрицал использование молотка припадении в Красном Сулине в апреле 1988 г. (хотя свою вину в этом преступлении признавал). Ясности в этом вопросе добиться так и не удалось.

Если исходить из официальной версии событий, успешное убийство придало уверенности Чикатило, и его криминальная активность вернулась к более-менее понятному графику, т. е. интервал между нападениями сократился. Следующее убийство произошло через 5 недель после преступления в Красном Сулине, на этот раз на территории Украинской ССР на станции Иловайск. Чикатило возвращался из командировки в г.Артем Донецкой области и специально вышел в Иловайске, имея намерение совершить там убийство. Этот город никак не был связан с рабочими поездками Чикатило, поэтому он вполне разумно предположил, что никто не сможет впоследствии доказать факт его пребывания здесь во время совершения преступления.

Убийца довольно долго крутился в районе вокзала, изучая прилегающие кварталы и возможные маршруты движения. Во второй половине дня, незадолго до начала сильного ливня (по данным местной метеостанции дождь пошел после 16 часов), Чикатило познакомился с 9-летним Лешей Воронько. Он обманом уговорил мальчика сходить к нему «на дачу», и они отправились вдоль железнодорожной насыпи. Их повстречали друзья Леши, которые заговорили и в свою очередь позвали мальчика с собою, тот заколебался и, казалось, был уже готов изменить первоначальное решение, но Чикатило, наблюдавший за ним,

строго скомандовал: «Леша, пошли!» Воронько послушал незнакомца, и это решение стоило ему жизни.

В данной ситуации нельзя не отметить возросшую дерзость убийцы, который не отказался от нападения даже после того, как его увидели друзья жертвы. Чикатило уже до такой степени верил в собственную удачливость, что наличие свидетелей его более не пугало. Кстати, эпизод с убийством Воронько по меньшей мере третий, когда свидетели видели жертву с преступником — это опровергает широко распространенный впоследствии миф о том, что Чикатило якобы всегда умудрялся оставаться незамеченным и потому, мол-де, никто не знал, как он выглядит. На самом деле описания внешности преступника существовали, как существовали и свидетели, способные его опознать...

На краю лесопосадки, примерно в 450 м от последних домов жилого квартала, Чикатило напал на мальчика, нанес удар по голове подобранным ранее железнодорожным костылем и опрокинул навзничь. Чтобы не допустить разбрызгивания крови, убийца натянул на голову жертвы майку и стал наносить удары через ткань. Как показала судебно-медицинская экспертиза, из 19 ударов костылем по голове, полученных мальчиком, 18 оказались нанесены через ткань. После убийства Чикатило разрезал живот мальчику (длина разреза составила 12 см) и оторвал руками мошонку. Также была нанесена дюжина ударов ножом в область шеи, головы и плеч. Судебно-медицинская экспертиза зафиксировала разрыв сфинктера прямой кишки, на основании чего было сделано предположение о возможном анальном изнасиловании, но Чикатило после ареста утверждал, что изнасилования на самом деле не было, а возможная анальная травма связана с его манипуляциями руками.

После убийства Чикатило перенес труп к траншее, которую копали неподалеку рабочие под кабель связи, и столкнул тело на ее дно. Далее, орудуя ножом, словно саперной лопаткой, убийца обрушил стенку траншеи на труп, тем самым скрыв его под слоем земли. Одежду мальчика, временно снятую, он отнес в лесополосу и выбросил, после чего вернулся на вокзал и уехал поездом. Надо сказать, что все ухищрения по маскировке трупа и одежды не помогли преступнику — на следующий день рабочие, прибывшие для продолжения земляных работ, обнаружили засыпанное землей тело

мальчика. А милиционеры при прочесывании местности отыскивали выброшенную одежду.

Нельзя не признать, что убийство Алексея Воронько заметно отличается от присущей Чикатило манере действия. Прежде всего, преступник ограничился сравнительно небольшим числом ножевых ударов, локализованных в районе шеи, что крайне нехарактерно для убийств, безусловно связанных с Чикатило. Удивительна предусмотрительность преступника, натянувшего на голову жертве майку — Чикатило ни до, ни после этого эпизода так не поступал. Он вообще как будто бы не беспокоился из-за того, что кровь может попасть на его одежду, и, раздев жертву, почти всегда ложился на нее сверху, прижимая к земле. Совсем удивительным выглядит сокрытие тела убитого мальчика в траншее. Чикатило после убийства моментально терял интерес к трупу и его постмортальные манипуляции были сведены к минимуму. Он никогда не закапывал тела, максимум, на что его могло хватить — забросать тело наскоро срезанными ветками либо травой. Сам преступник путался в рассказах об убийстве Лешу Воронько: в одних показаниях он утверждал, будто бил мальчика железнородожным костылем, подобранным незадолго до нападения, в других — рассказывал об использовании молотка с заранее укороченной рукояткой. Но кажется очень сомнительным, чтобы Чикатило взял с собою в командировку такой молоток. Один раз его уже задерживала и обыскивала милиция, и Андрей Романович составил представление о том, сколь дотошно и даже пристрастно милиционеры подходят к изучению вещей задержанного. Молоток с укороченной рукояткой привлек бы к себе много внимания, а этого допускать было никак нельзя. Однажды он попадал под подозрение и счастливо избежал опасных осложнений, но во второй раз удача может так не улыбнуться. В общем, с орудием убийства осталась некоторая недоговоренность. И это тем более странно, что криминалистическая экспертиза пришла к выводу, что при нападении на Лешу Воронько использовался молоток, идентичный тому, что применялся в некоторых других эпизодах.

Интересен еще один нюанс, который не бросается в глаза, но который тем не менее весьма важен.

Как было сказано, друзья убитого Сережа Анцыбор и Александр Никонов встретили Лешу Воронько с неизвестным

мужчиной за несколько минут до убийства (по их словам, эта встреча произошла в 5 или 6 часов вечера). Они не только видели предполагаемого преступника, но даже слышали его голос. Казалось бы, следствие получило отличных свидетелей, способных дополнить описания, полученные от других свидетелей. Но! Ничего не известно об описании внешности таинственного незнакомца, которое сообщили Анцыбор и Никонов. Также неизвестно, проводилось ли опознание Чикатило этими свидетелями, и если проводилось, то каков его результат? То, что эти вопросы были обойдены вниманием во время суда, представляется довольно странным. Если подростки действительно видели Чикатило и опознали в нем убийцу Леши Воронько, обвинение вряд ли обошло бы это молчанием.

Существуют некоторые нестыковки и по времени совершения преступления. Чикатило утверждал на предварительном следствии, что начал нападение перед началом дождя, т. е. в 16 часов. Анцыбор и Никонов утверждали, что встретили Воронько с неизвестным мужчиной несколько позже — в 17 или даже 18 часов. Между тем мать убитого мальчика определенно утверждала, что в 17:30 тот заходил к ней на работу, чтобы отпроситься и отправиться автобусом к бабушке. После этого он ушел на автобусную остановку, находившуюся на площади у вокзала, — именно там, по-видимому, и произошло его знакомство с убийцей. Показания Нины Николаевны Воронько не могут быть поставлены под сомнение, поскольку та при появлении сына посмотрела на часы. Таким образом, получается, что время убийства отодвигается далеко за 18 часов 14 мая.

В ходе судебного процесса в Ростовском областном суде Чикатило заявил о том, что не совершал убийства Леши Воронько. Суд проигнорировал это утверждение, посчитав, что обвиняемый пытается ввести его в заблуждение, однако впоследствии Верховный Суд Российской Федерации согласился с доводами защиты и исключил эпизод с убийством Воронько из приговора за недоказанность.

Ровно через два месяца — 14 июля 1988 г. — Чикатило в электричке «Ростов—Зверево» познакомился с 15-летним Евгением Муратовым. Юноша возвращался домой, к родителям, с радостным известием: его зачислили на 1-й курс Ростовского железнодорожного техникума. Женя был эрудированным, начитанным

молодым человеком, он отлично учился в школе, играл в шахматы, занимался в секции футбола, в техникум поступил потому, что его всегда интересовала железнодорожная техника и нравилось путешествовать. В общем, молодой человек выбрал себе профессию по нраву. В другой обстановке он, может быть, не поддался бы обаянию Чикатило, поскольку об убийствах детей и подростков в Ростовской области говорили уже несколько лет и все жители давно были настороже, но именно в тот день юноша пребывал в приподнятом настроении и обрадовался заинтересованному вниманию взрослого человека, с готовностью разделившего его радостные переживания по поводу успешного поступления в техникум.

Чикатило выведal у молодого человека адрес проживания родителей, упомянув мимоходом, что и сам проживает в Зверево, куда направлялся Евгений. А затем предложил направиться сейчас к нему на дачу, выпить там пиво, зажарить шашлык, отпраздновать поступление, а вечерней электричкой вместе поехать дальше в Зверево. Молодого человека это предложение не смутило, он не удивился тому, что неухоженного вида пятидесятилетний незнакомый дядька приглашает его на дачу выпить пива... а жаль! Осторожность в тот день могла бы спасти Муратову жизнь.

Они вышли на платформе «Лесхоз» на территории Красносулинского района Ростовской области и направились вдоль лесополосы якобы в сторону дачи Чикатило. Отдалившись от платформы на расстояние около километра, убийца напал на молодого человека, запугивая, нанес несколько неглубоких порезов шеи и связал ему руки. Затем силой разжал Муратову челюсти и отрезал кончик языка, который съел на его глазах. Испытав половое возбуждение, Чикатило быстро добился семяизвержения без полового акта. Лежа сверху на связанном молодом человеке, он принялся наносить беспорядочные удары ножом, затем разрезал живот жертве, после чего полностью удалил половые органы, которые унес с собою.

Уходя с места совершения преступления, Чикатило без всякой осознанной цели снял с руки убитого им юноши часы, но отойдя на некоторое расстояние, выбросил их в кусты. Тело убитого он не раздевал и никак не маскировал.

Скелетированные останки Жени Муратова были найдены 10 апреля 1989 г., т. е. почти через 9 месяцев со времени убийства.

Как показала судебно-медицинская экспертиза, останки принадлежали лицу мужского пола в возрасте 14–16 лет, давность наступления смерти которого составляла от 7 до 15 месяцев до момента их обнаружения. В карманах одежды убитого находилась грамота на имя Муратова Евгения Николаевича и 3 программки на футбольный матч, который Женя Муратов посетил 13 июля 1988 г., накануне своего исчезновения. Последовавшая физико-техническая экспертиза доказала принадлежность обнаруженных останков Муратову.

После этого преступления в активности Чикатило вновь последовала труднообъяснимая многомесячная пауза. Лишь в конце февраля следующего, 1989 г. — спустя более 7 месяцев со времени убийства Евгения Муратова — Чикатило решился на новую вылазку. Убийство, совершенное им в последние дни зимы, оказалось чрезвычайно сложным и дерзким даже по меркам самого Чикатило.

В один из последних дней февраля на вокзале города Шахты он познакомился с нетрезвой Таней Рыжовой, которой только-только исполнилось 15 лет. Она согласилась заняться с Чикатило сексом за деньги, и убийца привел ее в квартиру своей дочери по адресу ул. Ленина, д. 206, кв. 40. В то время семья Андрея Романовича переживала трудный период разделения: брак его с Евдокией Семеновной фактически закончился (вскоре был зарегистрирован развод), дочь во всем поддерживала мать, и отношения с ней неотвратимо ухудшались, сына рядом не было — он проходил действительную военную службу в Афганистане (вернулся из армии только в июне 1989 г.). Андрей Романович требовал, чтобы жена позволила ему разменять одну из двух шахтинских квартир на жилье в Новочеркасске, и, чтобы поскорее подтолкнуть ее к нужному решению, Чикатило забрал ключи от квартиры дочери, не позволяя ей там появляться (он своего добился, и нужный ему обмен был осуществлен).

Последний раз Таню Рыжову видели живой 26 февраля 1989 г., очевидно, что она была убита либо в этот, либо на следующий день. В квартиру она явилась добровольно и не возражала против близости с мужчиной, годившимся ей в дедушки. У Чикатило из попытки соития ничего не вышло — вновь дала себя знать сексуальная немощь — и тогда он предпринял попытку связать девушке руки. Это моментально привело к обострению ситуации:

Татьяна закричала и попыталась оказать сопротивление. Как впоследствии установили правоохранительные органы, этот пронзительный крик слышали трое соседей. Убийце, чтобы не оказаться схваченным с поличным на месте преступления, пришлось действовать стремительно. Рыжова была задушена, и далее Чикатило, верный своей манере обращения с телами жертв, вырезал убитой девушке матку и отрезал нос с верхней губой.

Придя в себя, убийца задумался над тем, что же делать с трупом. Как показывает практика раскрытия преступлений, убийства в местах проживания преступника крайне неоптимальны с точки зрения сокрытия следов и обеспечения алиби. Опытные преступники стараются никогда не убивать в собственном доме. Чикатило явно не планировал это убийство, и случившееся вынудило его импровизировать на ходу. Сначала он спустил труп Рыжовой в подвал, где, стараясь не шуметь, расчленил его, отделив ноги и голову. Убедившись в том, что труп все еще остается слишком тяжелым и неудобным для переноски на большие расстояния, убийца отправился на розыск санок, с помощью которых можно было бы вывезти из дома фрагменты тела. Бродя вдоль частных жилых домов в Донском переулке, Чикатило заметил санки, которые и похитил.

Дождавшись глубокой ночи, он уложил на санки фрагменты тела Тани Рыжовой и ее одежду, после чего вывез этот страшный груз в сторону вокзала. На некотором удалении от него он поместил труп в железобетонную трубу-водовод, уложенную под полотном железной дороги, и, никем не замеченный, скрылся. Останки были найдены 9 марта местным жителем, регулярно обходившим этот район в поисках пустой стеклотары. Он припомнил, что до этого осматривал водовод 23 февраля, и трупа там не было. Данное сообщение соответствовало информации о том, что Рыжову в последний раз видели живой 26 февраля.

Убийство Татьяны не связывалось с другими преступлениями, расследовавшимися в рамках литерного дела «Лесополоса», поскольку расчленение тела, способ его сокрытия и многие другие элементы поведения убийцы не соответствовали тем, что демонстрировал разыскиваемый маньяк. Лишь в декабре 1990 г. Чикатило заявил о совершении им этого убийства.

Следующее преступление тоже можно назвать экстраординарным по своей дерзости, хотя оно и отличается очень сильно

от убийства Тани Рыжовой. После 17 часов 11 мая 1989 г., через два с половиной месяца после расправы над Рыжовой, Чикатило, выйдя из магазина «Стройтовары» в Ростове-на-Дону, направился по улице Шеболдаева и увидел впереди одиноко шагавшего мальчика в школьной форме. Это был ученик 2-го класса ростовской школы № 40 Саша Дьяков, которому только накануне исполнилось 8 лет. Он возвращался домой после уроков. Движение транспорта по улице не было активным, прохожих не было, и Чикатило решил напасть без всяких прелюдий. Подобрал с земли камень, он догнал Сашу и, не проронив ни слова, просто бросил мальчонку через кусты, точно мешок с картошкой. Прыгнув следом, убийца нанес Саше несколько тяжелых ударов по голове, которые привели к перелому костей свода черепа. Скорее всего, мальчик даже не успел понять, что и почему с ним происходит.

Чикатило раздел бесчувственное тело и попытался осуществить анальное изнасилование, но отсутствие эрекции не позволило ему реализовать задуманное. Тогда он пустил в ход нож, зная, что вид крови позволит ему испытать сильное возбуждение. Первые удары были нанесены в область груди и плеч, и у Чикатило, который терся пенисом о голое тело мальчика, очень быстро произошло семяизвержение.

После этого Чикатило добил мальчика, нанеся большое количество ударов ножом в грудь и живот. Также он отрезал половые органы, которые унес с собою. Одежду и школьный рюкзак жертвы он оставил возле трупа, обувь выбросил в кусты примерно в 20 м от места убийства.

Хотя об исчезновении Саши стало известно правоохранительным органам очень скоро, буквально в день убийства, никто не удосужился организовать полноценную поисковую операцию и хотя бы как следует проверить маршрут его движения к дому. Между тем преступление произошло прямо на этом маршруте, тело убийцей не уничтожалось, не перемещалось и не маскировалось. Мумифицированные останки Саши Дьякова нашли в кустах на улице Шеболдаева лишь 14 июля 1989 г., т. е. более чем через 2 месяца со времени убийства! Можно, конечно, сколь угодно многословно и демагогически рассуждать об изощренной хитрости Чикатило и особой сложности его розысков, но если у милиции уходит более двух месяцев на обнаружение

в городской черте трупа, который никто не прячет, то остается только удивляться, как же это вообще им удалось изловить преступника...

С 15 по 20 июня 1989 г. Чикатило находился в командировке в г. Кольчугино Владимирской области и перед отъездом решил совершить убийство. Имея в виду такое намерение, он отправился на Кольчугинское водохранилище в районе села Литвиново — это было очень популярное у местных жителей место отдыха. Там он обратил внимание на одиноко загоравшего 10-летнего Лешу Моисеева. Мальчик этот был из неблагополучной семьи, курил, нюхал клей, водился с дурными компаниями из ребят постарше. В общем, проблемный ребенок.

Чикатило уговорил его зайти в лес, подходивший близко к пляжу, там напал, попытался осуществить акт мужеложства, но не смог этого сделать из-за отсутствия эрекции. Тогда он принялся кромсать тело мальчика ножом, быстро добившись его смерти. После убийства он разрезал живот и отрезал половые органы. Труп прикрыл одеждой убитого и несколькими срезанными ветками, после чего незамеченным покинул район водохранилища.

Об исчезновении мальчика стало известно в день убийства, даже начались розыски, но проводились они формально и окончились безрезультатно. Тело, точнее скелет, удалось отыскать совершенно случайно лишь спустя два с половиной месяца со времени убийства (6 сентября). Смерть Лешы Моисеева была списана на несчастный случай, дескать, малец отошел на сотню метров от пляжа, чтобы подышать парами бытовой химии, надел на голову пакет с несколькими каплями клея, да и отравился. А пакет унесло потом ветром... Следов ножевых ударов, если верить заключению судебно-медицинской экспертизы, на костях скелета найдено не было — так ли это было на самом деле, никто уже сказать не может. В общем, уголовное расследование по факту смерти 10-летнего мальчика не возбуждалось, и лишь признание Чикатило, сделанное им в декабре 1990 г., заставило правоохранительные органы пересмотреть прежнюю оценку этого инцидента.

Через два месяца, 19 августа 1989 г. Чикатило на автобусной остановке в Новошахтинске познакомился с 19-летней Еленой Варга, венгеркой по национальности. Убийца направлялся

проведать больного отца в станицу Родионово-Несветайскую, но встретив потенциальную жертву, моментально изменил план и решил повременить с поездкой. Он вызвался проводить Елену до хутора Краснознаменка, где та проживала. Примерно в полутора километрах от конечной точки маршрута он напал на девушку в лесополосе, связал руки, полностью раздел и попытался изнасиловать ее.

Поскольку из этой затеи ничего не вышло, Чикатило принялся наносить удары ножом в лицо, глаза, шею, грудь жертвы. Вид крови и агония девушки вызвали оргазм, после которого убийца отрезал нос и верхнюю губу Елены. Их он завернул в ее одежду и при отходе с места преступления выбросил на некотором удалении от трупа. Затем Чикатило отрезал груди жертвы и матку — их он унес с собою. Вернувшись на шоссе, он продолжил поездку к отцу, как будто бы ничего не произошло.

Полностью обнаженный труп Елены Варги в состоянии сильного разложения был найден 2 сентября того же года. В результате тщательного осмотра местности на следующий день на удалении 150 м была обнаружена одежда убитой, внутри которой оказались отсеченные убийцей нос и верхняя губа. Хотя судебно-медицинская экспертиза зафиксировала на теле многочисленные ножевые ранения (в том числе глазниц), точную причину смерти назвать оказалось невозможно из-за далеко зашедших гнилостных изменений. Труссы, бюстгалтер и блузка Елены имели следы разрывов, что вкупе с ножевыми ранениями убедительно свидетельствовало о криминальной подоплеке случившегося с девушкой.

Путем опроса местных жителей правоохранительным органам удалось отыскать двух свидетелей, которые видели Елену Варга на автобусной остановке в обществе мужчины лет пятидесяти, интеллигентного вида, в костюме и галстук. Свидетели — мужчина и женщина — опознали Елену на предъявленных им фотографиях и помогли составить словесный портрет подозреваемого. Особенно ценны были показания мужчины, Шевченко А. А., который провел на остановке довольно много времени, невольно наблюдая за общением Елены Варги и ее предполагаемого убийцы. После ареста Чикатило в ноябре 1990 г. было проведено его опознание свидетелем, однако оно имело неожиданный результат — Шевченко не опознал в нем убийцу.

Объективности ради следует заметить, что факт неопознания свидетелем еще не является исчерпывающим доказательством невинности: механизмы запоминания очень сложны, и потому человеческая память подвержена множеству всевозможных метаморфоз. Память, как и эмоции, всегда субъективна, и переоценивать ее важность для следствия все же не стоит.

Следующее убийство, совершенное Чикатило, заметно отличается ото всего, что он совершал ранее. Летом 1989 г. Андрей Романович принялся по вечерам копать на центральном кладбище города Шахты яму. После своего ареста он назвал ее «могилой», и согласно его версии событий в этой могиле он намеревался покончить с собою. Следствие в такую байку не очень поверило, поскольку в конечном счете Чикатило убил в этой яме не себя, а другого человека.

28 августа 1989 г. во второй половине дня он познакомился в Шахтах с 10-летним Лешей Хоботовым, который собирался пойти в видеосалон. Чикатило предложил мальчику отправиться к нему, Чикатило, домой и посмотреть мультфильмы из его видеокolleкции. В те времена видеотехника являлась редкостной и дорогостоящей диковинкой, видеомагнитофоны имели немногие, а потому предложение высокого интеллигентного дяденьки не могло не заинтересовать мальчонку. Леша сразу же отправился в дорогу с новым знакомым, и его ничуть не насторожила необходимость пройти через кладбище.

Подойдя к тому участку, где была выкопана ямы, Чикатило ударил Лешу несколько раз по голове молотком, который имел при себе. Впоследствии судебно-медицинские экспертизы обнаружили 5 поврежденных участков черепа, что указывало на не менее чем 5 травмирующих воздействий большой силы. На костях черепа остались следы, конфигурация и площадь которых соответствовали геометрии клиновой части молотка, найденного в квартире Чикатило при обыске.

Мальчик от этих ударов потерял сознание, а убийца, пользуясь моментом, его беспрепятственно связал и раздел. После того, как Леша очнулся, Чикатило приказал ему открыть рот и высунуть язык. Мальчик подчинился, и убийца откусил ему кончик языка, который тут же и проглотил. Возбуждаясь от вида крови, Чикатило стал наносить удары ножом и пережил кратковременный оргазм. После этого вспорол агонизирующему

мальчику живот и отрезал половые органы, которые унес с собою. Уходя с места преступления, убийца бросил тело мальчика в заблаговременно отрытую яму, туда же отправил его одежду и обувь. Также в импровизированной могиле он оставил три лопаты, которыми пользовался при ее откапывании. Наскоро забросав яму землей, Чикатило ушел с кладбища никем не замеченный.

Можно с полным основанием сказать, что убийца совершил очередное «идеальное преступление». По крайней мере, в советских реалиях это преступление было именно идеальным. Людмила Николаевна Хоботова, мать Леши, не дождавшись сына дома, помчалась в отделение милиции с сообщением о его исчезновении. Там приняли заявление с крайней неохотой и сделали это лишь потому, что из-за розысков убийцы по делу «Лесополоса» органам внутренних дел на территории Ростовской области было вменено в обязанность принимать к рассмотрению все заявления о безвестном отсутствии людей. Розыскное дело было открыто 29 августа, но никакого толка от этого не было. Мать исчезнувшего мальчика ежедневно приходила в милицию, понуждая доблестных защитников мира и спокойствия советских граждан заняться поисками сына. Эта активность быстро милиционерам надоела, один из руководящих работников сказал Хоботовой, чтобы она прекратила свои визиты, а если женщина не послушает его и продолжит ходить в горотдел, то ее попросту отправят в психушку как сумасшедшую. Дескать, сын сбежал от мамы-идиотки и правильно сделал!

Убедившись, что на реальную помощь со стороны доблестных воинов щита и меча рассчитывать не приходится, мать исчезнувшего мальчика принялась за его поиски самостоятельно. С фотографией сына она обходила электрички, междугородние автобусы, приезжала в соседние города. По невероятному стечению обстоятельств весной 1990 г. она встретила в электричке Андрея Чикатило с его женой Евдокией Семеновной (на тот момент уже бывшей). Парочка сидела рядом с контролером, к которому Хоботова подошла и показала фотографию сына. Мать стала рассказывать об обстоятельствах его исчезновения, и ее слова необыкновенно заинтересовали Чикатило — тот взял фотографию из рук контролера, посмотрел на снимок и вдруг закричал Хоботовой что-то сумбурное и хамское. Странно воз-

будившись, Чикатило схватил под локоть бывшую супругу и вывел ее в тамбур, они вышли из вагона на ближайшей станции.

После того, как арестованного Чикатило показали по телевидению. Хоботова опознала в нем подозрительного мужчину из электрички. Женщина обратилась к сотрудникам оперативного штаба, работавшего по делу «Лесополоса», с рассказом о странной встрече, и в декабре 1990 г. Чикатило подтвердил случившееся. Он дал признательные показания, рассказав об убийстве Леша Хоботова и месте сокрытия трупа, в ходе следственного эксперимента отвел следователей к тому месту на кладбище, где было закопано тело мальчика. В процессе эксгумирования тела была найдена его одежда и обувь (обувь была опознана матерью). Первоначально убийца не признавал факт использования молотка, утверждая, будто удары по голове наносил поднятым с земли камнем, но после проведения специальной экспертизы, доказавшей идентичность повреждения костей черепа форме и площади клиновой части молотка, найденного в его доме, признал, что действительно его использовал.

Очевидно, убийца желал избежать всяческих упоминаний о молотке с той целью, чтобы в дальнейшем иметь возможность оспорить утверждение обвинения о заблаговременном планировании нападения. Практическая польза от такой тактики в условиях советского правоприменения представляется довольно спорной, если не сказать иллюзорной. Даже если бы Чикатило убедительно доказал спонтанность своих действий, думается, это вряд ли помогло бы ему избежать высшей меры наказания — неоднократные убийства детей, подростков и женщин были столь чудовищны, что всерьез рассчитывать на какое-то снисхождение суда не приходилось ни в коем случае. Эта простая мысль была бы понятна любому, даже самому дремучему уголовнику, но — не Чикатило.

После убийства Леша Хоботова в активности Чикатило последовал перерыв в четыре с половиной месяца. Следующее убийство он совершил 14 января 1990 г., и это преступление во многом напоминало предыдущее нападение.

Сообщив родственникам, что уезжает в командировку в Харьков, Чикатило остался в Шахтах (напомним, что к тому времени он уже перебрался в Новочеркасск, но на Старый Новый год приехал на квартиру к сыну, где присутствовали многие

родственники и бывшие шахтинские соседи). Командировка его начиналась на следующий день — 15 января, но убийца умышленно распрощался с родными и знакомыми пораньше, чтобы потратить сутки на столь желанную «охоту». Чикатило некоторое время слонялся по хорошо знакомым улицам, пока не заметил возле кинотеатра «Аврора» мальчика, сразу показавшегося ему подходящей мишенью. Это был Андрей Кравченко, не доживший до своего 12-летия три месяца. Встреча убийцы и жертвы произошла около 16 часов. Впоследствии убийца заявил, что мальчик ему понравился с первого взгляда — он выглядел симпатичным и опрятно одетым. В этих рассуждениях об «опрятности мальчиков» сразу слышны интонации закоренелого педофила... Как и в случае с Лешей Хоботовым, преступник предложил жертве посмотреть «по видику» мультфильмы, мол, у него дома огромная подборка диснеевских мультиков, кому бы только их подарить?

Они прошагали по улицам города около 3 км, пройдя в непосредственной близости от мест предыдущих убийств, совершенных Чикатило — улицы Ленина, где в прошлом году он расчленил Таню Рыжову, и Межевого переулка, где в далеком уже 1978 г. прервалась жизнь Лены Закотновой. Удивительно, но на всем протяжении длинного извилистого маршрута странная парочка не привлекла внимания окружающих — никто не запомнил долговязого мужчину и мальчика в сером пальтишке и вязаной шапочке, никто из знакомых не попался навстречу Андрюше и не остановил его. В районе «20 лет РККА» преступник завел мальчика в лесополосу у кладбища и напал.

Поначалу Чикатило нож в ход не пускал, ему казалось, что он сможет осуществить половой акт без вида крови. Он повалил мальчика на снег и, пригрозив зарезать, если тот станет кричать, стянул с него штаны и трико. Заголил и свое причинное место, ожидая чуда, но... чуда так и не случилось, эрекции не возникло. Тогда убийца прибег к уже отработанному способу — перевернул жертву на грудь и стал наносить удары ножом в спину и шею, всего таких ударов было 17. Вид крови вызвал эрекцию и скоротечный оргазм. Убедившись, что мальчик умер, Чикатило отрезал часть пениса и мошонку, которые, уходя, забрал с собою. Покидая место преступления, убийца прикрыл труп его же пальто.

Тело Андрея Кравченко было найдено только 19 февраля 1990 г. Чикатило сознался в совершении этого преступления в декабре 1990 г. и в ходе следственного эксперимента привел работников на место убийства, ошибившись при его определении буквально на 10 шагов.

9 февраля 1990 г. Андрей Романович Чикатило приступил к работе в штате Ростовского электровозоремонтного завода. Завод располагался чрезвычайно удачно с точки зрения выбора маршрутов для поиска жертв — рядом находились Главный и Пригородный вокзалы, а также Главный автовокзал Ростова-на-Дону. Эти места и прилегающие к ним многолюдные остановки общественного транспорта представлялись очень удобными объектами для выявления потенциальных жертв. Также неподалеку находился Ботанический сад Ростовского государственного университета, который сразу привлек внимание преступника своей малолюдностью в будние дни. На протяжении второй половины февраля и в начале марта 1990 г. Чикатило приезжал в Ростов из Новочеркасска примерно за час до начала рабочего дня и посвящал свободное время прогулкам по саду и прилегающим улицам. Аналогичный променад он частенько устраивал и после работы. Появление странного, никуда не спешащего мужчины не осталось незамеченным работниками сада — две женщины из их числа хорошо рассмотрели и запомнили Чикатило. Впоследствии они сообщили о своих наблюдениях сотрудникам правоохранительных органов и официально опознали Чикатило еще до того, как последний начал давать признательные показания. Ценность этих опознаний состоит в том, что одна из женщин не только имела возможность видеть Чикатило в Ботаническом саду, но даже разговаривала с ним, что, в общем-то, исключает всякую возможность ошибки, если, конечно, не брать в расчет злой умысел (оговор) со стороны свидетеля.

Тогда же у Чикатило появилась еще одна интересная поведенческая черта, позволяющая составить объективное представление о выработанной им манере действия. Он знакомился с детьми на Привокзальной площади Ростова-на-Дону и приводил их посмотреть мультфильмы в видеосалон, расположенный в здании Пригородного вокзала. Владелец видеосалона запомнил Чикатило и быстро понял, что тот приводит явно не своих

детей — их было слишком много, как мальчиков, так и девочек. Оплатив сеанс, он наблюдал за детьми, а владелец видеосалона в свою очередь наблюдал за ним. На его глазах ничего криминального не происходило, Чикатило был вежлив, трезв, всегда в костюме и галстукe, к детям никогда не прикасался и держался даже как будто на расстоянии от них. Но когда история с арестом Чикатило стала известна, владелец видеосалона дал показания следственной группе и опознал обвиняемого в ходе официальной процедуры.

7 марта 1990 г. после окончания рабочего дня Чикатило решил не возвращаться домой в Новочеркасск, а посвятить вечер своему тайному кровавому хобби. Он считал, что уже достаточно хорошо изучил район, где ему предстояло действовать, и потому чувствовал себя вполне уверенно. На Привокзальной площади у Главного вокзала Ростова-на-Дону он познакомился с Ярославом Макаровым. Через месяц мальчику должно было исполниться 11 лет. Заморочив мальчонке голову разговорами про видеокассеты с мультфильмами, Чикатило повел его якобы к себе домой. Путь пролегал через Ботанический сад, крайне немногочудный в вечерний час предпраздничного дня. Убедившись, что поблизости нет людей, он напал на Ярослава, повалил на землю, под угрозой ножа приказал молчать и связал руки заблаговременно припасенной веревкой. После этого частично оголил тело жертвы, спустив штаны, трико и трусы, после чего потребовал высунуть язык. Поскольку мальчик не подчинился, Чикатило разжал его челюсти руками и отрезал кончик языка, который тут же и съел. При разжимании челюстей убийца пальцами сломал Ярославу 3 зуба.

Почувствовав половое возбуждение и стремясь усилить ощущения, Чикатило принялся сосать пенис мальчика, затем начал наносить удары ножом в голову, грудь и живот. Поначалу удары были неглубокими, но поскольку вид мучений крайне распаллял убийцу, тот начал бить без всякого удержу. Впоследствии, на допросе, Чикатило так и сказал: «Хотелось рвать и кромсать...». Врезав живот, убийца вытащил кишки ребенка и принялся играть с ними, точно с гирляндой сосисок. Часть толстого кишечника он отрезал и бросил тут же. Полностью отрезал пенис и мошонку. После этого снова кромсал ножом уже бесчувственное тело. Судебно-медицинская экспертиза

насчитала на теле мальчика не менее 55 колото-резаных ран, в том числе причиненных с поворотом клинка в раневом канале и неоднократным возвратно-поступательным движением ножа в ране (точное определение числа разрезов кожи не всегда возможно в тех случаях, когда разрезы взаимно пересекаются и кожа рассекается на изолированные участки). По заключению судмедэкспертов в некоторых ранах число таких возвратно-поступательных движений клинка достигало 18–20. Убийца просто кромсал человеческую плоть в фарш. Вы только задумайтесь на секунду — 18–20 ударов ножом в одну точку без полного извлечения клинка из раны! Это же в каком исступлении надо пребывать, чтобы так колотить ножом?

Причиной смерти Ярослава Макарова явился травматический шок, судмедэкспертиза пришла к выводу, что все основные телесные повреждения и травмы причинены мальчику прижизненно.

Закончив свою кровавую оргию, полностью опустошенный содеянным, Чикатило наскоро забросал труп Ярослава листвой и грязью и спустился к небольшой речонке Темерник, протекавшей рядом с Ботаническим садом. Там он отмыл от крови лицо и руки, а также одежду, после чего отправился на вокзал. Обессиленный и умиротворенный, он сел в электричку и поехал к бывшей супруге и дочери поздравлять их с праздником весны 8 марта.

На следующий день труп Ярослава Макарова был обнаружен. На работников Ботанического сада, имевших возможность видеть тело мальчика до прибытия милиции, особое впечатление произвел контраст между обстановкой на месте происшествия и пионерским значком, красневшим на лацкане синей школьной курточки — благодаря значку возникало ощущение какой-то чудовищной несуразности и несоответствия.

Примерно через полтора месяца, в апреле или мае 1990 г. — точную дату следствию установить не удалось — жажда крови потребовала от Чикатило новой жертвы. Возвращаясь с работы домой в электричке «Ростов—Лихая», убийца познакомился с Любовью Зуевой. Это была уже вполне зрелая женщина, ей исполнилось 32 года, она сожительствовала с инвалидом без ноги и, по-видимому, ощущала некоторое неудовлетворение жизнью. Можно понять, чем ее заинтересовал высокий вежливый

мужчина в костюме, но не совсем ясно, чем же она привлекла Чикатило. Наверное, доступностью и возможностью поиграть с жертвой — иное на ум не приходит, поскольку женщины в таком возрасте уже не входят в диапазон приемлемости педофилов.

Чикатило уговорил женщину выйти на платформе «Лесхоз» — место это было ему хорошо знакомо, там он уже совершил убийство Жени Муратова. Зайдя в лесополосу, преступник совершил нападение в присущей ему манере: повалил женщину на землю, используя превосходство в силе и весе, быстро связал руки заблаговременно приготовленной веревкой, стал наносить удары ножом, испытывая быстро нараставшее возбуждение. На пике оргазма убийца отрезал жертве соски и тут же съел их, затем вспорол живот и вытащил матку, которую унес с места совершения преступления.

Хотя Любовь Зуева в момент наступления смерти была частично одета, Чикатило ее полностью обнажил и прикрыл тело несколькими срезанными неподалеку ветками. Уходя с места преступления, убийца выбросил одежду жертвы, а извлеченную из ее тела матку унес с собою.

Останки Любви Зуевой, разрушенные до состояния скелета с отдельными фрагментами плоти, были найдены 24 августа 1990 г., т. е. спустя 3 или 4 месяца с момента совершения преступления. Судмедэкспертиза уверенно определила факт убийства. Было возбуждено уголовное дело, расследование проводила прокуратура города Красный Сулин. Может показаться удивительным, но это убийство не связывалось с преступлениями маньяка, разыскиваемого в рамках литературного дела «Лесополоса», хотя по многим признакам можно было понять, что оно совершено им (выбор места, использование ножа в качестве орудия, полная раздетость трупа и пр.).

Личность убитой правоохрнительным органам установить не удалось. Преступление это так и осталось бы «глухарем», если бы Чикатило в своем заявлении на имя Прокурора РСФСР, написанном 10–11 декабря 1990 г., не сообщил об этом убийстве. В процессе проверки преступник сообщил важные детали из жизни убитой им женщины, которые позволили идентифицировать ее (Чикатило вспомнил, что женщина по имени Любовь рассказывала ему, что от станции Лихая ей до дома надо добираться автобусом, а также то, что сожитель женщины не имеет

одной ноги). Подобная осведомленность Чикатило не позволяет сомневаться в его виновности в убийстве Любви Зуевой.

Следующее убийство Чикатило совершил в середине лета 1990 г. и в дерзости содеянного превзошел даже самого себя. На этот раз его жертвой стал 13-летний Витя Петров, возвращавшийся вместе с матерью и двумя 6-летними братишками-близнецами в станицу Родионово—Несветайскую.

Весь день 27 июля 1990 г. Чикатило находился в командировке в Новочеркасске, но под вечер возвратился в Ростов-на-Дону и принялся обходить места массового скопления людей, выбирая жертву. Около часа ночи на Главном автовокзале преступник заметил семью Петровых и стал наблюдать за ними. Матери с детьми надо было где-то скоротать ночь, и она решила перейти в здание Главного железнодорожного вокзала — там проще было отыскать несколько свободных сидений.

Увидев, что женщина с тремя мальчиками покидает автовокзал, Чикатило последовал за нею, при этом подошел слишком близко и грубо толкнул одного из младших братьев, наступившего ему на ногу. Именно тогда мать мальчиков впервые обратила внимание на высокого мужчину в кремовой рубашке с галстуком и с сумкой из синей болоньевой ткани в руках. В здании Главного железнодорожного вокзала они встретились еще раз — у женщины не было одно- и трехкопеечных монет, которые принимались автоматами газированной воды, и Чикатило любезно пришел ей на помощь. Он разменял 1 рубль мелочью, благодаря чему Петровы смогли напиться. Когда мать с детьми поднялась в зал ожидания на втором этаже, Чикатило последовал за ними и разместился на одном из сидений неподалеку. Он все время оставался рядом, дожидаясь удобного момента для похищения кого-либо из детей.

Такая возможность убийце представилась, когда Витя Петров самостоятельно отправился знакомой дорогой к автоматам с газированной водой на первом этаже вокзала. Чикатило последовал за ним и разговорился с мальчиком. Бдительность Вити, по-видимому, оказалась усыплена тем, что мальчик видел, как Чикатило помогал матери с разменом денег, а кроме того, убийца рассказал Вите, что сам он долгое время жил в Родионово-Несветайской, а сейчас там живет его родная сестра и племянники. Это, кстати, была чистая правда, Чикатило отлично

ориентировался в географии населенного пункта, знал, где там расположены школы, спортивные площадки, где купаются местные жители и т. п. Витя увидел в разговорчивом мужчине своего земляка, и это повлияло в определенной степени на испытанное им чувство расположения к собеседнику.

Почувствовав, что лед недоверия сломан, убийца предложил мальчику отправиться к нему домой, «посмотреть видик и попить лимонад». Мальчик не задумался над тем, почему это дяденька, имеющий квартиру в Ростове, ночует на деревянном сидении железнодорожного вокзала. Скорее всего, Витя даже не почувствовал фальши услышанного, а ведь родственники не раз напоминали мальчику о необходимости быть осторожным с незнакомцами...

Они вышли из вокзала и направились в Ботанический сад, прошли мимо места убийства Ярослава Макарова и отделились от него совсем немного, буквально на полусотню метров. Чикатило перешел к нападению без всяких угроз и требований, просто ударил подростка, повалил его на землю, и, угрожая ножом, подавил его волю к сопротивлению. Связав Витю, Чикатило его раздел и попытался совершить акт мужеложства, но оказался неспособен это сделать из-за отсутствия эрекции. Далее последовала расправа, уже хорошо знакомая читателям — сначала неглубокие удары ножом, потом, по мере нарастания возбуждения, все более тяжелые и кровавые. Убив Витю, изувер отрезал его половые органы.

Уходя с места преступления, Чикатило полностью обнажил мальчика, забросал тело ветками, а одежду выбросил на обратном пути. Ее так и не нашли...

Мать Вити спохватилась около 4 часов утра и сразу же побежала в отделение милиции на вокзале. Там от женщины попросту отмахнулись, смеявшиеся милиционеры предположили, что мальчик ушел гулять с девчонками и утром вернется сам. Ситуация в точности повторила ту, что была описана в случае с исчезновением Леши Хоботова — никто не хотел утруждать себя поисками мальчика. Мать на протяжении нескольких месяцев ежедневно или через день приезжала в Ростов-на-Дону, чтобы самостоятельно вести розыск ребенка, пыталась жаловаться на бездействие милиции в прокуратуру, но и там не встретила понимания. Хотя мать убитого мальчика с самого

начала твердила о подозрительном мужчине, следившем за нею и ее детьми в ночь с 27 на 28 июля, и была готова предоставить правоохранительным органам его описание, это абсолютно никого не интересовало. Согласитесь, когда узнаешь такие детали, начинаешь совсем иначе воспринимать растиражированный в средствах массовой информации тезис об «исключительном умении Чикатило оставаться незамеченным». Если правоохранительные органы не хотят и не умеют работать со свидетелями, то для них незамеченными будут оставаться все без исключения преступники и абсолютно все преступления.

Тело Вити Петрова, точнее, его скелетированные останки, были найдены 28 сентября 1990 г., спустя ровно два месяца со времени убийства. Несмотря на отсутствие одежды, органы дознания не сочли смерть мальчика следствием преступления, и уголовное дело не было возбуждено. Соответственно, это убийство не проходило в качестве эпизода по делу «Лесополоса» и не вменялось Чикатило в вину.

Об этом убийстве стало известно лишь из признательных показаний самого убийцы, сделанных после ареста.

14 августа 1990 г. Чикатило появился на пляже в Новочеркасске. Там его в окружении мальчишек увидела женщина, знавшая Андрея Романовича по месту работы. Хотя это был вторник, женщина взяла отгул и в тот день на работу не пошла. Убийца впоследствии признал, что, прогулявшись по пляжу, чрезвычайно возбудился от вида раздетых мальчиков и решил непременно совершить нападение на одного из них.

Улучив момент, когда 11-летний Ваня Фомин отошел в камыши, чтобы выжать трусы и надеть спортивные штаны, Чикатило отправился туда же и набросился на мальчонку. Зажав ему рот ладонью, он повалил Ваню, несколько раз ударил и, вытащив изо рта язык, отрезал его кончик, который тут же проглотил. Опасаясь, что мальчик все еще сможет закричать, затолкал в рот полную горсть земли. Все более возбуждаясь, Чикатило принялся ножом колоть и резать тело ребенка, на котором впоследствии судмедэкспертиза насчитала 45 ранений. Разрезав мошонку, убийца ампутировал яички мальчика, которые унес с собою.

Тело Вани Фомина было найдено через три дня. Рядом с ним лежали спортивные трикотажные штаны со следами спермы убийцы (групповую принадлежность крови по сперме установить

не удалось ввиду ее малого количества). Убийство Фомина, совершенное на многолюдном пляже, буквально в 10–15 м от людей, потенциально способных спугнуть убийцу и даже задержать его, объективно свидетельствует не только о наглости и самонадеянности Чикатило, но и о его высоком криминальном опыте и практическом навыке убийства.

После этого преступления Чикатило более двух месяцев не убивал, хотя и находился в непрерывном поиске новой жертвы. Случай представился 17 октября 1990 г. — в тот день преступник возвращался домой электричкой «Ростов—Зверев» и в пути познакомился с 16-летним Вадимом Громовым. Молодой человек курил в тамбуре, а Чикатило, проходивший мимо, по-доброму его предостерег, мол, у вас, юноша, вся жизнь впереди, надо здоровье беречь, а никотин — это яд. Такой вот воспитанный, доброжелательный дяденька, можно даже сказать, сердобольный... Вадим на свою беду ответил, честное слово, уж лучше б по матери послал, остался бы жив!

Чикатило заморочил его своими рассказами про дачу, пиво и малосольные грибочки, молодой человек не смог отказаться от приглашения, и они сошли на платформе «Лесхоз». Прошли вдоль лесополосы примерно 330–350 метров и оказались буквально на том же самом месте, где в 1988 г. был убит Женя Муратов. Чикатило набросился на Вадима, повалил его и под угрозой ножа связал руки. Молодой человек, верно истолковав намерение преступника, предложил тому доставить удовольствие оральным способом. Убийца никогда не требовал от жертв орального секса, опасаясь, что его укусят, но покорность Вадима понравилась Чикатило, и тот ответил согласием на предложение. Впрочем, нужного возбуждения Чикатило так и не достиг, чтобы получить эрекцию, он, в конце концов, пустил в дело нож.

Убийца нанес своей жертве 27 ударов ножом, отрезал кончик языка, головку пениса и, сделав разрез на мошонке, ампутировал яички. Кроме того, он выколол Вадиму глаза, но это повреждение было уже посмертным. Раздев труп, Чикатило оттащил его на несколько метров вглубь кустарника, а одежду прихватил с собою.

Одежду Громова убийца выбросил на пути к железнодорожной платформе. Именно благодаря присущей Чикатило небрежности в обращении с одеждой ее случайно обнаружила

женщина, проходившая через лесопосадку. Произошло это 30 октября 1990 г. Женщина сообщила о своем открытии в милицию, и когда там убедились, что действительно найдена окровавленная одежда, организовали прочесывание местности. Это позволило на следующий день, 31 октября, обнаружить тело убитого юноши.

Чикатило этих деталей не знал. 30 октября 1990 г. — в тот самый день, когда возле платформы «Лесхоз» была найдена одежда Вадима Громова — преступник решил на новую вылазку. С целью совершить новое убийство Чикатило около 14 часов приехал на вокзал г. Шахты, где повстречал 17-летнего Виктора Тищенко.

Молодой человек в 13:30 купил в вокзальной кассе железнодорожный билет на 2 ноября на поезд «Ростов–Новороссийск». В Краснодаре жила его тетка, и девятиклассник рассчитывал отправиться к ней на каникулах. Виктор был эрудированным юношей, из тех, про кого говорят «рукастый парень». Он чинил любую бытовую технику от утюга до телевизора, и именно на интересе к технике Чикатило его и подловил. Убийца стал рассказывать об аварийности на железной дороге, о кладбище разбитых вагонов и поездов и необыкновенно заинтриговал молодого человека. В ходе завязавшейся беседы Чикатило предложил Виктору отправиться в лесополосу и посмотреть, остались ли там еще яблоки и орехи и если да, то немного их пособирать.

Впоследствии Чикатило признавался, что предложение его было глупым, и он крайне удивился, когда юноша с неожиданной готовностью согласился заняться такой чепухой. Они ушли с вокзала и добрались до самой окраины города. На перегоне «Кирпичная–Сады» Чикатило воспользовался моментом, когда его спутник зашел в лесопосадку, и внезапно напал на него, угрожая ножом. Преступнику удалось быстро связать руки юноше, но тот, оправившись от первого шока, оказал ему упорное сопротивление.

Виктор сумел сильно ударить Чикатило ногой в бедро, из-за чего убийца затем хромал две недели. А после того, как преступник все-таки навалился на молодого человека и подмял под себя, Тищенко сумел яростно вцепиться зубами в третий палец правой руки Чикатило. В результате убийца получил открытый перелом, который он так и не смог вылечить к моменту ареста.

Убийца нанес юноше более 40 ножевых ранений, покрыв ими заднюю часть тела от шеи до икр. В мгновения оргазма Чикатило искусал щеки Виктора. Перевернув молодого человека на спину, убийца разрезал живот и извлек тонкий кишечник, который раскромсал на кусочки и раскидал вокруг тела. Затем он рассек мошонку и вырезал яички жертвы.

Часть одежды Тищенко изувер оставил на месте преступления, а рубашку, майку, трусы и кроссовки унес за 350 м и выбросил в яму. Чикатило ознакомился с содержимым карманов убитого юноши, запомнил, что там находились железнодорожный билет на 2 ноября до Новороссийска и несколько цветных мелков, но ничего из вещей жертвы не взял.

Труп Виктора Тищенко был обнаружен 3 ноября 1990 г. Благодаря холодной погоде, стоявшей в те дни в низовьях Дона, сохранность тканей оказалась достаточно хорошей, что позволило с истощающей полнотой восстановить картину действий преступника.

Убийство Тищенко до такой степени опустошило и обессилило Чикатило, что тот до самого вечера не мог прийти в себя. Ему пришлось заночевать в той же самой лесополосе, неподалеку от места преступления, чтобы немного прийти в себя. Лишь ранним утром 31 октября он вышел к платформе электрички, чтобы вернуться домой в Новочеркасск. Появление Чикатило из лесопосадки не осталось незамеченным — на странного мужчину в мятых брюках с галстуком обратили внимание несколько свидетелей, которые после ареста Чикатило сумели его опознать.

Перелом пальца доставил Чикатило немало хлопот. Преступник пытался лечить травму самостоятельно, стараясь не показывать, насколько она болезненна. Однако в первой половине 20 ноября (в день ареста) он не вытерпел и обратился в заводскую поликлинику с просьбой сделать рентгеновский снимок пальца и дать совет, чем лучше снимать боль. Такой снимок был сделан и впоследствии попал в распоряжение следствия. Кроме того, ему дали выпить мензурку разбавленного новокаина — метод грубый, но действенный, способный облегчать самые разные виды боли. Очевидно, преступник рассчитывал в дальнейшем заняться поиском каких-либо анестезирующих средств (напомним, что 1990 г. — это время дефицита, когда аптеки и магазины были пусты), но планам этим не суждено было сбыться —

вечером того же дня Чикатило был арестован, и лечением пальца занялись представители другого ведомства (в начале 1991 г. была проведена отдельная экспертиза, восстановившая всю последовательность ранения и лечения среднего пальца на правой руке преступника).

Впрочем, Чикатило до своего ареста успел совершить еще одно убийство. Именно оно и оказалось для него фатальным.

6 ноября 1990 г. убийца в электричке «Ростов — Лихая» познакомился с 22-летней Светланой Коростик и уговорил ее отправиться к нему на дачу. Женщина понимала подтекст этого приглашения и была готова вступить в интимные отношения с вежливым и обходительным пожилым дядечкой. Вышли они на платформе «Лесостепь», где обычно выходило много пассажиров электрички. Чикатило с самого начала планировал убить женщину там же, где ранее были убиты Муратов и Громов, но не хотел выходить на остановке «Лесхоз». Убийца давно уже понял, что все остановки ростовских электричек контролируются милиционерами в штатском, и небезосновательно боялся, что его запомнят в обществе женщины. А в большой толпе на платформе «Лесостепь» было больше шансов не привлечь к себе внимания.

Расчет этот в принципе оправдался. Сотрудники милиции, контролировавшие «Лесостепь», действительно на Чикатило и его спутницу внимания не обратили и не запомнили их.

Убийца повел Светлану вдоль лесополосы. Спокойно разговаривая, они прошли 2,3 км и остановились не доходя платформы «Лесхоз» около 330 м. Это было практически то же самое место, где Чикатило дважды уже совершал убийства.

Без всякого принуждения Светлана вошла вместе со своим спутником в лесополосу, рассчитывая заняться с ним сексом. Оба частично обнажились, но у Чикатило, как и прежде в таких случаях, возникла проблема с эрекцией. Светлана предложила укрепить сексуальный пыл своего нового друга оральная лаской, но Чикатило отказался — планы у него на эту встречу были совсем иного рода.

Повалив женщину, он принялся связывать ей руки. Светлана энергично сопротивлялась, поцарапав запястья обеих рук и правое ухо нападавшего (впоследствии судмедэкспертиза обнаружила под ее ногтями кровь и частицы кожи Чикатило). Тем не менее физические кондиции преступника давали ему

неоспоримое превосходство над женщиной, он сумел связать ей руки и полностью раздел. Зажимая рот рукой, он принялся колоть и резать ее ножом. После того, как из-за обильной кровопотери женщина ослабела, убийца отрезал ей кончик языка и соски, которые тут же съел. Затем изувер вспорол женщине живот и извлек матку с придатками. Не остановившись на этом, он перевернул свою жертву на живот и сделал длинный разрез от поясницы до левого колена (длина рассечения превысила 50 см).

Чикатило прикрыл тело Светланы Коростик рубашкой и рейтузами, а остальную одежду унес и выбросил (ее впоследствии так и не нашли). Перед уходом с места преступления убийца снял с рук жертвы веревку.

После этого он направился к платформе «Лесхоз», где появился около 13 часов.

Его выход из лесопосадки наблюдал сотрудник милиции в штатском Игорь Рыбаков. Сержанту показалось странным, что человек интеллигентного вида, в костюме с галстуком вышел из такого места, где не было ни дорожки, ни тропинки. Грибник в резиновых сапогах смотрелся бы органично и не вызвал вопросов, но вид человека в костюме и ботинках явно не соответствовал обстановке. Подойдя к платформе, человек деловито вымыл обувь под краном с водой, затем умылся и старательно вымыл руки. Для холодной ноябрьской погоды подобные водные процедуры казались излишними.

Рыбаков продолжал украдкой наблюдать за странным человеком. От милиционера не укрылось то, как тот подошел к группе грибников и живо о чем-то с ними заговорил. Со стороны можно было подумать, будто они одна компания, но милиционер не сомневался в том, что человек в галстук ломает комедию. Он приблизился к грибникам и, получше рассмотрев мужчину из лесопосадки, увидел на его куртке и сумке, переброшенной через плечо, налипшие листья. Также Рыбаков заметил кровотокающую царапину у уха мужчины.

Решив, что надо проверить документы незнакомца, милиционер отозвал его в сторону, предъявил удостоверение и попросил представиться. Чикатило достал из сумки паспорт, и за то время, пока сумка оставалась открыта, Рыбаков увидел лежавшую там одежду. Это усилило подозрения милиционера. Помимо паспорта Чикатило предъявил удостоверение МПС,

Подлинным героем операции «Лесополоса» оказался сержант УВД г. Красный Сулин Игорь Рыбаков, откомандированный для несения службы на т. н. «пост прикрытия» на железнодорожной станции «Лесхоз». Такие посты в рамках литературного дела «Лесополоса» были организованы в местах массовых скоплений людей для выявления подозрительной деятельности, связанной с активностью неизвестного маньяка. Находясь 6 ноября 1990 г. на дежурстве, Рыбаков обратил внимание на странного мужчину, вышедшего из лесополосы. Этим человеком оказался Чикатило, совершивший часом ранее убийство Светланы Коростик. Внешний вид незнакомца: ботинки, шляпа, портфель — никак не соответствовали типу грибника. Рыбаков проверил документы мужчины, выяснил причину его пребывания на станции, сделал запись об этом в вахтенном журнале поста и подготовил соответствующий рапорт. В последующие дни, получив сообщение о брошенной в лесополосе одежде, Рыбаков вместе с напарником предпринял попытку самостоятельно прочесать местность. Убедившись в том, что в перерывах между электричками проделать это очень сложно, сержант обратился к руководству с рапортом соответствующего содержания. 13 ноября прибыла большая группа милиционеров, которая в результате прочесывания местности примерно в 330 м от платформы «Лесхоз» обнаружила труп последней жертвы Чикатило — Светланы Коростик.

из которого Рыбаков узнал место его работы. Милиционер задал вопрос о причине пребывания Чикатило в это время в этом месте, на что мужчина в галстук ответил, что приезжал к другу в поселок Донской, но не застал его.

Чикатило в целом держался спокойно, непринужденно и дружелюбно, отчасти усыпив бдительность милиционера. Они даже сели в одну электричку и некоторое время ехали в одном вагоне — убийца не пытался поскорее скрыться с глаз Рыбакова, демонстрируя полнейшее самообладание. Тем не менее сержант по окончании смены написал краткий рапорт о контакте с подозрительным лицом, в котором указал номер его паспорта. Также милиционер проверил подлинность паспорта и по адресной базе установил место жительства Андрея Романовича Чикатило.

9 ноября работница лесхоза сообщила Рыбакову, что на том месте, где были убиты Муратов и Громов, на ветках висит какая-то тряпка, которой не было еще несколько дней тому назад. Милиционер позвонил в Красносулинский ОВД и сообщил об этом, предложив провести прочесывание местности. Не дожидаясь, пока руководство примет решение, Рыбаков вместе с напарником самостоятельно взялись за прочесывание лесополосы и прилегающей к ней территории. Этим они занимались на протяжении 9 и 10 ноября. Впоследствии окажется, что до того места, где лежал труп Светланы Коростик они не дошли всего 5 м.

13 ноября к платформе «Лесхоз» прибыла большая группа милиционеров для тщательного прочесывания лесополосы. Они-то и обнаружили труп Коростик.

Дальнейшее хорошо известно. За Андреем Чикатило установили наружное наблюдение и вечером 20 ноября, когда он вышел купить кваса, его арестовали. Административный арест на 15 суток должен был предоставить достаточно времени на то, чтобы разговорить подозреваемого, но Чикатило сразу продемонстрировал следствию сильнейшую сторону своего характера — способность сохранять в стрессовой ситуации полнейшую невозмутимость и самообладание. «Вызвать» арестованного на разговор никак не получалось. Чтобы «раскачать» психику Чикатило, вывести его из равновесия и подтолкнуть к эмоциональному реагированию, было решено устроить встречу с опытным психиатром Александром Олимпиевичем Бухановским. Последний в качестве консультанта уже привлекался к следствию по делу «Лесополоса» и в каком-то смысле уже был заочно знаком с Чикатило через те преступления, что тот совершал. 29 ноября произошла их первая встреча, в ходе которой психиатру удалось сломать психологическую защиту арестованного и добиться неконтролируемых психоэмоциональных реакций — Чикатило заплакал, стал рассказывать о тяжелом голодном детстве, о том, что его старшего брата съели во время голода, как ему тяжело приходилось во время действительной службы в армии, где он подвергался различным унижениям, хотя и был коммунистом и т. п. В итоге возникший психологический контакт подтолкнул арестованного к сотрудничеству со следствием, и Чикатило принялся давать признательные показания. 10–11 декабря 1990 г.

Кадры видеозаписи, сделанной в процессе медицинского освидетельствования Чикатило в день задержания. *Слева*: осмотр на наличие травм и осаднений кожи торса, *справа*: видеосъемка перелома фаланги большого пальца правой руки. Согласно официальной версии событий, подтвержденной впоследствии Чикатило, палец был поврежден 2 ноября 1990 г. во время борьбы с Виктором Тишенко, сумевшим укусить нападавшего. Осмотр показал, что на момент совершения убийств рост преступника составлял 180 см, а рост — 100 кг. Цифры эти до известной степени условны: как известно, рост человека может изменяться даже в течение дня в зависимости от нагрузки на позвоночник, а вес напрямую связан с массой потребляемой пищи. Тем не менее общие кондиции Чикатило ясны — это довольно крупный мужчина, и хотя его нельзя назвать спортсменом, такой человек с ножом в руках, безусловно, способен справиться с подростком или девушкой без особых затруднений.

убийца собственноручно написал заявление на имя Прокурора РСФСР, в котором сообщил о большом числе убийств, не известных правоохранительным органам. После этого имели место еще несколько встреч Александра Олимпиевича Бухановского с Чикатило в интересах следствия: 13 декабря 1990 г., 18 января и 25 января 1991 г.

Бухановский считал, что Чикатило — глубоко нездоровый человек и на этом основании не может быть судим. Александр Олимпиевич оспаривал экспертизу, признавшую обвиняемого вменяемым, и рассчитывал добиться назначения повторной комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Опытный психиатр готовился выступить в суде в качестве независимого эксперта и, по-видимому, считал, что ввиду его особых заслуг на этапе предварительного расследования он может требовать, чтобы его мнение было принято судом во внимание. Однако этому намерению не суждено было воплотиться. Бухановскому запретили появляться в зале суда, пригрозив принудительным удалением в случае неподчинения запрету. Тогда Александр

Олимпиевич подготовил и передал суду письменное заявление, в котором изложил свое понимание мотивации преступника и его расстройств. В этом прелюбопытнейшем документе есть, в частности, и такие слова: «Надо учесть, что нет одного Чикатило. До начала суда их было три. Сейчас вы видите одного из них, не того, что сидел в зале в начале процесса. Я думаю, что вы сейчас видите того, который убивал. Простите, если лезу опять не в свое дело, но умолчать, как специалист, не могу. Если бы была моя воля, я прервал бы сейчас процесс на 2–3 месяца, чтобы дать прийти в себя, в первую очередь, Чикатило». В силу очевидных причин это заявление никогда не было оглашено. Общественность жаждала отмщения, и накаленные перестроенными реалиями люди не хотели даже и слышать о возможном перерыве в судебном процессе. Поэтому заявление Бухановского мало кому известно даже сейчас, а в далеком 1990 г. оно никак не повлияло (да и не могло повлиять!) на ход суда.

Всего Андрей Романович Чикатило принял на себя ответственность за 55 убийств. Подтверждения некоторым из них отыскать не удалось, другими словами, сам факт их совершения остался не доказан, поэтому после проверки, растянувшейся более чем на 13 месяцев, обвинительное заключение включало в себя 52 убийства.

Судебный процесс над Чикатило в Ростовском областном суде начался 14 апреля 1992 г., ровно через полгода — 14 октября был подписан обвинительный приговор. Вполне ожидаемо по совокупности доказанных пунктов обвинения Чикатило оказался приговорен к смертной казни. На этот приговор осужденный и его адвокат внесли в Верховный Суд Российской Федерации кассационные жалобы, а государственное обвинение — кассационный протест.

Надо отметить, что кассационные жалобы Чикатило и его адвоката Хабибулина выглядят достаточно весомо для того, чтобы от них можно было просто отмахнуться и посчитать формальностью, призванной оттянуть момент исполнения наказания. В частности, Чикатило заявил, что его не ознакомили с материалами дела по окончании расследования. Более того, ему даже не вручили текст обвинительного заключения (оба замечания чрезвычайно важны, поскольку обвиняемый должен знать, в чем именно его обвиняют и на основании каких улик.

Октябрь 1992 г.: Чикатило ведут в зал судебных заседаний

Если бы оба утверждения осужденного были признаны правдивыми, то приговор подлежал бы отмене автоматически, т. е. просто в силу его формальной недопустимости. Правда, в судебных материалах содержалась расписка о том, что Чикатило получал на руки копию обвинительного заключения и знакомился с ним. Более того, он подтвердил это устно в суде. Интересно и другое заявление Чикатило, присутствовавшее в его кассационной жалобе: некоторые его заявления о совершении убийств не были приняты во внимание следствием и судом, и напротив, ему были навязаны некоторые эпизоды, к которым он был непричастен. Адвокат же в своей кассационной жалобе утверждал, что «приговор основан лишь на показаниях Чикатило, данных им на предварительном следствии, где он признавал все вмененные ему в вину убийства, но эти показания расплывчаты и неубедительны; показания ряда свидетелей, в частности, по эпизодам, связанным с убийством Закотновой и Стальмаченок — неубедительны, противоречат материалам дела...».

Нельзя не признать, что приговор Ростовского областного суда действительно производит довольно странное впечатление. Диктовавший его судья Акубжанов явно мыслил взаимоисключающими параграфами и не замечал того, что один фрагмент текста прямо противоречит другому. Так, например, суд посчитал доказанными факты мужеложества (анальных половых

Весьма любопытные фотографии, сделанные разными камерами примерно в одно и то же время. *Справа*: кадр из видеозаписи зачитывания приговора Ростовского областного суда судьей Леонидом Борисовичем Акубжановым. Дата видеосъемки — 14 октября 1992 г. Чикатило, явно сознавая, каким окажется постановление суда, на протяжении последнего часа зачитывания принялся выкрикивать в зал бессвязные фразы. Они хорошо слышны на видеозаписи: «Вы судите больного человека!», «Вы осуждаете нездорового!», «Требую независимого суда!», «Больной — значит невиновен» и т. п. Обвиняемый явно рассчитывал на срыв судебного заседания, надеясь в будущем обыграть этот нюанс при подаче апелляции. Расчет Чикатило не оправдался — судья Акубжанов стоически дочитал приговор — объемом, кстати, более 200 машинописных страниц! — после чего спокойно поинтересовался, понимает ли подсудимый смысл документа, с которым ознакомлен? Едва Чикатило ответил, конвой сразу же вывел его из клетки (*фотография слева*). Места перед клеткой в зале суда занимали журналисты, которых на процессе было более трех десятков, в момент вывода Чикатило они стали задавать ему вопросы — именно этот момент и запечатлен в кадре видеозаписи. Приговоренный не мог осмысленно отвечать — он был явно шокирован приговором. Его взгляд расфокусирован, конвоиры поддерживают его под обе руки, а Чикатило монотонно бормочет что-то невнятное, на видеозаписи слышен его голос, но разобрать слова очень сложно: «осудили... я болен...». Остается добавить, что присутствующие встретили осуждение Чикатило на смертную казнь громкими продолжительными аплодисментами. Эти аплодисменты были не только громкими и продолжительными — они были искренними.

актов) с мальчиками и подростками. А чуть далее по тексту приговора приводится ссылка на результаты сексологической экспертизы, проведенной комиссией экспертов Московского НИИ Минздрава. Экспертиза эта констатировала, что «у Чикатило выявлена слабая половая конституция на фоне органического снижения порогов возбудимости центров эякуляции. Этим обуславливается легкое достижение семяизвержения (без дополнительной стимуляции половых органов, без полового акта) при сексуально-значимых действиях». Этот вывод экспертов прекрасно согласуется с утверждениями самого Чикатило, не раз

подчеркивавшего, что его половое возбуждение при виде крови и агонизирующей жертвы нарастало столь стремительно, что он просто не успевал осуществить половой акт. Налицо явное противоречие констатирующей части судебного приговора выводам экспертов, и таких нестыковок в этом документе довольно много (чего только стоит неоднократно упоминающееся в приговоре Ростовского облсуда «парадоксальное выделительство», совершенно бессмысленное в силу своей антинаучной бредовости).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела дело в заседании 30 июня 1993 г. и частично удовлетворила как жалобу Чикатило, так и протест обвинения. Самое существенное в этом решении заключается в признании недоказанности вины Чикатило по 9 эпизодам, связанным с убийствами Закотновой, Стальмаченок, Пожидаева, Биловецкого, Воронько, Кравченко, Ткаченко, Шалопининой и Сармиты.

Таким образом, общее число жертв Чикатило уменьшалось с 52 до 43. Все те эпизоды, на исключении которых из обвинения настаивал Чикатило, действительно были исключены (любопытна формулировка, с каковой это сделано: «...в основу обвинения по этим эпизодам суд положил признание Чикатило своей вины в ходе предварительного следствия при отсутствии других бесспорных доказательств, подтверждающих его признание». Надо сказать, что «бесспорных доказательств, подтверждающих признание» нет и по многим другим эпизодам. Интересно, а если бы Чикатило отказался не от 9 эпизодов, а от 19 или 29, то их Верховный Суд Российской Федерации тоже признал бы недоказанными?).

Но уменьшение числа признаваемых законом жертв носило чисто технический характер и никак не влияло на вынесенный убийце приговор. Чикатило был казнен 14 февраля 1994 г.

На этом сагу о «Ростовском монстре» можно считать почти оконченной. Однако имеется несколько принципиальных вопросов, которые нельзя обойти в контексте затронутой в данной книге темы об эффективности советской правоохранительной системы.

Первый вопрос связан с привлечением криминальных психологов к розыску неизвестного изувера в рамках литерного дела «Лесополоса» и эффективности их работы. В самом деле,

Кадры из последнего интервью Андрея Чикатило, снятого самарским телевидением в 1993 г., в то время, когда Чикатило написал прошение о помиловании на имя Президента России Б. Н. Ельцина и ждал ответа. Запись продолжается более часа, и в течение этого времени Чикатило не раз демонстрирует присущую психопатам манеру разговора: нелогичные переходы с одной темы на другую, явные противоречия сказанному прежде, всякое отсутствие раскаяния. Чикатило несколько раз заявил о своей полной невинности и надежде выйти на свободу, а потом непринужденно признал факты совершения многочисленных убийств, правда, с оговоркой: жертвы он не насиловал, ибо был полным импотентом, а «получал разрядку лишь психологическую». Довольно небрежно высказался в адрес суда, подчеркнув неопределенно, что там «наговорено столько глупостей», а на вопрос, зачем же он сам давал признательные показания в суде, ответил, что свои показания заучил по бумажке, как того требовал следователь. Безусловно, осужденный в этом интервью много врал, веры его словам нет ни малейшей, но интервью это интересно тем, что дает представление о его свободной манере речи и довольно ограниченном словарном запасе. Интересен и другой момент: во время интервью Чикатило продемонстрировал свое прекрасное физическое состояние и стал «на мостик».

в Соединенных Штатах уже с начала 1980-х гг. активно развивалось «психологическое профилирование», а что же в этом отношении могла сказать советская школа криминальной психологии? В этой связи во всех книгах, публикациях и телефильмах обычно принято упоминать участие в поимке и изобличении Чикатило замечательного ростовского психиатра Бухановского. Как упоминалось выше, Александр Олимпиевич проделал огромную работу в интересах следствия, разговаривая арестованного и установив с ним доверительные отношения, что привело Чикатило к мысли о возможности сотрудничать со следствием. А впервые к консультированию сотрудников, занятых розыском неизвестного маньяка, Бухановский был привлечен еще в 1984 г.

Правда, ценность разработанного им «перспективного портрета» для практического разоблачения преступника более чем

сомнительна. В самом деле, если американская методика построения «поискового психологического профиля» призвана решать, прежде всего, прикладные задачи и ориентирует следователя среди большого числа подозреваемых посредством вычленения примерно 30 значимых признаков, то работа Бухановского имеет скорее академически-познавательный характер, нежели практический.

Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на выработанный им «перспективный портрет»:

- поведение преступника в процессе нападения — грубая аналогия полового акта (данное умозаключение практической пользы с точки зрения разоблачения убийцы не имеет);

- преступник изначально преследует цель лишить объект нападения жизни (то же самое, никакой практической пользы в этом утверждении нет);

- имеется связь активности преступника с метеоусловиями. Это доказывается аномальной активностью преступника в 1984 г. Тогда 3 нападения произошли во время дождя и 8 — в грозу. Убийца имеет высокую степень метеочувствительности (на самом деле Чикатило не был метеозависим, и большое число преступлений он совершал в ясную солнечную погоду при высоком атмосферном давлении. То, что убийства в 1984 г. приходились на дождливые дни, объясняется тем, что погода в Ростовской области в том году вообще была аномально дождливой. Кстати, 2 убийства в Узбекской ССР, совершенные Чикатило в августе 1984 г., пришлось на прекрасные солнечные дни.);

- существуют социальные ограничения активности преступника по рабочим дням, возможно, они связаны с работой. Нападений нет в среды, пятницы и воскресенья, они происходят в основном по вторникам и четвергам (для того, чтобы сделать такое заключение, не нужно быть психиатром и кандидатом медицинских наук, достаточно просто распределить нападения по дням недели. На такую аналитическую работу способны даже первоклассники и можно не сомневаться, что следователи и оперативники подумали о такого рода деталях без подсказки психиатра);

- нападения на мальчиков обусловлены попыткой их суррогатного (заместительного) использования вместо девушек.

На самом деле истинный (и желаемый) объект нападения — женский пол в возрасте 16–20 лет (т. е. преступник — парте-нофил). Рост жертв 155,059 + 11,718 см. Идеальная жертва — женский пол, девичий возраст (16,0 + 4,6 лет), невысокий рост (155,06 + 11,7 см), натурально русый, светло-русый или темно-русый цвет коротких (15–20 см) прямых волос (налицо попытка определить «диапазон приемлемости жертвы». В принципе, это важный для следствия момент, поскольку он позволяет определить элементы внешности женщин, используемых в качестве «приманок» для преступника. Однако для того, чтобы разобраться в этих нюансах, психиатр не нужен, работники правоохранительных органов прекрасно знают эту кухню без подсказок психологов.);

— участие зрения преступника в стимуляции полового возбуждения делает существенным требованием наличие во время эксцесса достаточного освещения (Это суждение А. О. Бухановского ошибочно. На самом деле Чикатило осуществлял многие свои преступления в условиях низкой освещенности. Да и практическая ценность такого наблюдения, будь оно правильно, была бы минимальна.);

— у подавляющего числа жертв имеются различные аномалии и патология зубочелюстного аппарата (это к вопросу о «диапазоне приемлемости жертвы»);

— вероятностный портрет убийцы: рост 170 + 10 см (Интересно, что в первоначальном варианте рост был равен 170 см. А число «+10 см» было вписано в машинописный текст от руки, когда это случилось, сказать невозможно, быть может, уже после ареста Чикатило. Кстати, даже если считать, что рост «170 + 10 см» был указан в самом первом варианте документа, то все равно Чикатило со своими 182 см роста оказался за верхней границей.). Возраст — старший, в районе 45–50 лет, астенический или лептосомный тип сложения, который характеризуется узкой, плоской грудной клеткой, длинной шеей, тонкими и длинными конечностями, продолговатым лицом, бледной и тонкой кожей (Налицо явный отсыл к трем основным типам человеческой конституции, разработанным Эрнстом Кречмером, немецким психиатром, в его работе 1921 г. Тот разделил всех людей по телосложению на четыре типа: три четко выраженных — лептосомный (или психосоматический), пикнический

и атлетический, а также один менее определенный — диспластический. Практическая польза от такого рода рассуждений — минимальна.);

— преступник имеет склонность к неврозам, пониженное кровяное давление, туберкулез, хронические заболевания желудочно-кишечного тракта и язвенные болезни, а также своеобразное сочетание психической ранимости с недостаточной эмоциональной отзывчивостью. Правда, физическая сила не обязательно выдающаяся, хотя у разыскиваемого преступника она выше средней (Этот набор признаков трудно назвать иначе, как бессистемным и ошибочным. Чикатило не имел пониженного кровяного давления, а скорее, напротив. Также у него не было туберкулеза и язвенной болезни.).

Как видим, практическая ценность для следственных работников такого рода консультаций была минимальна. Она еще более нивелировалась тем, что другие психиатры, исходя из тех же следственных материалов, делали совсем другие заключения. Так, например, В. Е. Пелипас, эксперт-психиатр института социальной и судебной психиатрии имени Сербского, в конце 1984 г., основываясь на изучении 20 эпизодов, посчитал, что убийц в Ростовской области действует двое. Один из них имеет возраст 35–40 лет, а другой — 20–25.

Вот, например, какие личностные черты эксперт выделил у старшего из убийц:

— преступник работает (или совмещает) в одном из детских учреждений, имеет обширный опыт общения с детьми (ошибочное заключение — Чикатило стал активно убивать именно после того, как закончил свою педагогическую карьеру);

— холост, с женщинами не встречается, не имеет друзей, нелюдим (Чикатило был женат почти четверть века и, несмотря на низкую потенцию, изменял жене практически на всем протяжении супружеской жизни);

— живет одиноко или с близкими родственниками (вообще-то, подавляющая часть неженатых мужчин живет или одиноко, или с близкими родственниками; исключение — солдаты или тюремные сидельцы);

— может иметь увлечения (книги, филателия, шахматы, фотографирование) (На самом деле Чикатило не имел заметных хобби. Единственное, что вспоминал о его увлечениях сын, —

Это кадры видеозаписи первого из числа многих десятков следственных экспериментов с участием Андрея Чикатило, проведенного 7 декабря 1990 г., т. е. менее чем через три недели с момента задержания. Чикатило сообщил следствию о преступлении, неизвестном правоохранительным органам, и заявил, что готов дать необходимые пояснения и все показать на местности. Он был доставлен в город Шахты, и на окраине центрального кладбища показал место убийства и захоронения в августе 1989 г. мальчика. После извлечения останков и проведения соответствующих следственных действий погибший был идентифицирован — им оказался 10-летний Алексей Хоботов.

читал газеты, но всерьез называть эту привычку увлечением, конечно же, нельзя.);

— преступник коллекционирует порнографию (Чикатило порнографию не коллекционировал);

— дома хранит коллекцию фетишей педофильско-гомогенной сексуальной ориентации, включая отрезанные части половых органов в законсервированном виде (ничего такого у Чикатило найдено не было);

— возможно, что психическое состояние преступника в 1984 г. резко ухудшилось при его попадании в психиатрический стационар. Также возможно, что стационарное лечение соответствующего профиля преступник получал ранее (заключение ошибочно).

В общем, как видим, практическая ценность от такого рода научнообразных рассуждений была минимальна, и работники отечественных правоохранительных органов прекрасно это понимали. Сравните, какую информацию о разыскиваемых серийных убийцах сообщали в своих анализах «профилеры» американского ФБР: пол, возраст, раса, семейное положение, образование, отношение к воинской службе, возможный род занятий, место проживания, владение автотранспортом (цвет, возраст, состояние транспортного средства), предпочтения в одежде, наличие домашних животных, их порода, количество, возраст и т. д. Особым разделом стандартного «поискового

Даже поверхностный взгляд на места совершения преступлений, инкриминированных Чикатило, и телесные повреждения, причиненные жертвам, рождает массу вопросов относительно объединения разных эпизодов в единый «сериал». Постмортальные манипуляции убийцы с телом жертвы и ее вещами индивидуальны и устойчиво повторяются от случая к случаю. Между тем в эпизодах, вмененных Чикатило, можно видеть совершенно несхожие между собой действия преступника: некоторая часть тел оставлена полностью обнаженной, другая — частично одетой, некоторые из жертв прикрыты собственной же одеждой... Иногда преступник не принимает никаких мер по сокрытию трупов, словно бы теряя интерес к ним сразу после убийства, однако во многих случаях маскирует тела и в двух эпизодах даже скрывает их под землей. В одних случаях можно видеть, что одежда убитых оставлена преступником возле тел, в других — унесена и не найдена, в третьих — демонстративно развешана на кустах неподалеку от места совершения преступления. Странный разброс наблюдается и в выборе жертв — от совсем юных мальчиков до вполне зрелых женщин. Обычно серийные убийцы куда более прихотливы в этом вопросе. Смущает также полное отсутствие прямых улик, изобличающих Чикатило, фактически все обвинение построено на его признательных показаниях. Не найдено никаких улик, способных объективно доказать вовлеченность Чикатило в десятки убийств: криминалисты не обнаружили ни единой капли крови на 26 ножах и 7 молотках, принадлежавших как самому преступнику, так и его родственникам. Не оказалось крови и на одежде, принадлежавшей Чикатило. Не было крови и в домике в Межевом переулке, на полу которого Чикатило якобы заколол ножом Елену Закотнову. В общем, четверть века уже литературное дело «Лесополоса» считается успешно закрытым, а вопросов к его результатам меньше не становится.

психологического портрета» являлись рекомендации по проведению первого допроса арестованного преступника. Почувствуйте, так сказать, разницу.

В последующие с момента разоблачения Чикатило 10 лет на территории Ростовской области удалось разоблачить более двух десятков серийных убийц. Можно сказать, что этот регион оказался своеобразным «флагманом» серийной преступности на обломках бывшего СССР. Появились всевозможные домыслы относительно того, почему такое стало возможным, но, думается, не в последнюю очередь это случилось потому, что в Ростове и области до известной степени научились распознавать

серийные убийства и избивать преступников на ранних этапах их становления. В других регионах правоохранительные органы банально не видели такого рода преступлений под самым своим носом.

Однако из факта высокой активности серийных убийц на территории Ростовской области в 1990-е гг. рождается закономерный вопрос: а может быть, это явление расцвело гораздо ранее? Быть может, те полсотни жертв, что записаны на «счет» Чикатило, на самом деле есть результат деятельности отнюдь не одного преступника?

О том, что серийная преступность существовала в Советском Союзе задолго до кровавых «подвигов» Чикатило, знает уже всякий, прочитавший эту книгу, как и о том, что преступный путь Андрея Романовича объективно имеет несколько странностей.

По состоянию на конец лета 1986 г. следствие считало, что таинственный убийца совершил 22 убийства, причем те преступления в Краснодаре и Средней Азии, в которых Чикатило сознался после ареста, в этот список не входили, а многие из тех, совершение которых приписывалось неизвестному маньяку, связать с Чикатило не удалось. Например, считалось, что в 1986 г. таинственный изувер активно хозяйничал в Московской области. Так, 19 апреля в Дмитровском районе он убил подростка Павлова, а в Одинцовском районе 10 июля и 31 июля — Гуляева и Гаськова. Всех подозреваемых требовалось проверять на наличие алиби в эти и близкие им дни. Однако уже после ареста Чикатило выяснилось, что тот никак не мог совершить эти убийства. С таинственным убийцей связывались и другие преступления, например, изуверские убийства Л. П. Головахи в с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области, случившееся 21 июля 1986 г., и И. Н. Погореловой, погибшей от множественных ножевых ранений 11 августа 1986 г. на окраине г. Батайска. Следствие считало, что все эти преступления однозначно подпадают под почерк, присущий маньяку, которого напряженно ловили в Ростовской области с 1982 г., однако после поимки Чикатило стало ясно, что эти убийства он никак совершить не мог.

Это однозначно свидетельствует о том, что маньяков было более одного. Действовали они одновременно, порой в одних и тех же регионах страны, и манера их поведения в момент

совершения убийства была довольно схожей. По крайней мере, органы следствия не могли уверенно их различать и считали, что во всех случаях действует один и тот же преступник. А на самом деле это было не так.

Поэтому вопрос об обоснованности объявления Чикатило «супермонстром» представляется далеко не праздным. Монстров могло быть несколько, только ответить перед законом пришлось одному Чикатило...

Известно, что в период с 1986 по 1989 гг. в районе южного пригорода Ростова-на-Дону Батайска действовал серийный убийца Константин Черемухин. Официально считается, что его жертвами стали четыре девочки в возрасте от 9 до 14 лет. Примечательно, что орудовал убийца на той же самой территории, что и Чикатило, и владея автомобилем «Жигули», он в принципе, мог появиться в любом районе Ростовской области без особых затруднений. Большой интервал между убийствами наводит на мысль, что значительное число эпизодов следствие просто не связало с действиями Черемухина из-за изменчивости его криминальной манеры действия (почерка). Убийства он действительно совершал по-разному, экспериментировал со стилем криминального поведения. Например, предпринял попытку сжигания тела одной из жертв. Первую жертву Черемухин утопил, двух девочек задушил, еще одну убил ударами отвертки. Однако поглумился над телом: отрезал соски и половые губы.

Черемухин родился в 1953 г., и если считать, что подавляющее число серийных убийц начинают убивать в возрасте 25 лет, то получается, что уже к концу 1970-х гг. он мог сформироваться как криминальная личность. Черемухин имел немалый уголовный опыт: дважды был судим за угон автотранспортных средств, а потому знал не понаслышке о приемах и методах оперативно-следственной работы. Взятый под стражу в третий раз, он в отличие от Чикатило, поддавшегося обаянию Бухановского и начавшего сознаваться в десятках преступлений, отпирался до последней возможности и отрицал все, что только можно было отрицать.

Можно вспомнить другого известного серийного убийцу из той же поры и того же региона. Речь идет о Владимире Муханкине. Этот преступник примечателен тем, что в 1995 г. демонстрировал одновременно два сильно различавшихся типа

Некоторые из серийных убийц, орудовавшие на территории Ростовской области в 1980—1990-х гг. Слева: Константин Черемухин, в центре: Роман Бурцев, справа: Владимир Муханкин. В 1998 г. на 2-й Международной научной конференции «Серийные убийства и социальная агрессия» констатировалось, что в период 1988—1998 гг. на территории Ростовской области удалось разоблачить 28 серийных убийц. Среди них, например, есть такие воистину вурдалаки, как Юрий Черноусов, совершивший два тройных убийства, геронтофил Александр Краснокутский, убивший не менее двух пожилых женщин, Роман Бурцев, зверски замучивший не менее шести подростков. Во многих случаях можно предполагать, что криминальная активность преступников началась много ранее доказанного следствием времени. Так, например, серийный насильник Александр Сидоренко в 1997 г. был признан виновным в 24 нападениях, совершенных в 1993 г. и в последующие годы в довольно специфичной манере. Однако известно, что очень похожие нападения отмечались начиная уже с 1989 г. Будет ошибкой думать, будто убийства в ростовских лесополосах — это ноу-хау Чикатило: по данным областного управления уголовного розыска в 1984 г. в лесополосах было зафиксировано 75 убийств на сексуальной почве с особой жестокостью. Понятно, что такую статистику при всем желании невозможно объяснить активностью одного, пусть даже фантастически кровожадного маньяка.

криминального поведения: в одном случае он грабил жертвы, не имея намерения их убить, а в другом — убивал, не преследуя цель получить поживу. И в том, и в другом случаях жертвами становились женщины. Несколько месяцев правоохранные органы вели розыск двух преступников, пока, наконец, не возникло подозрение, что виновником обоих несхожих «сериалов» является один и тот же злоумышленник. Вина Муханкина доказана по 22 эпизодам, из которых 8 привели к убийству жертв (среди убитых трое несовершеннолетних).

Убийства, совершенные Муханкиным, и постмортальное поведение этого преступника во многом напоминало то, что десятилетием ранее можно было видеть в случае с Чикатило. Муханкина даже объявили «подражателем Чикатило». В качестве оружия он использовал нож, агрессия убийцы была направлена на половые органы жертв, в одном случае он разрезал живот

убитой женщины, вытащил кишечник, отрезал 2 метра кишок и отбросил их в сторону (вся вина убитой женщины заключалась в том, что она подошла к Муханкину, чтобы помочь ему после того, как пьяного убийцу задела проезжавшая мимо автомашина). В другом эпизоде преступник, расправившись с сожителем случайной знакомой, отрезал трупу голову. В общем, изувер это был отвратительный, каких поискать. О самом себе он во время следствия несколько раз высказывался в том смысле, что «Чикатило передо мной мальчик!». Единственное явное отличие криминального почерка Муханкина от присущего Чикатило заключается в том, что первый не пытался заниматься с жертвами сексом и не оставлял сперму на месте преступления.

Конечно, внимательный читатель тут же укажет на то, что Владимир Муханкин был разоблачен в 1995 г. и совершенные им убийства относятся именно к первым месяцам того года. Однако есть одна существенная деталь, которую надо принимать во внимание: в 1989 г. Муханкин был осужден за два нападения на женщин, во время которых наносил жертвам ножевые удары в бедра и ягодицы. Родился преступник в 1960 г., и к 1985 г. у него вполне мог уже сформироваться «комплекс серийного убийцы» (именно в возрасте 25 лет большинство преступников этой категории начинают сознавать свою тягу совершать убийства с целью получения сексуального удовлетворения и решаются на первые преступления такого рода).

Из числа известных ныне преступников возможны и иные кандидаты на роль серийных убийц, действовавших в том же регионе одновременно с Чикатило. Наконец, нельзя исключать того, что таковые вообще не были разоблачены и их имена остались неизвестны правоохранительным органам. Пожалуй, единственно безошибочным методом определения виновности Чикатило в инкриминируемых ему убийствах является анализ ДНК биоматериалов, оставленных преступником на местах совершенных кровавых расправ.

По мнению автора, ситуация вокруг преступлений «Ростовского монстра» имеет очень хороший аналог в криминальной истории США. Там в 1967–1969 гг. на территории штата Мичиган действовал серийный убийца Джон Норман Коллинз. По официальной версии тех событий, он убивал студенток Восточно-Мичиганского университета в районе городов Энн-Арбор

и Ипсиланти. Хотя формально осудили Коллинза за одно убийство, общественное мнение, да и правоохранительные органы, связывали его, по меньшей мере, с семью эпизодами в Мичигане и одним случаем убийства в Калифорнии. Убийцу приговорили к пожизненному заключению без права подачи прошения об условно-досрочном освобождении первые 20 лет. С момента ареста в 1969 г. и по сегодняшний день (февраль 2015 г.) он находится под стражей. В 2004 г. федеральный бюджет профинансировал проверку некоторых биологических материалов, добытых в ходе расследования в конце 1960-х гг. И начались удивительные открытия. Выяснилось, что убийство одной из девушек совершил некий Гэри Эрл Лейтерман, который вообще не попадал в поле зрения следствия в те годы. Убийца преспокойно прожил на свободе 35 лет, пока его жертву все записывали на счет Джона Коллинза! Лейтермана судили и приговорили к пожизненному тюремному заключению. А после этого последовала еще одна сенсация: выяснилось, что и другая «жертва Коллинза» убита вовсе не Коллинзом, а неким Робертом Бакстером Бауманом. Его, как и Лейтермана, в 2010 г. приговорили к пожизненному заключению без права подачи прошения о помиловании, на тот момент Бауману исполнилось уже 74 года.

Если бы не самые современные технологии сравнения ДНК-маркеров, эти преступники ушли бы от расплаты. Очень трудно отделаться от ощущения, что ситуация с огромным мартирологом Чикатило соответствует той, что мы видим в случае Джона Нормана Коллинза.

В самом деле, как Чикатило устранял следы крови на теле и одежде? Спросите у любого хирурга или гинеколога, что значит удалить матку живой женщины? Что значит вырезать сердце живого человека? То же самое с мошонкой и penisом... Это все органы чрезвычайно полнокровные. А каково это — вырезать кишечник? Он ведь наполнен не благоухающими лепестками роз, а содержимым с очень неприятным запахом, которое к тому же выдавливается при малейшем проколе или порезе стенок. Если небольшая капля содержимого попадет на одежду, то устранить ее запах будет крайне непросто. Ни один разумный человек, наблюдавший хоть раз в жизни полостную операцию, не поверит в то, что после такого можно отмыться самому и отмыть одежду в мокрой траве или луже. Это просто смехотворные объяснения.

Убийца, который проделывал такие манипуляции с телами жертв, должен был иметь некий продуманный и эффективный алгоритм сокрытия следов крови, а также кала и мочи жертв (ибо дефекация и мочеиспускание умирающего человека — это один из законов танатологии). Можно только догадываться, какими приемами и способами он пользовался, потому что в деле Чикатило никакого внятного объяснения этой загадки не существует.

До известной степени это противоречие могло бы снять наличие у Чикатило привычки постоянно менять одежду и обувь. Когда у человека непрерывно заменяются вещи, то исчезновение запачканных кровью одежды и обуви можно скрыть без особых затруднений даже от близких людей. Но у Чикатило не менялся гардероб с подобной частотой — напротив, это был человек очень привязанный к однажды выбранным вещам. Вообще, его гардероб был довольно ограничен, как и у большинства советских людей той поры, причем вещи все были изрядно ношенные... И что же? Где те бесчисленные пятна и брызги крови от десятков умученных мальчиков и девочек? Следствие вообще ничего не нашло ни на одежде преступника, ни на его обуви, ни на его портфелях и сумках, вещах, ножах в домике под № 26 в Межевом переулке города Шахты. Как ни старались лучшие криминалисты Ростовской области и России, ничего такого, что можно было бы предъявить суду в качестве улики, найдено не было.

Совершенно непонятна судьба извлеченных из тел убитых людей органов. Сам Чикатило категорически отвергал подозрения в каннибализме и утверждал, что никуда вырезанные органы не уносил, а попросту кромсал их ножом и затапывал в землю прямо на месте преступления. Насколько достоверно звучит такое утверждение, предложим решать читателю самостоятельно. Кстати, с точки зрения защиты, в суде Чикатило лучше было бы согласиться с подозрением в каннибализме — это выглядело бы как серьезное подтверждение его ненормальности и помогло бы избежать смертного приговора. Но подсудимый почему-то решил в этом вопросе упереться и не согласился с точкой зрения следствия. Но если считать, что органы извлекались именно с целью их дальнейшего употребления в пищу, то сразу возникает вопрос: где, когда и как их мог съесть Чикатило? Он жил с женой и двумя детьми вплоть до 1987 г. Как можно незаметно

от них положить в морозильник, а затем пожарить, скажем, матку и парочку женских грудей?

Как уже не раз отмечалось выше, совершенно непонятными выглядят неоднократные длительные перерывы в активности убийцы. Следствие обязательно должно было разобраться в этом вопросе, поскольку без серьезных причин серийные убийцы не прерывают начатый цикл нападений. В случае с Чикатило перерывов в активности продолжительностью 7 месяцев и более можно насчитать не менее трех. Что экстраординарного происходило в это время в жизни убийцы? Если у Чикатило все оставалось, как прежде, так, может быть, вовсе и не он тот самый убийца?

В этой связи нельзя не коснуться и другого вопроса, напрямую связанного с затронутой темой: если допустить, что Чикатило действительно совершил только часть приписанных ему преступлений, то зачем же он сознавался в их огромном количестве во время следствия и подтвердил большую часть этих признаний в суде? Другими словами, какой резон мог заключаться в самооговоре?

Александр Бухановский считал, что Чикатило совершал убийства в состоянии болезненного расстройств и нуждается в специализированном лечении. Об этом он заявил арестованному во время их первого разговора 29 ноября 1990 г., эту же точку зрения он изложил в письменном заявлении, переданном членам судебной коллегии, выносившим приговор Чикатило в октябре 1992 г. Бухановский предлагал суду назначить независимую экспертизу для оценки состояния психического и душевного здоровья обвиняемого и даже предлагал кандидатов на роль экспертов. Во многих своих интервью, уже после осуждения и казни Чикатило, Александр Олимпиевич повторял свою точку зрения: преступник нуждался в полноценном обследовании и лечении, а фигурировавшее в суде официальное заключение о психическом здоровье Чикатило по сути своей неверно.

Твердая убежденность опытного психиатра в том, что Чикатило можно и нужно лечить, могли произвести на преступника сильное впечатление. Не будучи специалистом в области судебной психиатрии, не понимая, как вообще работает система советского правосудия, Андрей Романович всерьез мог поверить в то, будто он интересен судебной системе как некий феномен и его действительно примутся лечить и изучать. Ис-

ходя из подобного посыла, Чикатило вполне мог постараться предстать как можно более чудовищным и превосходящим всякие мыслимые формы маньяком, ведь чем более он покажется необычным, тем более важным с точки зрения науки станет его исследование. С рациональной точки зрения подобное самооболащение, конечно, может показаться наивным, но Чикатило мог до известной степени заблуждаться на сей счет. Определенные иллюзии преступник мог питать до середины лета 1992 г., когда в ходе судебного процесса понял, наконец, что никто не собирается углубляться в тайны его внутреннего мира. Эти тайны просто-напросто никому не интересны — у суда имеется экспертное заключение специалистов института имени Сербского по результатам его обследования в условиях стационара, согласно которому он признан подсудным, и этого суду достаточно. Мнением Бухановского суд не заинтересовался, его письменное заявление оглашать не стал, в общем, дело явно покатило к вынесению смертного приговора.

Тут-то Андрей Романович и запаниковал. Начались его отказы от отдельных эпизодов, идиотские выходки в зале суда, призванные доказать неадекватность подсудимого, вроде снимания трусов и матерной брани в адрес суда. Но эта клоунада Андрею Романовичу уже не помогла, да и помочь не могла в принципе. Его попросту начали удалять из зала суда и вести процесс в его отсутствие — законом такое допускается. Чикатило взялся играть по правилам Системы, полагая, что сумеет ее переиграть, но для подобной игры ему не хватило ни знаний, ни опыта.

Итог закономерен — осуждение на смертную казнь и репутация самого кровавого убийцы Советского Союза, которая пережила Чикатило и просуществует, по-видимому, еще очень долго.

Послесловие

Эта книга задумывалась как эпитафия последнему мифу советской эпохи — той самой, когда у нас был самый дешевый в мире хлеб и бесплатное образование, когда народ был ошарашен единомыслием и воспитан на лозунгах партийных агиток. Миф этот заключался в якобы присущей «социалистическому образу жизни» безопасности и искоренении экономических причин проявления криминалитета.

Автор надеется, что читатель, принявший на себя труд внимательно ознакомиться с книгой, разобрался в истоках и фактической лживости этого мифа.

Феномен советской серийной преступности с криминологической точки зрения интересен тем, что формировался в условиях полной информационной изолированности общества. Результат, однако, оказался похож на ситуацию, что сложилась в США. Насколько можно судить по известным ныне данным, Советский Союз по числу серийных и массовых убийц, а также количеству их жертв оставил далеко позади все страны мира, кроме своего самого яростного и непримиримого антипода — США. Почему же эта очень специфическая разновидность криминальной активности продемонстрировала в странах со столь непохожим общественным строем такое удивительное совпадение?

И в США, и в СССР причины появления серийных и массовых убийц схожи — это стремительная урбанизация, индустриализация, атомизация общества, разобщившие его на озабоченных ежедневным выживанием индивидуумов; как следствие, разрушение традиционных ценностей, прежде всего, семейных. В СССР к этому добавилась борьба с православной церковью и иными традиционными конфессиями. Этот возглавляемый коммунистами поход принял характер перманентного погрома, растянувшегося на семь десятилетий.

Иеромонах Оптиной пустыни Василий (в миру Игорь Иванович Росляков), убитый в Пасхальную ночь 1993 г., в последние

годы жизни имел послушание — он ездил с проповедями по колониям и СИЗО, встречался с самыми отвратительными изуверами, пытался разбудить их совесть и наставить на путь истинный. После одной из таких поездок он сказал потрясающие по своей глубинной сути слова: «Тюрьма — это монастырь дьявола, а серийные убийцы — его воплощенные демоны».

Можно быть каким угодно убежденным атеистом и антиклерикалом, но задумываясь о причинах появления в современном обществе серийных и массовых убийц, трудно отделаться от ощущения, что психологическая деформация, превращающая человека в зверя, имеет в чем-то сакральную природу и вряд ли когда-либо будет объяснена рационально.

Советские идеологи, столкнувшись с феноменом серийной преступности, поступили ровно так, как поступали обычно со всеми недостатками своего строя. Они встали на путь замалчивания и непризнания очевидного. Так родился и укрепился в представлениях последнего советского поколения миф об отсутствии в СССР серийных убийц. Дескать, попадались в Союзе отдельные изуверы, вроде Чикатило и Михасевича, но это лишь исключения, подтверждающие правило — таких преступников у нас нет! Звучит абсурдно, но эта ложь советской пропаганды царствует в массовом сознании и поныне.

Нельзя эффективно бороться с болезнью, не признавая сам факт заболевания. Советский строй бороться не хотел, а потому и не смог.

К счастью, здравый смысл все-таки восторжествовал. После бесславного крушения коммунистических догматов отечественные специалисты получили возможность приступить к изучению феномена серийных и массовых убийств без идеологического пресса и «руководящих установок» партии. Уже в 1992 г. Министерство внутренних дел России приступило к реализации программы выработки научно-практических методик создания поисковых психологических портретов неизвестных преступников, склонных к совершению многоэпизодных преступлений против личности. Тогда же из представителей различных ведомств — МВД, Генеральной прокуратуры, Минздрава — была сформирована постоянно действующая рабочая группа, занимавшаяся проблематикой многоэпизодных преступлений с неочевидным мотивом. В скором времени в России появились

первые автоматизированные информационно-поисковые системы, ориентированные на решение задач этого профиля («Монстр», «Досье», «Насилие»). Началась серьезная аналитическая работа с привлечением специалистов смежных дисциплин. В период 1991–2001 гг. в Москве были проведены три научно-практические конференции, посвященные обсуждению и анализу различных нетрадиционных методик раскрытия преступлений. Было налажено взаимодействие с правоохранительными органами других государств, что представлялось попросту немислимым в советское время (проводились, в частности, семинары с участием детективов и криминальных психологов из Великобритании, Австрии и других стран). В крупных территориальных управлениях МВД появились подразделения, ориентированные на оперативное обеспечение расследований преступлений с неочевидным мотивом (отделения по раскрытию сексуальных преступлений в составе «убойных» отделов управлений уголовного розыска).

Все, перечисленное выше, привело к впечатляющим результатам. За десятилетие, миновавшее со времени распада СССР, на территории России были разоблачены более 200 серийных и массовых убийц. Часть из них начинали свой преступный путь еще в советское время (такие, как Головкин или Цюман), другие же поддались хмелю вседозволенности, вскружившему преступникам всех мастей головы в «шальные девяностые». Среди изобличенных тогда можно назвать таких маньяков, как людоед Владимир Николаев, рабовладелец Александр Комин, садист и расчленитель трупов Александр Слесивцев. Быстрая перестройка работы правоохранительных органов помогла до известной степени минимизировать ущерб от криминальной активности серийных преступников. Можно не сомневаться, что если бы этих изуверов искали по старинке, так, как это было принято в советское время, то многие ушли бы от ответственности.

Как бы ни печалились поклонники «славного советского прошлого» о скором закате СССР, где якобы не было убийц и насильников, но в современной России научились ловить сексуальных преступников быстро и эффективно. Хорошим тому примером является разоблачение американского педофила Грегори Капорделиса, приехавшего в поисках детской «клубнички» в Санкт-Петербург с октября 2003 г. по март 2004 г.

Американца умышленно не стали задерживать в России, а позволили уехать на родину, поскольку в Штатах за хранение детской порнографии и педофилию назначают гораздо более строгие наказания, чем в России. По наводке отечественных правоохранительных органов американская прокуратура обеспечила предприимчивому соотечественнику 35-летний тюремный срок.

В свое время следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР Исса Костоев, возглавлявший расследование по литературному делу «Лесополоса», вспоминал, что ему из-за нехватки специальных знаний приходилось заказывать в спецхране Ленинской библиотеки книги дореволюционных криминальных психологов. Понятно, что это была литература во многих отношениях устаревшая и не вполне отвечающая насущным потребностям реального сыска. Сейчас ситуация изменилась к лучшему и студенты профильных вузов имеют возможность обучаться по современным учебникам, учитывающим последние достижения самых разных прикладных дисциплин. Тем страннее выглядят рецидивы позабытого уже советского прошлого, когда некие борцы за идеологическую чистоту морали, нравственности и веры принимают на себя функцию «высшего цензора». Речь идет, в частности, о крайне неприглядной истории травли в различных интернет-сообществах одного из самых продуктивных и одаренных специалистов по криминальной психологии и девиантному поведению Геннадия Борисовича Дерягина, доктора медицинских наук, профессора кафедры криминалистики Московского университета МВД России. Гнев борцов за стерильную праведность вызвал первый в России учебник по криминальной сексологии, написанный и изданный Дерягиным в 2008 г.

Учебник этот, заверенный рецензиями четырех докторов наук, представляет собой курс прочитанных Дерягиным лекций и предназначен для курсантов юридических факультетов вузов МВД, профильных психологов и действующих сотрудников правоохранительных органов России. Он не рассчитан на широкую аудиторию и в силу этого ограничения весьма детально освещает феномен девиантной сексуальной активности в самых разных ее аспектах: историческом, культурном, медицинском, юридическом и пр. В самом деле, может ли быть иначе: доктор, лечащий от паразитов, должен их внимательно изучать, или он

будет плохим доктором. А следователь правоохранительных органов, прокурор или судья, защищающий общество от разного рода психопатов и маньяков, просто обязан распознавать своего врага. Казалось бы, все правильно. Но Геннадия Дерягина обвинили в «насаждении педофилии», «пропаганде сексуальной распушенности» и прочих грехах, в которых он уж точно никак не мог быть повинен.

Во времена Советского Союза такого рода идеологические доносы уничтожили бы как самого ученого, так и его труд. К счастью, история циклична и повторяется обычно в виде фарса. Учебник Дерягина не «бросили в костер», как это некогда практиковали комсомольцы-троцкисты, а самого Геннадия Борисовича никто никуда не сослал. Его учебник занял достойное место в ряду ценнейших прикладных исследований. И это вселяет уверенность, что труд Дерягина окажется не напрасен и спасет многих наших соотечественников.

В работе над этой книгой я старался быть честным и непредвзятым, исходя из максимы: если мы не хотим повторять ошибок прошлого, мы должны их признать. Они не делают нас, живущих ныне, глупее, напротив, — они помогают нам выработать иммунитет к подобным ошибкам в будущем.

Вышинский, вторя высшим политическим руководителям СССР, утверждал, будто социализм не порождает преступности. Неправда, конечно же, он ее порождает! Вот, собственно, об этом моя книга.

Алексей Ракитин
5 октября 2015 г.

Алексей Ракин

**«СОЦИАЛИЗМ НЕ ПОРОЖДАЕТ
ПРЕСТУПНОСТИ»**

*Серийная преступность в СССР:
историко-криминалистический анализ*

Иллюстрации предоставлены автором, взяты из открытых источников
или с разрешения специализированных сайтов.

Редакция благодарит Сергея Анкудинова, Артема Берковича,
Рустама Бикбова, Евгения Касимова, Сергея Никитина,
Марину Соколовскую, Светлану Фетюкову, Илью Шпакова (Курск)
за консультации в подборе фотографий.

При оформлении обложки использовано фото из уголовного дела
Владимира Винничевского (эпизод № 17, похищение 4-летней
Таси Морозовой на ул. Плеханова, район ВИЗ, г. Свердловск, 1939 г.;
место преступления)

Издатель *Федор Еремеев*
Редактор *Марина Гурьянова*
Верстка *Евгении Захаровой*

ПОЧТОВЫЙ АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:
«Кабинетный ученый»
Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 489

POSTAL ADDRESS:
Armchair Scientist,
Russia, 620014, Ekaterinburg, P. O. Box 489

Тел. в Екатеринбурге: +7 (904) 5461725

Тел. в Москве: +7 (916) 2248119

E-mail: fee1913@gmail.com

Подписано в печать 28.02.2016.
Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,0. Тираж 1200 экз. Заказ № 184.

Отпечатано в соответствии
с предоставленным оригинал-макетом
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>, e-mail: sales@uralprint.ru

Книги издательства «КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ»

ФИЛОСОФИЯ И ЭСТЕТИКА

Фредрик Джеймисон. Марксизм и интерпретация культуры. — 414 с.

Игорь Красавин. Techne. Сборка сообщества. — 596 с.

Медиа: между магией и технологией (сост. Нина Сосна и Ксения Федорова). — 330 с.

Квентин Мейясу. После конечности: Эссе о необходимости конгнентности. — 196 с.

Джеймс Миллер. Страсти Мишеля Фуко. — 528 с.

Владимир Шнейдер. Прагматическая интерпретация. — 92 с.

CULTURE STUDIES

Аркадий Бурштейн. Реальность мифа. Избранные эссе. — 316 с.

Детские чтения. Вып. 1–7 (под ред. Марии Литовской и Светланы Маслинской)

Валентин Корона. Работы по поэтике и морфологии поэтического текста. — 696 с.

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕДИА

Леонид Волков, Федор Крашенинников. Облачная демократия (предисловие Алексея Навального). — 240 с.

Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика (сост. Светлана Балмаева). — 148 с.

Кристиан Энгстрём, Рик Фальвинге. Дело о реформе копирайта. — 148 с.

ИСТОРИЯ И БИОГРАФИИ

Владимир Бабенко. Любовь гения: от Катулла до Джона Леннона. — 340 с.

Владимир Бабенко. Этот прекрасный полоумный маркиз де Сад.

Жизнь. Страсти. Творчество. — 406 с.

Вальтер Беньямин. Берлинское детство на рубеже веков. — 148 с.

Анатолий Валуженич. Пятнадцать лет после Маяковского.

Том 1. Лиля Брик — жена командира (1930–1937). — 588 с.

Том 2. Последние годы Осипа Брика (1938–1945). — 446 с.

Зигфрид Кракауэр. Служащие. Из жизни современной Германии. — 144 с.

Алексей Ракитин. Перевал Дятлова. Загадка гибели свердловских туристов в феврале 1959 года и атомный шпионаж на советском Урале. — 892 с.

Мария Михайловна Левис. «Мы жили в эпоху необычайную...»: Воспоминания. — 438 с.

Алексей Ракитин. «Социализм не порождает преступности». Серийная преступность в СССР: историко-криминалистический анализ. — 528 с.

Вадим Штепа. Дети северного ветра. Введение в новую античность. — 144 с.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИИ

- Мануэль Деланда.* Война в эпоху разумных машин. — 338 с.
Михаил Пермяков. Теория виртуальных конструкторов. — 536 с.
Вадим Рябицев. Птицы Сибири. В 2 тт. — 438 с. + 452 с.

КРАЕВЕДЕНИЕ И МЕМУАРЫ

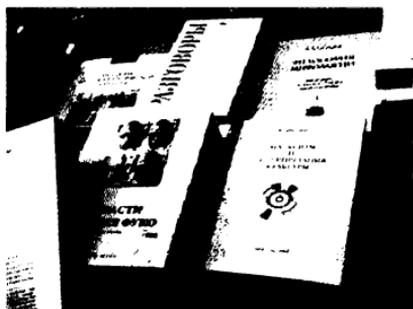
- Максим Сильва-Вега.* Корабли солнечного ветра. История Лосинки, телеграфиста Тихона Морозовского и его сына Николая — рабочего, повара, солдата, ученого и мечтателя. — 114 с.
Алексей Смирнов (фон Раух). Полное и окончательное безобразие. — 584 с.

ТЕАТР И МУЗЫКА

- Евгений Акулов.* Оперная музыка и сценическое действие (*готовится к выходу*)
Вячеслав Анисимов. Алгебра гармонии. — 134 с.
Евгений Гапонов. Театральное дело в историко-экономическом контексте эпохи. — 152 с.
Искусство театра: Вчера. Сегодня. Завтра (под ред. Владимира Бабенко). Вып. 6–7.
Кристина Мельдаль. Поэтика и практика хореографии. — 106 с.
Сценическая речь в театральном вузе (под ред. Азаши Блиновой). — 92 с.
Рубен Тертерян. Беседы с Аветом Тертеряном. — 184 с.
Черным по белому. Стихи и проза студентов, выпускников и преподавателей Екатеринбургского государственного театрального института (*сост. Юрий Казарин*). — 290 с.

ДЕЛОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И КНИЖНОЕ ДЕЛО

- Алексей Семенов.* Усиление отдела продаж. — 208 с.
Георгий Цеплаков. Дикий маркетинг? Ручной маркетинг!
Как заставить слушаться инструменты продвижения. — 304 с.
Андре Шиффрин. Слова и деньги. — 160 с.

Полный каталог книг издательства
«Кабинетный ученый» доступен
на сайте www.armchair-scientist.ru.
Заказы от магазинов принимаются
по адресу comics.factory@gmail.com.
Все книги можно заказать
в интернет-буфете www.russian-cards.ru.

В книге российского писателя Алексея Ракитина раскрываются истоки и специфические формы серийных и массовых убийств в Советском Союзе. На фоне исторических реалий растянувшейся на многие десятилетия «борьбы за светлое будущее» разворачивается пугающая картина криминального разгула, посягнувшего как на половую неприкосновенность, так и саму жизнь рядовых советских граждан. Описывая забытые, а для кого-то и неизвестные детали советского образа жизни, по возможности избегая неуместных подробностей кровавых преступлений, автор последовательно и неуклонно разоблачает мифы о всеобщем благоденствии и безопасности минувшей эпохи и невинности ее современников.

9 785752 530289

18+

